

Фототипія В. [illegible] С. Петербургъ [illegible]

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ А. К. ГЕЙНСА.

Томъ I.

СОБРАНІЕ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

Александра Константиновича

Гейнса.

ТОМЪ I-й.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И ПЛАНОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 л., 28.
1897.

2564

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Въ предлагаемомъ первомъ томѣ трудовъ Александра Константиновича Гейнса мы помѣщаемъ, во-первыхъ, его жизнеописаніе, изъ котораго читатель ознакомится какъ съ личностью автора, такъ и съ характеромъ издаваемыхъ его сочиненій, и, во-вторыхъ, не вышедшіе донынѣ въ свѣтъ литературные труды Александра Константиновича, касающіеся Киргизскихъ степей.

Наиболѣе существенную часть трудовъ автора, относящихся къ этому вопросу, составляетъ его дневникъ, веденный въ 1865 году во время поѣздки по Киргизскимъ степямъ въ составѣ Высочайше утвержденной Коммиссіи съ цѣлью изученія нашихъ среднеазіатскихъ владѣній и проектированія законовъ по ихъ управленію. Дневнику мы предпосылаемъ очеркъ «Киргизъ-Кайсаки», въ которомъ авторъ въ сжатыхъ чертахъ даетъ вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія о киргизахъ, ихъ образѣ жизни, занятіяхъ, промышленности и, такимъ образомъ, подготовляетъ даже незнакомаго съ бытомъ этихъ инород-

цевъ читателя къ чтенію дневника, полнаго самыхъ интересныхъ и талантливо изложенныхъ подробностей жизни номадовъ, а также художественнаго описанія природы нашихъ обширныхъ Сибирскихъ степей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Александръ Константиновичъ

Гейнсъ.

Александръ Константиновичъ

Гейнсъ.

Александръ Константиновичъ Гейнсъ родился 21 августа 1834 года и происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи.

О дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи Александра Константиновича свѣдѣній не сохранилось; впослѣдствіи же онъ поступилъ въ Дворянскій полкъ (2-е Константиновское военное училище), гдѣ и кончилъ курсъ.

Въ 1853 году онъ былъ произведенъ въ прапорщики полевой артиллеріи и назначенъ на службу въ 15-ю артиллерійскую бригаду.

Во время самаго разгара знаменитой Севастопольской обороны молодой подпоручикъ Гейнсъ, по собственному желанію, былъ командированъ въ мартѣ 1855 года въ осажденный городъ, въ которомъ и оставался до конца осады, принимая самое дѣятельное участіе въ оборонѣ.

Состоя сначала въ распоряженіи начальника оборонительныхъ работъ, генерала Тотлебена, а потомъ въ составѣ артиллерійскаго гарнизона Южной стороны, Александръ Константиновичъ участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ противъ союзниковъ въ послѣдніе шесть

1*

мѣсяцевъ борьбы Севастопольской; во всѣхъ болѣе или менѣе горячихъ стычкахъ, въ ожесточенной борьбѣ за возведеніе и удержаніе въ своихъ рукахъ контръ-апрошныхъ работъ, которой отличался мартовскій періодъ обороны, въ мѣстахъ, подверженныхъ самому сильному обстрѣливанію,—всюду принималъ участіе или находился Александръ Константиновичъ.

Свою боевую дѣятельность подъ Севастополемъ поручикъ Гейнсъ запечатлѣлъ кровью, будучи сильно контуженъ съ ожогомъ лица и поврежденіемъ праваго глаза во время схватки съ французами передъ батареей Костомарова 6 апрѣля 1855 года.

За боевыя отличія подъ Севастополемъ Александръ Константиновичъ былъ награжденъ нѣсколькими орденами.

По окончаніи Восточной войны поручикъ Гейнсъ поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, которую и кончилъ въ 1859 году. Съ этого времени начинается служба его въ Генеральномъ Штабѣ, мундиръ котораго онъ не снималъ до самой смерти.

Во время Польскаго мятежа Александръ Константиновичъ находился на службѣ въ возмущенномъ краю и принималъ живое участіе въ подавленіи мятежа, причемъ рамки дѣятельности его здѣсь уже расширились: онъ не только участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ въ должности начальника штаба 2-й пѣхотной дивизіи, но и въ административномъ устройствѣ края, будучи первоначально помощникомъ начальника Плоцкаго военнаго Округа, а потомъ Сѣдлецкаго главнаго отдѣла.

Во время столкновеній съ бандами польскихъ мятежниковъ Александръ Константиновичъ въ большинствѣ случаевъ является начальникомъ самостоятельныхъ отрядовъ, которые съ успѣхомъ поражали скопища мятежниковъ между прочимъ подъ м. Коцкомъ, при г.

Калишѣ и др. Наиболѣе же онъ отличился въ славномъ для насъ дѣлѣ подъ *Семятичами,* успѣхамъ котораго мы всецѣло обязаны Александру Константиновичу [1]).

Въ административномъ отношеніи дѣятельность подполковника Гейнса, при управленіи Плоцкимъ и Сѣдлицкимъ отдѣлами, также достойна вниманія. Изъ случайно доставшейся въ наши руки переписки мы видимъ, что за это время подпольныя работы народоваго «джонда» въ означенныхъ отдѣлахъ почти прекратились, и русское населеніе могло свободно вздохнуть, не опасаясь болѣе за свою безопасность.

Но не довольствовался Александръ Константиновичъ только одной текущей дѣятельностью по усмиренію польскаго мятежа; онъ взглянулъ на дѣло глубже, занялся изслѣдованіемъ коренныхъ причинъ такой вражды между двумя родственными народностями. Взгляды на этотъ предметъ были выражены имъ въ письмахъ къ разнымъ лицамъ; письма эти, отчасти собранныя вдовою покойнаго, Ольгой Сергѣевной Гейнсъ, отчасти доставшіяся намъ изъ другихъ рукъ, отмѣчаютъ глубокую наблюдательность, талантливость автора ихъ и ту тщательность, которая отличала труды Александра Константиновича при собираніи имъ необходимыхъ свѣдѣній. Эти письма настолько интересны, что, обработавъ въ отдѣльную статью, мы помѣщаемъ ихъ въ настоящемъ трудѣ.

Изъ записокъ полковника Гейнса мы знаемъ, что во время Польскаго мятежа онъ велъ особые мемуары о немъ, мемуары, которые очень цѣнились современниками и были даже извѣстны Намѣстнику Великому Князю Константину Николаевичу и генералу Муравьеву. Къ сожалѣнію, эти мемуары въ полномъ ихъ объемѣ про-

---

[1]) Болѣе подробно объ этомъ дѣлѣ будетъ упомянуто нами въ томъ отдѣлѣ труда, въ который войдутъ мемуары А. К. Гейнса о польскомъ возстаніи.

пали и Ольгѣ Сергѣевнѣ Гейнсъ удалось отыскать лишь обрывки черновиковъ, которые мы и постараемся возстановить въ возможной степени.

Послѣ подавленія Польскаго мятежа полковникъ Гейнсъ короткое время былъ начальникомъ Штаба 18-й пѣхотной дивизіи, откуда въ скоромъ времени былъ причисленъ къ Главному Управленію Генеральнаго Штаба для ученыхъ занятій.

Лѣтомъ 1865 года на долю Александра Константиновича выпало новое сложное порученіе, которое направило его дѣятельность совершенно въ другую сторону, сроднило его съ Средней Азіей, послѣдствіемъ чего было посвященіе имъ лучшихъ годовъ своей жизни нашимъ средне-азіатскимъ окраинамъ,—обстоятельство, принесшее большую пользу дѣлу, но и подорвавшее въ корнѣ здоровье Александра Константиновича.

Въ этомъ году въ Киргизскія степи была отправлена коммисія изъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Военнаго и генералъ-губернатора Западной Сибири съ цѣлью изученія нашихъ средне-азіатскихъ владѣній и проектированія законовъ по ихъ управленію. Полковникъ Гейнсъ вошелъ въ составъ коммисіи, какъ представитель Военнаго Министерства.

Два года пришлось ему путешествовать по степямъ Средней Азіи и испытывать всевозможныя лишенія; но эти года были Александромъ Константиновичемъ употреблены съ пользою: онъ детально изучилъ жизнь и положеніе изслѣдуемыхъ странъ и собралъ богатѣйшіе въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ матеріалы о посѣщенныхъ странахъ и о видѣнныхъ народахъ. Матеріалы эти вошли въ его обширный дневникъ, рядъ статей въ «Военномъ Сборникѣ» и въ письма къ редактору «Военнаго Сборника» генералу Менькову.

По возвращеніи Степной Коммисіи въ Петербургъ, она представила собранные ею матеріалы въ Военное

Министерство, при чемъ высказала соображенія о необходимости немедленнаго выдѣленія Туркестанской и южной части Семипалатинской области изъ состава Оренбургскаго генералъ-губернаторства въ составъ особаго управленія.

По утвержденіи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года предположеній коммисіи относительно новаго Туркестанскаго генералъ-губернаторства, на нее же было возложено составленіе проекта положенія объ устройствѣ управленія въ названныхъ областяхъ.

Плодомъ занятій коммисіи, душою которой былъ Александръ Константиновичъ, явился проектъ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ, введенный въ дѣйствіе съ конца 1867 года. Къ этому проекту были приложены труды Александра Константиновича: 1) объяснительная записка къ положенію и штатамъ военно-народнаго управленія Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей и 2) управленіе Ташкентомъ при Кокандскомъ владычествѣ [1]).

Труды эти долгое время были настольною книгою всѣхъ туркестанскихъ дѣятелей. Являясь въ край, совершенно чуждый и незнакомый, каждый старался запастись вышеприведенными записками полковника Гейнса, которыя сразу ставили вновь прибывшаго въ курсъ дѣла. Къ сожалѣнію, этихъ цѣнныхъ матеріаловъ намъ пока не удалось найти ни въ одномъ изъ книгохранилищъ и архивовъ Петербурга и потому мы не могли включить ихъ въ полномъ объемѣ въ нынѣ издаваемыя записки; но въ нѣсколько разбросанномъ и болѣе сыромъ видѣ они встрѣчаются въ тѣхъ запискахъ Александра Константиновича, которыя находятся въ нашихъ рукахъ и потому появятся въ свѣтъ.

---

[1]) «Памяти А. К. Гейнса» Н. В. Дмитровскаго, напечат. въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за 1893 годъ.

Лѣтомъ 1867 года полковникъ Гейнсъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, какъ лучшій знатокъ Киргизскихъ степей и Туркестанскаго края, былъ приглашенъ К. П. фонъ-Кауфманомъ, тогда только что назначеннымъ первымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, занять должность правителя его Канцеляріи. Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ онъ былъ главнымъ, самымъ энергичнымъ и знающимъ помощникомъ генералъ-губернатора по дѣлу устройства сложнаго управленія новаго края.

Чтобы лучше характеризовать этотъ періодъ дѣятельности Александра Константиновича, приведемъ слова одного изъ его сотрудниковъ, Н. В. Дмитровскаго, изъ его статьи, указанной выше.

«Прибывшая въ Туркестанское генералъ-губернаторство новая администрація, въ составѣ которой первое послѣ генералъ-губернатора мѣсто занималъ правитель канцеляріи его, нашла этотъ край, въ административномъ отношеніи, въ самомъ хаотическомъ состояніи: дѣятельность старыхъ служащихъ, принадлежавшихъ упраздненной Туркестанской области, прекращалась, въ силу причинъ естественныхъ; дѣятельность новыхъ людей, только-что прибывшихъ въ Ташкентъ, незнакомыхъ ни съ страною, ни съ бытомъ населяющихъ ее народовъ, еще не начиналась, въ ожиданіи генералъ-губернаторскихъ распоряженій. Надлежало завести административную машину и пустить ее въ ходъ».

«Новой туркестанской администраціи на первыхъ порахъ ея дѣятельности предстояли двѣ главнѣйшія задачи, подлежавшія совмѣстному и немедленному выполненію: гражданское устройство края и установленіе мирныхъ отношеній къ сосѣднимъ ханствамъ, одно изъ которыхъ, Бухарское, не могло примириться съ послѣдними успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи, отторгнувшаго отъ него Уратюбе, Джизакъ и Ходжентъ, и

не скрывало непріязненныхъ къ русской власти отношеній».

«Программа первой задачи была начертана въ составленномъ Степною коммисіею проектѣ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ, авторомъ котораго былъ А. К. Гейнсъ. Во исполненіе этой программы, въ концѣ 1867 года было приступлено къ организаціи туркестанскаго управленія, т.-е. къ образованію городовъ и въ нихъ областныхъ и городскихъ управленій, уѣздовъ и уѣздныхъ управленій, волостей и ауловъ въ уѣздахъ съ кочевымъ населеніемъ, къ выбору аксакаловъ и казіевъ осѣдлымъ населеніемъ, волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ и біевъ—кочевымъ населеніемъ».

«Предложивъ губернаторамъ замѣстить установленныя проектомъ должности соотвѣтственными лицами, только что прибывшими въ Туркестанъ на службу, и установивъ границы открывавшихся уѣздовъ, генералъ-губернаторъ сформировалъ коммисіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ, для организаціи управленія городского и степного инородческаго населенія, приказавъ имъ приступить къ этой работѣ немедленно и окончить ее къ веснѣ слѣдующаго года. Всѣ эти мѣропріятія совершились при непосредственномъ и горячемъ участіи правителя генералъ-губернаторской канцеляріи генерала Гейнса, всецѣло отдавшагося руководительству организаціоннымъ дѣломъ».

«Организація управленія у осѣдлаго населенія была начата съ города Ташкента, то или другое отношеніе котораго къ реформѣ могло, по предположенію генералъ-губернатора, повліять на мусульманское населеніе остальныхъ городовъ Сыръ-Дарьинской области».

«Во главѣ учрежденныхъ для этой цѣли четырехъ организаціонныхъ коммисій генералъ-губернаторъ поставилъ правителя своей канцеляріи генерала Гейнса».

«Организаціонныя работы по устройству края, душею которыхъ былъ А. К. Гейнсъ, окончились въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года. Реформа прошла благополучно. Благодаря принятымъ генераломъ Кауфманомъ мѣрамъ и, главнымъ образомъ, тому, что онъ самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ организаціи, народъ не выказалъ активнаго противодѣйствія административнымъ мѣропріятіямъ, хотя пассивное, обусловливаемое непониманіемъ руководившей власть цѣли, и проявлялось, особенно въ Ташкентѣ».

«Въ теченіе всего періода организаціонныхъ работъ въ Ташкентѣ квартира организатора, съ утра до вечера, была запружена массою туземцевъ. Количество выпитаго ими у добросердечнаго хозяина чая и съѣденнаго сахара, не малая часть котораго уносилась, на память, по домамъ, выразилось невѣроятной цифрой»...

«Самымъ главнымъ неудобствомъ тогдашней жизни маленькаго русскаго города, сразу наполнившагося массою вновь пріѣхавшаго служилаго и торговаго люда, было малое число домовъ, а слѣдовательно и квартиръ. Кое-какъ проведя дождливую зиму 1867—68 года, русскіе размѣстились на лѣто по дачамъ. Но въ перспективѣ виднѣлась зима 1868—69 года. Предстояло позаботиться объ устройствѣ помѣщеній. Не разсчитывая на частную иниціативу въ этомъ отношеніи, по несостоятельности новоприбывшихъ, генералъ Гейнсъ подалъ главному начальнику края мысль объ образованіи изъ суммъ мѣстныхъ сборовъ сто-тысячнаго фонда, который могъ бы служить источникомъ для выдачи ссудъ на постройку домовъ. Озабоченный устройствомъ положенія служащихъ, К. П. Кауфманъ встрѣтилъ это предложеніе съ свойственнымъ ему сочувствіемъ ко всякому хорошему дѣлу и, по утвержденіи составленныхъ генераломъ Гейнсомъ условій заимообразнаго полученія денегъ на домообзаведеніе, разрѣшилъ своей канцеляріи

предложить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей и учрежденій и вообще лицамъ, получавшимъ содержанія не менѣе 1500 руб. въ годъ, воспользоваться изъ предназначеннаго на постройку домовъ фонда ссудами въ размѣрѣ годового оклада содержанія, съ правомъ десятилѣтняго погашенія и съ условіемъ взноса въ теченіе этого періода 2% со всей полученной ссуды. Въ результатѣ этой благодѣтельной мѣры, положившей начало благосостоянія значительнаго числа лицъ, получилось въ 1868—69 годахъ много хорошихъ домовъ и квартиръ».

«Организовавъ Туркестанскій край на началахъ проекта положенія 1867 года, при горячемъ и незамѣнимомъ участіи составителя его, и намѣтивъ рядъ предположеній по дальнѣйшему устройству края въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, генералъ-губернаторъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1868 года, собрался ѣхать въ Петербургъ, но усложнившееся ко дню отъѣзда положеніе дѣлъ на границѣ съ Бухарою, властитель которой, на приглашеніе заключить мирный трактатъ, отвѣтилъ высылкою на границу многочисленныхъ шаекъ и началъ возбуждать въ своемъ народѣ ненависть къ русскому владычеству въ Туркестанѣ, вынудило генерала Кауфмана двинуть войска къ бухарскимъ предѣламъ».

«18-го апрѣля генералъ Кауфманъ выѣхалъ на передовую линію, а 2 мая побѣдоносно взошелъ въ Самаркандъ. Спустя нѣкоторое время, приглашенъ былъ туда и генералъ Гейнсъ, для содѣйствія при составленіи временнаго положенія объ управленіи вновь образованнымъ Зеравшанскимъ округомъ, окончательное присоединеніе котораго къ имперіи состоялось только 4 декабря 1872 г.».

«К. П. Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ 7 іюля 1868 г. и, спустя нѣкоторое время, выѣхалъ въ Петер-

бургъ, куда, во главѣ походной канцеляріи, отправился и А. К. Гейнсъ. Выдающимися трудами Гейнса за петербургскій періодъ туркестанской службы его были: хлопоты по проведенію туркестанскаго телеграфа и участіе въ разработкѣ вопроса объ упраздненіи въ Русскомъ Туркестанѣ зякетнаго сбора и замѣнѣ его установленными нашимъ законодательствомъ торговыми пошлинами. Послѣдній трудъ выразился, между прочимъ, въ составленіи обширной записки о зякетѣ, напечатанной въ Петербургѣ въ 1869 году, по распоряженію департамента торговли и мануфактуръ, заключающей въ себѣ интересныя данныя и о другихъ сборахъ съ осѣдлаго населенія Туркестана, упраздненныхъ до введенія и при введеніи въ дѣйствіе проекта положенія 1867 г. (ханскомъ, ремесленномъ, верблюжьемъ, бараньемъ, базарномъ, вѣсовомъ, соляномъ, угольномъ, подводномъ, свадебномъ)».

«Туркестанская дѣятельность Александра Константиновича за кратковременный періодъ пребыванія въ Петербургѣ не ограничивалась однѣми лишь служебными рамками: желая познакомить столичное общество—на сколько это по обстоятельствамъ того времени представлялось возможнымъ — съ совершенно невѣдомымъ ему Туркестанскимъ краемъ, его природою и его обитателями, А. К. Гейнсъ подалъ К. П. Кауфману мысль объ устройствѣ въ Петербургѣ небольшой естественно-исторической и этнографической выставки. Эта первая туркестанская выставка, устроившаяся при энергическомъ содѣйствіи художника В. В. Верещагина, была открыта на нѣсколько дней въ четырехъ залахъ Министерства Государственныхъ Имуществъ».

Полезная служба Александра Константиновича Туркестанскому краю продолжалась недолго: въ первой половинѣ 1869 года, истомленный двухлѣтними поѣздками по Киргизскимъ степямъ и послѣдовавшими затѣмъ ра-

ботами по образованію Туркестанскаго генералъ-губернаторства, онъ заболѣлъ и, получивъ одиннадцати-мѣсячный отпускъ, уѣхалъ лечиться въ западную Европу.

По возвращеніи изъ отпуска, въ январѣ 1871 года, генералъ Гейнсъ былъ назначенъ Директоромъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства Путей Сообщенія и почти шесть лѣтъ трудился на этомъ новомъ поприщѣ.

Присущія Александру Константиновичу энергія и способности и здѣсь нашли себѣ примѣненіе и имя его встрѣчается при разрѣшеніи многихъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла первой половины семидесятыхъ годовъ.

Такъ, когда въ 1870 году одесскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Коцебу былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ порта у Бѣлоссарайской косы на Азовскомъ морѣ, то генералъ Гейнсъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, которая должна была изслѣдовать этотъ вопросъ на мѣстѣ.

Результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ Александра Константиновича явилось обширное сочиненіе его «О торговлѣ по Азовскому прибрежью», въ которомъ замѣчательно талантливо доказано путемъ собранныхъ на мѣстѣ богатыхъ и обширныхъ матеріаловъ, что̀ нужно предпринять для подъема благосостоянія Приазовскаго края.

Въ 1871 году возникъ вопросъ о соединеніи Севастополя съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ то время, когда правительствомъ было уже предрѣшено направленіе новой линіи желѣзной дороги отъ Севастополя на Лозовую, Александръ Константиновичъ, основываясь на всестороннемъ ознакомленіи своемъ съ Приазовскомъ краемъ, высказывался противъ этого направленія, находя крайне необходимымъ для процвѣтанія какъ нашего юго-востока, такъ и Севастополя соединеніе этого послѣдняго желѣзной дорогой съ Борисоглѣб-

скомъ и направленіе, такимъ образомъ, грузовъ Волжскаго и Донецкаго бассейновъ не въ Азовское, а въ Черное море.

Характерны пророческія слова Александра Константиновича, сказанныя имъ въ засѣданіи Географическаго общества въ подтвержденіе важности Борисоглѣбско-Севастопольскаго направленія желѣзной дороги: «Если Севастопольская дорога, говорилъ онъ, не свяжетъ никогда незамерзающій рейдъ,—этотъ рейдъ, на который обратили вниманіе еще Потемкинъ и Суворовъ, съ каменнымъ углемъ Донецкаго бассейна, Севастопольская бухта не станетъ источникомъ богатства южной Россіи и на водахъ ея еще долго не разовьется давно жданный флагъ русскаго коммерческаго флота... Какое бы направленіе, впрочемъ, ни было бы избрано, мы убѣждены, что Севастополь, какъ военный портъ, Севастополь, какъ будущій торговый пунктъ, не можетъ имѣть ни того, ни другого значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ прикованъ къ источнику всякой силы и благоденствія—къ углю и желѣзу». Дѣйствительно, Лозово-Севастопольская дорога была построена и по ней ничего не возили, да и не могли возить; Приазовскій же край по прежнему продолжалъ нести лишніе налоги въ пользу иностранныхъ судовъ за провозъ хлѣба изъ портовъ Азовскаго моря!

Въ 1877 году генералъ Гейнсъ получилъ новое назначеніе — Военнаго Губернатора Тургайской области и, такимъ образомъ, вновь былъ призванъ для дѣятельности въ нашихъ Азіатскихъ степяхъ, но теперь уже въ роли самостоятельнаго начальника цѣлой области.

Хотя время его управленія Тургайской областью было очень короткое (около полутора лѣтъ), но и здѣсь талантливость, знаніе края и энергія Александра Константиновича оставили по себѣ достойный и памятный слѣдъ. Послѣ ревизіи области, онъ составилъ для уѣздныхъ начальниковъ ея замѣчательную, встрѣченную

восторженно лучшими органами прессы, «Мотивированную временную инструкцію», обнимающую собою хозяйственно-бытовую, политико-административную, юридическую и финансовую сторону жизни киргизскаго народа,—трудъ, заключающій въ себѣ множество оригинальныхъ мыслей и свидѣтельствующій о глубокомъ знаніи авторомъ степного киргизскаго быта и горячей любви къ кочевому народу.

Въ сентябрѣ 1878 года Александръ Константиновичъ былъ назначенъ Одесскимъ градоначальникомъ. Всѣмъ памятно то тягостное настроеніе, которое характеризовало собою конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ и которое въ значительной степени должно было отразиться на жизни такого большого центра, какъ Одесса. Генералу Гейнсъ, какъ градоначальнику, пришлось имѣть дѣло съ политическими смутами и онъ въ отлично мотивированной запискѣ высказалъ свой взглядъ на непрактичность мѣръ, принимаемыхъ нашимъ правительствомъ въ борьбѣ съ подпольной интригой. Мы не знаемъ была ли представлена эта записка по назначенію, но она заслуживаетъ глубокаго вниманія, а результаты, достигнутые нашимъ правительствомъ въ восьмидесятыхъ годахъ, вполнѣ подтверждаютъ практичность мыслей автора записки.

Въ мартѣ 1880 года Александръ Константиновичъ былъ по прошенію уволенъ отъ занимаемой имъ должности, а уже въ ноябрѣ того же года онъ былъ назначенъ Казанскимъ Губернаторомъ. Однако, разстроенное здоровье не дало ему возможности посвятить себя болѣе продолжительное время государственной дѣятельности и уже въ 1882 году Александръ Константиновичъ, произведенный къ этому времени въ генералъ-лейтенанты, былъ по прошенію уволенъ отъ занимаемой имъ должности съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Съ 1882 года и до своей смерти генералъ Гейнсъ уже фактически не служилъ, проводя большую часть времени за границею для возстановленія окончательно разстроеннаго здоровья. Однако, и за это время каждый общественный вопросъ, затрогивающій сферы, которыя были близко знакомы Александру Константиновичу, интересовалъ его и вызывалъ его вмѣшательство; въ газетахъ того времени встрѣчается масса мощныхъ и вполнѣ компетентныхъ по своему сужденію статей генерала Гейнса по тому или другому вопросу.

Такъ, между прочимъ. Александръ Константиновичъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ постройки Сибирской желѣзной дороги и когда въ 1884 году наше общество интересовалось самыми разнообразными предложеніями о предполагаемомъ направленіи этой дороги, генералъ Гейнсъ рядомъ дѣльныхъ и основательныхъ статей въ «Новомъ Времени» доказывалъ цѣлесообразность нынѣ принятаго направленія.

Александръ Константиновичъ Гейнсъ состоялъ членомъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и, будучи уполномоченнымъ его въ Туркестанскомъ краѣ, дѣятельно стремился къ посильному, въ его положеніи неспеціалиста въ области естествознанія, служенію цѣлямъ и интересамъ Общества.

Разъѣзжая по киргизскимъ степямъ и собирая этнографическіе матеріалы, онъ попутно старался быть полезнымъ и въ другихъ областяхъ знанія, чуждыхъ прямой его задачѣ. Нѣкоторыя коллекціи имъ, между прочимъ, доставлены въ Музей Императорской Академіи наукъ.

Ученые изслѣдователи Средней Азіи, считая долгомъ почтить Александра Константиновича за содѣйствіе его изученію этой страны, навсегда оставили въ наукѣ имя его: покойный натуралистъ Н. А. Сѣверцовъ назвалъ именемъ Гейнса одинъ изъ новыхъ видовъ Ovis'а (Ovis

Heinsii) [1]), a B. Ф. Ошанинъ, обработывавшій коллекцію полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ Зеравшанской долины, далъ имя Гейнса одному изъ новыхъ видовъ Hemiptera (Palethrocoris Heinzii) [2]).

Не малую услугу А. К. Гейнсъ оказалъ и нашему государственному книгохранилищу: Императорская Публичная Библіотека получила отъ него въ даръ собранныя въ Средней Азіи восточныя рукописи на арабскомъ, персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, общее число листовъ которыхъ равняется 3566 [3]).

Насколько можно судить по запискамъ Александра Константиновича, которыя онъ писалъ только для самого себя, а также по отзывамъ лицъ, его близко знавшихъ, онъ былъ человѣкомъ, обладавшимъ широкимъ умомъ, солиднымъ образованіемъ и большою наблюдательностью. Отличаясь громадной энергіей, Александръ Константиновичъ всего себя посвящалъ служенію тому дѣлу, у котораго стоялъ; старался до корня объислѣдовать его и прилагалъ всѣ силы, чтобы принести обществу возможную пользу. Разумѣется, такой взглядъ на службу, совмѣстно съ откровенностью и рѣзкостью высказываемыхъ мнѣній, а также и большею дозою довѣрчивости, которыя такъ характеризуютъ правдивыхъ людей и честныхъ общественныхъ дѣятелей, Александръ Константиновичъ многимъ не нравился, много разочаровывался, имѣлъ массу непріятностей и при своей впечатлительности, можно сказать, сгоралъ, какъ на огнѣ.

Лучшей характеристикой внутреннихъ качествъ генерала Гейнса являются слѣдующія слова Н. В. Дмитровскаго въ вышеупомянутой статьѣ его.

---

[1]) Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ Н. А. Сѣверцова. М. 1873. Стр. 61, 87 и 97.

[2]) О полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ Зеравшанской долины. В. Ф. Ошанина. Столбц. 12 и 13.

[3]) Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1876 г., стр. 176—186.

«По прибытіи въ Ташкентъ, Александръ Константиновичъ Гейнсъ нанялъ себѣ квартиру въ домѣ, выходящемъ на уголъ теперешнихъ Гостепріимнаго и Воскресенскаго переулковъ. Первый изъ нихъ, получившій свое наименованіе въ 1878 году въ память славившагося гостепріимствомъ покойнаго туркестанскаго интенданта, В. П. Польмана, имѣлъ право называться такъ десятью годами ранѣе: ни въ одномъ домѣ того времени не перебывало такой массы гостей, какую видѣла въ своихъ стѣнахъ квартира Александра Константиновича. Къ нему, какъ правителю генералъ-губернаторской канцеляріи, уже хорошо знавшему Туркестанъ и туземныхъ его обитателей, шелъ всякій, и по дѣлу, и безъ дѣла,—шелъ не только потому, что квартира Гейнса была центромъ, изъ котораго исходили всѣ мѣропріятія по гражданскому устройству новаго края, но и потому также, что хозяинъ ея былъ человѣкъ привѣтливый и добрый, готовый помочь всѣмъ и каждому, и совѣтомъ, и указаніями, и деньгами, однимъ словомъ—чѣмъ только можно, а генералъ Гейнсъ могъ тогда многое, чего послѣ уже никто не могъ»...

Что касается литературныхъ трудовъ Александра Константиновича Гейнса, то въ печати имѣются лишь двѣ статьи беллетристическаго характера, а именно «Киргизскіе очерки», помѣщенные въ «Военномъ Сборникѣ» за 1866 годъ, «Очеркъ Туркестана», приложенный къ каталогу картинъ Верещагина и нѣсколько фельетоновъ, помѣщенныхъ въ періодической печати.

Всѣ эти статьи показываютъ въ авторѣ его большія литературныя дарованія и остается пожалѣть, что недостатокъ свободнаго времени не далъ ему возможности болѣе посвятить себя беллетристическимъ работамъ.

Но за то труды Александра Константиновича по спеціальнымъ вопросамъ, съ которыми онъ соприкасался, обширны и представляютъ громадную цѣнность не

только въ историческомъ отношеніи, но и современный интересъ. Выше мы послѣдовательно упоминали, что при каждомъ новомъ направленіи своей дѣятельности Александръ Константиновичъ досконально изучалъ данный предметъ и впослѣдствіи дарилъ общество серьезнымъ по этому вопросу трудомъ. Перечислимъ эти работы генерала Гейнса, появившіяся въ печати.

1) «О возстаніи мусульманскаго населенія или дунгеней въ Западномъ Китаѣ».

2) «Объяснительная записка къ положенію и штатамъ военно-народнаго управленія Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской области».

3) «Управленіе Ташкентомъ при Кокандскомъ владычествѣ».

4) «О зякетѣ (въ Туркестанскомъ краѣ)».

5) «Мотивированная временная инструкція уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области».

6) «О торговлѣ по Азовскому прибрежью».

Кромѣ этихъ работъ, которыя въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость, послѣ Александра Константиновича остался обширный дневникъ, обнимающій періодъ путешествія его по Киргизскимъ степямъ въ 1865—1867 годахъ, черновые отрывки изъ мемуаровъ о польскомъ возстаніи и много другихъ недоконченныхъ статей, замѣтокъ и писемъ, разбросанныхъ въ разныхъ рукахъ.

Вдова покойнаго, Ольга Сергѣевна Гейнсъ, посвятила много времени и труда, чтобы собрать въ свои руки все то, что писалъ Александръ Константиновичъ; въ настоящее время эта трудная работа окончена,—все, что можно было найти, собрано и Ольга Сергѣевна задалась цѣлью издать въ свѣтъ, въ память ея покойнаго мужа, всѣ его труды, сохранившіе до нынѣ интересъ, какъ вышедшіе раньше въ печати, такъ и не появив-

шіеся еще, поручивъ ихъ предварительно обработать и свести въ одно цѣлое.

Нельзя не отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ къ такой задачѣ, такъ какъ въ нынѣ издаваемыхъ трудахъ генерала Гейнса каждый интересующійся вопросами, которые затрогивалъ Александръ Константиновичъ, найдетъ рѣдкій по богатству содержанія и наблюдательности матеріалъ, почти всегда провѣренный личнымъ опытомъ. Въ особенности же эти труды будутъ цѣнны для будущаго историка нашихъ Средне-азіатскихъ владѣній, такъ какъ наибольшая часть, писаннаго генераломъ Гейнсомъ касается Средней Азіи.

Умеръ Александръ Константиновичъ въ Ницѣ 29 декабря 1892 года и похороненъ въ Казанскомъ соборѣ.

Позволимъ себѣ закончить это краткое жизнеописаніе автора предлагаемыхъ трудовъ слѣдующей характеристикой покойнаго, сдѣланной однимъ изъ его сослуживцевъ и товарищей, которую намъ на дняхъ удалось прочесть:

«Миръ праху нашего лучшаго товарища и друга Александра Константиновича! Многихъ, и очень многихъ онъ выручалъ изъ бѣдъ, даже тѣхъ, кто нерасположенъ былъ къ нему. Помогая другимъ, онъ нерѣдко тѣмъ самымъ ставилъ себя въ критическое положеніе. Не пользовался онъ расположеніемъ тѣхъ, которыхъ превосходилъ своими способностями и добрыми, высокими, нравственными качествами.—Какъ и всегда бываетъ, чувство зависти пересиливало справедливость».

Киргизъ-Кайсаки

(въ Зауральской степи).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вообще говоря, тщательное изученіе русскими жизни среднеазіатскихъ народовъ, особенно кочевниковъ, мы считаемъ крайне желательнымъ.

Настоящая жизнь среднеазіатскихъ кочевниковъ, какъ кажется, мало чѣмъ отличается отъ жизни, понятій и привычекъ ихъ праотцевъ или родовичей, когда-то владѣвшихъ Россіею. Извѣстные путешественники XIII столѣтія: Марко-Поло, Плано-Карпини и Рубриквисъ описали, къ счастію, характеристическія черты монгольской жизни. Мѣткія замѣчанія этихъ путешественниковъ, теперь, спустя шесть вѣковъ, почти во всѣхъ деталяхъ могутъ быть отнесены къ жизни современныхъ киргизовъ. Такимъ образомъ, помимо другихъ соображеній, изученіе Средней Азіи можетъ быть дастъ отвѣты на нѣкоторые вопросы, касающіеся монгольскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россіею такъ долго и оставившаго такія тяжелыя, трудно изгладимыя впечатлѣнія на нашей общественной и домашней жизни.

Намъ лично, по крайней мѣрѣ. казалось, на основаніи тщательнаго изученія среднеазіатской жизни, что многое въ русскихъ повѣрьяхъ имѣетъ начало въ монгольскихъ обычаяхъ, которые, за малыми измѣненіями,

удержались у номадовъ, теперь кочующихъ въ степяхъ, принадлежащихъ Россіи.

Чтобы яснѣе изложить наши свѣдѣнія о киргизахъ, мы въ предлагаемой статьѣ сгруппируемъ различныя собранныя о нихъ свѣдѣнія и личныя наблюденія въ слѣдующихъ отдѣлахъ: 1) Историческій очеркъ распространенія русскаго владычества въ Азіи; 2) Образъ жизни, законы и вѣра киргизовъ; 3) Обычаи и обряды ихъ; 4) Характеръ управленія киргизами русской властью до 1867 года и 5) Хозяйство, рукодѣлія и промышленность киргизовъ.

А. К. Гейнсъ.

I.

Историческій очеркъ распространенія русскаго владычества въ Азіи.

«Казаки», извѣстные у насъ подъ именемъ киргизовъ, едва-ли могутъ быть производимы отъ какого-либо одного народа или племени, не только въ политическомъ, но даже и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Смуты и войны могли отъ времени до времени забрасывать въ обширныя равнины Средней Азіи бездомныхъ скитальцевъ, которые бродили по степямъ со своими стадами, не подчиняясь никому, и цѣлые вѣка не складываясь въ государство. Ихъ имя, означающее бродяга, свободный скиталецъ, лучше всего намекаетъ на первоначальное происхожденіе киргизовъ.

Вопросъ о времени, когда кочевники образовали нѣчто похожее на политическое тѣло, разрѣшенъ академикомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, въ его превосходныхъ «Изысканіяхъ о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Согласно тому, киргизская орда образовала народъ, подчинившійся двумъ выходцамъ изъ Дешти-Кипчака, братьямъ Гирею и Джанибеку, только въ 1465 г. По свойству казацкаго союза, охватившаго въ первое

время своего образованія разныя кочевыя племена, къ нему послѣдовательно примыкали окрестные народы и бѣглецы, спасавшіеся въ степи отъ непрерывныхъ смутъ, волновавшихъ окрестныя государства Азіи. Такимъ образомъ, въ числѣ киргизскихъ родовъ считаются въ настоящее время: Найманы, Юсуни, Дулаты, Джелаиры, Кипчаки и другіе извѣстные исторіи самостоятельные народы, изъ коихъ нѣкоторые имѣли даже большое политическое значеніе. На казацкій народъ нужно, слѣдовательно, смотрѣть, какъ на историческій конгломератъ разныхъ азіатскихъ народовъ, преимущественно монгольскаго происхожденія.

Во всякомъ случаѣ, столѣтіе спустя послѣ образованія киргизскаго народа, онъ становится уже сильнымъ политическимъ тѣломъ. Въ 1598 году казачій султанъ Шигай овладѣлъ Ташкентомъ и Туркестаномъ, которые и оставались во власти орды до 1723 года. Это обстоятельство привело киргизовъ въ ближайшее соприкосновеніе съ сильнымъ ойратскимъ или калмыцкимъ союзомъ, составившимся въ началѣ XIV столѣтія изъ четырехъ западно-монгольскихъ племенъ. Вскорѣ между двумя сосѣдями вспыхнула невыгодная для киргизовъ война, окончившаяся въ 1757 году, когда китайцы совершенно разрушили калмыцкій союзъ. Послѣ того, какъ покоренная Джунгарія была опустошена, а большинство калмыковъ перебито, переселено внутрь Китая или бѣжало въ Сибирь, земли, занимаемыя ими до тѣхъ поръ, т.-е. вся пріиртышская страна и частію сѣверная и южная полосы нашихъ степей, совершенно опустѣли. Киргизы съ дозволенія китайскаго правительства ринулись тогда на бывшія мѣста калмыцкихъ кочевій и заняли ту территорію, которою они владѣютъ и въ настоящее время.

Русскія лѣтописи упоминаютъ первый разъ про киргизовъ въ 1537 году.

Съ самаго появленія русскихъ поселенцевъ на югѣ Сибири, среднеазіатскіе народы начали производить разбойническія нападенія на пограничные русскіе городки, и наша территорія въ Азіи стала лишь только тогда прочнымъ пріобрѣтеніемъ, когда началось заложеніе крѣпостей по рѣкѣ Иртышу [1]). Хотя эти крѣпости и были построены для достиженія особыхъ, временныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе онѣ, т. е. крѣпости, прикрыли часть нашей южной сибирской границы отъ хищническихъ набѣговъ средне-азіатскихъ народовъ. По примѣру Иртышской оборонительной линіи, укрѣпленія

---

[1]) Составляя настоящій историческій очеркъ, я пользовался слѣдующими сочиненіями:

1) «Извѣстіе о песочномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при р. Иртышѣ». «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія». Январь 1760 года. Изданія академіи наукъ.

2) «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ». Отца Іакинфа.

3) «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ». Н. Нефедьева.

4) «Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ». А. Н. Попова.

5) «Озеро Норъ-Зайсанъ съ его окрестностями». Н. Абрамова.

6) «О состояніи Алтышара или шести западныхъ городовъ Малой Бухаріи». Штабсъ-капитана Валиханова.

7) «Областной городъ Семипалатинскъ». Н. Абрамова.

8) «Замѣтка объ Иртышѣ и странахъ, имъ орошаемыхъ». С. Гуляева.

9) «Усть-Каменогорскъ въ 1861 году». Н. Абрамова.

Послѣднія шесть статей разбросаны въ періодическихъ изданіяхъ и. р. географическаго общества.

10) «Походъ въ Хиву въ 1717 году». Д. Голосова. «Военный Сборникъ» 1861 года № 10.

11) «Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи». П. Семенова.

12) «Землевѣдѣніе Азіи». Карла Риттера. Переводъ П. Семенова.

13) Рукописная записка неизвѣстнаго автора «О присоединеніи къ россійскимъ владѣніямъ южной части западной Сибири съ землями, составляющими внутренніе округи Омской области», составленная большею частію на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ омскаго архива.

Записку эту я получилъ въ штабѣ Западно-Сибирскаго военнаго округа. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и когда она написана, считаю долгомъ отдать справедливость знаніямъ и крайней добросовѣстности автора записки.

При составленіи настоящаго историческаго очерка, я пользовался ею въ особенности для періода съ 1721 по 1800 годъ.

распространились въ одну сторону до Оренбургской линіи, въ другую —до границъ Восточной Сибири. Такимъ образомъ, русское населеніе, жившее по Обской системѣ, было совершенно обезпечено и получило возможность развиваться естественнымъ путемъ труда и покоя.

Когда укрѣпленныя линіи Оренбургская и Сибирскія сомкнулись, онѣ охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, занимавшій въ то время земли отъ Урала до таозера Норъ-Зайсана. Естественнымъ послѣдствіемъ такого очертанія нашей пограничной черты было подчиненіе киргизовъ, бывшихъ до тѣхъ поръ бичемъ нашихъ границъ.

Послѣ завоеванія Западной Сибири, казаки и первые поселенцы стали постепенно распространяться по странѣ, выбирая подъ жилье мѣста, богатыя звѣриными промыслами. Поднимаясь и спускаясь по рѣкамъ, какъ по единственнымъ путямъ, существовавшимъ тогда въ Сибири, они осѣдали по берегамъ, срубая для своей обороны городокъ, т. е. обнося жилища деревяннымъ тыномъ. Разбросанныя и слабыя племена туземцевъ не могли быть серьезною помѣхою распространенію русской народности въ средней полосѣ Сибири. Приблизившись къ южнымъ предѣламъ нынѣшнихъ Тобольской и Томской губерній, колонисты начали встрѣчать рѣдкія кочевья номадовъ, находившихся въ зависимости отъ калмыковъ; но и они не въ состояніи были сопротивляться русскимъ, почему, при приближеніи ихъ, снимали свои юрты и откочевывали въ глубь страны. У подошвы Алтайскихъ горъ наши поселенцы пришли въ соприкосновеніе съ довольно густымъ населеніемъ калмыковъ, составлявшихъ тогда весьма сильное государство [1]). За-

[1]) Калмыцкимъ ойратствомъ или дербенъ-ойратствомъ назывался, какъ сказано выше, союзъ четырехъ западныхъ монгольскихъ племенъ: зюнгорскаго или джунгарскаго, дурбетскаго, торгоутскаго и хошоутскаго, образовавшійся въ началѣ XIV столѣтія. Слово «дербенъ» по-калмыцки значитъ четыре; «ойратъ»—

паднѣе Алтая русскіе дошли до кочевьевъ кайсаковъ, или, какъ мы ихъ называемъ, киргизовъ.

Съ перваго же появленія поселенцевъ на югѣ Сибири, среднеазіатскіе народы начали производить разбойническія нападенія на ближайшіе русскіе городки. Руководителями этихъ набѣговъ были ханъ Кучумъ и его наслѣдники, которые удалились, послѣ потери сибирскаго царства, на югъ. Живя среди зюнгоровъ и киргизовъ, они не теряли еще надежды вытѣснить завоевателей за Уралъ, и хотя не достигли своей цѣли, тѣмъ не менѣе первые указали дикарямъ путь къ грабежамъ и опустошеніямъ, остановившимъ надолго развитіе Сибири.

Чтобы спасти южные городки отъ набѣговъ, сибирское начальство было принуждено провести оборонительную линію укрѣпленій отъ Верхотурскаго городка, у верховій Туры, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу и Иртышу, до Тарской крѣпостцы. Этою линіею часть Западной Сибири, отъ Уральскаго хребта до Барабинской степи, оградилась на нѣкоторое время отъ безпрерывныхъ набѣговъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. Барабинская степь, лежащая восточнѣе Тары, не была занята русскими поселенцами и не прикрывалась съ юга

союзный, ближній. Русскіе называли ойратовъ калмыками. Нефедьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе слова калмыкъ: въ началѣ XVI столѣтія, вслѣдствіе несогласій между ойратами, нѣкоторыя поколѣнія, отдѣлясь отъ союза, откочевали къ предѣламъ Томской и Енисейской губерній; поколѣнія сіи, вслѣдствіе очевиднаго негодованія ойратовъ, получили отъ нихъ названіе «элетъ», которое татары на своемъ языкѣ передали русскимъ въ словѣ калмыкъ, ибо какъ элетъ по-монгольски, такъ и калмыкъ по-татарски значитъ: отпавшій, отдѣлившійся или ушедшій. Земли ойратовъ простирались отъ Алтая до степи Гоби и озера Балхаша. Ойратскій союзъ былъ весьма силенъ и дѣлался по временамъ опаснымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей. Эпохою наибольшаго могущества ойратовъ нужно считать 1449 годъ, когда глава союза, князь Эсэнь, побѣдоносно пройдя до Пекина, заключилъ здѣсь выгодный для калмыковъ миръ. Впрочемъ, болѣе полутораста лѣтъ послѣ того калмыки ограничивали свою дѣятельность предѣлами отечества. Ко времени появленія русскихъ близъ границъ Джунгаріи ойраты начинаютъ опять принимать дѣятельное участіе въ среднеазіатскихъ дѣлахъ.

укрѣпленіями, и потому тамошніе туземцы зависѣли настолько же отъ Россіи, насколько отъ зюнгоровъ. Охваченные съ одной стороны русскимъ населеніемъ, съ другой—кочевьями калмыковъ, они платили ясакъ и чиновникамъ, посылаемымъ изъ Тобольска, и зюнгорамъ, пріѣзжавшимъ отъ ойратскихъ хановъ для сбора съ нихъ податей [1]). Восточнѣе Барабы русскія укрѣпленія шли отъ Томскаго городка, близъ устья Томи, вверхъ по послѣдней рѣкѣ до Кузнецкаго острога—крайняго укрѣпленнаго пункта на югѣ. Сообщеніе между укрѣпленіями, находившимися на рѣкѣ Томи, и Тарою, лежащею западнѣе Барабы, производилось чрезвычайно кружнымъ путемъ по Иртышу и Оби.

Сибирскіе воеводы дѣйствовали и дипломатическимъ путемъ, чтобы обезопасить южныя границы. Такъ, въ 1605 году, т. е. на другой годъ послѣ основанія Томска, тамошній воевода Писемскій предложилъ теленгутскому князю Абаку вступить въ русское подданство. Четыре года спустя, Абакъ дѣйствительно прибылъ въ Томское укрѣпленіе и принялъ присягу на вѣрноподданство. Почти въ то же время нѣкоторые калмыцкіе князья прислали въ Томскъ повѣренныхъ просить о подданствѣ и защитѣ противъ своихъ враговъ. Несмотря на то, калмыки, буруты и киргизы продолжали опустошать наши поселенія, разоряя слободы и уводя жителей въ рабство. Въ особенности сильно терпѣли жители юго-западной Сибири отъ калмыковъ-торгоутовъ, перекочевавшихъ около 1600 года, изъ нынѣшней Джунгаріи къ вершинамъ Тобола, Ишима и Эмбы и грабившихъ нынѣшніе Тарскій и Тюменьскій уѣзды.

Въ 1635 году тарскій воевода вступилъ въ сношеніе

---

[1]) Каждый житель Барабинской степи обязанъ былъ платить калмыкамъ, въ годъ, аймана или ясака: по одной лисицѣ, или по одному рѣчному бобру, или по полукожѣ юфтовой; за неимѣніемъ всего этого, можно было вносить, въ счетъ ясака, двадцать стрѣлъ и пять орлиныхъ крыльевъ на ихъ опушку.

и съ главою калмыцкаго ойратства, Баторомъ-Хонь-Тайцзи, который черезъ своихъ посланцевъ, сталъ сейчасъ же просить о присылкѣ въ видѣ подарковъ: непроницаемаго панцыря, винтовки, свинцу, борововъ, свиней, индѣекъ и постельныхъ собачекъ. Несмотря на то, что ему нѣсколько разъ высылались всѣ означенные предметы, Баторъ-Хонь-Тайцзи объявлялъ претензіи на владѣніе барабинскими татарами и посылалъ къ нимъ за ясакомъ [1]).

Для первоначальной колонизаціи Сибири сначала дѣлались наборы въ Европейской Россіи: до такой степени неохотно шли переселенцы въ неизвѣстный край; но когда новопріобрѣтенная страна стала болѣе извѣстна, когда темные и преувеличенные слухи объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ жизнію тамъ, разсѣялись, въ Сибирь стало стекаться большое количество колонистовъ, преимущественно съ сѣверо-двинской системы и изъ городовъ: Кунгура, Перми, Чердыни, Соликамска, Яренска и проч.

Такъ какъ переселенцамъ былъ предоставленъ свободный выборъ земель для водворенія, то они охотнѣе селились южнѣе пограничной линіи, чѣмъ въ дремучихъ «тайгахъ», тянущихся къ сѣверу отъ нея. Такимъ образомъ, русскія слободы стали постепенно двигаться къ югу, въ страны, удобныя для хлѣбопашества, продолжая поддерживать сообщенія съ линіею пограничныхъ укрѣпленій, посредствомъ поселеній, остававшихся сзади. Прибывая въ Сибирь, колонисты отыскивали мѣста и брали билеты на право пользоваться ими; потомъ скли-

---

[1]) Слабая сторона ойратовъ состояла въ отсутствіи органической связи у разныхъ племенъ, составляющихъ союзъ. Баторъ-Хонь-Тайцзи сдѣлалъ весьма много для единства ойратства изданіемъ свода законовъ по дѣламъ военнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Въ 1640 году съѣздъ калмыцкихъ князей сдѣлалъ эти законы обязательными для всѣхъ ойратовъ. При жизни Батора-Хонь-Тайцзи разные калмыцкіе роды покорили Хухуноръ, Тибетъ, земли по верховьямъ Ишима, Тобола, Эмбы и пространство между Ураломъ и Волгою.

кали вольницу и селились на избранныхъ мѣстахъ укрѣпленными слободами. Съ 1639 года, т. е. со времени первой партіи поселенцевъ, переступившей пограничный рубежъ, движеніе русскихъ людей къ югу стало непрерывнымъ, такъ что пространство между Курганомъ на Тоболѣ и Тарой на Иртышѣ, отстоящими другъ отъ друга, по прямой линіи, приблизительно, на 550 верстъ, стало наполняться городками [1]). Защищать новыя поселенія было, конечно, обязательно для сибирскихъ властей, почему и государственная оборона выдвигалась впередъ, вмѣстѣ съ городками поселенцевъ.

Быстрое движеніе русскаго населенія на югъ было остановлено правительствомъ, вслѣдствіе того, что переселенцы бѣгали съ семействами изъ мѣстъ прежняго своего жительства безъ позволенія. На этомъ основаніи, указомъ отъ 24-го іюня 1683 года, предписано было пермскому, чердынскому и соликамскому воеводѣ Барятинскому устроить въ пристойныхъ мѣстахъ заставы. для осмотра проѣзжихъ грамотъ у переселенцевъ [2]).

Въ такомъ положеніи были завоеванія русскихъ на югѣ Сибири, когда Петръ Великій возъимѣлъ мысль проникнуть въ Малую Бухарію. Поводомъ къ такому обширному плану послужили извѣстія о золотомъ пескѣ, находимомъ въ Средней Азіи. Эти извѣстія пришли разомъ съ двухъ сторонъ. Въ 1713 году, съ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря, пріѣхалъ въ Москву знат-

---

[1]) Въ 1639 году изъ Тарханскаго городка вышли колонисты, заложившіе вверхъ по Тоболу Ялуторовскъ. Съ этого времени начинается движеніе русскихъ за пограничную черту.

[2]) Впослѣдствіи, въ числѣ переселявшихся въ Сибирь, оказалось весьма много бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Первоначально правительство затруднялось исполнять просьбы помѣщиковъ о высылкѣ ихъ; но въ 1743 году положено, что всѣ бѣглые крестьяне, водворившіеся въ Сибири до 1719 года и показанные въ сибирскихъ ревизскихъ сказкахъ по это время, остаются на мѣстахъ жительства; помѣщикамъ же они были засчитаны въ рекруты. Тѣ же изъ бѣглыхъ, которые не были записаны въ означенной ревизіи, высылались обратно къ помѣщикамъ.

ный трухменецъ хаджа Нефесъ и передалъ Петру о существованіи золотого песку на берегахъ Аму-Дарьи. Когда Нефесъ находился еще въ Москвѣ, туда прибылъ сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, съ донесеніемъ, что и въ Малой Бухаріи добывается золото изъ песку рѣки Дарьи. По словамъ Гагарина, жителями города Яркенда, стоящаго на рѣкѣ Дарьѣ, золото перенимается во время полноводія, помощію попонъ, ковровъ и суконъ [1]). Онъ доносилъ царю: «Городъ колмыцкій Эркетъ, подъ которымъ, на рѣкѣ Дарьѣ, промышляютъ песошное золото, въ разстояніи отъ Тобольска, по сказкѣ эркетскихъ жителей, что доходятъ изъ Эркета до Тары, въ полтретья мѣсяца не скорою ѣздою, а отъ Тары до Тобольска въ пять дней. И если соизволитъ Ваше Величество промыслъ учинить къ тому мѣсту изъ Тобольска, то кромѣ того не можно, что поселиться городами къ тому мѣсту: того ради, что отъ Ямышева озера и до Еркети кочуютъ калмыки и будутъ противиться, какъ имъ возможно, чтобъ не допустить въ тѣхъ мѣстахъ строить городовъ, дабы онаго промыслу не терять; а по вѣдомости въ тѣхъ мѣстахъ кочуютъ калмыки съ Контайшею 30,000 человѣкъ [2]).

[1]) Яркендъ, самый большой изъ городовъ Малой Бухаріи или восточнаго Туркестана, стоитъ на р. Яркендъ-Дарьѣ, близъ сѣверныхъ отроговъ Куэнь-Луня. По свидѣтельству Великанова, въ настоящее время въ Яркендѣ 32,000 домовъ. Во время Петра I Яркендъ былъ въ зависимости отъ калмыковъ. Яркендъ-Дарья, на которой онъ стоитъ, беретъ начало изъ озера Саркола и рѣки Тынзанъ, вытекающей изъ ущелій Куэнъ-Луня, и впадаетъ въ большую рѣку Тарымъ или Тарымтолу, а послѣдняя, въ свою очередь, вливается въ озеро Лобъ-Норъ.

[2]) Сынъ Батора-Хонь-Тайцзи, Галданъ, провозглашенный ханомъ по смерти отца, всю свою жизнь стремился къ подчиненію подъ власть ойратовъ остальныхъ монгольскихъ племенъ и къ расширенію внѣшнихъ границъ союза. Соединивъ всѣ калмыцкія племена, онъ обратилъ главное вниманіе на завоеваніе владѣній тѣхъ монголовъ, которые признавали власть Китая. Въ 1680 году Галданъ потребовалъ подчиненія отъ халхасъ монголовъ и, начавъ съ ними войну, завладѣлъ частію Халхи. Точно также овладѣлъ онъ Хухуноромъ. Далѣе, пользуясь фамильными раздорами ходжей, онъ подчинилъ своей власти Малую Бухарію. Китай, испуганный непомѣрнымъ усиленіемъ ойратства, объявилъ себя защитникомъ князей, у которыхъ были отняты Галданомъ владѣнія; послѣ того столк-

Путь къ тому мѣсту лежитъ отъ Тобольска до половины рѣки Иртыша, которая рѣка подъ Тобольскомъ, и отъ того на калмыцкое кочевье, гдѣ нынѣ кочуетъ Контайша. И первый городъ надлежитъ дѣлать на помянутой рѣкѣ у Ямышева озера и оттолѣ, усмотря гдѣ надлежитъ, дѣлать иные города. На строеніе оныхъ крѣпостей, такожъ и на содержаніе ихъ, кромѣ офицеровъ и инженера, управляться можно изъ Сибирской губерніи. А для той калмыцкой противности надлежитъ быть регулярнымъ двумъ или тремъ полкамъ, и тѣ полки набрать въ Сибири, а къ тѣмъ полкамъ нѣсколько офицеровъ; да къ тому же уфимскіе башкирцы потребны и для того, что отъ Тобольска живутъ въ близости, и людство ихъ не малое и люди конные. О промыслѣ того мѣста, о дѣлѣ городовъ и о уфимскихъ башкирцахъ что Ваше Величество повелитъ».

Извѣстія, привезенныя единовременно Нефесомъ и Гагаринымъ о нахожденіи золотого песку на берегахъ Сыръ-Дарьи и Дарьи рѣки, заставили Петра предположить, что Хива и Яркендъ стоятъ на одной и той же рѣкѣ. При тогдашнихъ свѣдѣніяхъ о Средней Азіи, было совершенно естественно не знать, что хотя Яркендъ-Дарья и Аму-Дарья и берутъ начало недалеко другъ около друга, но что первая течетъ на востокъ. вторая на западъ и что, наконецъ, меридіаны ихъ устій отстоятъ на 22° или, приблизительно, при средней широтѣ 42°, на 2,500 верстъ. Точно также былоесте-

---

новеніе между Китаемъ и калмыками стало неотразимымъ. Императоръ Канъ-хи двинулъ противъ Галдана разомъ три корпуса войскъ, которыя нанесли ему такія пораженія, что бывшій глава ойратовъ, оставленный своими подданными, принялъ ялу. По смерти Галдана главою ойратовъ сдѣлался Цеванъ-Раптанъ, его племянникъ. Назначая его ханомъ, китайцы имѣли въ виду, что Цеванъ-Раптанъ всю жизнь преслѣдовался дядею, отъ котораго долгое время спасался, съ нѣсколькими товарищами, въ пустыняхъ Средней Азіи. Передъ смертію Галдана, Цеванъ-Раптанъ произвелъ удачное возстаніе противъ своего дяди. Русскіе называли Цеванъ-Раптана Контайшею, потому что, сдѣлавшись ханомъ, онъ принялъ титулъ: Эрджи-Шурукту-Контайша.

ственно не знать, что Яркендъ лежитъ недалеко отъ сѣверныхъ отроговъ Куэнъ-Луня, отдѣленныхъ отъ южной Сибири киргизскою степью, едва проходимымъ Тянь-Шаньскимъ хребтомъ и всею шириною восточнаго Туркестана, что́, въ сложности, составитъ отъ Тобольска болѣе 3,000 верстъ.

Придавъ, по тогдашнимъ экономическимъ понятіямъ, большое значеніе обладанію золотыми розсыпями, находящимися на берегахъ Дарьи-рѣки, Петръ, съ тою смѣлою шириною взгляда, которая характеризовала всѣ его предпріятія, рѣшился овладѣть Яркендомъ, дѣйствуя съ двухъ сторонъ: отъ восточнаго берега Каспійскаго моря и изъ южной Сибири. Страны, лежащія на пути въ Малую Бухарію, по плану царя, долженствовали либо быть покорены, либо заинтересованы въ пользу Россіи. Для исполненія своего намѣренія Петръ приказалъ снарядить двѣ экспедиціи: одну, предназначенную идти отъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву, подъ начальствомъ Преображенскаго полка поручика князя Бековича-Черкасскаго; другую изъ южной Сибири въ Малую Бухарію, подъ начальствомъ гвардіи капитана Бухгольца.

Въ инструкціи, данной царемъ Бухгольцу, ему приказывалось, пріѣхавъ въ Тобольскъ, взять войска и плыть съ ними по Иртышу до высоты Ямышева озера, гдѣ и заложить городъ. Съ весною слѣдующаго года Бухгольцъ долженъ былъ идти по направленію къ Яркенду, закладывая по пути, въ удобныхъ мѣстахъ, редуты для склада провіанта и обезпеченія сообщеній. Гагаринъ въ дополнительной инструкціи предписывалъ Бухгольцу: «ежели непріятель не будетъ давать дѣлать крѣпости, то, прося отъ Бога помощи, противиться какъ можно всѣми людьми».

Про экспедицію Бековича-Черкасскаго Петръ писалъ сенату отъ 29-го 1714 года: «послать въ Хиву съ по-

здравленіемъ на ханство, а оттоль ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркетъ» [1]).

Въ началѣ ноября, флотилія съ экспедиціоннымъ отрядомъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, вышла изъ Астрахани въ Каспійское море. Въ рекогносцировкахъ стараго русла Аму-Дарьи и въ снятіи восточнаго берега Каспійскаго моря прошло все навигаціонное время 1715 года. Зимою Бековичъ-Черкасскій возвратился въ Москву, чтобы сообщить царю собранныя имъ свѣдѣнія о Хивѣ и Бухарѣ. Результатомъ этого донесенія было назначеніе новой экспедиціи, подъ начальствомъ Бековича же. Въ инструкціи, данной ему, предписывалось построить крѣпость при старомъ устьѣ рѣки Аму-Дарьи, а потомъ ѣхать къ хивинскому хану, стараясь по пути изслѣдовать высохшее русло, съ тѣмъ, чтобы, если окажется возможность, обратить Аму-Дарью на прежнее теченіе; новое же устье рѣки у Аральскаго моря перекопать плотиною.

Если хивинцы «симъ или инымъ способомъ» склонятся на сторону Россіи. то просить хана послать своихъ людей, съ двумя русскими, водою по Аму-Дарьѣ, вверхъ до Яркенда.

Извѣстенъ конецъ этой несчастной экспедиціи. Князь Бековичъ-Черкасскій, исполняя приказаніе царя, дошелъ до Хивы, но тутъ, вслѣдствіе необъяснимой довѣрчивости, раздѣлилъ свой отрядъ на пять частей, чтобы удобнѣе расположить войска на широкія квартиры по окрестностямъ Хивы. Нужно замѣтить, что нѣсколько дней передъ тѣмъ русскіе имѣли кровопролитную стычку съ хивинцами при Айбугирскомъ заливѣ. Какъ только

[1]) Въ 1700 году хивинскій ханъ Шаніазъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Петръ объявилъ свое соизволеніе на просьбу Шаніаза. Въ 1714 году находился при русскомъ дворѣ посланецъ, пріѣхавшій изъ Хивы, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ хана Ширгазы. Бековичу поручалось поздравить его.

экспедиціонный корпусъ былъ разведенъ по частямъ, хивинцы бросились на русскихъ и частію ихъ истребили, а частію взяли въ плѣнъ. Бековичу была отрублена голова передъ ханскою ставкою.

Двумя годами ранѣе этой катастрофы, т.-е. въ іюлѣ 1715 года, Бухгольцъ отплылъ изъ Тобольска на 59 судахъ, имѣя съ собою два полка пѣхоты и 700 драгунъ. Въ Тарѣ онъ забралъ еще 1,500 конныхъ людей, долженствовавшихъ идти берегомъ, чтобы прикрывать лодки. Экспедиція прибыла къ Ямышеву озеру и въ началѣ октября начала построеніе крѣпости близъ устья рѣки Преснухи [1]).

Калмыки не могли, конечно, смотрѣть равнодушно на построеніе крѣпости близъ самыхъ ихъ кочевьевъ. Тогдашній глава ойратства, Цеванъ-Раптанъ или Эрджи-Шурукту-Контайша, несмотря на кровную вражду съ умершимъ дядею и на то, что достигъ власти благодаря китайцамъ, слѣдовалъ точно программѣ Галдана, т. е. стремился къ подчиненію себѣ всей степной полосы Средней Азіи. Успокоивъ Джунгарію, потрясенную событіями, совершившимися передъ смертію Галдана, Контайша началъ удачную для него войну съ киргизскимъ ханомъ Тяфкою, а въ 1715 году неожиданно бросился на китайскій отрядъ, стоявшій въ Хами, и истребилъ его. Однако Контайша не посмѣлъ идти далѣе и, чтобы увеличить свои силы, вмѣшался въ дѣла Тибета. Полководецъ Контайши, Черенъ-Дондукъ, овладѣлъ Тибетомъ отъ имени хана; но китайцы, зорко слѣдившіе за новыми успѣхами калмыковъ, двинули противъ нихъ нѣсколько отрядовъ, которые, послѣ упорной борьбы, заставили войска Контайши отступить изъ Тибета. Послѣ того онъ еще вмѣшивался въ раздоры монгольскихъ князей, покровительствуемыхъ Китаемъ.

---

[1]) Мало-Ямышевское озеро лежитъ въ $6^1/_2$ верстахъ отъ Иртыша.

Подобный энергическій человѣкъ долженъ былъ затруднить успѣхъ петровскаго предпріятія.

Покуда экспедиціонный отрядъ строилъ крѣпость, Контайша собиралъ войска. На масляницѣ 1716 года, 10,000 калмыковъ, предводимыхъ Черенъ-Дондукомъ, неожиданно приблизились къ Ямышевской крѣпости, захватили лошадей, состоявшихъ при отрядѣ, и ворвались въ самую крѣпость. Когда наша пѣхота и артиллерія выбили ихъ оттуда, калмыки обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ, а Черенъ-Дондукъ прислалъ Бухгольцу письмо слѣдующаго содержанія: «Черенъ-Дондукъ г. полковнику прислалъ письмо. Напередъ сего Контайша съ великимъ государемъ жили въ совѣтѣ и торговали, и пословались. И прежде сего русскіе люди ѣзживали и города не строивали. Война-де стала, что указу государева о строеніи города нѣтъ, и городъ-де построенъ ложными словами. И прежде сего Контайша жилъ съ великимъ государемъ въ совѣтѣ и будетъ-де война будетъ; и я-де буду жить кругомъ города и людей твоихъ никуда не пущу. Зиму зимовать, и лѣто съ весны до осени со всѣмъ житьемъ буду жить здѣсь, и воеваться, и запасы твои всѣ издержатся, и будете голодны, и городъ-де возьму. И будетъ-де ты не будешь съ войною и ты-де съѣзжай съ мѣста, и какъ прежь сего жили, такъ будемъ и нынѣ жить и торговаться и станемъ жить въ совѣтѣ и въ любви, ежели съ мѣста съѣдешь. И будетъ-де ты войною будешь и ты-де противъ сего письма дай отповѣдь; а которой съ симъ письмомъ посланъ, и онъ-де будетъ доносить тебѣ на словахъ» [1]).

Бухгольцъ отвѣчалъ, что его послали строить городки по Иртышу съ тою цѣлью, чтобы искать рудокопныхъ мѣстъ, но что отъ того пріязнь между двумя

[1]) Переводъ 1716 года, 21 февраля

государствами не должна быть нарушена; по поводу же угрозъ Черенъ-Дондука, Бухгольцъ послалъ сказать, что онъ необыкъ ихъ бояться.

Блокада продолжалась. Энергія и увѣренность блокируемыхъ стали падать послѣ того, какъ калмыки съ боя овладѣли, недалеко отъ Ямышева, шедшимъ туда караваномъ, принадлежащимъ тобольскимъ, тарскимъ и томскимъ промышленникамъ Въ этомъ караванѣ было 20,000 р. жалованья, посланнаго Гагаринымъ экспедиціонному корпусу.

Вѣсть, посланная губернатору о положеніи отряда, не улучшила дѣла, такъ какъ въ Сибири въ то время былъ большой недостатокъ регулярныхъ войскъ. Вскорѣ русскіе стали терпѣть отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; къ тому присоединились болѣзни, отъ которыхъ гибло множество людей. Одна изъ этихъ болѣзней была названа впослѣдствіи сибирскою язвою; отъ другой—цынги, умирало въ Ямышевѣ въ день по 20—30 человѣкъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, военный совѣтъ, собранный Бухгольцемъ, рѣшилъ отступить. Гарнизонъ Ямышева, уменьшившійся до 700 человѣкъ, срылъ или уничтожилъ всѣ постройки, сложилъ военные запасы на уцѣлѣвшіе еще досчаники и, нетревожимый калмыками, сталъ отступать внизъ по Иртышу. Остановившись у устья рѣки Оми, Бухгольцъ послалъ Гагарину донесеніе о всемъ случившемся и испрашивалъ разрѣшенія заложить здѣсь крѣпость.

Устройство крѣпости у устья Оми было дѣйствительно необходимо. Съ умноженіемъ поселеній между Курганомъ и Тарою, переселенцы продолжали двигаться впередъ тѣмъ же порядкомъ, какъ это дѣлалось прежде. Поселенія къ югу отъ Тары подались уже настолько къ среднему Иртышу, что были слободы не далѣе сорока верстъ отъ устья Оми. Слѣдовательно, крѣпость

при этой рѣкѣ, кромѣ стратегическихъ цѣлей, могла имѣть своимъ назначеніемъ прикрытіе нашихъ южныхъ поселеній. Князь Гагаринъ согласился съ предложеніемъ Бухгольца и прислалъ ему подкрѣпленіе изъ Тобольска.

Въ томъ же 1716 году, близъ впаденія рѣки Оми въ Иртышъ, была заложена Омская крѣпость.

Вскорѣ ссора, возникшая между губернаторомъ и Бухгольцемъ, заставила послѣдняго уѣхать изъ Омска въ Тобольскъ, откуда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ; дальнѣйшее же веденіе дѣла возложено на князя Гагарина. Еще во время осады Ямышева губернаторъ вступилъ съ Контайшею въ дипломатическія сношенія. впрочемъ, довольно неудачныя, несмотря на присланную изъ Петербурга грамоту царя къ ойратскому хану. Теперь, оставшись полнымъ хозяиномъ экспедиціи, Гагаринъ повелъ дѣла весьма энергично. Начальникомъ отряда, остававшагося въ Омскѣ, Гагаринъ назначилъ подполковника Ступина, человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, а самый отрядъ усилилъ казаками. Ступину было приказано плыть къ Ямышеву озеру и опять построить крѣпость [1]); при этомъ ему было предписано не затѣвать ссоръ съ калмыками, даже при нападеніяхъ съ ихъ стороны только обороняться и стараться убѣдить, что у русскихъ нѣтъ враждебныхъ намѣреній противъ ойратства и что строющіяся крѣпости предназначаются къ оборонѣ нашихъ предѣловъ отъ киргизовъ. Въ началѣ 1717 года Ступинъ прибылъ въ Ямышевъ и, не найдя здѣсь калмыковъ, заложилъ правильную крѣпость съ двумя больверками, такъ что новый городокъ скоро сталъ совершенно неприступенъ для среднеазіатцевъ.

Помимо экспедиціи Ступина, Гагаринъ приказалъ боярскому сыну Калмыкову подняться вверхъ по Ир-

[1]) Еще раньше, съ тою же цѣлію, къ Ямышеву озеру былъ посланъ отрядъ подполковника Матигорова.

тышу до Норъ-Зайсана и доставить необходимыя свѣдѣнія объ озерѣ. Въ подкрѣпленіе отряда, даннаго Калмыкову, были вызваны охотники изъ числа колодниковъ, содержавшихся въ тобольской тюрьмѣ. Не тревожимый ойратами, Калмыковъ въ двѣ недѣли достигнулъ изъ Ямышева до Норъ-Зайсана, построилъ здѣсь большую лодку, осмотрѣлъ на ней озеро и возвратился.

Въ то же время губернаторъ приказалъ тарскому воеводѣ заложить крѣпостцу для обезпеченія сообщеній между Омскомъ и Ямышевымъ. Посланный съ этою цѣлью боярскій сынъ Павелъ Свіерскій избралъ подъ укрѣпленіе мѣсто на правомъ берегу Иртыша, въ 200 верстахъ отъ Омска и 231 отъ Ямышева. Построенное въ этомъ мѣстѣ укрѣпленіе, состоявшее изъ деревяннаго тына, было названо Желѣзинскимъ.

Пока производились всѣ эти работы, губернаторъ послалъ дворянина Василія Чередова съ порученіемъ построить укрѣпленіе выше Ямышева. Въ 1718 году Чередовъ избралъ мѣсто на правомъ же берегу Иртыша и положилъ основаніе крѣпости Семипалатинской [1]). Для окончательнаго ея устройства былъ командированъ подполковникъ Ступинъ, который и построилъ здѣсь крѣпость на подобіе Ямышевской [2]).

Такіе блестящіе результаты были достигнуты безъ столкновеній съ калмыками, потому что послѣдніе были

---

[1]) Семипалатинская крѣпость получила свое названіе отъ развалинъ семи каменныхъ палатъ, составлявшихъ буддистско-ламайскій монастырь. Въ одной изъ полуразрушенныхъ палатъ русскіе нашли бумажные листы съ тангутскими или тибетскими письменами, которыми написаны всѣ священныя книги буддистовъ.

[2]) Первоначально крѣпость была построена на весьма низкомъ берегу рѣки, который былъ окруженъ песчаными горами, поросшими сосновымъ боромъ. Послѣ замѣтили, что гарнизонъ крѣпости очень болѣетъ, потому въ 1776 году Семипалатинскъ перенесенъ вверхъ по Иртышу на 16 верстъ, на мѣсто, гдѣ находились семь палатъ. (Рукопись капитана Андреева, напечатанная С. Ковалевымъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій и рукопись географическаго общества). На мѣстѣ, выбранномъ Чередовымъ, находится теперь станица Старо-Семипалатинскъ.

отвлечены въ другую сторону болѣе серьезными дѣлами. Убѣдившись, что цѣль калмыковъ состоитъ въ соединеніи монгольскихъ племенъ и что эту цѣль они преслѣдуютъ весьма настойчиво, китайцы рѣшились разрушить опасный союзъ ойратовъ. Стараясь повсюду ослаблять калмыковъ, китайцы овладѣли Хамилемъ и Турфаномъ и обнаруживали намѣреніе завоевать всю Малую Бухарію. Съ другой стороны, много разъ побѣждаемые, но непокоренные враги калмыковъ, киргизы дѣлали безпрерывные набѣги на ихъ земли. Гагаринъ поддерживалъ раздоры среднеазіатскихъ кочевниковъ и находился въ частыхъ сношеніяхъ съ киргизами, такъ что ханы послѣднихъ, Тяжка, Хаибъ и Абдулхаиръ, изъявляли готовность подчиниться Россіи. Съ отъѣздомъ Гагарина въ Москву, куда онъ былъ вызванъ для слѣдствія и суда надъ нимъ, тѣсныя сношенія наши съ киргизами на время прекратились.

По смѣнѣ Гагарина, Петръ назначилъ начальникомъ экспедиціи генералъ-маіора Лихарева, человѣка, на котораго государь возлагалъ большія надежды. Собственноручнымъ указомъ на его имя, Петръ поручалъ Лихареву: всѣми силами и безпристрастно изслѣдовать незаконныя дѣйствія Гагарина, а также разыскать, какимъ образомъ контайшинцы взяли у Бухгольца Ямышевскую крѣпость [1]). Главная же цѣль посылки Лихарева состояла въ томъ, чтобы узнать, по сказкамъ Гагарина и Бухгольца, о яркендскомъ золотѣ и со свѣдущими людьми ѣхать въ новозаложенныя крѣпости. Оттуда Лихаревъ

[1]) Несмотря на чрезвычайныя злоупотребленія, князь Гагаринъ восемь лѣтъ оставался губернаторомъ, благодаря большимъ связямъ съ дворомъ и всею тогдашнею аристократіею. Наконецъ, узнавши истину, Петръ послалъ своего деньщика объявлять по Сибири, что «Гагаринъ-де воръ и недобрый человѣкъ и губернаторомъ не будетъ». Въ 1717 году князь Гагаринъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, судимъ два года и повѣшенъ передъ сенатомъ, какъ сказано, «за его неслыханное воровство», раньше еще чѣмъ получено было слѣдствіе, произведенное Лихаревымъ.

долженъ былъ плыть въ Норъ-Зайсанъ и на берегахъ этого озера заложить, если можно, крѣпость. Здѣсь ему надлежало развѣдывать о пути къ Яркенду и искать вершинъ такихъ рѣкъ, которыя подавались бы къ Норъ-Зайсану и впадали въ Дарью рѣку или въ Аральское море.

Для единства въ управленіи, вся линія новыхъ укрѣпленій была подчинена генералу Лихареву.

8-го мая 1720 года экспедиціонный отрядъ въ 440 человѣкъ отплылъ изъ Тобольска на большихъ крытыхъ лодкахъ, нагруженныхъ, кромѣ того, достаточнымъ количествомъ продовольствія. Миновавъ новыя крѣпости, Лихаревъ доплылъ до озера Норъ-Зайсана, проѣхалъ его во всю длину и сталъ подниматься по верхнему или Черному Иртышу.

Калмыки были тогда въ войнѣ съ китайцами и предположили, что русскіе идутъ помогать послѣднимъ. Хотя Контайша имѣлъ близъ Норъ-Зайсана до 20,000 всадниковъ, подъ начальствомъ сына своего Галдана-Черена, но опасался нападать на русскихъ до тѣхъ поръ, покуда не убѣдился, что китайскія войска еще не приближаются съ востока. Тогда онъ приказалъ не пускать русскихъ далѣе по Иртышу. 1-го августа калмыки атаковали со всѣхъ сторонъ нашъ незначительный отрядъ, въ то время, когда послѣдній, выйдя на берегъ, отправлялъ водосвятіе. Лихаревъ мужественно отбилъ нападеніе и, окруженный съ трехъ сторонъ непріятелемъ, продолжалъ двигаться вверхъ по рѣкѣ. Отрядъ шелъ по обоимъ берегамъ, прикрывая лодки. Два дня продолжался бой. Русскіе, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ Лихарева, почти не теряли людей; калмыки же, которыхъ громили 19 орудій, состоявшихъ при экспедиціи, несли весьма чувствительныя потери. Однако на третій день явилось неожиданное препятствіе, остановившее движеніе Лихарева. По мѣрѣ того, какъ экспе-

диція поднималась выше, рѣка мелѣла болѣе и болѣе, представляя едва одолимыя препятствія для плаванія, и лодки безпрерывно становились на мели. Это обстоятельство заставило Лихарева вступить съ калмыками въ переговоры, которые онъ отвергалъ нѣсколько разъ. Заключивъ перемиріе, Лихаревъ свидѣлся съ Галданомъ-Череномъ и обмѣнялся съ нимъ подарками. Русскіе обѣщались плыть назадъ и успокоили калмыковъ завѣреніемъ, что они не дѣйствуютъ заодно съ китайцами, а калмыки, въ свою очередь, обязались не тревожить нашъ отрядъ во время обратнаго его движенія.

Проплывъ Норъ-Зайсанъ и часть средняго Иртыша, Лихаревъ остановился на томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ она, прорвавшись сквозь отроги Алтайскихъ горъ, принимаетъ тихое теченіе по степи. Еще слѣдуя впередъ, начальникъ экспедиціи замѣтилъ это мѣсто и полагалъ построить здѣсь крѣпость, долженствовавшую поддерживать связь между укрѣпленною линіею на Иртышѣ и предполагаемою крѣпостью на Норъ-Зайсанѣ. Теперь, убѣдившись, что на низкихъ, песчаныхъ или заросшихъ камышемъ берегахъ озера нѣтъ ни одного пункта, удобнаго для построенія крѣпости, Лихаревъ рѣшился усилить оборонительныя средства Иртыша построеніемъ укрѣпленія на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ экспедиціонный отрядъ. Крѣпостца названа Усть-Каменогорскою потому, что она была заложена на мѣстѣ, гдѣ оканчиваются Каменныя горы и гдѣ Иртышъ, вырвавшись изъ нихъ, разливается по степи.

Положивъ основаніе Усть-Каменогорску, Лихаревъ командировалъ изъ Семипалатинска подполковника Ступина для довершенія постройки, а самъ, по болѣзни, уѣхалъ въ Петербургъ.

Поискомъ Лихарева на Норъ-Зайсанъ оканчивается рядъ экспедицій для отысканія пути въ Яркендъ. Хотя цѣль, предположенная Петромъ, и не была достигнута,

тѣмъ не менѣе результаты экспедицій оказались очень полезными для Сибири. Съ учрежденіемъ укрѣпленій по Иртышу, часть нашей границы прикрывалась съ юга, и сообщеніе Западной Сибири съ городками по верхней Оби, Катуни и Біи, расположенными восточнѣе Барабинской степи, стало удобно и безопасно.

Впрочемъ, и послѣ того, какъ возвращеніе средняго Иртыша стало невозможнымъ для калмыковъ, они не переставали заявлять свои права на земли, занятыя русскими. Контайша требовалъ не только срытія крѣпостей, построенныхъ на Иртышѣ, но доказывалъ, что и Барабинская степь принадлежитъ ойратамъ. Поддерживая слово дѣломъ, онъ продолжалъ посылать довѣренныхъ лицъ въ Барабу, которая теперь входила уже глубоко въ наши предѣлы, для сбора ясака съ тамошнихъ татаръ [1]). Между тѣмъ, вѣроятно не безъ вѣдома своего главы, калмыцкія шайки переходили, извѣстными имъ путями, Алтайскія горы, сбирали также здѣсь ясакъ съ нашихъ подданныхъ, живущихъ по сѣвернымъ предгоріямъ, и грабили русскіе заводы. Иногда они простирали свои грабежи даже до окрестностей Кузнецка, такъ что принудили озаботиться постройкою укрѣпленій при каждомъ заводѣ. Укрѣпленія строились и содержались на счетъ владѣльцевъ заводовъ, но не представляли твердаго оплота, потому что были разбросаны безъ всякой системы и отдѣлены другъ отъ друга бездорожіемъ, а иногда и большимъ разстояніемъ. На основаніи сказаннаго, въ 1738 году, начата, по Высочайшему повелѣнію, постройка укрѣпленій, предназначенныхъ для обороны нынѣшней Томской губерніи [2])

[1]) Чтобы дать какую-нибудь охрану барабинскимъ татарамъ, въ 1722 году, по дорогѣ изъ Тары до Томска, проложенной черезъ Барабу, построены небольшія укрѣпленія: Тартасское, Каинское и Убинской-Пасъ.

[2]) Въ этомъ году построены укрѣпленные форпосты: Бійскій въ 210 верстахъ отъ Кузнецка, на правомъ берегу рѣки Біи, близъ ея соединенія съ Катунью; Бѣлоярскій на Оби, въ 224 верстахъ отъ Бійскаго форпоста, и Малы-

Калмыки понимали, что если Томская губернія успѣетъ прикрыться рядомъ укрѣпленій, подобныхъ построеннымъ на Иртышѣ, то ихъ притязанія на южную Сибирь потеряютъ всякій смыслъ, и потому настоятельно заявляли свои права. Галданъ-Черенъ, сынъ Контайши и глава ойратовъ съ 1727 года, нѣсколько разъ требовалъ срытія нѣкоторыхъ укрѣпленій; его настоянія стали особенно рѣшительными по окончаніи войны, которую онъ велъ съ Китаемъ [1]). Не получая удовлетвореній, Галданъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Россіею, а передовые калмыцкіе отряды, перейдя Алтай, сожгли заведенія при двухъ рудникахъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, количество войскъ въ Сибири было увеличено и назначенъ особый начальникъ всѣхъ сибирскихъ пограничныхъ линій, генералъ-маіоръ Киндерманъ. Чтобы не довести дѣло до войны, правительство уже готово было срыть Усть-Каменогорскую крѣпость и очистить предгорія Алтая, занятыя русскими заводами. Къ счастію, Галдай-Черенъ умеръ въ 1745 году. Послѣ того не могло быть и рѣчи о разрушеніи Усть-Каменогорска, тѣмъ болѣе, что Демидовъ открылъ уже заводы при впаденіи рѣки Шульбы въ Иртышъ, т. е. между Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ.

шевскій, въ 134 верстахъ ниже Бѣлоярскаго. Бійскій форпостъ соединялся съ Кузнецкимъ острогомъ посредствомъ укрѣпленныхъ карауловъ.

[1]) По вступленіи на престолъ, Галданъ-Черенъ прежде всего обезопасилъ себя родственными союзами съ сосѣдними владѣтелями, потомъ уже объявилъ войну Китаю. Калмыки были такъ счастливы, что въ 1730 году совершенно истребили, при Хотонъ-Норѣ, китайскій корпусъ въ 20,000 человѣкъ, посланный въ Джунгарію. Послѣ того полководцы ойратовъ, Черенъ-Дондукъ старшій и Черенъ-Дондукъ младшій, вторгнулись въ Халху. Однако на другой же годъ, осенью, самъ Галданъ-Черенъ потерпѣлъ такое пораженіе отъ восточныхъ монголовъ, что долженъ былъ заключить съ китайцами миръ, на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Окончивъ войну на востокѣ, Галданъ-Черенъ рѣшился наказать киргизовъ, безпокоившихъ калмыцкія земли во время борьбы съ Китаемъ. Калмыки двинулись на западъ и истребляя все на своемъ пути, прошли всѣ киргизскія земли до Урала. Только вмѣшательство нашего правительства заставило калмыковъ отступить въ свои предѣлы. Послѣдніе годы жизни Галдана-Черена были ознаменованы внутренними смутами.

Имѣя въ виду беззащитное положеніе нашихъ границъ и изложенныя выше обстоятельства, Киндерманъ построилъ рядъ укрѣпленій отъ рѣки Шульбы на соединеніе съ бійскою линіею. Эти укрѣпленія, начинаясь немного ниже Усть-Каменогорска, шли въ сѣверо-восточномъ направленіи, пересѣкая рѣки Убу, Чарышъ, Ануй, и Обь, близъ сліянія Біи съ Катунью; далѣе граница направлялась по бійской линіи и караулами соединялась съ Кузнецкомъ. Часть оборонительной линіи отъ Иртыша до Оби получила названіе колыванской; линія же укрѣпленій по Біи до Кузнецка названа кузнецкою линіею.

Западнѣе Иртыша наша граница тоже весьма долго не была обезпечена. Пограничный рубежъ хотя и двигался впередъ за поселеніями, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе быстраго распространенія русскихъ поселенцевъ въ странѣ между Иртышемъ и Тоболомъ, никогда не охранялъ ихъ надлежащимъ образомъ. Государственная граница начиналась у Тобола (выше кургана) и шла къ Омску глубоко-вогнутою къ сѣверу дугою. Земледѣльцы разработывали землю южнѣе этой линіи и чтобы обезопасить себя отъ киргизовъ, ходили на работу вооруженными партіями, которымъ начальство принуждено было придавать еще конвой.

Къ этому времени оренбургское вѣдомство устроило уже пограничную линію по рѣкѣ Уѣ. Съ другой стороны, иртышская, колыванская и кузнецкая линіи прикрывали тогда другія части Западной Сибири, такъ что рядъ укрѣпленій между Омскомъ и р. Тоболомъ менѣе всего удовлетворялъ своему назначенію. Вслѣдствіе того, правительство приказало заняться вопросомъ объ обезпеченіи сказанной части границы. Одинъ изъ плановъ, составленныхъ съ этою цѣлью геодезіи поручикомъ Шишковымъ и премьеръ-маіоромъ Сташкѣевымъ, обратилъ на себя особенное вниманіе. Составители проекта полагали

провести линію укрѣпленій отъ Омской крѣпости черезъ Ишимскую степь, по ближайшему направленію къ урочищу на рѣкѣ Тоболѣ, называемому Звѣриною Головою. На этотъ проектъ были сдѣланы весьма дѣльныя замѣчанія со стороны инженеръ-подполковника Кутузова, который, между прочимъ, доказывалъ, что въ мѣстности, предполагаемой къ занятію подъ оборонительную линію, очень много соляныхъ и горкихъ озеръ и, вѣроятно, мало прѣсной воды. Въ 1746 году сенатъ возвратилъ генералу Киндерману проектъ Шишкова и поручилъ ему, совокупно съ сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, разсмотрѣть, въ какой степени вѣрны замѣчанія Кутузова. Киндерманъ одобрилъ проектъ, сдѣлавъ только въ немъ небольшія измѣненія. Въ 1752 году проектъ Шишкова утвержденъ согласно съ мнѣніемъ Киндермана, и тогда же начата постройка крѣпостей: Покровской, Николаевской, Лебяжьей, Полуденной, Петропавловской, Становой, Прѣсновской, Кабаньей, Прѣсногорьковской и Звѣринголовской. Всѣ эти крѣпости были окончены въ три года и составили такъ называемую ишимскую линію. Для содержанія на ней кордона было прислано два полка.

Новая пограничная линія выдвинулась впередъ на 50—200 верстъ отъ старой и прошла по землямъ, принадлежавшимъ прежде киргизамъ. Длина ея отъ Омска до Звѣриноголовскаго укрѣпленія составляла 579 верстъ. Къ несчастію, замѣчанія подполковника Кутузова оказались какъ нельзя болѣе справедливыми, и ишимская или, какъ ее называютъ казаки, «горькая» линія теперь страдаетъ недостаткомъ хорошей прѣсной воды.

Между тѣмъ, на границѣ нашей произошли чрезвычайно важные перевороты. Со смертію Галдана-Черена начались кровавыя распри въ ханскомъ семействѣ, которыя кончились тѣмъ что дальній родственникъ хановъ, князь Амурсана, бѣжалъ къ китайцамъ въ 1754 году и

просилъ у нихъ помощи противъ Давацiя, тогдашняго главы ойратовъ. Императоръ Цянъ-Лунъ возвелъ Амурсану въ званiе князя первой степени и двинулъ въ Джунгарiю армiю для поддержанiя его претензiй. Китайскiй полководецъ Баньди, не сдѣлавъ выстрѣла, разогналъ приверженцевъ Давацiя. схватилъ его самого и въ клѣткѣ отправилъ въ Пекинъ, а Амурсану посадилъ на ханство. Но послѣднiй не думалъ быть китайскимъ вассаломъ, а хотѣлъ полной и независимой власти. Замѣтивъ, что цѣль китайцевъ состоитъ въ разъединенiи ойратскаго союза, Амурсана выждалъ, когда Баньди, отправивъ всѣ войска въ Китай, остался только съ незначительнымъ отрядомъ, и напалъ на него. Китайцы, со своимъ полководцемъ, были истреблены до послѣдняго человѣка. Богдыханъ двинулъ опять свои войска въ Джунгарiю. Послѣ двухлѣтнихъ усилiй, китайцы заставили Амурсану бѣжать сначала къ киргизамъ, а потомъ въ Сибирь. Въ томъ же 1757 году онъ умеръ въ Тобольскѣ отъ оспы.

Покоренная Джунгарiя была раздѣлена на четыре части, превращенныя въ китайскiя провинцiи; но такъ какъ калмыки произвели новое возстанiе, то три китайскiя армiи получили отъ пекинскаго двора приказанiе пройти всю возставшую страну огнемъ и мечомъ. Это приказанiе было исполнено буквально въ 1758 году. Болѣе миллiона калмыковъ разнаго пола и возраста было убито манжуро-китайскими солдатами и вся страна опустошена въ конецъ. Спасшiяся калмыцкiя семейства бѣжали либо въ Сибирь, гдѣ большею частiю перекрестились и поселились въ Семипалатинскѣ, либо къ своимъ собратiямъ волжскимъ калмыкамъ.

Послѣ истребленiя большей части калмыковъ, земли, занимаемыя ими до тѣхъ поръ, опустѣли; киргизы, жившiе прежде только на части нынѣшней своей территорiи, съ дозволенiя китайскаго правительства, ринулись

на востокъ и заняли всѣ степи отъ Урала до Чернаго Иртыша и озера Ала-Куля. Джунгарія собственно была удержана въ непосредственномъ подчиненіи китайскаго правительства и заселена манжурскими племенами сибо и солонами, переведенными сюда съ береговъ р. Амура, оставшимися въ живыхъ калмыками, нѣсколькими тысячами малобухарцевъ, переведенныхъ изъ Кашгаріи въ Джунгарію подъ именемъ таранчей, и ссыльными со всего Китая.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ не умѣлъ воспользоваться этими безпорядками, чтобы утвердиться на Норъ-Зайсанѣ и обезпечить разъ навсегда нашу границу естественными рубежами. Когда же ойратство было разрушено, китайское правительство стало во враждебныя къ намъ отношенія. Прежде всего оно просило выслать тѣло Амурсаны въ Кяхту, чтобы убѣдиться въ смерти этого «злодѣя и бунтовщика». Коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала мѣстнымъ властямъ исполнить требованіе китайцевъ. Впослѣдствіи китайцы протестовали по поводу принятія русскими нѣкоторыхъ калмыцкихъ старшинъ, бѣжавшихъ въ наши предѣлы; съ нашей стороны тоже объявленъ былъ протестъ за вступленіе китайскаго войска къ теленгутамъ, кочевавшимъ у Телецкаго озера Ободренный необычайно счастливымъ завоеваніемъ всѣхъ калмыцкихъ владѣній, пекинскій дворъ обнаруживалъ готовность поддерживать свои требованія у Россіи оружіемъ. Наше правительство встревожилось и двинуло въ Сибирь нѣсколько конныхъ полковъ на подкрѣпленіе имѣвшихся тамъ войскъ. Въ Петербургѣ была учреждена особая спеціальная конференція для приведенія сибирской границы въ оборонительное состояніе, и туда посланы (въ 1759 году) инженеры съ нужными инструментами.

Послѣ устройства ишимской линіи, самая доступная часть границы была у Алтайскихъ горъ. На нее-то и

обратила конференція свое вниманіе. Мѣстное начальство признало удобнымъ охранить наши заводы проведеніемъ оборонительной линіи не отъ Усть - Каменогорска, какъ предполагалось прежде, а отъ устья рѣки Бухтармы (впадающей выше, съ правой стороны, въ Иртышъ) прямою линіею къ Телецкому озеру. Покуда офицеры производили рекогносцировки береговъ Бухтармы, а мѣстное начальство находило затрудненія въ исполненіи этого плана, императрица Екатерина II послала генералъ-поручика Шпрингера начальникомъ всѣхъ сибирскихъ линій. Въ инструкціи, данной Екатериною Шпрингеру, она напомнила, что правительство всегда имѣло въ виду постепенно вводить во владѣніе Россіи земли, простирающіяся до озера Норъ-Зайсана. Шпрингеръ прибылъ въ Сибирь въ 1763 году. Все, что онъ сдѣлалъ для выполненія намѣреній правительства, состояло въ посылкѣ рекогносцировочнаго отряда на Норъ-Зайсанъ; впрочемъ, и это было предписано императрицею, требовавшею непрерывной посылки командъ въ озеро, чтобы пріучить китайцевъ къ появленію русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ. Гораздо дѣятельнѣе былъ Шпрингеръ по приведенію границъ въ оборонительное состояніе. Верхъ - иртышскія крѣпости, въ томъ числѣ и Усть-Каменогорскъ, приведены были въ лучшее состояніе и расширены. Несмотря на то, наша оборона въ южной части Томской губерніи не имѣла той необходимой непрерывности, которая только и обезпечиваетъ въ дикихъ и мало населенныхъ странахъ. Между тѣмъ всѣ офицеры, которымъ поручена была рекогносцировка береговъ Бухтармы, возвратились съ донесеніемъ, что въ пустынныхъ Алтайскихъ горахъ нѣтъ достаточнаго количества пунктовъ, удобныхъ подъ проектированныя укрѣпленія. Потому дѣло объ обезпеченіи нашихъ южныхъ предѣловъ затянулось бы, вѣроятно, на очень долго, если бы живые факты не опровергли, какъ бы-

ваетъ весьма часто, теоретическія воззрѣнія и не доказали возможности проведенія оборонительной границы по рѣкѣ Бухтармѣ.

По этой рѣкѣ давно уже поднимались наши развѣдочныя рудокопныя партіи, открывшія мѣсторожденіе серебряной руды между Бухтармою и Нарымомъ. Еще раньше, въ горы, прилегающія къ Бухтармѣ, проникли русскіе бѣглые солдаты и раскольники. Укрываясь въ недоступныхъ и дикихъ горныхъ ущельяхъ по берегамъ рѣкъ: Бухтармы, Бѣлой, Тихой и Нарыму, они поселились тутъ со своими семействами и образовали нѣсколько селеній, занимавшихся рыболовствомъ, звѣроловствомъ и хлѣбопашествомъ. Китайцы приняли ихъ подъ свое особенное покровительство, снабжали ихъ хлѣбомъ въ неурожайные годы и позволяли ловить рыбу по Иртышу и Норъ-Зайсану. Испытавъ на дѣлѣ трудность захватить бѣглыхъ, помощію высылаемыхъ для того командъ, новый пограничный начальникъ, генералъ Страндманъ, рѣшился склонить ихъ къ раскаянію. Посланные имъ съ этою цѣлью два довѣренныя лица обошли девять селеній, составленныхъ изъ бѣглыхъ, которые изъявили согласіе возвратиться къ повиновенію, подъ условіемъ полной амнистіи и оставленія на мѣстахъ жительства. Въ 1792 году имъ даровано прощеніе, и новоподдавшіяся селенія обложены ясакомъ.

Послѣ того явилась необходимость прикрыть эти селенія укрѣпленіями, почему, въ годъ подданства бѣглыхъ, въ трехъ верстахъ выше отъ впаденія рѣки Бухтармы въ Иртышъ, заложена была крѣпость Бухтарминская, а наши посты выдвинуты вверхъ по рѣкѣ Иртышу до устья рѣки Нарыма. Отсюда посты протянулись по правому берегу Нарыма до впаденія Малой Нарымки. Генералъ Страндманъ расчистилъ сухопутное сообщеніе между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармою, такъ что тамъ, гдѣ прежде едва проходили вьюки, могли проѣз-

жать возы съ провіантомъ. Въ то же время укрѣпленные посты по пути отъ Усть-Каменогорска до устья рѣки Бухтармы были заселены казаками.

Китайцы опять протествовали противъ заложенія Нарымскаго пикета. Страндманъ, полагавшій, что настойчивость съ нашей стороны можетъ повести къ разрыву, приказалъ снести Нарымскій пикетъ на двѣ версты назадъ. Такая неумѣстная уступчивость сама по себѣ уже нарушала освѣщенное временемъ и даже сознаніемъ пекинскаго двора право русскихъ на бассейны всѣхъ рѣкъ, текущихъ въ Ледовитый океанъ, почему была принята китайцами какъ оффиціальное признаніе ихъ притязаній на спорные пункты. Уступка Страндмана подала поводъ къ щекотливой перепискѣ, возникшей между высшими пограничными китайскими властями и иркутскимъ губернаторомъ, генераломъ Нагелемъ. Придавая дѣлу о Нарымскомъ пикетѣ съ намѣреніемъ много торжественности, они писали ему, что наши офицеры хотѣли захватить часть китайской территоріи, но что, убѣжденные манджурскими чиновниками, сознались въ своей неправотѣ. Послѣ того всякое новое заведеніе по Нарыму, даже постройка казармъ, вмѣсто землянокъ, на занятыхъ уже мѣстахъ (какъ это было въ 1808 году), приводило въ волненіе пограничные китайскіе караулы и вызывало со стороны ихъ властей сопротивленіе, основанное на признанномъ русскими правѣ.

Бухтарминская линія, занимавшая доспупное пространство отъ устья р. Бухтармы до Мало-Нарымскаго укрѣпленія, обезпечивала южные предѣлы Томской губерніи, потому что пространство между Мало-Нарымскомъ и бійскою линіею занимали неприступныя Алтайскія горы.

Съ распространеніемъ укрѣпленій до р. Нарыма составились двѣ оборонительныя линіи, обѣ шедшія отъ Усть-Каменогорска: колыванская и бухтарминская; пер-

вая, оставшаяся далеко позади пограничной обороны, оказалась съ теченіемъ времени ненужною.

Такимъ образомъ къ началу XIX столѣтія оренбургская, ишимская, иртышская, бухтарминская и бійская пограничныя линіи составили неразрывный рядъ крѣпостей, редутовъ и форпостовъ, которые прикрыли Западную Сибирь съ юга и Европейскую Россію съ востока. Около того же времени всѣ разноплеменные поселенцы западно-сибирскихъ оборонительныхъ линій были переименованы въ казаки и подчинены однимъ законамъ [1]).

Первымъ атаманомъ сибирскаго казачьяго войска былъ полковникъ Телятниковъ.

---

[1]) Съ 1716 по 1720 годъ, при учрежденіи прииртышныхъ крѣпостей, къ послѣднимъ было приписано до 800 душъ служилыхъ людей; впослѣдствіи, въ ожиданіи войны съ Галданомъ-Череномъ, въ Сибирь двинуто пять регулярныхъ полковъ. часть которыхъ была расположена по иртышской линіи. Спустя пятнадцать лѣтъ, вслѣдствіе серьезныхъ недоразумѣній съ китайцами, къ линейнымъ казакамъ присоединены донскіе казаки и иррегулярныя части изъ башкировъ и мещеряковъ. Съ того же года началось добровольное переселеніе крестьянъ, вызванныхъ изъ разныхъ уѣздовъ Сибири. Въ 1761 году населеніе иртышской линіи усилено арестантами, занимавшимися прежде починкою и построеніемъ крѣпостей, и отставными нижними чинами изъ полковъ, расположенныхъ въ Сибири, съ отводомъ послѣднимъ по 20 — 30 десятинъ земли Вскорѣ послѣ того въ составъ линейныхъ казаковъ вошла небольшая часть запорожцевъ. Въ 1775 году переименованы въ казачье сословіе ссыльные, водворенные не въ дальнемъ отъ линіи разстояніи. При императорѣ Павлѣ I къ казакамъ приписано 2,000 малолѣтковъ изъ дѣтей солдатъ, служившихъ въ Тобольской губерніи. Въ 1846 году въ составъ Сибирскаго казачьяго войска вошли крестьяне, жившіе въ деревняхъ, лежащихъ вблизи линіи, а три года спустя къ территоріи войска присоединены еще 42 слободы, съ населеніемъ въ 5 830 душъ мужского пола. Послѣдними штатами въ сибирское казачье войско дозволено поступать всѣмъ русскимъ и киргизамъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Вслѣдствіе приведенныхъ мѣръ, русское народонаселеніе по окраинамъ Западной Сибири и внутри киргизскихъ степей разрослось до значительной цифры Въ 1808 году линейныхъ казаковъ считалось всего 6,200 человѣкъ, въ 1841 году казачье населеніе размножилось до 48,331 душъ обоего пола; въ 1864 году, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ управленіи иррегулярныхъ войскъ, на земляхъ сибирскаго казачьяго войска жило 109,983 души, въ томъ числѣ 56,030 мужчинъ и 53,653 женщины. Изъ общаго числа населенія считалось 2,561 иногороднихъ и разночинцевъ обоего пола; остальная же часть состояла изъ казачьяго сословія.

Такъ какъ число войска безпрерывно усиливалось новыми, приписывавшимися къ нимъ поселенцами, то скоро крѣпости, редуты, форпосты и караулы, занимаемые казаками, обратились въ богатыя и обширныя слободы, потерявъ сами собою свое первоначальное чисто-военное значеніе.

Впрочемъ, окончательное проведеніе границъ не остановило движенія русскаго населенія вездѣ, гдѣ наши предѣлы не примкнули къ естественнымъ рубежамъ. На юго-востокѣ русскіе достигли долиною Иртыша до озера Норъ-Зайсана; на югѣ они переступили условно-проведенную ишимскую линію и распространились къ киргизской степи.

Хотя, согласно опредѣленной трактатами границѣ, озеро Норъ-Зайсанъ оставалось за Китаемъ, тѣмъ не менѣе, фактически, оно давно уже стало принадлежать русскимъ, а именно жителямъ береговъ Иртыша и Бухтармы.

Какъ наши первые поселенцы на югѣ Сибири шли всегда впереди государственной границы, такъ, въ последнее время, казаки, поднимаясь по Иртышу выше и выше, наконецъ утвердились на Норъ-Зайсанѣ и открыли здѣсь вторую войсковую рыбалку [1]. Еще въ 1822 году рыбалка на Норъ-Зайсанѣ и Черномъ Иртышѣ распространилась и стала совершенно гласнымъ учрежденіемъ, безмолвно признаннымъ китайцами. Съ того времени войско стало наряжать на рыбалки находящихся въ китайскихъ предѣлахъ резервныхъ казаковъ для ловли и соленія рыбы.

---

[1]) Въ 1798 году было предписано исправлять дорогу отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы на деньги, вырученныя отъ отдачи на откупъ казенной рыбалки, находившейся на Иртышѣ выше кр. Бухтармы; но такъ какъ охотниковъ на взятіе въ откупъ этой рыбалки не оказалось, то она впослѣдствіи передана войску, съ тѣмъ, чтобы дорога отъ Усть-Каменогорска до Бухтармы постоянно исправлялась казаками.

Тарабагатайскимъ протоколомъ, подписаннымъ въ 1864 г. съ нашей стороны русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кульджѣ, г. Захаровымъ, а со стороны китайцевъ илійскимъ генералъ-губернаторомъ, озеро Норъ-Зайсанъ и часть верхняго Иртыша отошли къ Россіи. Хотя вслѣдствіе серьезныхъ безпорядковъ въ западномъ Китаѣ, новая государственная граница не получила еще значеніе факта, тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе озера было естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ стремленій съ этой стороны.

Оренбургская и ишимская линіи, искусственно проведенныя либо посреди степи, такой же точно, какъ и та, которая разстилалась за границею, либо едва прикрытыя небольшими рубежами, менѣе другихъ частей границы могли остановить распространеніе русскаго населенія.

Пограничная линія Россіи съ Среднею Азіею дѣлаетъ по серединѣ изгибъ, отклоняющійся на сѣверъ почти на шесть градусовъ, такъ что наши поселенія охватили съ трехъ сторонъ киргизскій народъ, распространившійся, по паденіи ойратства, до Алтайскихъ горъ. Уже одно это обстоятельство должно было повести къ тому, что русскіе, обороняя границу отъ киргизскихъ набѣговъ—а оборонять страну отъ нападеній дикарей значитъ дѣйствовать противъ нихъ активно—должны были подчинить себѣ всѣ киргизскія орды.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было стремленіе замкнуть степь линіею укрѣпленій съ четвертой, пограничной, стороны и тѣмъ упразднить укрѣпленія, лежащія по окраинамъ Европейской Россіи и Сибири.

Въ 1864 году нашимъ войскамъ, занимавшимъ укрѣпленія, лежащія на р. Сыръ-Дарьѣ, было приказано слѣдовать на востокъ, на встрѣчу отряду, который, подъ начальствомъ полковника Черняева, выступилъ изъ укр.

Вѣрнаго и двинулся на западъ, по предгоріямъ заилійскаго Алатау. Несмотря на отчаянное сопротивленіе Коканскаго ханства, полковникъ Черняевъ пунктуально исполнилъ возложенное на него порученіе: государственная граница на югѣ была замкнута и киргизскій народъ вошелъ фактически въ составъ имперіи.

Со времени своего основанія иртышская оборонительная линія составляла часть Сибирской губерніи, занимавшей всю тогдашнюю Азіатскую Россію; но въ 1783 году она вошла въ составъ новообразованнаго Колыванскаго намѣстничества. Шестнадцать лѣтъ спустя это намѣстничество было уничтожено, и иртышская линія причислена къ Тобольской губерніи. Въ 1822 году образована Омская область, въ которую вошли всѣ станицы и крѣпости, по Иртышу расположенныя, и опять черезъ шестнадцать лѣтъ онѣ присоединены къ Тобольской губерніи.

Въ 1854 году, при открытіи Семипалатинской области, киргизы, кочующіе на правомъ берегу Иртыша, съ городами Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорскомъ, укрѣпленіемъ Бухтарминскимъ и селеніями по Иртышу, отъ укрѣпленія Желѣзинскаго до Малоярской станицы, вошли въ составъ этой области.

II.

Образъ жизни, законы и вѣра киргизъ.

Народъ киргизскій, по образу жизни своей и занятіямъ, есть народъ пастушескій, обезпечивающій свое существованіе преимущественно скотоводствомъ, и только въ недавнее время незначительная часть киргизъ занялась земледѣліемъ. Такимъ образомъ размноженіе табуновъ составляетъ главнѣйшую заботу каждаго киргиза, а это заставляетъ его перекочевывать съ одного мѣста на другое со всѣмъ имуществомъ своимъ.

Понятно, слѣдовательно, что кочевникъ цѣнитъ свой скотъ наравнѣ съ жизнію и что деньгами и мѣрою служитъ ему тотъ же скотъ.

«Малъ джанъ аманмы?» Какъ состояніе скота и души? обращаетъ онъ привычное привѣтствіе знакомому и незнакомому, азіату и европейцу.

И замѣтьте, скотъ поставленъ ранѣе души.

Чье-либо богатство онъ опредѣляетъ числомъ лошадей. или овецъ. «Большой человѣкъ, хорошій человѣкъ»—говоритъ кочевникъ про своего знатнаго родовича, ударяя сильно на *а* тамъ, гдѣ мы ставимъ *о*:— «имѣетъ много денегъ, тысяча лошадей будетъ».

«Почемъ покупали бязь въ нынѣшнемъ году?» спросите вы у киргиза.

«За барана давалъ зимою купецъ штука» (т. е. бязи).

Подвижное жилище киргизъ состоитъ изъ войлочнаго шатра, называемаго «кибитъ», а принадлежность къ нему—изъ нѣсколькихъ простыхъ кожаныхъ, деревянныхъ, чугунныхъ посудинъ, служащихъ для приготовленія или храненія пищи и питья.

Благосостояніе этого народа главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ количества скота, по числу котораго киргизъ можно раздѣлить на богатыхъ, посредственныхъ и бѣдныхъ. Несмотря на различіе состоянія, всѣ киргизы по умственному развитію, образу жизни и количеству своихъ потребностей не отличаются другъ отъ друга, но и при такомъ равенствѣ въ жизни недостаетъ здѣсь однако же равенства общественнаго. Неимущіе несравненно тяжелѣе чувствуютъ трудность своего положенія, чѣмъ въ странахъ земледѣльческихъ; не имѣя средствъ заработать себѣ пропитаніе какимъ либо ремесломъ или работою, они находятся въ полной зависимости отъ сильныхъ, почему въ прежнія времена такіе киргизы, чтобы добыть себѣ пропитаніе, невольнымъ образомъ влеклись къ хищничеству, нынѣ же ихъ стараются пріучить къ земледѣлію.

Аулы (собраніе нѣсколькихъ семействъ съ ихъ кибитками въ одномъ мѣстѣ) со своими стадами должны для отысканія свѣжихъ пастбищъ находиться въ непрерывныхъ передвиженіяхъ по всему обширному пространству степей; остаются они на одномъ мѣстѣ не долѣе одной недѣли и время этихъ остановокъ является въ жизни киргизъ наиболѣе пріятнымъ. При передвиженіяхъ даже по пустыннымъ и безводнымъ степямъ нѣсколько дней сряду киргизы никогда не отступаютъ отъ обыкновеннаго своего правила половину сутокъ употреблять для перехода, а другую на отдыхъ, хотя бы для этого пришлось оставаться все время безъ корму и воды для стадъ.

Перекочевки продолжаются весну, лѣто и осень. Для

того же, чтобы многочисленныя стада могли просуществовать круглый годъ, киргизы должны прежде всего отыскать хорошую зимовку «кзеу», т. е. мѣсто, гдѣ скотъ могъ бы добывать изъ-подъ снѣга кормъ, необходимый для поддержанія его жизни въ теченіе зимы. Выборъ зимовки требуетъ большого знанія, потому что зимняя стоянка, должна заключать въ себѣ, на небольшемъ пространствѣ, мѣстности луговую и чисто степную, такъ какъ верблюды и бараны ѣдятъ сухую, пропитанную солью траву солонцовъ, а лошади и коровы предпочитаютъ чернотравіе. Затѣмъ кзеу возможно болѣе должна быть гарантирована отъ гололедицы, что достигается избраніемъ покатостей, обращенныхъ къ господствующему зимою вѣтру, который сдуваетъ снѣгъ, и т. п. Зимовки обыкновенно сохраняются изъ рода въ родъ, какъ нѣчто наслѣдственное и драгоцѣнное. Одна часть киргизъ имѣетъ свои зимовки въ южной части степи, между песчаными холмами, а также вдоль рѣкъ, изобилующихъ камышами и кустарникомъ, другая часть ихъ, приближаясь къ сѣверу, скрывается на зиму въ густыхъ лѣсахъ, близъ рѣкъ; а нѣкоторая часть въ юго-восточной степи укрывается въ горахъ.

Едва холодные утренники начнутъ убѣлять степь сѣдымъ инеемъ, едва первый снѣжный пухъ опустится на землю, какъ киргизы пробуждаются отъ усыпительной своей безпечности и съ унылымъ видомъ спѣшатъ на свои зимовки приготовляться къ встрѣчѣ жестокаго для нихъ зимняго времени года. Богатые разставляютъ свои кибитки въ закрытыхъ отъ бурь мѣстахъ, покрываютъ ихъ двойными войлочными покрышками, заваливаютъ при основаніи землею и пескомъ и вокругъ, отступивъ шага на три, устраиваютъ еще заборъ изъ камыша или кустарника; бѣдные же довольствуются одиночною кибиткою или землянками, покрытыми хворостомъ и пучками камыша. Для скота въ мѣстахъ, также

закрытыхъ отъ вѣтра, устраиваются загоны, въ которые онъ собирается передъ буранами, отличающимися иногда такою силою, что стада разбиваются и угоняются на ужасныя разстоянія; для молодого скота нерѣдко приспособляются крытыя помѣщенія и даже землянки, а самый нѣжный скотъ помѣщается въ кибиткахъ вмѣстѣ съ людьми. По большей же части и зимою весь скотъ находится подъ открытымъ небомъ, укрываясь отъ вѣтровъ въ лощинахъ, долинахъ, среди лѣсовъ, камыша и кустарника.

Лучшія мѣста зимовокъ находятся въ сѣверной степи, по рѣкамъ Аяту, по верховьямъ р. Тобола, въ лѣсахъ Ара-Карагай, Амамъ-Карагай, Наурузумскомъ, а также по рѣкамъ Оренбургской линіи, по Тургаю, Ори, Илеку, Эмбѣ, Уилу и по берегу Каспійскаго моря; потомъ по лѣвому берегу рѣкъ Сыръ-Дарьи и особенно по Кувань и Яны-Дарьямъ, въ Каратаускихъ горахъ и др.

Нельзя понять, не видѣвши и хотя отчасти не испытавши, какія трудности приноситъ съ собою угрюмая степная зима для киргизъ! Въ войлочныхъ своихъ шатрахъ и землянкахъ, кое какъ завернувшись въ одежду, тѣснясь около курящагося посреди помѣщенія огня, они должны проводить многіе дни въ бездѣйствіи, окруженные нагими дѣтьми, которыя зарываются въ еще не охладѣвшую золу, обыкновенно скопляемую въ нарочно вырытой посреди жилья ямѣ. При наступленіи ночи огонь обыкновенно гасится; отверстіе наверху кибитки закрывается войлокомъ и каждый членъ семьи спѣшитъ подъ войлоками и овчинами укрыться отъ холода до утра и вновь разводимаго тогда костра.

Послѣдствіемъ отсутствія всякой дѣятельности и постояннаго пребыванія въ дыму бываетъ цынга и болѣзнь глазъ; цынга впрочемъ рѣдко распространяется сильно, чему вѣроятно много способствуетъ употребленіе нюхательнаго табаку, который киргизы весьма часто кладутъ и

въ ротъ; раздражительность же и краснота глазъ долго еще послѣ зимы видны почти у каждаго киргиза.

Когда густыя облака, гонимыя порывистымъ вѣтромъ и снѣжными вихрями, смѣняются по временамъ яснымъ небомъ и когда морозы дѣлаются менѣе жестокими, то киргизы спѣшатъ осматривать свои стада, перегоняютъ ихъ на другое пастбище, а также предаются охотѣ при помощи капкановъ, собакъ, коршуновъ и беркутовъ. Но часто бывающіе въ степи бураны, стремительно разсыпающіе снѣгъ во всѣ стороны и сопровождаемые сильными мятелями, заставляютъ иногда киргизъ по нѣскольку дней сидѣть безвыходно въ своихъ кибиткахъ, гдѣ иногда ихъ совершенно заноситъ снѣгомъ. Зимою 1865 года, напримѣръ, въ Оренбургскомъ укрѣпленіи и его окрестностяхъ по р. Турасъ буранъ продолжался 18 дней. Скотъ киргизскій въ бураны страдаетъ еще болѣе и много его погибаетъ въ такое время. «Горестно проводимъ мы время зимы, говорятъ киргизы; разошедшіеся по степи табуны наши въ это время смущаютъ болѣе всего нашу жизнь,—бодрые прежде кони, опустивъ голову, смиренно ищутъ подснѣжной пищи, работая копытомъ; рѣзвыя овцы, собравшись въ тѣсныхъ кучахъ и склонивъ головы свои другъ къ другу, со страхомъ внимаютъ шуму вихрей, а тихіе верблюды лежатъ неподвижно, занесенные снѣгомъ. Если случится въ это время кому-нибудь отправиться въ ближайшее русское поселеніе, то вынуждается къ тому только крайнею нуждою. Словомъ, во всѣ эти дни, сидя въ кругу семейства въ безмолвной задумчивости, слушаемъ мы заунывный свистъ вѣтра; перемѣнчивый гулъ его отдается въ глубинѣ камышей и распространяетъ грусть въ сердцахъ нацихъ! Пища наша зимою не есть та свѣжая и питательная, которую мы получаемъ лѣтомъ отъ стадъ нашихъ; заблаговременно запасаемая нами на всю зиму она скудна».

Несмотря на то, киргизскій народъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переноситъ жестокость зимы; не говоря уже о взрослыхъ, дѣти, въ лѣтней одеждѣ, а нерѣдко и совсѣмъ нагія, играютъ довольно долго въ снѣгу; когда же случится прохожему завернуть въ аулы и вызвать хозяина изъ кибитки, то со всѣхъ сторонъ выбѣгаютъ полунагія дѣти и, несмотря на стужу, выжидаютъ окончанія переговоровъ.

Благоденствіе киргизъ начинается съ оживленіемъ природы, и навѣрное нигдѣ наступленіе весны не встрѣчается съ такою жадностью, какъ въ степяхъ киргизскихъ! Едва съ первымъ дыханіемъ весны растаютъ глубокіе снѣга и кое-гдѣ покажется зелень, какъ все выходитъ изъ мрачныхъ зимнихъ жилищъ своихъ подъ открытое небо и наслаждается оживленіемъ природы. Уныніе исчезаетъ, во всѣхъ кочевьяхъ начинается замѣтное движеніе, все направляется въ разныя части степи; рѣзвость и живость снова появляются и въ короткое время истощавшій зимою скотъ дѣлается тучнымъ, а долговременный голодъ людей вознаграждается обильною и вкусною пищею—густымъ молокомъ, крѣпкимъ кумысомъ, жареными барашками и молодыми лошадьми. Киргизы скоро забываютъ зимнія невзгоды. По мѣрѣ оживленія природы, перекочевки становятся все веселѣе и веселѣе; и онѣ повсюду сопровождаются громкими пѣснями, веселымъ крикомъ и топотомъ оживших киргизскихъ стадъ.

Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, киргизъ къ зимѣ ворочается другими путями назадъ, къ своей зимовкѣ. Понятно, что величина кривой, описываемой въ кочевкахъ киргизомъ, зависитъ отъ изобилія подножнаго корма на лѣтовкахъ и отъ многочисленности его стадъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ кочевокъ, достаточно упомянуть, что богатые киргизы, кочующіе на р. Сыръ-Дарьѣ, доходятъ къ серединѣ

лѣта до Троицка, т. е. въ теченіе года ихъ стада дѣлаютъ болѣе 2,000 верстъ. Чѣмъ бѣднѣе киргизъ, тѣмъ круги, описываемые его стадами во время лѣтовокъ, будутъ менѣе; тѣ же киргизы, которыхъ имущество состоитъ изъ нѣсколькихъ головъ скота, такъ называемые «джетаки», неимущіе, остаются круглый годъ на мѣстѣ.

Лѣтомъ киргизы въ сильныя жары скрываются отъ палящаго зноя и множества разныхъ насѣкомыхъ въ тѣни своихъ кибитокъ и высыпаются, но взамѣнъ того прохладные вечера и почти всѣ лунныя ночи проводятъ въ домашнихъ увеселеніяхъ или дружескихъ бесѣдахъ, слушая по временамъ заунывный гулъ любимаго ихъ инструмента, «джебьезги», сопровождаемый нерѣдко довольно искуснымъ пѣніемъ.

Когда же время подходитъ къ осени, то является новый рядъ удовольствій для киргизъ. Скотъ въ это время вполнѣ откормленъ, жаръ уже не такъ мучителенъ, а потому это время признается наилучшимъ для всякихъ общественныхъ празднествъ и забавъ и, преимущественно, для поминовенія умершихъ родственниковъ. Начинаются охоты, скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль и т. п., которыя съ нѣкоторою постепенностію продолжаются до конца октября, а въ южной степи и до конца ноября мѣсяца.

Глубокая осень производитъ невѣроятный переворотъ въ духѣ киргизскаго народа, согласующагося почти всегда съ дѣйствіями окружающей природы. Веселіе замолкаетъ и начинаетъ показываться повсюду между киргизами какое-то мрачное уныніе, всѣ отъ мала до велика спѣшать заготовлять припасы на зиму—сушатъ на солнцѣ соленую баранину, коптятъ конину, приготовляютъ войлоки для кибитокъ и овчины для одежды. Разсѣянные до того по степи аулы начинаютъ сосредочиваться, дабы соединенными силами противустоять

страшному врагу своему—зимнему времени. Темныя ночи посвящаются, вмѣсто прежнихъ увеселеній, хищничеству и въ это-то время, когда у каждаго киргиза развивается какая-то злоба въ сердцѣ на весь свѣтъ, обыкновенно производились и главные ихъ баранты и разбои.

Таковъ главный видъ теченія жизни киргизскаго народа изъ года въ годъ; русскому невозможно привыкнуть къ ней, но и киргизы, гнушаясь всего, что составляетъ принужденіе и единообразность, то же самое думаютъ и въ отношеніи жизни русскихъ.

Киргизы, подъ вліяніемъ окружающей природы и образа жизни, бываютъ вообще угрюмы, какъ окружающая ихъ степь, безпечны и склонны къ праздности; всегдашнее пребываніе среди пустынной и одинокой природы наложило на киргизъ печать меланхоліи и привычку къ уединенію; случается, что иной киргизъ погружается, сидя въ безмолвной степи, въ такую глубокую задумчивость, что не видитъ и не слышитъ ничего, вокругъ него происходящаго.

Нрава, говоря вообще, киргизы непостояннаго; къ дружбѣ склонны, но для личной выгоды скоро ей измѣняютъ; къ услугамъ признательны; къ благодѣяніямъ благодарны—память благотворителя сохраняется долго въ потомствѣ; въ гнѣвѣ нетерпѣливы и мстительны; весьма любопытны и слѣпо всему довѣряются, особенно когда задѣть ихъ чувство и воображеніе. Особенною храбростью киргизы не одарены, но въ высшей степени терпѣливы въ перенесеніи трудовъ и страданій. Они неутомимы на сѣдлѣ и могутъ, безъ видимыхъ признаковъ усталости, скакать двѣнадцать и болѣе часовъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Физическія страданія они переносятъ съ непонятнымъ, дикимъ стоицизмомъ, и на ихъ бронзовыхъ, огрубѣлыхъ лицахъ, едва разберешь впечатлѣнія отъ 30 градусовъ мороза, или 30 градусовъ жары. Голодъ и жажда ихъ безпо-

коятъ мало и при недостаткѣ они довольствуются небольшимъ кускомъ крута (овечій сыръ), разведеннаго въ водѣ, но когда представится случай поѣсть вволю, тогда они алчны и чрезвычайно много съѣдаютъ. Къ несчастіямъ своего народа киргизы довольно сострадательны; но бѣднымъ помогаютъ мало и неохотно; въ ожесточеніи вообще всѣ неукротимы, сильно привязаны къ наружному блеску и сластолюбивы, передъ сильнѣйшими низки и раболѣпны, а передъ слабыми горды и неумолимы. Въ дѣлахъ народныхъ честолюбивы; причемъ стараются наиболѣе отличиться для того, чтобы оставить по себѣ добрую память; обѣщаній своихъ не исполняютъ, но въ торговыхъ договорахъ и сдѣлкахъ, за рѣдкими исключеніями, весьма постоянны.

Киргизы вообще не обижены здравымъ смысломъ и всѣ ихъ разсужденія, если взять прямую сущность оныхъ, довольно здравы, но необыкновенная страсть къ пустословію, соединенная съ полнымъ отсутствіемъ образованія, дѣлаетъ ихъ вообще неспособными къ толковому изложенію своихъ мыслей, такъ что необходимъ большой навыкъ, чтобы уразумѣть сущность мыслей и желаній любого киргиза.

Прежде существовавшее почти дѣтское почтеніе къ старикамъ давно утратило у киргизъ свою силу, а именно съ того времени, когда они потеряли довѣренность къ старшимъ, управляющимъ ихъ родами не по избранію народному; самая любовь и привязанность къ родителямъ нынѣ основывается лишь болѣе на разсчетѣ. Кровный союзъ у киргизъ считался прежде неразрывнымъ; ни дальнее родство, ни раздробленность поколѣній, ни внутреннія несогласія, ничто не уничтожало воспоминанія объ общемъ родовомъ происхожденіи; въ настоящее же время эта связь замѣтно ослабѣваетъ. Въ дѣлахъ общественныхъ, для отпора непріятельскому нападенію или для набѣга, всѣ аулы прежде стремились

принять участіе сообща, всѣми силами своего рода, и потому между всѣми родами киргизъ въ степи поддерживалось какъ бы политическое равновѣсіе; но нынѣ этого не существуетъ; такая связь рѣдко бываетъ постоянна, даже случается, что дѣти, увидавъ на противной сторонѣ личныя выгоды, не дорожатъ родительскимъ благосостояніемъ.

Такимъ образомъ, у киргизъ, какъ и всюду, всѣ общественныя связи основаны на личной выгодѣ и общей безопасности. Такъ, первоначально соединялось нѣсколько семействъ и образовало аулы или улусы, руководимые старѣйшими и почтеннѣйшими изъ среды своей; нѣсколько улусовъ, близкихъ родствомъ, соединялись вмѣстѣ, образуя удѣлъ (тюбя) подъ управленіемъ особаго избраннаго старшины или бея; нѣсколько удѣловъ составляли отдѣленія (аймако), которыя избирали своихъ начальниковъ; наконецъ отдѣленія соединялись въ роды (руу). Такія отдѣленія и роды у киргизъ весьма многочисленны и имѣютъ особенныя названія, происходящія иногда отъ урочищъ, гдѣ постоянно эти части орды зимуютъ, но чаще называются по имени родоначальниковъ и другихъ лицъ, заслужившихъ въ своемъ родѣ общую извѣстность и знаменитость.

Часто роды и отдѣленія вступали въ добровольный союзъ подъ управленіемъ хановъ или, какъ нынѣ подъ властію русскихъ, подъ управленіемъ дистаночныхъ начальниковъ и султановъ-правителей. Такое смѣшеніе родовъ орды имѣетъ свою пользу, какъ ведущее къ забвенію родового раздѣленія и вражденныхъ отношеній и ненависти между нѣкоторыми киргизскими родами, что въ степи всегда являлось причиною несогласій и междоусобій.

Киргизскій народъ раздѣляется на два класса — на происходящихъ отъ «акъ-суякъ» или «тюръ-суякъ» (отъ бѣлой, т.-е. знатной кости) и происходящихъ отъ

«кара-суякъ» (отъ черной или красной кости). Изъ числа принадлежащихъ къ бѣлой кости (потомки хановъ, султанвъ, ходжей и тархановъ [1]) избирались обыкновенно родоправители; они же въ прежнія времена были богатѣйшими въ ордѣ людьми и пользовались особыми правами; однако въ настоящее время усилилось значеніе и происходящихъ отъ черной кости—они часто пріобрѣтаютъ себѣ титулы біевъ и батырей [2]), входятъ въ родство съ султанами и начальствуютъ многими аулами.

Богатство, число подвластнаго народа и перевѣсъ въ дѣлахъ народныхъ нерѣдко зависитъ у киргизъ отъ многочисленности семей или улусовъ, такъ какъ киргизы бѣдные и съ малыми семьями вступаютъ обыкновенно въ аулы подъ покровительство богатаго старѣйшины и для снисканія себѣ въ степи безопасности отъ обидъ, вынуждены бываютъ угождать во всемъ своимъ покровителямъ, перенося иногда ихъ насиліе. Если отягощеніе патрона превзойдетъ всякую мѣру, тогда бѣдняки принимаютъ сторону противниковъ и, въ отмщеніе претерпѣннаго угнетенія, прежде нерѣдко нападали на стада бывшихъ своихъ начальниковъ, что и составляло «баранту» или угонъ скота; однако къ барантѣ, какъ увидимъ ниже, бываютъ и другія побудительныя причины.

Весь киргизскій народъ дѣлится на три большія части или орды,—Большую, Среднюю и Малую. Только часть Большой орды кочуетъ въ предѣлахъ Китая, да нѣсколько родовъ прочихъ ордъ кочуютъ въ сосѣд-

---

[1]) Тарханами жаловало киргизъ русское правительство и званіе это считается у нихъ потомственнымъ.

[2]) Достоинство біевъ и батырей пріобрѣтается по большей части случайно; чаще всего оно сначала придается, какъ бы шутя, говорунамъ и удальцамъ, но мало-по-малу они съ этимъ названіемъ успѣваютъ присваивать себѣ нѣкоторое вліяніе и власть.

нихъ киргизскимъ степямъ ханствахъ; всѣ же остальные киргизы находятся въ подданствѣ русскомъ.

Впрочемъ, о подданствѣ значительное число киргизъ имѣетъ и до сихъ поръ весьма шаткія понятія; они признаютъ себя подданными повсюду, гдѣ видятъ въ томъ нужду, опасность или принужденіе; очень часто приближаясь къ русскимъ предѣламъ, они называютъ себя русскими подданными, а, кочуя близъ границы Кокана, Бухары и Хивы, признаютъ себя подданными этихъ ханствъ; среди же степей, въ увѣренности своей безопасности, киргизы считаютъ себя независимыми и готовы отважиться на все. Подобныя обстоятельства подали поводъ къ тому, что всѣ сосѣднія киргизской степи правительства, когда удастся поймать имъ виновнаго въ своеволіи киргиза, судятъ его по своимъ законамъ, не сносясь съ сосѣдними странами.

Вообще во всѣхъ ордахъ по внутреннимъ дѣламъ своимъ киргизы управляются въ сущности по собственнымъ своимъ законамъ или обычаямъ. Законы эти считаются собранными и утвержденными между ними ханомъ Тявкою; въ настоящее время они утратили единство и силу и представляютъ лишь слабую тѣнь закона, а потому безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что прямые законы киргизскаго народа суть ихъ собственныя чувства и побужденія.

Народные судьи киргизскіе называются біями [1]); приговоры же ихъ имѣютъ тѣмъ болѣе преимущества, чѣмъ сильнѣе подвластная имъ партія, а такъ какъ истолкованіе обычая и приговоръ зависятъ отъ того же бія, то при такомъ положеніи дѣлъ немудрено, что и укореняется въ степи право сильнаго. Когда обиженный представлялъ просьбу своему бію, туда же влекли и отвѣт-

---

[1]) Подробнѣе объ управленіи и судѣ киргизъ будетъ изложено въ третьей главѣ этой статьи. *Ред.*

чика; судья, разбирая дѣло на словахъ, оканчивалъ все очень скоро, но подобныя рѣшенія часто основывались на предразсудкахъ и оставались безапелляціонными. Если отвѣтчикъ не одного рода съ обиженнымъ, то бій, выслушавъ просьбу и признавъ ее справедливою, посылалъ истца съ дѣтьми къ старѣйшинѣ того рода требовать удовлетворенія, и, въ случаѣ неисполненія такого требованія, разрѣшалъ взять слѣдуемое силою — барантовать, причемъ судья и истецъ отнятое дѣлятъ пополамъ. Когда почему-либо невозможно отнять слѣдуемый искъ явнымъ образомъ, то производится хищничество, нападаютъ тайно на табуны, а если и это не удается, то подстерегаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ проѣзда обвиняемаго, захватываютъ его, обираютъ совершенно и отпускаютъ почти нагого. Такого рода хищничество нерѣдко бывало основано на личныхъ и несправедливыхъ претензіяхъ, а потому давало право на отмщеніе тѣмъ же; переходя изъ рода въ родъ, такое положеніе дѣлъ развило между киргизами повсемѣстное сутяжничество и разбои въ отмщеніе за обиды дѣдовъ и прадѣдовъ.

Въ началѣ такія баранты совершались съ воли родоначальниковъ подъ управленіемъ почетныхъ людей и производились только въ случаѣ значительныхъ претензій, какъ напримѣръ за воровство ста и болѣе лошадей и т. п.; впослѣдствіи же одинъ баранъ, обидное слово и т. п.,—все служило поводомъ къ производству хищничества.

Послѣ этого будетъ понятно, если скажемъ, что воровство скота въ степи перестало, наконецъ, считаться порокомъ; напротивъ, человѣкъ преуспѣвавшій въ такомъ искусствѣ, въ былыя времена нерѣдко пользовался почетомъ и пріобрѣталъ титулъ «батыря» (наѣздника и богатыря). Бѣдные люди старались сблизиться съ такимъ батыремъ и составляли особенныя общества грабителей, которыя соединялись вмѣстѣ и подъ предлогомъ ба-

ранты они угоняли скотъ у всѣхъ богатыхъ киргизъ, а нерѣдко производили набѣги на сосѣднія земли и на купеческіе караваны подъ предлогомъ взиманія пошлинъ за пропускъ черезъ свои кочевья.

Такимъ образомъ въ степи начало развиваться хищничество во всѣхъ его видахъ и дошло до того, что грабежи начались уже безъ всякихъ поводовъ и такая добыча служила для многихъ киргизовъ долгое время единственнымъ способомъ существованія. Не только табуны, но и киргизы сами, во время проѣзда степью, не избѣгали опасности отъ подобныхъ хищниковъ, даже старшины и біи, встрѣтясь нечаянно съ такою шайкою, лишались всего имущества и нагіе принуждены были тащиться до ближайшаго аула; словомъ, ни одинъ степной житель не могъ быть спокоенъ и почти невольнымъ образомъ вовлекался въ баранту и хищничество. Само собою разумѣется, что киргизы начали тяготиться такимъ ужаснымъ положеніемъ дѣлъ, и вотъ причина, почему они постоянно и долго обращались во всѣ стороны, отдаваясь то однимъ, то другимъ сосѣдямъ въ подданство, лишь бы избавиться отъ страшнаго произвола и насилія, укоренившагося въ степяхъ. Отсюда также ясно, почему покровительство русскихъ было предпочтено ими подданству сосѣднимъ ханствамъ, куда переходятъ только недовольные; русскіе прямо начали съ преслѣдованія баранты и нынѣ она, если и проявляется изрѣдка, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

При барантахъ вообще избѣгалось у киргизъ смертоубійство; но если убійства случались, то месть за то изъ рода въ родъ считалась необходимою. Нѣкоторые изъ правителей народныхъ съ давняго времени старались это искоренить и нынѣ подобныя дѣла оканчиваются миролюбиво, по взаимному договору тяжущихся, уплатою цѣны крови или пени, что называется «кунъ».

Военное ремесло издавна признавалось киргизами самымъ благороднымъ занятіемъ; почти каждый сколько-нибудь достаточный киргизъ непремѣнно имѣлъ оружіе и въ прежнее время, по первому призыву родоначальника, каждый изъ нихъ являлся въ ополченіе. Испытанная храбрость и предпріимчивость давали право быть предводителемъ, которыхъ избиралъ общій голосъ народа На случай войны каждый киргизскій родъ имѣлъ особеннаго цвѣта знамя или кусокъ бумажной цвѣтной матеріи, навязываемый на длинную пику; въ отдѣленіяхъ или аймакахъ и тюбяхъ были также свои значки, соотвѣтствовавшіе цвѣтамъ родового знамени. Во время битвы такіе значки служили для управленія сражающимися; толпы всегда слѣдовали около своихъ знаменъ и значковъ—гдѣ они виднѣлись, тамъ болѣе тѣснились воины, производя жестокую сѣчу; какъ скоро воинство теряло значки изъ вида, то разсѣивалось въ безпорядкѣ, считая себя побѣжденнымъ.

Сборы къ войнѣ начинались съ того, что старѣйшина или султанъ, управлявшій родомъ, выставлялъ у своей кибитки знамя; тотчасъ весь родъ его спѣшилъ вооружиться и гонцы летѣли изъ аула въ аулъ, призывая на брань; всюду раздавались клики наступающей войны; повсюду въ союзныхъ аймакахъ поднимались также значки, призывающіе къ ополченію, которое и собиралось къ общему знамени. Соединившись въ одно мѣсто, воины раздѣлялись на партіи, изъ которыхъ каждая составляла свой кругъ и выбирала себѣ въ начальники отважнѣйшаго; эти послѣдніе изъ среды своей избирали двухъ предводителей, извѣстныхъ опытностью и мужествомъ. Одинъ изъ предводителей представлялъ голову воинства или, вѣрнѣе, былъ предсѣдателемъ и правителемъ совѣта, безъ котораго никакое предпріятіе не производилось, а другому поручалось храненіе родового знамени. Если въ военномъ предпріятіи участвовало

нѣсколько родовъ, то избиралось четыре верховныхъ полководца, изъ коихъ двое хранили главное знамя собравшейся на войну орды, а остальные управляли совѣтомъ. Чтобъ разнообразіе и безпорядокъ строя не могли подать повода къ смѣшенію въ битвѣ, киргизскіе роды имѣли свои военные клики, по которымъ разсѣянные воины собирались и каждый узнавалъ свою толпу; эти слова или клики были названіемъ какого либо мѣста или же относились къ чести какого-либо главнаго рода; такъ, киргизы дюртъ — киргизскаго рода кричали въ битвѣ «аяры-тау», чиклинцы—«бактубаи», чумекивцы—«дюнтъ», а туркестанцы еще въ 1864 году кричали «аблай».

Вслѣдствіе всеобщаго раздора, развившагося между киргизскими родами, они нынѣ не могутъ собраться на войну единодушно; обстоятельства, касающіяся одного рода или отдѣленія, не возбуждаютъ въ другихъ сочувствія и охоты участвовать въ борьбѣ за чужіе интересы, несмотря на то, что законъ строжайше требуетъ отъ каждаго этой жертвы, при помощи которой въ прежнее время только и поддерживалось равновѣсіе между родами и кое какой порядокъ и спокойствіе въ степи. Въ настоящее время киргизскій народъ можетъ выставить безъ обремененія до 200 тысячъ коннаго ополченія, но если бы вся киргизская орда вздумала взяться за оружіе, то легко могла бы выставить до 500 тысячъ выносливыхъ и здоровыхъ воиновъ.

Оружіе киргизъ состоитъ изъ весьма длинныхъ пикъ, которыми они очень искусно дѣйствуютъ, и потомъ изъ шашекъ; немногіе изъ нихъ имѣютъ фитильныя ружья, а въ древнія времена употребляли лукъ и стрѣлы, которыми дѣйствовали превосходно. Прежде употреблялись у нихъ также панцыри изъ желѣзной сѣтки, которою нерѣдко покрывали и лошадей; голову же старались предохранить отъ сабельныхъ ударовъ конусообразными металлическими шишаками.

Трудность добыванія пороху и свинцу, совмѣстно съ плохими фитильными ружьями, дѣлаетъ для киргизъ затруднительнымъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія; иногда, за неимѣніемъ свинцовыхъ пуль, употребляются кремневые голыши, куски чугуна и даже глиняныя пули. Порохъ бываетъ большей частью не зернистый, а въ видѣ мякоти; его составныя части входятъ безъ соблюденія должной пропорціи и дурно перемѣшаны между собою. Частью киргизы порохъ дѣлаютъ сами, покупая сѣру и находя селитру, хотя весьма не чистую, въ соляныхъ степныхъ озерахъ, но чаще всего припасы эти и самый порохъ покупаютъ въ сосѣднихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Киргизы съ юныхъ лѣтъ пріучаются управлять лошадью; едва мальчикъ укрѣпится, какъ ему дается полная свобода укрощать дикихъ степныхъ коней, а постоянное кочеваніе, забава и охота еще болѣе утверждаютъ ихъ въ наѣздничествѣ и проворствѣ. Привычка ѣздить верхомъ укореняется до того, что киргизу неудобно ходить и онъ даже на самое короткое разстояніе не рѣшится сходить пѣшкомъ, если есть возможность отправиться туда верхомъ.

Военное искусство не достигло здѣсь до степени строя и однообразнаго употребленія оружія, а походитъ болѣе на одиночное удальство, состоящее въ скачкѣ верхомъ (джигитовкѣ), при чемъ каждый воинъ дѣйствуетъ въ бою самъ по себѣ. Величайшее несчастіе для киргизскаго воина лишиться лошади; у спѣшеннаго киргиза храбрость и всѣ воинскія добродѣтели исчезаютъ и онъ дѣлается величайшимъ трусомъ.

Для быстрой передачи свѣдѣній у киргизъ существуютъ разные сигналы или маяки. Для дальняго похода киргизы берутъ двухъ и болѣе лошадей; изъ этихъ лошадей лучшая припасается къ дню боя, а на остальныхъ, поперемѣнно, совершается походъ и везется

умѣренный запасъ продовольствія и фуража. Нечаянныя нападенія и грабежи составляютъ главнѣйшій образъ и цѣль веденія войны киргизами. При невозможности уклониться отъ битвы, чего они стараются достигнуть всѣми силами, киргизы прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ, дабы развлечь вниманіе непріятеля; иногда устраиваютъ засаду и, сдѣлавъ ложное нападеніе, увлекаютъ противника въ желаемомъ направленіи, а иногда, раздѣлившись на партіи, бросаются со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и шумомъ, стараясь внушить врагу мысль о своей многочисленности и тѣмъ привести его въ робость и обратить въ бѣгство. Столкнувшись съ непріятелемъ, воины вступаютъ въ рукопашный бой безъ всякаго порядка, производятъ страшный крикъ; первый ударъ киргизъ бываетъ необыкновенно силенъ, производится со всѣмъ мужествомъ и энергіею, на какую они только способны; но энтузіазмъ скоро охладѣваетъ отъ первой же неудачи; новые наѣзды ихъ становятся слабѣе и слабѣе, и за тѣмъ они сами разсѣиваются во всѣ стороны.

Какъ ни велика страсть у киргизъ къ набѣгамъ и грабежу, однако же недостатокъ природной храбрости много ихъ умѣряетъ, такъ что вообще ихъ должно считать болѣе способными къ быстрымъ наѣздамъ и къ преслѣдованію разбитаго непріятеля, нежели къ какимъ либо другимъ военнымъ предпріятіямъ. И, дѣйствительно, въ наѣздахъ своихъ они были весьма искусны и страшны сосѣднимъ странамъ.

Первоначально киргизы были идолопоклонниками; это продолжалось, сколько извѣстно, до IX столѣтія, когда нѣкоторые усердные послѣдователи Магомета начали впервые разсѣивать въ киргизскихъ степяхъ правила новаго ученія и къ исходу XI вѣка, во времена возвышенія Золотой Орды, всѣ почти обитатели западной части степи сдѣлались мусульманами; обитатели же

восточной части степи долгое время и послѣ того еще оставались вѣрными поклонниками «бурхановъ». Совершенно же утвердили въ магометанствѣ киргизъ поселившіеся среди нихъ толпы магометанъ изъ сосѣднихъ среднеазіатскихъ ханствъ, Хивы, Бухары и Кокана, постоянно стремящихся поддерживать среди киргизъ всѣми способами магометанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственное вліяніе въ видахъ торговыхъ и политическихъ. Киргизы слѣдуютъ ученію сунитскаго толка; они собственно избрали изъ этого ученія только тѣ мѣста, которыя соотвѣтствовали ихъ закоренѣлымъ понятіямъ или понравились имъ и по большей части смѣшали ихъ съ своими старыми обрядами, такъ что среди киргизъ вѣра магометанская не производитъ того энтузіазма, какой замѣчается въ другихъ народахъ, исповѣдующихъ ту же религію.

Магометанство со временемъ легко могло бы и совершенно уничтожиться среди киргизъ, если бы муллы подъ видомъ снисканія святости, но конечно болѣе изъ корысти, не проникали въ степь изъ Бухары, главнаго средоточія и источника мусульманства въ Средней Азіи, а также и изъ другихъ сосѣднихъ степей ханствъ, находящихся въ этомъ отношеніи издавна подъ вліяніемъ Бухары. Эти-то муллы усердно поддерживали между киргизами мусульманство увѣщаніями, ученіемъ молитвъ, растолкованіемъ стиховъ, разными обманами и даже принаравливаніемъ своего ученія къ природнымъ склонностямъ и обычаямъ киргиза.

Русское правительство давно сознало весь вредъ подобнаго вліянія муллъ и дѣлало неоднократно распоряженія объ искорененіи такого зла; но, къ сожалѣнію, подобныя распоряженія, при невѣжествѣ и равнодушіи чиновниковъ, ближайшимъ образомъ поставленныхъ въ соотношенія съ киргизами, современемъ забывались. Преимущественно мусульманство сильно утвердилось на бе-

регахъ р. Сыръ-Дарьи, гдѣ сношенія съ сосѣдними ханствами чаще и удобнѣе; поэтому тамошніе киргизы гораздо фанатичнѣе, строптивѣе и менѣе расположены къ русскимъ.

Главные догматы сложившейся такимъ образомъ киргизской вѣры состоятъ въ слѣдующемъ: 1) *Омовеніе*— его производятъ весьма рѣдко, причемъ вмѣсто воды обтираются пескомъ или пылью и даже сухими руками, показывая только видъ омовенія, съ приличнымъ дѣлу благоговѣніемъ поглаживая голову, лицо и бороду. 2) *Молитва*—очень немногіе киргизы исполняютъ эту строгую обязанность магометанства; нѣкоторые, оставивъ въ сторонѣ предписанныя закономъ правила, ограничиваются однимъ колѣнопреклоненіемъ или земнымъ поклономъ, а другіе молятся по одному разу въ сутки, вмѣсто пяти, какъ бы слѣдовало по закону. Холостые и молодые люди вообще никогда не молятся и только весьма незначительная часть киргизъ погружена въ ханжество и то болѣе притворно, не по знанію закона и усердія, а изъ одного корыстнаго побужденія привлечь къ себѣ вниманіе и заслужить довѣріе; такіе киргизы стоятъ на молитвѣ иногда по часу и даже ночью читаютъ вслухъ стихи изъ Корана или вздыхаютъ, поминая имя Божіе. По большей части эту роль разыгрываютъ проникающіе въ киргизскія степи муллы и разъѣзжающіе по ауламъ среднеазіатскіе торгаши, которымъ хотя и запрещается проживать въ аулахъ, но при недосмотрѣ и безпечности правителей киргизскихъ подобные люди успѣваютъ таки въ своемъ дѣлѣ. 3) *Многоженство*—это установленіе весьма нравится киргизамъ и они имъ пользуются съ успѣхомъ. 4) *Ненависть къ свининѣ,*—укоренилась между киргизами такъ же сильно, какъ и у прочихъ магометанъ. 5) *Употребленіе обмана противу невѣрныхъ*—всевозможныя хитрости и вѣроломство противу не мусульманъ, да и вообще для спасенія

отъ опасности или для полученія выгоды, исполняются съ большою охотою киргизами. 6) *Всѣ религіи, кромѣ Магометовой считать невѣрными* (кафръ) и противъ тѣхъ, кто ихъ исповѣдуетъ употреблять насиліе и оружіе—киргизы долгое время считали угожденіемъ Богу грабежъ и плѣненіе иновѣрцевъ, которыхъ даже предавали истязаніямъ, стараясь обратить въ мусульманство; по крайней мѣрѣ всѣ возвращенные въ разное время изъ неволи христіане показываютъ, что киргизы, захвативши ихъ, мучили разными способами, напримѣръ, обжигая медленнымъ огнемъ пальцы и т. п. и потомъ уже продавали въ неволю въ сосѣднія ханства.

Всѣ остальные уставы вѣры Магометовой киргизами совершенно отвергаются, особенно тѣ, которые противны любимымъ ихъ древнимъ предразсудкамъ, какъ напр. возданіе почестей поминовеніями и торжествами мертвымъ, вѣра, что невидимые духи участвуютъ въ дѣлахъ людей и пр.

Слѣдовательно, смѣшеніе нѣкоторой доли магометанства съ старинными языческими вѣрованіями и обычаями составило у киргизъ свое собственное, киргизское вѣрованіе. У киргизъ даже былъ прежде, какъ бы особый классъ жрецовъ, которые съ помощью волхвованія сносились съ духами и съ помощью ихъ старались удовлетворить желанія каждаго; эти волхвы назывались «баксы», и раздѣлялись на многіе классы по способамъ и образу колдовства. Въ позднѣйшія времена почти вездѣ колдуны вывелись и если попадаются, то исключительно только гадающіе посредствомъ костей и т. п. Муллы, принаравливаясь къ народнымъ предразсудкамъ, также гадаютъ киргизамъ по алкорану; кромѣ того они съумѣли имъ внушить, что нѣкоторые таинственные стихи, молитвы и характерные почерки, написанные на особомъ лоскуткѣ и постоянно при себѣ сохраняемые, имѣютъ магическую силу—укрѣпляютъ здоровье, со-

храняютъ скотъ отъ падежа, дѣлаютъ въ войнѣ неустрашимыми и оружіе враговъ безвреднымъ. Киргизамъ все это очень нравилось и они съ радостью покупали у обманщиковъ лоскутки исписанной бумаги.

Языкъ, которымъ говорятъ киргизы и который съ нѣкоторыми измѣненіями употребляется и всѣми татарами, есть языкъ древній, тюркскій; но отъ сношенія киргизъ съ разными сосѣдними народами языкъ этотъ много измѣнился, хотя множество словъ киргизскихъ и турецкихъ и понынѣ очень схожи. Бѣдность окружающей природы, простота жизни и отношеній къ сосѣдямъ были причиною, что киргизскій народъ и его языкъ мало развился, тѣмъ не менѣе они могутъ объясняться на немъ довольно краснорѣчиво. Разговоры ихъ всегда исполнены уподобленій, иносказаній, отличающихся смѣлостью и часто выразительностью; многіе старшины по навыку въ этомъ сдѣлались столь искусными, что каждый считаетъ за особенное удовольствіе ихъ послушать. По увѣренію киргизъ въ новѣйшее время краснорѣчіемъ отличаются коканцы, которые и могутъ убѣдить во всемъ, въ чемъ только захотятъ.

Краснословію своему киргизы болѣе всего даютъ ходъ въ общественныхъ совѣтахъ, при ходатайствахъ по своимъ дѣламъ, въ сказкахъ и пѣсняхъ о подвигахъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ героевъ; въ послѣднемъ случаѣ они стараются употребить все свое искусство.

Первое мѣсто между пѣснопѣніями киргизъ занимаютъ похвалы геройству и воспоминанія о знаменитыхъ происшествіяхъ; потомъ слѣдуетъ описаніе образа жизни, любви и другихъ чувствованій и, наконецъ,—заключающія плачъ по умершимъ. Все это излагается въ видѣ стихотвореній, разнообразныхъ по размѣрамъ стиха, хотя и кажущихся съ перваго взгляда однообразными. Напѣвъ ихъ всѣхъ вообще заунывный; сперва тянутъ одну ноту, потомъ спѣшатъ, какъ бы речитативомъ, пропѣть

весь стихъ и заканчиваютъ его опять протяжно. Веселыя пѣсни и пляска между киргизами неупотребительны.

Многіе изъ нихъ имѣютъ природную способность къ импровизаціи пѣсенъ; можно по желанію задавать имъ темы къ пѣнію, они тотчасъ же начинаютъ пѣть и готовы продолжать это безъ конца, прибѣгая къ повтореніямъ одного и того же и разнымъ отступленіямъ. Вообще киргизы не дорожатъ своими поэтическими произведеніями и потому мало ихъ сохраняется; наиболѣе же сблизившіеся съ русскими перенимаютъ наши пѣсни, коверкая ихъ уморительнѣйшимъ образомъ.

Въ письмѣ употребляется татарскій алфавитъ, но вообще грамотность между киргизами развита весьма недостаточно; старѣйшины и султаны для письменныхъ занятій держатъ при себѣ татарскихъ муллъ и рѣдко кто изъ киргизскихъ начальниковъ подписывается, а по большей части прикладываютъ вмѣсто подписи печать свою. Но не слѣдуетъ удивляться, что киргизы, находясь столь долгое время въ русскомъ подданствѣ, остались до такой степени безграмотными; главнѣйшею причиною тому должно считать разность вѣры, недовѣрчивость киргизъ и продолжительное неустройство степей. Еще во времена императрицы Екатерины II учреждены были въ пограничныхъ съ степью мѣстахъ школы для киргизъ, но они смотрѣли на эту заботливость правительства объ ихъ просвѣщеніи подозрительно, опасаясь, что ихъ станутъ принуждать къ принятію христіанства и т. п. Нынѣ же школы для киргизскихъ дѣтей, кромѣ прежнихъ пограничныхъ, учреждены среди самыхъ степей по укрѣпленіямъ нашимъ и отъ того надо ожидать болѣе полезныхъ результатовъ. Киргизы чуждались образованія не столько потому, чтобы оно казалось имъ дѣломъ труднымъ или чтобы недоставало у нихъ къ тому природныхъ способностей, а всего бо-

лѣе оттого, что не видѣли въ немъ прямой выгоды для себя. Теперь же съ окончательнымъ занятіемъ киргизскихъ степей, при увеличившихся сношеніяхъ съ русскими, прежде всего понадобилось множество переводчиковъ, а также грамотныя ближайшія власти надъ киргизами и потому для грамотныхъ киргизъ представляются выгодныя мѣста; они спѣшатъ отдавать своихъ дѣтей во вновь открытыя школы; тѣмъ болѣе, что учители въ нихъ изъ киргизъ же, воспитавшихся въ оренбургской киргизской школѣ, да и самыя школы, такъ сказать, подъ рукою—всегда можно видѣться съ дѣтьми и брать ихъ къ себѣ безпрепятственно во всякое время. Къ сожалѣнію, только первоначальное предположеніе о совмѣстномъ обученіи киргизскихъ и русскихъ дѣтей въ однѣхъ школахъ не прививается, какъ въ виду взаимнаго нерасположенія дѣтей, такъ и почти явнаго нежеланія самихъ учителей - киргизъ поддерживать такой порядокъ обученія.

Во время безпрерывныхъ странствованій по обширнымъ открытымъ степямъ, киргизы, конечно, легко и скоро привыкаютъ отыскивать необходимый имъ путь; для этого имъ бываетъ достаточно самыхъ незамѣтныхъ другому признаковъ — относительное положеніе какого - нибудь ручья, озера, песчанаго холма, оврага, видъ травы и почвы бываютъ достаточными для нихъ указаніями, чтобъ навѣрное сказать въ какой части степи они находятся и судить о разстояніи до другихъ извѣстныхъ въ степи урочищъ; всякая сколько-нибудь замѣтная часть мѣстности непремѣнно имѣетъ у нихъ свое наименованіе.

Сверхъ того, въ странствованіяхъ по степи киргизы невольнымъ образомъ, подобно мореходцамъ, должны были обратить вниманіе на сводъ небесный и руководиться въ пути относительнымъ положеніемъ свѣтилъ его. Къ небеснымъ же свѣтиламъ влекло ихъ и древнее

суевѣріе, такъ какъ многіе вѣрили и вѣрятъ, что звѣзды составляютъ убѣжище невидимыхъ духовъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу людей. Звѣздамъ киргизы даютъ различныя названія, судя по положенію ихъ на небѣ; такъ напр. полярная звѣзда, имѣя малый путь обращенія и едва замѣтно перемѣняющая свое мѣсто на сводѣ небесномъ, называется ими «Темиръ Казыкъ», т.-е. желѣзный колъ; она же постоянно напоминаетъ имъ о сѣверномъ направленіи. Большая медвѣдица называется «Джитыганъ», т.-е. семь звѣздъ; по высотѣ ея звѣздъ надъ горизонтомъ киргизы узнаютъ время ночи, а по относительному расположенію оной на небосклонѣ даже и самыя времена года. Плеяды, дѣлающіяся съ половины марта до половины мая непримѣтными въ солнечныхъ лучахъ, а, по мнѣнію киргизъ, скрывающіяся въ нѣдрахъ земли, дабы дѣйствовать на корни растеній, питающихъ ихъ овецъ, называются «аркаръ», т.-е. дикій баранъ; нѣкоторая часть киргизъ называетъ еще плеяды «Илекъ Мулдусъ», т.-е. Илековая звѣзда, давая тѣмъ понять, что въ это время слѣдуетъ приближаться на лѣтнія кочевья къ рѣкѣ Илеку. Венера, вечерняя звѣзда, съ появленіемъ которой въ лѣтнее время выгоняютъ скотъ въ поле изъ закрытій, гдѣ онъ спасается отъ зноя и насѣкомыхъ, называется «Джулта Мулдусъ», т.-е. пастушья звѣзда. Млечный путь, положеніемъ котораго сообразуется нѣкоторымъ образомъ весенній и осенній перелетъ птицъ, называется «Джолокусъ», т.-е. птичья дорога. Нѣкоторые старики-киргизы настолько привыкли къ наблюденіямъ звѣзднаго неба, что безошибочно назначаютъ дни рожденія луны, узнаютъ по высотѣ свѣтилъ время дня; по нѣкоторымъ признакамъ разсуждаютъ о времени восхожденія и появленія звѣздъ, а по состоянію атмосферы иногда весьма удачно предсказываютъ вѣтеръ, дождь и грозу.

III.

Обычаи и обряды киргизъ.

Обряды и обычаи свои киргизы наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ, но много также заимствовали и отъ сосѣднихъ народовъ, съ которыми чаще всего приходилось имъ сообщаться. Поэтому въ этомъ отношеніи киргизы не имѣютъ ничего постояннаго, такъ что Большая Орда съ Малою, а эта со Среднею и даже нѣкоторые киргизскіе роды, въ нихъ заключающіеся, много различествуютъ въ своихъ обычаяхъ, хотя съ перваго взгляда образъ жизни вездѣ и кажется одинаковымъ.

Обычаи и обряды киргизъ по большей части вездѣ въ степи состоятъ въ слѣдующемъ:

При рожденіи, для облегченія страданій матери, употребляется ворожба духовныхъ лицъ или же обыкновенныхъ баксовъ.

Имя новорожденному даютъ не прежде, какъ онъ утвердится на ногахъ; тогда собственныя его наклонности, или отличительныя черты лица или особенныя какія-либо обстоятельства при его рожденіи, опредѣляютъ названіе дитяти и это имя рѣдко уже потомъ перемѣняется, а если у нѣкоторыхъ киргизъ и измѣ-

няется, то черезъ пять или семь лѣтъ, по обычаю монгольскому. Вслѣдствіе такого обычая давать имена дѣтямъ, случаются имена весьма странныя, особенно въ переводѣ на русскій языкъ, напр. «Балыкбай»,—«балыкъ»—рыба, а «бай»—множество. довольство; или «Итаякъ»—собачья лопатка, и т. п. Вмѣсто фамиліи или прозвищъ присоединяютъ къ своему имени имя отца, т.-е. называются по отцу, а иногда и по дѣду; нерѣдко же прозываются по отцу и дѣду вмѣстѣ. Иногда случается, но впрочемъ рѣдко, что по достиженіи совершеннолѣтія и при отправленіи дѣлъ общественныхъ. сами киргизы дѣтское имя свое оставляютъ, принимая новое, напоминающее какую-нибудь черту ихъ послѣдующей жизни. Обрѣзаніе мальчиковъ совершается, какъ и у всѣхъ прочихъ магометанъ.

Для воспитанія дѣтей у киргизъ не существуетъ никакихъ правилъ; они имъ рѣдко даютъ какія-либо наставленія и почти никогда не воспрещаютъ никакихъ шалостей, оставляя образованіе дѣтей на произволъ природы; все вниманіе къ дѣтямъ ограничивается тѣмъ, что любимому ребенку заплетутъ на головѣ косу или навѣсятъ какой-нибудь талисманъ отъ дурного глазу. Такимъ образомъ примѣры старшихъ и собственныя привычки суть главнѣйшіе руководители дѣтскаго ума и сердца у киргизъ; поэтому мужчины предаются только тѣмъ страстямъ и занятіямъ, которыя доставляютъ имъ удовольствіе. Что касается до дѣвушекъ, то по достиженіи ими десятилѣтняго возраста, онѣ обыкновенно подчиняются старшей въ семействѣ женщинѣ, которая наблюдаетъ за ихъ поступками и кое-чему обучаетъ по части веденія домашняго хозяйства. Благодаря этому, киргизскія женщины по большей части бываютъ гораздо скромнѣе, мягкосердечнѣе и трудолюбивѣе мужчинъ; ихъ назначеніе въ семействѣ—вышивать шелками и шерстью, шить одежду всѣмъ, приготовлять пищу, устраивать ки-

битку и т. п.; однимъ словомъ, смотрѣть за домашнимъ хозяйствомъ.

Киргизская женщина играетъ большую роль не только какъ полная хозяйка семьи, но и какъ членъ общества. На сходкахъ киргизовъ женщины подаютъ голосъ наравнѣ съ мужчинами, въ особенности по вопросамъ, касающимся общественныхъ нуждъ. Иногда даже мнѣніе женщинъ имѣетъ нѣкоторое преимущество надъ мнѣніемъ мужчины. Киргизы-мужчины ничего не дѣлаютъ; только во время кочевокъ они отыскиваютъ мѣста для лѣтовокъ, да пасутъ скотъ въ отгонныхъ табунахъ, когда, по свойству пастбищъ на зимовкахъ или во время лѣтнихъ кочеваній, часть скота должна кормиться вдали отъ ауловъ.

Жены у киргизъ пріобрѣтаются, какъ и у всѣхъ магометанъ, покупкою, называемою «калымъ»; поэтому родителямъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ у нихъ болѣе красивыхъ дочерей и нерѣдко случается, что бѣдные киргизы при помощи своихъ дочерей не только поправляли свое состояніе, но даже и очень богатѣли. Съ этой цѣлью въ нѣкоторыхъ киргизскихъ семействахъ, для сохраненія красоты дѣвушекъ, вошло въ обычай до замужества избавлять ихъ отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ и хлопотъ. Женщины не уклоняются отъ сообщества съ мужчинами, какъ это принято у прочихъ магометанъ; хвалить красавицъ считается у киргизъ поступкомъ благопристойнымъ; красавицы же, заслужившія общую похвалу, нерѣдко прославляются въ степяхъ. Дѣвушки, при всей вольности обращенія съ мужчинами, сохраняютъ строгое постоянство и рѣдко случается, чтобы они нарушили цѣломудріе до супружества; подобная потеря добраго имени дѣвушкою наноситъ ничѣмъ не загладимое посрамленіе отцу, а потому, чтобы предупредить порочную любовь между дѣтьми, у киргизъ укоренился обычай рано соединять дѣтей въ супружество, сговаривая ихъ еще въ младенчествѣ.

Такимъ образомъ выборъ мужчиною первой супруги не всегда зависитъ отъ его воли, онъ въ этомъ случаѣ подчиняется волѣ родительской; женщина же изъ этой зависимости никогда и не выходитъ. Между богатыми людьми случается, что дѣтей сговариваютъ еще въ колыбели и такіе союзы со стороны отцевъ имѣютъ цѣлью окончаніе бывшей между семействами распри, или же соединеніе въ родство двухъ сильныхъ колѣнъ, или же, наконецъ, поддержаніе старинныхъ между семьями пріязненныхъ отношеній.

Сватовство обыкновенно начинается черезъ довѣренныхъ людей, а иногда и сами отцы, увидѣвшись другъ съ другомъ, соглашаются объ условіяхъ бракосочетанія малолѣтнихъ дѣтей своихъ, назначая въ то же время и количество калыма [1]) за невѣсту и срокъ его уплаты.

Послѣ такого условія духовная особа или же просто старшій изъ присутствующихъ, приподнявъ руки, читаетъ вслухъ молитву, какую на этотъ случай самъ вздумаетъ, прося Бога, напр., чтобы малолѣтніе благополучно выросли, родители были живы и согласіе между ними сохранялось непрерывно, и потомъ въ заключеніе всѣ присутствующіе произносятъ «аллага-акбаръ», потираютъ лица и бороды руками и тѣмъ обрядъ сговора и заканчивается.

При свадебномъ договорѣ обыкновенно избираются съ обѣихъ сторонъ по три свидѣтеля, которые до самаго бракосочетанія остаются посредниками и судьями на случай разбирательства всѣхъ могущихъ возникнуть дѣлъ и недоразумѣній по поводу предстоящаго брака. По

---

[1]) Калымъ за первую невѣсту бываетъ всегда умѣренный, но за слѣдующія, судя по красотѣ ихъ и богатству жениха, по большей части всегда великъ и простирается до 100 лошадей, отъ 200 до 500 барановъ, нѣсколькихъ верблюдовъ, съ придачею кибитокъ, разной одежды и прочаго домашняго имущества. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, дабы избавиться отъ калыма, невѣсту похищаютъ и убѣгаютъ по большей части въ сосѣднія страны на нѣсколько лѣтъ.

окончанiи сговора, если обстоятельства и расположенiе ауловъ позволяютъ, назначается общественное торжество, на которое приглашаются изъ другихъ улусовъ знакомые, устраиваются разныя увеселенiя, какъ-то, конскiе скачки, борьба, и т. п., при чемъ побѣдители въ играхъ вознаграждаются разными подарками.

Послѣ того родители сговоренныхъ, придерживаясь своихъ обычныхъ мѣстъ кочеванiя, расходятся со своими табунами на огромныя разстоянiя и не имѣютъ между собою долгое время никакихъ сношенiй, развѣ только сносятся по поводу калыма. Отъ сговоренныхъ не скрываютъ брачнаго условiя, напротивъ, даже стараются всѣми мѣрами возбудить въ нихъ привязанность другъ къ другу. Когда же у жениха начнетъ показываться борода и когда количество выплаченнаго калыма значительно, то онъ просится у своихъ родителей отпустить его отыскивать по степи свою невѣсту. Жениху даютъ нарядное платье и добраго коня, а при наступленiи дня отъѣзда убиваютъ лучшаго барана и, по совершенiи пиршества, отецъ или старшiй изъ присутствующихъ читаетъ молитву; послѣ того женихъ, простившись съ родными, садится на коня и пускается въ дальнiй путь; иногда при этомъ женщины, собравшись со всего аула, провожаютъ жениха своимъ пѣнiемъ.

Сколько искусное перо могло бы изобразить прелестнаго и любопытнаго, описавъ хоть одно такое странствованiе жениха, когда онъ, надѣясь на одно только обыкновенное между киргизами гостепрiимство, пускается въ пространную, пустынную и мало извѣстную ему степь для отысканiя своей невѣсты; нерѣдко онъ долго бродитъ по степи безъ пристанища, безъ пищи, подвергаясь непогодамъ, а нерѣдко и опасностямъ отъ хищниковъ. Скитаясь подобнымъ образомъ, женихъ разузнаетъ отъ встрѣчныхъ, гдѣ расположенъ аулъ будущаго тестя; но при этомъ степная благопристойность требуетъ не тот-

часъ же вступать въ отыскиваемый аулъ, а необходимо остановиться въ ближайшихъ къ нему кочевьяхъ, развѣдать всѣ обстоятельства, касающіяся невѣсты и ея родныхъ, а потомъ уже стороною дать знать о своемъ прибытіи.

При первомъ посѣщеніи ауловъ будущаго тестя, женихъ обязанъ сообщить послѣднему о цѣли своего прибытія и, какъ скоро присутствіе жениха въ аулѣ сдѣлается гласнымъ, невѣсту скрываютъ въ особыхъ кибиткахъ или же укрываютъ тайно въ другомъ, соединенномъ улусѣ. Потомъ начинаются продолжительныя угощенія жениха, послѣ котораго онъ остается жить въ аулѣ будущаго тестя, какъ гость, и, не теряя времени, старается развѣдать чрезъ женщинъ о мѣстѣ пребыванія своей невѣсты, раздавая имъ за то небольшіе подарки. Узнавъ же гдѣ находится невѣста, женихъ старается избрать случай для нечаянной съ нею встрѣчи или свидѣться съ нею на единѣ, дабы при явномъ свиданіи не подвергнуться раздачѣ новыхъ подарковъ свидѣтелямъ такой встрѣчи. Невѣста въ продолженіе этихъ поисковъ одѣвается въ нарядныя платья и, конечно, съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ встрѣчи. Когда жениху наконецъ удастся достигнуть своей цѣли, то ему предстоитъ новое затрудненіе—необходимо преодолѣть застѣнчивость невѣсты нѣжными ласками и убѣдить открыть свое лицо.

Послѣ перваго свиданія съ невѣстою женихъ объявляетъ о томъ отцу ея; отецъ совершаетъ молитву и позволяетъ поставить «акчаутовъ», т.-е. небольшую палатку или бѣлый шатеръ (иногда зеленый или красный), разбивая оный въ сторонѣ отъ аула; въ палатку эту приходитъ женихъ и невѣста въ условное между ними время и уединенной ихъ бесѣды никто не имѣетъ права нарушать... Время гощенія у невѣсты зависитъ отъ жениха; онъ иногда уѣзжаетъ къ своему семейству

и опять возвращается, повторяя это до уплаты всего калыма.

Свадебные обряды вообще очень просты, особенно между людьми недостаточными; бо́льшія или меньшія пиршества и увеселенія, при этомъ необходимыя, производятся по мѣрѣ достатковъ.

Разсѣянное кочеваніе киргизъ и обыкновеніе брать женъ изъ другого рода рѣдко допускаетъ, чтобы аулъ жениха былъ близокъ къ аулу невѣсты; а потому родственники жениха не участвуютъ въ торжествѣ бракосочетанія, которое по большей части состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ только послѣднее количество калылыма доставлено и женихъ прибылъ въ аулъ тестя, то тотчасъ же начинаются свадебные пиры, для которыхъ закалывается нѣсколько барановъ, лошадей и коровъ, заготовляется достаточное количество кумысу, а богатые сверхъ того устраиваютъ еще и скачку. Во время приготовленій къ пиршеству по вечерамъ въ невѣстиной кибиткѣ собираются женщины и поютъ пѣсни, продолжая это до самаго бракосочетанія. Въ день брака невѣста, одѣтая въ наилучшій свой уборъ, съ нѣсколькими женщинами выходитъ или въ кибитку или же въ открытое поле, гдѣ находится ея отецъ, женихъ и приглашенные къ свадьбѣ гости, а также толпа любопытныхъ зрителей, и съ печальнымъ лицемъ садится среди нихъ; старшій изъ присутствующихъ или, если случится мулла, приподнявъ руки, читаетъ молитву вслухъ, прося Бога о ниспосланіи счастья новому супружеству; въ заключеніе подаютъ кушанье, послѣ чего новобрачные считаются совершенно соединенными и находятся всегда вмѣстѣ съ прочими. У нѣкоторыхъ киргизъ женихъ и невѣста не посѣщали брачнаго торжества, а только свидѣтели договора или посредники повѣряютъ исполненіе всѣхъ заключенныхъ обязательствъ и даютъ свое благословеніе на бракъ; родственники же прослу-

шаютъ молитву и весь день проводятъ въ разныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ новобрачные не участвуютъ. Къ вечеру невѣста съ наружными знаками печали сопровождается въ особую кибитку и садится тамъ на коврѣ, а прочія женщины надѣваютъ на нее женскій головной уборъ[1], сопровождая это занятіе заунывными пѣснями. Потомъ къ той же кибиткѣ пріѣзжаетъ женихъ съ товарищами; женщины окружаютъ кибитку невѣсты и не допускаютъ въ нее жениха; это подаетъ поводъ къ разнымъ шуткамъ, играмъ и пѣнію; иногда при этомъ раздаются женихомъ подарки женщинамъ, а послѣ нѣкотораго сопротивленія женихъ врывается въ кибитку, выноситъ изъ нея свою молодую жену при радостныхъ восклицаніяхъ толпы и, сажая ее на приготовленную и разукрашенную лошадь или верблюда, ведетъ съ торжествомъ къ мѣсту своего пребыванія въ аулѣ тестя.

Въ другихъ мѣстахъ степи поступаютъ еще инымъ образомъ. По утру, въ опредѣленный для свадьбы день, невѣсту, сидящую на коврѣ, носятъ по всему аулу прощаться съ подругами; къ вечеру же, сопровождаемая женщинами, поющими пѣсни, она идетъ въ акчаутовъ, къ которому привязываютъ на этотъ случай назначенную отъ тестя въ подарокъ зятю лошадь въ богатомъ уборѣ, а на сѣдло кладутъ лучшій халатъ. Оставивъ невѣству въ палаткѣ, всѣ удаляются, послѣ чего приходитъ въ акчаутовъ женихъ и остается съ невѣстою до утра, когда къ отцу невѣсты собираются гости и свидѣтели сговора. Если бракъ былъ безукоризненный, то женихъ надѣваетъ халатъ, садится на подареннаго коня и ѣдетъ къ тестю, гдѣ его ожидаютъ съ угощеніемъ;

[1]) Перемѣна головного убора описаннымъ способомъ не считается, впрочемъ, непремѣннымъ обычаемъ и иногда молодыя женщины, не раньше какъ сдѣлавшись матерью, снимаютъ свои красивыя шапочки и повязываютъ головы длиннымъ кускомъ бѣлаго полотна, что и составляетъ непремѣнный знакъ замужней женщины.

въ противномъ же случаѣ закалываютъ дареннаго коня и раздираютъ кафтанъ, чѣмъ отецъ невѣсты подвергается крайнему посрамленію.

Спустя нѣкоторое время послѣ свадьбы, молодой назначаетъ день отъѣзда къ дому своихъ родителей; въ тотъ день весь аулъ собирается въ одно мѣсто для совершенія общей молитвы, послѣ которой отецъ даетъ молодой наставленіе и вручаетъ зятю навьюченное на верблюдахъ приданое. Новобрачная съ изъявленіемъ глубокой горести прощается съ матерью и всѣми домашними, причемъ женщины выказываютъ свое сожалѣніе о разлукѣ страшными воплями; наконецъ, родные пособляютъ молодой сѣсть на лошадь, которую одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ, взявъ за поводъ, ведетъ изъ круга плачущихъ и вручаетъ мужу, въ нѣкоторомъ отдаленіи выжидающему ея и совершенно уже готовому къ походу. По прибытіи молодыхъ супруговъ въ кочевья родителей мужа дѣлается угощенье всѣмъ родственникамъ и сосѣдямъ, и если мужъ вступилъ въ первый бракъ, то отецъ вручаетъ ему въ это время часть имущества и табуновъ, а родственники и гости одаряютъ разными подарками. Это вмѣстѣ съ приданымъ жены и составляетъ все имущество молодыхъ супруговъ, съ помощью котораго и начинаютъ они отдѣльное свое хозяйство.

Выборъ второй и послѣдующихъ женъ уже вполнѣ зависитъ отъ каждаго мужчины; рѣдко при этомъ даже спрашивается совѣтъ у родственниковъ. Такихъ женъ берутъ по большей части изъ бѣдныхъ семействъ и за большой калымъ, а прежде и взамѣнъ иска по барантѣ. Люди достаточные любимыхъ дочерей своихъ въ младшія жены никогда не отдаютъ, такъ какъ жены эти не пользуются уваженіемъ въ семействѣ и самое родство черезъ нихъ не имѣетъ той цѣны, какъ съ семействомъ первой жены.

7

Правильнѣе было бы назвать младшихъ женъ рабынями или наложницами, а потому и обряды при вторичныхъ свадьбахъ совершаются гораздо проще; у многихъ же мѣсто младшихъ женъ заступаютъ настоящія невольницы.

Число младшихъ женъ неопредѣленно,—каждый воленъ имѣть по достатку своему, почему у богатыхъ киргизъ ихъ болѣе, и это составляетъ важную выгоду для домашняго благосостоянія, такъ какъ на женщинахъ лежитъ у киргизъ вся главная работа и заботы о хозяйствѣ.

Первая жена почитается у киргизъ старшею въ семействѣ и называется «бай-бича», т.-е. госпожа дома; въ ея распоряженіи состоитъ имущество, скотъ, отъ нея же зависитъ и соблюденіе всякаго порядка въ семьѣ; она распредѣляетъ домашнія работы между прочими женами, смотритъ за хозяйствомъ и соблюдаетъ всякое благоустройство въ домѣ. Бай-бича, будучи совершенною госпожею, у знатныхъ людей никогда большими работами не обременяется; мужъ обходится съ нею съ уваженіемъ и живетъ по большей части въ ея кибиткѣ. Нѣкоторыя изъ бай-бичей умѣютъ пріобрѣтать столько власти, что мужья не смѣютъ посѣщать прочихъ женъ своихъ иначе, какъ тайно; другіе же киргизы, предоставляя бай-бичѣ руководить хозяйствомъ, живутъ въ кибиткѣ у той изъ своихъ женъ, которую болѣе любятъ, а нѣкоторые киргизы, по случаю частыхъ отсутствій изъ своихъ ауловъ въ отдаленныя мѣста, содержатъ въ этихъ мѣстахъ другихъ женъ, которыхъ во время отъѣзда домой оставляютъ у ихъ родителей.

Люди посредственнаго состоянія со всѣмъ семействомъ своимъ располагаются въ двухъ, много въ трехъ кибиткахъ; напротивъ, у богатыхъ каждая жена имѣетъ собственную кибитку, которую и занимаетъ со своими дѣтьми, раздѣляющими всѣ труды ея.

Приданое каждой жены составляетъ неотъемлемую ея собственность и киргизки весьма усердно пекутся объ умноженіи своего имущества. Жены взаимно посѣщаютъ другъ друга, а нерѣдко приглашаютъ къ себѣ и мужей въ гости, при чемъ, нарядно убравшись, угощаютъ ихъ лучшими кушаньями, дарятъ одеждою и разными искусно вышитыми мужскими нарядами; равно и мужья съ своей стороны дарятъ своихъ женъ бусами, зеркальцами и другими бездѣлушками, служащими для украшенія. Младшія жены ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права жаловаться на несправедливость мужей, которые суть самовластные господа ихъ и даже могутъ изъ корысти передавать ихъ другому; но бай-бича не подвержена такому порабощенію, она имѣетъ право при посредствѣ родственниковъ оставить мужа и удалиться къ своимъ родителямъ безъ всякаго за то удовлетворенія.

Всѣмъ, что относится до скотоводства, рукодѣлія, приготовленія пищи, одежды, смотрѣнія за дѣтьми и т. п., занимаются женщины; а мужчины, въ сравненіи съ трудовою жизнью женъ своихъ, почти ничего не дѣлаютъ и проводятъ все время въ праздности; ибо главная ихъ работа состоитъ только въ отысканіи привольныхъ мѣстъ для перекочевокъ, въ присмотрѣ изрѣдка за табунами, да въ выдѣлкѣ кибиточныхъ рѣшетокъ и деревянной посуды. Однако же нѣкоторыхъ бѣдность заставляетъ выдѣлывать кожи, войлоки, что́ обыкновенно также принадлежитъ къ женскимъ обязанностямъ; другіе же, еще болѣе бѣдные, занимаются кузнечнымъ, паятельнымъ и другими мало значущими промыслами; въ новѣйшія же времена такіе киргизы обратились и къ земледѣлію.

Киргизы безъ нужды рѣдко ѣздятъ другъ къ другу въ гости, но они гостепріимны для всякаго, нуждающагося въ кровѣ и отдыхѣ; для разсужденія же о народныхъ дѣлахъ обыкновенно назначаются сборныя мѣ-

ста; при этомъ обычай требуетъ. чтобы въ такомъ собраніи участвовали одни почетные люди и начальники семействъ, но любопытство, праздность и своеволіе привлекаютъ сюда большое общество.

Собраніе, раздѣлившись на круги, разсматриваетъ предложенныя на обсужденіе общественныя дѣла, потомъ всѣ соединяются въ одинъ общій кругъ, въ которомъ голоса подаются по старшинству. При этомъ происходятъ ссоры, шумъ, крикъ и даже драка, а иногда всѣ разъѣзжаются, ничего не рѣшивши.

Важнѣйшія народныя собранія киргизъ созывались только во время войны, при посылкѣ депутатовъ ко Двору и при избраніи хановъ. Это избраніе представляется наиболѣе любопытнымъ дѣломъ. По смерти хана каждый аулъ или почти каждая семья избирали изъ среды своей довѣренныхъ людей и посылали ихъ на общій съѣздъ, въ опредѣленное мѣсто; впослѣдствіи, по свойственному киргизамъ своеволію и необузданности, въ такихъ съѣздахъ начали участвовать всѣ желающіе безъ разбора. Мѣсто общаго собранія депутатовъ указывалось вблизи русской границы, дабы Правительство могло при этомъ удобнѣе руководить выборомъ. Почти всегда избраніе направлялось по желанію народному, что и было причиною постоянныхъ смутъ и безпорядковъ въ степи и что главнѣйшимъ образомъ породило ту недовѣрчивость киргизъ къ русскимъ, которая оказывается во многихъ случаяхъ и до настоящаго времени. По малому знакомству съ киргизами наши власти имъ не довѣряли, стараясь привлечь на свою сторону только хановъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ склоняли выборъ почти всегда на людей, ненавидимыхъ народомъ и дѣйствительно неблагонадежныхъ.

Когда киргизы со всѣхъ сторонъ собирались на указанное мѣсто (а многіе перекочевывали туда со всѣми аулами и скотомъ), тогда начинались взаимныя угоще-

нія; султаны, желающіе расположить народъ въ свою пользу, истощали всѣ способы, чтобы удовлетворить алчность своихъ посѣтителей, а дѣти покойнаго хана давали торжество въ память своего родителя. Во время увеселеній между аймаками шли сужденія о выборахъ; роды изъ среды своей избирали почетныхъ людей, которые въ общемъ собраніи съ представителями другихъ родовъ окончательно соглашаются объ избраніи новаго правителя киргизскому народу. Наканунѣ дня, назначеннаго для избранія хана, посерединѣ обширнаго поля, гдѣ долженъ собраться совѣтъ всей орды, разстилались войлоки и ковры, а на другой день съ солнечнымъ восходомъ собирались туда всѣ султаны и депутаты, которые и садились въ порядкѣ по старшинству родовъ; султаны имѣли при этомъ подъ собою бѣлые войлоки, какъ знакъ своего благороднаго происхожденія. Народъ въ то же время стекался толпами со всѣхъ сторонъ и располагался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста главнаго совѣта, который и приступалъ къ разсужденіямъ. Совѣщанія не всегда оканчивались въ одинъ день. Въ случаѣ продолжительныхъ несогласій депутатовъ, обращались за мнѣніемъ къ народу и тогда собирались голоса ото всѣхъ. Какъ только опредѣлялось кому быть ханомъ, то всѣ присутствующіе въ совѣтѣ вставали и новаго хана подымали на бѣломъ войлокѣ, а стоящая въ отдаленіи толпа, замѣтивъ это, пускалась во весь духъ верхами и также устремлялась носить или, лучше сказать, качать и таскать новаго хана. Шумъ и смятеніе дѣлались всеобщими, а войлокъ, на которомъ подымался ханъ, вскорѣ исчезалъ, разорванный на мелкіе кусочки, такъ какъ каждый изъ присутствующихъ старался достать хотя незначительный лоскутокъ, чтобы, возвратясь домой, засвидѣтельствовать свое участіе въ выборѣ хана.

Спустя нѣсколько дней, избранный ханъ давалъ тор-

жественное угощеніе, по окончаніи котораго всѣ разъѣзжались, а ханъ вступалъ во всѣ права, этому званію присвоенныя, и орда признавала его безпрекословно; но въ глазахъ русскихъ ханъ не имѣлъ еще настоящаго значенія своего до того времени, пока посланные ко Двору киргизскіе депутаты не исходатайствуютъ Высочайшаго утвержденія вновь избранному на ханство. Получивъ это утвержденіе, пограничное начальство извѣщало о томъ народъ киргизскій, приглашая его опять къ границѣ, и когда народъ собирался въ назначенное мѣсто, то военный губернаторъ, обыкновенно управлявшій этими дѣлами, назначалъ день для окончательнаго провозглашенія хана; до того же хану и знатнѣйшимъ ордынцамъ посылались съѣстные припасы и разные подарки.

Между тѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должно совершиться возведеніе хана въ его достоинство, невдалекѣ отъ пограничной черты, ставилась большая палатка, которая украшалась портретомъ царствующаго Императора; передъ портретомъ устанавливался столъ съ зерцаломъ, вокругъ же стола разставлялись кресла для губернатора, хана и старшихъ чиновниковъ пограничной коммиссіи; передъ палаткой же устраивалось возвышеніе въ нѣсколько ступеней и покрывалось коврами.

По утру въ назначенный день войска становились противъ палатки, окружая устроенное возвышеніе, и когда все было готово, то начальникъ отряда посылаетъ команду за киргизскимъ народомъ, который располагается вокругъ палатки, противъ войска, также полукругомъ. Другая команда войскъ сопутствуетъ хану и знаменитымъ ордынцамъ, которые, въ ожиданіи губернатора, входятъ въ палатку. По прибытіи военнаго губернатора всѣ русскіе чиновники и родоначальники киргизъ помѣщаются около возвышенія, покрытаго коврами, а на это возвышеніе восходитъ самъ ханъ. Послѣ того

читаютъ всенародно Высочайшую грамоту хану, который и присягаетъ на вѣрноподданство, и на него надѣваютъ соболью шапку, шубу и опоясываютъ дорогою саблею съ приличною случаю надписью; въ это же время войска производятъ троекратные залпы. Послѣ выборовъ предлагается всему собравшемуся киргизскому народу угощеніе, а знатнѣйшимъ и преданнѣйшимъ людямъ сверхъ того раздавались еще и богатые подарки.

Правители киргизскаго народа не пользовались никакими особенными правами и податей съ народа никакихъ не собирали, кромѣ небольшого возмездія, опредѣленнаго имъ за судъ съ прибѣгающихъ къ ханскому правосудію; поэтому ханамъ, подчиненнымъ Россіи, только ихъ семейства, да бѣдные киргизскіе улусы оказывали прямую покорность; остальные же киргизы мало обращали на нихъ вниманія. Впрочемъ, значеніе хановъ въ ордѣ, равно какъ султановъ-правителей въ позднѣйшее время и вообще правителей значительныхъ отдѣловъ орды, много зависитъ отъ ихъ способности и ловкости; такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ до того искусно удавалось вести свои дѣла, что подъ конецъ они неограниченно распоряжались довѣрившими ихъ управленію киргизами.

Въ старину, входя къ хану, киргизу необходимо было становиться на одно колѣно, произнося «аллагръ» [1]), потомъ прикладывать правое плечо свое къ правому же плечу ханскому. При встрѣчѣ дорогою хана или султана, останавливались въ отдаленіи, прикладывая руку къ сердцу и оставаясь въ нѣсколько наклоненномъ положеніи, произносили: «аллагръ, аллагръ!»

Равные между собою киргизы привѣтствуютъ другъ друга, пожимая руки, но короткіе пріятели, взявшись

---

[1]) Слово это произносится вообще при пожеланіи благополучія, здороваясь, прощаясь и благодаря; въ теченіе разговора величали хана словами «Таксырь», т.-е. свѣтлостью.

за руки, растягиваютъ ихъ и прижимаются грудь съ грудью; въ такомъ положеніи остаются они безмолвно въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потомъ, пожимая руки, говорятъ: «селямъ алей кумъ», «алей кумъ селямъ», «аманъ, аманъ».

Нѣкоторое различіе замѣчается въ оказываемомъ уваженіи во время гостепріимства. Такъ, если кто, проѣзжая мимо аула, вздумаетъ посѣтить киргиза въ кибиткѣ, то, приближаясь къ ней, смотритъ вокругъ себя, чтобы узнать, кто хозяинъ кибитки и извѣстить о себѣ и цѣли своего посѣщенія; не найдя же людей, кричитъ: «кель-сюй-кюсю» или «сюилось», т.-е. хочу поговорить; на это кто-нибудь выглядываетъ изъ кибитки и опять скрывается для извѣщенія хозяина о прибытіи гостя и чтобы имѣть время привести въ порядокъ все въ кибиткѣ. Вскорѣ потомъ выходитъ младшій изъ семьи и, узнавъ, что пріѣзжій имѣетъ нужду въ гостепріимствѣ, беретъ тотчасъ же у него лошадь подъ уздцы и ведетъ къ дверямъ, при которыхъ гостя всегда встрѣчаетъ хозяйскій сынъ или другой кто изъ младшихъ въ кибиткѣ. Онъ принимаетъ гостя подъ руку съ сѣдла и ведетъ въ кибитку, представляя хозяину. Если хозяинъ старше или знатнѣе гостя, то остается сидящимъ на первомъ мѣстѣ и гость подходитъ къ нему съ почтеніемъ, наклоняется, пожимаетъ руку и желаетъ всякаго благополучія; младшіе между тѣмъ стелютъ для гостя новую кошму, коверъ или одѣяло, на которое тотъ и садится. Если же случится, что пріѣзжій самъ человѣкъ знатный, то онъ подъѣзжаетъ прямо къ дверямъ кибитки и, протягивая руку къ стоящему у дверей оной, спрашиваетъ хозяина, который уже самъ принимаетъ гостя, и, введя въ кибитку, сажаетъ на почетное мѣсто, на коврѣ; всѣ прочіе присутствующіе, какъ и вообще въ этихъ случаяхъ, усаживаются поодаль.

Богатые люди для угощенія своихъ гостей закалы-

ваютъ барана, раздѣляя пищу со всѣми присутствующими, а иногда, смотря по важности гостя, предоставляютъ право раздачи пищи ему самому. На ночь дѣти хозяйскія, или же сами хозяйки или дочери ихъ стелютъ гостю постель и вообще заботятся объ его покоѣ и удобствахъ, а также и объ его лошади; странникамъ, приходящимъ изъ отдаленныхъ ауловъ, даже перемѣняютъ бѣлье.

Ближайшіе пріятели отъ всѣхъ такихъ учтивостей освобождаются; они прямо подъѣзжаютъ къ кибиткѣ, стучатъ въ нее нагайкою и зовутъ, чтобы кто-нибудь принялъ у нихъ лошадь; послѣ того входятъ въ кибитку, не прерывая нисколько домашнихъ занятій въ оной.

У киргиза нѣтъ опредѣленнаго времени для обѣда и ужина, но каждый ѣстъ тогда, когда придетъ къ тому охота и въ нуждѣ довольствуются весьма немногимъ. Очень рѣдко, и то у достаточныхъ людей, передъ захожденіемъ солнца, готовятъ горячую пищу; она состоитъ по большей части изъ жидкой кашицы, разведеннаго въ водѣ крута [1]), свареннаго съ молокомъ, изъ супа и небольшого количества мяса; люди бѣдные имѣютъ пропитаніе еще скуднѣе. Къ числу же роскошныхъ кушаній, употребляемыхъ богатыми, принадлежатъ жареные молодые барашки и жеребята, копченые лошадиные окорока (джувъ) и ребра (коджу); колбасы (корта), сдѣланныя изъ разнаго жира и проч.; нѣкоторые употребляютъ также пловъ, т. е. поджаренную рисовую кашу съ кусочками жирной баранины, съ изюмомъ и мелконарѣзанными кусочками моркови. Лучшее питье киргизъ, кромѣ чистаго молока, «апранъ» и «кумысъ», приготовляемые, первое изъ овечьяго и коровьяго молока, а второе изъ кобыльяго. Другихъ крѣпкихъ на-

[1]) Овечій сыръ.

питковъ киргизы не употребляютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, приготовляющихъ себѣ изъ молока бузу, да тѣхъ киргизъ, которые при частыхъ сношеніяхъ съ русскими пріучились къ русскимъ крѣпкимъ напиткамъ. Способность много ѣсть надо отнести къ особеннымъ киргизскимъ качествамъ; кому случалось часто бывать въ степи, тотъ, конечно, не разъ былъ свидѣтелемъ страшнаго киргизскаго обжорства, въ особенности, когда представляется даровое угощеніе.

Но главнѣйшія пиршества устраиваются киргизами въ память умершихъ родныхъ. Когда больной умираетъ, во всемъ аулѣ поднимается страшный крикъ и вой, а жены покойнаго, съ растрепанными волосами или прикрываясь только фатою, кличутъ и причитаютъ со всѣми знаками величайшей горести, иногда даже царапая себѣ ногтями лицо.

Тѣло между тѣмъ омывается и одѣвается въ посредственное или бѣдное платье или же просто завертывается въ холстъ и кладется на коверъ или войлокъ. Всѣ присутствующіе становятся вокругъ, а мулла или кто-нибудь изъ старшихъ читаетъ молитву, прославляя храбрость и богатство умершаго, послѣ чего его относятъ къ приготовленной могилѣ.

Похороны совершаются иногда въ самый же день смерти, а иногда спустя нѣкоторое время, необходимое для перевозки покойника къ общему кладбищу.

Верблюда, на которомъ везутъ покойника, всегда сопровождаютъ женщины, если кладбище недалеко, при чемъ онѣ несутъ съ собою родъ похороннаго знамени (черный платокъ, навязанный на шестъ) и дорогою поютъ плачевныя пѣсни. Прибывъ къ могилѣ, снова читаютъ молитву и зарываютъ покойника. Въ нѣкоторыхъ частяхъ степи въ могилу съ умершимъ зарываютъ часть его одежды и оружія; въ Большой ордѣ на могилѣ убиваютъ лошадь и нѣсколько барановъ, гото-

вятъ изъ всего пищу и куски мяса раздаютъ присутствующимъ, совершая тѣмъ поминовенiе, а кровь, кожу и кости закапываютъ цѣликомъ (или же обративъ въ пепелъ) въ той же могилѣ. Такiя поминки дѣлаются для того, чтобы духъ покойнаго не бродилъ по аулу, не являлся женамъ своимъ и не пугалъ табуновъ. Многiе даже увѣряютъ, что если поминовенiе не соотвѣтствовало богатству и заслугамъ умершаго. то тѣнь его безпрерывно станетъ преслѣдовать наслѣдниковъ. Такой вредный предразсудокъ доводитъ нѣкоторыхъ киргизъ до совершеннаго раззоренiя на поминки умершихъ знаменитыхъ родственниковъ.

Могилы устраиваются киргизами такъ, чтобы надъ трупами оставалось свободное пространство и чтобы изъ него къ поверхности земли было небольшое отверстiе; поэтому, выкопавъ яму и подрывъ ее съ боку, дѣлаютъ родъ пещеры, куда и кладутъ покойника, или же закрываютъ яму хворостомъ и войлокомъ и засыпаютъ землею, а съ той стороны, гдѣ лежитъ голова погребеннаго, втыкается жердь, по вынутiи которой остается требуемое сообщенiе съ воздухомъ. Прежде въ такое отверстiе опускались куски отъ убитаго для поминокъ скота и т. п., но нынѣ на шесты только навѣшиваютъ разные лоскутки и волосы и тѣмъ все ограничивается; даже самые шесты ставятъ болѣе для соблюденiя древней формы погребенiя и нерѣдко замѣняютъ ихъ срубленнымъ вблизи кустомъ или вѣтвью его. Тѣла умершихъ кладутъ иногда и просто на землѣ, огораживая ихъ плетнемъ и насыпая надъ ними большiе холмы или курганы; въ мѣстахъ же лѣсистыхъ надъ могилами ставятъ деревянные срубы, на подобiе избъ; при могилахъ кладутъ или втыкаютъ въ землю шесты, обдѣланные въ родѣ копья, что служитъ знакомъ, что тамъ погребенъ добрый наѣздникъ. Въ иныхъ мѣстахъ надъ могилами дѣлается подобiе гробовъ изъ глины и булыж-

ника, а надъ богатыми устраивается родъ часовенъ тоже изъ глины или родъ небольшихъ крѣпостей съ зубцами и малыми башнями по угламъ. Надъ отличившимися особенною добродѣтелью возводятъ такія часовни довольно значительныхъ размѣровъ, иногда съ куполами и изъ жженаго кирпича. Случалось нерѣдко видѣть внутренность такихъ построекъ, разукрашенныхъ грубыми рисунками, напоминающими домашній бытъ киргиза (какъ напр. это можно видѣть на урочищѣ Хорхутъ близь форта № 2 на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ).

По большей части общія кладбища располагаются на мѣстахъ возвышенныхъ и вблизи зимовокъ (такъ какъ значительная смертность между киргизами происходитъ преимущественно зимою) и потому почти всегда вблизи воды; такъ что видимыя издали въ гладкой степи могилы (мазарки), кромѣ того, что помогаютъ оріентироваться въ открытой степи, служатъ по большей части указаніемъ и на присутствіе по близости воды.

Послѣ похоронъ возлѣ кибитки умершаго выставляется черный значекъ, около котораго собираются женщины, чтобы совершить обычай «улгонъ»—жалобное пѣніе, продолжающееся около полугода. Во время этой печальной церемоніи родственники покойнаго исполняютъ завѣщаніе умершаго, а, если онъ былъ глава семьи, то дѣлятъ его имущество. Отдѣленныя имъ до смерти дѣти при этомъ уже ничего не получаютъ, если покойный не сдѣлалъ особаго какого по этому распоряженія передъ смертью.

Бай-бича или если она умерла прежде мужа, то заступающая ее мѣсто вторая жена, до бракосочетанія всѣхъ малолѣтнихъ, оставшихся послѣ умершаго хозяина, управляетъ всѣмъ ихъ имуществомъ, точно такъ же, какъ и при жизни главы семьи. Старшій сынъ, а чаще всего старшій изъ братьевъ покойнаго, дѣлается главою семейства и, если ему угодно, то беретъ себѣ любую

изъ женъ покойнаго, не уплачивая за то никому калыма. Бай-бича почти никогда не вступаетъ во второе замужество; но всѣ младшія жены умершаго имѣютъ полное право сдѣлать это, особенно если онѣ бездѣтны, или же могутъ со всѣмъ своимъ собственнымъ имуществомъ удалиться къ своимъ родителямъ и отъ нихъ уже выходить замужъ по собственной своей волѣ. У нѣкоторыхъ киргизъ не воспрещается дѣтямъ умершаго брать себѣ молодыхъ женъ его, отъ чего исключаются однако же родныя матери.

Старшій изъ наслѣдниковъ или новый глава семьи при раздѣлѣ имѣнія отдѣляетъ часть онаго на совершеніе поминокъ, а родственники покойнаго съ своей стороны оказываютъ помощь къ тому же; нерѣдко кто либо изъ послѣднихъ, по особой любви къ покойному и уваженію, беретъ на свой счетъ всѣ расходы на поминки, которые обыкновенно отлагаются до удобнаго, осенняго времени; мѣсяцы августъ, сентябрь и октябрь по всей степи считаются для такого рода празднествъ наиболѣе удобными. На такихъ празднествахъ, какъ и на всѣхъ прочихъ сборищахъ киргизъ, собирается множество и незванныхъ, особенно тѣхъ, которые желаютъ отличиться въ сопровождающихъ торжество игрищахъ, скачкахъ, борьбѣ и т. п. Къ соблюденію въ торжествѣ порядка и правосудія избираются два или три почетные ордынца, которые принимаютъ гостей, угощаютъ ихъ и раздаютъ награды побѣдителямъ на играхъ; за все это, по окончаніи торжества, они также получаютъ подарки.

Увеселенія киргизъ во всякаго рода торжественныхъ случаяхъ состоятъ изъ пиршества, скачки, борьбы, стрѣльбы въ цѣль и т. п. забавъ, а потому необходимо упомянуть объ этихъ забавахъ нѣсколько подробнѣе.

Для скачекъ собираются охотники со всѣхъ сторонъ степи со своими лучшими скакунами, пригото-

вивъ ихъ къ тому заблаговременно [1]). Скакуны собираются за день до начала скачки къ мѣсту откуда долженъ начаться бѣгъ; туда отправляется съ ними и одинъ изъ посредниковъ. Для бѣга назначается пространство до сорока верстъ и никакъ не менѣе двадцати; на лошадей сажаютъ въ легкой одеждѣ киргизскихъ мальчиковъ, иногда вовсе безъ сѣдла, на одномъ потникѣ. Въ день скачки, предъ восходомъ солнца, всѣ скакуны у назначенной для начала бѣга черты становятся рядомъ; послѣ того выстрѣломъ или пронзительнымъ крикомъ дается знакъ къ началу скачки и всѣ состязатели пускаются скакать кь опредѣленному мѣсту или цѣли, нигдѣ на пути не останавливаясь и перелетая по пути кочки, ямы, камни и рытвины. У призового столба подлѣ развѣвающихся значковъ разстанавливаются награды, опредѣленныя побѣдителямъ и соотвѣтственныя достоинству скакуновъ. При этихъ подаркахъ состоитъ другой посредникъ съ почетнѣйшими гостями, прибывшими на празднество; остальные гости и всегда многочисленная толпа любопытныхъ располагаются вблизи; нѣкоторые же выѣзжаютъ на встрѣчу скачущимъ любоваться бѣгомъ, а другіе и во все время бѣга стараются слѣдить за ними, тоже мчась во весь духъ хоть издали за ними и поощряя скакуновъ пронзительнымъ крикомъ. Для перваго скакуна опредѣляется лучшій подарокъ, а слѣдующія затѣмъ лошади получаютъ второстепенные подарки, по мѣрѣ достоинствъ своихъ. О бы-

---

[1]) Киргизы выбираютъ скакуновъ изъ числа лучшихъ лошадей, а иногда пріобрѣтаютъ ихъ изъ Туркменской (арабской крови) породы или, по крайней мѣрѣ, смѣшанной съ оною; такихъ скакуновъ вообще холятъ и берегутъ чрезвычайно. Тонкость, длина, стройность всего корпуса и сила мускуловъ суть признаки хорошей скаковой лошади Къ скачкѣ ихъ подг.товляютъ, постепенно уменьшая кормъ; водятъ по зарямъ въ поле, а за день до бѣга почти не даютъ вовсе корм, кромѣ небольшого количества воды. По окончаніи скачки та же постепенность соблюдается относительно прибавки корма; но вообще скакуновъ никогда не раскармливаютъ.

строте и неутомимости киргизских лошадей можно судить из того, что пространство около тридцати верст делается ими во время скачки в 47 минут.

Награды победителям определяются посредниками, а поставляются хозяином или складчиною и состоят из скота, платья, оружія и т. п. Нередко первый скакун пріобретает таким образом несколько верблюдов, десяток другой лошадей и сотню, другую баранов; так что несколько выигрышных призов окупают совершенно издержки пріобретенія и воспитанія скаковой лошади. Отсюда понятна у киргиз охота к хорошим лошадям и страсть их являться с ними к каждому торжеству, чтобы попытать счастья.

Иногда к скачке на лошадях присоединяется бег на верблюдах, а нередко, в шутку, на быках, коровах или пешком, причем победители тоже получают незначительные подарки, как-то платки, куски какой-либо бумажной матеріи и т. п.

Стрельба производится в поставленную цель сначала всеми состязателями с одного места пешком, а потом верхом, на всем скаку; но вообще увеселеніе этого рода бывает редко.

Борьба производится таким образом: все почетные гости садятся на коврах и кошмах полукругом; противуположную сторону занимает толпа прочих гостей, за ними все любопытные пешком и верхами. На средину образовавшейся площадки или арены выступают борцы в одном белье и без сапог, но с крепко затянутыми поверх рубахи поясами; борцы по-парно схватывают друг друга вокруг стана, стараясь крепко ухватиться одной рукою за пояс противника, и, наклонившись друг к другу, употребляют всевозможныя усилія, чтобы воспользоваться оплошностью противника, приподнять его вверх или повалить на землю; иногда искусные борцы ходят по сцене

согнувшись по получасу и болѣе, не поддаваясь другъ другу. Судьи цѣнятъ при борьбѣ прямую физическую силу, ибо, если кому изъ бойцовъ удается побѣдить противника одною хитростью, то это не считается настоящимъ торжествомъ и борьбу должно возобновлять вновь. Во все время состязанія идетъ въ толпѣ невообразимый говоръ, шумъ и восклицанія, выражающія поощреніе бойцамъ, радость при удачныхъ усиліяхъ своего бойца или гнѣвъ и насмѣшки при тщетныхъ попыткахъ противника; однимъ словомъ, видно всеобщее одушевленіе и искреннее участіе въ судьбѣ борющихся.

Побѣдителей награждаютъ также по большей части небольшими кусками бумажной матеріи въ полъ аршина и менѣе или платками, которые тотчасъ же дарятся ими своимъ роднымъ, пріятелямъ, а чаще всего муллѣ, въ полной увѣренности сохранить тѣмъ свою силу и здоровье.

Такъ какъ состязаются борцы изъ разныхъ киргизскихъ родовъ, то этимъ и можно объяснить то живое участіе, которое принимаютъ въ борьбѣ зрители — частыя побѣды приносятъ честь всему роду и обратно.

Другая забава киргизъ состоитъ въ томъ, что, мужчины и женщины верхомъ (послѣднія всегда ѣздятъ по-мужски) становятся по-парно въ рядъ и по условному сигналу скачутъ во весь духъ и въ разныя стороны, причемъ каждая дама должна увертываться отъ преслѣдованія своего кавалера, искусно бросаясь во всѣ стороны; мужчина съ своей стороны употребляетъ всевозможныя усилія и хитрость, чтобы хотя коснуться рукой своей дамы, если не удается поймать и удержать ее. Побѣдителю дозволяется поцѣловать свою даму всенародно, что производитъ неописанный восторгъ въ зрителяхъ.

Бываетъ и обыкновенная у всѣхъ мусульманъ игра, состоящая въ томъ, что молодого козленка или барана

схватываетъ и мчитъ какой-либо всадникъ, а многочисленная толпа его преслѣдуетъ съ цѣлью вырвать козленка, и увертываясь съ своей стороны отъ преслѣдователей, примчаться и бросить жертву предъ почтенными гостями. Такая скачка обыкновенно продолжается по степи до совершеннаго изнуренія лошадей и всадниковъ и оканчивается тѣмъ, что молодое животное, служащее предметомъ спора, разрывается на мелкіе куски. Иногда на празднествахъ своихъ киргизы забавляются и такъ еще: набалтываютъ въ большой котелъ жидкаго тѣста и бросаютъ туда монеты или разныя вещи; охотники ныряютъ въ котелъ, стараясь достать брошенную вещь зубами въ свою, конечно, пользу.

Къ сожалѣнію, подобныя шутки киргизъ, равно какъ и ихъ шуточный бѣгъ на верблюдахъ, быкахъ и пѣшкомъ, показываются нерѣдко въ Оренбургѣ разнымъ заѣзжимъ высокимъ посѣтителямъ и выдаются за нравы и обычаи народа; при этомъ забывается, что добровольная шутка и принудительное шутовство, двѣ вещи разныя. Простонародіе же наше, насмотрѣвшись такихъ будто бы киргизскихъ обычаевъ, еще болѣе ожесточается противъ киргизъ и пограничные жители начали называть ихъ не иначе, какъ «необразованная и безчувственная Орда», или просто «проклятая и мерзкая Орда».

Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и то у немногихъ только киргизъ, женщины, собравшись между собою, проводятъ время въ пѣніи разныхъ пѣсенъ; по большей же части онѣ участвуютъ въ общихъ народныхъ торжествахъ наравнѣ съ мужчинами.

IV.

Характеръ управленія киргизами русской властью.

Что касается до внутренняго управленія киргизами, находящимися въ русскомъ подданствѣ, то, въ виду нѣкотораго отличія, существующаго въ этомъ отношеніи въ разныхъ областяхъ, мы разсмотримъ отдѣльно вопросы объ управленіи киргизами Сибирскими, Семирѣченскими и Оренбургскими.

Область Сибирскихъ киргизовъ.

Область Сибирскихъ киргизовъ раздѣляется на пять округовъ. Каждый округъ управляется приказомъ, исполняющимъ de jure обязанности земской полиціи и окружного суда. Три русскихъ засѣдателя (въ томъ числѣ одинъ непремѣнный членъ) обязаны постоянно присутствовать въ приказѣ и представляютъ правительственный элементъ. Старшій же султанъ—предсѣдатель приказа—и три киргизскихъ засѣдателя составляютъ въ приказѣ элементъ народный. Такимъ образомъ, по всѣмъ дѣламъ приказа законодательство предполагало дать легальный перевѣсъ мѣстному началу надъ лицами, назначаемыми правительствомъ.

Киргизамъ чуждо и дико въ нашей жизни все, что намъ кажется совершенно естественнымъ и понятнымъ. Какъ воспитаннымъ подъ своеобразными условіями жизни номада, имъ непонятны самыя элементарныя идеи о гражданскомъ устройствѣ на европейскій ладъ. Если прибавить къ тому. что всѣ или почти всѣ киргизы безграмотны и совершенно незнакомы съ дѣлопроизводствомъ,—станетъ понятно почему старшіе султаны и засѣдатели отъ киргизовъ остаются въ приказѣ безгласными. Такимъ образомъ, безконтрольнымъ дѣятелемъ въ приказѣ по всему, что касается бумагъ, дѣлопроизводства и переписки по необходимости остается непремѣнный членъ; старшій же султанъ, если того захотятъ засѣдатели изъ чиновниковъ, способенъ подписать свой смертный приговоръ.

Картина мѣняется въ обратную сторону, если присмотрѣться къ самой жизни киргизовъ. Почерпая свою силу и въ избирательномъ началѣ, и въ правительственной поддержкѣ, султанъ становится полновластнымъ хозяиномъ во всемъ, что касается внутренняго быта киргизовъ; русскіе же чиновники, по нежеланію или невозможности понимать киргизскую жизнь, не могутъ ни контролировать дѣйствія султана, ни вмѣшиваться, ради пользы дѣла, въ его распоряженія, ни вообще вліять, какимъ бы то ни было образомъ, для увеличенія правительственной силы.

Волостные управители еще менѣе султановъ понимаютъ, зачѣмъ въ приказахъ постоянно пишутъ и что тамъ пишутъ; впрочемъ, каждый волостной управитель знаетъ, что если приказъ захочетъ, то онъ можетъ испытать рядъ большихъ неудовольствій за неумѣнье отписываться. Потому, имъ остается положиться на мудрость своихъ дѣлопроизводителей, получающихъ семь съ полтиною въ мѣсяцъ. Не имѣя ни возможности, ни средствъ узнать про что дѣлопроизводитель переписывается съ

приказомъ, волостной управитель прикладываетъ къ готовой бумагѣ свою тамчу со страхомъ и съ убѣжденіемъ, что нужно ублажить засѣдателей.—По отношенію же къ старшимъ султанамъ, волостные управители находятся въ полнѣйшемъ фактическомъ повиновеніи. Каждое его слово и совѣтъ исполняются точно, быстро и пунктуально.

Слѣдствія, производимыя приказами, тянутся безконечно и безуспѣшно. Это зависитъ отъ очень многихъ причинъ; къ числу послѣднихъ необходимо отнести и боязнь киргизовъ свидѣтельствовать за что-нибудь, т. е. попасть въ дѣло. Полнѣйшая безуспѣшность юридической дѣятельности приказовъ доказывается всѣми видѣнными нами документами.

Судъ біевъ (хорошихъ людей) скоръ и производится на словахъ; онъ довольно справедливъ и всегда безкорыстенъ, потому пользуется уваженіемъ не только киргизовъ, но разночинцевъ и казаковъ, изъ которыхъ многіе идутъ добровольно на судъ біевъ, въ особенности по исковымъ дѣламъ на киргизовъ.

Недовѣріе у киргизовъ къ нашему суду такъ велико, что заставляетъ ихъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ скрывать уголовныя дѣла и рѣшать послѣднія судомъ біевъ. Иногда же они облекаютъ свои иски по уголовнымъ дѣламъ въ такія формы, что эти иски законнымъ порядкомъ передаются на судъ біевъ. Такъ случилось, что вмѣсто убійства, за которое по обычному киргизскому праву, опредѣляется кунъ въ 100 лошадей, приказу была предъявлена жалоба на покражу убійцею будто бы ста лошадей, и дѣло это, какъ исковое, было передано на судъ біевъ

Такимъ образомъ, власть окружныхъ приказовъ административная, полицейская и судебная раскололась на двѣ части.

Какъ наши чиновники чужды жизни киргизскаго

народа, такъ чужды киргизскимъ властямъ переписка и сложный порядокъ гражданскаго дѣлопроизводства въ степной администраціи. Съ теченіемъ времени, естественнымъ путемъ, представители власти въ степи какъ бы разграничили предѣлы своей дѣятельности. Русскіе чиновники вѣдаютъ дѣлопроизводство, ѣздятъ въ степь только по слѣдственнымъ дѣламъ и по переписке скота. Султаны распоряжаются внутри округовъ, почти не бываютъ въ приказахъ, а живутъ среди народа и, объѣзжая волости, производятъ судъ и расправу судомъ біевъ. Подобный расколъ повелъ къ обезсиленію законной власти приказа и это безсиліе увеличилось еще болѣе, вслѣдствіе столкновенія гражданской власти съ военною.

По учрежденіямъ графа Сперанскаго военныя команды, наряжаемыя въ округи для сохраненія порядка внутри степи, должны подчиняться окружному приказу, какъ обыкновенныя полицейскія команды; но кениссаринское возмущеніе вызвало отправленіе въ степь значительныхъ отрядовъ и колонизацію степи военными поселеніями.

Съ тѣхъ поръ подчиненіе войска окружному приказу стало аномаліей и оставшійся въ бездѣйствіи законъ могъ только породить, въ сороковыхъ годахъ, странную мысль у одного засѣдателя, въ Акмаллахъ, требовать, чтобы батальонный командиръ вывелъ бы свой батальонъ на смотръ окружного приказа. Въ сущности же съ того времени дѣйствительная охрана внутренняго спокойствія въ степи, преслѣдованіе и пресѣченіе убійствъ, грабежей, разбоевъ и баранты перешло въ руки военныхъ властей. Къ довершенію всего, казачьимъ станицамъ были предоставлены многія права, подрывающія всякую власть приказовъ на всемъ пространствѣ станичныхъ земель; члены же окружного приказа, по полицейскому надзору, стали въ подчиненность къ станичнымъ начальникамъ, назначаемымъ изъ урядниковъ.

Если, такимъ образомъ, пресѣченіе важнѣйшихъ преступленій въ степи вошло въ кругъ дѣятельности военной администраціи, наблюденіе за благочиніемъ и порядкомъ внутри округовъ находится въ рукахъ киргизскихъ властей, а управленіе и юрисдикція на казачьихъ земляхъ почти цѣликомъ перешла къ войсковому правленію, то приказы обратились въ чисто полицейскія учрежденія, со всѣми недостатками дурной и слабой полиціи, имѣющей право вмѣшательства въ административныя дѣла.

Нѣсколько разъ слабость администраціи обнаруживалась въ полномъ цвѣтѣ. Такъ, въ 1862 году, когда, вслѣдствіе джута (гололедицы и недостатка кормовъ), голодные киргизы рыскали по степи, производя грабежи и воровства, областное начальство, сознавая слабость окружныхъ приказовъ, должно было сдѣлать киргизскія власти отвѣтственными за безпорядки въ округахъ. Старшіе султаны и волостные управители прекратили начинающееся волненіе тѣмъ, что разъѣзжали сами и разсылали по степи вооруженные разъѣзды, схватывавшіе бродягъ; иногда же они просили содѣйствія и военной силы.

Ослабленіе власти приказовъ несообразнымъ усиленіемъ на ихъ счетъ казаковъ и старшихъ султановъ не было узурпаціею. Это было естественное слѣдствіе законовъ, писанныхъ съ предвзятою заранѣе мыслью, мыслью геніальною, но непреложимою къ почвѣ, на которой долженъ былъ дѣйствовать законъ.

Съ самаго начала наша власть въ степи Сибирскаго вѣдомства была такъ организована, чтобы быть раздвоенною и слабою. Изъ ея слабости вытекла инерція и отчужденіе отъ дѣйствительной, небумажной жизни, такъ какъ это всегдашнее послѣдствіе безсилія власти, въ особенности тамъ, гдѣ главнымъ образомъ должна господствовать сила — предметъ поклоненія и уваженія азіатцевъ.

Существуетъ много громкихъ словъ о благодѣтельной дѣятельности гражданской администраціи въ Сибирской степи; о томъ, что, благодаря цивилизующему гражданскому элементу, здѣсь развилась торговля, возникли города, пролегли пути сообщенія и прочее. Подобныя слова послѣ ознакомленія съ фактами могутъ показаться очень странными.

Часть степи, занимаемая Среднею Ордою, повсемѣстно способна къ развитію скотоводства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оттого область Сибирскихъ киргизовъ отличается и большимъ количествомъ всѣхъ породъ скота и лучшими ихъ качествами. Чтобы открыть эти неисчислимыя богатства торговлѣ, необходимы были: 1) какая-либо новая потребность для всего киргизскаго народа, потребность, которую нельзя было удовлетворить непосредственно скотоводствомъ, и 2) гарантія капиталу. Новая потребность для киргизъ явилась послѣ необходимости платить ясакъ деньгами (это выгоднѣе для киргизъ, чѣмъ платить ясакъ натурою и по низкой оцѣнкѣ скота и по многообразнымъ затрудненіямъ при сдачѣ ясачнаго скота).

Гарантія лицу и капиталу по всему пространству степи появилась послѣ усмиренія бунта кениссары. Результатомъ сильныхъ мѣръ противъ бунтовщиковъ было: водвореніе спокойствія отъ Омска до р. Чу; проложеніе многихъ удобныхъ путей сообщенія, прикрытыхъ военными постами; значительныя поселенія русскихъ посреди степи.

Какъ только спокойствіе было водворено, торговля должна была развиться на томъ основаніи, что къ осени киргизамъ бываютъ нужны деньги подъ ясакъ. Эта нужда служитъ и до сихъ поръ основаніемъ степной торговли. Купцы, поселившіеся близъ русскихъ колоній, стали *задавать* киргизамъ деньги подъ барановъ, которые отдавались въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года.

Впослѣдствіи, кромѣ денегъ, купцы попробовали задавать и товаръ грубой руки. Первоначально киргизы покупали только туранскіе товары, а потомъ пошелъ товаръ макарьевскій и ирбитскій.

Волненія прекратились въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ началѣ пятидесятыхъ начали образовываться центры торговой дѣятельности. Въ Акмаллахъ, въ послѣднія 10—15 лѣтъ, торговля развивалась съ такимъ успѣхомъ, что годовой оборотъ города, не превосходившій прежде десятка тысячъ, дошелъ въ нынѣшнемъ году до 1½ милліоновъ рублей. Въ то же время торговля скотомъ, безъ всякаго участія администраціи, начала принимать правильныя формы; прогонные пути становятся постоянными и посреди степей, безъ вѣдома мѣстныхъ властей, образуются обширныя ярмарки. Эти ярмарки бѣгаютъ нашей администраціи и располагаются такъ, чтобы избавиться отъ опеки гражданскихъ властей. На одной изъ нихъ, при урочищѣ Таинчикуль, распродается до 800.000 головъ скота ежегодно. Купцы ишимскіе, тюменскіе, шадринскіе, курганскіе и петропавловскіе дѣлали уже на ней обороты въ десятки тысячъ, а мѣстная администрація узнала о существованіи ярмарки только отъ предсѣдателя областного Правленія (въ 1859 г.). Эти и многіе другіе факты убѣждаютъ, что источники торговли и всякихъ началъ гражданственности лежатъ только въ богатствѣ Средней Орды. Подспорье же для своего существованія торговля находитъ въ энергичномъ охраненіи порядка въ степи властью, совершенно чуждою приказамъ [1]).

Все вышеизложенное, въ связи со многими другими данными, приводитъ къ мысли о необходимости развитія самоуправленія киргизскаго народа на болѣе широкихъ на-

[1]) Тамъ, гдѣ баранта и разбой не были прекращены военными мѣрами, гражданская власть не могла остановить ихъ. Послѣ тщетныхъ розысковъ и слѣдствій, дѣла по барантѣ и разбою передавались гражданскою властью на народный судъ и разбирательство.

чалахъ и предоставленіи народному суду большей власти. При этомъ, едва-ли не будетъ полезно уничтожить званіе старшаго султана. Расширеніе самоуправленія не можетъ быть допущено безъ соотвѣтственнаго усиленія правительственной власти и только военная администрація въ состояніи будетъ дать правительству твердую опору въ киргизскихъ степяхъ.

Для кочевого, подвижного и полудикого населенія энергія и быстрота дѣйствій составляютъ главныя достоинства власти; такому населенію нужна скорая и строгая расправа; томленіе въ острогахъ и судахъ составляетъ для него тяжелую, едва выносимую пытку; слабость правительства въ отношеніи виновныхъ въ глазахъ такого народа цѣлое преступленіе—приговоръ самому правительству.

Понятно почему гражданскій судъ, соблюдающій разныя юридическія тонкости, требующій точныхъ доказательствъ, невыносимъ и для киргиза-истца, и для киргиза-отвѣтчика. Если же подобный порядокъ судопроизводства едва-ли приложимъ въ степяхъ ко всѣмъ уголовнымъ дѣламъ вообще, то онъ не долженъ быть терпимъ въ дѣлахъ особенной важности, напр., въ политическихъ преступленіяхъ, къ которымъ, можетъ быть, нужно причислить и баранту. Здѣсь всякая медленность опасна и скорая кара, хотя бы даже съ нѣкоторыми погрѣшностями противу безусловной справедливости, дѣйствительнѣе и человѣчнѣе продолжительнаго суда, умножающаго своими проволочками безпорядки и число жертвъ.

Давши киргизамъ самосудъ, можетъ быть, было бы полезно за всѣ преступленія противъ правительства и общественнаго спокойствія судить военнымъ судомъ.

И такъ, правительственная власть въ киргизскихъ степяхъ можетъ быть только тогда возстановлена, когда здѣсь будетъ существовать военная власть, не вмѣши-

вающаяся во внутреннее хозяйство и расправу народа, но имѣющая силу и средства карать за малѣйшее нарушеніе порядка. Этой власти въ каждомъ округѣ или уѣздѣ должны быть подчинены всѣ служащіе и не служащіе, всѣ русскіе подданные и иностранцы. Только тогда можно будетъ опредѣлить отношеніе какъ центральнаго правительства въ степи, такъ и каждой правительственной функціи къ киргизамъ, русскимъ разночинцамъ, горожанамъ, казакамъ, войскамъ; тогда только можно надѣяться на своевременное подавленіе волненій, возстаній, вооруженнаго сопротивленія; только тогда можно разсчитывать на то, что полудикіе азіатцы, русскіе подданные, станутъ и уважать, и бояться нашу власть.

На жизнь и управленіе киргизами оказываютъ большое вліяніе поселенные въ степи казаки.

Всѣ лица, компетентныя въ военномъ дѣлѣ, бранятъ казаковъ на всѣ лады.

Генералъ Дюгамель отзывался о нихъ, какъ о бремени для правительства, одинаково безполезномъ и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніяхъ. Въ Омскѣ, между офицерами всѣхъ чиновъ, ходятъ разсказы весьма невыгоднаго для казаковъ свойства. Тамъ много говорили про притѣсненія, дѣлаемыя казаками киргизамъ, про ихъ нетерпимость ко всему не казачьему, про претензіи на право исключительнаго обладанія степью, про ихъ замкнуто-корпоративный духъ.

Несмотря на то, объѣзжая станицы, я старался выискивать все, что могло бы оправдать взводимыя на нихъ обвиненія. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что изученіе казачьяго быта приводитъ къ невыгоднымъ для нихъ заключеніямъ.

Привилегіи, дарованныя правительствомъ казакамъ, послужили не къ возвышенію ихъ благосостоянія и дѣятельности, а, напротивъ, къ развитію полнѣйшей праздности и лѣности, къ разстройству ихъ хозяйства и къ

систематически-организованному обирательству киргизовъ. Хозяйство старыхъ казаковъ, водворившихся въ степи еще въ двадцатыхъ годахъ, до крайности плохо; земледѣлія нѣтъ почти вовсе; торговля существуетъ коегдѣ, какъ исключеніе, а промыслы болѣе или менѣе темны; тѣмъ не менѣе захватомъ киргизскихъ земель, обирательствомъ и всевозможными насиліями они поселяютъ въ киргизахъ враждебныя чувства ко всему русскому населенію. Крестьяне, поселенные въ качествѣ казаковъ въ Кокчетовскомъ округѣ (въ 1849 году), первоначально принялись хорошо за хлѣбопашество и сельское хозяйство; они сошлись и съ киргизами, сохраняя, впрочемъ, свои нравы и обычаи; но съ развитіемъ въ нихъ духа общаго у всѣхъ казаковъ Сибирскаго войска, трудолюбіе ихъ ослабѣло, а отношенія къ киргизамъ становятся годъ отъ году хуже.

Въ политическомъ отношеніи казаки не приносятъ въ степи той пользы, которую можно ожидать a priori. Эти люди, нарядившіеся въ киргизскіе халаты, говорящіе со своими дѣтьми по-киргизски, называющіе пріѣзжихъ изъ-за Урала русскими, а себя казаками, едва-ли могутъ служить орудіемъ обрусѣнія степи. Но нельзя безусловно поручиться за то, чтобы съ теченіемъ времени казаки не стали въ рукахъ господъ, въ родѣ Потаниныхъ [1]) et C⁰, враждебны Правительству.

Казачьи поселенія внутри степи, независимая и всегда пристрастная юрисдикція, неопредѣленныя права войска на такъ называемое 10-ти верстное пространство,—все это породило и порождаетъ чрезвычайно много весьма сложныхъ вопросовъ. Какимъ образомъ выйти изъ этого положенія, какъ заставить казачьи поселенія внутри степи и прииртышныя станицы ограничиться указнымъ надѣломъ земли и не обижать киргизовъ,—сказать трудно.

---

1) Пророкъ Сибирскаго казачества,—бойкій и ловкій писака.

Семипалатинская область.

Въ законодательномъ порядкѣ Семипалатинская область устроена нѣсколько иначе, чѣмъ область Сибирскихъ киргизовъ.

Вмѣсто старшихъ султановъ въ приказахъ четырехъ округовъ, Внутренняго Семипалатинскаго, Сергіопольскаго, Копальскаго и Кокпектинскаго, предсѣдательствуютъ окружные начальники, по выбору начальства. Мѣсто старшаго султана видоизмѣнено здѣсь въ помощника окружного начальника. Отъ подобнаго измѣненія основныхъ степныхъ положеній, безспорно, выиграла правительственная власть, но только въ томъ направленіи, въ какомъ она могла выиграть. Въ Семипалатинской области, въ отличіе области Сибирскихъ киргизовъ, политическая централизація замѣтна, зато административная и полицейская власти такъ же слабы, какъ и въ области Сибирскихъ киргизовъ. Вліяніе окружного начальника недостаточно сильно, чтобы быть въ состояніи слѣдить за исполненіемъ существующихъ законовъ или имѣть возможность оградить каждаго живущаго въ округѣ отъ притѣсненій. Тому есть двѣ причины:

1) Настоящая организація приказовъ, предполагая отвлеченный способъ управленія, способъ, довольствующійся соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, извѣстныхъ бюрократическихъ пріемовъ, сама по себѣ уже парализуетъ всякаго дѣятельнаго и энергическаго окружного начальника. Какъ только послѣдній захочетъ не стѣсняться формальностями и, ставши на другую точку зрѣнія, рѣшится управлять округомъ помощью живыхъ силъ народа,—онъ станетъ въ противорѣчіе съ закономъ и приказомъ. Иногда, не будучи въ состояніи рѣшить сложный вопросъ въ самое короткое время, онъ долженъ

внести дѣло въ приказъ, т.-е. никогда его не рѣшить. Иногда отъ окружного начальника киргизы ждутъ пресѣченія какого-либо притѣсненія или несправедливости, а что́ въ подобномъ случаѣ онъ можетъ предпринять? Онъ имѣетъ право писать и просить и быть увѣреннымъ, что его бумага послужитъ только первымъ листомъ многотомнаго дѣла.

2) Слабость власти окружныхъ начальниковъ зависитъ также отъ того, что, при порядкахъ, нынѣ существующихъ въ степи Сибирскаго вѣдомства, они не могутъ заставить народъ уважать свою волю. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько подробнѣе про это обстоятельство.

Отсутствіе кредита у мѣстнаго правительства и слабость его въ степяхъ Сибирскаго вѣдомства въ настоящее время зависитъ отъ возможности, иногда необходимости, для нашей администраціи вмѣшиваться въ чуждую намъ жизнь киргизовъ. Вслѣдствіе того, что законъ не далъ волостямъ полнаго и твердаго самоуправленія, правительство принуждено было искать опору въ чиновникахъ изъ киргизовъ, контролировать дѣятельность которыхъ нѣтъ никакой возможности. Въ здѣшнихъ степяхъ можно замѣтить, что чѣмъ извѣстный округъ, вслѣдствіе особенностей приказа, пользуется меньшимъ количествомъ самоуправленія, тѣмъ, въ дѣйствительности, тамъ пріобрѣтаютъ большее значеніе чиновники изъ киргизовъ, тѣмъ въ такомъ округѣ возможнѣе злоупотребленія, но тѣмъ и слабѣе правительственная власть. Оттого-то въ области Сибирскихъ киргизовъ фактическая власть находится въ рукахъ старшихъ султановъ. Здѣшніе старшіе султаны—помощники окружныхъ начальниковъ—не имѣютъ никакихъ правъ и никакой власти, потому не могутъ пользоваться въ народѣ замѣтнымъ вліяніемъ. Между тѣмъ и тутъ киргизамъ не дано настолько самоуправленія, чтобы пра-

вительству не требовалась опора въ мѣстномъ началѣ, чтобы народъ не искалъ среди себя ходатаевъ по своимъ дѣламъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ въ Семипалатинской области было непомѣрное увеличеніе власти волостныхъ управителей, далеко не имѣющихъ подобнаго значенія въ области Сибирскихъ киргизовъ.

Это типическая сторона здѣшняго управленія.

Отношеніе окружныхъ начальниковъ къ волостнымъ весьма малымъ лучше отношеній приказовъ области Сибирскихъ киргизовъ къ старшимъ султанамъ. Окружные только менѣе пишутъ, но исполненіе ихъ приказаній все-таки въ рукахъ волостныхъ управителей.

То, что въ четырехъ поименованныхъ округахъ составляетъ естественный результатъ положеній Сперанскаго, то при организаціи Алатавскаго округа принято въ соображеніе. Начальникъ Алатавскаго округа самостоятеленъ и не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ окружнымъ приказомъ.

Помощникъ его—русскій офицеръ. Тремя большими родами, на которые дѣлится Большая Орда, управляютъ три султана аблаевскаго происхожденія [1]). Начальникъ Алатавскаго округа не вмѣшивается во внутреннія дѣла родовъ и предоставляетъ султанамъ управлять волостями, согласно мѣстному обычному праву.

Эта организація была бы очень раціональною, если бы, вмѣсто полувассальныхъ султановъ, частями юсеневскихъ родовъ управляли бы волостные старшины, по избранію народа.

Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ вообще высшіе чи-

---

[1]) Султанъ Сюкъ, сынъ Аблая, былъ извѣстенъ своею преданностью Россіи и склонилъ своихъ родителей, аблаевскихъ султановъ, управлявшихъ Большою Ордою, принять подданство. До сихъ іоръ правителями юсеневскихъ родовъ (Юсенями называютъ себя киргизы Большой Орды) исключительно назначаются потомки Аблая.

новники изъ киргизовъ, будучи не безусловно преданы Россіи, въ то же время и не всегда служатъ пользамъ киргизскаго народа. Эти чиновники почти исключительно избираются изъ султановъ или родоначальниковъ.

Султаны смотрятъ свысока на своихъ соотечественниковъ, не имѣющихъ права сказать, что они потомки Чингизъ-Хана, зато взаимно показываютъ другъ другу всевозможное почтеніе и искренно убѣждены въ своемъ непоколебимомъ правѣ на управленіе киргизами. Это особенный народъ въ народѣ, степные космополиты, которыхъ интересы всегда становятся въ противорѣчіе съ интересами другихъ киргизовъ. Своимъ положеніемъ о степи графъ Сперанскій уничтожилъ ихъ главу—хана, однако онъ легитимировалъ силу и долговѣчность остальной степной аристократіи тѣмъ, что въ правилахъ о выборѣ старшаго султана, онъ далъ всякія преимущества султанскимъ родамъ надъ черною костью.

Сильнымъ враждебнымъ элементомъ султанства являются, такъ называемые, родоначальники. И султаны, и родоначальники не могутъ дружелюбно смотрѣть на нашу власть, вырвавшую изъ ихъ рукъ узурпированныя ими права, которыми, вотъ уже много вѣковъ, они останавливали развитіе киргизскаго народа.

Графъ Сперанскій уничтожилъ званіе хана, но создалъ должность старшаго султана. Само собой вышло то, что въ Семипалатинской области сохраненные законодательствомъ старшіе султаны обратились de facto въ нуль.

Такъ же естественно и то, что при устройствѣ Алатавскаго округа званіе старшаго султана раздробилось на три части; за то за этими новыми султанами оставлена огромная власть. При отсутствіи самоуправленія въ волостяхъ, далѣе идти нельзя было. Организація Алатавскаго округа есть самый разумный и окончательный

выводъ изъ непрактичныхъ основныхъ степныхъ законовъ.

Было бы чрезвычайно полезно и послѣдовательно уничтожить у киргизовъ всякую сильную выборную власть, т.-е. освободить ихъ отъ гнета аристократическаго и родового началъ. Это возможно, но только тогда, когда народъ по всѣмъ своимъ внутреннимъ дѣламъ будетъ имѣть право полнаго самоуправленія. Пусть дѣятельность вліятельныхъ киргизскихъ людей будетъ направлена на дѣла волостей, на самосудъ; пусть каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ какое хочетъ вліяніе въ волости—не болѣе. Тогда онъ не парализуетъ правительственную силу, а будетъ содѣйствовать ея видамъ. За то всю внѣшнюю силу народа возможно заключить тогда въ рукахъ уѣздныхъ или окружныхъ начальниковъ, разгранича строго предѣлы ихъ власти и подчинивъ имъ безъ различія всѣхъ русскихъ и не русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ подчиненныхъ имъ раіоновъ

Въ области Сибирскихъ киргизовъ разныя тяжбы, ссоры и недоумѣнія рѣшаются обыкновенно біями, которыхъ рѣшенія санкціонируются старшими султанами, имѣющими всю возможность заставить тяжущіяся стороны подчиниться приговору. Истцы изъ другихъ округовъ той же области обращаются со своими жалобами къ старшему султану округа, въ которомъ живетъ отвѣтчикъ, и всегда добиваются какого-нибудь рѣшенія. Это уничтожаетъ возможность всякихъ ссоръ между округами. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ; если старшіе султаны заинтересованы поддерживать судъ біевъ, то приказы едва ли не находятъ полезнымъ поощрять недовольство имъ. Благодаря этому и страху киргизовъ передъ нашимъ судомъ, послѣдніе не обращаются со своими нуждами къ окружнымъ; у здѣшнихъ же старшихъ султановъ нѣтъ силы, чтобы прекратить ссоры лицъ и

родовъ. Оттого между волостями и округами Семипалатинской области ведется обыкновенно множество счетовъ, преимущественно по дѣламъ кражи. Чтобы предупредить баранту, къ которой иначе непремѣнно прибѣгли бы спорящіе киргизы, губернаторы Семипалатинской области, сперва генералъ Пановъ, а потомъ генералъ Колпаковскій, устраивали *топы*, мировые съѣзды почетныхъ лицъ и біевъ отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Для характеристики топы, приведемъ въ переводѣ одно изъ условій, заключаемыхъ между біями спорящихъ сторонъ.

Условіе,
составленное по обычаямъ и шаріату.

1865 года 15 августа, мы, нижеподписавшіеся султаны, старшины, біи и почетные люди Копальскаго и Алатавскаго округовъ, съ общаго согласія, составили настоящее условіе для рѣшенія споровъ и тяжбъ. Этимъ условіемъ мы и будемъ руководствоваться при будущихъ рѣшеніяхъ.

1) Дѣла, рѣшенныя на съѣздѣ султановъ Сюка Абланханова съ Буленемъ Шанхаевымъ, какъ покрытыя всепрощеніемъ (Салаватомъ), не подлежатъ рѣшенію настоящей топы. Тяжебныя же дѣла, возникшія съ тѣхъ поръ, подлежатъ рѣшенію безъ взысканія штрафа, если нарушеніе законовъ произошло до 15 августа 1865 года.

2) 15 Августа 1865 года, губернаторъ издалъ приказаніе окончить наши тяжебныя дѣла мировымъ съѣздомъ; если же и послѣ этого срока будетъ произведено воровство, на большую или малую сумму, то за такое воровство взыскиваются въ качествѣ штрафа: девять предметовъ, начиная съ верблюда, и кромѣ того: ханлыкъ, бейлыкъ, казылыкъ и волостлыкъ [1]).

[1]) Штрафы въ пользу: хана (теперь султана), бія, судьи и волостного. Лыкъ значитъ—для. Эти штрафы опредѣляются судьями для волостного и султана, а послѣдними для судей,—обычай, существующій у всѣхъ мусульманскихъ народовъ.

3) Если кто будетъ имѣть искъ болѣе чѣмъ на пять штукъ скота, не имѣя для подкрѣпленія его никакихъ доказательствъ, то истецъ имѣетъ право избрать лицо, долженствующее подтвердить присягою вѣрность его иска, изъ цѣлой волости. Если искъ, при тѣхъ же условіяхъ, не будетъ превышать пяти скотинъ, то проситель выбираетъ лицо для присяги только изъ аула [1]).

4) Если будетъ представленъ искъ по убійству, то лицо, присягающее въ подлинности убійства, избирается истцомъ изо всей волости, къ которой принадлежитъ лицо, подозрѣваемое въ убійствѣ.

5) Если кто представитъ топѣ изловленнаго имъ вора, тотъ будетъ имѣть право, кромѣ штрафа, и на лошадь вора [2]).

6) Если воръ признается самъ въ кражѣ, то штрафъ за послѣднюю не полагается.

7) Если кто-либо, желая вернуть отъ кого-нибудь долгъ, угонитъ скотъ у невиннаго (не должнаго ему киргиза) то платитъ протыри, убытки и штрафъ.

8) Если лицо, избранное кѣмъ нибудь для очистительной присяги, не приметъ послѣдней въ назначенный день, то избравшій его признается виновнымъ и платитъ штрафъ или убытки, по опредѣленію суда.

---

[1]) Обыкновенный атрибутъ невыработаннаго суда есть обращеніе къ Богу. Въ результатѣ каждаго подобнаго суда, надъ кѣмъ бы то ни было, остается недоумѣніе и недостатокъ осязательныхъ данныхъ, безъ которыхъ, при недостаточности судебной процедуры, невозможно постановить рѣшеніе. Оттого необходимо убѣждаться въ истинѣ приведеніемъ къ присягѣ, Божіимъ судомъ, средневѣковыми ордаліями, испытаніями водою, огнемъ, желѣзомъ и т. д. По мусульманскому шаріату недоумѣнія разъясняются присягою. Такой взглядъ болѣе всего приложимъ къ жизни киргизскаго народа. Здѣшніе аулы составляются исключительно изъ родичей, не могущихъ свидѣтельствовать передъ судомъ по дѣламъ, совершеннымъ въ аулѣ. Потомъ, народонаселеніе здѣсь такъ рѣдко, что мало по какому дѣлу можно найти достаточное количество фактическихъ уликъ. Такимъ образомъ, по необходимости, остается довольствоваться мистическими доказательствами.

[2]) Въ важныхъ случаяхъ штрафъ состоитъ изъ *девятки*, девяти предметовъ въ нисходящей цѣнности отъ перваго предмета; напр. девятка отъ верблюда, отъ десяти лошадей и т. д.

9) Угнавшій скотъ барантою будетъ судиться, какъ воръ.

10) Если лицо, обвиняемое кѣмъ либо, не окажется на съѣздѣ, то его обязанъ отыскать старшина того аула, къ которому онъ принадлежитъ. Если виновный окажется несостоятельнымъ, за него будутъ платить ближайшіе родичи

11) Если въ аулѣ будетъ украдено что либо пріѣзжимъ человѣкомъ, то киргизъ, дававшій ему пріютъ, долженъ будетъ отыскать вора. Если же пристанодержатель станетъ отговариваться незнаніемъ вора, то искъ будетъ переданъ на судъ біевъ.

12) Если воровство произведено нѣсколькими лицами, а будетъ обличенъ одинъ, то послѣдній долженъ указать своихъ товарищей или уплатить весь искъ сполна.

13) Если хозяинъ украденной скотины выслѣдитъ ее въ лѣтнее время, то для присяги онъ избираетъ лицо изъ того аула, къ которому пришелъ слѣдъ. Если же истецъ отыщетъ свою скотину по зимнему слѣду, то присягу, доказывающую принадлежность ему пропавшей скотины, принимаетъ лицо одной съ истцомъ волости, по выбору обвиняемаго.

14) Каждый путешественникъ долженъ быть угощаемъ по мѣрѣ возможности. Если хозяинъ не пустилъ въ свою юрту путешественника, то онъ долженъ заплатить истцу лошадь и халатъ. Если путешественникъ не принятъ въ юрту въ отсутствіе хозяина его женою, то послѣдняя отдаетъ въ качествѣ штрафа свою рубаху и джавлукъ (бязевый головной уборъ).

15) Послѣ рѣшенія собравшимися теперь людьми всѣхъ дѣлъ, которыя возникнутъ до 15 октября 1865 года, всякій истецъ со своей жалобою долженъ будетъ обратиться къ бію своей волости. Послѣдній обязанъ рѣшить дѣло истца. Если которая либо изъ тяжущихся сторонъ не исполнила его приговора, то бій даетъ

(другой сторонѣ?) бумагу, за своею печатью, въ которой долженъ прописать ослушаніе. Если бій не приметъ жалобы и не дастъ, какъ выше прописано, бумаги, то съ него будетъ взыскано.

16) Если кто, потерявъ скотину, захочетъ вознаградить за радостную вѣсть (суюнчи [1]), то можетъ дать за рогатую скотину—барана; за верблюда—тая (двухгодового быка). Вознагражденія же за эти расходы просить не имѣетъ права.

Въ удостовѣреніе подлинности написанныхъ шестнадцати условій, мы, нижепоименованные, печати приложили: Засѣдатель Минчасаръ Сазамбаевъ. Засѣдатель Искулатъ Надировъ. Бій Тлеинчи Балбыковъ. Волостной управитель Тайнике Дюсетевъ. Бій Тукумъ Сабаковъ. Бій Кудояръ Моктубековъ. Султанъ Бай Джидыргеревъ. Бій Бетень Мурунбаевъ. Бій Алибековъ. Бій Бекъ Мажинъ. Султанъ Камбаръ Алимовъ. Бій Булюкъ Тасубаевъ. Бій Тлеугулъ Глюбаевъ. Въ удостовѣреніе того. что обѣ стороны постановили такое рѣшеніе, я, старшій султанъ Копальскаго округа, Оразъ Буленевъ, печать приложилъ. Старшій султанъ Алатавскаго округа Джалаировскихъ волостей султанъ Газы Джангазынъ печать приложилъ.

Нечего и говорить, что подобные топы не легитимированы закономъ, а суть естественное и необходимое послѣдствіе недостаточности положеній, дѣйствующихъ въ степи.

Всей Семипалатинской области, въ особенности такъ называемому Семирѣченскому краю и Алатавскому округу, безспорно, предстоитъ огромная будущность. Находясь въ центрѣ путей изъ Китая въ Туранъ и изъ обѣихъ этихъ странъ въ Россію, Семипалатинская область должна

---

[1]) Извѣстіе о мѣстѣ нахожденія пропавшей скотины.

когда-нибудь стать главнымъ пунктомъ среднеазіатской торговли. Даже теперь, когда едва прошелъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ отъ окончательнаго утвержденія Россіи въ этихъ мѣстахъ, торговля Семипалатинска, Копала и Вѣрнаго стала принимать значительные размѣры. Пріостановленная въ своемъ развитіи возстаніемъ дунгеней, она нашла себѣ другой путь и стала группироваться около Иссыкъ-Куля, на границѣ Кашгаріи, гдѣ возмутившіеся противъ Манжуровъ Ходжи удержали болѣе порядка, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ западнаго Китая. Стоитъ побывать здѣсь, чтобы убѣдиться собственными глазами, что русскіе не безполезно двигались впередъ. Вѣроятно, не такъ далеко то время, когда Россія станетъ получать среднеазіатскою дорогою монету, которую она отпускаетъ въ западную Европу въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ.

Какъ и въ области сибирскихъ киргизовъ, торговые центры Семипалатинской области обязаны своимъ основаніемъ администраціи; дальнѣйшимъ же своимъ развитіемъ—своему положенію, спокойствію въ степи и обезпеченности путей сообщенія.

Въ отношеніи экономическомъ киргизы Большой Орды разнятся къ худшему отъ киргизовъ Средней. Потребности первыхъ ограниченнѣе, грубѣе и менѣе сложны. Съ киргизами Большой Орды купцы дѣлаютъ небольшіе обороты, потому что они не берутъ у послѣднихъ ничего, кромѣ ситцу на рубашки, который и таскается до послѣдней возможности. Оттого торговля скотомъ не такъ значительна здѣсь, какъ въ волостяхъ Средней Орды. Намъ случилось быть у очень богатаго человѣка, правителя Атбановскихъ волостей, полковника султана Тезека. Въ его юртѣ такъ же грязно, какъ въ юртѣ послѣдняго бѣдняка его волостей. На деревянномъ корпусѣ юрты висѣли куски сырой баранины; кругомъ мѣшки съ просомъ и вся киргизская утварь, такая же перво-

бытная, какъ у всѣхъ киргизовъ. Тезекъ ѣстъ то же, что̀ и всѣ его единоплеменники, между тѣмъ какъ онъ обладаетъ многими сотнями, можетъ быть, тысячами китайскихъ ямбъ [1]) и многочисленными стадами всякаго рода скота. Такая отсталость объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Большая Орда не платила податей и потребностямъ юсеневцевъ не было доселѣ дано толчка, который повелъ бы ихъ къ сближенію съ купцами

Если бы и существовали какія-либо соображенія, заставлявшія здѣшнее начальство не обкладыватъ Большую Орду ясакомъ, то эти соображенія никакъ не вытекали изъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Бояться неудовольствій со стороны киргизовъ едва-ли было возможно, если припомнить, что юсеневцы, съ давнихъ поръ, несутъ чрезвычайно тяжелую подводную повинность, всегда превосходившую своею дороговизною цифру ясака. Вслѣдствіе безпрерывнаго движенія войскъ по большому тракту и разстановки съ каждой весною отрядовъ по горнымъ проходамъ, наряжается множество верблюдовъ подъ свозъ тяжестей. Вмѣсто квартирной повинности, волости выставляютъ войскамъ юрты. Осенью верблюды и лошади возвращаются хозяевамъ въ самомъ жалкомъ видѣ, а тогда, при киргизскомъ хозяйствѣ, скотина и должна быть особенно сильна, чтобы выдержать зиму. За заборъ верблюдовъ и скота войска часто платятъ киргизамъ, хотя это, впрочемъ, совершенно безполезно для владѣльцевъ скотины: полученныя деньги полностью поступаютъ въ карманы султановъ и волостныхъ. Мы собирали по ауламъ свѣдѣнія о томъ, что стоитъ киргизамъ Семипалатинской области натуральная повинность. Оказалось, что чегынъ или часть внутрен-

---

[1]) Ямбъ—слитокъ серебра въ пять фунтовъ. До возстанія дунгеней его курсъ былъ въ 200 р. с.; теперь же ямбы охотно отдаютъ за 125 р.—Вообще, вслѣдствіе прекращенія торговли съ западнымъ Китаемъ, у степныхъ купцовъ накопилось множество серебра въ видѣ ямбовъ.

няго расхода волостей, падающая на каждаго киргиза, достигаетъ четырехъ барановъ въ годъ съ юрты.

Казачьи поселенія въ Семипалатинской области страдаютъ тѣми же недостатками, какъ и въ области Сибирскихъ киргизовъ. Впрочемъ, въ Алатавскомъ округѣ, гдѣ окружный начальникъ имѣетъ большую надъ ними власть, гораздо менѣе слышно про казачій произволъ. Это очень многознаменательно.

Меньшее количество произвола со стороны казаковъ Алатавскаго округа, вмѣстѣ съ отличнымъ ихъ экономическимъ положеніемъ и необходимостью, для блага степей, единства власти, наводитъ на слѣдующую мысль: не будетъ ли удобно Сибирскихъ казаковъ подчинить губернаторамъ областей, предоставивъ послѣднимъ права атамановъ? Тогда войсковое правленіе, поддерживающее изъ своихъ видовъ корпоративную особенность казаковъ, станетъ ненужнымъ. При губернаторахъ же, какъ командующихъ войсками, расположенными въ областяхъ, могутъ быть начальники штабовъ, которымъ, въ число прочихъ обязанностей, можно поручить и вѣдѣніе казачьихъ дѣлъ. Послѣ того корпоративный духъ казаковъ, не всегда полезный для государства, пропадетъ самъ собою, между тѣмъ какъ войско, если бы это полагали нужнымъ, могло бы нести всѣ свои прежнія военныя обязанности. Въ дѣлахъ наряда казаковъ на службу, дѣлахъ по управленію и хозяйству станицъ, начальники штабовъ были бы, конечно, справедливѣе и безпристрастнѣе войскового правленія. Это было бы и гораздо экономнѣе и облегчало, въ тоже время, правительство въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ относительно казаковъ.

Область Оренбургскихъ киргизовъ.

Прежде разсмотрѣнія управленія областью Оренбургскихъ киргизовъ считаемъ не лишнимъ выяснить тѣ причины, которыя вліяютъ и до сихъ поръ на точку зрѣнія оренбургскихъ властей.

До Абулхаира власть въ Малой Ордѣ принадлежала ханамъ по праву происхожденія отъ Чингизъ - Хана. Какъ ни безобразны были насилія хановъ, какъ ни произвольна была ихъ власть, но, въ сущности, послѣдняя была нормальна, потому что вытекала изъ условій дикой жизни и степени развитія киргизскаго народа. Не смотря на то, что хана не избрали бы, если бы онъ не имѣлъ своей сильной партіи въ народѣ, его произволъ былъ ограниченъ извѣстнымъ условнымъ предѣломъ, переступая который онъ рисковалъ, по крайней мѣрѣ, своею властью.

Послѣ подданства Абулхаира, ханы стали назначаться нашимъ правительствомъ исключительно изъ его потомства. Скоро послѣ того, роли правительства и хана опредѣлились съ достаточною ясностью. Ханы могли дѣлать все, что хотѣли, не опасаясь народа, который не уважалъ фамилію Абулхаира, съ тѣмъ только, чтобы они сохранили покорность къ Россіи, которую ханское семейство считало похитительницею своихъ правъ. Такимъ образомъ, хану приходилось поддерживать порядокъ среди народа, который его не любилъ, и казаться преданнымъ правительству, которое онъ самъ не любилъ. Отсюда выработалась степная политика, которою киргизскія власти руководятся и до сихъ поръ: ханы стали обманывать и правительство и киргизовъ. Русской администраціи они угождали внѣшнимъ образомъ, въ народѣ же искали союзовъ съ богатыми и сильными. Передъ народомъ ханы сваливали свое самовластіе на

Россію и помощью вліятельныхъ лицъ изъ-подъ руки жаловались на свое фальшивое положеніе. Съ другой стороны, всякое неудовольствіе народа, вызванное, можетъ быть, раціональными причинами, ханы толковали правительству свойствомъ безпокойнаго киргизскаго народа, управлять которымъ помощью энергическихъ мѣръ нельзя. Чтобы имѣть свою партію въ народѣ, ханы убѣждали правительство потакать богатымъ и вліятельнымъ и упрашивали смотрѣть сквозь пальцы на ихъ произволъ. Между тѣмъ, привлекая къ себѣ богатыхъ русскими руками, ханы получали возможность сформировать свою партію, чтобы давить ею народъ и обманывать правительство. Принужденное считать власть хана солидарною со своею, наше правительство, не замѣчая того, поддерживало произволъ, который былъ натураленъ, пока сносился киргизами добровольно, а при русскомъ вліяніи сталъ нелѣпостью.

Пока существовали ханы, здѣшняя степь находилась къ Россіи въ отношеніяхъ чисто вассальныхъ и почти не существовало органовъ для завѣдыванія киргизскими дѣлами.

Послѣ была образована пограничная коммисія съ подчиненіемъ ее министерству иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что наша среднеазіатская политика изстари была необъяснимо слаба и отыскивала непреодолимыя затрудненія даже тамъ, гдѣ ихъ не существовало. Министерство иностранныхъ дѣлъ могло дать пограничной коммисіи только такія инструкціи, какія оно дало бы всякому другому политическому агенту въ Средней Азіи; потому эта коммисія смотрѣла на степь, какъ на страну чужеземную, стать въ которой твердою ногою не было никакой надобности и пользы. Такая точка зрѣнія обусловливала и программу нашихъ дѣйствій въ киргизской степи оренбургскаго вѣдомства: стремленіе къ умиротворенію и сохраненію спокойствія во что бы то ни стало, под-

держаніе богатыхъ и знатныхъ, боязнь передъ вліятельными, равнодушіе къ интересамъ всего народа.

Когда въ 1811 году послѣдній ханъ, Джантюре, былъ убитъ потомкомъ же Абулхаира, султаномъ Каратаемъ, неестественность ханской власти стала очевидна, почему она и замѣнена сперва двумя, а потомъ тремя султанами-правителями. Такъ какъ послѣдніе въ глазахъ киргизовъ имѣли меньшее значеніе, чѣмъ ханъ, а правительство стало къ нимъ требовательнѣе, то султаны-правители еще болѣе старались сблизиться съ богатыми киргизами, предоставивъ остальной народъ его собственной судьбѣ.

Вслѣдствіе сказаннаго, большинство мѣръ, принимаемыхъ въ степи оренбургскаго вѣдомства, создавались по инниціативѣ богатыхъ киргизовъ и подъ ихъ вліяніемъ, не только не свѣряясь съ нуждами народа, но даже иногда въ ущербъ бѣднымъ. Это нужно постоянно имѣть въ виду, объясняя себѣ положеніе степи оренбургскаго вѣдомства.

И такъ, правительство было введено въ заблужденіе и своимъ собственнымъ взглядомъ и импульсомъ снизу. Боязнь разрыва съ вліятельными людьми, боязнь взволновать степь стала тяготѣть надъ всѣми сужденіями о киргизской степи.

Пограничный взглядъ на степь нашелъ особенно сильную поддержку въ неудачномъ хивинскомъ походѣ Перовскаго. Затруднительность степныхъ походовъ, трудность стать прочно въ степяхъ, необходимость управлять киргизами съ линіи помощью вліятельныхъ лицъ, казались теперь очевидными источниками.

Испугъ Перовскаго передъ несуществующими пугалами застылъ надолго въ другихъ генералъ-губернаторахъ и передался всей оренбургской администраціи. Къ тому присоединились убѣжденія Сухтелена и Перовскаго, основанныя на господствовавшихъ тогда въ Европѣ

колоніальныхъ взглядахъ, о необходимости оставить киргизовъ пастухами, даже затруднять переходъ къ осѣдлости.

Вслѣдствіе общаго взгляда на степь, издавна уже стали прикармливать киргизовъ подарками и наградами. Въ большей части случаевъ милости сыпались на лицъ, производившихъ прежде безпорядки, а потомъ смирившихся. Цѣнность подарковъ и важность наградъ соразмѣрялась обыкновенно съ количествомъ враждебности къ Россіи и размѣромъ разбойничьей репутаціи. Въ сущности же эти милости были полезны только лично султанамъ - правителямъ, доставляя имъ возможность удобнѣе балансировать между правительствомъ и народомъ.

Генералъ Катенинъ въ одну поѣздку въ степь роздалъ подарковъ на 10.000 руб. сер. Чтобы удобнѣе понять это обстоятельство, слѣдуетъ припомнить, что когда явился къ нему съ повинною головою убійца султана-правителя Араслана Джантюрина, Исеть Кутебаровъ, генералъ Катенинъ одѣлся для его встрѣчи въ полную форму.

Послѣ этого необходимаго введенія можно перейти къ очерку управленія Оренбургскими киргизами.

Область Оренбургскихъ киргизовъ раздѣляется на три части: западную, среднюю и восточную, управляемыя султанами-правителями. Они выбираются изъ потомковъ Абулхаира генералъ-губернаторомъ и утверждаются Государемъ Императоромъ.

Три части, на которыя раздѣлена область, идутъ длинными полосами съ сѣвера на югъ. Вѣроятно, при такомъ раздѣленіи имѣли въ виду, что лучшія зимовки киргизовъ, кочующихъ лѣтомъ, какъ внутри степи, такъ и по истокамъ Утвы, Ори и Тобола, находятся на берегахъ Каспійскаго моря, въ пескахъ Барсуки и на Сыръ-Дарьѣ.

Части раздѣляются на мѣстности, дистанціи и роды, управляемые особыми начальниками [1]). Мѣстные начальники соотвѣтствуютъ аульнымъ старшинамъ Сибирской степи, какъ дистаночные—волостнымъ управителямъ. Тѣ и другіе назначаются султанами-правителями (волостные утверждаются областнымъ правленіемъ). Величина мѣстностей, дистанцій и родовъ не одинакова и зависитъ отъ представленія султана-правителя.

Султаны-правители вѣдаютъ всецѣло дѣлами административными, политическими, полицейскими и судебными, безъ всякаго вмѣшательства русскихъ властей. Изъ находящихся въ степи русскихъ командиръ сотни, состоящій при султанѣ въ качествѣ конвоя, находится въ полномъ ему подчиненіи. Коменданты Оренбургскаго и Уральскаго укрѣпленій, Карабутакскаго форта и Эмбенскаго поста тщательно выгорожены отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла киргизовъ. Слѣдовательно, султанъ-правитель есть полный и безконтрольный владыка ввѣренной ему части; въ сущности онъ можетъ быть самовластнѣе исчезнувшихъ хановъ, потому что тѣ не могли разсчитывать на такую полную поддержку Россіи.

Султаны-правители фактически управляютъ, однако, степью только лѣтомъ, во время ежегодныхъ объѣздовъ своихъ частей. Этотъ объѣздъ начинается съ весны и производится подъ прикрытіемъ сотни казаковъ. Султанъ-правитель окружаетъ себя тогда всѣмъ, что есть въ его части богатаго, знатнаго, сильнаго и умнаго. Къ юртѣ султана ставятся часовые, дѣлающіе ему на караулъ, а командиръ сотни долженъ ежедневно рапортовать ему о благосостояніи своей части и получать приказанія. Нельзя при этомъ не замѣтить, что

[1]) Киргизы, живущіе близъ линіи или такъ называемые прилинейные, раздѣляются на мѣстности и дистанціи; тѣ же, которые живутъ внутри степи или степные—на мѣстности и дистанціи, иногда-же на роды, заключающіе нѣсколько дистанцій.

видъ русскаго офицера, стоящаго на вытяжку передъ тупымъ халатникомъ, сидящимъ на корточкахъ въ сообществѣ кучи оборванныхъ киргизовъ—возмутителенъ. Во время объѣздовъ султанъ старается рѣшить всѣ дѣла, какъ текущія, такъ и накопившіяся за зиму. Обыкновенно къ осени онъ не кончаетъ и половины того, что бы ему слѣдовало рѣшить. Съ наступленіемъ зимы нерѣшенныя дѣла, за незначительнымъ исключеніемъ, откладываются до слѣдующаго лѣта.

Зимою султаны-правители живутъ на линіи, предоставляя подчиненныхъ имъ киргизовъ на произволъ судьбы [1]). Тогда наступаетъ пора кулачнаго права, тѣмъ болѣе наглаго, что на югѣ здѣшней степи, по берегу Каспійскаго моря, на Усть-Уртѣ, въ пескахъ Барсуки и по русской окраинѣ Аральскаго моря, т. е. въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ зимняго пребыванія султановъ-правителей, зимуютъ самые дикіе и своевольные киргизы. Едва-ли одна изъ главныхъ причинъ ихъ необузданности не заключается въ отсутствіи всякой правительственной опеки и удаленіи отъ правительственныхъ центровъ въ теченіе бо́льшей части года.

При управленіи частью султанъ-правитель опирается на мѣстныхъ, дистаночныхъ начальниковъ и родоначальниковъ. Ихъ отношенія къ султану не опредѣляются ничѣмъ, кромѣ личной воли послѣдняго. Между тѣмъ, какъ во время объѣздовъ султановъ-правителей при нихъ состоитъ сотня казаковъ, у второстепенныхъ киргизскихъ властей нѣтъ никакой опоры, чтобы, въ случаѣ нужды, силою поддержать свои распоряженія. Потому относительно подчиненныхъ имъ по закону киргизовъ мѣстные дистаночные начальники и родоначаль-

[1]) Въ Оренбургскомъ укрѣпленіи и Эмбенскомъ посту выстроены ставки для султановъ-правителей, стоившія казнѣ 40,000 р. с.; но послѣдніе не живутъ въ нихъ, а продолжаютъ зимовать на линіи, именно въ станицахъ: Изобильной, Илецкомъ Городкѣ и Усть-Уйскѣ.

ники пользуются только такою долею власти, которая естественно принадлежитъ имъ по количеству родственниковъ и состоянія. Въ большей части случаевъ власть дистаночныхъ крайне слаба и всегда оспаривается либо претендентами, достаточно сильными, чтобы соперничать съ ними, либо тѣми, которые принадлежатъ къ партіи, опозиціонной султану и его сподручникамъ. Лѣтомъ, когда султанъ-правитель трогается въ свой объѣздъ, сторонники его, равно какъ богатые и знатные киргизы спѣшатъ на встрѣчу къ своему повелителю. Чтобы успѣть рѣшить огромное количество жалобъ, накопившихся въ теченіе зимы, султанъ-правитель разсылаетъ всѣхъ должностныхъ и знатныхъ лицъ, съѣхавшихся къ нему, для производства слѣдствій, разбирательствъ, примиренія ссорящихся родовъ и т. д. Другихъ онъ удерживаетъ при себѣ для блеска или рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ. Въ результатѣ оказывается, что ни одинъ дистаночный не бываетъ лѣтомъ при своей дистанціи.

Зная, такимъ образомъ, только трехъ султановъ-правителей, наша власть и не вмѣшивается въ ихъ распоряженія, если въ степи покойно. Сила, честность, энергія управленія, даже то или другое направленіе умовъ зависитъ, слѣдовательно, не отъ обдуманныхъ учрежденій, а отъ личныхъ качествъ султана. Вѣроятно, потому въ степи происходятъ иногда случаи, объяснить которые можно только неуваженіемъ киргизовъ къ власти и постояннымъ страхомъ послѣдней, чтобы не взволновать степь.

Въ 1855 году султанъ-правитель средней части Араланъ Джантюринъ, исполняя приказанія начальства, потребовалъ у Чеклинскаго рода выдачи извѣстнаго разбойника Исетя Кутебарова. Но едва онъ двинулся на Чеклинцевъ съ линіи, какъ былъ окруженъ ими и убитъ съ десятью почетными біями. Вслѣдъ за тѣмъ въ степи

обнаружилось волненіе. Хотя наши войска и возстановили порядокъ, но организація степи не обновлена и султаны-правители оставлены, какъ нужное учрежденіе. Предводитель убійцъ, Исетъ Кутебаровъ, разбойникъ совершенно простого разбора, не только безусловно прощенъ, не только назначенъ начальникомъ Чеклинскаго рода, какъ *вліятельное* лицо, но и удостоился чести быть представленнымъ Его Величеству.

Логическимъ результатомъ безнаказанности такого преступленія былъ новый административный скандалъ. Вскорѣ послѣ описаннаго случая, султанъ-правитель западной части, подполковникъ Тяфкинъ, двинулся на Тазовцевъ, которые не хотѣли выдавать убійцъ одного знатнаго киргиза. Улучивъ удобную минуту, Тазовцы напали на Тяфкина и разогнали его свиту и конвой (50 казаковъ), причемъ убито нѣсколько киргизовъ и одинъ казакъ. Областное правленіе рѣшило все дѣло мировою сдѣлкою, а оскорбленіе власти, скандалъ случая, а убитый казакъ показались въ Оренбургѣ до того ничтожными обстоятельствами, что на это не обратили вниманія.

При сосредоточеніи всѣхъ властей въ рукахъ султановъ-правителей, судъ долженъ былъ стереться и смѣшаться съ администраціей. Такъ и случилось. Теперь всѣ тяжбы и иски рѣшаются либо самими султанами, либо біями, по ихъ назначенію, либо, наконецъ, дистаночными. Слѣдовательно, всѣ судебныя дѣла рѣшаются административнымъ порядкомъ.

Въ законахъ существуютъ постановленія, которыми опредѣлено, какія судебныя дѣла подлежатъ русской юрисдикціи; но еще Перовскій весьма часто приказывалъ передавать подобныя дѣла на разбирательство дистаночныхъ начальниковъ. Съ тѣхъ поръ это принято за правило подъ тѣмъ предлогомъ, что судебные слѣдователи, состоящіе при областномъ правленіи, не знаютъ языка

и обычаевъ киргизовъ, и что въ распоряженіи областного правленія нѣтъ достаточно средствъ для командированія чиновниковъ въ степи. Начиная съ генералъ-губернатора и до болѣе добросовѣстныхъ султановъ-правителей, всѣ начинаютъ сознавать, что большинство безпорядковъ, происходящихъ въ степи Оренбургскаго вѣдомства, зависитъ отъ несуществованія здѣсь суда. Однако, возстановленіе древняго суда біевъ понимается тутъ особеннымъ образомъ. Назначенный генераломъ Крыжановскимъ новый султанъ-правитель западной части, Али-Магометъ Сейдалинъ, говорилъ намъ, что онъ возстановилъ судъ біевъ. Послѣ мы видѣли засѣданія этого суда. Самъ Сейдалинъ сидѣлъ на коврѣ и разбиралъ жалобы, направо и налѣво сидѣли біи, безмолвно смотрѣвшіе въ свои «брады». Они-то и должны были представлять воскрешенную независимость суда біевъ.

Административная дезорганизація, вмѣстѣ съ неопредѣлившимся судомъ, произвела полный хаосъ въ поземельномъ пользованіи. Такъ какъ всѣ власти сосредоточены въ рукахъ султановъ-правителей, то они присвоили себѣ право раздавать зимовки. Не зная или не желая знать поземельныя нужды родовъ, султаны-правители раздавали зимовки изъ числа мѣстъ, обильныхъ травами и незанятыхъ до тѣхъ поръ, можетъ быть, именно потому, что они лежали на пути лѣтнихъ кочевокъ. Оттого затруднялось кочеваніе и зимовыя стойбища, лежащія на пути лѣтовокъ, стали травиться проходящими киргизами. Владѣльцы зимовокъ, охраняя свои луга отъ потравъ, часто становились въ необходимость оборонять силою свое имущество, отчего поземельные споры чрезвычайно усложнились. Дистаночные начальники не принимаютъ жалобъ по спорамъ за земли, такъ какъ они не въ состояніи удовлетворить ихъ. Сами султаны-правители чрезвычайно затрудняются этими спо-

рами, главнымъ образомъ потому, что истцы жалуются на цѣлые роды и ихъ подраздѣленія.

Какъ только явилась возможность нарушать безнаказанно поземельныя права, хозяевами степи сдѣлались богатые и сильные. Богатые люди сгоняли бѣдныхъ съ ихъ мѣстъ; сильные роды тѣснили болѣе слабыхъ. Адаевцы, Чумышъ-Табынцы, Чеклинцы, однимъ словомъ сильные роды не стали обращать вниманія на неприкосновенность не имъ принадлежащихъ зимовокъ. Оттого перекочевки этихъ родовъ съ юга, производимыя обыкновенно цѣлымъ родомъ или сильною его частью, сопровождаются потравою зимовокъ и кровопролитными драками, остановить которыя можно только приведя въ порядокъ поземельное пользованіе.

Вслѣдствіе системы управленія степью помощью богатыхъ людей, подать выразилась въ формѣ кибиточнаго сбора, одинаковаго для бѣдныхъ и состоятельныхъ. Но независимо отъ 1½ руб., сбираемыхъ съ каждой юрты, здѣсь, какъ и въ степи сибирскаго вѣдомства, существуетъ чегынъ или денежный сборъ на покрытіе негласныхъ расходовъ. Величина его приблизительно равняется 1½ р. с. на каждую юрту, слѣдовательно, здѣшній чегынъ почти равняется сибирскому. Назначеніе чегына въ Оренбургской степи состоитъ въ кормленіи султановъ-правителей, чиновниковъ и вліятельныхъ лицъ; въ Сибири же, кромѣ того, онъ покрываетъ и натуральныя земскія повинности.

Укрѣпленія, находящіяся въ степи, имѣютъ исключительно оборонительный характеръ, и коменданты ихъ, безъ приказанія султана-правителя, не имѣютъ права дѣйствовать силою, для возстановленія порядка, даже тогда, еслибы недалеко отъ стѣнъ шла бы баранта. Во внутреннія дѣла киргизовъ комендантамъ запрещено вмѣшиваться еще обстоятельнѣе. Слѣдовательно, назначеніе укрѣпленій состоитъ въ томъ, чтобы служить

этапомъ проходящимъ воинскимъ командамъ и складомъ продовольственныхъ запасовъ. Такая цѣль выразилась въ выборѣ пунктовъ подъ укрѣпленія. Эти пункты лишены всякихъ хозяйственныхъ удобствъ, зато представляютъ выгоды для обороны противъ сильнаго непріятеля. Положеніе комендантовъ дѣлаетъ ихъ смѣшными въ глазахъ киргизовъ. Послѣдніе не только не слушаютъ ихъ, но при малѣйшемъ вмѣшательствѣ въ ордынскія дѣла жалуются на нихъ въ областное правленіе. Коменданты, видя неуваженіе къ себѣ киргизовъ и крайнюю робость, съ которою обращаются съ ними высшія власти, стали бояться какихъ-то опасностей, ожидать нападеній и вообще часто сердечно обманывать себя и начальство, какъ это, съ другой стороны, дѣлали тоже, но съ намѣреніемъ, султаны-правители.

При укрѣпленіяхъ, можно сказать, нѣтъ поселеній.

Вмѣстотого, чтобы служить соединительными звеньями съ Россіей, существующія здѣсь укрѣпленія сосредоточились сами въ себѣ и приняли весь особенный складъ чисто-военныхъ учрежденій. Мы видѣли въ Эмбенскомъ посту, какъ каждый киргизъ, пріѣзжающій туда, долженъ привязывать свою лошадь къ шесту, вбитому на картечный выстрѣлъ отъ вала, и ждать, покуда ему разрѣшатъ войти въ укрѣпленіе. Большія же толпы киргизовъ не подпускались къ посту вовсе.

Русскія поселенія въ степи сибирскаго вѣдомства дали возможность правительству стать здѣсь твердою ногою. До тѣхъ поръ она была въ томъ же положеніи, какъ и оренбургская степь. Послѣ колонизаціи степи значительные безпорядки стали тамъ невозможны, и нѣкоторыя изъ поселеній обратились въ центры степной торговли, которая, съ тѣхъ поръ, и развивается съ каждымъ годомъ. Здѣсь, при укрѣпленіяхъ, не существуетъ торговли. Небольшое число купцовъ, рискующихъ посылать свои товары въ степь, нанимаютъ такъ-назы-

ваемыхъ кутеремщиковъ, т. е. киргизовъ, сбывающихъ своимъ одноплеменникамъ товаръ на бараны и получающихъ отъ купца одиннадцатаго барана коммиссіонерской платы. Кредита не существуетъ и расплата производится немедленно за куплею, между тѣмъ какъ въ Сибирской степи она вся основана на довѣріи купцовъ къ киргизамъ.

Купцы, отправляющіе въ степи свой товаръ, составляютъ, впрочемъ, исключеніе; весь же торговый оборотъ оренбургскаго края производится самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ. Киргизы разныхъ родовъ каждое лѣто посылаютъ на линію довѣренныхъ лицъ, которыя гонятъ туда барановъ, везутъ войлоки, армячину, верблюжью шерсть и прочіе предметы кочевого хозяйства и на мѣновыхъ дворахъ пріобрѣтаютъ на нихъ необходимые товары. Иначе: Оренбургъ и Троицкъ ведутъ со степью пассивную торговлю. Какъ ни непріятно звучитъ такое слово, однако, оно вѣрно передаетъ положеніе здѣшней торговли.

Чтобы пріучить киргизовъ къ потребленію нашихъ произведеній и навязывать имъ то, что у насъ есть лишняго (какъ это дѣлаетъ съ нами западная Европа), намъ слѣдуетъ возить свои товары въ степи. Тогда мы будемъ хозяевами цѣнъ на скотъ; тогда мы будемъ отправлять въ степь то, что дѣйствительно не нужно намъ самимъ и станемъ руководителями киргизскихъ потребностей.

Если же будетъ наоборотъ; если киргизы станутъ продолжать пригонять свой скотъ на линію, то они должны открывать базарныя цѣны и покупать въ то же время только то, что имъ крайне необходимо.

Всѣ невыгоды пассивной торговли замѣчаются въ здѣшней степи совершенно отчетливо. Цѣна на скотъ болѣе, чѣмъ вдвое выше цѣнъ сибирскихъ; съ линіи вывозится очень много монеты; бумажки принимаются

неохотно; колебанія цѣнъ огромныя и часто поражаютъ своею нелѣпостью. Въ настоящемъ году въ степи покупался взрослый баранъ по 2 р. 50 к. или 3 р. сер.; въ Оренбургѣ же, въ разстояніи какихъ-нибудь 200 или 300 верстъ отъ этой цѣны, тотъ же баранъ стоилъ 5 р. и 5 р. 15 к. сер., а потомъ неожиданно упалъ на 3 р. Оренбургская степь представляется на глазъ европейца бѣдною пустынею, едва покрытою скудною растительностью. Исключеніе составитъ сѣверо-восточная ея часть, снабженная въ изобиліи всѣмъ необходимымъ даже для осѣдлаго населенія. Въ сущности же оренбургская степь не такъ бѣдна. Если въ степи сибирскаго вѣдомства, вслѣдствіе обилія луговыхъ травъ, болѣе лошадей и рогатой скотины, то здѣсь очень много верблюдовъ и овецъ, любящихъ травы, растущія на пескахъ и солонцеватой почвѣ. Въ итогѣ, какъ кажется, Оренбургскіе киргизы не бѣднѣе сибирскихъ, несмотря на отсутствіе администраціи и суда, несмотря на дурную систему податей и запутанность поземельнаго права. При всемъ томъ, потребности здѣшнихъ киргизовъ, благодаря пассивной торговлѣ нашей и отсутствію въ степи русскихъ колоній, чрезвычайно ограничены. Обстановка ихъ домашней жизни и нравы рѣзко отличаются къ худшему отъ Сибирскихъ киргизовъ. Если тамъ я видѣлъ у киргизовъ оружіе только на границѣ Китая, то здѣсь почти нѣтъ юрты, въ которой бы не было сабли и винтовки. Необходимость быть вооруженнымъ естественна тамъ, гдѣ права человѣка не обезпечены и гдѣ сила должна замѣнять право.

Изъ сдѣланнаго очерка слѣдуетъ:

1) Прочной администраціи въ оренбургской степи не существуетъ. Султаны-правители, поставленные надъ киргизами со властью хановъ, ведутъ на поводу правительство, которое, по сущности господствующей здѣсь системы, должно исполнять большинство ихъ желаній.

Благодаря ненадежности султановъ-правителей, чрезвычайно обширной власти, предоставленной имъ, и тому, что они непостоянно живутъ среди порученнаго имъ народа, правительственная власть въ степи Оренбургскаго вѣдомства не прочна и возможны серьезные безпорядки.

2) Второстепенныя власти назначаются изъ числа лицъ, преданныхъ султану, и потому не болѣе, какъ его сподручники. Всѣ киргизскія власти вообще заботятся только о поддержаніи видимаго спокойствія, часто насчетъ кредита русскаго правительства и пользъ народа.

3) Судъ замѣненъ административнымъ разбирательствомъ, зависящимъ отъ султана-правителя.

4) Поземельныя отношенія не опредѣлены и право пользованія зимовками и лѣтовками не обезпечено.

5) Кибиточный сборъ, невыгодный для бѣдныхъ, слишкомъ уже легокъ для людей состоятельныхъ. Чегынъ идетъ только на покрытіе расходовъ по злоупотребленіямъ.

6) Укрѣпленія, находящіяся въ степи, не способствуютъ къ возстановленію порядка и безполезны для развитія торговли.

7) Военныя власти, находящіяся въ степи, подчинены киргизамъ, отчего здѣсь не могло быть возстановлено спокойствіе энергичными мѣрами.

8) Всѣ недостатки управленія степью зависятъ отъ традиціоннаго взгляда оренбургской администраціи, которая держится правилъ, выработанныхъ Сухтеленомъ, Генсомъ и Перовскимъ. Личный взглядъ генералъ-губернатора не имѣетъ никакого значенія для управленія, и весьма скоро послѣ его назначенія онъ подчиняется точкѣ зрѣнія, усвоенной администраціею.

Резюмируя все сказанное о русскомъ управленіи въ киргизскихъ степяхъ, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Оренбургская степь управляется, какъ вассальное государство. Характеристика управленія состоитъ въ отсутствіи твердой администраціи и въ системѣ уступокъ, которыя, вмѣстѣ съ пассивною торговлею, и называются на мѣстномъ техническомъ языкѣ «пріурочиваніемъ» киргизъ къ Россіи.

Въ Сибирской степи правительство управляетъ страною фактически. Если киргизы не развиваются желательнымъ образомъ, тому причиною сложность администраціи и недостатокъ энергіи, зависящій отъ преждевременнаго раздвоенія власти на двѣ части: гражданскую и военную.

Слѣдовательно, Оренбургская степь требуетъ управленія русскими людьми, снабженными достаточною властью для возстановленія полнаго порядка и спокойствія въ степи Сибирская—видоизмѣненія слабыхъ приказовъ въ сильную просто организованную власть и освобожденіе народа отъ русскаго вліянія на тѣ условія киргизской жизни, которыми мы не можемъ управлять.

Такимъ образомъ, не смотря на совершенно различныя условія, въ которыхъ находятся обѣ степи, приходимъ къ одинаковымъ окончательнымъ результатамъ:

1) Въ киргизскихъ степяхъ необходимо уничтожить всѣ крупныя выборныя должности. Степь Оренбургскаго вѣдомства раздѣлить на области (вѣроятно на двѣ, по меридіану Мугоджарскихъ горъ), которыя раздробить на территоріальные округи, на волости и аулы.

2) Власти, исполнительную, военную и полицейскую, сосредоточить, относительно области, въ рукахъ губернатора; относительно округа, — у окружныхъ начальниковъ, опредѣливъ строго ихъ права и обязанности.

3) Волостные и аульные старшины должны быть избираемы всѣми взрослыми киргизами, безо всякаго ценза. По всѣмъ внутреннимъ дѣламъ предоставить народу полное самоуправленіе.

4) Дать наибольшее развитіе суду біевъ, освобожденному отъ правительственнаго вліянія по всѣмъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ подчинены русской юрисдикціи. Исполнительная власть должна требовать точнаго исполненія приговора суда біевъ.

5) Разрѣшить поземельный вопросъ закрѣпленіемъ зимовокъ на правѣ собственности, либо за лицами, либо, что, кажется, будетъ хуже, за семействами или подраздѣленіями родовъ. При этомъ мѣста лѣтнихъ кочевокъ каждаго рода должны быть ясно опредѣлены. Поземельные споры по области рѣшать выборными біями, подъ предсѣдательствомъ губернатора; частные споры по округу и нарѣзку зимовокъ окончивать біями же подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника.

6) Сбирать усиленный противъ прежняго ясакъ (отъ 2 р. 50 к. до 3 р. с.), дѣлая валовой расчетъ по числу кибитокъ и предоставляя киргизамъ внутреннюю раскладку по состоянію. Раскладка должна производиться выборными, въ которыхъ былъ бы больше представленъ бѣдный элементъ. Раскладка по области между округами можетъ производиться подъ предсѣдательствомъ губернатора; по округу, между волостями,—подъ предсѣдательствомъ окружного начальника; по волости, между аулами и по ауламъ между лицами—подъ предсѣдательствомъ выборныхъ киргизовъ.

7) Мѣстопребываніе окружныхъ полагается въ станицѣ, для чего необходимо поселить около семи казачьихъ колоній въ степи Оренбургскаго вѣдомства [1]).

[1]) Даже въ западной части, безспорно самой пустынной въ киргизскихъ степяхъ, есть мѣста, удобныя для поселеній, т. е. такія, гдѣ находится изобильная

Послѣ того принять въ основу принципъ свободной колонизаціи людьми разныхъ сословій.

Полагаемъ, что труднѣйшая сторона дѣла, при устройствѣ киргизовъ, будетъ состоять не въ выработкѣ основныхъ положеній, даже не въ кодификаціи законовъ, а въ строгой послѣдовательности и большой волѣ, съ которою нужно будетъ примѣнять къ степи реформы. Безо всякаго сомнѣнія, оренбургская и сибирская власти будутъ находить тысячу затрудненій при введеніи того или другого закона.

Прежде чѣмъ вырабатывать основныя начала, необходимо, какъ мнѣ кажется, стать хозяиномъ Оренбургской степи. Этого можно достигнуть смиреніемъ нѣкоторыхъ родовъ, которые не боятся до сихъ поръ русскихъ и не даютъ покоя степи.

Восточный берегъ Каспійскаго моря, отъ Гурьева городка до форта Александровскаго, называемый у киргизовъ Отрау, весь Усть-Уртъ и пески Барсуки служатъ зимовками большей части киргизовъ западной и средней частей. Изъ нихъ Отрау и Усть-Уртъ въ особенности считаются удобными мѣстами для зимовокъ, почему сюда съ появленіемъ снѣга начинаютъ стекаться разные роды, размѣщающіеся по берегу моря и по многочисленнымъ колодцамъ, находящимся на Усть-Уртѣ. Изъ числа родовъ, зимующихъ здѣсь, между устьемъ Урала и урочищемъ Тентекъ-Соромъ, располагаются Бершевцы, Иссыковцы, Черкесовцы, Тазларовцы и части другихъ родовъ. Отъ устьевъ Эмбы и урочища Тен-

---

прѣсная вода, луга, а кое гдѣ и камышъ на топливо. По показаніямъ киргизовъ, эти мѣста слѣдующія: рѣка Верхній Илекъ, Большая Ходба, Утва, Калдагайты, озеро Челкаръ, мѣста по Уилу, мѣста, на которыхъ во время похода Перовскаго были построены временныя укрѣпленія Эмбенское и Чушка-Кульское; группа прѣсныхъ озеръ къ сѣверо-востоку отъ Иссенъ-Берды и гора Джиль-Тау, посрединѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, у сѣвернаго склона Устъ-Урта. По поводу недостатка топлива можно замѣтить, что все Оренбургское казачье войско топитъ кизякомъ.

текъ-Соръ до трухменской земли зимуетъ многочисленный Адаевскій родъ, распространяясь на Мангышлакъ и западную часть Усть-Урта [1]). Въ восточной же части послѣдняго и по западному прибрежью Аральскаго моря зимуютъ Чумышъ-Табынцы.

Усть-Уртъ поросъ почти исключительно черною полынью, которая питаетъ не только верблюдовъ и овецъ, но и пріученныхъ къ ней адаевскихъ лошадей. Невкусная вода очень глубокихъ колодцевъ, оставшихся отъ ногайскихъ временъ, служитъ людямъ; скотъ же на тебеневкахъ ѣстъ полынь со снѣгомъ. Вслѣдствіе скудности кормовъ, киргизы, зимующіе на Усть-Уртѣ, принуждены бываютъ кочевать все время отъ осени и до весны, когда трава, годная скоту, окончательно вытравливается. Съ таяньемъ снѣговъ всѣ роды, зимовавшіе по Отрау и на Усть-Уртѣ, начинаютъ двигаться на сѣверъ и, останавливаясь на мѣстахъ, обильныхъ кормами, доходятъ до истоковъ Илека и Ори. При этомъ Адаевцы, по искони заведенному обычаю, переходятъ Эмбу между Иссенъ-Берды и урочищемъ Акъ-тамъ-Уй-мутъ; Чумышъ-Табынцы же движутся съ зимовокъ въ пространствѣ между Акъ-тамъ-Уй-мутъ и Большими Барсуками. Если бы которая нибудь часть изъ двухъ поименованныхъ родовъ двинулась на сѣверъ въ пространствѣ, принадлежащемъ другому роду, она бы потравила чужіе корма и произошло-бы неминуемое столкновеніе. Къ веснѣ Адаевцамъ и Чумышъ-Табынцамъ необходимо двигаться на сѣверъ по мѣрѣ появленія свѣжей травы на Эмбѣ, Сагизѣ и Уилѣ, потому что на Усть-Уртѣ оставаться нельзя, а южнѣе послѣдняго живутъ вѣчные киргизскіе враги—сильные Трухмены.

[1]) Тентекъ-Сoромъ называется урочище, въ которомъ теряется Сагизъ. Это урочище состоитъ изъ непроходимыхъ солонцевъ и грязей, соединяющихся съ солонцами устьевъ Эмбы и тянущихся до моря. Потому адаевцы, двигаясь на зимовку къ Усть-Урту, должны непремѣнно проходить съ восточной стороны Тентекъ-Сора.

Отрау и Усть-Уртъ лишены всякой правительственной опеки и надзора. Хотя на крайней западной точкѣ Мангышлака и существуетъ фортъ Александровскій, но ни по своему положенію, ни по законному отношенію коменданта къ киргизамъ онъ не имѣетъ политическаго значенія. Такимъ образомъ, Адаевцы и Чумышъ-Табынцы зимуютъ за предѣлами дѣйствія русской власти. Весну они проводятъ на Эмбѣ и Сагизѣ, когда султанъ-правитель, только что выѣзжающій тогда съ линіи, не можетъ съ ними встрѣтиться. Къ рединѣ лѣта султанъ-правитель можетъ спуститься къ Уилу, но тогда они начинаютъ уже откочевывать къ Усть-Урту. Во всякомъ случаѣ, весною, лѣтомъ и осенью, заслышавъ объ экстренномъ приближеніи султана-правителя русскаго отряда, они начинаютъ откочевывать къ своимъ зимовымъ стойбищамъ, покрывшимся уже травою, и живутъ тутъ, при колодцахъ, пока не минуетъ гроза.

Сознавая, что они недосягаемы для русскихъ, Адаевцы и Чумышъ-Табынцы, послѣдніе, впрочемъ, меньше, при лѣтнихъ перекочевкахъ позволяютъ себѣ производить всевозможные безпорядки, травятъ зимовки, грабятъ и не слушаютъ никакихъ увѣщаній. Кибиточный сборъ платится ими едва ли за половину дѣйствительной цифры юртъ. Наконецъ, къ этимъ племенамъ бѣгутъ и находятъ пріютъ всѣ желающіе производить безпорядки въ степяхъ, всѣ тѣ, которыхъ оренбургское начальство называетъ послѣ вліятельными киргизами.

Единственное средство обуздать Адаевцевъ и Чумышъ-Табынцевъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить на Усть-Уртѣ власть, достаточно сильную для смиренія непокорныхъ.

Этого можно достигнуть образованіемъ на Усть-Уртѣ военнаго округа, по примѣру Алатавскаго, который бы занималъ все пространство отъ Тентекъ-Сора по Эмбѣ до песковъ Барсуки и трухменской земли, съ

цѣлью обузданія Адаевцевъ и Чумышъ-Табынцевъ и утвержденія спокойствія на Усть-Уртѣ.

Окружному начальнику могли бы быть даны права начальника Алатавскаго округа и его непосредственному вѣдѣнію поручены двѣ сотни казаковъ и два орудія.

V.

Хозяйство, рукодѣлія и промышленность киргизъ.

Такъ какъ главнѣйшее занятіе киргизъ состоитъ въ скотоводствѣ, то и благосостояніе ихъ слѣдуетъ опредѣлять количествомъ табуновъ. Это богатство не одинаково въ различныхъ частяхъ степи; оно зависитъ отъ выгодности пастбищъ, качества произрастающихъ на нихъ травъ и т. п.; однимъ словомъ, отъ качества почвы и климатическихъ условій, въ которыя поставлены самою природою различныя части киргизскихъ степей.

Въ южной, песчаной, части степи съ особеннымъ успѣхомъ разводятся верблюды и овцы, отличающіеся ростомъ и тучностью; теплый климатъ и природная склонность этихъ породъ скота питаться соляными травами, степною полынью и верхушками разныхъ свойственныхъ этой части степи кустарниковъ много способствуетъ ихъ размноженію, не взирая на недостатокъ водопоевъ, такъ какъ отъ недостатка воды они нисколько не страдаютъ. Напротивъ, въ сѣверной степи, снабженной во множествѣ ручьями и озерами, хорошими лугами и растущей по равнинамъ ковыль-травою, любимою пищею степныхъ коней, особенно удобно раз-

водить лошадей и крупный рогатый скотъ, который, при томъ, безъ большого призрѣнія переноситъ зиму, укрываясь въ лѣсахъ и кустарникахъ сѣверной полосы степей. Много барановъ и овецъ можно найти и въ сѣверныхъ степяхъ, но за то верблюдовъ замѣтно меньше, такъ какъ они дурно переносятъ сильные и продолжительные холода, и на зиму обыкновенно имѣющихся здѣсь верблюдовъ обшиваютъ кошмою или войлокомъ. Для барановъ на зиму запасаютъ сѣно или же, за недостаткомъ его, бываютъ вынуждены разгребать сугробы снѣга, чтобъ имъ можно было питаться подснѣжною травою; но и при такихъ предосторожностяхъ въ сѣверной степи во время жестокихъ холодовъ погибаетъ множество верблюдовъ и барановъ.

Между киргизскими табунами особенныхъ эпидемическихъ и повсемѣстныхъ болѣзней не бываетъ, но взамѣнъ того много погибаетъ скота отъ недостатка кормовъ и суровости погоды. Впрочемъ иногда появляется среди степей такъ называемая сибирская язва, по мнѣнію киргизъ заходящая къ нимъ съ Барабинской степи; тогда гибнетъ скота безчисленное множество. Но еще болѣе того истреблялось киргизскаго скота во время продолжительнаго неустройства степей, когда междоусобіе господствовало изъ конца въ конецъ по всей степи.

И, дѣйствительно, прежде признавали бѣднымъ киргиза, который не могъ насчитать у себя тысячи барановъ и ста лошадей, у людей же достаточныхъ барановъ, какъ говорятъ киргизы, «счету нѣтъ», и табуны лошадей бывали у такихъ въ десять тысячъ и болѣе головъ; нынѣ же глава семьи, обладающій двумя тысячами барановъ и сотнею, другой лошадей, считается величайшимъ богачемъ, но и такихъ въ настоящее время считается мало. Впрочемъ на такое видимое уменьшеніе скота, вѣроятно, имѣло вліяніе и болѣе равномѣрное его

распредѣленіе между киргизами, послѣ прекращенія въ степи безпокойствъ и насилія, а также, по всей вѣроятности, и вскорѣ затѣмъ открывшаяся усиленная мѣна скота за границу степи.

Въ послѣднее время, судя по таможеннымъ отчетамъ, средняя цифра сбыта киргизскаго скота въ Россію простирается отъ 500 до 800 т. барановъ и отъ 20 до 40 т. лошадей; около того же количества выходитъ изъ Киргизской степи и за прочія границы. Рогатаго скота отпускается за границу отъ Оренбургскихъ киргизъ сравнительно незначительное количество.

Лошади киргизскія (жилки) немного менѣе средняго роста, сложенія крѣпкаго, бываютъ иногда довольно статныя, но по большей части некрасивыя, чрезвычайно способныя къ перенесенію всякихъ трудностей и къ продолжительному бѣгу, легки, быстры. Даже при дурномъ кормѣ и при недостаткѣ водопоя, во время долгаго пути, лошади эти не теряютъ силъ и бодрости, но онѣ болѣе всего годны подъ верхъ и съ большимъ трудомъ пріучаются къ упряжи.

У киргизской лошади есть какъ бы собственный свой алюръ, что-то среднее между галопомъ и карьеромъ; этимъ алюромъ лошадь можетъ идти очень долгое время и послѣ небольшого отдыха продолжать тоже самое; такъ что рѣдкая киргизская лошадь не можетъ проскакать до восьмидесяти верстъ въ сутки безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Табуны киргизскихъ лошадей раздѣляются по большей части на три разряда или косяка: въ первомъ ходятъ дойныя матки (байталъ), пасомыя отборнымъ жеребцомъ (алгырь), который по природному побужденію охраняетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, защищаетъ отъ хищныхъ звѣрей, перегоняетъ на выгоднѣйшія пастбища и къ водопою; двухъ жеребцовъ въ одномъ такомъ табунѣ быть не можетъ, ибо въ противномъ случаѣ, почуявъ

другъ друга, они бросаются съ остервененіемъ въ драку, грызутъ другъ друга и одинъ непремѣнно долженъ погибнуть. Другой табунъ составляется изъ однихъ коней (атъ), начиная съ трехлѣтнихъ и далѣе; эти рѣдко пасутся съ самками; а въ третьяго рода табунахъ пасутся одногодки и жеребята до двухъ лѣтъ (куланъ). Двухлѣтокъ обыкновенно начинаютъ объѣзжать и это почти всегда предоставляется дѣтямъ. Можетъ быть отъ такого ранняго употребленія въ работу киргизскія лошади остаются малорослыми, какъ бы не вполнѣ развившимися, но за то вполнѣ развившагося степного коня не безопасно и выѣзжать.

Киргизскіе овцы и бараны отличаются отъ всѣхъ другихъ породъ; главное отличіе состоитъ въ значительно развитомъ горбѣ носа и въ хвостѣ, который обыкновенно называется русскими «курдюкъ» а киргизами «куйрю», и состоитъ изъ огромной, кругловатой, снизу нѣсколько раздваивающейся массы чистаго жиру (вѣсомъ отъ 10 до 45 фунтовъ), смотря по возрасту и степени сытости барана; такъ что иногда чистаго и довольно нѣжнаго безъ всякаго запаху сала можно вытопить изъ одного хвоста до 30 ф. Кромѣ того, киргизскія овцы довольно большого роста и очень сильны и выносливы. Шерсть у нихъ, хотя и довольно длинная и волнистая, но грубая; цвѣтъ ея большею частію бываетъ темнорыжій, а бѣлый и черный цвѣта попадаются какъ рѣдкое исключеніе. Киргизскія овцы хорошо переносятъ зной, холодъ и недостатокъ воды. Большіе переходы овцы также выносятъ исправно и могутъ довольствоваться круглый годъ самою скудною пищею; кромѣ того, молоко и мясо ихъ составляетъ главнѣйшую пищу киргизъ, а кожа и шерсть идутъ на одежду, а потому киргизы на разведеніе овецъ и обращаютъ главное вниманіе.

Козы у киргизъ (ишке) видомъ своимъ мало отли-

чаются отъ общеизвѣстнаго своего типа. Онѣ вообще бываютъ бѣлыя и рѣдко черныя или пестрыя. Длинную бѣлую шерсть ихъ стригутъ, но подъ этою шерстью у здѣшнихъ козъ растетъ еще другая, легкая и нѣжная шерсть или козій пухъ.

Верблюды принадлежатъ также къ числу полезнѣйшихъ породъ скота, разводимыхъ киргизами; они здѣсь часто замѣняютъ лошадей и приносятъ величайшую пользу, особенно въ южной степи: на нихъ киргизы совершаютъ свои странствованія по безводнымъ и пустыннымъ степямъ, на нихъ везется при перекочевкахъ весь домъ (кибитка со всѣми домашними принадлежностями) и вся семья; шерсть верблюда идетъ на приготовленіе одежды, а густое вкусное молоко на пропитаніе; мясо ихъ въ крайности также употребляется въ пищу, а кожа идетъ на обувь и сѣдельныя уборы.

У киргизъ водится двухгорбая порода верблюдовъ, которыхъ они называютъ «тюйя»; эта порода предпочитается здѣсь одногорбымъ дромадерамъ (по киргизски «наръ»), такъ какъ по густотѣ и величинѣ шерсти своей они болѣе способны къ перенесенію холоднаго степного кмимата; впрочемъ около Аральскаго моря не рѣдко можно встрѣтить и наровъ. Расплодъ верблюдовъ идетъ очень медленно; верблюдица носитъ ровно годъ, и, сверхъ того, необходимымъ бываетъ продолжительный и внимательный уходъ за молодыми. Всѣ самцы верблюды, исключая весьма немногихъ, оставляемыхъ для приплода, холостятся. Верблюжатамъ (бата) въ самой ранней молодости прокалываютъ ноздри и продѣваютъ туда обдѣланную кость или палочку такъ, что на одномъ концѣ оной имѣется родъ широкой шапочки, которою эта палочка и задерживается въ носу верблюда; къ другому же концу палочки привязывается поводъ для управленія верблюдомъ. Къ переноскѣ тяжестей ихъ пріучаютъ постепенно; вообще же при кочеваніи на

большія разстоянія принято навьючивать не болѣе 16 пуд. на одного верблюда и только особенно сильные могутъ выносить въ такомъ случаѣ до 22 и 25 пуд.

Верблюды животное очень тихое, послушное и чрезвычайно терпѣливое; но оставляемое долгое время на свободѣ, дичаетъ, дѣлается упрямымъ и строптивымъ. Они не могутъ ходить табунами, а всегда пасутся одиноко, расходясь на далекія разстоянія; любимую ихъ пищу составляютъ соленыя колючія травы и кустарники, никакимъ другимъ скотомъ не употребляемые; безъ воды же, какъ всѣмъ извѣстно, могутъ обходиться весьма долгое время. Топкихъ мѣстъ и грязи верблюды не любятъ, такъ какъ, имѣя легкія ступни, скользятъ по топкому мѣсту какъ по льду, и падаютъ, повреждая сильно ноги; по той же причинѣ, вѣроятно, они боятся и воды, въ которую входятъ съ большимъ трудомъ.

Коровъ (саиръ) у киргизовъ менѣе, чѣмъ прочаго скота, какъ потому, что молоко и мясо ихъ вполнѣ замѣняются охотнѣе употребляемымъ лошадинымъ, овечьимъ и верблюжьимъ, такъ и потому, что ихъ признаютъ неспособными къ перенесенію продолжительныхъ и дальнихъ перекочеваній; зимою же онѣ менѣе прочаго скота способны добывать себѣ кормъ изъ подъ снѣга. Коровы киргизскія роста низкаго, но довольно удойны; ихъ начали держать и разводить киргизы съ недавняго времени, именно со времени извѣстнаго бѣгства калмыковъ изъ Россіи въ Джунгарію въ 1771 году, когда отбитые калмыцкіе табуны разсѣялись по всей степи и укоренилось разведеніе рогатаго скота. Быковъ еще меньше у киргизъ, они называются «огузъ», а телята «бада»; вообще же скотъ называется словомъ «малъ».

Скотъ киргизскій пасется по степи, иногда вблизи ауловъ, а по большей части очень далеко отъ нихъ, и въ послѣднемъ случаѣ при табунахъ находится одинъ, много два пастуха; чаще же всего скотъ оставляется

безъ всякаго надзора. Если около пастбища мало воды или она имѣется только въ колодцахъ, то лошадей и рогатый скотъ сгоняютъ на водопой разъ въ день, а барановъ два раза и разъ въ недѣлю; когда же воды много, то о водопоѣ никто и не заботится и скоту предоставляется пить когда ему угодно. Весь уходъ за скотомъ ограничивается тѣмъ, что его перегоняютъ изрѣдка на другое мѣсто пастбища, пока кругомъ не будетъ потравленъ весь подножный кормъ; послѣ этого киргизы перекочевываютъ на новое мѣсто, причемъ рѣдко посылается кто-либо впередъ для осмотра новыхъ пастбищъ, такъ какъ мѣста кочевокъ всѣ извѣстны; развѣ только ѣздятъ для того, чтобъ удостовѣриться не прошелъ ли кто прежде по этому направленію и не потравилъ ли кормовъ. Но и это обстоятельство не останавливаетъ кочеванія, которое имѣетъ вообще два главныхъ направленія: къ лѣту—на сѣверъ и къ зимѣ—обратно на югъ.

Въ зимнее время скотъ остается подъ открытымъ небомъ. Обыкновенно въ это время на извѣстное пастбище сначала пускаютъ лошадей; впереди ихъ идетъ табунный жеребецъ, за нимъ слѣдуютъ кобылы, потомъ всѣ прочія лошади; онѣ, разгребая снѣгъ копытами, съѣдаютъ верхушки находимыхъ подъ снѣгомъ травъ. За лошадьми на то же мѣсто гоняютъ верблюдовъ и рогатый скотъ, а за ними уже барановъ и козъ, которые довольствуются остатками корня, легко добывая его изъ подъ размятаго передними стадами снѣга. Этотъ способъ прокормленія скота называется «тебеневкою» и былъ бы для киргизскаго привычнаго къ тому скота довольно сноснымъ, если бы не сильные холода или, что еще хуже, гололедица; въ послѣднемъ случаѣ погибель множества скота неизбѣжна, такъ какъ ему бываетъ трудно разбивать ледъ копытами. Нѣкоторые киргизы для молодого скота и на случай жестокихъ холо-

довъ, булановъ и гололедицы запасаются сѣномъ или за недостаткомъ его зеленымъ камышемъ.

Пастбища для своего скота киргизы имѣютъ обыкновеніе въ началѣ весны и передъ зимою улучшать выжиганіемъ, пуская для того палы, и на мѣсто старой или погорѣвшей отъ солнца травы, быстро на выжженомъ пространствѣ показывается мягкая и свѣжая трава. Пожары или палы эти нерѣдко причиняютъ бѣдствія степнымъ лѣсамъ, а также и киргизскимъ пашнямъ; иногда палы переходятъ нашу границу и истребляютъ ближайшія къ ней селенія. Для произведенія пала киргизы выжидаютъ сильнаго вѣтра, а потомъ съ одного края того пространства, которое желаютъ выжечь, зажигаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ траву, и огонь, быстро распространяясь, составляетъ огненный валъ, который несется съ быстротою по направленію вѣтра, уничтожая все на пути своемъ. Такіе пожары продолжаются до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до рѣки или какого-нибудь глубокаго оврага или же пока не погасятся дождемъ; въ противномъ случаѣ ихъ нѣтъ возможности остановить по чрезмѣрной обширности занимаемаго ими пространства.

Послѣ скотоводства другое важнѣйшее и любимое занятіе у киргизъ всегда составляла охота; волки, лисицы, зайцы, барсуки, барсы, дикія лошади, дикія козы, сайги, серны промышляются киргизами въ разныхъ мѣстахъ степи во множествѣ. Охота въ разныхъ мѣстахъ производится различно: иногда охотникъ верхомъ гонитъ звѣря во весь духъ, пока не загонитъ или же не убьетъ его; иногда для охоты употребляютъ собакъ; иногда же ловятъ звѣрей петлями, ловушками, капканами и выкапываютъ ихъ изъ норъ. Но болѣе всего киргизы любятъ охотиться съ соколами, ястребами и беркутами; послѣдніе бываютъ столь сильны и искусны, что бьютъ даже лисицъ и волковъ. Киргизы рѣдко пу-

скаютъ своихъ соколовъ и коршуновъ на птицъ—утокъ, гусей, фазановъ, куропатокъ и т. п., потому что они въ пищу птицъ не употребляютъ и потому что полагаютъ, будто соколы или коршуны, погонявшись нѣсколько разъ за птицами, перестаютъ бросаться на звѣрей. Беркутовъ и коршуновъ киргизы достаютъ большею частью съ русской границы и иногда за лучшихъ птицъ даютъ на промѣнъ по двѣ лошади со всѣмъ сѣдельнымъ приборомъ. Собакъ вездѣ употребляютъ по большей части простой породы; но въ южной степи не рѣдко можно встрѣтить у достаточныхъ киргизъ и превосходныхъ борзыхъ собакъ — туркменокъ необыкновенной красоты и легкости.

Киргизы нынѣ занимаются также и рыбною ловлею, ибо съ уменьшенiемъ скота въ степи, начали привыкать и къ рыбной пищѣ; рыбу ловятъ по рѣкамъ и озерамъ и употребляютъ преимущественно соленую и сушеную.

Къ числу занятiй принадлежатъ еще разныя рукодѣлiя, какъ-то: приготовленiе войлоковъ, армячины, выдѣлка кожъ и изъ нихъ кожаной посуды, приготовленiе арканов и т. п. потребныхъ въ домашнемъ быту предметовъ. Важнѣйшее изъ этихъ производствъ—приготовленiе изъ овечьей шерсти войлока или кошмы, служащаго для покрытiя кибитокъ, употребляемаго вмѣсто ковровъ на зимнiя попоны верблюдовъ и т. п. нужды. Войлоки эти приготовляются слѣдующимъ образомъ: сначала шерсть разбивается палками на сухихъ кожахъ, потомъ разстилаютъ ее на старомъ войлокѣ или на камышѣ и разравниваютъ такъ, чтобы шерсть вездѣ лежала по возможности ровнымъ слоемъ, причемъ иногда разноцвѣтною шерстью выкладываются различные и затѣйливые узоры. Потомъ поливаютъ разложенную шерсть кипяткомъ и съ подложеннымъ внизу старымъ войлокомъ или камышевою подстилкою свертываютъ плотно и накрѣпко обвиваютъ веревками; наконецъ, нѣсколько

человѣкъ безпрерывно поднимаютъ къ верху такой свертокъ и со всею силою бросаютъ на землю, продолжая это до тѣхъ поръ, пока шерсть въ новомъ войлокѣ не собьется вмѣстѣ. Тогда раскладываютъ свертокъ на ровномъ мѣстѣ, накладываютъ по всѣмъ замѣченнымъ на новомъ войлокѣ неровностямъ, сколько потребуется шерсти, поливаютъ снова кипяткомъ и продолжаютъ дѣйствовать по прежнему пока не получится вездѣ ровная и плотная кошма. Войлоки бываютъ различной ширины и длины; самая большая длина, однако, не простирается свыше 15 арш., а ширина до 5 арш.

Кромѣ войлока изъ овечьей шерсти многіе прядутъ еще нитки, окрашиваютъ ихъ въ разные цвѣта и ткутъ изъ нихъ довольно длинныя ткани, похожія болѣе на широкія тесмы; такія ткани употребляются вмѣсто ковровъ, а иногда сшиваются вмѣстѣ и употребляются для занавѣшиванія стѣнъ кибитки и устройства въ ней перегородокъ. Цвѣтными же нитками овечьей шерсти обвиваютъ стебли сухого, тонкаго камыша или растенія «чіи» (имѣетъ видъ соломы, но длиннѣе, тоньше и значительно прочнѣе оной); потомъ, обвитые такимъ образомъ отдѣльные стебли сплетаютъ между собою столь искусно, что они походятъ на красивыя сѣтки или ковры; такими разукрашенными циновками обставляютъ по большей части внутреннія стѣны кибитки, но нерѣдко употребляютъ ихъ для покрытія земли въ кибиткахъ.

Изъ негодной на ткани шерсти, соединяя ее съ козьею шерстью и конскимъ волосомъ, или же чаще изъ одной козьей шерсти и конскаго волоса, свиваютъ довольно прочныя веревки или «арканы»; причемъ они имѣютъ то удобство, что при легкости своей достаточно прочны и гибки, какъ въ сырую, такъ и въ холодную погоду; въ прочности однако жъ они уступаютъ пеньковымъ веревкамъ, употребляемымъ при перевозкѣ товаровъ и другихъ значительныхъ тяжестей.

Изъ верблюжьей шерсти, которая вообще бываетъ лучше и тоньше овечьей, приготовляютъ прочную матерію, въ родѣ камлота, извѣстную у русскихъ подъ названіемъ армячины, а по киргизски «чуга»; изъ нея киргизы дѣлаютъ свою верхнюю одежду или халаты. Отъ неумѣнья хорошенько обработать эту ткань, она бываетъ почти всегда довольно груба и не шире полъ-аршина; но близъ русской границы эту армячину выдѣлываютъ довольно тонкую и широкую, и тогда она, если бѣлаго цвѣта, имѣетъ видъ кашемира. Изъ козьяго пуху приготовляютъ весьма легкіе и красивые бѣлые и сѣрые войлоки на шляпы (колпаки). Самое тканье производится первобытнымъ способомъ; для этого растягиваютъ основу съ помощью колышковъ на ровномъ мѣстѣ на землѣ и приступаютъ къ работѣ.

Зимнюю одежду киргизамъ доставляютъ опять же бараны; впрочемъ большинство киргизъ, подобно нашимъ простолюдинамъ, не снимаютъ зимней одежды и лѣтомъ. Для шубъ своихъ или тулуповъ киргизы приготовляютъ овчины [1]), а для шапокъ мерлушки. Работа производится слѣдующимъ образомъ: сначала овчину моютъ въ теплой водѣ, скоблятъ тупымъ ножемъ, чтобъ очистить кожу отъ мясныхъ частей (мездру); потомъ, растянувъ посредствомъ колышковъ на землѣ, мажутъ дня три, по нѣсколько разъ въ день, кислымъ, нѣсколько посоленымъ, коровьимъ молокомъ, а потомъ, высушивъ, мнутъ руками до тѣхъ поръ, пока кожа не сдѣлается опять мягкою. Послѣ этого ее коптятъ въ дыму, зажигая для того овечій и коровій пометъ, чѣмъ производится дубленіе; въ заключеніе кожу снова мнутъ, натираютъ мѣломъ и шерсть чешутъ гребнями

Кожи бараньи и козьи, собственно для легкой

---

[1]) Богатые употребляютъ и ергаки, т. е. шубы изъ жеребячьихъ кожъ, шерстью вверхъ; кожи жеребятъ выдѣлываются точно также, какъ и овчины вообще.

одежды, приготовляются другимъ образомъ: сперва даютъ имъ прѣть въ сыромъ и тепломъ мѣстѣ, пока волоса не начнутъ сами собою вылѣзать; тогда кожи обскабливаютъ съ обѣихъ сторонъ и на нѣсколько дней кладутъ въ кислое молоко; потомъ очищаются и развѣшиваются въ тѣни для просушки. Послѣ этого, выкоптивъ въ дыму, ихъ красятъ въ краснобурый, темножелтый, желтый и черный цвѣта, и, когда краска высохнетъ, мнутъ руками, дабы доставить имъ надлежащую мягкость. Такого рода кожи очень прочны, мягки, напоминаютъ замшу и легко моются; изъ нихъ приготовляются богатые халаты и шаровары, расшитые шелками; причемъ за такіе халаты любители платятъ до 40 р. с., а за шаровары до 12 и 20 руб.

Конскія, верблюжьи и бычачьи кожи идутъ на приготовленіе особенной кожаной киргизской посуды, обуви, сѣдельныхъ уборовъ и т. п. издѣлій, гдѣ требуется особенная прочность кожи. Для выдѣлки кожаной посуды хребтовая часть кожъ по своей толстотѣ признается лучшею; иногда изъ цѣлой кожи сшиваютъ большіе сосуды, такъ напримѣръ «сабы», ведеръ въ восемь вмѣстительностью.

Выбранную для сосуда кожу варятъ или оставляютъ прѣть, чтобы очистить отъ волосъ; потомъ моютъ въ чистой водѣ и квасятъ довольно долго въ кисломъ и соленомъ молокѣ; вынувъ изъ молока, кожу растягиваютъ на кольяхъ и, выкроивъ по желанію, тотчасъ же сшиваютъ сосудъ жилами, послѣ чего сушатъ его исподоволь на огнѣ, выправляя руками и придавая желаемую форму. Приготовленная посуда коптится въ дыму, но гораздо продолжительнѣе и тщательнѣе всякихъ другихъ кожъ; отъ этого она дѣлается совершенно непроницательною для влажности.

Крашеніе кожъ производится корнями разныхъ степныхъ растеній, а окраска шерсти производится вареніемъ

ихъ въ красильномъ составѣ, куда прибавляется нѣсколько квасцовъ.

Женщины занимаются вышиванiемъ золотыми и серебряными нитками, шелками, разноцвѣтными бумажными и шерстяными нитками по кисеѣ, сукну, атласу, бархату и выдѣланнымъ на подобiе замши бараньимъ и козьимъ кожамъ. Вышивки ихъ представляютъ смѣшенiе цвѣтовъ и разныхъ линейныхъ и кругообразныхъ фигуръ, пестроты необыкновенной, не лишенныхъ, однако же, нѣкоторой симметрiи и оригинальности, а нерѣдко и довольно красиваго рисунка. Впрочемъ иногда вышиванiемъ занимаются и мужчины, такъ напр., въ фортѣ Перовскомъ въ 1864 и 65 гг. находился коканецъ, превосходно и чрезвычайно быстро вышивавшiй; ему можно было давать свои узоры, которымъ онъ подражалъ необыкновенно вѣрно; говорятъ также, что такихъ искусниковъ въ г. Ташкентѣ весьма достаточно. Вышиванiе производится весьма просто на натянутомъ на подобiе обруча изогнутомъ прутѣ и обыкновенными швейными иглами. Для шитья кожъ и кожаной посуды киргизы употребляютъ предпочтительно жилы животныхъ. Для этого ихъ толкутъ и разбиваютъ, дабы придать имъ гибкость и мягкость, потомъ разрываютъ жилы на нити разной толщины. Такiя нити, по увѣренiю киргизъ, отличаются необыкновенною прочностью.

Всѣ упомянутыя рукодѣлья, а также приготовленiе сѣделъ и обуви, грубой деревянной посуды и т. п. извѣстны всѣмъ безъ исключенiя киргизамъ по всей степи, такъ какъ необходимы въ ихъ домашнемъ быту; но за то другихъ какихъ либо ремеслъ они не знаютъ вовсе или же знакомы съ ними въ весьма ограниченной степени. Такъ, киргизы отчасти занимаются кузнечнымъ, мѣднымъ, паяльнымъ, золотымъ и серебрянымъ мастерствами, но весьма въ нихъ неискусны, не имѣя даже необходимыхъ для работы инструментовъ, кромѣ щип-

цовъ, молота и небольшой наковальни. Искусники въ этихъ мастерствахъ со всѣми своими припасами переходятъ изъ аула въ аулъ и повсюду дѣлаютъ, что могутъ. Выдѣлываются же ими обыкновенно украшенія и вообще приборы къ конской сбруѣ и сѣдламъ, а также къ шашкамъ, поясамъ, ножамъ и огнивамъ, имѣющимся у каждаго киргиза на поясѣ съ боку; могутъ дѣлать плохіе ножи и кинжалы, мотыги, сошки, головные женскіе уборы изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а также плохіе мѣдные и серебряные кольца и браслеты. Полировка, приготовленіе иглъ, ножницъ, наперстковъ, винтовъ и т. п. вещей составляютъ для киргизъ невозможное.

Когда обыкновенное въ прежнія времена для бѣдняковъ средство снискивать себѣ пропитаніе хищничествомъ начало дѣлаться опаснымъ, то нѣкоторая часть киргизъ, желая вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться и отъ тяжкой зависимости отъ сильныхъ и богатыхъ соотечественниковъ, постепенно обратилась къ хлѣбопашеству; болѣе же частыя и дружелюбныя сношенія съ сосѣдями земледѣльцами способствовали къ возбужденію въ киргизахъ трудолюбія и къ уничтоженію въ этомъ народѣ вреднаго предразсудка противъ земледѣлія, которое и до сихъ поръ въ глазахъ многихъ обладателей большихъ стадъ кажется достойнымъ презрѣнія.

Среди степей, по лѣсамъ, въ верховьяхъ р. Тобола, на рѣкахъ Тургаѣ и Иргизѣ, на р. Эмбѣ и по многимъ другимъ незначительнымъ ручьямъ начали киргизы заниматься земледѣліемъ еще недавно Но съ давнихъ поръ на берегахъ р. Сыръ-Дарьи оно производилось въ довольно обширныхъ размѣрахъ; однако имъ болѣе занимались каракалпаки. частью истребленные, частью же перешедшіе, вслѣдствіе вѣчной неурядицы въ степи, въ ханство хивинское. Земледѣльцы киргизы живутъ около своихъ пашенъ въ бѣдныхъ шалашахъ, землянкахъ и

плохихъ кибиткахъ; имъ иногда богатые кочевники, ихъ покровители, поручаютъ, за скотъ и другую плату, сѣять хлѣбъ и на свою годовую потребность. Женщины почти никогда не занимаются земледѣліемъ. Киргизы сѣютъ только просо (тары), просянку (куналъ), пшеницу (бугдай), ячмень (арпа) и въ небольшомъ количествѣ и не вездѣ яровую рожь; кромѣ того разводятся ими дыни, арбузы и тыквы. Казалось бы, что при несовершенствѣ земледѣльческихъ орудій и природной безпечности киргизъ у нихъ урожаи должны бы быть не завидные, но, напротивъ, они почти всегда бываютъ удивительные и во многихъ мѣстахъ доходятъ до самъ тридцать и пятьдесятъ.

Для воздѣлыванія земли употребляютъ самыя первобытныя орудія, которыя состоятъ изъ кривой палки, называемой «егинъ-агачь», сдѣланной изъ вѣтви или корня какого-нибудь вблизи произрастающаго дерева; эта палка бываетъ различной фигуры, соотвѣтствуя отысканному дереву, и на передній конецъ оной укрѣпляется сошникъ (по-киргизски «тисъ»), похожій на заостренный овалъ; къ верхнему концу его вставляется дышло, «угюнъ-огачъ», на переднемъ концѣ котораго приспособляется небольшой крюкъ или же деревянный гвоздь; къ этому гвоздю привязывается волосяной веревкою или ремнемъ ярмо съ заложенными въ него быками, коровами или верблюдами.

Во время паханія одинъ человѣкъ ведетъ животныхъ, а другой сзади управляетъ сохою, нарочно придѣланною для того рукояткою; сошникъ при этомъ дѣлаетъ борозду до двухъ вершковъ глубиною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прежде чѣмъ начнутъ пахать, разбрасываютъ сѣмена, а иногда и сѣютъ по вспаханному уже полю; на другой годъ нерѣдко вовсе не сѣютъ, а только пашутъ и это оказывается достаточнымъ для хорошаго урожая отъ тѣхъ сѣмянъ, которые разсыпались при

предъидущей жатвѣ. Бороненіе совершается различно, или толстою палкою, называемою «мала», къ концамъ которой привязаны ремни для запряжки воловъ, или же вмѣсто мала употребляются большіе пуки вѣтвей, которыя привязываютъ корнями къ лошадиному хвосту и вершинами разравниваютъ землю.

Посѣвы начинаются вообще въ началѣ и половинѣ мая, а въ южной степи и ранѣе. Какъ только посѣвъ конченъ, то земледѣльцы идутъ въ свои кочевья и возвращаюся къ пашнямъ дней черезъ шестьдесятъ, т. е. ко времени жатвы; однако же и до этого срока они изрѣдка навѣщаютъ поля для наблюденія за ними, а въ южной части весьма знойной степи и для поливки полей. Жнутъ хлѣба небольшими плохими серпами (уракъ), а за неимѣніемъ ихъ вырываютъ просто руками и связываютъ въ снопы или даже просто складываютъ въ кучи. Молотьба совершается тотчасъ по снятіи хлѣба; для этого расчищается гладкое и твердое мѣсто, на немъ разставляется хлѣбъ, а для отдѣленія зеренъ гоняютъ на веревкѣ лошадей, быковъ или верблюдовъ; потомъ зерна провѣиваютъ лопатами. По окончаніи уборки хлѣба часть его и всѣ овощи оставляютъ для употребленія; остальной же хлѣбъ тайно зарываютъ въ ямахъ, въ запасъ на зиму до будущаго года.

Киргизы научились поливкѣ полей у жившихъ нѣкогда среди нихъ Каракалпаковъ, а также отъ Бухарцевъ, Хивинцевъ и Коканцевъ, и въ этомъ отношеніи труды ихъ достойны всякой похвалы и уваженія. Пахотныя поля располагаются близъ озеръ и рѣкъ, на берегахъ низкихъ или углубленныхъ. Для удержанія воды отъ разлива обыкновенно насыпаютъ земляной валъ или плотину; такими плотинами уровень водъ поддерживается выше обработанныхъ пашенъ. Когда необходимо провести воду на пашни, то немного разрываютъ въ одномъ мѣстѣ плотину и по проведенной оттуда ка-

навкѣ проводятъ воду на пашню. Если пашни находятся далеко отъ воды, то хлѣбопашцы соглашаются между собою и общими силами устраиваютъ каналъ отъ плотины. Эти каналы бываютъ иногда до двухъ саж. глубиною и до четырехъ шириною и простираются на нѣсколько верстъ въ длину; по бокамъ такихъ каналовъ находятся также плотины и посредствомъ ихъ вода держится въ каналѣ выше уровня пашенъ, чтобы, по мѣрѣ надобности, разрывъ такую плотину на берегу канала, можно было затоплять пашни, какъ и въ первомъ случаѣ.

Наводненіе полей производится первый разъ, когда покажется на нивахъ зелень, а весенней влажности недостаточно; во второй разъ передъ тѣмъ временемъ, когда хлѣбъ начнетъ колоситься, дабы засуха не могла помѣшать наливкѣ зеренъ; иногда поливаютъ хлѣба и третій разъ, передъ жатвою, въ случаѣ особенныхъ жаровъ, чтобы хлѣбъ не выгорѣлъ отъ зноя. Только устройство плотинъ и канавъ требуетъ неимовѣрныхъ трудовъ и заботъ объ ихъ исправленіи и поддержаніи въ порядкѣ; самое же орошеніе легко можетъ производится двумя людьми, которые въ теченіе дня могутъ полить на огромномъ пространствѣ всю запаханную землю.

Еслибы не природное отвращеніе киргизъ вообще къ труду и не презрѣніе къ земледѣлію въ особенности, то хлѣбопашество у киргизъ могло бы давно уже развиться до значительной степени; однако же съ увѣренностію можно сказать, что оно между ними все болѣе и болѣе укореняется, особенно со времени вступленія русскихъ на постоянное жительство въ степь. Увеличенію производства хлѣбовъ въ послѣднія времена не мало способствовало очищеніе нѣкоторыхъ древнихъ канавъ близъ береговъ р. Сыра.

Просо, наиболѣе киргизами разводимое, болѣе всего

употребляется ими въ пищу въ видѣ пшена, для чего его сначала разваривають въ водѣ, потомъ, нѣсколько подсушивъ и поджаривъ въ чугунномъ котлѣ, толкутъ въ деревянныхъ сосудахъ или же въ ямахъ, выложенныхъ твердыми кожами. Изъ полученнаго такимъ образомъ пшена приготовляется жидкая каша, называемая «кужъ»; это обыкновенная, а для большинства и единственная пища у киргизъ зимою. Изъ пшеницы и ячменя также варятъ кашицу или же заблаговременно намачиваютъ зерна водою, толкутъ и поджариваютъ ихъ, иногда съ саломъ, а то просто, и ѣдятъ сухія.

Вообще изъ всѣхъ зеренъ киргизы приготовляютъ различными способами муку (унъ), изъ которой дѣлаютъ прѣсныя лепешки (канъ) и кисель (баламыкъ); иные приготовляютъ родъ клёцекъ или галушки, опуская ихъ вариться въ мясную похлебку. Нѣкоторые киргизы вывозятъ изъ сосѣднихъ ханствъ кукурузу, а чаще всего кукурузную муку, смѣшанную съ гороховою и пшеничною. Впрочемъ кукуруза легко могла бы рости и во многихъ частяхъ степи и была бы для киргизъ весьма полезна, ибо кромѣ того, что доставляла бы зерна на пищу, остатки ея могли бы идти и на топливо; поэтому разведеніе кукурузы на берегахъ р. Сыра въ послѣднее время начало поощряться русскими властями. Въ новѣйшія же времена и вслѣдствіе поощреній нашихъ властей, киргизы начали производить опыты разведенія марены и хлопчатой бумаги; а нѣкоторые уже близъ Сыръ-Дарьинскихъ фортовъ съ успѣхомъ разводятъ лукъ, морковь, рѣдьку, табакъ и года съ два какъ приступили къ разведенію картофеля. Кромѣ того, киргизы издавна, подражая сосѣдямъ хивинцамъ, коканцамъ, и бухарцамъ, сѣютъ разныя травы, за которыми требуется такой же уходъ какъ и за хлѣбомъ. Травы эти, какъ напр. «дженушка» (тимофеева трава), разъ посѣянная, родится потомъ года три сряду и въ теченіе

каждаго лѣта жнутъ ее раза по три, а иногда и болѣе. Сѣянная трава составляетъ весьма питательную пищу и ее дается не болѣе пяти сноповъ въ сутки лошадѣ и коровѣ.

Къ промышленнымъ занятіямъ киргизъ принадлежитъ только одна торговля, которую можно подраздѣлить на торговлю, производящуюся на русской границѣ, на торговлю среднеазіатскую и торговлю въ самой степи киргизской.

На нашей границѣ для торговли съ киргизами опредѣлены особыя пограничныя мѣста, гдѣ издавна устроены для того мѣновые дворы, при которыхъ располагаются и главныя таможни. Для мелочного же торга и особенно зимою открыта полная свобода во всѣхъ пограничныхъ селеніяхъ или станціяхъ; однакоже и при этомъ для наблюденія за порядкомъ торговли и сборомъ таможенной пошлины содержатся таможенные разъѣзды и смотрителя.

Главная мѣна, въ которой участвуетъ русское купечество, начинается въ іюнѣ, когда скотъ послѣ зимы успѣетъ вполнѣ оправиться, и продолжается до октября, когда торговля постепенно ослабѣетъ. Эта мѣна по своей обширности и огромнымъ барышамъ, доставляемымъ русскимъ промышленникамъ, заслуживаетъ подробнаго съ нею знакомства.

Купцы и мѣщане и даже каждый желающій, одинъ, или соединясь съ товарищами, однимъ словомъ, всѣ безъ изъятія пользуются правомъ мѣновой торговли съ киргизами; необходимо только для начала имѣть небольшую сумму денегъ или хотя на такую же сумму кредитъ для закупки на первый случай нѣкотораго количества маловажныхъ товаровъ, употребляемыхъ киргизами. Передъ открытіемъ мѣны всѣ торгаши обыкновенно записываются въ таможнѣ и берутъ на мѣновыхъ дворахъ лавку, а также нанимаютъ работниковъ изъ та-

таръ или русскихъ, хорошо знающихъ киргизскій языкъ. (Мѣновые дворы устроены въ видѣ крѣпостей, съ высокими каменными стѣнами, съ внутренней стороны которыхъ, равно какъ и внутри, устроено множество лавокъ, отдаваемыхъ въ наемъ на время мѣны. Мѣновой дворъ имѣетъ только двое воротъ, къ сторонѣ степи называемыя азіатскими, а къ сторонѣ русской границы—европейскими). Работники изъ лавокъ каждый день передъ восходомъ солнца собираются у азіатскихъ воротъ и дожидаются тамъ впуска киргизъ, которые къ этимъ воротамъ собираются партіями и имѣютъ при себѣ все, что желаютъ промѣнять. Въ шесть часовъ утра ворота отворяются и кочевники со своими стадами стремятся въ нихъ толпою, съ шумомъ и крикомъ, производя страшную пыль. Купеческіе работники тѣснятся со всѣхъ сторонъ въ толпу киргизъ, хватаютъ у хозяевъ за повода верховыхъ лошадей и съ крикомъ, а иногда и дракою, отнимаютъ хозяина киргиза другъ у друга; наконецъ побѣдитель ведетъ свою жертву къ лавкѣ своего купца. Наѣздникъ во все время этой суматохи остается совершенно невозмутимымъ и безъ сопротивленія отдается побѣдителю между работниками; одно только старое знакомство или пріязнь могутъ извлечь его изъ такого безучастія и заставляютъ отправляться, несмотря на стараніе работниковъ, въ лавку давно знакомаго ему купца.

За такими хозяевами киргизами гонятъ принадлежащій имъ скотъ, а иногда слѣдуетъ множество совершенно постороннихъ киргизъ, изъ одного любопытства. Лавочникъ всѣхъ принимаетъ какъ гостей, произноситъ имъ разныя привѣтствія, сажаетъ на коверъ на полу или на прилавкахъ и угощаетъ хлѣбомъ, молокомъ и мясомъ; работники въ то же время пригнанный за хозяиномъ-киргизомъ скотъ разстанавливаютъ въ ряды, привязывая къ нарочно растянутымъ для того веревкамъ

(кугунъ) а потомъ купецъ, осмотрѣвъ доброту скота, начинаетъ торговаться. Хозяинъ скота или старшій и опытный изъ присутствующихъ киргизъ требуетъ желаемые за весь скотъ товары, назначая ихъ по образцамъ, въ лавкѣ разставленнымъ и развѣшаннымъ, а иногда указываетъ при этомъ на лежащіе тутъ же разные свертки. Когда окончательно договорятся о мѣнѣ, то читаютъ общую молитву и тѣмъ скрѣпляется условіе.

Запросы киргизъ по большей части бываютъ сообразны съ доставленнымъ ими на мѣну скотомъ, а потому имъ рѣдко приходится переходить изъ одной лавки въ другую; при томъ купцы всѣми мѣрами стараются не допускать ихъ къ переходу. Киргизы въ продолженіе всего торга, сидя въ кружкѣ и разсуждая плавно и скромно, выхваляютъ также свой скотъ и прибѣгаютъ при этомъ къ сильнымъ и трогательнымъ убѣжденіямъ, желая поставить на своемъ; это впрочемъ имъ рѣдко удается. Недостаточные купцы, чтобъ разсчитаться съ киргизами за взятый скотъ, весь слѣдующій товаръ занимаютъ въ лавкахъ, гдѣ имѣется у нихъ кредитъ. Мелочные торговцы и даже женщины ходятъ, между тѣмъ, по площади мѣнового двора съ пуговицами, бусами, зеркальцами и прочими подобными вещицами и вымѣниваютъ у киргизъ на свои вещи всякую всячину. Такимъ образомъ продолжается повсюду мѣна съ совершенною свободою; а въ три часа пополудни барабанный бой извѣщаетъ о времени прекращенія торговли.

Киргизы тотчасъ же возвращаются въ степь, а всѣ торговцы вымѣненный скотъ и прочіе предметы доставляютъ къ европейскимъ воротомъ, изъ которыхъ ихъ выпускаютъ, постепенно, по уплатѣ пошлинъ. Вслѣдъ за тѣмъ начинается новая торговля. Пріѣхавшіе изъ дальнихъ русскихъ городовъ, такъ называемые гуртовщики, баранщики и т. п., скупаютъ вымѣненный скотъ для отгона внутрь Россіи за наличныя деньги; такъ что

лавочники мѣнового двора, продавая тутъ же на мѣстѣ вымѣнянный скотъ на взятые заимообразно товары, немедленно могутъ и расплатиться, получивъ при томъ, конечно, немаловажную прибыль.

Въ какую цѣну приходится при такой мѣнѣ киргизскій скотъ опредѣлить рѣшительно нѣтъ никакой возможности, ибо въ сотнѣ лавокъ къ ряду за одно и то же количество равноцѣннаго товара получается самое различное количество однороднаго скота; все зависитъ отъ искусства и терпѣнія торговцевъ.

Точно также нельзя сказать ничего опредѣленнаго и относительно цѣнъ, по которымъ вымѣненный скотъ сбывается гуртовщикамъ; — здѣсь съ одной стороны нужда въ деньгахъ, а съ другой желаніе поскорѣе пріобрѣсти необходимое количество скота ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, т. е. иные выручаютъ больше, другіе меньше за совершенно одинаковый скотъ. Но за то, по крайней мѣрѣ, при взиманіи пошлины, есть возможность узнать количество пріобрѣтеннаго изъ степи скота; однако же и эти цифры, если принять въ соображеніе обширность границы и постоянную, въ теченіе всего года, мѣну и покупку скота у киргизъ по всей границѣ, также нельзя признать точными и опредѣленными; такія цифры даютъ только довольно близкое о томъ понятіе.

По другимъ границамъ степи, въ Хивѣ, Бухарѣ и Коканѣ, куда киргизы направляются также для мѣны своего скота и прочихъ произведеній степи, опредѣленныхъ мѣстъ для торговли нѣтъ; преимущественно же они отправляются для того въ города Хиву, Бухару, а прежде и въ г. Ташкентъ, большими караванами или партіями, такъ какъ даже до послѣднихъ дней пути туда были не безопасны отъ разбоевъ. Прибывъ на мѣсто, караваны располагаются въ окрестностяхъ означенныхъ городовъ кочевьями, куда къ нимъ выѣзжаютъ

жители, осматриваютъ скотъ, договариваются о мѣнѣ и товары свои, слѣдующіе въ промѣнъ, вывозятъ въ поле или же выдаютъ киргизамъ и въ городѣ; при этомъ не только взимаютъ съ киргизъ таможенныя пошлины, но даже почти всегда берутъ и подати, на томъ основаніи, что киргизы, какъ мусульмане ни кому другому и не могутъ быть подчинены, какъ только мусульманамъ же. Само собою разумѣется, что киргизы безпрекословно исполняютъ подобныя требованія.

Торговые пути, по которымъ киргизы отправляются въ ханства, слѣдующіе: изъ южной степи, чрезъ Усть-Уртъ, по западному берегу Аральскаго моря и отъ сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря въ Хиву.

Съ низовій же р. Сыръ-Дарьи, по восточному берегу Аральскаго моря ходили въ Хиву рѣдко, но за то въ Бухару направлялись по всѣмъ путямъ, идущимъ близъ форта № 1, форта Перовскаго и отъ Туркестана черезъ переправу на Ушъ-Каюкъ, а также и вдоль р. Сыра черезъ г. Ташкентъ, на Коканъ. Сбывъ тамъ свои произведенія, киргизы запасались среднеазіатскими товарами частью сами, а частью отдавали своихъ верблюдовъ въ наемъ азіатскимъ купцамъ, отправляющимся для торговли въ Россію.

Сказать что-либо опредѣленное объ оборотахъ киргизской торговли въ этомъ направленіи можно еще менѣе и потому остается довольствоваться приблизительными понятіями о томъ самихъ киргизъ.

Внутренняя торговля въ степи составляетъ прежде всего, такъ сказать, продолженіе пограничной мѣны. Товары, вымѣниваемые на русской границѣ, расходятся постепенно на западной и сѣверной части степи, а полученные изъ сосѣднихъ ханствъ — въ восточной и южной ея части; при перекочевкахъ киргизъ съ юга на сѣверъ и обратно товары эти, безъ сомнѣнія, переходятъ черезъ множество рукъ. Кромѣ того, киргизы изъ

южной степи запасаются лѣсомъ для кибитокъ, деревянною посудою и арчеками на сѣдла отъ родовъ, кочующихъ близъ лѣсовъ, въ сѣверной полосѣ степи; здѣсь же они пріобрѣтаютъ лошадей и рогатый скотъ. У южныхъ же киргизъ сѣверными пріобрѣтаются овцы, верблюды и кошмы. Кромѣ того настоящая торговля внутри степи производится еще и по всѣмъ нашимъ степнымъ укрѣпленіямъ, гдѣ имѣется нѣсколько купцовъ, какъ русскихъ, такъ и среднеазіатцевъ.

Такимъ образомъ внутренняя торговля въ степи состоитъ въ промѣнѣ скота и другихъ домашнихъ издѣлій на товары, полученные съ азіатской или европейской границы; потомъ вымѣниваютъ хлѣбъ, какъ отъ своихъ земледѣльцевъ, такъ и привозимый съ границы, и, наконецъ, промѣниваютъ скотъ на скотъ и собственныя домашнія издѣлія. Само собою разумѣется, что опредѣлить при этомъ цѣнность и направленіе внутренней торговли нѣтъ никакой возможности; нѣкоторое понятіе о томъ можно было бы составить, если бы внутренняя торговля, по возможности, была сосредоточена при нашихъ укрѣпленіяхъ, чего, къ сожалѣнію, еще нѣтъ.

Къ числу важнѣйшихъ предметовъ, получаемыхъ въ Россіи отъ киргизъ, принадлежатъ лошади, бараны и козы, которые большими табунами отгоняются въ Россію, постепенно переходя съ ярмарки на ярмарку. Потомъ слѣдуютъ сырыя кожи, овечья и верблюжья шерсть, изъ которой приготовляются простыя сукна на нашихъ фабрикахъ; но, къ сожалѣнію, русскіе торговцы не обратили еще надлежащаго вниманія на вывозъ козьяго пуху, котораго поэтому идетъ довольно много въ Бухару, а оттуда въ Кабулъ и прочіе города Афганистана, гдѣ изъ него приготовляются превосходныя шали, мало уступающія кашемирскимъ. Только незначительное количество козьяго пуху пріобрѣтается въ пограничныя казачьи станицы Оренбургскаго вѣдомства, гдѣ изъ него

приготовляются казачками (вяжутся) также довольно хорошіе, легкіе и тонкіе платки и шали, обратившіе уже на себя вниманіе на многихъ выставкахъ. Отъ киргизъ же мы получаемъ и множество выдѣланныхъ овчинъ, употребляемыхъ на тулупы, а также мерлушекъ, идущихъ на шапки. Киргизская армячина разныхъ сортовъ въ пограничной полосѣ доставляетъ русскимъ рабочимъ людямъ прочную и недорогую одежду; а получаемые же изъ степи кошмы или войлоки идутъ на обивку сѣделъ, потники и подстилку вмѣсто ковровъ; волосяныя веревки и ремни вымѣниваются для домашняго обихода также во всей пограничной полосѣ. Сверхъ того очень выгодно получаются изъ степи и звѣриныя мѣха, волчьи, заячьи, лисьи, хорьковые, горностаевые и т. п., за которыми русскіе татары въ прежнее время сами ѣздили по степи. Рогатаго скота идетъ мало въ Россію изъ степи, а верблюдовъ и того меньше; весь этотъ скотъ наиболѣе сбывается въ сосѣднія ханства.

Изъ Россіи киргизы получаютъ товары вообще самаго низкаго сорта, т. е. все то, что уже въ своихъ предѣлахъ перебывало на всѣхъ ярмаркахъ и положительно не имѣетъ никакого ходу дома. Между тѣмъ весь этотъ хламъ сбывается въ степяхъ киргизскихъ очень выгодно при мѣнѣ на скотъ, а потому надо удивляться русскимъ промышленникамъ, что они не развиваютъ до большихъ размѣровъ свою среднеазіатскую торговлю. Вездѣ наша промышленность находитъ опасныхъ соперниковъ и только въ срединѣ Азіи ей открыты рынки и они-то должны бы по настоящему поглотить все вниманіе нашихъ торговцевъ. Надо сознаться, впрочемъ, что много препятствовала этому продолжительная неопредѣленность нашего положенія относительно среднеазіатскискихъ ханствъ и, какъ слѣдствіе этого, частые грабежи, и вообще небезопасность всякихъ торговыхъ начинаній въ средней Азіи. Въ настоящее время

всѣ препятствія въ этомъ отношеніи устранены и можно надѣяться, что русская промышленность поспѣшитъ этимъ воспользоваться.

Товары, обыкновенно отпускаемые въ Киргизскую степь и далѣе, состоятъ изъ простыхъ суконъ. приготовленныхъ изъ киргизской же овечьей и верблюжьей шерсти; встрѣчаются также и сукна нѣсколько лучшаго разбора, разные выдѣланные мѣха и кожи; желѣзная и мѣдная посуда, особенно большіе чугунные котлы для приготовленія пищи. которые не только въ употребленіи по всей степи, но много ихъ вывозится и въ сосѣднія ханства. Далѣе въ степь вывозится деревянная и фаянсовая посуда, полосовое желѣзо, сбруя, табакъ, преимущественно нюхательный, и не слишкомъ много хлѣба, такъ какъ большую часть его киргизы получаютъ изъ сосѣднихъ ханствъ, гдѣ онъ бываетъ почти постоянно дешевъ. Чрезвычайная дешевизна среднеазіатскаго хлѣба болѣе всего и служитъ причиною незначительнаго вывоза киргизами хлѣба изъ Россіи, что было бы для нихъ и ближе и удобнѣе; нельзя однако, не сознаться, что другою причиною къ тому послужило и случавшееся по временамъ запрещеніе отпуска хлѣба въ степь, тогда какъ въ сосѣднихъ ханствахъ киргизамъ вывозить хлѣбъ для себя никогда не воспрещалось. Между тѣмъ постоянная цѣль посѣщенія киргизами сосѣднихъ ханствъ есть именно хлѣбъ; а частыя туда поѣздки служатъ къ укорененію въ степяхъ мусульманскаго изувѣрства, о чемъ сосѣди магометане постоянно и усердно заботятся. На эту зависимость нашихъ киргизъ отъ среднеазіатскаго хлѣба необходимо обратить особенное вниманіе при перенесеніи таможенной линіи на р. Сыръ, когда за перевозомъ его изъ ханствъ представится возможность правильно и постоянно слѣдить.

Затѣмъ изъ Россіи въ степь вывозится въ большомъ

количествѣ разнаго рода ситецъ, употребляемый киргизами на рубахи, шаровары, халаты и одѣяла; при этомъ, чтобы лучше угодить вкусу киргизъ, нашими купцами долгое время перепродавались разныя бумажныя ткани, получаемыя отъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ и только въ новѣйшія времена наши промышленники стали принаравливать свои произведенія ко вкусу и потребностямъ киргизъ.

Достаточные киргизы пріобрѣтаютъ у насъ также парчу, разныя шелковыя матеріи, бархатъ, а чаще плисъ, и разные предметы для женскихъ уборовъ, какъ-то: золотыя, серебряныя и позолоченныя украшенія, кольца (самыя плохія), бусы, пуговицы всевозможныхъ видовъ, иглы, ножницы, шелкъ въ ниткахъ, платки, ленты, тесемки и проч. Изъ кожъ идетъ преимущественно сафьянъ, служащій для приготовленія мужской и женской обуви, которая, впрочемъ во множествѣ, вывозится и готовая какъ отъ насъ, такъ и изъ сосѣднихъ ханствъ.

Изъ этихъ послѣднихъ киргизы получаютъ, по большей части, бумажныя матеріи, а также готовые шелковые (канаусовые), бумажные и полушелковые халаты, разныя женскія украшенія въ восточномъ вкусѣ, оружіе, свинецъ и порохъ или же сѣру и селитру. Значительный торгъ съ ханствами киргизы вели еще не такъ давно и невольниками и съ помощью такой торговли весьма многіе изъ нихъ разбогатѣли. Киргизы ловили этихъ несчастныхъ во время своихъ хищническихъ набѣговъ, захватывали русскихъ, калмыковъ, перепродавали персіянъ, джунгарцевъ и китайцевъ. Невольниковъ, исповѣдующихъ магометанство одного съ ними сунитскаго толка, киргизы не продавали, а прочихъ промѣнивали въ Среднюю Азію, гдѣ съ ними обращались всегда самымъ жестокимъ образомъ, склоняя побоями и другими мученіями къ принятію магометанства. Невольниковъ своихъ киргизы приводили въ прежнія

времена и на наши мѣновые дворы, гдѣ дозволялось покупать ихъ русскимъ съ цѣлью избавить отъ жестокаго рабства, а на выкупъ изъ неволи русскихъ плѣнныхъ отпускались даже пограничному начальству особыя суммы изъ казны.

Въ послѣднее время киргизы, кромѣ постоянной отдачи въ наемъ своихъ верблюдовъ подъ караваны русскихъ и азіатскихъ купцовъ, много промышляютъ и наймомъ ихъ для перевозки множества разныхъ тяжестей по степнымъ нашимъ укрѣпленіямъ.

Дневникъ 1865 года.

Путешествіе по киргизскимъ степямъ.

28 іюня 1865 года три члена Коммисіи, отправляемой русскимъ правительствомъ для изученія Средней Азіи, выѣхали изъ Петербурга въ Сибирь. Въ числѣ этихъ трехъ членовъ находился и я, всегда испытывающій величайшее удовольствіе, когда послышится рѣзкій прощальный свистокъ поѣзда, увозящаго меня изъ Петербурга.

Славный и оживленный путь до Нижняго. Привольные луга, большія деревни, густые лѣса, фабрики—все это вмѣстѣ взятое непривычно поражаетъ человѣка, ѣдущаго по Россіи. Въ особенности оживленъ лѣвый берегъ Клязьмы тамъ, гдѣ построены громадныя фабричныя зданія купцовъ Морозовыхъ. Страшная жара давила всю дорогу. Я былъ утомленъ и прошлымъ, и настоящимъ—и заснулъ, какъ только стало вечерѣть.

Ночью проснулся, чтобы замѣтить прекрасную перспективу Владиміра. Впрочемъ, такъ ли онъ живописенъ, какъ показался? Для человѣка, смотрящаго изъ окна вагона, нѣтъ впечатлѣній. Дорога изъ Тулона въ Парижъ точно такая же, какъ изъ Берлина въ Дрезденъ или изъ Москвы въ Нижній. Только на первыхъ двухъ буфеты будутъ получше, цѣны подобросовѣстнѣе, остановки на станціяхъ покороче, да прилегающая къ нимъ мѣстность лучше смотритъ. Узнать, что путешествуемъ

по Франціи, по Нѣметчинѣ или по Россіи можно только по окликамъ кондукторовъ. Вотъ сунулась въ окно козлиная бородка и закричала, ударяя на r: Lion! dix minutes d'arrêt! Въ Германіи поражаютъ васъ либо на чисто выбритыя толстыя щеки кондукторовъ, либо ихъ бакенбарды во вкусѣ Вильгельма I. Я помню, какъ на Лайбахскихъ Альпахъ, по пути изъ Вѣны въ Тріестъ, эхо упрямо и долго повторяло крикъ кондуктора съ наружностью прусскаго короля: Simmering! zehn Minuten Aufenthalt! Это значитъ, мы въ Германіи. Во Владимірѣ меня разбудилъ кондукторъ громкимъ объявленіемъ, что тутъ есть буфетъ, а ждать будемъ 15 минутъ.

30 іюня, т. е. сегодня я пріѣхалъ въ Нижній. Новиковъ встрѣтилъ меня на дебаркадерѣ и объявилъ, что остальные члены коммисіи еще не пріѣзжали, а обѣщали къ 1-му іюля быть въ Нижнимъ и остановиться у Никиты Егорова, котораго гостинница противъ Кремля. Я рѣшился подождать ихъ до пятницы, а тамъ поѣду одинъ.

Сегодня цѣлый день ходилъ по Нижнему. Онъ мнѣ очень понравился. Такъ и видно, что будущій великій центръ Россіи. Какой великолѣпный и цивилизованный видъ открывается съ верхней нижегородской набережной, ведущей въ городской садъ! Съ ней я насчиталъ въ мой бинокль до 67 деревень и селъ, лежащихъ на луговыхъ берегахъ Оки и Волги; въ томъ числѣ хорошо видна Балахна на высокомъ берегу Волги, лежащая въ 33-хъ верстахъ отъ Нижняго. По Волгѣ двигаются взадъ и впередъ пароходы; десятки ихъ стоятъ у берега, сгруппированные близъ пристаней разныхъ компаній и обществъ. Сотни баржей и расшивъ даютъ особенный, непривычный оттѣнокъ своею оригинальною конструкціей и видомъ оживленной дѣятельности, столь рѣдкой въ Россіи.

Волга здѣсь болѣе версты шириною. Въ половодье разливается до четырехъ верстъ. Ока, вливая свои воды въ Волгу, долго течетъ раздѣльно съ послѣднею въ одномъ и томъ же руслѣ. Ея желтоватыя воды отшибаютъ (мѣстное выраженіе) темную воду Волги къ лѣвому берегу. «Будто линія прошла, говорилъ мнѣ лодочникъ, гдѣ окская вода течетъ около волжской».

Остальные члены коммисіи пріѣхали сегодня, т. е. **1 іюля**. Обѣдали мы вмѣстѣ у Никиты Егорова. Послѣ пошли въ общественный садъ, а оттуда, нанявши лодку, отправились отъ пристани Меркурія (какъ здѣсь говорятъ) къ устью Оки. У моста мы высадились и отправились въ ярморочный рядъ, гдѣ все приготовлялось къ открытію. Деревянныя зданія, истребленныя прошлогоднимъ пожаромъ, замѣнились каменными, выстроенъ огромный новый рядъ; старыя либо реставрировались, либо передѣлывались на ново.

Нижній, какъ купецъ, живущій обыкновенно довольно грязно, приготовлялся къ пиру, на которомъ нельзя ударить лицомъ въ грязь, и вліяніе Азіи видно во всей наготѣ. Улицы между рядами не вымощены,— пыль, духота и нечистота страшная; около рядовъ почти нѣтъ порядочныхъ гостинницъ, по крайней мѣрѣ настолько порядочныхъ, чтобъ можно было принять богатѣйшихъ представителей коммерческаго міра Европы и Азіи. Солнце пекло безжалостно, пыль стояла столбомъ въ душной атмосферѣ, и я съ удовольствіемъ усѣлся въ лодку, когда мы вернулись къ мосту и четыре молодца въ красныхъ рубахахъ приняли насъ подъ руки съ трапа.

Видъ съ обѣихъ рѣкъ, въ особенности съ устья Оки, на Нижній великолѣпный. Старинный Кремль, тянущійся по значительнымъ высотамъ и спускамъ праваго берега, много церквей разнообразныхъ архитектуръ,

свидѣтельствующихъ о временахъ ихъ постройки и рядъ зданій, тянущійся по самому берегу и коронующій гребень высоты—все это вмѣстѣ чрезвычайно оригинально и красиво. А внизу на Волгѣ множество мачтъ, плотовъ, судовъ разныхъ построекъ, начиная съ чего-то похожаго на китайскую военную джонку и кончая щегольскими пароходами. Соедините ландшафтъ Волги, покрытый судами, съ пяти саженной высотой, по которой разсыпаны зданія и далекими селами, лѣсами, лугами, протоками рѣки—тогда будетъ ясна несравненная общая картина Нижняго.

Къ вечеру я переѣхалъ ночевать на пароходъ. Выкупавшись въ темнотѣ, въ сосѣдней купальнѣ, и напившись чаю, я вышелъ на палубу. Экой благодатный воздухъ! Полною грудью пьешь ты его,—и не напьешься послѣ душныхъ міазмовъ чухонской Пальмиры. Уже полночь. Городъ почти весь заснулъ. Только изъ сосѣдняго прирѣчнаго заведенія слышно то забористое пѣніе, то фальшивыя ноты шарманки. На Волгѣ гладь да тишь; въ кои вѣки пробѣжитъ по водѣ ласкающая зрѣніе и слухъ зыбь, ломая яркую полосу луннаго свѣта и спокойную, темную, теплую поверхность рѣки. На судахъ, что стоятъ на фарватерѣ, подняли на реяхъ фонари. Тихо, спокойно и хорошо въ воздухѣ; только изрѣдка мелькнетъ, махая веслами какъ ночная птица, одинокая лодка, сперва освѣщенная луною, а потомъ погружающаяся въ аквамариновый свѣтло-темный туманъ.

Ахъ, хороша ты, матушка Волга! Вольно дышется грудью широкою на твоихъ водахъ! Шелестомъ и шепотомъ говорятъ твои воды темныя. Полусонъ и дремоту навѣваешь ты вмѣстѣ съ думами сладкими да тяжелыми! Смотрѣлъ бы на твои тайные чары въ часъ полуночный и не оторвался, кабы не черныя думушки, не тоска по волюшкѣ, не жалость по народу русскому. Тысячу лѣтъ пьютъ твою воду безстыдные, дивятся

твоимъ чуднымъ дивомъ, благословляютъ твои несчетныя богатства, а не украсили, тунеядцы, твои красоты дворцами, фабриками; что подѣлали съ твоими талантами сыны блудные, нерадивые?... Эхъ, полно; они ли виноваты? Родились ли они на свѣтъ глупыми?.. Господь, что ли, ихъ обидѣлъ силою да мозгомъ?.. Нѣтъ; далъ имъ въ волю того и другого, да послалъ имъ другое испытаніе, испытаніе проходящее, едва ли не послѣднее... Кабы да такъ!

Еще сегодня утромъ, часовъ въ 7 отправился я купаться, а потомъ пить молоко въ кабачекъ, что въ городскомъ саду. Насмотрѣлся я тутъ въ волюшку на луговой берегъ. Потомъ отправился на набережную и усѣлся на скамью. Около сидѣлъ, уставясь на Волгу, молодой мужичекъ.

— «Что, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, никакъ это у тебя труба?»—и указалъ на висящій сбоку бинокль.

— Да.

— «Дай посмотрѣть, коли не обидно, что прошу; жду пароходъ снизу, кабы не кривой плесъ, такъ, небось, далеко бы видно было».

— Славная у васъ рѣка, началъ я, когда мужикъ насмотрѣлся.

— «Да, ужъ что и говорить. Года три тому назадъ, поѣхалъ я съ барыней въ Москву, такъ тоска взяла по Нижнемъ. Тамъ, какъ въ лѣсу, а тутъ, ишь, глянька, мѣста раздольныя, рѣка широкая, пароходы бѣгаютъ, люди кормятся».

— Что, противъ прежняго лучше, либо хуже стало?

— «Лучше. Товару везутъ больше, народу ѣздитъ много, только люди жалятся, что пароходы хлѣбъ отбили. Посмотрика-сь, вотъ буксиръ, вѣдь какую махину тащитъ; въ тѣхъ трехъ расшивахъ будетъ тысячъ 60 пудовъ. Кабы не пароходъ, то что бы народу потребно было! Вотъ отчего люди жалятся».

— Ага! подумалъ я и насъ начинаетъ потрогивать цивилизація.

2-го іюля. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра снялись съ якоря. Со мной въ первомъ классѣ, кромѣ членовъ коммисіи, ѣдутъ на Амуръ генеральнаго штаба капитанъ Гельмерсенъ, племянникъ извѣстнаго ученаго, какой-то остзеецъ, онъ же и приволжскій помѣщикъ, дама, ѣдущая изъ Египта (?!) съ дочерью и товарищъ Гирса, ѣдущій въ Оренбургъ предсѣдателемъ казенной палаты, тоже съ дочерью.

Волга очень красива. То тянутся пустынные, обросшіе кустарникомъ берега, довольно плоскіе, съ желтою полосою песка выше воды, то правый поднимается, становится выше, обрывистѣе, изорваннѣе и лѣвый тогда кажется чуть виднымъ отъ воды. На гребняхъ высотъ, въ долинахъ протоковъ и на далекихъ синѣющихъ вершинахъ разсыпаны села съ церквами, то красивыми, то странными; берега по временамъ опушены кустами или рощами. По Волгѣ двигаются буксиры съ тяжело нагруженными расшивами сзади.

Мнѣ очень хорошо. Я пишу и любуюсь въ окно каюты, обращенное къ правому берегу; только очень жарко.

Сейчасъ прошли богатое село Лысково, нѣкогда принадлежащее съ лежащимъ на лѣвомъ берегу Макарьевымъ князю Грузинскому. Онъ положилъ основаніе Макарьевской ярмаркѣ постройкою рядовъ для товаровъ, привозимыхъ промышленниками во время богомолья. Уже потомъ ярмарка переведена въ Нижній. Въ Макарьевскомъ монастырѣ нѣтъ средняго купола, обвалившагося отъ ветхости. Амантовъ, товарищъ Гирса, пояснялъ мнѣ такимъ образомъ это дѣло. «Когда ярмарка была еще въ Макарьевѣ, монахи получали огромный доходъ, имъ совѣтывали исправить соборъ, но они пола-

гали болѣе удобнымъ отвозить собираемыя съ богомольцевъ деньги на другой берегъ въ богатое село Осташиху, гдѣ дѣвки очень хороши. Тѣмъ временемъ ярмарку перевели въ Нижній; монастырь сталъ бѣднѣть, а куполъ ветшать, пока онъ не провалился».

Часамъ къ шести подошли къ Васильсурску. Небольшой этотъ городъ, расположенный па правыхъ берегахъ Волги и Суры, славится своими превосходными красноватыми стерлядями, да огромными, больно кусающимися комарами.

Васильсурскъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ блистательно оправдывается законъ академика Бэра о постепенномъ подмываніи рѣками, текущими съ сѣвера на югъ или обратно, своихъ правыхъ береговъ. Волга здѣсь дѣлаетъ изгибъ на югъ, а Сура течетъ съ юга; вѣроятно это и служитъ причиной безпрерывныхъ обваловъ земли у Васильсурска. Амантовъ разсказывалъ даже, что одинъ инженерный офицеръ, какой-то Рейнгардъ, въ первую ночь счастливаго брака былъ полураздѣтый вытащенъ изъ дома унтеръ-офицеромъ, когда домъ, подмытый рѣкою, сталъ уже покачиваться, чтобъ упасть въ воду. Пара новобрачныхъ имѣла счастіе или несчастіе видѣть свой домъ обрушившимся въ воду уже безъ нихъ.

За Васильсуркомъ попадались тяжелыя барки, нагруженныя лыкомъ и цыновками, идущія изъ Ветлуги.

Цѣлый вечеръ вся каютъ-компанія: Гирсъ, я, баронъ Гукъ, Амантовъ, Галдинскій и Гельмерсенъ пили чай на палубѣ. Вечеръ былъ превосходный, воздухъ чистъ и проникнутъ сильнымъ запахомъ лѣса, тянущагося по правому берегу Волги отъ Васильсурска верстъ на пятнадцать. Лѣсъ мѣшанный: дубъ, береза и сосна. Здѣсь же я въ первый разъ видѣлъ дерево осокорь. Протоповъ, командиръ парохода, говоритъ, что по берегамъ Камы осокори достигаютъ до трехъ человѣческихъ

охватовъ. У Козмодемьянска стояли часа три. Ночью прошли Чебоксары, который я разсматривалъ сквозь мглу полусвѣтлой ночи. Это, какъ говорятъ жители окрестностей Волги, чувашская столица. Амантовъ разсказывалъ слѣдующую поговорку Чувашей: «русскій городъ — дрянь городъ, Чебоксары городъ — славный городъ!»

3-го іюля. Вчера легъ спать поздно и, мнѣ кажется, будто сегодня человѣкъ разбудилъ очень рано. Когда я вышелъ наверхъ, налѣво виднѣлись минареты и куполы Казани. День былъ пасмурный. На пристани ждало много татаръ. Я съ Галдинскимъ поѣхалъ въ Казань, разсчитывая на то, что пароходъ долженъ былъ стоять на пристани, какъ намъ сказалъ капитанъ, до 12 часовъ, т. е. болѣе трехъ часовъ.

Казань лежитъ отъ пристани верстъ за шесть. Проѣхавши три версты, видимъ по лѣвую сторону дороги монументъ или, лучше, мавзолей,—церковь въ индѣйско-египетскомъ вкусѣ. Онъ поставленъ въ память продолжительной борьбы съ татарами. Городъ со своимъ Кремлемъ и чистенькими домами весьма красивъ. Лучшая, дѣйствительно красивая улица — Воскресенская. Магазиновъ много и они хороши. Городъ имѣетъ видъ совершенно европейскій, хотя на улицахъ видишь множество татаръ, жалкихъ на видъ и оборванныхъ. Почти всѣ владѣльцы магазиновъ и лавокъ — русскіе. Въ Казани насъ помочилъ весьма порядочный дождь.

Рѣка отъ Казани до устья Камы имѣетъ прежній характеръ. Правый берегъ то очень возвышается, то тянется, высоко поднимаясь надъ водой; рѣка то съуживается, то разливается на весьма большое разстояніе; лѣса смѣняются травянистыми покатостями или желтоватыми глинистыми обрывами или волнообразными высотами, обрѣзанными водою будто для того, чтобъ об-

нажить ихъ красноватую профиль съ полосою чернозема на верху, гдѣ растетъ зеленѣющая трава.

Къ вечеру показалось на правой сторонѣ Волги большое село Богородское, и пароходъ, круто обойдя длинную, желтую, песчаную косу, вошелъ въ Каму. Еще въ Волгѣ далеко видна темная полоса многоводной Камы. Берега этой рѣки имѣютъ другой характеръ; правый—крутъ и большею частью весьма обрывистъ и выше нагорнаго берега Волги. Общее впечатлѣніе обоихъ береговъ болѣе мрачно. Обширные, густые лѣса по временамъ тянутся по ихъ окраинамъ. Поселенія рѣдки; только довольно часто мелькаютъ лодки рыбаковъ, длинныя, узкія, напоминающія пироги индѣйцевъ.

Недалеко отъ устья Камы, на высокомъ правомъ берегу, котораго бугры и обрывы похожи на бока какого-то мрачнаго чудовища, лежитъ Шуранъ, нѣкогда богатое помѣщичье село. Огромный барскій домъ смотрѣлъ своими темными глазами на свинцовыя воды и только въ нижнемъ этажѣ часто мигалъ скудный свѣтъ. Тамъ теперь почтовая станція и, кажется, волостное правленіе. Про Шуранъ разсказываютъ, какъ за дѣйствительность, странную исторію, описанную Марлинскимъ въ его Латникѣ. Мѣстные жители говорятъ, что эта легенда принимается всѣми за истинное, когда то здѣсь случившееся происшествіе.

Ниже Шурана въ 20 верстахъ лежитъ Лаишевъ городъ, въ которомъ перегружаются суда съ желѣзомъ, выходящія изъ Камской системы въ Волгу, и гдѣ производится расторжка желѣза. Впрочемъ, пока Кама вовсе не уже Волги, что же касается до ея глубины, то Протоповъ говорилъ, что она гораздо значительнѣе волжской.

4-го іюля. Сегодня всталъ въ семь часовъ. На палубѣ было свѣжо; ночью былъ дождь. Берега Камы не-

дружелюбно тянулись по бокамъ, опушенные дремучими лѣсами. На лѣвомъ берегу гордо сидѣлъ огромный беркутъ, который плавно поднялся, когда пароходъ поравнялся съ нимъ. Кулики вспархивали съ прибрежья и, носясь надъ самою водою, громко кричали. На правомъ берегу раскинулось огромное село Свиногорье и изъ-за него глянула Ветлуга, впадающая здѣсь въ Волгу. Село и рѣка велики.

Часамъ къ тремъ подошли къ Елабугѣ, на правомъ берегу Камы. Всѣ первоклассные пассажиры попросили у Протопопова лодку и отправились на другую сторону Камы купаться. Оттуда отлично видна красивая Елабуга. Домовъ каменныхъ въ ней много. Амантовъ говорилъ, что въ Елабугѣ до тридцати первогильдейскихъ капиталистовъ, что это хорошій и значительный по торговлѣ городъ.

Ниже Елабуги, лежащей въ котловидной впадинѣ, круто поднимается высокій хребетъ, ниспадающій въ Каму и кончающійся верстахъ въ трехъ отъ своего возрожденія. Надъ самой Елабугой, на хребтѣ торчатъ развалины одной изъ восьми башенъ, служившихъ ронделями древняго татарскаго укрѣпленія. Укрѣпленіе, такъ сказать, висѣло надъ городомъ. Амантовъ разсказывалъ, что по бассейну Камы найдется много развалинъ татарскихъ укрѣпленій. Народъ, не будучи въ состояніи объяснить себѣ смыслъ древнихъ укрѣпленій и не помня ихъ происхожденія, привязываетъ къ нимъ какую-либо легенду страшнаго свойства и называетъ ихъ общимъ именемъ Чортовыхъ Городищъ.

За Елабугой природа береговъ становится еще диче и пустыннѣе. Огромные лѣса тянутся около Камы почти сплошь. Правый берегъ иногда становится очень высокъ и крутъ. Мѣстами обнажаются параллельные пласты песчаниковой плиты, лежащей между краснымъ суглинкомъ. На плитахъ растетъ красивый и значительный

лѣсъ. Рѣка становится пустынною. На встрѣчу только попадаются рыбаки, да плоты. Деревень мало; пахоты почти нѣтъ; все лѣсъ, либо кусты, дающіе намекъ на характеръ полярной флоры.

5-го іюля. Вчера, около полуночи прошли Пьяный Боръ, пароходную пристань и устье большой и судоходной Бѣлой. Пьяный Боръ получилъ свое характеристическое названіе потому, что прибрежныя деревья этой мѣстности, которыхъ корни подмыты водой, либо растутъ вкривь и вкось, либо качаются при малѣйшемъ вѣтрѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательно не смываются быстрыми и обильными водами Камы. Пьяный Боръ лежитъ на лѣвомъ берегу.

Сегодня берега Камы кажутся мнѣ гораздо оживленнѣе. Это происходитъ оттого, что мы вошли въ районъ желѣзныхъ заводовъ и вообще горной промышленности. Чѣмъ ближе подвигаемся къ Сарапулу, тѣмъ чаще встрѣчаются заводы и деревни. Сама рѣка болѣе оживлена потому, что по ней двигается желѣзный товаръ. Берега Камы иногда возвышаются и мѣстами очень живописны. Въ особенности характеристиченъ правый берегъ, когда онъ покрытъ мѣшанными лѣсами ели, сосны, пихты и лиственницы.

На крутой покатости высокаго обрыва торчатъ эти постоянные гости сѣвера, какъ частая щетина на темныхъ бокахъ какого-нибудь звѣря.

Въ Сарапулѣ мы должны были стоять три часа; потому я, Гирсъ, Галдинскій и Гельмерсенъ отправились въ извощичьей долгушѣ смотрѣть городъ. Говорятъ, что онъ богатъ, что здѣсь живутъ не скучно—этого я не знаю. Осмотрѣвъ Сарапулъ, отправились купаться на другой берегъ, что было очень кстати, такъ какъ жара была страшная. Въ Сарапулѣ собственно никакихъ развалинъ татарскихъ построекъ нѣтъ; но въ селѣ Мосто-

воли, лежащемъ въ 20 верстахъ отъ Сарапула, на мѣстахъ бывшихъ построекъ, отыскиваются древности, въ особенности принадлежности прежней конской сбруи.

За Сарапуломъ деревни и села довольно часты. Большею частью это огромныя села, по величинѣ не уступающія городамъ. Это, говорятъ, характеръ огромныхъ сибирскихъ селъ. Крыши избъ всегда покрыты прочнымъ тесомъ; соломенныхъ крышъ я не видѣлъ нигдѣ на Камѣ.

Къ вечеру прошли близко отъ Ижевскаго оружейнаго завода, лежащаго отъ берега Камы въ 12-ти верстахъ.

Берега Камы — вотъ уже два дня пути — носятъ на себѣ характеръ довольно пустынный, за то они очень разнообразны и красивы. Рѣка широка даже у Сарапула и выше; мѣстами она шире Волги; она и глубже послѣдней. Близъ Сарапула много острововъ, лежащихъ посрединѣ русла. Когда начало темнѣть и тѣнь отъ лѣсовъ праваго берега стала казаться въ водѣ совершенно темною, я стоялъ на вышкѣ.

Рѣка катилась книзу ровно, будто неподвижно.

Воздухъ былъ немного свѣжъ, но хорошъ. Отъ лѣсовъ несло ароматомъ хвойныхъ деревъ. Рѣдко промелькнетъ въ сторонѣ село или одинокая лодка рыбаковъ проскользнетъ вдалекѣ по зеркальной поверхности, оставляя за собой длинную расходящуюся полосу болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ вода. Надъ рѣкой летали кроншнепы, утки и кулики, спугнутые съ береговъ шумомъ парохода. Все это вмѣстѣ было дико, пустынно, но очень хорошо.

Однако, нельзя забывать, что мы двигаемся къ Сибири.

По вечерамъ становится довольно прохладно. Говорятъ, что къ утру и весьма холодно. Жалко, что термометръ спрятанъ далеко.

6-го іюля. Утромъ сильно хотѣлось спать, когда меня человѣкъ будилъ. Подходили къ Осѣ, уѣздному городу Пермской губерніи. Вышедъ на берегъ, я увидѣлъ бѣднѣйшій городишко. Бабы и дѣвки, которыя таскали на пароходъ дрова, поразили меня тѣмъ, что не дѣлаютъ себѣ таліи выше грудей, а стягиваются выше таза, какъ всѣ въ мірѣ Пока мы стояли у берега, чтобъ набрать дровъ, на пароходъ взошелъ г. Дягилевъ, помѣщикъ здѣшней губерніи. Онъ родственникъ Гирса и Гельмерсена. Онъ сидѣлъ съ нами болѣе двухъ часовъ. Изъ его разсказовъ можно замѣтить, что крестьянско-работничій вопросъ на заводахъ идетъ въ губерніи очень дурно. Дягилевъ цинично доказывалъ необходимость розогъ и разсказывалъ про какого-то Козлова или Козловскаго, уже не помню, который перепоролъ 81 человѣка, ради внушенія имъ ихъ пользы. Козловъ — бывшій пермскій жандармскій штабъ-офицеръ.

Завтра пріѣзжаемъ въ Пермь. И теперь, смотря какъ постепенно темнѣетъ небо, какъ причудливо рисуются на немъ вершины хвойныхъ лѣсовъ береговъ Камы. какъ странно пробѣгаетъ мимо парохода тѣнь ихъ въ гладкой поверхности широкой рѣки, какъ все торжественно и тихо въ воздухѣ, я невольно благодарю Каму за пріятное по ней путешествіе. Она дала всѣ средства, чтобъ быть покойнымъ и веселымъ. Хорошая она рѣка. Жалко только, что течетъ немного въ холодной странѣ. Протопоповъ говорилъ, что Кама выше Сарапула трогается десятью днями позже, а мерзнетъ десятью днями раньше Волги, напр. у Казани. Разница большая.

7-го іюля. Вчера я не ложился спать до двухъ часовъ и ходилъ по палубѣ парохода. Ночь была холодная, но ясная и лунная. Берега бѣжали въ полумглѣ назадъ. Спокойная, туманно-синяя поверхность Камы рябилась кое-гдѣ полосами зыби... На высотѣ лѣваго берега пока-

залось сперва нѣсколько зданій, потомъ колокольня церкви; на берегахъ столпились плоты и мелкія суда: мы подъѣзжали къ Перми. Когда пароходъ присталъ, я пошелъ въ каюту спать. Не знаю почему я воображалъ себѣ Пермь ничтожнымъ городишкой. Наоборотъ. Это довольно порядочно обстроенный городъ со всѣми признаками начинающейся самостоятельной жизни. Я даже замѣтилъ двѣ литографіи — вещь не шуточная. Городъ красивъ со стороны Камы, со своими колокольнями и бѣлыми зданіями.

Утромъ я отправился покупать тарантасы [1]). Въ настоящее время продажа и купля тарантасовъ составляетъ характеристическую особенность Перми, потому что отсюда, либо садятся на пароходъ, либо съ парохода собираются ѣхать на востокъ, обыкновенно въ весьма далекій путь. Въ гостинницѣ «Кавказъ и Меркурій» всѣ сараи заняты тарантасами, оставленными здѣсь проѣзжими изъ Сибири, отправившимися внизъ по Камѣ. Но всѣ эти тарантасы хранятся въ сараяхъ общества до возвращенія хозяевъ. Я долго искалъ по городу, пока къ вечеру не нашелъ кузнеца, у котораго могъ купить сносный тарантасъ, по сносной цѣнѣ ста рублей.

Ночевали мы на пароходѣ, благодаря позволенію Протопопова. Близко въ виду Перми лежитъ Мотовиловскій сталелитейный заводъ, который нужно осмотрѣть на обратной дорогѣ, зимою.

8-го іюля. Въ 8 часовъ, послѣ купанья, мы тронулись въ путь къ Екатеринбургу. Тарантасъ Г. ѣхалъ впереди, потомъ наша телѣга съ вещами. Я заключалъ шествіе

[1]) Исправный и крѣпкій экипажъ также нуженъ путешественнику по Сибири, какъ необходимъ добрый карабинъ въ преріяхъ Сѣверной Америки. Коляска не выдержитъ первобытныхъ дорогъ. Тутъ нуженъ тарантасъ — экипажъ, состоящій изъ колясочнаго кузова, поставленнаго на четыре или пять крѣпкихъ и упругихъ жердей. Смѣю завѣрить, что тарантасъ не только надежный, но и совершенно покойный экипажъ.

въ своемъ тарантасѣ, который очень похожъ на рисунки, приложенные къ «Тарантасу» Сологуба. Я былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Дорога сейчасъ же отъ Перми становится довольно всхолмленною. На горизонтѣ виднѣлся во всѣхъ направленіяхъ лѣсъ, который сначала провожалъ насъ, сдвинувшись къ самой дорогѣ. Тамъ, гдѣ онъ отступалъ на дальній планъ, волнистая мѣстность показывала близость Урала. По долинамъ маленькихъ ручейковъ крутые берега состояли изъ сѣрыхъ породъ известняка и песчаника. Отмели и окраины самыхъ ручьевъ состояли изъ сплошныхъ кучъ мелкихъ голышей. На вершинахъ высотъ росли густые лѣса.

— «Много въ здѣшнихъ мѣстахъ медвѣдей?» спросилъ я извозчика.

— Почитай вовсе нѣтъ.

— «А волковъ?»

— Ну, этихъ много, табунами прибѣгаютъ,—и что только народъ отъ нихъ не терпитъ!

По дорогѣ изъ Екатеринбурга тянулись длинные обозы съ цибиками чая. Обыкновенно на одномъ изъ возовъ впереди былъ сдѣланъ игрушечный навѣсикъ съ колокольчиками, подвѣшанными подъ нимъ. Это ямщики называютъ чоловенькой и развлекаются трезвоненіемъ на разные тона.

Къ Екатеринбургу шли обозы съ краснымъ товаромъ и желѣзомъ.

Подъѣзжая къ первой станціи, нужно было взбираться на высокую гору. Я вышелъ изъ тарантаса и пошелъ прямою дорогою, черезъ лѣсъ, которымъ поросъ бугоръ. На дорогѣ встрѣтилась партія свѣжихъ поселенцевъ поляковъ. На одной изъ телѣгъ сидѣлъ старикъ съ отнятою рукою, жертва всегдашней наивности и юношеской впечатлительности поляковъ. Взобравшись на вершину горы, я слыхалъ какъ внизу съ тяжело под-

нимающагося на гору польскаго обоза неслось согласное и печальное пѣніе. Бѣдная и глупая нація.

. . . .

Кунгуръ. Купанье. Перетягиванье веревками колесъ тарантаса.

Къ вечеру стало весьма свѣжо. Мнѣ вспомнилось, что я въ Пермской губерніи. Въ Сарапулѣ не дозрѣваютъ яблоки, а въ Перми и огурцы, если они посажены на чистомъ воздухѣ.

9-го іюля. Вчера ночью я чуть не отсталъ отъ своихъ. Я заснулъ. Просыпаюсь, Новиковъ около меня спитъ, ямщикъ спитъ, лошади спятъ; тарантасъ стоитъ одной стороной во рву. Меня разбудили голоса обозныхъ, понукавшихъ лошадей. Въ воздухѣ стоялъ неподвижно густой столбъ пыли и увеличивалъ туманную мглу ночи. Я вспомнилъ что 8-го іюля св. Прокофія, патрона сибиряковъ, вспомнилъ, что народъ гулялъ, и догадался почему извозчикъ заснулъ такъ глубоко. Разбудивъ его невѣжливымъ пенькомъ, я замѣтилъ, что онъ предварительно потерялъ уже шапку. На станціи мы догнали передній тарантасъ.

Отъ Бисерской станціи до Березовской ѣхали по весьма большимъ горамъ. Мы взбирались чувствительно на Уральскій хребетъ. Не доѣзжая верстъ шести до Березовской станціи открылся широкій и прелестный ландшафтъ. Березовское село со своею церковью, казалось, будто рукою подать. Всѣ горы поросли густымъ и обширнымъ лѣсомъ, только кое-гдѣ на вершинахъ ихъ или въ широкихъ долинахъ тянулись огромныя села. Вообще отъ самой Перми всѣ попадающіяся на пути села казались мнѣ очень великими; нѣкоторыя были не менѣе нашихъ дурныхъ уѣздныхъ городовъ, и во всякомъ случаѣ, никакъ не бѣднѣе послѣднихъ. Постройки въ этихъ деревняхъ и селахъ большія и краси-

выя; дома частію двухъэтажные, всѣ крытые тесомъ и драницею; окна большія и чистыя. Народъ одѣтъ очень опрятно и весьма красиво. У всѣхъ женщинъ талія на мѣстѣ. Шустроглазыя дѣвки съ высокимъ крѣпкимъ станомъ заигрываютъ на улицѣ съ парнями; мальчишки смотрятъ бойко и весело. Любо смотрѣть такое довольство. Такъ и видно, что подъѣзжаешь къ Сибири, гдѣ не знали крѣпостного состоянія.

За огромнымъ селомъ Грибовскимъ тянутся большіе лѣса сплошь до Чусовой, на которой у Строгановыхъ были соляныя варницы и гдѣ произошли первыя сшибки русскихъ съ инородцами Сибири. Переправа черезъ Чусовую не доѣзжая четырехъ верстъ до мѣднаго Билимбаевскаго завода. Ширина рѣки здѣсь отъ 100 до 150 шаговъ. На берегахъ видны большія села. У воды на стапеляхъ стоятъ полупостроенныя тяжелыя барки, которыхъ нагрузятъ и спустятъ по теченію въ половодье. Огромные лѣса окаймляютъ берега, и все хвойные. Стоя на паромѣ, я вспомнилъ Сивошинскую переправу у Дриссы, близъ Полоцка. За Билимбаевской станціею, переваливъ за гору, покрытую лѣсомъ, гдѣ во время проѣзда кочевали цыгане, открывается Васильевскій чугунно-литейный заводъ. Это полугородъ съ двумя церквами, сгруппированный у большой доменной печи.

Въ полутора верстахъ за Васильевскимъ — грань Европы и Азіи. Здѣсь, посреди негостепріимной природы, налѣво отъ дороги, стоитъ мраморная колонна. На одной ея сторонѣ написано, что въ Сибирь проѣзжали: въ 1837 году наслѣдникъ; въ 1845 герцогъ Максиміліанъ Лейхтенбергскій; на другой — Европа; на третьей — Азія. Когда я съ трудомъ разбиралъ полустертыя надписи, накрапывалъ мелкій дождикъ и темнѣло болѣе и болѣе. Сумрачная обстановка памятника, кругомъ мрачный хвойный лѣсъ, охваченный туманомъ вечера и дождя, пустынная мѣстность, мысль, что еще шагъ и я въ Азіи, —

все это подѣйствовало на меня непріятно. Поскорѣй въ тарантасъ и пощупаю револьверъ. Здѣсь шалятъ. Еще вчера я видѣлъ убитаго человѣка возлѣ дороги, котораго, до пріѣзда слѣдователя, стерегли два мужика.

Вскорѣ однообразный шумъ колесъ по крѣпкой почвѣ Уральскаго хребта, или «каменнаго пояса» усыпилъ меня.

10-го іюля. Часа въ два ночи мы пріѣхали въ Екатеринбургъ, гдѣ и ночевали. Утромъ разносчики нанесли намъ камешковъ, которыхъ я не купилъ, въ ожиданіи возвращенія въ Петербургъ. Когда лошади были готовы, мы пошли пѣшкомъ. Какой богатый и красивый городъ Екатеринбургъ! Какъ хорошъ видъ съ плотины на озеро, которое образуетъ здѣсь Исеть, и какъ хороши на противоположномъ берегу пруда окруженныя зеленью дачи! Нѣкоторые дома и церкви очень хороши. Каменныхъ зданій много не только въ главныхъ, но и въ побочныхъ улицахъ. Подробнѣе осмотрю его на возвратномъ пути.

Общая картина края за Уральскимъ хребтомъ та же, что и на европейской сторонѣ; даже лѣсовъ, какъ будто, поменьше; пашень побольше, какъ и деревень. Какъ будто ѣдемъ не въ Сибири, а въ великороссійской губерніи. За Паршинскою станціей, не доѣзжая до г. Камышлова, бѣднаго и грязнаго, параллельно дорогѣ течетъ Пышма, небольшая рѣченка.

Отличительная черта этихъ мѣстъ та, что стада оставляются по ночамъ на улицахъ и лугахъ. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ сторожитъ какой-нибудь мальчишка, сидя въ будкѣ изъ вѣтвей и согрѣваясь маленькимъ огонькомъ.

Другая черта — какъ характеристика рѣдкаго населенія. Обозы и ѣдущіе на собственныхъ лошадяхъ заночевываютъ въ открытомъ полѣ, въ сторонѣ отъ дороги. Кругомъ дымнаго огонька сидятъ нѣсколько человѣкъ

и что-то варятъ, а въ сторонѣ стоятъ телѣги и стреноженныя лошади. Ѣхали всю ночь.

11-го іюля. Та же природа, тѣ же деревни и красивое бойкое населеніе. Только за станціею Сургутъ дорога портится потому, что пролегаетъ по болотистымъ и низкимъ мѣстамъ, поросшимъ мелкимъ лѣсомъ. Въ одиннадцати верстахъ за д. Марковымъ—граница Пермской и Тобольской губерніи.

Въ Тугульмѣ, деревнѣ, какъ всегда, очень большой и богатой, намъ продавали ковры, довольно, впрочемъ, плохіе, выдѣлкой которыхъ славятся окрестности Тюмени. Кромѣ Тугульмы, выдѣлкой ковровъ занимается особенно Каменка, близъ Тюмени, но не по нашему тракту.

Пріѣхали въ Тюмень на Турѣ. Затюменька, лучшая часть города, лежащая по лѣвому берегу ручья Тюменьки, вся выгорѣла въ прошломъ году. Худшая часть города осталась. Былъ у Свято-Троицкаго монастыря и смотрѣлъ могилу Ѳеофила Лещинскаго, современника Петра и знаменитаго сибирскаго миссіонера.

Тюмень имѣетъ много первогильдейскихъ капиталистовъ и купцовъ, торгующихъ оптомъ. Отсюда идутъ кожи, выдѣлываемыя на 95 заводахъ, въ глубь киргизскихъ степей, даже до Кокана и Бухары. Привозъ: чай и скотъ. Вывозъ: ковры и кожи въ Азію, скотъ и сало въ Россію.

Погода была холодная. Дулъ вѣтеръ съ Ледовитаго океана. Тура здѣсь не велика, не шире 200 шаговъ, или 250; на противоположномъ берегу раскинуты большія села. Послѣ пожара, бывшаго въ прошломъ году, городъ не можетъ обстроиться, не по недостатку капиталовъ и желанія, а по недостатку рабочихъ рукъ.

Для благосостоянія Россіи и Сибири и для радикальныхъ реформъ въ способѣ веденія нашей нелѣпой чай-

ной торговли, необходима желѣзная дорога изъ Перми въ Тюмень. Ночевали въ Тюмени.

12-го іюля. Дорога отъ Тюмени болотистая. Слѣва долго тянется озеро «Травяное». На берегу сидѣло множество рыболововъ, большихъ размѣровъ. Желая разсмотрѣть ихъ, я убилъ одного рыболова и пошелъ за нимъ къ берегу, но едва вышелъ изъ высокой травы на плоскій берегъ, казавшійся твердымъ, какъ увязъ выше колѣнъ; позабывъ рыболова, я едва выскочилъ на сушу. Къ обѣденному времени пріѣхали въ Ялуторовскъ, окружной городъ Тобольской губерніи. Почтосодержатель, бывшій крѣпостной человѣкъ, старикъ почтенный и умный, разсказывалъ намъ много про декабристовъ, жившихъ здѣсь, съ которыми онъ былъ знакомъ,—про Трубецкого, Якушкина, Фонъ-Визина, пріѣзжавшаго часто изъ Тобольска, и другихъ. Старикъ говорилъ, какъ они собирались другъ у друга, какъ взаимно помогали себѣ, какъ учили дѣтей тѣхъ, у кого они были, занимаясь тѣми предметами, которые составляли ихъ спеціальность. Потомъ онъ разсказывалъ про киргизскія степи и промышленность города, который живетъ и процвѣтаетъ близостью степей. Есть въ городѣ купцы и мѣщане, пригоняющіе ежегодно до 30,000 головъ крупнаго и мелкаго скота изъ Петропавловска. Большая часть этого скота бьется на сало, идущее въ Москву и Петербургъ. Изъ степей идетъ тоже много лошадей, но нѣкоторыя не идутъ, по дикости, въ упряжку.

Самыми лучшими лошадьми считаются происшедшія отъ скрещенія нашей породы съ киргизской. Этихъ лошадей называютъ «смятками». Старикъ, разсказывая про степь, говорилъ не киргизъ, а «киргызъ».

Киргизы пріѣзжаютъ и пригоняютъ скотъ на Ялуторовскія ярмарки, даже ѣздятъ въ Ирбитъ.

Дорога изъ Ялуторовска очень красива. Превосход-

ные, какъ бархатъ, зеленые луга, усѣянные отдѣльными группами березъ, испещренные озерами, оставленными разлитіями Тобола, и далекій, обширный горизонтъ, нѣчто въ родѣ голландскаго «польдерса». По этой обширной равнинѣ паслись большія стада отличнаго крупнаго скота, въ разныхъ мѣстахъ носились косяки коней, паслась домашняя птица,—картина великолѣпная, напоминающая западные штаты Сѣверной Америки.

А вотъ и Тоболъ, легшій извилистой лентой межъ невысокихъ береговъ.

— «Экъ, благодатная ваша сторона!» — сказалъ я красивому и здоровому парню-ямщику.

— Хорошая, баринъ, только знай, работай, а то все она тебѣ даетъ: и хлѣба, и скота, и звѣря, и рыбы.

Переправились черезъ Тоболъ частью по мосту, частью на паромѣ; другая часть моста была наканунѣ сорвана рѣкою.

— Всякая здѣсь рыба, продолжалъ ямщикъ, и стерлядь, и нельма; только въ послѣднее время, нельмы стало менѣе.

Вообще въ Сибири говорятъ самымъ правильнымъ, можно сказать, литературнымъ языкомъ.

Далѣе дорога идетъ по тучному чернозему. Вспаханныя десятины лежали, какъ огромныя черныя заплаты посреди свѣжей дѣвственной зелени. Здѣсь начинается другой характеръ. Количество лѣса уменьшается. Березовые лѣса раскидываются рощами и группами, довольно частыми сначала, а потомъ, по мѣрѣ движенія на югъ, группы становятся незначительнѣе, а луговое пространство, тянущееся между ними, растягивается шире и шире. Дома попутныхъ деревень построены уже изъ болѣе мелкаго лѣса; на крышахъ появляется береста, вмѣсто толстаго теса; за то какіе луга, какіе стада рогатаго скота и овецъ, какое во всемъ довольство!

13-го іюля. Ночью шелъ дождь и распустилъ черноземъ; ѣхали мы не скоро, колеса набирали на ободья земли; я безпокойно дремалъ въ тарантасѣ, пробуждаемый безпрерывными толчками и потряхиваньемъ. По бокамъ тянулись болота, изрѣдка поросшіе лѣсомъ. Степной видъ выигрываетъ съ каждымъ шагомъ, но послѣдовательно и едва замѣтно.

Обѣдали въ Ишимѣ. Ничтожный городишко, но въ немъ начинаетъ развиваться огромная ярмарка. Изъ Ишима двѣ станціи чрезвычайно интересны. Направо тянется ровный, огромный лугъ, ограниченный только синеватою высотою, поднимающеюся на самомъ горизонтѣ. Лугъ испещренъ купами деревьевъ, рощицами, пахотью, озерами, покосами. Прелесть, прелесть, что-такое! Какъ хорошо дышется! Нѣтъ, у насъ не знаютъ Сириби съ ея красотою, богатствомъ на большой масштабъ, довольствомъ и неприкосновенною, полудѣвственною ея природою! Хороша она, эта отверженная Сибирь.

Около Ишима и далѣе попадаются курганы, очевидно, насыпные. Кто ихъ насыпалъ—Богъ знаетъ.

— «Ямщикъ! позвалъ я, что это такое?»

— Это-то!—спросилъ бойкій сибирякъ, вѣрно потомокъ Владимірца и Новгородца.

— «Да».

— Неизвѣстно... Богъ іе знаетъ... говорятъ, что прежде, давно уже, здѣсь чудь какая-то жила...

— «Такъ, что-же?»

— Она тѣ курганы и насыпала.—Вотъ и все объясненіе.

По лугу тянулись озера; воздухъ былъ такъ чистъ и хорошъ, а картина, разстилающаяся на полумракѣ вечера, такъ безподобна, что я чувствовалъ себя хорошо.

Когда ямщикъ останавливалъ лошадей, чтобы поправить что-либо, я сквозь пріятную полудрему слыхалъ,

какъ въ высокой травѣ билъ перепелъ; на озерахъ прыгали гуси и кулики; на лугахъ слышенъ былъ тихій шумъ живыхъ копошащихся существъ; вытянувъ шеи, черезъ дорогу летѣли тяжелыя кряквы, со свистомъ разрѣзая воздухъ своими крыльями; ямщикъ побранивался про себя и зубами, и руками затягивалъ супонь, а колокольчики побрякивали устало отъ его движеній; пыль улеглась, и мнѣ было такъ хорошо оглядывать эту чудную, полуночную картину и чуткимъ ухомъ вслушиваться въ далекіе и разнообразные голоса жизни...

14-го іюля. Вчера вечеромъ, доѣхавъ до Абацкаго (большого села), мы рѣшились ночевать, чтобъ пріѣхать въ Омскъ 15-го къ послѣ обѣда, — боялись пріѣхать рано, чтобъ не быть принужденнымъ начать сейчасъ же явленіе властямъ.

Село Абацкое или Абатинское очень велико. Жители весьма богаты; у нѣкоторыхъ крестьянъ-фермеровъ до 100 десятинъ запашки. Это центръ земледѣлія южной Сибири, несмотря на то, общій видъ села не позволяетъ догадываться о томъ. Такая наружная бѣдность происходитъ отъ недостатка лѣса. Въ то время, когда въ Пермской губерніи или Тюменскомъ округѣ зданія даже бѣдныхъ жителей сложены изъ огромныхъ прочныхъ бревенъ, здѣсь у весьма достаточныхъ крестьянъ хаты малы, почернѣлыя, полупокривившіяся. Заборы изъ дурного лѣса. Крыши покрыты сперва берестою, прижатою жердями, потомъ дерномъ, на которомъ ростетъ трава; надворныя строенія малы и непрочны.

Странное дѣло! жители Абацкаго жалуются на недостатокъ земли и угодьевъ. Вотъ что значитъ широкія натуры. А кругомъ, по дорогѣ въ Тюкалинскъ, обширные луга, покрытые купами кустовъ, много воды, проточной и стоячей, много пахоты, много нетронутой земли. Это ли недостатокъ земли?

По мѣрѣ нашего движенія въ глубь Сибири, чаще и чаще попадаются ссыльные поляки, въ своихъ чамаркахъ и конфедераткахъ. Ихъ положеніе, говорятъ, довольно жалко. Вліяніе ихъ очевидно. То встрѣтишь, совершенно неожиданно, на какой-нибудь станціи портретъ Гарибальди, то фотографическій портретъ съ надписью на польскомъ языкѣ, то искаженныя на польскій ладъ слова, сказанныя чистымъ русскимъ. Это и понятно; но конечно нельзя приписать ничьему вліянію поразительную чистоту внутри домовъ сибирскихъ жителей. Лѣстница только что вымыта; если грязь на дворѣ, то застлана какой-нибудь тряпкой; полъ въ комнатахъ выскребленъ; стѣны опрятны и всегда оклеены бумагою. Такъ жить могутъ люди только имѣющіе средства. Это очень хорошо, что сибиряки въ этомъ случаѣ не подражаютъ крестьянамъ Европейской Россіи. Есть еще одна черта, отличающая сибиряковъ: они не употребляютъ каши и не сѣютъ крупы. Каша, ѣда исключительно великороссіянъ, а любовь къ ней—ихъ характеристика.

Сегодняшній день ѣхали до Тюкалинска, гдѣ рѣшились спать часа три. Дорога однообразна и похожа на прежде проѣханный путь. Почва довольно болотистая и безпрерывно по сторонамъ видны озера, съ которыхъ несется крикъ дичи. Ѣдемъ скоро, верстъ по 15-ти въ часъ.

15-го іюля. Отъ Тюкалинска придорожныя мѣста принимаютъ вполнѣ видъ степей. Ровно, гладко до далекаго горизонта. Травянистая степь только кое-гдѣ разнообразится группами кустарниковъ и весьма рѣдко деревьевъ. Этимъ только и отличается отъ малороссійскихъ степей. Около дороги пасутся стада барановъ, а близъ деревень и табуны рогатаго скота и лошадей.

На четвертой станціи за Тюкалинскомъ, полу-горо-

домъ, полу-деревней, открывается обширная равнина, заросшая лозой и камышемъ, изрѣзанная озерами и болотами, а вдали, на огромномъ протяженіи, тянется перпендикулярно къ дорогѣ однообразно скошенная высота: это правый берегъ Иртыша.

Дулъ весьма сильный вѣтеръ, можно сказать ураганъ. Великая рѣка была покрыта бѣлою пѣною отъ волнъ, шедшихъ противъ теченія. Иртышъ здѣсь до версты шириною. Я иначе себѣ его и не воображалъ. Мутная вода хлещетъ въ берега, обрывая ихъ и унося, Богъ знаетъ куда, песчаныя части. У перевоза намъ разсказывали, что за часъ до нашего пріѣзда, у самаго парома, водою оборвало до шести аршинъ берега. Перевозить насъ не хотѣли, опасаясь сильнаго вѣтра и волненія, но мы настояли. Однако, едва паромъ отвалилъ, какъ мы поняли въ какой степени правы перевозчики. Паромъ гнулся по всѣмъ направленіямъ такъ, что трудно было стоять. Волна дохлестывала до борта огромной барки, на которой настланъ паромъ; весла семи гребцовъ едва-едва могли противустоять волнамъ,—насъ волненіемъ тащило противъ теченія. Г. испугался не на шутку, а причалить къ берегу было уже поздно. Когда мы выплыли на самый плесъ, то и я увидѣлъ, что опасно. Какой-то ямщикъ сталъ подвывать и говорить, что пришелъ его послѣдній часъ. Гребцы работали, что есть силъ и ободряли другъ друга знаменитымъ: «авось Богъ вынесетъ». Онъ и вынесъ; но едва мы вышли изъ главнаго теченія, какъ силы гребцовъ истощились, насъ потащило вверхъ по теченію и посадило на отмель. Прыгнули въ воду, стали спихиваться; опять тронулись. На правомъ берегу собралось много народа, желавшаго, вѣрно, смотрѣть, какъ мы потонемъ. Послѣ полуторочасовыхъ трудовъ подъѣхавшихъ подъ конецъ на лодкахъ гребцовъ и завезеннаго на пристань каната, мы, наконецъ, пристали къ берегу.

Далѣе дорога до Омска принимаетъ еще болѣе степной видъ; горизонтъ становится еще шире; степь еще болѣе обнажается отъ кустовъ и деревьевъ. Наконецъ, вотъ и Омскъ, кажущійся издалека большимъ городомъ. И дѣйствительно, онъ даже лучше Екатеринбурга.

Остановились въ порядочной каменной гостинницѣ на берегу Оми, какъ-разъ около впаденія послѣдней въ Иртышъ. Г-й встрѣтилъ насъ; онъ ждетъ насъ въ Омскѣ уже пять дней. Скорѣе въ баню.

16-го іюля. Вчера вечеромъ пачкался въ грязной банѣ. Оттуда не поѣхалъ въ гостинницу, а отправился къ А. П. Т. Онъ вышелъ изъ академіи вмѣстѣ со мною и отправился на службу въ Сибирь. Теперь онъ полковникъ и инспекторъ классовъ Сибирскаго кадетскаго корпуса. Онъ просилъ меня къ себѣ черезъ Г-го Разговоръ былъ незначительный.

Сегодня утромъ я явился начальнику штаба Кроеріусу, а потомъ, вся коммисія, in corpore, представлялась генералъ-губернатору Дюгамелю. Онъ былъ любезенъ съ нами, но сквозь эту любезность проглядывала враждебность и недовѣріе къ нашимъ силамъ. Г. говорилъ пустяки высокимъ слогомъ. Я не безъ любопытства смотрѣлъ на тушу мяса, называемую Дюгамелемъ, которая, т. е. туша, пользовалась когда-то репутаціей ученой. Г-й говорилъ съ достоинствомъ и толкомъ. Изъ разговора Дюгамеля я увидалъ, что онъ знаетъ край не лучше меня, что онъ апатиченъ, равнодушенъ ко всему и враждебенъ нашему наступательному движенію въ средней Азіи. Впрочемъ и эта враждебность есть результатъ того, что Черняевъ былъ присланъ изъ Петербурга съ готовымъ завоевательнымъ планомъ и что онъ поставилъ себя во враждебное отношеніе къ сибирскимъ властямъ. Когда мы откланивались, Дюгамель пригласилъ насъ завтра обѣдать.

Обѣдали у Т. Здѣсь я въ первый разъ ѣлъ нельму, прекрасную сибирскую рыбу. Она вкуснѣе стерляди; мясо бѣлѣе, нѣжнѣе и очень жирно.

За обѣдомъ рѣчь шла про происшествіе, занимавшее весь Омскъ, — про сепарастическія стремленія казаковъ. Это дѣло открылось слѣдующимъ образомъ. Генералъ Линденъ (Константинъ Александровичъ), директоръ кадетскаго корпуса и бывшій мой учитель артиллеріи (въ Дворянскомъ полку) разсказывалъ мнѣ сегодня утромъ, что нѣсколько недѣль тому назадъ командиръ кадетскаго экскадрона вошелъ къ нему въ дежурную комнату съ «перековерканнымъ лицомъ». Я уже съ перваго раза увидѣлъ, — говорилъ Линденъ, — что дѣло очень не хорошее, потому ,не разспрашивая офицера при свидѣтеляхъ, вышелъ съ нимъ въ другую комнату. Эскадронный командиръ безмолвно подалъ мнѣ «воззваніе къ сибирскимъ патріотамъ», найденное имъ въ карманѣ у одного кадета.

Я позвалъ кадета и спросилъ, откуда онъ взялъ эту штуку. Кадетъ поблѣднѣлъ и отвѣтилъ, что онъ отнялъ у другого кадета Усова. Я позвалъ и этого, посадивъ въ особую комнату. Послѣ долгихъ разспросовъ, оказалось слѣдующее: Усовъ взялъ эту прокламацію на столѣ, у брата своего, офицера сибирскаго казачьяго войска, у котораго была она оставлена какимъ-то Ядринцовымъ, недоучившимся студентомъ Петербургскаго университета. Ядринцовъ жилъ въ Томскѣ. Туда телеграфировали и въ его бумагахъ найдено очень много компрометтирующаго его. По этимъ бумагамъ арестованъ Потапинъ, очень образованный казачій офицеръ, писавшій много въ запискахъ географическаго общества. Далѣе по письмамъ, бумагамъ и показаніямъ арестованъ Щукинъ, учитель Томскаго училища, оказавшійся дѣятельнымъ участникомъ всего этого дѣтскаго заговора Потанинъ и Щукинъ были его центрами. Профессоръ

Щаповъ, говорятъ, тоже замѣшанъ. «Мнѣ очень досадно», продолжалъ Линденъ, «что я невольно былъ принужденъ заѣдать жандармскій хлѣбъ».

Слѣдствіе производится коммисіею подъ предсѣдательствомъ чиновника Пеллено.

Вечеромъ было первое засѣданіе. Дебатировали способъ объѣзда и работы. Когда былъ принятъ маршрутъ и предложеніе Г., состоящее въ томъ, чтобы каждый членъ предварительно составилъ конспектъ для разработки порученнаго ему отдѣла общей работы, я объявилъ, что не согласенъ съ предложеніемъ предсѣдателя, во-первыхъ потому, что составлять проектъ обработки предмета, съ которымъ незнакомъ,—нельзя; во-вторыхъ потому, что объѣзжать безостановочно страну, которую нужно изучить, я считаю неудобнымъ. Я полагалъ, что нужно поселиться въ какомъ-нибудь аулѣ и узнать до конца всѣ элементы киргизской жизни, и указалъ Алатавскій округъ, какъ болѣе всего удобный для этой цѣли. Послѣ горячаго спора, мое мнѣніе принято.

Г. взялся разработать судебный отдѣлъ; мнѣ поручили внутренній бытъ, торговлю и военный вопросъ; Г-й—поземельный вопросъ и податной; Гал—му—раздоръ существующей администраціи; П.—религіозный. Ѣхать рѣшились мы быстро тамъ, гдѣ это возможно, и пожить подольше въ Алатавскомъ округѣ, какъ болѣе разнообразномъ въ территоріальномъ, климатическомъ и этнографическомъ отношеніи. Къ тому же тамъ киргизы менѣе испорчены нашею администраціею. Вечеръ кончился дружелюбно, хотя Г. говорилъ слишкомъ любезныя вещи.

17-го іюля. Сегодня утромъ вся коммисія дѣлала визиты членамъ Совѣта главнаго управленія: Войнову, Пеллено, Врангелю, Супруненко и Солодовникову. Обѣдали у Дюгамеля, у котораго былъ Кроеріусъ и адъю-

танты. Разговоръ вертѣлся около общихъ предметовъ. Кроеріусъ, интриговавшій противъ покойнаго Велиханова, этой честнѣйшей и чистѣйшей личности, за то только, что государь ему далъ аудіенцію и поцѣловалъ,—сказалъ про него нѣсколько невыгодныхъ словъ. Я разсказалъ, что лучшіе оріенталисты, въ томъ числѣ и Ковалевскій, считаютъ его замѣчательнымъ ученымъ, лучшимъ другомъ киргизскаго народа, и хранителемъ русскихъ государственныхъ интересовъ. Дюгамелю et C° этотъ отзывъ, какъ я и ждалъ, видимо не понравился.

Вечеромъ читали положеніе о степи. Господи, что за чепуха! Сперанскій, авторъ скелета этого положенія, имѣлъ, конечно, въ виду благо киргизъ, но его намѣреніе такъ и осталось однимъ намѣреніемъ, потому что законы, имъ писанные, творились a priori и только слегка почерпались изъ народной жизни. Оттого они носятъ на себѣ отпечатокъ честнѣйшихъ намѣреній и дурного исполненія этихъ намѣреній; къ довершенію этого винегрета, наивный идеализмъ и чиновное доктринерство проскакиваютъ на каждомъ шагу. Губернаторы должны стараться внушать киргизамъ то и то; должны заботиться развивать торговлю; должны цивилизовать,—вотъ общій характеръ менторской части законовъ; потомъ наступаетъ говоръ чиновника, парализующій судъ біевъ, вмѣшивающійся во внутренній бытъ киргизовъ, централизующій всѣ управленія и проч. и проч.

Омскъ сносный городъ настолько, насколько можетъ быть сносна столица управленія и обитель главнѣйшихъ чиновниковъ Западной Сибири. Ни торговаго, ни историческаго значенія онъ не имѣетъ. Крѣпость стара и заброшена, какъ упраздненная. Изъ за округленнаго вала выглядываетъ черный частоколъ, окружающій четыреугольное пространство внутри бастіона. Это «Мертвый домъ», гдѣ содержался Достоевскій. Городъ собственно лежитъ на лѣвомъ берегу Оми. Мечеть едва ли

не лучшее зданіе города. И какъ видна во всемъ искусственность: около главной мечети построенъ большой мѣновой дворъ, стоящій всегда пустой; иные говорятъ, что это зданіе построено для пріѣзжихъ знатныхъ азіатцевъ, пословъ и проч. Во всякомъ случаѣ, онъ стоялъ пустъ со времени своей постройки. Теперь тамъ какая то казарма. Если изъ Омска перенести резиденцію генералъ-губернатора, онъ непремѣнно упадетъ и обратится въ полу деревню. Впрочемъ переносъ резиденціи, несмотря на очевидную необходимость, затруднится тѣмъ, что у большинства вліятельныхъ чиновниковъ собственные дома въ Омскѣ. Однако, можетъ быть, намъ удастся достигнуть этого.

18-го іюля. Сегодня одна киргизская волость подкочевала къ лѣвому берегу Иртыша. Странный видъ представляютъ эти кучеобразныя юрты грязнаго цвѣта, неправильно поставленныя другъ около друга. Въ волости я не былъ, чтобы не разсѣеваться. Работы много; новыя мысли, появляющіяся по мѣрѣ чтенія законовъ, безпокоятъ меня днемъ и ночью. Каждую мысль, высказанную другимъ или появившуюся въ своей головѣ, нужно строго провѣрить и осмотрѣть со всѣхъ сторонъ.

Вечеромъ, гуляя въ саду, что у гласиса бывшей крѣпости, я увидѣлъ юрту, разбиваемую въ публичныхъ омскихъ садахъ въ качествѣ бесѣдки. Осмотрѣвъ ее, я увидѣлъ, что въ ней можно было бы жить, если бы не отвратительный запахъ отъ кошемъ, ее покрывающихъ.

19—25 іюля. Каждый день начинался чтеніемъ законовъ; потомъ завязывался горячій, но добросовѣстный споръ объ администраціи, судѣ, податяхъ и обо всемъ томъ, что намъ необходимо было обдумать, чтобы согласно волѣ государя обсуждать разумные законы для киргизъ. Результатъ этихъ споровъ весьма утѣшителенъ.

Мы остановились на слѣдующихъ выводахъ: судъ для киргизъ долженъ быть ихъ собственный, исключая преступленій, наносящихъ убытокъ интересамъ собственно русскихъ людей или вредящихъ государству. Киргизскій народъ долженъ содержать всю администрацію, поставляемую для управленія имъ, на свой счетъ. Расходъ по управленію степью въ военномъ и административномъ отношеніи и содержаніе пограничныхъ войскъ опредѣляетъ цифру податей, которыя разлагаются на уѣзды, по количеству кибитокъ. Въ волостяхъ раскладка идетъ по внутренней раскладкѣ, производимой самими киргизами и пропорціонально состоянію. Земля, на которой киргизы кочуютъ, должна быть закрѣплена за ними съ предоставленіемъ права купли и продажи. Этимъ способомъ можно только усилить колонизацію степей. Казаковъ, по единодушному и основательному сужденію коммисіи, нужно обратить въ обыкновенныхъ поселянъ. Изо всѣхъ киргизскихъ степей нужно образовать одно генералъ-губернаторство (Туркестанское или Киргизское) съ резиденціею на югѣ въ Туркестанѣ, Чемкентѣ, или Ташкентѣ. Линія Сыръ-Дарьи, Туркестанская область, Зачуйскій край и Алатавскій округъ составятъ пограничное губернаторство съ полувоеннымъ устройствомъ. Остальная часть Оренбургской и Сибирской степи раздѣляется на двѣ губерніи. Власть должна быть очень сильна, но не касаться внутренняго быта киргизовъ, суда и вообще самоуправленія номадовъ. Губернаторъ дѣйствуетъ черезъ уѣздныхъ начальниковъ, имѣющихъ обширную власть только въ политическомъ отношеніи. Болѣе русскихъ властей въ степи нѣтъ, потому что все управленіе въ уѣздахъ лежитъ на самомъ народѣ, выбирающемъ для того султановъ, волостныхъ и аульныхъ старшинъ. Въ религіозномъ отношеніи мы стали въ разрѣзъ съ магометанскими взглядами положенія Сперанскаго. Мы укажемъ на необходимость дѣйствовать

законною христіанскою пропагандою и хотимъ запретить выписку чужеземныхъ муллъ, которые должны быть непремѣнно изъ нашихъ киргизъ.

Вотъ главныя основанія, на которыхъ сходятся всѣ члены коммисіи. Какъ мы выработаемъ изъ собранныхъ матеріаловъ будущее положеніе — дѣло другого рода. Желанія, видно, много и силы тоже, кажется, есть. Дай Богъ, чтобы исполнилось все, что мы желаемъ!

У меня голова идетъ кругомъ, когда я подумаю о той массѣ фактовъ, которую необходимо разработать. Мой отдѣлъ чрезвычайно обширенъ; данныхъ для уясненія внутренняго быта и промышленности нѣтъ; о внѣшней торговлѣ можно собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, о внутренней же нѣтъ, положительно, никакихъ свѣдѣній. По военному вопросу нужно серьезное изученіе всего, касающагося до казаковъ и еще многаго добавочнаго. Слажу ли я со всѣмъ этимъ? Тѣмъ болѣе, что настоящія учрежденія до того нелѣпы, что выставить ихъ нелѣпость можно только съ большою осторожностью и тактомъ.

23 числа, согласно прозрачнымъ намекамъ Дюгамеля, мы отправились въ такъ называемую загородную рощу, гдѣ высшій омскій кругъ устроилъ празднество въ пользу школъ и пріюта. Загородная роща узурпировала свое названіе. Это, именно, поляна на берегу Иртыша, поляна, окруженная лѣсомъ; она затѣйливо обнесена рѣшеткой изъ березовыхъ палокъ. Въ срединѣ, лѣтнее мѣстопребываніе клуба — дурная деревянная постройка. Въ разныхъ мѣстахъ стояли столы съ самоварами, угощали знатныя барыни. Въ юртахъ устроены лотереи. Я издержалъ болѣе 25 руб. на лотерейные билеты. Тутъ же гуляли въ саду воспитанницы изъ такъ называемаго пріюта, въ устройствѣ котораго принималъ дѣятельное участіе Г-й. Дѣти бросались къ нему на встрѣчу со знаками полнѣйшей преданности.

24 числа обѣдали у Солодовникова, а вечеромъ я и

предсѣдатель коммисіи были на вечерѣ у Пеллено. Онъ разсказывалъ про открытый недавно заговоръ и отзывался о Потанинѣ, какъ о человѣкѣ рѣшительномъ и очень свѣдущемъ. Пеллено предложилъ ему покаяться. Потанинъ спросилъ его въ чемъ ему раскаяваться—если въ желаніи освободить Сибирь, то это не преступленіе, а результатъ его убѣжденій; но что онъ своихъ убѣжденій не скрываетъ, а разскажетъ ихъ совершенно чистосердечно. Послѣ того онъ сѣлъ за бумагу и нѣсколько дней описывалъ тѣ обстоятельства, изъ которыхъ, по его мнѣнію, вытекаетъ необходимость отдѣлить Сибирь. Щукинъ также самостоятеленъ.

25-го іюля. Послѣ обѣда мы выѣхали въ путь на Ишимъ. Чтобы добраться до Петропавловска, отстоящаго отъ Омска на 280 верстъ, нужно было ѣхать на Ишимъ 319 верстъ и потомъ на Петропавловскъ, т. е. сдѣлать еще 160 верстъ Но прямо нельзя было ѣхать. Въ землѣ Сибирскаго войска на почтовыхъ станціяхъ пали всѣ лошади. Падежъ скота, этотъ бичъ Сибири, сталъ особенно часто повторятьса въ послѣднее время. Обыкновенно, какъ говорятъ, зараза или повальныя болѣзни начинаются въ 4 или 5 полку и потомъ опустошаютъ смежныя страны. Наиболѣе падежъ свирѣпствуетъ между Омскомъ и Петропавловскомъ. Причина едва ли не кроется въ территоріальныхъ условіяхъ казачьей земли. Отъ рѣки Ишима (близъ Петропавловска) до Омска тянется съ запада на востокъ непрерывный рядъ большихъ и малыхъ озеръ, поражающихъ окрестный воздухъ зловредными міазмами. Вода въ нихъ нечиста отъ органическихъ веществъ и мошекъ до такой степени, что люди не могутъ ее пить иначе, какъ фильтруя органическимъ углемъ. Лѣтомъ скотъ пьетъ эту кашу, что, конечно, не можетъ обойтись безнаказанно. Народъ иначе объясняетъ себѣ причины заразы и повальныхъ болѣзней:

«Мошкара, оводы да комары заѣдаютъ скотину. Около самаго Петрова дня станутъ они ее кусать; почнетъ, это, скотина скучать, жалиться, корму не ѣстъ, и тоскуетъ она и мучится, доколѣ шишки по всему тѣлу не выступятъ, а тамъ, дня черезъ два, три и начнетъ вываливаться»—вотъ что говорятъ казаки. Можетъ быть, скотину заѣдаетъ и мошкара; а можетъ быть казаки принимаютъ признаки вредной для скота мѣстности за причину падежа и заразы. Около стоячей воды много и комаровъ и оводовъ, и чѣмъ мельче вода, чѣмъ больше испаряетъ она міазмовъ, тѣмъ болѣе насѣкомыхъ въ окрестной мѣстности, потому число ихъ можетъ служить мѣриломъ того, до какой степени извѣстная мѣстность вредна скоту.

Въ нынѣшнемъ году падали только лошади, и преимущественно въ казачьихъ земляхъ, но такъ сильно, что многіе почтосодержатели по горькой линіи лишились почти всѣхъ своихъ лошадей. «Лечите-ли вы больную скотину?»—спрашивали мы казаковъ.—«Какже-съ: холодники съ дымниками строимъ, окуриваемъ въ нихъ скотину; во рту и подъ пахами у ней дегтемъ мажемъ; на высокія мѣста выгоняемъ»...

Карантинная линія, фиктивно существующая между казачьей землею и киргизской степью, даже a priori не достигаетъ своей цѣли, потому что въ степи не появляется зараза, вслѣдствіе самозарожденія, между тѣмъ постоянные карантины, давая хлѣбъ начальникамъ ихъ, крѣпко тормозятъ торговлю

При выѣздѣ изъ Омска, весь пріютъ вышелъ на дорогу, чтобы проводить Г-го. Полуодѣтыя дѣвочки-сиротки плакали, цѣловали старика. «Прощайте, папаша! благословите насъ!»—кричали онѣ уже когда плачущій Г-й садился обратно въ тарантасъ. Славный онъ человѣкъ! Неожиданная и безкорыстная овація растрогала меня до слезъ и я пожалъ отъ души руку Г-му.

26-го іюля. Вчера ночевали въ деревнѣ Крутовѣ. Я пошелъ съ вечера на охоту. Молодой парень досталъ душегубку и мы ѣздили по озеру до глубокой ночи Я дѣлалъ множество промаховъ и убилъ трехъ негодныхъ гагаръ и одну большую утку. Во время дороги къ Ишиму, Г-й въ разговорѣ выразилъ новую, но, какъ мнѣ кажется, вѣрную мысль:

«Курдюкъ степныхъ овецъ и горбы верблюдовъ, какъ мнѣ кажется, предназначены для питанія животныхъ во время голода и зимою. Оттого они такъ и крѣпки. Курдюкъ и горбы—результатъ постоянныхъ нуждъ, перемежающихся съ избыткомъ—суть результаты степной жизни и страховыя преміи отъ голодной смерти. Мнѣ кажется, если переселить нашу овцу въ степь, то съ теченіемъ времени она выродится въ курдючную».

Нѣсколько станцій южнѣе города Ишима степь начинаетъ оголяться. Деревьевъ попадается еще меньше, горизонтъ расширяется еще болѣе и становится еще ровнѣе. Не доѣзжая до Петропавловска, мѣстность принимаетъ совершенно степной видъ. Ровная, травянистая гладь разнообразится только табунами степныхъ овецъ, подгоняемыхъ оборванными киргизами. Къ сѣдлу каждаго изъ нихъ прикрѣплена длинная укрючина такъ, что конецъ, противоположный аркану, тянется по землѣ. Въ это время всегда прогоняются гурты овецъ и рогатаго скота съ «тайнчикульской» ярмарки въ Курганъ, Ишимъ или Екатеринбургъ.

27-го іюля. Ночевали въ Ишимѣ и утромъ выѣхали по направленію въ Петропавловскъ. Слѣва тянулись высокіе берега Ишима; до нихъ верстъ съ двадцать пять, между тѣмъ какъ при весеннемъ разливѣ вода достигаетъ до дороги. Обширный, ровный какъ бархатъ, зеленый лугъ тянулся до далекихъ высотъ. На лугахъ паслись огромные табуны лошадей и скота. Ровный лугъ испещренъ озерами и рукавами, оставляемыми разливомъ;

на нихъ плавали въ огромномъ количествѣ дикія утки и гуси. Справа отъ дороги, изрѣдка, разбрасывались группы деревьевъ. Общее впечатлѣніе всего ландшафта, съ огромнымъ горизонтомъ во всѣ стороны, съ этими стадами, съ видомъ деревень, встрѣчающихся на этомъ пути весьма часто,—самое пріятное. Рѣзкій запахъ полыни и степныхъ травъ наполняетъ легкія такимъ воздухомъ, что дѣлается весело и хорошо. Богатая эта страна и будетъ она житницею Сибири, если будетъ колонизована, какъ слѣдуетъ.

28-го іюля. Ночевали неожиданно въ деревнѣ Красноярской. Пріѣхали туда вчера вечеромъ, и, несмотря на предупрежденіе генералъ-губернатора, не нашли готовыхъ лошадей. Всѣ ямщики были пьяны и поглядывали подозрительно. По пути всѣ купцы говорили, что отъ Петропавловска до Ишима живетъ народъ—воръ и мошенникъ. Привлеченные любопытнымъ видомъ огромнаго поѣзда, несущагося во весь духъ, крестьяне собрались у станціи. Мы посмотрѣли на нихъ, сообразили, что лошадей собрать трудно и некому, а потому рѣшились остаться ночевать. Сегодня по пути тотъ же видъ, что и вчера,—видъ привлекательный и веселый.

Около обѣда пріѣхали въ Петропавловскъ. Городъ издалека кажется очень красивымъ. Красивый соборъ и нѣсколько мечетей смѣло рисовались на чистомъ небѣ. Ишимъ, который мы переѣхали на прошлой станціи, поднималъ свой берегъ съ правой стороны дороги и закрывалъ ландшафтъ. Только изрѣдка горизонтъ, расширяясь, отъ зеленаго постепенно переходилъ въ синесѣрый.

Въ Петропавловскѣ мы начали съ того, что осмотрѣли таможню. Таможенная линія отдѣляетъ у Петро павловска подвластныхъ намъ киргизовъ отъ остальной Россіи. Большой караванный дворъ, гдѣ осматриваются

товары, отдѣленъ оградой отъ мѣнового двора, гдѣ въ отдѣльныхъ лавкахъ навалены азіатскіе товары: чай, мѣха, мерлушки, бумажная ткань, пряжа, хлопокъ и проч. Близъ таможеннаго домика старый—престарый солдатъ осматриваетъ киргизовъ, скачущихъ изъ города въ степь и изъ степи въ городъ. Начальникъ сибирской таможенной линіи указывалъ намъ на то обстоятельство, что на тысячу-верстную пограничную линію для наблюденія за контрабандою у него только 159 нижнихъ чиновъ, которые должны охранять отечественныя мануфактуры отъ соперничества средне-азіатскихъ товаровъ. Среднеазіатцы, пользуясь тѣмъ, что при переходѣ нашей дѣйствительной границы, ихъ никто не осматриваетъ, входятъ въ нашу таможню только тогда, когда на торжкахъ, ярмаркахъ и по волостямъ успѣютъ распродать по мелочамъ часть своего товара. Иногда они успѣваютъ спустить нѣсколько вьюковъ и оптомъ. Такимъ образомъ, по всей сибирской линіи едва успѣваютъ набирать до 50,000 чистаго дохода, выключая изъ всего сбора съ товаровъ до 35,000, слѣдующихъ на содержаніе таможеннаго вѣдомства.

Здѣсь распространилось свѣдѣніе о томъ, что въ Оренбургѣ и Троицкѣ наложено амбарго на бухарскіе товары и что бухарскіе купцы задержаны въ таможняхъ. Причина та, что эмиръ объявилъ войну Россіи и угрожаетъ Черняеву. Едва-ли не было столкновенія между обоими войсками.

Купецъ, изъ касимовскихъ татаръ, Гассанъ, у котораго мы остановились, говорилъ, что носятся слухи, будто всѣ киргизы Туркестанской области возстали, что Чемкентъ, Туркестанъ и Ташкентъ отняты у насъ обратно. . и что бухарцы вступили въ наши предѣлы. Неужели это такъ? Неужели нужны будутъ новыя усилія, новыя жертвы, новыя траты, чтобы окончательно утвердиться въ Средней Азіи?.. Я всегда былъ врагомъ на-

шихъ пріобрѣтеній отъ Кокана и Бухары; но чувствую что теперь, въ виду грозящей намъ опасности, отступить нельзя. Наоборотъ; если вѣрно, что возстаніе успѣшно, если дѣйствительно, что Черняевъ терпитъ неудачи,—намъ нужно собрать силы и пушками открыть средне-азіатскіе рынки нашимъ произведеніямъ. Во всякомъ случаѣ Бухару нужно такъ наказать, чтобы испугать всю Среднюю Азію. Воспользовавшись этимъ, мы можемъ поправить наши финансы. Истина скоро обнаружится, мы хотѣли вѣдь ѣхать въ Чемкентъ.

Сегодня я купался въ Ишимѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ смылъ съ себя дорожную грязь. Спускаясь къ рѣкѣ, я осмотрѣлъ городъ. Лучшая часть построена внизу, около самой рѣки. Соборъ очень красивъ. Есть нѣсколько каменныхъ зданій, по преимуществу принадлежащихъ татарамъ, большею частію касимовскимъ.

29-го іюля. Сегодня осматривали, т.-е. лучше сказать, предполагали осмотрѣть карантинъ. Командиръ казачьяго полка, онъ же и начальникъ карантина, цинично показалъ намъ на зеленое неистоптанное поле и сказалъ: «пригоняемый скотъ осматривается здѣсь». П. осмотрѣлъ въ лорнетъ ровное поле и сказалъ: «Я рѣдко видѣлъ такой прекрасный лугъ». Мы едва сдерживали улыбку.

— «Какъ же вы поступаете, когда скотъ оказывается больнымъ?»—спросилъ Г.

— Мы его отдѣляемъ, отгоняемъ далѣе въ степь и лечимъ на счетъ хозяина.

Впрочемъ, впослѣдствіи мы узнали про карантины много интереснаго. Такъ какъ, благодаря карантиннымъ порядкамъ, гурты нужно было бы задерживать весьма долго, то обыкновенно владѣльцы гуртовъ или ихъ приказчики торопятся поскорѣе, ѣдутъ, оставляя свои гурты не доходя до линіи, являются въ городъ, кланяются казачьему полковнику, членамъ ратуши, получаютъ би-

летъ на пропускъ и прогоняютъ безпрепятственно гурты черезъ пограничную черту и городъ. Общество Петропавловска налагаетъ еще отъ себя подать на прогоняемый скотъ. По пути киргизы попутныхъ волостей тоже собираютъ подати за прогонъ скота; отъ границы степей собираютъ всѣ, кто можетъ, до самаго Петербурга и скотъ является съ упятеренною цѣною для окончательнаго потребленія.

Какъ осязательное доказательство страха, внушаемаго формальностями и бюрократіей, служитъ огромная ярмарка, образовавшаяся у Тайнчикуля сама собою. «Тайнчи» темнокъ, «куль» озеро. Вода въ озерѣ прекрасная. Оттуда проложились пути къ Прѣсногорьковской таможнѣ, Петропавловску, Николаевску. Ярмарка продолжается съ 1-го іюля по 1-е сентября. Пригоняется до 600,000 овецъ, рогатаго скота до 30,000, лошадей менѣе. Про существованіе этой ярмарки «сатовки» власти и не подозрѣвали; кажется, и до сихъ поръ, она не показывается въ отчетахъ, хотя про ея существованіе знаютъ такъ же въ Екатеринбургѣ, какъ въ Шадринскѣ, Тюмени и Курганѣ. 29-го іюня начинается ярмарка оффиціальнымъ образомъ въ Петропавловскѣ; въ послѣднее время Тайнчикульская убила совершенно Петропавловскую. Первая ярмарка, вѣроятно, видоизмѣненная Петропавловская, только убѣжавшая въ степи отъ заставъ, карантина, городничаго и чиновника. Потому съ каждымъ годомъ она становится значительнѣе.

Касимовскіе и казанскіе татары ежегодно пріѣзжаютъ въ Петропавловскъ, чтобъ поселяться здѣсь. Такимъ образомъ, магометанскій элементъ постепенно, но постоянно беретъ верхъ надъ православнымъ. Къ тому же они обращаютъ серьезное вниманіе на образованіе своихъ дѣтей. На магометанское населеніе Петропавловска существуетъ семь школъ, тогда какъ въ городѣ существуютъ только двѣ православныя школы: одна для маль-

чиковъ, другая для дѣвочекъ. Въ магометанскихъ училищахъ воспитываются даромъ, на счетъ мусульманскаго городского общества, до 150 киргизскихъ мальчиковъ. Что же это дѣлаемъ мы, русскіе?! Неужели намъ нельзя выдержать борьбу и съ татарскою національностью. А вотъ горестный разсказъ Гассана Мугаметовича Сутюшева объ открытіи женской школы: «Третьяго года пріѣхалъ Петровъ, чиновникъ губернатора, и просилъ открыть школу. Купецъ Гласковъ, человѣкъ капитальный, положилъ 300 рублей серебромъ; купецъ Муратовъ, 100 рублей серебромъ; когда очередь дошла до меня, я отказался дать, и на томъ основаніи, что теперь соберется много денегъ, на слѣдующій годъ поменьше, а тамъ и ничего. Такъ и вышло. Въ первый годъ собрали 900 рублей серебромъ; прошлый 650; а теперь менѣе 300. Я не далъ еще и потому, что у насъ, у магометанъ, есть довольно школъ. Хотя мы и вѣрноподданные, но русское общество пусть думаетъ о себѣ само». Такимъ образомъ, вѣроятно, одна изъ двухъ русскихъ школъ скоро закроется.

31-го іюля. Вечеромъ мы собрали нѣсколько купцовъ, касимовскихъ татаръ, и составили сѣть дорогъ, по которымъ они гоняютъ скотъ изъ киргизской степи. Я могъ замѣтить много антагонизма между русскимъ и татарскимъ обществомъ.

Свѣдѣнія о волненіи на нашей границѣ подтверждаются. Въ городъ пріѣхалъ киргизъ, бывшій проводникомъ у Щетинина, офицера генеральнаго штаба, открывающаго по приказанію Дюгамеля прямое сообщеніе изъ Актау въ Туркестанъ. Онъ говоритъ, что Щетининъ не могъ ѣхать далѣе Актау, опасаясь шаекъ возставшихъ киргизовъ. Чтобы убѣдиться въ вѣрности слуховъ, онъ посылалъ разъѣздъ на развѣдки къ Голодной степи. Киргизъ говоритъ, что разъѣздъ принесъ

Щетинину неутѣшительныя свѣдѣнія. Начальникъ таможенной линіи прислалъ къ намъ караванъ-баша Юлбарса, ташкентца, котораго караванъ пришелъ еще въ январѣ. Онъ показалъ намъ охранный листъ, выданный ему Маля-Ханомъ, бывшимъ коканскимъ ханомъ. Выписываю его, какъ типичный образчикъ азіатскаго краснорѣчія:

Богъ вездѣсущъ, всевѣдущъ.

«Указъ мощнаго, побѣдоноснаго хана Сентъ-Мугаметъ-Маля-Хана. Богъ всемогущъ, премудръ, Его божественное величіе, благословеніе и чудныя дѣйствія видны во всѣхъ твореніяхъ учрежденіемъ для каждаго своихъ законовъ и попеченіемъ Его о ихъ соблюденіи. Сказано въ Алкоранѣ: «Всевышній Творецъ дары и благословенія свои посылаетъ тому изъ твореній, кого самъ изберетъ достойнымъ, и паки отнимаетъ и унижаетъ по святой своей же волѣ». Такъ, нынѣ, Его велѣніемъ, Мы возведены на степень Ханскую для наблюденія и охраненія владѣнія сего и по предопредѣленію Его же одарены величіемъ и силою для исполненія установленныхъ правилъ, осѣненія защиты ввѣреннаго намъ народа и по таковому-то пути Ханъ и долженъ оказывать правосудіе, великодушіе и благоволеніе подвластному ему народу. По внимательному разсмотрѣнію, Мы узнали нынѣ, что въ народѣ Нашемъ есть многіе мужи искренно и чистосердечно преданные своему владѣнію и Хану. пекущіеся съ великимъ раченіемъ и усердіемъ о благосостояніи и благоденствіи отечества и Хана, готовые, не щадя даже и самой жизни, покатываться, какъ шаръ, по городамъ, селамъ и необитаемымъ степямъ, для поддержанія силы и доставленія общей пользы. Изъ числа такихъ мужей представляется Миръ-Юлбарсъ и Мы во изъявленіе къ нему Ханской милости и высокаго Нашего благоволенія, по прежнимъ его правамъ, пожаловали его, Миръ-Юлбарса, въ достоинство Караванъ-баша

и Аксакала (старѣйшины). Потому всѣ торговцы нашего владѣнія и въ особенности города Ходжента, какъ на мѣстѣ своего жительства, такъ и во время путешествія въ другихъ городахъ, селеніяхъ, гдѣ будутъ имѣть временное пребываніе, должны признавать его надъ собою Караванъ-башемъ и Аксакаломъ, оказывать ему достодолжное почтеніе, уваженіе и повиноваться справедливымъ его приказаніямъ. Сверхъ того, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ торговцамъ, находящимся въ пути слѣдованія и равно пребывающимъ на мѣстѣ жительства въ городѣ Ходжентѣ, чтобы въ случаѣ могущаго возникнуть между ними какого-нибудь спорнаго дѣла и претензіи, обращаться къ нему, Миръ-Юлсбарсу, и какое онъ, по обстоятельству дѣла, рѣшеніе учинитъ, тому повиноваться безпрекословно. Притомъ, на основаніи древнихъ постановленій, освободить Миръ-Юлбарса отъ дани (зякета) и другихъ разныхъ поборовъ, отнюдь таковыхъ не требовать съ него. О таковой Нашей волѣ даемъ знать и отъ сего высокаго Нашего Ханскаго повелѣнія не отступать; всякій же, кто увидитъ это высокое Наше повелѣніе, безъ сомнѣнія долженъ вѣрить и почитать его дѣйствительнымъ. Писано въ лѣто по Эгирѣ 1275 мѣсяцъ Джумадши-Аваль, котораго рожденіе было въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года. На подлинной грамотѣ приложена именная печать Сентъ-Мугаметъ-Маля-Хана. Переводилъ титулярный совѣтникъ Курбатовъ».

Миръ-Юлбарсъ разсказывалъ, что въ октябрѣ прошлаго года онъ шелъ съ караваномъ отъ Ходжента къ Ташкенту и здѣсь былъ задержанъ русскими войсками. Его привели къ Черняеву. Разспросивъ его, откуда и куда онъ идетъ и какіе товары онъ везетъ, Черняевъ далъ ему пропускной видъ, сказалъ, что войска могутъ драться между собою, но что Государь Россіи всегда покровительствуетъ торговлѣ и отпустилъ его. Миръ-Юлбарсъ еще не тронулся въ путь, когда Черняевъ по-

терпѣлъ неудачу подъ Ташкентомъ и сталъ отступать къ Чемкенту. Вскорѣ въ Ташкентъ вступилъ Мулла-Аламъ-Кулъ съ войсками. Миръ-Юлбарсъ отправился къ нему и разсказалъ свой разговоръ съ Черняевымъ Алимъ-Кулъ, вѣроятно пристыженный подобнымъ примѣромъ, отпустилъ караванъ въ Россію.

Подойдя къ Акмаламъ, караванъ-башъ былъ остановленъ городничимъ, который объявилъ, что вслѣдствіе войны съ Коканомъ онъ арестовываетъ караванъ. Дѣйствительныя причины арестованія обнаружились скоро, послѣ просьбы городничаго дать ему за пропускъ 200 рублей. Юлбарсъ показалъ видъ, данный Черняевымъ. Городничій отвѣчалъ, что ему нѣтъ дѣла до Черняева. Напрасно Юлбарсъ говорилъ, что онъ пойдетъ прямо въ Петропавловскую таможню. Все было тщетно. Караванъ былъ задержанъ 11 дней и отпущенъ только за 50 рублей. За эту плату онъ опоздалъ къ Ирбитской ярмаркѣ. По пріѣздѣ въ Петропавловскъ, Юлбарсъ жаловался начальнику таможенной линіи. Вслѣдствіе того присланъ чиновникъ отъ генералъ-губернатора, который задерживаетъ его въ Петропавловскѣ до окончанія дѣла; этого же окончанія не предвидится, а Юлбарса требовали уже нѣсколько разъ къ слѣдователю. Юлбарсъ имѣлъ осторожность взять въ Акмалахъ отъ приказа свидѣтельство, что караванъ задержанъ городничимъ. Сколько вездѣ дѣлается гадостей!

Свѣдѣнія о волненіяхъ оказываются переиначенными. Офицеръ генеральнаго штаба, выѣхавшій изъ Актау, съѣхался на р. Чу съ офицеромъ корпуса топографовъ, прибывшемъ изъ Каракаловъ, и оба послали вѣрныхъ людей въ Чемкентъ, чтобы разспросить о положеніи дѣлъ. Посланные вернулись и донесли, что вся страна въ полномъ возстаніи. Киргизъ, бывшій въ свитѣ офицера генеральнаго штаба и слышавшій это самъ, пріѣхалъ въ настоящее время въ Петропавловскъ.

1-го августа. Переѣхали черезъ таможенную черту. Впереди скакалъ нескладный казакъ, неловко подпрыгивающій на сѣдлѣ и мотающій локтями.

За линіею раскинулась ровная, безграничная степь. У самой дороги еще различаешь неровности мѣстности, а тамъ, впереди и сзади, и по бокамъ, «широко пораскинулась», ровно и гладко легла зеленая степь, принимающая темный оттѣнокъ, по мѣрѣ приближенія къ горизонту. Малѣйшія на ней возвышенія уже очень замѣтны и много разъ, во время нашего странствованія по степямъ случалось предполагать издалека значительныя высоты тамъ, гдѣ, подъѣзжая, видишь только небольшой холмъ. Часто примешь табунящіяся къ отлету стада дрохвъ за стада овецъ; одиноко бѣгущую въ степи собаку—за волка; сидящую на бугоркѣ ворону—за дрохву. Опредѣлить въ степи разстояніе трудно. Киргизы измѣряютъ его такъ, какъ тутъ всего сподручнѣе измѣрять—голосомъ. «Чакрымъ» — разстояніе, на которомъ, съ киргизскими легкими и слухомъ, слышенъ голосъ человѣка. Чакрымъ, по мнѣнію киргизовъ, равняется нашей верстѣ. Впрочемъ, намъ много разъ приходилось убѣждаться, что понятіе о разстояніи у киргизовъ весьма неопредѣленно.

Изрѣдка, по бокамъ дороги, попадаются озера, съ многочисленными на нихъ стадами дикихъ утокъ и гусей, поросшія по берегамъ частымъ камышемъ.

Теперь пропали даже рѣдкіе кусты березы. Полынь, росшая въ изобиліи до Петропавловска, здѣсь также пропадаетъ; вмѣсто нея изъ почвы выглядываетъ пучкообразный кипецъ, — говорятъ, самый лучшій кормъ для скота.

На горизонтѣ степи показывались, по временамъ, группы всадниковъ, разъѣзжающихъ то шагомъ, то несущихся быстро по ровной скатерти степи. Кажется будто ѣдешь ко двору какого-нибудь монгольскаго

императора, такъ вѣрны описанія Марко-Поло, Плано-Карпини, Арцелина и Рубриквиса. Когда попадешь въ такую страну, жители которой живутъ такъ же, какъ жили нѣсколько столѣтій тому назадъ; которыхъ пища, одежда, постройка жилищъ и весь внутренній бытъ остались тѣ же самые, то невольно кажется будто все это, невиданное раньше, совершенно знакомо. Умъ невольно обращается ко времени, когда послы отдаленнѣйшихъ государствъ считали за честь предстать предъ ставку владыкъ полуміра... А теперь?.. и невольно останавливаешь свое вниманіе на сутуловатой и, повидимому, нескладной фигурѣ ямщика киргиза. «Гайда! Гайда!» говоритъ Новиковъ, — и потомокъ владыкъ всей Азіи хлещетъ тройку, которая брыкается и рвется изъ непривычной ей упряжи

Видъ моего ямщика меня очень занялъ. Это дикарь во всей своей безобразной дѣвственности. Глаза, — глаза пещернаго человѣка геологовъ и археологовъ — блестѣли какимъ-то лисичьимъ блескомъ изъ узкихъ, косо разрѣзанныхъ щелей. Бормоча что-то Новикову, онъ показываетъ зубы, блестящіе, какъ лучшій перламутръ. Узкій лобъ отброшенъ назадъ; голова широкая, переносье придавленное; скулы особенно развиты... недалеко ушелъ онъ отъ шимпанзе.

По временамъ на горизонтѣ показывались будто насыпныя кучки одинаковой величины и вида, — это небольшіе аулы. Кругомъ бродили лошади, скотъ и къ аулу или отъ него непремѣнно скакало или мѣрно двигалось нѣсколько фигуръ, высоко сидящихъ на спинахъ маленькихъ лошадокъ. Когда подъѣзжаешь ближе, можно разсмотрѣть уродливую шапку, коротко подобранныя въ стременахъ ноги, а въ рукахъ большую нагайку. Всадники съѣзжаются вмѣстѣ, разъѣзжаются; то скачутъ вмѣстѣ, будто кавалерійскій разъѣздъ, то останавливаются, говорятъ про что-то и поѣдутъ себѣ, вы-

строившись рядомъ. У этихъ людей всѣ обычаи просты и дики и живутъ они себѣ неизвѣстно зачѣмъ, плодясь и размножаясь до какой-нибудь эпидеміи, которая поуменьшитъ ихъ число; живутъ, пріумножая стада, потягивая кумысъ, затѣмъ только, чтобы и правнуки пили такой же точно кумысъ и также увеличивали бы стада, полагаясь во всемъ на то только, что природа даетъ въ сыромъ видѣ... Даже нѣтъ нѣмыхъ памятниковъ ихъ бывшаго величія, ихъ прошлой жизни.

А вотъ въ сторонѣ что-то весьма страннаго вида. Это нѣсколько могилъ. Однѣ сдѣланы изъ дерна, другія—изъ бревенчатыхъ срубовъ. Первыя величиною около сажени, высотою, какъ мнѣ казалось, до аршина съ усѣченными четыреугольными пирамидками изъ дерна же по угламъ. Срубы, четыреугольные же въ основаніи, нескладно съуживаются кверху. Могилы — единственные остатки прошлаго.

Верстъ за 15 отъ Петропавловска стали попадаться небольшія рощицы карявыхъ березокъ, на половину вырубленныхъ пригородными киргизами. Гирей, татарскій петропавловскій купецъ, поѣхавшій проводить насъ до Балтабая, говоритъ, что киргизы снабжаютъ дровами весь Петропавловскъ. Попадались и солончаки или солонцы. Они тутъ незначительны. Плотная, сухая масса земли, обращающаяся весною въ непроходимую грязь, совершенно лишена зелени. Кое-гдѣ въ промоинахъ солонцы бѣлѣютъ выступившею солью.

Обернувшись ко мнѣ и оскаливъ всѣ свои зубы, ямщикъ показалъ нагайкой на аулъ. Что ему нужно? спросилъ я Новикова.—«Должно быть станція».—Дѣйствительно Новиковъ угадалъ. Недалеко отъ аула стояла юрта, разбитая для нашего пріема. Около стояло до двадцати лошадей—перемѣна подъ наши экипажи.

Аулъ, который мы проѣхали, какъ и всѣ пригородные, бѣденъ. Это можно заключить потому, что всѣ

юрты закопчены и не видно ни одной кибитки изъ бѣлыхъ кошемъ, дорогихъ по сравненію съ болѣе темными.

Провозившись съ запряжкою добрый часъ, мы тронулись далѣе. Мой тарантасъ ѣхалъ впереди. Передъ лошадьми скакалъ баши, проводникъ, испуская для одобренія коней какіе-то дикіе звуки. Эти звуки, съ какою-то дикою же удалью, подхватили всѣ, ямщики, баши и скакавшіе съ запасными конями по бокамъ нашего поѣзда. Лошади подхватывали. Съ гикомъ и воплемъ неслись всадники, одни полуобнаженные, другіе укутанные въ тулупы и мѣховыя шапки, выражая то наслажденіе, которое, понятно, долженъ чувствовать человѣкъ, выросшій на лошади, когда онъ несется во весь опоръ противъ вечерняго воздуха, пропитаннаго ароматомъ степныхъ травъ... Вдругъ страшное зловоніе поразило насъ, когда мы проѣзжали сквозь маленькую березовую рощу... Изъ-за деревьевъ съ дружнымъ лаемъ, бросилось на насъ стадо полудикихъ собакъ. Вѣроятно, это была падаль.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Отъ земли, отсырѣвшей вслѣдствіе дождей, шедшихъ наканунѣ, поднимался такой густой туманъ, что низъ всѣхъ предметовъ, казалось, былъ потопленъ въ водѣ. Туманъ сталъ осязательнѣе; воздухъ холоднѣе. Вдалекѣ мелькали чуть замѣтно огоньки ауловъ, разбросанныхъ около озеръ.

Послѣ долгой ѣзды мы увидѣли огонь около дороги и дикіе голоса, начавшіе кричать намъ, когда сталъ слышенъ колокольчикъ. Это юрта, разбитая для нашего ночлега. Въ юртѣ дымъ и чадъ отъ разложеннаго въ серединѣ костра. Чтобы выбросить полѣнья, разставить постели и напиться чаю, нужно было около двухъ часовъ времени.

Во время чаепитія былъ позванъ аульный старшина для разспросовъ по разнымъ предметамъ, касающимся киргизской жизни. Онъ испугался столькихъ *засѣдате-*

лей (они не представляютъ себѣ иначе власть) и сталъ прозрачно лукавить.

Гирей пояснилъ, что всякій въѣзжающій въ первый разъ въ степь, по мѣстному обычаю, долженъ угостить всѣхъ присутствующихъ на славу. Это называется танатъ-агаръ.

2-го августа. Сегодня мы пробыли полъ дня на мѣстѣ, имѣя резиденцію у озера Убалы въ весьма неказистой юртѣ. Утромъ, когда еще всѣ спали, я отправился гулять по берегамъ озера. Ничего не убилъ, за то перемокъ весь и весь же былъ изъѣденъ комарами.

Въ сосѣдствѣ съ озеромъ кочуютъ киргизы Бабасанскаго рода Богишевскаго племени. Однимъ изъ зажиточнѣйшихъ между ними считается киргизъ Алтай. Мы пригласили его и, напившись чаю, отправились осматривать его зимовое стойбище или попросту зимовку.

Передъ отъѣздомъ я въ первый разъ въ жизни попробовалъ кумысъ, привезенный Алтаемъ. Кумысъ похожъ и на квасъ, и на кислое молоко, и на сыворотку; но въ немъ есть какая-то на первый разъ непріятная острота и чувствуется, можетъ быть въ воображеніи, вкусъ кожи. Послѣ двухъ чашекъ, выпитыхъ мною, я почувствовалъ весьма странное возбужденіе, похожее на веселое состояніе.

По пути къ зимовкѣ Алтая одинъ изъ нашихъ спутниковъ упалъ съ лошади, которая понеслась къ лѣсу. Я съ киргизомъ-провожатымъ поскакалъ за нею, чтобъ отогнать ее въ поле.

Болѣе семи верстъ несся я по гладкой, ровной и пустынной степи и лошадь постоянно была впереди. Наконецъ она вмѣшалась въ стадо кобылъ, приготовленныхъ для доенія около небольшого аула, раскинувшагося близь какого-то озера. Я слѣзъ съ лошади, чтобы отдохнуть. Меня моментально окружила толпа

киргизовъ всякаго возраста, грязныхъ женщинъ, дѣтей, одѣтыхъ во вкусѣ Адама, и дѣвушекъ. Между ними я замѣтилъ одну, весьма хорошенькую, но она была грязна—въ грязномъ ситцевомъ балахонѣ, грязныхъ сапогахъ и еще неприлично чесалась, чтобы уничтожить всякое порядочное впечатлѣніе. Окружавшіе меня смотрѣли на меня съ наивно дѣтскимъ любопытствомъ и, сколько я могъ догадываться, удивлялись вслухъ платку, которымъ я утиралъ потъ, цѣпочкѣ, часамъ, и т. д. Я попросилъ кумысу, произнеся нѣсколько разъ слово «кумысъ». Меня отвели въ болѣе опрятную юрту. Внутренность была крайне грязна. Прямо противъ входа была сложена постель изъ нѣсколькихъ рядовъ кошемъ. Постель закрывалась пологомъ. На стѣнѣ юрты, надъ постелью, былъ повѣшенъ коверъ. Посрединѣ юрты куча пеплу отъ горѣвшаго огня и таганъ. По стѣнамъ—сундуки и разная утварь. Недалеко отъ потухшаго костра лежалъ на кошмахъ больной мужчина, со всѣми признаками горячки. Отвратительная старуха подала мнѣ полоскательную чайную чашку, наполненную кумысомъ. Наверху плавалъ соръ. Я пилъ не безъ омерзенія.

Между тѣмъ лошадь поймали и мы съ киргизомъ поскакали къ зимовкѣ Алтая. Это просто порядочная хата съ досчатымъ поломъ и потолкомъ, со сносными окнами и стѣнами. Тамъ, въ этой хатѣ, переводчикъ Ибрагимовъ, переводя вопросы коммисіи, засыпалъ Алтая такимъ количествомъ словъ, что старикъ былъ на время приведенъ въ недоумѣніе. Послѣ продолжительныхъ разспросовъ, коммисія формулировала такимъ образомъ его отвѣты:

Роды не пересѣкаютъ свои территоріальныя границы. Каждая волость (по положеніямъ Сперанскаго) по преимуществу составляется изъ ауловъ одного и того же рода. Границы лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ каждаго рода составляютъ и границы ихъ территоріальныхъ владѣній. Самъ Алтай принадлежитъ къ Бабасанъ-

Богишевскому роду (Бабасанской волости). Зимовки переходятъ изъ рода въ родъ по наслѣдству безъ раздѣла. Зимовки, принадлежащія поколѣніямъ, подраздѣляются по семействамъ. Подраздѣленіе зимовокъ производится между родственниками по указаніямъ родоначальниковъ, но владѣніе зимовками не закрѣпляется ни сборомъ свидѣтелей во время ввода во владѣніе, ни какими бы то ни было оффиціальными актами. Въ случаѣ споровъ, возникающихъ между родичами по зимовкамъ, аульный старшина, по требованію родоначальника, созываетъ аулъ. Въ случаѣ, если родоначальникъ не можетъ рѣшить спора, дѣло передается на рѣшеніе умному, уважаемому вліятельному человѣку (бію). Въ случаѣ недостатка земли на зимовкѣ, недостатка, происходящаго отъ размноженія народонаселенія или стадъ, зимовки нанимаются для покоса, стойбища. Иногда зимовки и захватываются у другихъ родовъ. Прежде, до введенія въ дѣйствіе положенія Сперанскаго или, какъ выразился Алтай, до приказовъ, когда земля фактически принадлежала киргизамъ, жившимъ на ней, зимовки покупались у владѣльцевъ большихъ территоріальныхъ участковъ. Въ случаѣ поземельныхъ споровъ отдѣльнаго лица съ киргизомъ, смотря по количеству къ нему симпатіи и уваженія, претензію его поддерживалъ либо цѣлый родъ, либо аулъ, либо родственники. Дѣла подобнаго рода рѣшаются судомъ біевъ. Женщины не наслѣдуютъ поземельную собственность. Все это дѣлается по обычному, никогда не писанному праву. Лѣтнія кочевки занимаются въ родовой территоріи по волостямъ и ауламъ. Кто первый занялъ извѣстную мѣстность, тотъ и пользуется окрестными пастбищами. Постоянныхъ лѣтовокъ для ауловъ не бываетъ, по крайней мѣрѣ не назначено.

Аульные старшины избираются обыкновенно не изъ самыхъ уважаемыхъ старшинъ (аксакаловъ, т. е. сѣдыхъ

бородъ), а изъ числа не особенно богатыхъ, но дѣятельныхъ, ловкихъ и не старыхъ людей. «Мнѣ ужъ не приходится быть аульнымъ старшиною, — говорилъ Алтай, — я уже старъ бѣгать, но аульный, конечно, будетъ насъ слушать».

Отъ зимовки Алтая мы поѣхали въ его аулъ, гдѣ я уже былъ. Съ десятокъ всякаго рода юртъ раскинуто около озера. Кругомъ — стада лошадей и скота; полунагіе мальчишки и дѣвчонки возились на землѣ между кучами навоза. Алтай ввелъ насъ въ ту юрту, гдѣ я пилъ кумысъ. Тамъ ждала насъ закуска и чай, привезенные нашими людьми.

Едва мы усѣлись, какъ въ юрту начало набираться множество киргизовъ, разсаживавшихся съ поджатыми ногами по стѣнамъ юртъ. Съ тупымъ вниманіемъ, полуразиня ротъ, смотрѣли они на насъ, разсматривая болѣе всего наши костюмы, часы, волосы... Алтай объявилъ намъ, что мѣстный минезенгеръ будетъ пѣть и показалъ на коренастаго малаго, съ черною отростающею щетиною на головѣ, намеками на усы и бороду, съ грубыми топорными чертами лица, маленькимъ лбомъ и бѣлыми зубами, рѣзко рисующимися на оливковомъ цвѣтѣ лица. Онъ пробѣжалъ нѣсколько разъ по струнамъ балалайки, извлекая изъ нея безъ толку и неожиданно какіе-то нескладные звуки. Потомъ взялъ нѣсколько сильныхъ грудныхъ теноровыхъ нотъ, перешелъ на мотивы, похожіе на нашу барыню, и, постепенно ослабляя грудныя ноты, музыкантъ пѣлъ тише и тише, кончая протяжно и на нѣтъ. Точно такъ же и ихъ степи безграничны и безконечны, какъ ихъ безконечныя, негармоничныя, но типичныя пѣсни. Когда-то ихъ жизнь была громка, цари и народы одинаково трепетали, завидя татарскую шапку; потомъ они зажили ровно, безцвѣтно и безконечно одинаково... Помимо ихъ воли, это передается въ киргизскихъ пѣсняхъ.

Мнѣ показалась странная вещь: будто, между киргизскою и нѣмецкою музыкою, русская занимаетъ середину. Какъ послѣдняя, она иногда полна силы и мысли, — какъ первая, иногда неопредѣленна, нескладна и безконечна. Киргизскій пѣвецъ былъ любопытенъ, пока онъ пѣлъ. Пока онъ бралъ верхнія ноты, онъ высоко поднималъ брови, потомъ покачивался, поводилъ плечами, и, переходя въ амольныя ноты, закрывалъ глаза, болѣзненно водилъ ими подъ закрытыми вѣками, судорожно морщилъ лобъ, двигалъ щетиною, росшею на головѣ. Потъ покрывалъ его лицо. Тюбетейка, держащаяся на затылкѣ, ходила взадъ и впередъ и, когда онъ раскрывалъ вѣки, мы видѣли пьяные, блуждающіе зрачки, горящіе фосфорическимъ блескомъ. А тема его пѣнія была далеко не такая, чтобы вдохновить пѣвца. Онъ воспѣвалъ насъ всѣхъ. Услыхавъ нѣсколько разъ слово «дженералъ», относящееся къ Г., я спросилъ Ибрагимова, что онъ поетъ? Ибрагимовъ затруднился отвѣчать: «онъ поетъ почти одно и то же въ такомъ духѣ». — «Киргизы продаютъ кошмы въ Петропавловскѣ, а у ихъ коней бываютъ серебряныя подковы». Это припѣвъ къ каждому куплету. Потомъ онъ поетъ, что не можетъ передать словами счастіе видѣть въ аулѣ высокихъ гостей. Музыка каждаго куплета одна и та же.

Алтай пояснилъ намъ, что у нихъ въ аулѣ есть мулла, обучающій мальчиковъ, что число учащихся простирается до 8 мальчиковъ, что мулла обучаетъ ихъ за 40 рублей, платимыхъ ему ежегодно по добровольной складкѣ. Этотъ мулла, просто напросто, едва грамотный молодой человѣкъ, но онъ имѣетъ дозволеніе отъ настоящаго (окружнаго) муллы на совершеніе требъ.

Часа въ три пополудни мы поѣхали обратно къ своей юртѣ, гдѣ экипажи были уже запряжены.

Дорога похожа на ту, которую мы проѣхали отъ Петропавловска. Та же даль, ровная и безграничная,

тѣ же юрты на краяхъ горизонта, тѣ же всадники, носящіеся на маленькихъ конькахъ... По бокамъ множество озеръ, поросшихъ по берегамъ камышами, со стадами гусей и утокъ. Изрѣдка слышался рѣзкій, будто труба, крикъ гусей и черезъ дорогу неслась вереница тяжелыхъ птицъ.

Перемѣнивъ лошадей у какого-то озера, мы поѣхали далѣе, по направленію къ Балтабаю. Едва мы проѣхали четверть пути, какъ къ нашему экипажу подскакало трое киргизовъ и начали что-то разсказывать со странными жестами. Оказалось, что они сообщали, что султанъ Ченгизъ Велихановичъ пріѣхалъ къ Балтабаю. Когда ихъ поняли, они поѣхали рядомъ съ экипажемъ. Всѣ трое особенно бросались въ глаза. Одинъ всадникъ, ѣхавшій на красивой соловой лошади, сидѣлъ ловко и смѣло. Его косые глаза смотрѣли бойко и смѣло вдаль. Длинные воротники ситцевой рубахи были откинуты назадъ. Эта рубаха была единственнымъ костюмомъ со включеніемъ высокихъ сапогъ и широкихъ шароваръ. Халатъ же, отъ пояса, былъ откинутъ назадъ, на сѣдло; когда при скачкѣ вѣтеръ откидывалъ его халатъ назадъ, то за кушакомъ можно было разсмотрѣть заткнутую балалайку. Другой всадникъ былъ въ застегнутомъ по горло стеганномъ халатѣ и войлочной шляпѣ. Физіономія чистокровно монгольская. Наконецъ, третій всадникъ, красивый мужчина, смотрѣлъ блестящими глазами изъ подъ нависшей папахи.

— «Спой что-нибудь!»—сказалъ я первому всаднику, у котораго за поясомъ торчала балалайка. Ямщикъ, немного понимавшій по-русски, передалъ ему мои слова. Киргизы стали смѣяться, переглядывались, весело болтали всѣ вмѣстѣ и вдругъ. Потомъ бандуристъ началъ вытягивать громкія верхнія ноты. Я видѣлъ въ профиль, какъ онъ широко открывалъ ротъ, перекрикивая шумъ экипажа и степной вѣтеръ; жилы натягивались на толстой шеѣ, обнаженная черная грудь высоко поднима-

лась; его припѣвъ смѣло подхватывался товарищами. Было что-то красивое, вольное и дикое въ этихъ трехъ всадникахъ, пѣвшихъ громко и не несогласно около экипажа. Сперва затягивалъ бандуристъ и, когда продолжительно вытягиваемыя громкія ноты перехватывали его духъ и лицо багровѣло отъ усилій, двое другихъ подтягивали и выходило что-то весьма согласное. Я не знаю, что они пѣли; но, вѣроятно, что-либо про степи, потому что ихъ пѣніе было какъ нельзя болѣе согласно съ этимъ широкимъ горизонтомъ, съ этимъ чистымъ воздухомъ. Здѣсь оно казалось даже пріятнымъ, и, еслибы гдѣ-нибудь вдалекѣ былъ въ эту минуту европеецъ, неожиданно перенесенный въ степь, онъ вѣроятно остановился бы, чтобъ прислушаться къ этимъ страннымъ звукамъ, и невольно подумалъ бы: въ подобной пѣснѣ можетъ выливаться нехитрая душа полудикаря, любящаго просторъ, разгулъ степей и удальство, а можетъ быть и произволъ и грабежъ. Пѣвцы не могли не замѣтить впечатлѣнія, которое они произвели. Воодушевленіе ихъ усиливалось; ноты становились выше; ямщикъ съ громкими криками гналъ лошадей шибче и шибче; вдругъ пѣвцы съ гикомъ и воплями бросились къ пристяжнымъ и осыпали ихъ ударами. Лошади понесли. Внѣ себя отъ дикаго удальства, два всадника подцѣпили постромки сложенными нагайками, и, перегнувшись на противоположную сторону сѣдла, стали помогать пристяжнымъ. Ароматный воздухъ свистѣлъ мимо ушей, экипажъ отпрыгивалъ всѣми четырьмя колесами при малѣйшей неровности; лошади едва выносили постромки. Хорошо... очень хорошо. «Акрымъ! акрымъ! (тише! тише!)... акрымъ!».. Но долго еще нужно было кричать, чтобы спасти цѣлость экипажа.

У юрты, приготовленной намъ на Балтабаѣ, я увидѣлъ полковника въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ. Это былъ Ченгизъ Велихановичъ, хотѣвшій явиться Г., какъ предсѣдателю коммисіи.

Когда подъѣхалъ послѣдній экипажъ, мы усѣлись въ юртѣ, устланной ташкентскими коврами и имѣвшей вообще весьма щегольской видъ. Поваръ, пріѣхавшій въ Балтабай ранѣе насъ, приготовилъ уже обѣдъ, что было весьма кстати. Велихановъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами. Послѣ того онъ разостлалъ около юрты коврикъ для молитвы и усѣлся творить намазъ, а потомъ топотъ его многочисленной свиты показалъ, что султанъ уѣзжаетъ въ свою ставку.

3-го августа. Сегодня выпалъ весьма интересный день. Утро было весьма хорошо; мы пили чай, когда въ юрту вошелъ Ибрагимовъ и пояснилъ, что ташкентскіе купцы желаютъ представиться коммисіи. Эти купцы пришли незадолго изъ Ташкента и, узнавъ, что въ Троицкѣ и Оренбургѣ наложено амбарго на бухарскіе товары, ожидая и себѣ такой же участи, побоялись идти въ Петропавловскую таможню. Согласно таможенному правилу, купеческіе караваны, идущіе изъ Средней Азіи, не имѣютъ права продавать оптомъ, но мелочную торговлю, по пути къ таможнѣ, производить имъ дозволяется. Такимъ образомъ ташкентскіе купцы имѣли право разбить свои юрты, чтобъ продавать свои товары на ярмаркѣ. Узнавъ о пріѣздѣ коммисіи, они вообразили, что ея цѣль—арестованіе ихъ товаровъ. Мы ихъ успокоили. Теперь они пришли представиться коммисіи. Войдя въ юрту, они усѣлись рядышкомъ. Всѣ они были въ халатахъ, подпоясанныхъ кушаками, а головы прятались въ огромные бумажные тюрбаны. Они молчали довольно глубокомысленно, съ уничиженіемъ поглядывали на всѣхъ насъ, сидящихъ на складныхъ постеляхъ, отвѣшивали земные поклоны при вопросахъ, а караванъ-баши отвѣчалъ на важнѣйшіе вопросы о государственномъ устройствѣ Ташкента и Коканскаго ханства. Отвѣты эти не были новы. Вскорѣ послѣ входа ташкенцевъ, ихъ прислуга

внесла девять подносовъ съ изюмомъ, фисташками, печеніемъ и проч. Девять, цифра имѣющая значеніе нашей дюжины. Приличіе не позволяетъ ни дать менѣе девяти подарковъ, ни дать менѣе девяти палочныхъ ударовъ у народовъ Турана. Въ важнѣйшихъ случаяхъ число девять удваивается, утраивается и т. д.

Угостивши ташкентцевъ и отдаривъ ихъ головою сахару и фунтомъ чаю, мы сѣли на коней и поѣхали съ визитомъ къ Чингизу Велихановичу. Онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу не нарочно.

Извѣстіе о нашемъ пріѣздѣ застало его во время объѣзда по подчиненному ему Кокчетавскому округу. Раньше я говорилъ, какимъ образомъ родилась Тайнчикульская ярмарка. До 1859 года никто не зналъ о ея существованіи. Видѣли только, что Петропавловская ярмарка падаетъ и только въ это время послали Г-го, чтобы узнать, какого рода торжище происходитъ у Телячьяго озера.

Теперь на время ярмарки посылаютъ туда изъ окружнаго приказа засѣдателя, чтобы *регулировать* торговлю. Ярмарка имѣетъ кочевой характеръ и, постепенно подвигаясь къ Балтабаю, понемногу исчезаетъ. Тутъ же являются караваны изъ Средней Азіи, распродающіе по мелочамъ свои товары. Объѣзжая свой округъ, Чингизъ Велихановичъ подъѣхалъ къ Балтабаю и разбилъ свою юрту въ двухъ верстахъ оттуда. Теперь мы ѣхали къ нему и, приближаясь къ юртѣ, по совѣту Г-го, въ знакъ уваженія къ султану, поѣхали ровнымъ шагомъ. У дверей юрты насъ встрѣтилъ султанъ.

Чингизъ, сынъ Валія, послѣдняго хана Средней орды, сына Облай-Хана, подчинившагося Россіи въ 1738 году. Этотъ родъ происходитъ по прямой линіи отъ Чингизъ-Хана. Отецъ Чингиза Велихановича отличался преданностью Россіи и ханша Ай-Ханымъ, по смерти Валія, получила отъ императора Николая въ потомственное

владѣніе обширную землю въ 100 кв. верстъ. Тутъ ей была выстроена мечеть, домъ, училище, баня, мельница; но все это было сожжено кениссаринскими шайками, а послѣ того не возобновлялось.

Изъ дѣтей Валія Габайдула не отличался качествами своего отца. Когда къ степи начали примѣнять положеніе Сперанскаго, Габайдула былъ выбранъ старшимъ султаномъ новообразованнаго Кокчетавскаго округа. Онъ разсчитывалъ быть выбраннымъ ханомъ всей орды, но, увидя себя только султаномъ и только части орды, онъ обратился къ китайскому правительству, которое въ то время, т. е. въ началѣ двадцатыхъ годовъ, не только мѣшалось во всѣ перевороты, случавшіеся въ ордѣ, но и утверждало хановъ въ одно время съ Россіею. Китайцы выслали къ Каркараламъ отрядъ, который былъ немедленно изгнанъ нашими войсками, а самъ Габайдула арестованъ. Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи онъ все-таки былъ султаномъ Кокчетавскаго округа.

Чингизъ, другой сынъ Валія, настоящій султанъ Кокчетавскаго округа, доказалъ свою преданность Россіи во время кениссаринскаго возмущенія, когда онъ находился при отрядахъ, дѣйствовавшихъ противъ грабителей.

Онъ уже тридцать лѣтъ въ нашей службѣ и исполняетъ ее по мѣрѣ силъ. Сынъ Чингиза, Чоканъ Велихановъ, получившій только посредственное образованіе (въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ), отличался необычайными способностями. Сенаторъ Е. П. Ковалевскій, бывшій директоръ азіатскаго департамента, говорилъ, что, судя по путешествію въ Кашгаръ и отчету, сдѣланному Чоканомъ, онъ имѣетъ право назвать его геніальнымъ молодымъ человѣкомъ. Къ несчастію, его не поняли. Администрація Сибири обидѣлась, что безъ ея посредства Чокана представили въ Петербургѣ Государю и онъ обласкалъ его. Начался рядъ оскорбленій и придирокъ, уложившихъ Чокана въ настоящемъ году въ гробъ.

Мы не долго сидѣли у султана. Выпивъ у него отличнаго кумысу, изъ огромной сабы, мы поѣхали назадъ, пригласивъ его обѣдать и попросивъ оповѣстить, что около пяти часовъ назначается около нашей юрты байга, т. е. скачка на призъ.

Возвращаясь отъ Велиханова, я отсталъ у озера, чтобъ сдѣлать до дюжины промаховъ по уткамъ, а остальная публика отправилась къ юртѣ.

Послѣ обѣда мы вышли изъ юрты, чтобы открыть скачку. Сперва одинъ изъ біевъ, пріѣхавшихъ съ султаномъ, вызвалъ изъ огромной толпы всадниковъ, окружавшихъ нашу юрту, *бѣгунцовъ*, желающихъ состязаться, и разставилъ ихъ въ рядъ. Лошадей было до 30. Ихъ хвосты и холки были перевязаны и въ нихъ вплетены совиньи перья. На всѣхъ этихъ коняхъ были посажены мальчики отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, которые en maître управляли лошадьми, вцѣпившись въ нихъ своими, иногда голыми ногами, на которыя были одѣты отцовскіе сапоги. Потомъ киргизъ, назначенный султаномъ, повелъ всѣхъ желающихъ состязаться къ пункту, откуда по его сигналу должна была начаться скачка. Этотъ пунктъ отстоялъ отъ нашей юрты на 6 верстъ. Небольшое возвышеніе скрывало отъ насъ мѣсто, откуда начнется скачка,—иначе все состязаніе было-бы видно, отъ начала до конца. Флагъ состоялъ изъ шеста, на который былъ навязанъ первый призъ—шелковый ташкентскій халатъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. На второй и третій призы были тоже назначены халаты, меньшей цѣнности. Кромѣ того, два приза назначены денежные, равно какъ небольшое количество денегъ было приложено и къ халатамъ, въ пользу побѣдителей. Мы усѣлись на коверъ, возлѣ флага, и пили чай. Около насъ усѣлись самые почетные люди, остальные же верховые біи разсадили народъ въ порядкѣ, по обѣ стороны флага, такимъ образомъ, чтобъ не мѣшать лошадямъ.

Киргизы, какъ я уже успѣлъ замѣтить, совершенные дѣти и не могутъ собраться вмѣстѣ, чтобы не посмѣяться. И вотъ, едва наступилъ порядокъ, какъ къ флагу подошелъ коренастый малый въ одной рубашкѣ и остановился около него, расправляя руки. Веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ. «Крюмъ! крюмъ!» Должно быть борецъ, вызывающій себѣ противника, силенъ, никто долго не является. «Батырь! батырь!» кричатъ ему киргизы.—Но погодите.—Изъ толпы выходитъ молодой парень, подходитъ къ флагу, садится и начинаетъ раздѣваться. На рубашкахъ остались кушаки. Потомъ противники берутъ другъ друга за поясъ, одною рукою спереди, другой сзади. Выставивши впередъ переднюю часть тѣла и отставивши ноги, они начинаютъ возить другъ друга. По временамъ, одинъ изъ противниковъ описываетъ въ воздухѣ параболу, но едва его бронзовыя ноги касаются земли, какъ онъ уже устойчиво стоитъ на нихъ. Вниманіе и совчуствіе толпы ростетъ пропорціонально искусству борцевъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ неожиданно падаетъ на колѣни и перебрасываетъ черезъ свою голову противника. Бой конченъ; но, къ моему удивленію, денежный призъ, который мы собрали въ пользу побѣдителя, только касается его рукъ, но не доходитъ до его кармана. Этотъ призъ отнимается у него хорошо одѣтымъ киргизомъ, со всѣмъ цинизмомъ права.

— «Скажите, султанъ — спрашиваемъ мы — отчего у него отняли деньги?»

— Адатъ такой. По нашему обычаю, деньги, выигранныя въ состязаніи, принадлежатъ не побѣдителю, а почетнѣйшему лицу его аула. Впрочемъ они подѣлятся.

— «Хорошъ адатъ!»

Появленіе скачущихъ изъ-за бугра, отстоящаго отъ насъ версты на двѣ, ознаменовалось общимъ крикомъ. Одинъ мальчишка, на бѣлой лошади, былъ настолько впереди, что нельзя было сомнѣваться въ его побѣдѣ.

Онъ сыпалъ частые удары по спинѣ своего коня и билъ ногами его дымящіеся бока. Когда они стали приближаться, поднялся пронзительный вопль и крикъ. Какой-то киргизъ выскочилъ къ нему на встрѣчу и, испуская дикіе крики, пронесся вмѣстѣ съ мальчишкой мимо флага и сквозь толпу, махавшую руками, вопившую, свистящую и издававшую междометія одобренія. Второй конь бѣжалъ за первымъ не ближе ста шаговъ. Вниманіе толпы перенеслось на него и крики, свистъ, горловыя завыванія поднялись снова. Затѣмъ, два коня скакали рядомъ. Приближеніе остальныхъ не смотрѣли. Все вскочило и бросилось къ призамъ. Въ шелковый халатъ облекся какой-то старшина, отнявшій, по адату, выигрышъ въ свою пользу. Его посадили на лошадь и онъ поѣхалъ въ своей обновкѣ съ самой комической важностью. Второй халатъ былъ тоже взятъ безъ спора; но третій сталъ источникомъ оглушительнаго спора и крика. На этомъ основаніи рѣшено: двумъ конямъ, поровнявшимся съ флагомъ въ одно время, скакать вторично, отъ мѣста, куда ихъ отведетъ бій.

Послѣ скачки началась игра, требующая большой силы, ловкости и удали (кокъ-буръ). Былъ привезенъ молодой козленокъ, пуда въ два вѣсомъ. Ему отрѣзали голову и положили на землю. Нужно было поднять его на всемъ скаку съ земли, положить на сѣдло и утащить къ себѣ въ аулъ. Исполнившій это становился обладателемъ двухъ пудовъ мяса и шкуры. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, козленокъ былъ поднятъ съ земли однимъ ташкентцемъ. Моментально вся толпа всадниковъ, съ дикимъ крикомъ и воплемъ, ринулась за нимъ. Чтобы задержать преслѣдователей, ташкенецъ бросился прямо на зрителей; сначала онъ выигралъ нѣсколько шаговъ, но, не доѣзжая до своего аула, расположеннаго въ полуверстѣ отъ нашей юрты, былъ сброшенъ съ сѣдла, а козленокъ попалъ въ другія руки. Новые

крики; сгруппировавшаяся на минуту толпа всадниковъ повернула назадъ, растянулась и понеслась мимо насъ въ другую сторону.

Картина была и оригинальна, и хороша. Кругомъ лежала ровная, огромная степь. На окраинахъ горизонта рисовались группами юрты. Вечеръ былъ теплый и тихій, и по этой степи, оглашая всю окрестность разнообразными рѣзкими звуками, неслась въ бѣшеной скачкѣ ловкая толпа всадниковъ, одѣтая такимъ же образомъ, какъ на картинѣ Каульбаха изображены воины Аттилы. Толпа эта быстро поворачивала въ разныя стороны, растягивалась, собиралась, сгруппировывалась въ плотную кучу. По вѣтру доносились удалые крики; въ воздухѣ поднимались нагайки и на смеркающемся небѣ рисовались странныя фигуры, подавшіяся впередъ въ своихъ мохнатыхъ шапкахъ и составляющія какъ бы одно цѣлое съ маленькими, некрасивыми коньками. Вотъ, они едва видны на горизонтѣ, а еще слышны, по временамъ, взрывы крика, и куча всадниковъ все движется въ разныя стороны...

Султанъ Чингизъ - Велихановъ хотѣлъ пригласить насъ на судъ біевъ. Теперь, вслѣдствіе одной жалобы, онъ пригласилъ въ нашу юрту трехъ біевъ, избранныхъ истцемъ и отвѣтчикомъ для рѣшенія дѣла. Когда три бія заняли на полу мѣста, въ юрту взошли хорошо одѣтый киргизъ, оборванный, худой старикъ и молодой одноглазый парень. Лицо послѣдняго было черно-бронзовое, халатъ, надѣтый на немъ, былъ такой изорванный и сальный, какого я никогда не видѣлъ, но онъ казался гораздо лучше истрепанныхъ и измочаленныхъ сапогъ, надѣтыхъ на огромныя ноги парня. Разспросы и судъ продолжался не болѣе полутора часа. Когда все кончилось, Чингизъ попросилъ біевъ остаться и при помощи нашего переводчика передалъ намъ почти слѣдующій разсказъ:

— «Всякій истецъ, по нашему обычаю, долженъ произвести первоначальное дознаніе самъ, съ тѣмъ, чтобы представить біямъ доказательства, достаточныя для уясненія дѣла. Потомъ онъ выбираетъ, смотря по важности дѣла, одного, а иногда и болѣе біевъ, къ которымъ имѣетъ довѣріе. Обвиняемый, въ свою очередь, избираетъ бія или біевъ, которымъ онъ довѣряетъ, — или выражаетъ довѣріе къ бію выбранному истцемъ. Дѣло, рѣшеніе котораго вы слышали, состояло въ слѣдующемъ. Хорошо одѣтый киргизъ жаловался на своего одноглазаго пастуха, что онъ въ прошломъ году укралъ у него двѣ кобылы. Пастухъ не отпирался отъ того, но говорилъ, что произвести эту кражу подговорилъ его другой. Истецъ и два отвѣтчика выбрали трехъ біевъ, на правдивое рѣшеніе которыхъ они надѣялись. Когда сюда вошли подсудимые, я спросилъ ихъ, будутъ ли они довольны рѣшеніемъ, которое положатъ выбранные ими біи? Они сказали, что да. Потомъ одинъ изъ біевъ приказалъ пастуху разсказать ему все, что онъ можетъ найти въ свое оправданіе. Пастухъ сказалъ слѣдующее: «Я родомъ изъ Каркараловенскаго округа; въ прошломъ году я отправился къ этому старику, моему родичу, потому что онъ взялъ дѣвку изъ нашего округа, откуда я родомъ. Пока я гостилъ у него, сынъ этого старика началъ уговаривать меня украсть ему двѣ кобылы изъ табуна моего хозяина. Когда я согласился, онъ далъ мнѣ сѣрую лошадь, на которой я поѣхалъ сюда и отогналъ двухъ кобылъ, которыя и отданы семейству старика». На это, по приглашенію бія же, старикъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ пастуха, видитъ его въ первый разъ, не подговаривалъ его украсть кобылъ и никогда ихъ отъ него не получалъ. Когда они кончили, біи приказали всѣмъ выйти. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «старикъ отказывается отъ обвиненій, взводимыхъ на него, а пастухъ уже сознался, что онъ

укралъ; можетъ быть старикъ и правъ. Я думаю, что если кто-либо изъ обвиняемыхъ найдетъ свидѣтелей, которые примутъ очистительную присягу, то его можно освободить отъ отвѣтственности». Нужно вамъ пояснить, продолжалъ Чингизъ, что у насъ, магометанъ, согласно шаріату, обвиняемый не можетъ принимать очистительную присягу. Онъ долженъ найти нѣсколькихъ уважаемыхъ людей, которые согласятся подтвердить присягою, что на такой-то поступокъ обвиняемый неспособенъ. Изъ числа этихъ почетныхъ людей, представляемыхъ въ свидѣтели обвиняемымъ, его антагонистъ избираетъ одного, присяга котораго и кончаетъ дѣло. Въ настоящемъ случаѣ для присяги нужно бы было назначить, по желанію обвиненнаго, пожелавшаго найти за себя свидѣтелей, день, въ который нужно бы было тяжущимся собраться. Еслибы желавшій принять присягу не прибылъ въ опредѣленный имъ день въ мечеть или не нашелъ свидѣтелей, его дѣло считалось бы проиграннымъ. Независимо отъ этого, опредѣляется мечеть, гдѣ должна происходить присяга.»

«На это предложеніе Тохтамышъ, этотъ толстый человѣкъ, очень уважаемый въ окрестности бій, сказалъ, что онъ полагалъ бы раздѣлить плату за покражу поровну, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что они оба виноваты одинаково. Третій бій предложилъ спросить обвиняемыхъ, не хочетъ ли кто изъ нихъ доказать свою невинность очистительной присягою. Если же никто изъ нихъ присяги не приметъ, то раздѣлить отвѣтственности «по карандашеству» (по родству) между обоими обвиняемыми, такъ какъ они родственники. Ихъ еще разъ спросили, — будутъ ли они согласны подчиниться приговору біевъ. Они, какъ вы видѣли, выразили согласіе. Тохтамышъ обратился къ пастуху и спросилъ его, можетъ ли онъ принять присягу въ томъ, что кража произведена имъ по наущенію старика. Пастухъ отвѣ-

тилъ, что его родственники живутъ далеко, что его тутъ никто не знаетъ, и что, наконецъ, никто не приметъ присягу за него. Послѣ того бій обратился къ старику съ вопросомъ такого рода: хочетъ ли онъ очиститься присягою или раздѣлить отвѣтственность попаламъ съ пастухомъ. Онъ согласился на послѣднее. Тогда біи сказали, что старикъ и пастухъ должны возвратить хозяину двухъ похищенныхъ лошадей, по кобылѣ съ жеребенкомъ, такъ какъ кража произведена еще въ прошломъ году и кобылы дали бы уже приплодъ.»

«Тѣмъ судъ и кончился. Тогда истецъ объявилъ, что на разспросы знающихъ людей, отысканіе слѣдовъ воровства и содѣйствіе со стороны почетныхъ людей онъ израсходовалъ 40 рублей серебромъ и требуетъ отъ виновныхъ возврата этихъ денегъ. Тохтамышъ сказалъ, что истецъ показалъ слишкомъ большую цифру и что самый большой расходъ на разслѣдованіе воровства не могъ превысить 20-ти рублей. Остальные біи согласились съ нимъ. Тогда виновнымъ сказали, что они должны заплатить истцу, каждый еще по 10 рублей серебромъ. Послѣ того, — говорилъ Чингизъ,—началось опредѣленіе бійлыка и ханълыка, (бійлыкъ, въ буквальномъ переводѣ значитъ для бія; ханлыкъ — для хана) вознагражденіе, полагаемое по нашему обычному праву, со стороны виновныхъ, въ пользу біевъ и хана. Бійлыкъ опредѣляется мною, т. е. султаномъ, — прежде онъ назначался ханомъ; ханлыкъ опредѣляютъ біи. Въ настоящемъ случаѣ въ пользу мою біи опредѣлили сѣрую лошадь, на которой воръ ѣхалъ отгонять кобылъ; но такъ какъ она не принадлежитъ ему, то пастухъ долженъ уплатить или заработать сумму, равную стоимости сѣрой лошади. Я опредѣлилъ въ бійлыкъ три барана, по барану каждому бію, и приказалъ заплатить каждому виновному по полтора барана.»

«Еслибы случилось, что виновный не въ состояніи

уплатить стоимость украденнаго, убытки на разслѣдованіе преступленія, бійлыкъ и ханлыкъ, то онъ долженъ работать сначала истцу, потомъ біямъ и наконецъ султану, полагая сѣнокосное время, когда мы возвращаемся, на зимовки,—съ начала августа до конца сентября—въ 23 рубля,—какъ тутъ платятъ».

Вечеромъ киргизы все время скакали въ разныхъ направленіяхъ около нашей юрты. Изъ-за Балтабайскаго озера слышалось громкое и нескладное пѣніе табунщика. Вечеръ, какъ и день, очень хорошъ. Хотя около полудня термометръ и показывалъ выше 20 градусовъ, однако жара не была чувствительна.

4-го августа. Мы упросили Чингиза ѣхать назадъ въ Кокчетавъ и помочь своимъ опытомъ и содѣйствіемъ нашимъ работамъ.

Сегодня утромъ онъ уже поѣхалъ раньше насъ. Часовъ въ девять тронулись и мы. Несмотря на то, что около тарантаса гнали до шести заводныхъ лошадей, мы ѣхали тихо.

Ночью шелъ дождь и черноземъ степи совершенно распустило. Дорога весьма пустынная. Около тянется ровная травяная площадь; кое-гдѣ она разнообразится озерами, заросшими по берегамъ камышемъ. Ауловъ почти не видно; стадъ и табуновъ попадалось мало. Я улегся въ тарантасѣ и заснулъ сномъ праведника. Очнулся только тогда, когда пріѣхали въ большой аулъ, гдѣ была приготовлена перемѣна. Здѣсь киргизская баба принесла Г. жалобу на богатаго соотечественника, захватившаго, по смерти ея мужа, его зимовку. Она пояснила черезъ переводчика, что, несмотря на требованіе султана Чингиза, грабитель не отдаетъ земли уже нѣсколько лѣтъ и султанъ съ нимъ не можетъ сладить. Нужно будетъ при устройствѣ степи обратить вниманіе на слабость полицейской власти.

Къ вечеру тою-же ровною степью пріѣхали на ноч-

легъ. По пути попадались никогда невиданной мною величины табуны дрохвъ. Степь была ровна до такой степени, что самый небольшой предметъ на этой плоскости казался большимъ. Два явленія въ степи особенно интересны: въ степи трудно опредѣлить разстояніе, равно какъ и величину предмета. Нѣсколько разъ я принималъ собакъ за волковъ, дрохвъ за овецъ, далеко сидящихъ воронъ за дрохвъ. Это отъ невозможности судить по сравненію.

Не доѣзжая до ночлега верстъ за десять, я видѣлъ какой-то черный предметъ; ямщикъ пояснилъ, что это могила ташкентца Малая. Онъ жилъ и богатѣлъ въ мѣстности, гдѣ теперь расположенъ аулъ Курманъ-Хаджи Джитыбаева (верстъ 70 не доѣзжая до Кокчетава). Онъ выбралъ самъ себѣ могилу. Послѣ его смерти, семейство Малая переѣхало въ Ташкентъ. Очень хорошая привычка у киргизовъ ставить могилы на видныхъ мѣстахъ,—около дорогъ. Могилы извѣстныхъ киргизовъ служатъ для оріентированія. Этотъ способъ хоронить уничтожилъ въ киргизахъ страхъ къ мертвымъ и у нихъ нѣтъ страшныхъ легендъ про покойниковъ.

На ночлегѣ я ходилъ по окрестнымъ озерамъ, но не убилъ ничего.

Юрта, въ которой мы остановились, принадлежитъ Курману-Хаджи-Джитыбаеву, тому самому мошеннику, который ограбилъ сиротъ и на котораго жаловались Г. Видно, что мошенничество пошло ему въ прокъ. Юрта весьма красива; кругомъ на высокихъ подставкахъ изъ сложенныхъ войлоковъ стояли русскіе окованные желѣзомъ сундуки. Между ними фигурировалъ не на послѣднемъ мѣстѣ погребецъ, издѣліе Москвы, какъ значилось на самомъ погребцѣ. Полъ былъ выстланъ узорчатыми войлоками. Посрединѣ низенькій столъ, за которымъ можно было ѣсть только сидя по-азіатски. На столѣ грязнѣйшая скатерть. Въ этой юртѣ не дуло съ боковъ и мы провели ночь весьма удобно.

5-го августа. Выѣхали къ Кокчетаву довольно рано. Лошади, запряженныя тутъ, оказались совершенно дикими и непривычными къ упряжѣ. Онѣ рванули съ мѣста, но скоро лѣвая пристяжная оторвала поводъ, отскочила на бокъ, была опрокинута и влечена нѣкоторое время за экипажемъ. Когда лошадей остановили, оказалось, что у ней все лѣвое плечо было вырвано. Послали верхового за другою лошадью. Когда ее запрягали, я услыхалъ женскій плачъ вперемѣшку съ громкими криками.

— «Что это такое?»

— Должно быть плачетъ по раненой лошади, отвѣчалъ Г—й. Вѣдь при потерѣ лошади онѣ плачутъ болѣе, нежели потерявъ ребенка.

Что же тутъ дѣлать? я не довольно богатъ, чтобы платить на каждой станціи за шальныхъ лошадей.

Вообще съ запряжкой лошадей происходитъ длинная процедура. Въ ожиданіи нашего пріѣзда къ попутнымъ ауламъ сгоняютъ съ волостей цѣлый табунъ лошадей— такой ужъ здѣсь обычай. Однѣ должны идти въ запряжку, другія бѣжать цѣлую станцію около экипажей, въ запасъ. Когда нужно запрягать, станутъ ловить арканами тѣхъ, которыхъ предназначается запречь. Подводятъ коренную. При видѣ хомута, она дрожитъ, храпитъ, поднимается на дыбы и начинаетъ быстро пятиться. Киргизъ, продѣвши поводъ въ хомутъ и отдавшись назадъ, тянетъ лошадь къ себѣ; но послѣдняя беретъ силу и волочитъ его по степи. Иногда поводъ лопнетъ, и лошадь, отсалютовавъ по направленію своего тирана нѣсколькими брыканьями, откидываетъ по вѣтру хвостъ и гриву и бѣжитъ въ степь. За ней, пригнувшись къ передней лукѣ, мчится табунщикъ съ арканомъ въ рукѣ... ну, теперь трудно поймать. Чаще сопротивленіе лошади наказывается закручиваніемъ верхней ея губы или уха, помощію нагаечной петли, что̀ надѣвается на руку. Послѣ этой операціи лошадь «чумѣетъ», начинаетъ тяжело со-

пѣть и выдѣлываетъ смѣшныя гримасы нижнею губою. Тогда лошадь снаряжаютъ будто невѣсту къ неровному браку: она не понимаетъ что съ нею дѣлаютъ. Съ коренною кончено; при ней остается киргизъ, держащій нагайку, петлею которой закручена ея губа. Притаскиваютъ пристяжныхъ. Дѣлается множество опытовъ обуздать ихъ безъ форсированныхъ мѣръ. Иногда, закрывъ лошади глаза, успѣваютъ накинуть на нее шлейку; затѣмъ два, три дюжихъ парня, упершись плечами въ крупъ лошади, втискиваютъ ее въ постромки. Но и послѣ того пристяжныя, какъ и подобаетъ нецивилизованнымъ жительницамъ степей, переступаютъ постромки, перепрыгиваютъ оглобли, становятся мордами къ сѣдокамъ, показывая испуганныя физіономіи и давясь въ шлейкахъ, надѣтыхъ au rebours. Запряжка сопровождается смѣхомъ, бранью, крикомъ. Понабѣгутъ киргизки изъ аула и рвутъ другъ у друга какую-нибудь растрепанную уздечку, злобно перебраниваясь съ аульнымъ старшиною. Освирѣпѣетъ онъ въ свою очередь, вооружится укрючиною и бросится съ ругательствомъ на бабъ; тѣ разбѣгутся. Наша прислуга бранится тоже на всѣ бока. А то вырвется лошадь съ нашимъ хомутомъ, да и пошла удирать въ степь. Приходится ждать, покуда овладѣютъ хомутомъ. Наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, все готово. Губы у лошадей раскручиваются, и всѣ садятся по мѣстамъ. «Баши», проводникъ, садится верхомъ и беретъ коренную лошадь на арканъ.—Ну, трогай! Гайда!—Киргизы, держащіе лошадей, отпрыгиваютъ, коренная рванетъ съ мѣста какъ-то бѣшено, потомъ присядетъ, по собачьему, на заднія ноги, потомъ рванетъ еще разъ и еще и еще; а пристяжныя ведутъ себя еще несообразнѣе: то вдругъ полѣзутъ на оглобли, то какая-нибудь оторветъ поводъ и бросится въ бокъ; но остальная пара уже несется слѣдомъ за баши, который тащитъ за собою коренную. Пристяжная, отскочившая въ бокъ, окажется отсталою,

внѣ движенія — ее опрокидываютъ и тащатъ у колесъ экипажа до тѣхъ поръ, покуда удастся остановить экипажъ и покуда изъ тѣла пристяжной не вырвутъ куска мяса, годнаго на порядочный киргизскій бифстексъ. Впрочемъ, чаще бываетъ иначе. Коренная, послѣ тщетныхъ усилій выломить оглобли, начинаетъ кидаться по преимуществу впередъ; пристяжныя брыкаютъ, перепрыгиваютъ постромки, опять въ нихъ впрыгиваютъ, но поправлять некогда, покуда лошади не уходятся. Вдругъ что-то треснуло. Экипажъ останавливается, и мимо, со скачущими впереди баши, несутся прочіе тарантасы, покуда еще ничего не сломано, покуда они не опрокинулись и вообще не случилось какого-нибудь казуса.

Это ничего, если степь ровна и широка, если нѣтъ обрывовъ, высокихъ горъ, глубоко текущихъ ручьевъ или чего-нибудь подобнаго. По степи носи куда хочешь; много-много что сдѣлаютъ лошади, это сломаютъ экипажъ или испугаютъ, опрокинувъ его.

Но степь не вездѣ ровна и однообразна. Въ области Сибирскихъ киргизовъ есть не мало и значительныхъ горъ и большихъ лѣсовъ.

Въ бо́льшей части случаевъ возможность притѣснять находится въ зависимости отъ дурного закона, который ставитъ одинаково и притѣснителя, и притѣсненнаго въ невозможность перваго не притѣснять, другого не быть притѣсненнымъ. Правда, одинъ притѣсняетъ болѣе, другой менѣе. Тутъ уже дѣло личности, не зависящей отъ закона. Такъ, говорятъ, что засѣдатели, объѣзжая округа, требуютъ болѣе лошадей, чѣмъ всѣ шесть экипажей, принадлежащихъ коммисіи; къ тому же, по закону, они не платятъ прогоновъ, да еще заставляютъ подставы ждать по нѣскольку дней. Кромѣ того, согласно принятому обычаю, имъ всегда закалываютъ барана. Проѣздъ засѣдателей всегда весьма чувствителенъ для аула.

Въ аулѣ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, намъ говорили, что отъ такого проѣзда лошади худѣютъ, иногда падаютъ; бываютъ и другіе расходы. Послѣ каждаго посѣщенія засѣдателя, аулъ складывается въ пользу тѣхъ, чьи лошади были выставлены, и въ пользу вообще всѣхъ пострадавшихъ. Это технически называется «на жиръ».

Мы мѣняли лошадей въ большомъ аулѣ у Чаглинскаго озера. Здѣсь киргизы ловятъ рыбы до 1000 пудовъ ежегодно. Водятся щуки, окуни, плотва.

Отъ Чаглинскаго озера степь еще однообразнѣе; горизонтъ еще шире. Налѣво отъ дороги видны синія Кокчетавскія горы. Я удивился, когда узналъ, что до нихъ болѣе сотни верстъ. «Кокъ»—синіе, «тау»—горы. Горы дѣйствительно синія и кажутся очень красивыми среди этой ровной плоскости. Прямо противъ насъ видна возвышенность или, какъ здѣсь ее называютъ, гора Азатъ. Степь такъ плоска, что этотъ бугоръ, едва ли въ двадцать саженъ высотою, виденъ за двадцать слишкомъ верстъ.

Горы Азатскія, несмотря на свою ничтожную высоту, довольно красивы, въ особенности зубецъ, выдающійся у дороги и оканчивающійся у рѣченки Кокчетавки. Изъ-подъ скудной травы высовываются черныя породы; сама же возвышенность такъ крута, что едва ли можно здѣсь взобраться на нее.

Пока публика дожидалась обѣда на станціи, я пошелъ по берегу рѣки и убилъ утку хорошимъ двойнымъ выстрѣломъ. Рѣчка Кокчетавка течетъ все время у подножія Азатскихъ горъ. Изрѣдка на берегахъ ея попадаются купы березовыхъ кустовъ.

Недалеко отъ станціи, на берегу рѣки находится нѣсколько киргизскихъ могилъ, заново оштукатуренныхъ. Должно быть онѣ слѣплены изъ глины, потому что корпусомъ наибольшей изъ нихъ служатъ четыре жерди, воткнутыя въ землю по четыремъ ея угламъ.

Пообѣдавъ въ душной комнатѣ казачьяго пикета, который во всякомъ случаѣ хуже хорошей юрты, мы поѣхали далѣе. Небо хмурилось и безпрерывно накрапывалъ дождь. Дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ.

Въ разныхъ мѣстахъ горизонта виднѣлись перелѣски и рощицы; на степи стояли отдѣльно и большія деревья; я даже видѣлъ одну большую сосну.

Вообще здѣсь характеръ степи совершенно измѣняется, и если называть что-либо степью, такъ, конечно, не подобную мѣстность, богатую и водою, и даже лѣсомъ.

Эту станцію мы ѣхали шибко. У Кокчетава, на отдѣльной высотѣ, встрѣтилъ насъ киргизъ, посланный на встрѣчу. За этимъ бугромъ открылось направо довольно значительное озеро, обрамленное съ противоположной стороны значительными, конечно для степи, горами. Влѣво отъ озера раскинулась довольно большая слобода съ деревянною церковью на уступѣ горы.

Казаки встрѣтили наши экипажи и развели по квартирамъ. Послѣ знакомства съ явившимся полковымъ командиромъ, казакомъ Пахомовымъ, и непремѣннымъ засѣдателемъ, мы улеглись спать.

6-го августа. Странное дѣло. Проведя всего нѣсколько дней въ степи, я уже не могъ спать въ комнатѣ спокойно; она казалась мнѣ душною. Недаромъ у киргизъ, живущихъ въ домахъ, дѣлаются головокруженія отъ недостатка, какъ говорятъ они, воздуха.

Сегодня воскресенье; звонятъ къ обѣднѣ,—пошли и мы, всѣ трое. Простоявъ ее, мы отправились съ визитомъ къ Чингизу Велиханову. Между прочимъ, мы просили его составить, при помощи умныхъ біевъ, пояснительную записку о томъ, какъ, по обычному праву, наказывались у нихъ тѣ преступленія, которыя теперь судятся по русскимъ законамъ. Потомъ разспрашивали, что такое баранта по киргизскимъ понятіямъ.

Чингизъ затруднился и весьма отрывочно пояснилъ такимъ образомъ: киргизы, по своему обычному праву, полагали огромное различіе между кражею, грабежемъ и барантою. Первыя преступленія считаются позорными и они наказываются бійлыкомъ или ханлыкомъ; вторая— есть, весьма часто, результатъ степной жизни. Баранта можетъ имѣть своею причиною: неуплату долга, ссору, родовую непріязнь. Она имѣетъ мѣсто только тогда, когда судъ біевъ не хочетъ или не можетъ удовлетворить претензію какого-нибудь индивидума. Совершившій баранту уплачиваетъ только убытки, причиненные ею; однако, это только въ томъ случаѣ, если она не была простымъ грабежемъ и не сопровождалась убійствомъ. Отличаютъ грабежъ отъ баранты, потому что жители родовъ и волостей знаютъ, были ли достаточныя причины, оправдывающія баранту.

Къ тому же, de facto, безъ согласія родоначальниковъ не можетъ быть сформирована банда, достаточная для производства баранты. Это степная дуэль, по побужденіямъ ее производящимъ, по исторической нелѣпости, ее выработавшей, и по тонкимъ оттѣнкамъ, отличающимъ баранту отъ другихъ, смежныхъ, такъ-сказать, съ нею преступленій.

Если же баранта сопровождалась убійствомъ, тогда, по обычному киргизскому праву, она считалась уголовнымъ преступленіемъ.

Говорятъ, что баранта, ex officio, существуетъ до сихъ поръ въ степи, но и ограбленный и грабитель судятся у біевъ изъ боязни нашего суда.

Послѣ обѣда говорилъ долго съ пришедшимъ къ намъ Чингизомъ. Онъ разсказалъ любопытный случай, когда онъ еще былъ султаномъ Кумъ-Мурунскаго округа.

Тамъ, подъ 85° долготы и 52° широты, текутъ двѣ рѣки, Тюнтюгуръ и Кайбагаръ; обѣ текли съ сѣвера на югъ,

почти параллельно другъ другу. Въ 1849 году, весною, съ трескомъ и громомъ, подобнымъ пушечному, открылись между этими двумя рѣками ключи отличной воды, бившей очень высоко. Вода начала наполнять пространство между рѣками такъ скоро, что нѣкоторые киргизы, бывшіе еще на своихъ зимовкахъ, не успѣли убрать своихъ вещей и угнать овецъ. Въ самое короткое время образовалось обширное озеро, верстъ въ 70 длиною, а по ширинѣ занявшее все пространство между Тюнтюгуромъ и Кайбагаромъ. Г—й, слушавшій этотъ разсказъ, прибавилъ, что это совершенно вѣрно. Онъ помнитъ то время, когда нашъ пикетъ, долженствовавшій наблюдать за Кениссаринскими шайками, былъ поставленъ на убогой водою рѣченкѣ Тюнтюгурѣ. Это мѣсто было именно выбрано потому, что кругомъ не было вовсе воды. Киргизы называютъ это озеро Тюнтюгуръ-Кайбагаръ. На нынѣшнемъ днѣ его были превосходные покосные луга. Странно, что въ короткое время по образованіи озера, тамъ появилось очень много рыбы. Киргизы окрестныхъ мѣстъ занимаются рыболовствомъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Говорятъ, что на мѣстѣ нынѣшняго озера было тоже озеро 40 лѣтъ тому назадъ, — будто оно неожиданно высохло и образовало тѣ прекрасные луга, про которые я говорилъ выше.

Почти одновременно съ образованіемъ Тюнтюгура-Кайбагара наполнялись незначительныя окрестныя озера, а озеро Чалкаръ стало гораздо значительнѣе.

Я подарилъ Чингизу свой большой складной ножъ. Онъ остался очень доволенъ моимъ подаркомъ и обѣщался помогать во всемъ, что мнѣ будетъ только нужно.

7-го августа. Цѣлый день дописывалъ эти замѣтки и очень радъ, что догналъ дѣйствительность; писать нѣсколько дней послѣ впечатлѣнія,—значитъ отнимать отъ

своихъ замѣтокъ всю силу точности и вѣрности. Буду же стараться не отставать.

Послѣ обѣда ходилъ съ Г—ъ на горы, что у города и озера. На сѣверъ отъ нихъ тянется далекая степь; на югъ же горизонтъ не далекъ, потому что упирается въ сосѣдній бугоръ.

8-го августа. Утромъ занимался дѣломъ, а послѣ обѣда мы всѣ ѣздили верхомъ кататься по окрестностямъ Кокчетава. Отъ хорошаго воздуха, возвышеній, отъ вида обширной луговой котловины, тянущейся между такъ называемыми горами, мнѣ стало хорошо и весело.

9-го, 10-го и 11-го августа. Чувствую, что я пріобрѣтаю безпрерывно новыя свѣдѣнія о киргизахъ и странѣ. Но эти свѣдѣнія приходятъ такъ неуловимо, слагаются изъ такихъ дифференціальныхъ величинъ, что я никакъ не могу уловить ихъ.

Чингизъ Велихановъ обрисовалъ мнѣ очеркъ промышленности здѣшняго округа [1]).

---

[1]) Вотъ въ краткихъ словахъ то, что я отъ него услышалъ о промышленности киргизъ:

Рубахи, чапаны (халаты), тулупы, ергаки на шубы, малатаи (мѣховыя шапки), чембары, шальвары, бешметы, камзолы, тюбетейки, вышивка кошемъ — все это составляетъ предметъ домашнихъ заботъ, *не покупается* а шьется женщинами. Изрѣдка только тюбетейки, преимущественно щегольскія, покупаются у Ташкентцевъ.

Женщины, кромѣ того, шьютъ *на продажу*: тай-тыры, шубы изъ годовыхъ жеребятъ. Они продаются крестьянамъ на ярмаркахъ въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ на линіи. Шьется въ тѣхъ аулахъ, гдѣ большое число лошадей. Женщины же шьютъ, на продажу крестьянамъ, армяки, изъ невысокихъ сортовъ армячины. Послѣдняя, будучи сдѣлана изъ чистой верблюжьей шерсти, дороже. Большею же частію верблюжью шерсть перемѣшиваютъ съ бараньею.

Армяки носятъ всѣ небогатые киргизы, джайтаки и работники. Армячина для такого обширнаго потребленія получается въ Кокчетавскомъ округѣ; гдѣ мало верблюдовъ—отъ Баганалинскихъ волостей. Атбассарскаго округа.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ каждаго года 4 волости Баганалинцевъ прикочевываютъ къ Ишиму отъ Улутау. Къ Ишиму же прикочевываютъ части пяти волостей Кокчетавскаго округа и тогда происходитъ закупка армячины у Баганалинцевъ, имѣющихъ много верблюдовъ. У нихъ же закупаютъ верблюжью шерсть. За армякъ средней руки платится до $1^1/_2$ цѣлковыхъ по преимуществу деревянными издѣліями и особенно сѣдельными арчаками. Баганалинцамъ идетъ также табакъ.

Въ среду утромъ къ Г. собрались волостные управители. Зачѣмъ эта оффиціальная помпа?—Имъ дали чаю.

Сапоги шьютъ обыкновенно мужчины и для самихъ себя и для женщинъ; кромѣ того они закупаютъ сапоги на ярмаркахъ Прѣсногорковской, Прѣсноводской и Петропавловской.

Сѣдлы. Кожаный приборъ изготовляется каждымъ киргизомъ для самого себя. Арчаки въ Кокчетавскомъ округѣ приготовляютъ не только для себя, но и въ продажу, промѣнивая Баганалинцамъ на армячину или продавая за полтора ягненка (за 1 р.).

Оружейники и серебрянники бываютъ въ богатыхъ аулахъ. Въ Кокчетавскомъ округѣ особымъ обиліемъ тѣхъ и другихъ отличается Акіикъ-Кулансу-Коплинская волость и именно подраздѣленіе (родъ) Кулансу. Оружейники и серебрянники этого рода приготовляютъ ай-балты, нагайки, стремена, пряжки для прикрѣпленія верхней подушки сѣдла, удила, желѣзный приборъ къ конской амуниціи и пр.

Кошмы дѣлаются всякимъ для себя. Имѣющіе большія стада барановъ приготовляютъ и на продажу. Изъ 25 барановъ дѣлаются большія кошмы, въ 4 аршина длины, ширина обыкновенно въ 2 аршина. Аршинъ кошмы стоитъ до 1 р. с. По словамъ Чингиза, лучшія кошмы по добротѣ и бѣлизнѣ дѣлаются въ Большой ордѣ и богатѣйшіе киргизы получаютъ ихъ оттуда (въ томъ числѣ и самъ Чингизъ).

Кюреге (остовъ юрты) и деревянныя части кибитки дѣлаются въ большомъ количествѣ на продажу въ Кокчетавскомъ округѣ. Андагулъ-Орасъ-Баембетевская волость особенно этимъ занимается. Въ Баембетевской волости до 1000 кибитокъ и почти всѣ занимаются выдѣлкою кюреге на продажу. Продаютъ они и въ Кокчетавскомъ округѣ и Баганалинцамъ, при кочевкахъ на Иртышѣ. Деревянная часть кибитки стоитъ отъ 10—35 руб. сер.

Чи (изъ камыша, рѣшетка вокругъ кибитки, поставленная вертикально и связанная шерстью, иногда шелкомъ) дѣлается Баганалинцами и получается отъ нихъ въ Кокчетавскомъ округѣ (отъ 1 до 100 руб. сер.).

Арбы (двуколесныя телѣги) дѣлаются также въ значительномъ количествѣ въ Кокчетавскомъ округѣ. Особенно много занимается постройкою и продажею арбъ Андай-Рысаевская волость. Арба, смотря по достоинству, стоитъ отъ 1—2 рублей. Части арбы изготовляются въ апрѣлѣ и маѣ, когда легко согнуть лѣсъ. Самая же постройка производится лѣтомъ. Въ теченіе лѣта работникъ можетъ собрать и изготовить на продажу до 20 арбъ. Онъ же можетъ изготовить весною достаточное для нихъ количество частей.

Арбы покупаются, по преимуществу, караванами, отправляющимися въ степь. Ирбитскій и Макарьевскій товаръ, идущій въ западную часть сибирской степи, нагружается близъ линіи на арбы, и такимъ образомъ отправляется въ Акмалы. Здѣсь караваны перегружаются на верблюжіе вьюки. Это одинаково какъ для товаровъ, идущихъ въ Ташкентъ и Среднюю Азію, такъ и для тѣхъ, которые распродаются въ раздробь по кочевьямъ нашихъ киргизовъ. Товары же, идущіе до Семирѣчья, не перегружаются, а идутъ на арбахъ до мѣста сбыта (арбы нужны для каждаго кочевого киргиза).

Такой порядокъ нагрузки вытекаетъ изъ мѣстныхъ условій. Въ Кокчетавскомъ округѣ нѣтъ верблюдовъ; они падаютъ вслѣдствіе обилія оводовъ. Товары,

Г. разспрашивалъ ихъ несвязно, тѣмъ не менѣе, я записывалъ ихъ отвѣты, которые и помѣщаю здѣсь.

Киргизы владѣютъ зимовками 1) какъ Высочайшими подарками, 2) по документамъ и по наслѣдству. Въ послѣднемъ случаѣ порядокъ владѣнія аульной зимовкой полуобщинный, полупатріархальный. Зимовка называется по имени родоначальника, точно такъ же какъ аулы близкихъ родичей, кочующихъ вмѣстѣ. Въ случаѣ требованій, родоначальникъ производитъ выдѣленіе земли

идущіе прямо на югъ, не встрѣтятъ за Акмалы сколько-нибудь лѣсистыхъ мѣстъ; малѣйшая порча въ арбахъ можетъ остановить караванъ и заставить перегружать товары. Оттого въ Акмалахъ они перегружаютъ на вьюки. Караваны же, отправляющіеся въ Семирѣчье и Алатавскій округъ, идутъ до своего мѣста, по мѣстамъ, гдѣ починка возможна. Большая часть арбъ покупается татарами-купцами.

Чашки, ковши, блюда для мяса и *кибеже* изготовляются такъ же, какъ всѣ деревянныя издѣлія, въ большемъ количествѣ въ Кокчетовскомъ округѣ. Спеціально выдѣлкою этихъ подѣлокъ занимается Именали-Кирѣевская волость. Она продаетъ свои произведенія не только во всемъ Кокчетавскомъ округѣ, но отпускаетъ Баганалинцамъ, Акмолинцамъ и Атбассарцамъ. Эти вещи возятся и въ другіе округа и продаются на мѣстѣ пріѣзжающимъ за ними жителямъ безлѣсныхъ странъ. *Чашка* (тичене, для кумыса) некрашенная изъ лучшаго корня (то что у насъ называютъ карельской березы) стоитъ *полтора* руб.; простого дерева 10, 25 *копѣекъ* и болѣе.

Ковши деревянные изъ корня стоятъ *3 руб.*, простой же отъ *30 копѣекъ и выше.* Ковши изъ рога каменнаго барана (самый рогъ привозится изъ Улутау)—3 р. *Блюда для мяса*—родъ деревяннаго подноса отъ 15 к.—и далѣе; изъ корня 1½ руб.. *Кибеже*, ящикъ для храненія варенаго мяса, средней величины стоитъ отъ 1½ до 2 руб.

Кровати киргизскія выдѣлываются также на продажу въ Кокчетавскомъ округѣ. Простыя стоятъ 3 руб.; украшенныя рѣзьбою, костью, красками и зеркальцами до 20 рублей; кровати какъ и вообще всѣ деревянныя подѣлки, продаются Баганалинцамъ и большею частію волостями: Андагулъ-Урасъ-Баемдетевскою, Андай-Рысаевскою, Калдынъ-Агаевскою, Иселъ-Баевскою (послѣднею менѣе).

Три волостные засѣдателя, собранные въ Кокчетавъ для распросовъ, подтвердили это и прибавили, что упомянутыя четыре волости торгуютъ съ Баганалинцами на озерахъ Каймакъ-Куль, Салтынь-Куль, Кызылъ-Куль и Конуръ-Су.

Они говорили, что, кромѣ того, по торговлѣ деревянными издѣліями, самая выдающаяся — Иманали-Кирѣевская волость; потомъ идутъ Матакай Самаевская и Бабасанъ-Богышевскія волости Кокчетавскаго округа и Кирѣевская Акмалинскаго округа.

По ихъ замѣчанію, выдѣлка деревянныхъ издѣлій и торговля ими съ каждымъ годомъ становятся обширнѣе.

для того изъ родичей, который требуетъ раздѣла. Иногда послѣ того между родоначальникомъ и выдѣлившимся возникаютъ споры и часто первый, пользуясь своею силою и вліяніемъ, отнимаетъ зимовку у послѣдняго. Тогда возникаетъ тяжба, рѣшаемая судомъ біевъ.

Во многихъ аулахъ родоначальники нанимаютъ учителей (муллъ) изъ татаръ или киргизовъ. Такой учитель живетъ въ юртѣ родоначальника, учитъ дѣтей цѣлаго аула и получаетъ отъ 40 до 60 рублей въ годъ. Деньги уплачиваются цѣлымъ ауломъ. Ташкентцевъ учителями не нанимаютъ, потому что ихъ языкъ не имѣетъ столько сходства съ киргизскимъ, сколько татарскій. Киргизы лѣтомъ не дѣлаютъ ничего. Они разъѣзжаютъ другъ къ другу и высматриваютъ мѣста кочевокъ; при приближеніи къ зимовкѣ начинаютъ косить на оставшихся не потравленными лугахъ. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ воды, степныя травы не косятся, а оставляются для тебеневки зимою (отгонныя мѣста), когда скотъ можетъ достать траву изъ-подъ снѣга. Киргизы косятъ на степи только въ случаѣ какой крайности. При каждой волости находится разсыльный, почтарь, какъ его называютъ киргизы.

Въ случаѣ большого падежа скота просятъ объ освобожденіи отъ ясака; если же правительство не соглашается на это, то ясакъ за аулъ уплачивается безвозмездно богатыми родичами; если бы послѣдніе обѣднѣли, то обязательство заплатить подати, которыхъ они не въ состояніи внести, падаетъ на людей, сдѣлавшихся богатыми.

Кромѣ ясака киргизы несутъ слѣдующія денежныя повинности: на содержаніе наемнаго почтаря, окружнаго муллы, аульныхъ учителей и фельдшерскаго ученика. Все это вмѣстѣ составитъ свыше 100 руб. въ годъ на волость. При проѣздахъ засѣдателей за падшихъ и испорченныхъ лошадей по аулу дѣлается склада для сбора

денегъ «на жиръ». Если засѣдатель проѣзжаетъ только черезъ аулъ, то ему дѣлается угощеніе и закалывается баранъ gratis (кунъ-агасы). Если же почему-либо онъ живетъ въ аулѣ долго и, конечно, не платитъ за кормленіе своей особы, то расходъ на продовольствіе его, сопровождающихъ его людей, равно какъ другіе совершенно негласные расходы, раскладываются между жителями цѣлой волости. Раскладку производятъ избранные біи. Тоже дѣлается при сборѣ въ какомъ-либо аулѣ по дѣламъ управленія, старшинъ біевъ, султановъ и почетныхъ людей. Волостные управители жаловались, что имъ особенно тяжелы проѣзды лекарей и фельдшеровъ.

Лошади подъ проѣздъ наряжаются по очереди со всей волости. Чингизъ Велихановъ сдѣлалъ любопытное замѣчаніе: «Прежде, когда зимовки не заключали въ себѣ такого сложнаго хозяйства, начинали кочевать въ концѣ марта; теперь едва могутъ выбиратьея въ маѣ». Вотъ шагъ къ осѣдлости.

Послѣ обѣда я съ Г—ъ поѣхалъ версты за четыре «на охоту». Съ нами былъ погребецъ и, когда совершенно стемнѣло, мы пили чай на берегу озера, около камышеваго костра.

12-го августа. Въ полдень мы выѣхали изъ Кокчетава. Дорога ложится въ очень красивой мѣстности. Налѣво горизонтъ обрамляется значительными синими высотами; виды измѣняются, будто цвѣта въ калейдоскопѣ. То въ сферѣ видимаго горизонта увидишь нѣсколько бугровъ, покрытыхъ лѣсомъ. То этотъ горизонтъ раздвинется далеко, очень далеко, и изъ-за двухъ высотъ выглянетъ далекій синѣющійся ландшафтъ со спокойными, будто зеркало, озерами на немъ и аквамариновою возвышенностью на окраинѣ. Мѣстами, по сторонамъ дороги, раскинутся чистые лѣса, соединенные

дѣвственною зеленью блестящихъ луговъ; мѣстами лугъ и травяная степь раздвигаются далеко и со всѣхъ сторонъ охватываютъ одинокіе острова лиственныхъ деревьевъ; мѣстами луга, вперемѣшку съ лѣсами поднимаются на отлогія покатости и примыкаютъ къ каменистой вершинѣ горы... Какъ чистъ воздухъ! какъ здѣсь хорошо!

На половинѣ дороги были выставлены лошади, на казачьемъ пикетѣ. Станичный начальникъ, въ полной парадной формѣ, встрѣтилъ Г. со строевымъ рапортомъ между пуговицъ. Дорога до станицы Чалкарской пролегаетъ по мѣстности, похожей на предыдущій путь. Мы ѣхали скоро. Я дышалъ полною грудью. Отъ души поздравляю себя съ такимъ товарищемъ, какъ Г—й. Я говорилъ съ нимъ откровенно, онъ не замыкался, какъ подобало бы старику, и сказалъ наконецъ: «почти тридцать лѣтъ я указывалъ властямъ на безобразные принципы, которыми управляются степи; теперь, когда случайно я сдѣлался членомъ коммисіи, долженствующей имѣть такое вліяніе на будущность киргизовъ и на силу Россіи въ центральной Азіи, я, конечно, не сдѣлаю ни малѣйшихъ уступокъ во имя того, чтобы угодить кому-нибудь».

Вечеромъ былъ все время на охотѣ. Ходилъ по берегамъ Чалкарскаго озера съ нѣсколькими казаками.

Чалкарская станица довольно велика; казаки очень зажиточны; дома крѣпки; у каждаго казака до пяти неводовъ, которыми они ловятъ рыбу въ озерѣ. Вода въ Чалкарѣ солоноватая; ее не пьютъ, равно какъ воду изъ ручья, протекающаго по срединѣ станицы. Для пищи употребляется вода изъ колодцевъ.

Чалкаръ довольно великъ; верстъ съ тридцать (какъ говорилъ казакъ) по длинѣ; глубина его равняется 40 аршинамъ. Рыбы довольно, но она не ловится на продажу, а только для своего потребленія. Станичная земля очень велика; лѣсу, луговъ и воды много. Земля бла-

годатная — чистѣйшій черноземъ. При ораніи малороссійскимъ плугомъ, въ четыре лошади, выворачивающимъ землю на четверть, нельзя достать подпочвы; но и для здѣшнихъ странъ есть бичъ — это кобылка. Я видѣлъ пашни, гдѣ она прошла. Весь хлѣбъ исчезъ; на мѣсто его видна чернь пахоты, кое-гдѣ заросшей полынью и какими-то желтенькими цвѣточками. Рядомъ съ истребленнымъ посѣвомъ тянутся полосы пшеницы и другого хлѣба, совершенно не тронутыя. Мнѣ показывали участки, на которыхъ была семь разъ подъ-рядъ посѣяна пшеница. Урожай былъ постоянно хорошъ, хотя земля вовсе не удобрялась.

Казачьи стада пасутся киргизами—джайтаками. Если бы скотина пропала, т. е. если бы ее украли, то платитъ пастухъ. Но такъ какъ казаки насчитываютъ весьма часто на пастуховъ несправедливо, требуя вознагражденія за павшую скотину, такъ что пастуху рѣдко приходится что-либо за лѣто, то въ станичные пастухи идутъ обыкновенно только отъявленные мошенники. Пастухи-киргизы иногда берутъ эту должность только затѣмъ, чтобы хранить въ станичныхъ табунахъ скотину, украденную окрестными киргизами.

Гуляя по берегамъ озера, я любовался на свѣжую и прекрасную картину окружающей мѣстности. Чалкарская станица окружена съ одной стороны озеромъ и болотомъ, съ другой Аиртовскими горами.

«Аиръ—значитъ по киргизскому вилы», — пояснялъ мнѣ казакъ, — «видите ли, ваше высокоблагородіе, эти двѣ сопки, что́ стоятъ надъ станицею, похожи на вилы, они и назвали ихъ Аирскими».

Вилы—горы съ двойною горною короною покрыты снизу до верху синѣющимся лѣсомъ. Видъ ихъ издалека и живописенъ, и угрюмъ. Кажется, будто вилы поднимаются изъ воды; ребра горъ какъ щетиною покрыты частымъ лѣсомъ, выросшимъ среди метаморфи-

ческихъ породъ и обломковъ каменныхъ плитъ. Отъ Аиртау тянутся назадъ, къ Кокчетаву, возвышенія, кое-гдѣ покрытыя лѣсомъ, то стоящимъ щеткою на макушкѣ, то разбросаннымъ на покатостяхъ...

13-го августа. Дорога отъ Чалкарской станицы къ Аиртовской пролегаетъ буквально въ восхитительной мѣстности. Сначала она идетъ мимо болотъ и озеръ до тѣхъ поръ, пока не начинаетъ подниматься на возвышеніе горъ; далѣе дорога проходитъ густымъ боромъ. Деревья, иногда огромной величины, растутъ либо на топкой наносной почвѣ, либо распуская корни въ щеляхъ между каменными плитами, сорванными съ мѣста и сбитыми въ кучу или лежащими пластами, будто только что выглаженное бѣлье. За подъемами идутъ безпрерывные спуски къ мостамъ изъ толстыхъ бревенъ, переброшеннымъ черезъ болота, образовавшіяся на значительной высотѣ, вѣроятно, отъ горныхъ ключей. Хотя лѣсъ и очень богатъ, такъ же какъ и великъ, однако казаки, вѣроятно, скоро истребятъ его. Рубка, производимая ими, чисто разбойничья. Въ разныхъ мѣстахъ видишь подрубленныя, недорубленныя, а потому изсохшія сосны огромныхъ размѣровъ. Въ другихъ—срубленные пни лежатъ и гніютъ на мѣстахъ. Вездѣ колоды отъ срубленныхъ деревьевъ выше роста человѣка—благо много лѣса, такъ зачѣмъ подрубать подъ корень!

За горою, налѣво Аиртовская двуконечная сопка отдѣляется отъ дороги круглымъ озеромъ чистой воды. Видъ этой спокойной водной плоскости и надъ нею крутой покатости, покрытой лѣсомъ, очень хорошъ... За горами горизонтъ расширяется, горы отступаютъ направо и налѣво... впереди далекій степной лугъ, покрытый великолѣпными травами. Онъ становится все шире и шире; когда же оборотишься назадъ, то, уже сливаясь на нѣтъ съ прозрачнымъ воздухомъ, рисуется причуд-

ливый гребень Аиртавскихъ горъ. А впереди вправо опять озеро и новенькая станица Аиртавская.

Отсюда, перемѣнивъ лошадей, мы поѣхали на зимовку къ Чингизу Валиханову. Дорога разнообразна. То идетъ она лѣсомъ, то лугами, окаймленными рощами, то лѣпится по полугорѣ надъ большимъ озеромъ (въ 20 или 15 верстахъ за Аиртавскою станицей... Кривое; по киргизски Салмалъ-куль). Около этого озера по дорогѣ къ Чингизу стоитъ хата. Я остановился у ней, чтобы напиться воды—смерть какъ хотѣлось пить. Изъ хаты вышелъ русскій мужикъ.

— «Ты какъ сюда попалъ»?

— По контракту работаемъ у орды.

— «У какой орды»?

— Хошь, вынесу тебѣ контрактъ?

Дѣйствительно, форменный контрактъ на арендное содержаніе земли съ цѣлью ея обработки.

Вотъ настоящій цивилизаторъ, потому что углубился въ степи con amore, а изъ желанія, какъ онъ говоритъ, жить да уплачивать подати.

Дорога отъ хаты колониста идетъ по прежнему лугами, поросшими полынью и морковникомъ. Вездѣ, точно въ гигантскомъ паркѣ, группы будто сѣянныхъ красивыхъ деревьевъ. Вообще я долженъ замѣтить, что здѣшнія березы стройнѣе и выше по сравненію съ сибирскими. Тамъ онѣ корявы, будто насильственно погнуты отъ корня въ сторону. Здѣсь стволъ поднимается ровно и прямо отъ самаго корня.

За деревянною могилой какого-то сына Аблай-Хана стала видна бѣлая какъ снѣгъ большая юрта; въ отдаленіи еще нѣсколько бѣлыхъ же юртъ, перемѣшанныхъ съ чрезвычайно грязными и закоптѣлыми. Это аулъ Чингиза. А вотъ и онъ у дверей нашей юрты... Старшій сынъ Чингиза, очень красивый молодой человѣкъ, одѣтый въ короткій бешметъ, подбитый соболемъ, протя-

нулъ мнѣ также свою руку. Слѣдомъ за нимъ совалъ всѣмъ намъ свою толстую руку второй сынъ Чингиза Махмудъ, кадетъ Сибирскаго корпуса... Юрта, приготовленная намъ Чингизомъ, превосходитъ все, что я видѣлъ до сихъ поръ. Она десяти канатная, т. е. кюрече состоитъ изъ десяти рѣшетокъ. Кюрече красиво изогнуто и не крашено. Высота юрты болѣе 14 футъ. Юрта обложена бѣлыми вышитыми красными войлоками. Чи, закрывающее низъ юртъ, состоитъ изъ высокихъ камышниковъ, узорчато заплетенныхъ въ шерсть. Вмѣсто двери висѣло красное стеганое сукно, подбитое китайскою матеріей...

Вскорѣ по пріѣздѣ принесли превосходный кумысъ. Мы начинаемъ пить его въ достаточной пропорціи, а я и привыкаю къ кумысу...

За кумысомъ, поданномъ въ чистомъ сосудѣ, въ родѣ большого фарфороваго китайскаго таза, прислуга внесла серебряный чайный приборъ на серебряныхъ подносахъ. Выпили чай; появилась закуска, состоящая изъ баранины на деревянномъ блюдѣ, фисташекъ, разнаго рода печенья (изъ которыхъ самое вкусное чакъ-чаги), малеры, краснаго вина и проч.

Послѣ семейство Чингиза предложило ѣхать на охоту съ беркутомъ или ястребами. Я очень обрадовался и живо схватился за эту мысль. Кавалькада всадниковъ и дѣтей Чингиза отправилась въ степь. На сѣдлахъ сидѣли и пятилѣтніе мальчики. Впереди ѣхали перепелятники и одинъ, у котораго на пальцѣ сидѣлъ коршунъ. Едва срывалась перепелка, какъ раздавался крикъ вожака, нѣсколько безполезныхъ усилій перепелки и потомъ хищная птичка, злобно распустивъ крылья, уже клевала мозгъ перепелки. Впереди насъ обскакивалъ каждое болотце, пріударяя въ глухой мѣдный литавръ, какой-то родственникъ Чингиза въ пестромъ, среднеазіатскомъ платьѣ. Глухому бою въ литавръ вторилъ рѣзкій

металлическій крикъ коршуна. Вся эта картина пахла средними вѣками. Скачущій впереди киргизъ, съ маленькою поярковою шляпою и пучкомъ на ней пуха, казался пажомъ; когда онъ усиливалъ алюръ, коршунъ, покрикивая отрывочно, распускалъ крылья. Около ѣхали люди въ страннныхъ костюмахъ. Вотъ сорвалось стадо утокъ. Коршунъ пущенъ. Онъ бросается за испуганнымъ стадомъ. Одинъ ударъ и утка, безалаберно перевернувшись, падаетъ на землю. Вслѣдъ за нею бросается и коршунъ. Крылья бьющихся птицъ видны выше травы. Гайда! га! га! га!—и все понеслось въ бѣшеной скачкѣ къ мѣсту, гдѣ упалъ ястребъ...

Когда начало темнѣть, я смотрѣлъ на своихъ товарищей въ странныхъ костюмахъ. Какъ они оригинальны, эти центавры, разгоряченные быстротою скачки, какъ они напоминаютъ, правда темно, что-то бывшее въ прежнее время въ Европѣ. Такъ и представляется моему уму фаланга рыцарей и бароновъ, живущихъ и составляющихъ себѣ славу на охотахъ. Сумерки, славныя, теплыя сумерки падали на степь и лѣса. Подъ вліяніемъ общей хорошей гармоніи, чистаго воздуха, большой степи, лѣсовъ, табуновъ скота, мнѣ слышалось то же, что чувствуешь, когда слышишь музыку, передающую недосказанное, неугаданное окончательно, неуловимое въ формахъ движеніе чувствъ, готовность къ высочайшей воспріимчивости; я былъ въ такомъ настроеніи, въ которомъ не можешь чувствовать ни обидъ, ни зла; когда хочешь чувствовать и быть искреннимъ...

14-го августа. Часовъ въ десять выѣхали на зимовку Чингиза Сыремъ-Бетъ. Тамъ, гдѣ мы его видѣли вчера, онъ только ночуетъ. Его кочевка отстоитъ отъ мѣста зимняго стойбища, по словамъ Чингиза, иногда на 150 верстъ. Теперь онъ приближается къ зимовкѣ. Чингизъ поѣхалъ въ тарантасѣ прямо въ Сыремъ-Бетъ; мы же

отправились туда съ ястребами и перепелятниками. Какъ хорошо ѣхать по степи въ обществѣ этихъ полудикарей, электризующихъ васъ своимъ экстазомъ и воплями...

Зимовка Чингиза лежитъ отъ настоящаго мѣста кочевки въ десяти верстахъ. Двѣ живописныя горы, покрытыя боромъ, закрываютъ его усадьбу; пронесшись по каменистому подъему и спуску, мы увидѣли нѣсколько домиковъ во вкусѣ нашихъ помѣщичьихъ средней руки, а по срединѣ мечеть. Въ срединѣ дома, занимаемаго Чингизомъ съ женою, убранство подходитъ къ помѣщичьему. Въ залѣ органъ, играющій до двѣнадцати пьесъ; зеркала въ простѣнкахъ, бронзовые канделябры съ хрустальными подвѣсками, такія же бра; маленькія шелковыя портьеры на дверяхъ, обшитыя тонкимъ, но широкимъ аграмантомъ. Въ гостиной вмѣсто гарднеровскихъ или корниловскихъ вазъ стоятъ китайскія; лампа на столѣ, диванъ и проч. Всѣ полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинуты тигровыя, барсовыя и медвѣжьи шкуры. Общее впечатлѣніе пріятно. Едва мы пріѣхали, началось кормленіе, питье чаю и кумыса. Въ комнату набралось множество ободранныхъ мальчиковъ, съ бронзовымъ цвѣтомъ на полуголыхъ членахъ.

На зимовкѣ Чингиза видѣлъ его толстую и уродливую жену. Она сидѣла на подушкахъ за поднятымъ шелковымъ пологомъ. Одѣта была въ малиновую бархатную рясу, обложенную широкимъ галуномъ. Сбоку жались двѣ очень хорошенькія и стройненькія дѣвушки, одѣтыя въ шелкъ. Типъ ихъ лица былъ почти европейскій; это были дочери Чингиза. Когда заговорили про Чокака, султанша стала горько плакать и гримасничать...

Видѣлъ, какъ разбиваютъ шерсть на войлокъ; видѣлъ, какъ ткутъ грубый холстъ. Это вѣрный первообразъ машинъ.

15-го августа. Поѣхали часовъ въ десять въ Атбасаръ. Пришлось ворочаться прежнею дорогою. Опять проѣхали мимо поляны, гдѣ разбиты юрты Чингиза, опять проѣхали мимо озера Салмаль-Куля и остановились у хижины Землянова. Здѣсь была приготовлена перемѣна лошадей и разбита юрта. Волостной правитель Салныковъ вертѣлся все время около Г. и предлагалъ ему кумысъ. Скоро дѣло разъяснилось. Въ юрту, гдѣ мы завтракали, съ плачемъ взошли два страшно оборванныхъ киргиза съ исхудалыми и изможенными лицами. Они бросились на колѣни и плакали, приложивъ лбы къ землѣ: ихъ зимовки были отняты родственниками Салныкова. Несмотря на требованіе, впрочемъ не настойчивое, Чингиза, Салныковъ, какъ волостной управитель, не дѣлалъ ничего, чтобы согнать своихъ родственниковъ съ заграбленной земли. Конечно, не дѣло коммисіи вмѣшиваться въ разныя ссоры и тяжбы киргизовъ; но вліять она можетъ уже по своему положенію на многое. Теперь мы сказали сыну Чингиза, Якубу, который провожалъ насъ, что мы просимъ его отца настоять, какъ подобаетъ, на справедливомъ рѣшеніи. Кажется, наши слова помогутъ бѣднякамъ.

Ночевать пріѣхали въ станицу «Арыкъ-Балыкскую». Арыкъ—сухая, балыкъ рыба. И дѣйствительно, когда я вошелъ на дворъ казака, у котораго отвели квартиру, то увидѣлъ цѣлые ряды рыбы, просушивавшейся на веревкѣ.

Около станицы овальное чистое озеро; на другой сторонѣ значительная гора, на камняхъ которой ростетъ хвойный лѣсъ. Станица чиста и хороша; она довольно велика.

16-го августа. Выѣхали часовъ въ восемь изъ Арыкъ-Балыкской станицы. Дулъ холодный западный вѣтеръ, и я, несмотря на осеннее пальто, совершенно продрогъ. Впереди поднималась красивая профиль довольно высокой горы, покрытой лѣсомъ.

— Ямщикъ! какая это гора?

— Джаксы-янгизъ-Тау.

По бокамъ поднимались значительные бугры, покрытые лѣсомъ. Природа здѣсь разнообразна и красива, какъ мало гдѣ въ Россіи. Подобной мѣстности очень не идетъ условное названіе степи, ей данное. Виды безпрерывно измѣняются. То на покатостяхъ горъ ложатся красивые зеленые луга, оканчивающіеся у какого-нибудь болота, обросшаго густымъ, высокимъ камышемъ, то тянется невысокій березовый лѣсъ, чистый и ровный, словно англійскій паркъ. Иногда, гдѣ нибудь, горы оставляютъ долину, служащую продолженіемъ степи, тогда вамъ видна далекая ровная перспектива зелени, постепенно темнѣющей къ горизонту и замыкающейся какимъ-нибудь возвышеніемъ аквамариноваго цвѣта. Иногда бугры сходятся къ дорогѣ. Изъ-за лѣса, которымъ обросли ихъ ребра, выглядываютъ сѣрыя массы голаго гранита. Онѣ, эти массы, то вырваны со своихъ мѣстъ, перевернуты и нагромождены безъ связи и порядка одна на другую, то лежатъ правильными слоями, отдѣленными глубоко вдавленными параллельными линіями. Много нужно было времени, чтобы высохло внутреннее море, отпечатавшее прибоями своихъ волнъ постепенно понижающуюся поверхность. Издалека эти свидѣтели древнихъ геологическихъ переворотовъ кажутся заросшими гигантскими соснами сверху и по бокамъ, увеличивая дикость и безъ того пустынной и глухой мѣстности...

Вообще обиліе лѣса и воды проточной и стоячей отъ самаго Кокчетава дѣлаетъ эту часть степи очень богатой. Горы иногда весьма значительны, а у подножія каждой высокой сопки почти всегда довольно большое озеро, овальной формы, глубокое и обильное рыбой. На покатостяхъ горъ ростетъ обыкновенно по каменнымъ уступамъ хвойный лѣсъ. Близъ самыхъ высокихъ горъ раскинулись большія казачьи станицы. За сопкою потянутся холмы, то полунагіе, какъ спина ка-

кого-то гигантскаго звѣря, покрытые зеленью и березовыми рощами, то изрытые высовывающимися изъ-подъ зелени пластами гранита. На скалистыхъ обломкахъ повыросли сосны съ плотно-прилегшими къ каменьямъ корнями, то прячущимися въ трещину, наполненную черноземомъ, то показывающимися на поверхность узловатыми плетями... А около, на наносномъ дерну зеленѣютъ березы и приземисто раскинулись группы вишневаго кустарника, облѣпленнаго красными ягодами.

Первая перемѣна лошадей была въ какой-то станицѣ, имени которой не упомнилъ; вторая, въ станицѣ Джаксы-Янгизтауской — «Хорошая отдѣльная гора». Около станицы, по ту сторону озера поднимается высокая отдѣльная возвышенность. Высота ея будетъ футовъ съ 300 или 350—не менѣе. Озеро бурлило, когда мы подъѣзжали, на славу.

«Это озеро по-киргизски прозывается Джаксы-Янгизтау-куль; мы же называемъ его Злымъ», — говорилъ ямщикъ-казакъ.—«Чуть, значитъ, дунетъ вѣтеръ оттолева»—и онъ показалъ кнутомъ на западъ—«такъ, заразъ, и начнетъ бурлить».

Я посмотрѣлъ по направленію, указанному казакомъ. На западной сторонѣ озера виднѣлось ущелье между невысокихъ горъ.

— «Сквозь горы, что ли, дуетъ»?

— Точно такъ; вода сердится, когда вѣтеръ гонитъ промежъ тѣхъ горъ.

Здѣсь мы обѣдали. Я ходилъ къ берегу Злого озера. Оно было покрыто бѣлыми валами, которые хлестали далеко на берегъ. Должно быть глубоко, потому что песчаный берегъ имѣетъ быстрое паденіе.

До самой станицы Сандыкъ-Тавской тянется густой лѣсъ. Въ немъ множество дичи. Тетерева срываются около самой дороги. Я убилъ одного изъ нихъ недалеко отъ

дороги. Возвышенности сближаются и большую часть пути провожаютъ дорогу, лежащую въ долинѣ, покрытой густою травою. Славная здѣсь страна. Кабы руки, да руки, что́ бы можно было тутъ сдѣлать. А откуда ихъ взять? У насъ и въ коренной Россіи земля страдаетъ отъ недостатка рукъ и отъ того, что выразилъ еще Гостомыслъ.

17-го августа. «Сандыктау» —Сундучныя или Ящичныя горы, покрытыя огромнымъ боромъ, гдѣ вперемѣшку ростутъ лиственныя и хвойныя деревья, и гдѣ чаща и гуща смѣняется прогалинами и лугами.

Станица Сандыктавская поселена здѣсь недавно. Она переведена три года тому назадъ изъ Алатау, гдѣ казаки съ голоду чуть не сдѣлались волками. Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о Казачьихъ поселеніяхъ, разбросанныхъ въ киргизской степи.

Казачьи поселенія въ киргизскихъ степяхъ были основаны въ періодъ времени съ 1824 по 1849 года, съ тѣмъ, чтобы служить опорою для русскихъ властей и базисомъ для развитія осѣдлости и земледѣлія. Казакамъ, поселеннымъ въ степяхъ (ихъ было въ 1864 году 17.700 душъ обоего пола), было отведено по 60 морговъ земли на человѣка, съ обязательствомъ нести, въ случаѣ нужды, военныя обязанности. Со времени своего основанія казачьи колоніи разрослись, стали довольно богатыми, но все-таки не достигли желаемаго развитія. Послѣднее зависѣло прежде всего отъ чрезвычайнаго плодородія почвы и отъ того, что казаку нужно было приложить слишкомъ мало труда, чтобы природа удовлетворила всѣ его потребности. Затѣмъ, положеніе казаковъ, какъ полуоффиціальныхъ представителей огромной политической силы, какъ людей, принадлежащихъ къ высшей породѣ, давало склонность скорѣе командовать и управлять, чѣмъ трудиться.

Казачьи поселенія и выселки разбросаны въ лучшихъ и производительнѣйшихъ мѣстахъ степи. Обыкновенно подъ эти поселенія выбирались такія мѣстности, гдѣ степь перестаетъ быть ровною, т. е. тамъ, гдѣ возвышаются группы невысокихъ горъ, поросшіе лѣсомъ и обильные водою. Поселенія живописно раскинулись на берегахъ озеръ, у подножія древнихъ скалъ, съ опрятною церковью гдѣ-нибудь на высотѣ, съ длиннымъ рядомъ садиковъ и огородовъ. Кругомъ поселеній, въ юртахъ и землянкахъ, поселились полуосѣдлые киргизы, которые, по какому-либо несчастію, потеряли свой скотъ, почему принуждены жить, нанимаясь работниками у казаковъ. Къ каждому казачьему поселенію прирѣзано достаточное количество луговъ, лѣсовъ и пахотной земли. Въ промежуткахъ же между казачьими территоріями кочуютъ киргизы, состоящіе съ казаками въ болѣе дружескихъ отношеніяхъ, чѣмъ это можно предполагать по различію ихъ происхожденія, занятій и интересовъ. Въ важнѣйшихъ казачьихъ поселеніяхъ, а именно въ Кокчетавѣ, Атбассарѣ, Акмолинскѣ, Каркаралинскѣ и Баянъ-Аулѣ помѣщаются окружные приказы, управляющіе киргизами.

Къ довершенію общей характеристики русскихъ поселеній въ киргизскихъ степяхъ, необходимо присовокупить, что купцы изъ Сибири еще съ начала сороковыхъ годовъ начали завязывать съ ними торговыя сношенія. Теперь во всякой станицѣ есть лавки, въ которыхъ продается мануфактурный и другой товаръ, одинаково нужный, какъ русскимъ поселенцамъ, такъ и киргизамъ.

Въ станицѣ Сандыктавской мы ночевали съ 16 на 17 августа.

Утромъ ходилъ на охоту. Дичи множество. Есть много маралей и медвѣдей, но они держатся въ лѣсахъ, растущихъ въ едва досягаемыхъ трущобахъ. Тѣмъ

не менѣе охота была неудачна. Усталый усѣлся въ тарантасъ, чтобы ѣхать далѣе.

За нѣсколько верстъ не доѣзжая до Сандыктавскаго пикета лѣсъ отбѣгаетъ отъ дороги и уходитъ на горы подъ прямымъ угломъ. Контуръ его будто по ниточкѣ поднимается на горы и опускается въ долины и потомъ сливается въ темную массу, рѣзко отдѣляющуюся на буграхъ отъ сѣро-зеленой травы, покрывающей остальную часть горъ. Этотъ лѣсъ тянется на многія версты и, если бы были правильныя лѣсосѣки, онъ сталъ бы истиннымъ благодѣяніемъ степи, но съ вандальскими вкусами казаковъ его не хватаетъ и на пятьдесятъ лѣтъ.

— «Поклонитесь лѣсу»,—сказалъ мнѣ Г-й, смотря назадъ на уходящій лѣсъ. — «Вы больше его не увидите по нашему пути до Алатавскаго округа. Впереди все голая степь».

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ мы двигались дальше отъ Сандыктавскаго пикета, горы понижались, холмы сглаживались, горизонтъ расширялся и степь сливалась на нѣтъ съ далекою окраиной неба, покрытаго дождевыми тучами... Около, близъ дороги растетъ кипецъ, изрѣдка полынь, морковникъ, какіе-то желтенькіе и голубенькіе цвѣточки, а далѣе это разнообразіе становится незамѣтнымъ, сливается въ одну зеленую массу, которая, темнѣя болѣе и болѣе, принимаетъ свинцово-сѣрый цвѣтъ и неуловимо сходится со свинцовымъ же небомъ. Чѣмъ далѣе мы ѣхали къ Атбасару, тѣмъ бѣднѣе и хуже трава, тѣмъ болѣе она рѣдка, оставляя между кустами пустую землю.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ миражъ, не доѣзжая до Атбасара. На самомъ краю горизонта мнѣ показался лѣсъ, будто бы выросшій изъ воды. Я долго не обращалъ на это вниманія, но постепенно вода распространялась и на подножіе сосѣдняго возвышенія, такъ что гора, казалось, плавала въ воздухѣ или въ

водѣ. Тогда я стала смотрѣть внимательнѣе, и, хотя миражъ сталъ несомнѣненъ, тѣмъ не менѣе трудно было повѣрить, что это не было дѣйствительностью. Миражъ не рѣдкость въ степяхъ во время жаровъ, но теперь вторая половина августа; къ тому же было очень холодно и пасмурно, безпрерывно перепадалъ маленькій дождикъ, сопровождаемый порывами сильнаго вѣтра, дувшаго какъ разъ съ запада, т. е. со стороны миража; и сколько я ни смотрѣлъ, миражъ не ослабѣвалъ и не измѣнялъ своей формы.

По мѣрѣ приближенія къ Атбасару пустынный степной характеръ мѣстности выигрываетъ болѣе и болѣе; травы становятся меньше и прилегаютъ къ землѣ, чтобы еще обнаженнѣе показать ровную далекую поверхность.

Атбасаръ довольно большая казачья станица, мѣстопребываніе штабъ-квартиры 2-го казачьяго полка Атбасарскаго приказа. Станица стоитъ на голой мѣстности; около не растетъ ни одного сучка лѣса. Воды мало. Рѣчка Атбасарка впадаетъ въ Ишимъ верстахъ въ семи отсюда. Отличительная черта станицы,—что ея жители земледѣліемъ не занимаются. Говорятъ, что земля не вознаграждаетъ трудовъ. Церковь деревянная, уродливѣйшей формы, съ огромнымъ безтолковымъ куполомъ и маленькою, тоненькою колокольнею. Дома почти всѣ одинаковы; улицы пересѣкаются, какъ подобаетъ въ казенномъ селеніи, подъ прямымъ угломъ. Дворы, какъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ отъ Кокчетава, обнесены срубами изъ толстыхъ бревенъ, такъ что заборы по наружности, отличаются отъ домовъ только отсутствіемъ крыши. Вмѣсто нея на срубѣ двора положены жерди, на которыхъ наложена солома, сѣно или навозъ. Такимъ образомъ, плотно прикрытый дворъ служитъ отличнымъ убѣжищемъ для скота во время зимнихъ бурановъ. Въ Атбасарѣ находился генералъ-лейтенантъ

Пановъ, губернаторъ области Сибирскихъ киргизовъ, инспектирующій свою область.

Я очень усталъ; нужно ложиться спать.

18-го августа. Сегодня утромъ я отправился въ полной парадной формѣ къ Панову и оставался у него довольно долго. Пановъ пояснилъ, что въ одиннадцать часовъ утра назначены выборы новаго султана Атбасарскаго округа и что онъ приглашаетъ насъ. Такъ какъ въ первый разъ еще выборы должны были производиться тайною подачей голосовъ, то онъ хотѣлъ присутствовать при выборахъ, чтобы толковать киргизамъ важность тайной баллотировки.

Я остановился на одной квартирѣ съ Г-ъ, котораго здѣсь знаютъ всѣ отъ мала до велика. Еще вчера вечеромъ, вмѣстѣ съ властями, пришелъ настоящій старшій султанъ Кучекъ-Дженаевъ. Онъ былъ очень скученъ и, оставшись наединѣ съ нами, передалъ черезъ своего переводчика слѣдующій разсказъ: «Губернаторъ очень на меня сердитъ, а несправедливо. Завтра выборы. Акашкаръ Кичкинтаевъ, интригующій всѣми способами, чтобы быть султаномъ, черезъ своихъ родственниковъ и работниковъ подалъ прошеніе губернатору, будто бы я дѣлалъ произвольные сборы на постройку мечети. Я дѣлаю богоугодное дѣло; губернаторъ же потребовалъ отъ меня приговора волостей и, такъ какъ я не составилъ ихъ, то онъ приказалъ нарядить слѣдствіе и отстранить меня отъ званія султана». Мы выразили и сожалѣніе къ судьбѣ Кучека, какъ видно очень потерявшагося, и довѣріе къ благородству и справедливости губернатора.

Едва вышелъ Кучекъ, какъ въ комнату взошелъ съ поклонами киргизъ въ формѣ прапорщика. Это былъ Джантюре-Джанаевъ, султанскаго, какъ и предъидущій, рода, т. е. происходящій отъ Аблай-Хана. Съ нимъ яви-

лось до пяти киргизовъ почетныхъ и непочетныхъ, между ними былъ и толмачъ.

— «Что, завтра у васъ выборы?»

— Да. Сейчасъ губернаторъ требовалъ отъ насъ имена трехъ кандидатовъ на султанское званіе. Кандидатами назначены, между прочимъ, Акашкаръ Кичкинтаевъ и я. Кичкинтаевъ бунтуетъ народъ. Сегодня онъ, разбивъ двѣ юрты за станицей, зарѣзалъ двухъ кобылъ и сталъ угощать волостныхъ управителей. Онъ всѣхъ купилъ. Каждому управителю далъ по 1.200 рублей, чтобы подали за него голоса на выборахъ.

— «Это ассигнаціями?»

— Да.

— «Развѣ Кичкинтаевъ очень богатъ».

— О, о! очень—и киргизы выразили мимикою, какъ богатъ Кичкинтаевъ.

Молчаніе.

— «Мы,—началъ Джантюре, хотимъ жаловаться губернатору, что Кичкинтаевъ бунтуетъ народъ. За насъ всѣ султаны, а онъ подкупаетъ волостныхъ старшинъ, говоритъ, что черная кость выше бѣлой и что народъ долженъ имѣть больше значенія при выборахъ, чѣмъ султанскіе роды».

— Дѣлайте, какъ знаете. Правила выборовъ опредѣлены законами, а вашъ губернаторъ, какъ вы же говорите, человѣкъ справедливый.

Молчаніе... Въ маленькую комнату, занимаемую мною, входитъ или вѣрнѣе показывается въ дверяхъ новая толпа киргизовъ, имѣя во главѣ заплывшаго отъ жиру толстяка съ умнымъ и хитрымъ лицомъ. Это Кичкинтаевъ, про котораго шла только что рѣчь.

Противныя партіи видимо сконфужены неожиданною встрѣчею. Вскорѣ Джантюре выходитъ съ большею частью людей, съ которыми онъ пришелъ; остается только нѣсколько «аксакаловъ», сѣдыхъ бородъ, про-

щающихся дружественно съ Джантюре, но остающихся въ обществѣ Кичкинтаева, вѣроятно, на всякій случай. Партія Кичкинтаева разсаживается по свободнымъ стульямъ.

— «Васъ, кажется, выбрали кандидатомъ къ имѣющимъ быть завтра выборамъ?»

— Всѣ волостные управители и весь народъ желаютъ меня выбрать; но султанскіе роды не хотятъ допустить меня, какъ черную кость. Но я увѣренъ въ выборѣ. Г. губернаторъ увидитъ гдѣ желаніе народа и отстранитъ Джантюре, котораго никто не любитъ за то время, когда онъ былъ уже разъ старшимъ султаномъ Атбасара. Его поддерживаютъ только султанскіе роды, которые всѣ родственники между собой.

— «Говорятъ, что вы умный человѣкъ, г. Кичкинтаевъ; слѣдовательно, должны знать, что никто, ни даже самъ губернаторъ, не можетъ измѣнить закона, поставленнаго императоромъ. Выборы опредѣлены законами. Кого назначатъ избиратели, опредѣленные закономъ, тотъ и будетъ выбранъ народомъ».

Кичкинтаевъ встаетъ и кланяется. Молчаніе.

— Джантюре, начинаетъ Кичкинтаевъ, поддерживаютъ одни султанскіе роды; какъ же онъ будетъ выбранъ?...

— «Можетъ быть, будете выбраны вы, а можетъ и Джантюре; мы знаемъ еще меньше васъ, потому что только сегодня пріѣхали и потому еще, что это насъ совершенно не касается».

Кичкинтаевъ складываетъ лукавую и недовѣрчивую улыбку... «Хошъ», говоритъ онъ, протягивая руку, «хошъ». Кичкинтаевъ со свитой уходитъ.

Въ одиннадцать часовъ мы отправились въ зданіе окружнаго приказа. Губернаторъ взошелъ съ толмачемъ въ средину избирателей, собранныхъ въ комнатѣ, и сказалъ, что будутъ баллотироваться два кандитата, а что настоящаго султана до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ кон-

чится начинающееся слѣдствіе, избирать нельзя. Потомъ генералъ Пановъ убѣждалъ избирателей подавать голоса не согласно личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ, а согласно волѣ народа, котораго они въ настоящее время представляютъ. Онъ обратилъ вниманіе на Акмолинскій округъ, гдѣ султанъ, хотя и не султанскаго рода, избранъ въ настоящіе выборы на пятое трехлѣтіе. Потомъ губернаторъ ушелъ въ комнату присутствія. Каждому изъ избирателей переводчикъ толковалъ, почему удобнѣе тайная подача голосовъ, почему она теперь введена, и какъ каждый избиратель можетъ подавать голосъ совершенно независимо отъ чьего бы то ни было контроля. Киргизъ выслушивалъ переводчика, бралъ шаръ, закрывалъ руку салфеткою, со всею внѣшностью таинственности, но почти каждый, опуская шаръ, говорилъ: хочу Джантюре или хочу Кичкинтаева.

Считаю умѣстнымъ замѣтить тутъ изъ кого составляются избиратели. Правомъ голоса на выборахъ старшаго султана пользуются: 1) всѣ совершеннолѣтніе киргизы султанскихъ родовъ; 2) волостные управители, нѣчто въ родѣ нашихъ головъ, и 3) имѣющіе офицерскіе чины и медали. Въ Атбасарскомъ округѣ 7 волостей, изъ нихъ 4 сильнаго Баганалинскаго рода, кочующаго отъ рѣки Чу до рѣки Ишима. Двѣ (Таракты-Нагаевская и Туртугулъ-Качгановская) составлены изъ ауловъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ, происшедшемъ въ степи въ 1837 г. Имъ тогда дорого отплатили наши войска и вѣрноподданные киргизы за баранту и грабежи ихъ вождя Кениссары. Они бѣжали за Чу къ Коканцамъ. Потомъ, не будучи въ состояніи выносить тамошнихъ притѣсненій, вернулись въ началѣ сороковыхъ годовъ опять въ наши предѣлы, чтобы принять присягу на вѣрность. Изъ нихъ составили двѣ волости. Наконецъ послѣдняя Алеке-Байдалинская. Всѣхъ избирателей на 7 волостей было 53 человѣка. Изъ того числа

45 избирателей изъ потомковъ Аблай-Хана и 8 избирателей черной кости (въ томъ числѣ 6 волостныхъ управителей). Фактъ любопытный: изъ 45 султановъ-избирателей 30 принадлежатъ двумъ волостямъ, составленнымъ изъ Кениссаринскихъ шаекъ.

Первымъ баллотировался Кичкинтаевъ. Имъ получено 23 голоса за и 29 противъ.

Потомъ баллотировался Джантюре (султанъ одной изъ Кениссаринскихъ волостей). Всѣ 30 султановъ двухъ Кениссаринскихъ волостей подали голоса за; остальные 22 голоса были противъ. Джантюре былъ выбранъ въ старшіе султаны.

Партія Кичкинтаева показывала всѣми силами, что она недовольна выборами; одинъ киргизъ съ медалью на шеѣ даже сказалъ это губернатору, который тѣмъ не менѣе поздравилъ Джантюре и пожелалъ исправлять ему должность согласно велѣнію закона.

Когда мы вышли изъ приказа, Кичкинтаевъ стоялъ уже на улицѣ, окруженный всею массою народа, ожидавшаго результатовъ выбора. Сидя еще въ приказѣ, я видѣлъ въ окна много связанныхъ лошадей и всадниковъ, сидящихъ на корточкахъ на улицѣ. Теперь все сидѣло верхомъ и слушало Кичкинтаева. Вниманіе ихъ было такъ поглощено, что они не замѣтили или не хотѣли замѣтить приближенія новоизбраннаго султана, къ которому ни одинъ не обернулся даже лицомъ. Кичкинтаевъ сѣлъ верхомъ и вся масса двинулась по улицѣ слѣдомъ за нимъ, нарочно выражая ему то фактическое вниманіе, которое у насъ называется оваціей.

Обѣдали у Панова, который отзывался о казакахъ, какъ о разбойникахъ, съ насмѣшкой говорилъ про слѣдственныя дѣла между киргизами по нашему законодательству и вообще про нашу административную нелѣпость по отношенію къ киргизамъ.

Часовъ въ семь поѣхали на байгу. Около юрты, раз-

битой для губернатора, былъ вкопанъ столбъ съ привязаннымъ наверху халатомъ. У юрты играли доморощенные музыканты, балалайка, скрипка и пр. Близъ столба появлялись борцы, валившіе другъ друга на землю. Побѣдитель получалъ обыкновенно по аршину ситца; иногда къ оторванному куску кидались оба соперника вмѣстѣ и тогда борьба начинается снова, согласно приговорамъ султана, около котораго стоялъ нарѣзыватель ситцу.

«Ваше Пр—ство!»—говоритъ непремѣнный засѣдатель,—«байга скачетъ». Всѣ встали и пошли за юрту. Далеко въ степи показалось нѣсколько всадниковъ, поднимающихъ пыль. Линія скачущихъ растянулась на большое разстояніе. Впереди всѣхъ несся мальчишка на сѣрой лошади.—«Моя конь»; — говоритъ Кичкинтаевъ, одушевившійся такъ, что забылъ оскорбительные для него выборы. На встрѣчу байгѣ съ воплемъ и крикомъ понеслось множество всадниковъ, поощряя бѣгуновъ, сдѣлавшихъ уже 20 верстъ. Первая лошадь Кичкинтаева подскакала прямо къ губернатору. Отъ сѣдоковъ второй и третьей были отобраны билеты, которые были имъ розданы до отъѣзда въ скачку. Родственники и друзья владѣльцевъ лошадей, вынесшіеся впередъ, чтобы одобрить скачущихъ, подцѣпили *бѣгунцовъ* подъ уздцы и подтаскивали ихъ съ крикомъ и воплемъ къ губернатору. На первыхъ пять коней были розданы призы, состоявшіе изъ серебряныхъ приборовъ, погребцовъ, тазовъ для умыванія и пр.

По окончаніи байги губернаторъ роздалъ двумъ служащимъ по выборамъ киргизамъ серебряные подарки за отличное исполненіе ими своихъ обязанностей. Это, кажется, видимо понравилось народу.

Послѣ губернаторъ пилъ шампанское за здоровье императора, засѣдатель закричалъ хрипло ура въ честь губернатора, губернаторъ предложилъ еще тосты за

благополучіе Атбасарскаго округа и за наше здоровье. То же съ новыми бокалами предложили атбасарскіе чиновники. Когда губернаторъ уѣхалъ, въ народъ бросалъ засѣдатель казенныя серебряныя деньги и табакъ. Потомъ вынесли миску съ бараньимъ мясомъ, которое толпа, á la lettre, разрывала между собой. Счастливому обладателю бараньяго ребра, вываляннаго въ пескѣ, болѣе несчастливый байгушъ накладывалъ въ шею, въ свое утѣшеніе...

Прибавьте къ тому, что толпа, усѣвшаяся по сторонамъ отъ губернаторской юрты до столба, обрамливалась сзади стоящими и еще далѣе верховыми людьми въ странныхъ костюмахъ; присоедините къ тому звуки доморощеннаго оркестра, крикъ людей, лѣзшихъ на столбъ за халатомъ,—и составится полная оригинальная картина, которую можно видѣть только въ Азіи.

Когда губернаторъ уѣхалъ, я еще ходилъ нѣкоторое время между народомъ, разбредшимся теперь около юртъ. Солнце сѣло; киргизы собирались домой и перекликивались, вызывая товарищей. Всадники двигались взадъ и впередъ, сгруппировавшись болѣе у кухни... Я долго бы еще не уѣхалъ, если бы не ѣдкая пыль, поднятая всадниками и пѣшеходами.

19-го августа. Утромъ разспрашивали султана и волостныхъ засѣдателей объ ихъ поземельныхъ дѣлахъ. Оказалось, что здѣшнее пользованіе землею находится въ зависимости отъ двухъ обстоятельствъ. Бунтъ Кениссары, потрясшій весь нынѣшній Атбасарскій округъ, обезлюдилъ часть степи. Опустѣлыя зимовки остались за тѣми, кто послѣ бунта ихъ занялъ. Остальное пространство досталось на долю волостей, вернувшихся изъ-за Чу съ тѣмъ, чтобы окончательно подчиниться Россіи. Такой порядокъ овладѣнія землей долженъ былъ породить множество поземельныхъ споровъ и они дѣй-

ствительно существуютъ. Второй поводъ къ спорамъ за землю слѣдующій: когда была проведена граница степей Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомства, эта граница была проведена по землѣ Баганалинцевъ. Согласно положенію, ихъ спросили хотятъ ли они подчиниться оренбургскимъ порядкамъ. Баганалинцы отказались и пожелали остаться подъ властью сибирскаго начальства. Тогда имъ пришлось бросить часть своихъ зимовокъ и податься нѣсколько къ югу. Это произвело споры и съ сосѣдями Оренбургскаго вѣдомства Кипчаками и между собой. Споры эти процвѣтаютъ до нынѣ.

Потомъ ѣздили за пять верстъ смотрѣть на поля съ искусственнымъ орошеніемъ. Нѣсколько казанскихъ татаръ года четыре тому назадъ выразили желаніе арендовать землю у Атбасарской станицы и рѣшились оросить ее искусственнымъ образомъ. На версту выше нанятой земли они начали рыть арыкъ или канаву, которая, начавшись на уровнѣ рѣчки Атбасарки, только незначительно падаетъ и могла, по понятію татаръ, доставить орошеніе полю. Вода не пошла. Теперь около самыхъ пашней они устроили родъ чигиръ, колесо съ придѣланными къ нему черпаками, которые, поднявши воду изъ рѣчки, выливаютъ ее въ жолобъ. Послѣдній вливается въ канаву, отъ которой идутъ канавки на всю пашню. Устья канавокъ закрываются глиняными валиками. Урожай вышелъ очень хорошъ, но здѣшній бичъ, кобылка, съѣла весь посѣвъ этого года, какъ съѣла его прошлый годъ. Неужели противъ нея нѣтъ средствъ?

Послѣ обѣда вновь говорили съ почетными киргизскими людьми. Кичкинтаевъ, злобствуя на султановъ, разсказалъ намъ очень много интереснаго про телленгутовъ, полурабовъ, полуопричниковъ султановъ; но объ этомъ послѣ, потому что очень усталъ.

20-го августа. Выѣхали въ Акмолы съ намѣреніемъ

проѣхать всѣ 230 верстъ въ однѣ сутки, потому что ночевки въ пути отнимаютъ у насъ очень много времени. Отъ Атбасара до Акмоловъ степь оказывается дѣйствительно степью; все голо и обнажено. Верстахъ въ десяти отъ Атбасаръ виднѣется вправо долина Ишима. Объ этомъ можно догадаться потому, что на голой плоскости степи появляются милліоны стоговъ сѣна. заготовленныхъ киргизами для зимы. Мнѣ сначала показалось, что эти стоги понаставлены по косогору, но оказалось, что они поставлены по обоимъ берегамъ, преимущественно же по лѣвому. Г—й сказалъ, что вслѣдствіе ровности горизонта и кажущагося его поднятія по мѣрѣ удаленія отъ наблюдателя, ему нѣсколько разъ представлялось, будто озеро расположено на возвышенности, а какая-нибудь рѣченка, въ него впадающая, но находящаяся ближе, казалось, вытекала изъ озера, и горизонтъ ея представлялся гораздо ниже уровня озера. Такъ и теперь, Ишимъ со своими стогами, казалось, расположился по возвышенному косогору.

Степь рѣдко представлялась совершенно ровною. Большею частью она всхолмлена въ разныхъ мѣстахъ. Цвѣтъ оправы зелено-бурый; отчего вся степь своими переливами напоминаетъ шерсть (свѣтлаго) медвѣдя. Трава густа въ рѣдкихъ мѣстахъ. Обыкновенно она выпрыгиваетъ изъ земли рѣдкими пучками, оставляя промежутки голой земли Мѣстами ковыль, сгибающійся по вѣтру, даетъ особенный характеръ степи. Издали на кажущейся ровной поверхности степи онъ напоминаетъ высокіе сѣдые волоса на хорошемъ бобровомъ мѣху. Иногда, спускаясь къ низменной прогалинѣ, видишь большое обиліе цвѣтовъ, завоевавшихъ территорію по семействамъ, почему степь будто покрывается плоскостями разныхъ цвѣтовъ. Тогда васъ поражаетъ сильный пахучій запахъ. Но еще немного впередъ и опять тянется передъ вами ровная, однообразная растительность.

Около Ишима разбросано много зимовокъ. Это большею частью землянки съ сдѣланными изъ дерна же загонами и оградами для скота. Недалеко отъ землянокъ бродили стада и табуны; вѣроятно, киргизы прикочевывали уже къ зимовкамъ. Около нѣкоторыхъ зимовокъ работали уже люди, складывающіе большіе скирды сѣна. Тутъ же копошились дѣти; стояли арбы.

Около полудня видѣлъ миражи по всему горизонту. Тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, все было весьма неопредѣленно; какъ будто вода или густой паръ заливали всѣ предметы. Иногда обрывокъ этого пара спускался въ прогалину и, точно облака, отдѣлялъ какуюнибудь высоту отъ своего основанія. Все это струилось и переливалось вмѣстѣ съ формами какихъ-то большихъ предметовъ, угадать очерки которыхъ не было никакой возможности. То казалось, будто это лѣсъ, то какая-то темная неопредѣленная масса. Подъѣзжаемъ ближе и оказывается всего какіе-то невинные стоги сѣна или пара незначительныхъ зимовокъ или небольшой, но широко раскинувшійся аулъ; либо стадо скота и лошадей.

Станціи на пикетахъ выстроены однообразно. Вопервыхъ, домъ почтосодержателя—обыкновенно маленькая комнатка; во-вторыхъ, довольно просторный домъ, половина котораго назначалась для пятнадцати казаковъ, занимавшихъ пикетные дома, и другая, довольно чистая, для проѣзжихъ. Для лошадей и хозяйства существуетъ дворъ и сараи. И то, и другое сдѣлано изъ дерна. Сараи имѣютъ деревянные устои по стѣнамъ и серединѣ, поддерживающіе перекладины, на которыхъ наложенъ дернъ. Стѣны сараевъ и заборы очень тверды до сихъ поръ и стоятъ прямо, хотя построены пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Дома построены изъ толстѣйшихъ бревенъ—роскошь непростительная въ безлѣсной странѣ; пазы между бревнами сперва задѣланы чѣмъ-то, а потомъ замазаны известью.

Послѣ полудня переѣхали на паромѣ рѣчку Колгутонъ, впадающую въ Ишимъ; она не широка, шаговъ съ тридцать, но кругомъ около низменныхъ береговъ оставляетъ весною большіе разливы, которые наполнены водой даже глубокою осенью. Около этихъ разливовъ кое-гдѣ разбросаны зимовки.

Всю ночь ѣхали и часовъ около восьми слѣдующаго дня пріѣхали въ Акмолы.

22-го августа. Акмолы растетъ съ каждымъ днемъ. Въ 1862 году онъ сдѣланъ городомъ, такъ какъ еще съ 1851 г. онъ сталъ центромъ торговой дѣятельности всей степи, какъ лежащій на перепутьѣ торговыхъ дорогъ съ линіи въ Семирѣчье и Среднюю Азію. Въ восемь послѣднихъ лѣтъ съ оборота въ 300.000 руб. торговый оборотъ города поднялся до 1.500.000 рублей. Главныя статьи торговли: скотъ, лошади, хлѣбъ, фабричныя произведенія русскія, ташкентскія и бухарскія.

Сегодня коммисія получила свѣдѣнія, что недалеко отъ города земля обработана русскими землепашцами, прибывшими въ этомъ году изъ Россіи. Мы поѣхали туда верхами. Проѣхавъ верстъ семь, мы были поражены тѣмъ, что увидѣли. Небольшой клочекъ степи, видъ которой кругомъ былъ совершенно пустынный, былъ обработанъ самымъ тщательнымъ образомъ. Огромные подсолнечники ограждали значительное пространство, на которомъ лежали еще не совершенно поспѣвшіе арбузы и дыни. Между ними виднѣлись свекла, рѣпа, рѣдька, брюква, морковь, укропъ, анисъ, макъ, тыква, картофель и проч. Вдали виднѣлись разные сорта хлѣба. Все это поспѣло такъ хорошо, хлѣбъ и овощи были такъ полновѣсны, что впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣхъ видѣннымъ, было самое пріятное.

Исторія этого перваго опыта русскаго хлѣбопашества въ Акмолинскомъ округѣ слѣдующая. Уже нѣ-

сколько лѣтъ здѣсь по торговымъ дѣламъ находился Самарской губерніи купецъ города Бузулука Гавріилъ Ефремовъ. Положеніе Акмоловъ, какъ торговаго центра, и большая потребность въ хлѣбѣ, чувствуемая русскими и киргизами, заставили его дѣлать изъ-подъ руки практическіе опыты надъ землей въ окрестностяхъ Акмоловъ. Эти опыты убѣдили его, что земля здѣсь «благодатная». Тогда онъ написалъ на свою родину, приглашая сюда колонистовъ. На первый разъ пріѣхали купеческіе родственники (вѣроятно, мѣщане) изъ Бузулука: Тимоѳей Черныхъ, Яковъ Ефемовъ и Тимоѳей Зибревъ. Прибывъ съ семействами въ Акмолы, артель просила земли у акмолинской казачьей станицы. Послѣ многихъ затрудненій, станица отвела имъ хорошую землю за р. Ишимомъ, но потомъ, когда земля была уже поднята, колонистовъ перевели на другое, болѣе неудобное, мѣсто.

По договору артель должна была платить по 30 копѣекъ за каждую засѣянную десятину. Артель рѣшила засѣять для пробы всѣ сорта хлѣба, сѣмена которыхъ были привезены съ собою. Все это воздѣлывалось самими колонистами, къ которымъ въ артель вступилъ еще петропавловскій мѣщанинъ, служащій у купца Носова, Терентій Половневъ. Когда пришло страдное время, нанимали солдатъ по 20 копѣекъ въ день. Къ тому же времени подошло около тридцати крестьянъ съ семействами, прибывшихъ тоже изъ Самарской губерніи для колонизаціи окрестностей Акмоловъ. Урожай вышелъ превосходный: съ сотенной десятины, на которой было посѣяно до 2 пудовъ проса, судя по вѣсу сноповъ, снятыхъ, но еще не отмолоченныхъ, артель предполагаетъ собрать 200 пудовъ не перемолоннаго проса. Тѣмъ же порядкомъ они разсчитываютъ, что съ десятины, на которой было посѣяно 10 пудовъ пшеницы, получится 200 пудовъ; овса съ 12 пудовъ посѣва—150 пудовъ; гре-

чихи съ 6 пудовъ посѣва—150 пудовъ; гороху съ 6 пудовъ отъ 100—120.

Хорошее и полезное дѣло и остается оно безъ хорошихъ послѣдствій!

Артель заказала въ этомъ же году солдату, служащему въ Акмолахъ, Михайлову, круподерную мельницу, обезпечивъ ея работу всею жатвою проса. Къ слѣдующему году сама артель строитъ вѣтрянку, что ей обойдется очень дешево. Ближайшій лѣсъ—Мунчактынскій въ 130 верстахъ; другой—Чубаркульскій въ 110—120 Руби, кто хочетъ, и вывози, сколько знаешь. Значитъ, матеріалъ ничего не стоитъ. Жернова очень дешевы, до 5 рублей каждый.

Земля очень годна подъ пашни. Для посѣва поднимаютъ на четверть и все-таки не достаютъ подпочвы. Грунтъ отличный—супесь. Успѣхъ перваго года побудилъ артель идти далѣе. При отличномъ и достойномъ похвалы содѣйствіи старшаго султана Акмолинскаго округа артель наняла у киргизовъ до 1,000 десятинъ по 20 копѣекъ за каждую. Скоро будутъ поднимать на озимое. Ожидаютъ лучшаго урожая; особенно овощей. Прошлою весною затрудненія, дѣлаемыя казаками, заставили артель опоздать посѣвомъ на цѣлыя двѣ недѣли.

Гавріилъ Ефремовъ подалъ въ настоящее время прошеніе о дозволеніи поставить за городомъ кожевенный заводъ; ему разрѣшили власти, но казачье общество, пользуясь тѣмъ, что земли новаго города еще не отдѣлены отъ казачьихъ, отказываютъ ему; а у Ефремова заготовлены коры, кожи и выписанъ уже мастеръ. Нужно замѣтить, что для дубленія онъ хочетъ употреблять тальниковую кору. Другой мѣщанинъ, Борисъ Гостевъ, хочетъ поставить мыловаренный и клеевой заводъ; но по его просьбѣ казаки отвели ему мѣсто у Ишима чуть не въ серединѣ города. Ужъ самъ Гостевъ отказывается

отъ него и просится за городъ въ то мѣсто, гдѣ хочетъ поставить свой заводъ Ефремовъ.

Я забылъ сказать, для яснаго понятія объ успѣхѣ опытовъ нашихъ колонистовъ, что въ настоящее время цѣны въ Акмолахъ слѣдующія: ржаная мука за пудъ 80 коп. сер., пшеничная—1 р.; просо—1 р. 45 к. сер.; овесъ четверть—3 р. 50 коп. сер.; арбузы—8 руб. сотня; дыни—8 цѣлковыхъ; горохъ—пудъ 1 р. 50 коп. сер.

23-го августа. Встрѣтилъ въ Акмолахъ Феликса Селивестровича Добровольскаго, моего товарища по корпусу. Онъ служитъ въ конно-артиллерійской батареѣ, стоящей здѣсь.

Когда мы пріѣхали въ Акмолы, въ числѣ лицъ, дѣлавшихъ намъ визиты, былъ бывшій султанъ округа Конуръ Кульджа Худаймендинъ. Онъ былъ въ полковничьей формѣ, съ медалью, осыпанной бриллiантами, на шеѣ.

Вчера, 22-го августа, ко мнѣ прибѣжали за спиртомъ; хозяйка, у которой мы остановились, жена кассимовскаго татарина Тайджина, вбѣжала съ потеряннымъ лицомъ въ комнату, крича по-русски: «Нѣтъ ли спиртъ? Нѣтъ ли спиртъ?» Я подалъ о-де-колонъ, спрашивая, зачѣмъ онъ ей.—«Султану Конуру очень дурно». Черезъ полчаса о-де-колонъ вернули съ извѣстіемъ, что султанъ, вернувшись изъ бани, гдѣ онъ сильно парился, почувствовалъ себя дурно, что потомъ съ нимъ сдѣлался ударъ, что ни спиртъ, ни прибѣжавшій докторъ не могли ему помочь и что онъ уже умеръ. «Султанша больно плачетъ», прибавляла хозяйка, обнаруживая и сама разными гримасами душевную тоску. «Султанша моя дочь».

Покойный Конуръ Кульджа принадлежалъ къ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ степи. Онъ съ Алтаевскими волостями (кочуютъ въ юго-восточной части

Акмолинскаго округа), которыхъ онъ былъ старѣйшиною, первымъ просилъ о введенiи въ степь положенiя Сперанскаго. Тѣмъ не менѣе покойникъ былъ великiй грабитель. Когда онъ былъ выбранъ старшимъ султаномъ Акмолинскаго округа въ 1831 или 1832 году, то началъ отбирать у Алтаевскихъ волостей подписки, что земля, имъ принадлежащая, составляетъ его родовую зимовку. Потомъ онъ обзавелся документами и при содѣйствiи продажной нашей администрацiи, въ особенности какого-то Кури, правителя канцелярiи губернатора Фридрихса, окончательно закрѣпилъ за собой заграбленныя земли. Такимъ манеромъ у него появились его собственныя земли, верстъ до 400 въ ширину и такой же длины. Когда въ сороковыхъ годахъ волости, ушедшiя съ Кениссарой, стали ворочаться, попечительное начальство отправило Конура *устроить* ихъ на пустыхъ земляхъ. Конуръ началъ съ того, что ограбилъ ихъ до чиста. Но это не прошло ему даромъ. Вслѣдствiе жалобъ, надъ нимъ было наряжено слѣдствiе, а въ 1848 или 1849 году Конуръ смѣненъ и у него отнято право быть другой разъ выбраннымъ султаномъ. Конуръ былъ очень богатъ; однѣхъ лошадей было у него до 12.000. Онъ былъ ханскаго рода и, кажется, утвержденъ нашимъ потомственнымъ дворяниномъ.

Вмѣсто Конура выбрали старшимъ султаномъ Акмолинскаго округа Ибрагима Джанкпаева. Родомъ онъ изъ Семипалатинскаго округа внутреннихъ киргизовъ. Эти киргизы уходили уже съ давнихъ поръ на правую сторону Иртыша отъ баранты, грабежей и неурядицы, опустошавшихъ тогда степь. Имъ давали землю и освобождали отъ платежа податей. Естественно, что они стали богатѣть. «Сначала, разсказывалъ мнѣ Ибрагимъ, внѣшнiе киргизы чуждались насъ, называли насъ русскими и не выдавали за насъ своихъ дѣвокъ. Послѣ же стали искать нашего знакомства, но мы уже презирали ихъ.

Когда по всей степи пошла огласка о томъ, какъ мы разбогатѣли и какъ кочуемъ спокойно, тогда и внѣшніе киргизы захотѣли отдаться Россіи. Они обманулись и теперь обѣднѣли не по волѣ Государя, нашего господина, а по волѣ мелкихъ чиновниковъ».

Какъ бы то ни было, когда кениссарійскія волости, уйдя въ Коканъ, оставили пустопорожнія земли, князь Горчаковъ предложилъ четыремъ кипчаковскимъ волостямъ внутреннихъ киргизовъ перейти на внѣшнюю сторону и занять значительное пространство на лѣвой сторонѣ Ишима. Старшина кипчакскаго рода Ибрагимъ Джанкпаевъ согласился и прикочевалъ сюда со своими волостями Уже это одно поставило Джанкпаева во враждебныя отношенія къ Конуру. Ихъ антагонизмъ увеличился вслѣдствіе избранія Джанкпаева старшимъ султаномъ и послужило причиной большихъ неудовольствій между родами Кипчакскимъ и Алтаевскимъ.

Ибрагимъ Джанкпаевъ не султанскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе умѣетъ управлять округомъ твердо и съ достоинствомъ. Въ настоящемъ году онъ выбранъ султаномъ на пятое трехлѣтіе.

24-го августа. Былъ нѣсколько часовъ у горнаго ревизора, подполковника Григоровича, и говорилъ съ нимъ о горномъ промыслѣ въ области Сибирскихъ киргизовъ. На основаніи нашего разговора составилъ требованіе на свѣдѣнія по горному промыслу. Судя по словамъ, Григоровичъ дастъ весьма полныя свѣдѣнія.

По ночамъ въ городѣ идетъ обыкновенно страшный гвалтъ. Сторожа лавокъ кричатъ, завываютъ, поютъ во все горло и изо всѣхъ силъ бьютъ дубьемъ въ двери, стѣны и проч.; тоже самое я слыхалъ въ Петропавловскѣ. Это азіатская манера стеречь. На мой вопросъ, кто эти сторожа, мнѣ отвѣчали, что киргизы, но нанятые ташкентцами. Ихъ нельзя заставить правильно пе-

рекликаться. Киргизъ ночью, чтобы не спать, долженъ такъ шумѣть. Отъ этого не легче; въ городѣ болѣе ста лавокъ; чтобы охранить ихъ, нужно много киргизъ, которые въ состояніи не дать спать цѣлому городу.

25-го августа. Вечеромъ были на званомъ вечерѣ, у султана Ибрагима. Всѣ усѣлись за карты, а я зѣвалъ, двигаясь изъ угла въ уголъ. Къ ужину былъ поданъ огромный кусокъ чрезвычайно аппетитно сжареннаго мяса. По величинѣ куска было видно, что это не телятина, хотя мясо смотрѣло совершенно телячьимъ. Я спросилъ Ибрагима, не жеребенокъ ли это? Онъ отвѣтилъ, что, желая угостить насъ на славу, приказалъ привести изъ своего аула жеребенка этого года съ матерью. «Иначе—прибавилъ онъ—если гнать одного жеребенка, мясо будетъ очень дурное отъ тоски и испуга». Я съѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ кусокъ этого чрезвычайно вкуснаго мяса, хотя въ Петербургѣ, при одной мысли, что мнѣ придется ѣсть *кобылятину,* меня брала дрожь. «Мы васъ будемъ вновь крестить въ Исаакіевскомъ соборѣ, когда вернемся въ Петербургъ, чтобы очистить»,—говорилъ вечеромъ Новиковъ, намекая на удовольствіе, съ которымъ я ѣлъ *нечистое* мясо. Ужинъ у Ибрагимова былъ на славу. Домъ его совершенно въ европейскомъ вкусѣ.

26-го августа. Разспрашивалъ Акмолинскаго купца Владимірской губерніи Вязниковскаго уѣзда Ѳеодора Михалевскаго про торговлю новаго города. Онъ сказалъ много интереснаго и новаго.

Первымъ изъ русскихъ торговалъ въ 1841 году въ Акмолинской станицѣ Владимірской губерніи крестьянинъ Гавріилъ Москалевъ. Товаръ, имъ получаемый, былъ мелочной и красный. Первый опытъ былъ неудаченъ. Но, послѣ того, усилія купцовъ Ушакова, Глас-

кова и Березина увѣнчались успѣхомъ. Положеніе Акмоловъ, лежащихъ на пути между Семирѣченскимъ краемъ, Тураномъ и линіей, богатство окружающихъ киргизскихъ родовъ скотомъ должно было развить торговлю. Первоначально наши купцы покупали азіатскіе товары, потому что потребности киргизъ того времени ограничивались одною бязью; но уже въ то время они требовали изъ нашихъ товаровъ желѣзо, чугунъ и мѣдь съ нашихъ сибирскихъ заводовъ Всѣ эти товары (т.-е. бумажные изъ Турана и металлическіе съ нашихъ заводовъ) задавались нашими купцами киргизамъ подъ барановъ.

Торговля Акмоловъ стала развиваться по окончаніи кениссаринскаго возстанія. Кромѣ положенія этой станицы и возстановленія спокойствія въ степи, тому содѣйствовали: уничтоженіе генералъ-губернаторомъ Гасфортомъ карантиннаго осмотра въ казачьихъ станицахъ (прежде отряднымъ начальникамъ въ станицахъ было предоставлено право дѣлать карантинные досмотры, но Гасфортъ уничтожилъ это право въ 1851 или 1852 году) и содѣйствіе и покровительство, оказываемое торговлѣ султаномъ Ибрагимомъ. Чтобы обезопасить движеніе каравановъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ кениссаринскаго возстанія, самъ сопровождалъ ихъ съ конвоемъ. Съ теченіемъ времени наши купцы стали продавать и русскіе товары. Тогда караваны изъ Турана, ходившіе первоначально не только въ Петропавловскъ, но и въ Ирбитъ, стали сбывать ихъ Акмолинскимъ купцамъ, русскимъ и ташкентцамъ. Этимъ выиграли и туранцы, и наши купцы. Первые торговали охотнѣе въ Акмолахъ, потому что здѣсь не было таможни и еще потому, что купцы, приписавшіеся къ Акмоламъ, не платятъ, на опредѣленный срокъ, гильдейскихъ пошлинъ. Наши товары въ Акмолахъ стали дешевѣть, потому что киргизы, съ которыми наши купцы имѣютъ дѣла, находятся подъ

рукой и сложныя взысканія съ нихъ упрощаются Въ свою очередь туранцы, нуждавшіеся въ нашихъ товарахъ, могли получать ихъ вмѣсто Петропавловска и Ирбита въ Акмолахъ, слѣдовательно, выиграли много времени. Хотя товары, идущіе изъ Россіи въ Акмолы и очищаются въ Петропавловскѣ пошлиною по 1 коп. сер. съ рубля, но за то туранскіе товары еще не оплачены нашею пошлиною, т.-е. въ Акмолахъ они дешевле. Все это повлекло за собой ослабленіе петропавловской торговли и развитіе акмолинскихъ оборотовъ.

Вліяніе нашего торговаго сословія въ киргизскихъ степяхъ обнаружилось главнымъ образомъ тѣмъ, что киргизы стали привыкать къ мукѣ. Первоначально киргизы употребляли хлѣбъ, какъ лакомство, и покупали муку по казачьимъ станицамъ въ пору ихъ процвѣтанія. Но обманы, обмѣры, обвѣсы и мошенничества казаковъ отбили отъ нихъ покупателей. Тогда свободные обыватели, поселившіеся въ Акмолахъ, стали привозить хлѣбъ изъ Россіи.

Вязниковскій крестьянинъ Өедоръ Михалевскій привезъ изъ Петропавловска въ 1863 году 1.000 пудовъ хлѣба и пользы получилъ не менѣе 10% въ полтора мѣсяца; въ 1864 году онъ же привезъ оттуда же 3.000 пуд.; въ этомъ году онъ привезъ не менѣе 5.000 пуд.; кромѣ того взялъ 1.000 пуд. на коммисіонерство.

Торговля скотомъ должна достигнуть въ Акмолахъ серьезнаго развитія. Въ прошломъ году баранъ далъ на салотопенныхъ заводахъ въ курдюкѣ сала до 33 фунтовъ. Такого результата достигли при русской выпаскѣ на хлѣбныхъ мѣстахъ (атавахъ). Въ Акмолахъ, при киргизскомъ способѣ пасти на степяхъ, получено съ барана 28 фунтовъ сала [1]).

[1]) Русскіе пасутъ барановъ пѣшкомъ, при этомъ скотина идетъ тихо, ѣстъ спокойно и вдоволь; киргизы пасутъ верхами, отчего овцы ихъ паствы никогда не даютъ столько сала, какъ русскія.

Въ минувшемъ году куплёно въ Акмолахъ и отправлено въ Ташкентъ 30.000 барановъ; сала, топца и сырца отправлено въ Ташкентъ въ 1863 году 10.000 пудовъ. Можно думать, что не меньшее количество будетъ куплено и въ слѣдующемъ году.

Торговое развитіе Акмоловъ повело къ открытію здѣсь пермскими купцами, братьями Каменскими, конторы транспортированія кладей. Условіе между отправляющими кладь и конторою заключается словесное. Обыкновенно за сколько повѣренный Каменскихъ найметъ извозчиковъ, столько отправляющій и платитъ съ прибавкой 3 коп. съ пуда коммисіонерскихъ. За бывшія пропажи уплачивается Каменскими аккуратно. Каменскіе брали прежде въ извозъ казаковъ, но они мошенничали и выкрадывали товаръ. Теперь они нанимаютъ только киргизъ, доставляющихъ товаръ очень честно; они аккуратны, въ особенности, если ихъ не очень торопить. По разсказу приказчика Каменскихъ, контора отправляетъ не менѣе 25.000 пудовъ кладей. Провозная цѣна отъ Акмоловъ до Петропавловска отъ 10 коп. до 25 к.; до Ирбита около 50 копѣекъ. Каменскіе, перевозя товары до Петропавловска, до Ирбита и оттуда, везя ирбитскій товаръ тѣхъ же купцовъ въ Акмолы, не берутъ денегъ за провозъ до распродажи товаровъ. Впрочемъ они берутъ товары для отправки, куда кто хочетъ. Къ сожалѣнію, приказчикъ Каменскихъ пріѣзжаетъ въ Акмолы только по временамъ, именно передъ Макарьевской и Ирбитской ярмарками.

Акмолинскіе ташкентцы просили, чтобы Каменскіе открыли контору до Ташкента для провоза товаровъ въ степь и на линію

Въ Акмолахъ 2 ярмарки: 1) съ 21 мая по 21 іюня и вообще до пріѣзда губернатора; такъ что здѣшніе купцы радуются, если губернаторъ опоздаетъ производя свою ревизію; ярмарка называется Константиновской. 2) Съ

22 октября по 22 ноября; ярмарка называется Дмитріевской.

Первый открылъ въ Акмолахъ торговлю Владимірской губерніи Вязниковскаго уѣзда крестьянинъ Гавріилъ Москалевъ, въ 1841 году; товаръ азіатскій и русскій, мелочной и красный. Оборотъ небольшой. Неудачно. Далѣе торговалъ Екатеринославскій купецъ Николай Ушаковъ. Открылъ торговлю въ 1846 году. Красный товаръ, желѣзный, мѣдный, мелочной. Ежегодный оборотъ достигалъ 50.000 рублей. Съ теченіемъ времени Ушаковъ упалъ, потому что онъ потерялъ много долгу въ степяхъ. Въ 1857 году открылъ торговлю Петропавловскій купецъ Семенъ Гласковъ; но его дѣла пошли здѣсь не совсѣмъ удачно по недобросовѣстности приказчиковъ. Самъ Гласковъ въ Акмолахъ торговли не велъ. Въ первой половинѣ 1850 года открыта въ Акмолахъ торговля Курганскаго купца Семена Березина. Сначала торговый оборотъ равнялся 4—5 тысячамъ; теперь же достигъ 30—40 тысячъ. У него же есть въ Атбасарѣ лавка; оборотъ около 10 тысячъ; въ Кокчетавѣ тоже лавка въ 40 тысячъ оборота.

Все это записано со словъ Ѳедора Михалевскаго, человѣка, видно, очень умнаго, но, должно быть, слишкомъ расторопнаго и ловкаго.

Разспрашивали султана Ибрагима про промышленность и внутреннюю торговлю Акмолинскаго округа; онъ сказалъ мало новаго.

28-го августа. Выѣхали изъ Акмоловъ по направленію къ Кокчетаву черезъ каменно-угольныя копи и мѣдно-плавильный заводъ Ушакова и Рязановой. Погода была пасмурная. Мѣстность однообразна. Воды становится мало. Сколько мнѣ помнится, въ цѣлый день встрѣтился всего одинъ аулъ и нѣсколько зимовокъ. Степь мѣстами всхолмлена и весьма рѣдко совершенно

ровна. Дулъ очень холодный юго-западный вѣтеръ; къ вечеру пріѣхали въ какое-то урочище на берегу рѣки, гдѣ для насъ была разбита хорошая юрта изъ ауловъ покойнаго Конура. Около протекала какая-то рѣченка, въ омутахъ которой держалась еще вода. Тутъ же расположился караванъ ташкентскихъ или татарскихъ купцовъ, отправляющійся въ степь съ товарами. Такихъ же каравановъ попалось намъ по пути два, либо три. Они шли въ аулы.

29-го августа. Выѣхали часовъ въ пять утра, предположивъ непремѣнно добраться до заводовъ. Съ утра шелъ мелкій дождикъ, точно горящій паръ, обращающійся въ брызги воды. Окрестная мѣстность была едва видна—все было задернуто сизымъ дождевымъ туманомъ. По временамъ большія возвышенности казались нависшими надъ землею облаками. Дулъ пронзительно-холодный вѣтеръ съ юго-запада. Укутанный въ лисій бешметъ и барашковое пальто, я корчился отъ холода. Вѣтеръ, приподнимая фартукъ тарантаса, продувалъ ноги и животъ. Лошади едва шли. Я пробѣжался около экипажа. Если бы поскорѣе добраться до тепла и защититься хоть на время отъ этого разстраивающаго нервы вѣтра. Къ одиннадцати часамъ дождь сталъ усиливаться. Атмосфера наполнилась косымъ ливнемъ, вся окрестность стала непроницаемой...

Мокрый ямщикъ-киргизъ остановилъ лошадей. Здѣсь перемѣна лошадей.

— «Гдѣ же юрта?»—спрашиваемъ мы съ горечью.

— Джокъ, аулъ нѣту.

— «Чтобы тебя черти грызли бъ».

Дождь превратился въ самый сильный ливень. Ни отъ него, ни отъ холода, ни отъ голода не было спасенія. Курить трубку нельзя.

— «Петръ,—обратился я къ повару, дай, ради Бога, хоть кусокъ хлѣба».

Поваръ принесъ намъ хлѣбъ, облитый холоднымъ дождемъ, и кусокъ конины, которую прислалъ намъ на дорогу Ибрагимъ. Пить нечего. Хорошо, что я запасся турсукомъ кумыса.

Запряжка кончилась. Мой тарантасъ тронулся первымъ. Лошади сорвали его съ грязи, поскакали въ степь и стали. Подскакали верховые киргизы, взяли на арканъ коренную. Посыпались на всю тройку удары; раздались вопли... коренникъ билъ, пристяжные рвали упряжь, но ни съ мѣста; наконецъ коренная легла... Нужно перепрягать. Мимо насъ пронеслись другіе экипажи, но стали такъ же, какъ и мы. Перепрягли. Новые удары и вопли, лошади ломаютъ экипажъ, но не двигаются. Обыкновенно и при обыкновенныхъ порядкахъ сидишь при подобныхъ обстоятельствахъ въ экипажѣ, сжавши зубы, и ждешь, пока экипажъ не двинется. Тутъ нельзя ограничиться пассивнымъ положеніемъ. Нужно выдти изъ тарантаса помогать. Ухъ, какъ холодно и какой вѣтеръ! Ну, ну, гайда. Га-а-а! Мы. по колѣно въ распустившейся грязи степи, накатываемъ экипажъ, но лошади поднимаются на дыбы; пристяжныя перекидываются черезъ оглобли и пятятъ экипажъ, чтобы только стать хвостомъ противъ урагана.

Нѣтъ возможности ѣхать. Измоченные, платье забрызганное и запачканное грязью, съ руками, залѣпленными глиною, мы собираемся на совѣтъ. Рѣшено. Исаію, человѣка Г—го, и писаря Глазунова оставить съ двумя экипажами и вещами, а ихъ лошадей подпречь подъ наши тарантасы. Нашъ экипажъ тронулся; лошади пошли довольно дружно; я заснулъ, проснулся, задремалъ и опять пробуждался. Холодъ былъ поразительно проницателенъ. Я прозябъ до костей и дрожалъ; ногамъ было особенно холодно. Дождь хлесталъ по верху тарантаса, въ то

время, какъ вѣтеръ билъ его съ все возрастающей силой. Да это цѣлый ураганъ...

Много ли осталось верстъ? Двадцать пять. Не можетъ быть, думаю я себѣ, опускаясь не безъ испуга въ глубь тарантаса; вѣдь ужъ совсѣмъ темно; мы ѣдемъ не менѣе пяти часовъ. Я опять безпокойно задремалъ и слышалъ, какъ ноги мои ныли отъ холода...

Просыпаюсь совсѣмъ. Темно. Выглядываемъ изъ тарантаса и видимъ сѣрую темень. Дождь льетъ попрежнему; вѣтеръ гудитъ по широкому простору степей и съ какою-то яростью опрокидывается на лошадей и тарантасъ. На козлахъ съежился киргизъ, едва держащій отъ холода возжи въ рукахъ. Новиковъ пригнулся къ самымъ козламъ, повернувъ спину къ урагану. Лошади идутъ шагомъ.

— «Гей! Гей! казакъ! ни чахрымъ!» перекрикиваешь вѣтеръ.

— Я его только что спрашивалъ, отзывается товарищъ изъ темнаго угла тарантаса, — ямщикъ говоритъ, что осталось двадцать.

— «Да онъ это говорилъ Богъ знаетъ когда».

— Онъ вѣрно не знаетъ, но говоритъ, что двадцать.

Проходитъ часъ, два, три... ѣсть хочется страшно, да и жажда мучитъ порядкомъ.. Мы все ѣдемъ шагомъ. По временамъ обрисуются неопредѣленные силуэты какихъ-то горъ; все задернуто туманною темнотою. Близко или далеко эти горы, Богъ ихъ знаетъ. Какіе-то предметы, кажется, выростаютъ около дороги. Звѣрь ли это какой, или камень, или киргизъ?.. Ямщикъ начинаетъ съ отчаяніемъ кричать на лошадей. Ничего не поможетъ. Мы стали...

Вѣтеръ, на которомъ не сосредоточивалось вниманіе во время движенія, начинаетъ, кажется, дуть съ удвоенной силой. Со страннымъ заунывнымъ звукомъ бросаетъ онъ дождь, который дробитъ по кожѣ тарантаса.

Направо и налѣво, сколько глазъ можетъ проникать неопредѣленную темень, тянется пустынная недружелюбная степь... Я сильно озябъ.

— «Новиковъ! что же мы будемъ дѣлать? Нечѣмъ обогрѣться; у насъ вѣдь нѣту чаю, а мнѣ и холодно, и голодно».

— Что же дѣлать? нужно здѣсь заночевать; лошади совсѣмъ очумѣли; идутъ да шатаются.

— «Нѣтъ ли гдѣ аула недалеко?»

— Нѣтъ, ближайшій впереди, гдѣ намъ приготовлена перемѣна.

Нечего дѣлать; заворачиваемся тщательно въ пальто, подтыкаемъ имъ всѣ дырки и рѣшаемся не говорить болѣе ни слова.

Вдругъ слышу крупную брань Новикова. Что тамъ? Оказывается, что ямщикъ предполагаетъ, что буранъ разогналъ подставу, а что юрты не ставили, такъ какъ волости кочуютъ очень далеко. Нечего сказать — хорошо. Вѣдь это значитъ, не болѣе не менѣе, какъ умереть съ голоду...

Мы ѣдемъ. Я спалъ около трехъ часовъ; продрогшія лошади пошли тѣмъ временемъ... Я опять сталъ дремать, должно быть, отъ холода... Кругомъ крикъ и голоса... Я выглянулъ изъ тарантаса; вѣтеръ еще сильнѣе, но дождь прошелъ; мимо луны бѣжали хлопья облаковъ. Мы остановились въ какомъ-то ущельѣ между двухъ горъ, которыхъ гранитные зубья фантастически освѣщались луною. Кругомъ экипажа суета. Это выслали намъ изъ аула лошадей. Ну! слава Богу. Черезъ четверть часа мы сидѣли уже въ юртѣ. Горный ревизоръ, ѣхавшій впереди насъ, ждалъ съ готовымъ самоваромъ. Посреди юрты горѣлъ огонекъ изъ сучьевъ принрѣчной лозы... Очень хорошо. Куда какъ пріятно обогрѣть окоченѣлые члены чаемъ и огнемъ!

30-го августа. Цѣлый день провели на мѣстѣ, у рѣки Нуры, близъ красивыхъ воротъ, образуемыхъ горами Джауръ на той сторонѣ рѣки. Шелъ цѣлый день дождь и дулъ порывистый юго-западный вѣтеръ. Погода была очень холодная.

Исаіи все нѣтъ. Мы всѣ начали безпокоиться, въ особенности, когда наступила бурная ночь, а онъ все-таки не пріѣзжалъ и не давалъ о себѣ свѣдѣній.

31-го августа. Позабылъ сказать, что близъ мѣста, гдѣ стояла наша юрта, отъ рѣки Нуры проведенъ въ этомъ году большой арыкъ. Онъ проведенъ киргизомъ Кадыремъ, котораго зимовка расположена въ пяти верстахъ отъ мѣста нашего расположенія. Арыкъ сдѣланъ пока на четыре версты, но еще не доведенъ до пашенъ, находящихся на зимовкѣ.

Утромъ пріѣхалъ Исаія съ вещами. Черезъ часъ мы уже поѣхали на Карандинскія каменноугольныя копи. Ѣхали скоро и, перемѣнивъ лошадей на половинѣ разстоянія, были еще рано на копяхъ. Повѣренный завода встрѣтилъ насъ хлѣбомъ-солью.

Послѣ мы пошли въ ломки. Пласты каменнаго угля едва прикрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколькими вершками земли. Ближайшіе къ поверхности земли слои хрупки и легко разсыпаются. Послѣ того, когда верхніе слои угля полежатъ немного на поверхности земли, они скоро разрушаются. По мѣрѣ того, какъ мы спускались ниже въ копи, уголь становился блестящѣе, а изломъ болѣе угловатъ. Разработка слоя производилась на глубинѣ 5—6 футъ. Извлечено изъ земли пока незначительное количество вправо и влѣво отъ входа.

До сихъ поръ развѣдано десять пластовъ каменнаго угля въ здѣшней каменноугольной формаціи. Уголь сопровождается лѣпною глиною, песчаникомъ. Пласты по простиранію идутъ съ сѣверо - востока - востока на

юго-западо-западъ. Разработывается самый верхній пластъ толщиною въ $2^1/_2$ аршина. Работы производятся на глубинѣ 8 саженъ. Нижній пластъ обнаруженъ открытыми работами. Толщина этого пласта по профили 14 аршинъ; остальные пласты отъ 1 до 3 аршинъ. Паденіе всѣхъ пластовъ почти одинаково отъ 6 до 12 вершковъ.

Фактъ замѣчательный, почти всѣ руды и пласты каменнаго угля въ области Сибирскихъ киргизовъ вообще простираются съ сѣверо-востока-востока на юго-западо-западъ. (По разложенію химика при Спасскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ въ 100 пудахъ угля № 1 (по сортировкѣ) содержится 30 пудовъ сырости; 67 пуд. кокса; 2 пуда пепла; 2 пуда 10 фунт. летучихъ веществъ и 28 пудовъ углерода. Въ 100 пудахъ угля № 2 содержится 35 пуд. сырости; 25 пуд. 10 фунт. кокса, 56 п. пепла, 3 п. 25 ф. летучихъ веществъ и 14 п. 10 ф. углерода). Работаетъ на заводѣ отъ 40 — 60 человѣкъ киргизъ и русскихъ, въ томъ числѣ русскихъ до 5 человѣкъ. Разработка идетъ только зимою, на томъ основаніи, что въ то время Спасскій мѣдноплавильный заводъ, принадлежащій тѣмъ же лицамъ, которыя владѣютъ Карандинскою копью, не дѣйствуетъ.

Тогда на копяхъ въ Карагандахъ могутъ работать свободные работники и дѣйствовать свободная администрація. Открыты Карагандинскія копи купцомъ Ушаковымъ тѣмъ способомъ, который здѣсь обыкновененъ. Сурки любятъ зимовать у пластовъ каменнаго угля и, добираясь до него, прокапываются еще немного въ глубь. Вырытый ими мусоръ выбрасывается наружу и, конечно, служитъ безспорнымъ признакомъ присутствія каменнаго угля. Тѣмъ же способомъ Ушаковъ открылъ другую копь въ Теректахъ, которая заявлена, но еще не разработана. Ушаковъ поймалъ тутъ и геогноста-сурка, пріучилъ его къ домашней жизни и держалъ до конца его дней у себя на квартирѣ.

Карагандинскій пріискъ открытъ въ 1859 году. Внутренняя разработка начата въ 1860 году. Въ 1863 г. добыто 350.000 пуд.; въ 1864 — 120.000; въ 1865 — 120.000. По словамъ повѣреннаго въ дѣлахъ, пудъ угля стоитъ заводу 5 копѣекъ. Эта цифра, я думаю, преувеличена, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Нѣкоторые ходы разработываемаго пласта полуобрушены; крѣпи и перекладины треснули; въ другихъ грунтовая вода залила такъ, что для продолженія работъ нужно будетъ, вѣроятно, откачивать ее паровою машиною. Новиковъ, управляющій дѣлами компаніи, хочетъ перевести паровую машину со Спасскаго завода въ копи для откачиванія воды. Весьма жалко, что администрація не строитъ каменныя крѣпи, что́ едва ли не было бы дешевле и, во всякомъ случаѣ, прочнѣе.

Мы ходили въ копи со свѣчами въ рукахъ. Это мнѣ напомнило мои странствованія по Фрейбергскому руднику въ Саксоніи.

1-го сентября. Вчера изъ Карагандовъ мы проѣхали на Спасскій заводъ. Дорога состоитъ изъ голышей и щебня и, большею частью, лучше нашихъ хорошихъ шоссе.

Погода, хмурившаяся до тѣхъ поръ, начала проясняться. Дождь пересталъ и солнце начало грѣть. Мы ожили. Хорошему расположенію духа способствовала столько же погода, сколько хорошая дорога и превосходный воздухъ. Степь опять начала благоухать. Далекая степь смотрѣла дружелюбно и хорошо. Мы, благодаря радушію завѣдывающаго копями, были сыты, — всѣ условія, чтобы быть довольнымъ...

Вскорѣ послѣ выѣзда изъ Карагандовъ, прямо противъ насъ развернулась длинная цѣпь живописныхъ бугровъ. Среди нихъ стоитъ заводъ. Разнообразные выступы камней дѣлали профили этихъ горъ чрезвычайно оригинальными. Перемѣнивъ еще разъ лошедей, мы стали

шибко приближаться къ заводу, куда и прибыли, когда уже совершенно стемнѣло.

Въ теплой и уютной комнатѣ управляющаго заводомъ Новикова былъ накрытъ длинный столъ для ужина. Когда всѣ пошли спать, я съ Г—мъ отправились на заводъ, гдѣ въ то время производились работы.

Домъ управляющаго расположенъ около вершины какого-то бугра; ниже его, шагахъ въ ста, поднимаетъ свои высокія трубы большое каменное зданіе завода. Осматривая работы, разспрашивая про все мнѣ незнакомое и записывая все, что мнѣ говорилось, я не замѣтилъ, что пробылъ на заводѣ болѣе трехъ часовъ. Было уже два часа утра и я поторопился лечь спать.

Спасскій мѣдноплавильный заводъ лежитъ въ урочищѣ Акъ-Буратъ-Адыръ, между горами Сокуръ-Суранъ и Бай-Давлетъ, при рѣченкѣ Кокъ-Узенъ. Около него расположены три мѣдныхъ рудника, разстояніемъ отъ полутора до четырехъ верстъ: Спасскій, Воскресенскій и Владимірскій. Содержаніе руды отъ четырехъ до семи пудовъ. Мѣдь въ окисленныхъ соединеніяхъ отыскивается въ кварцевомъ камнѣ и хлоритовомъ сланцѣ. Жилы же кварца и сланца пролегаютъ въ порфирахъ.

Къ Спасскому же заводу приписанъ рудникъ Успенскій въ 105 верстахъ отъ него, при урочищѣ Нельды (на югъ отъ завода). Содержаніе Успенскаго рудника отъ 7 до 30 пуд. Сюда же принадлежитъ заявленный мѣдный рудникъ около Улутау въ Атбасарскомъ округѣ. Онъ чрезвычайно богатъ; содержаніе руды доходитъ до 70 пудовъ.

Разработываются только четыре первые рудника съ поверхности. До сихъ поръ глубже шести саженъ не шли (на Успенскомъ рудникѣ).

Руда превращается въ мѣдь обработкою въ Спасскомъ заводѣ въ шахтныхъ шплейзофенскихъ печахъ и гарнмахерскихъ горнахъ. Шахтныхъ печей шесть, двѣ шплей-

зоферскихъ и два гарнмахерскихъ горна. Обработка производится каменнымъ углемъ, добываемымъ на Карагандинскихъ копяхъ, принадлежащихъ заводу. Известь на флюсы добывается въ 2-хъ верстахъ отъ завода. Железная руда для той же цѣли получается въ 30 верстахъ отъ завода по направленію въ Карагандинъ. Прекрасная глина на кирпичи получается на самой площади завода. Глина для огнепостоянныхъ составовъ привозится съ Карагандинскихъ копей и съ горы Сокуръ-Сурана; а превосходный, нѣжнаго бѣлаго цвѣта кварцъ, для той же цѣли, добывается въ ближайшихъ окрестностяхъ завода. Такія хозяйственныя удобства заставили компанію открыть заводъ именно въ Акъ-Буратъ-Адырѣ.

Рабочихъ на заводѣ 90 человѣкъ, въ томъ числѣ 45 русскихъ. На фабрикѣ 2 мастера, подмастерья, плотники, кузнецы, слесаря, каменщики, и т. д. Русскіе рабочіе получаютъ отъ 8—10 рублей въ мѣсяцъ. Киргизы, состоящіе при печахъ, 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ; остальные 3 рубля. Мастера получаютъ 25 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ того ежемѣсячно же фунтъ чаю и 2 фунта сахару. Управляющій получаетъ 1000 р. въ годъ, повѣренный 400 р., кромѣ того всю пищу безотчетно. Конторщикъ 300 р., химикъ 200 р., 4 смотрителя при рабочихъ по 200 руб. въ годъ, смотритель при магазинахъ 240 руб., фельдшеръ 200 р. Всѣмъ этимъ господамъ полагается еще 1 фунтъ чаю и 3 фунта сахару въ мѣсяцъ и столъ. На заводѣ нѣтъ механика; но при выписанной изъ Екатеринбургскаго механическаго завода машинѣ присланъ механикъ, получающій на шесть мѣсяцевъ, до постановки машины на мѣстѣ, по 100 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ денежнаго содержанія, работники получаютъ еще мясо, муку и крупу, какъ и работники каменноугольныхъ копей. Въ каждой шахтной печи въ сложности можно получать ежедневно среднимъ числомъ до 60 пудъ мѣди-

стаго чугуна и черновой мѣди. На шплейзофенѣ ежедневно до 125 пудъ; на гарнмахерскомъ горну въ тоже время до 100 пудъ штыковъ.

Въ настоящемъ году надѣются выработать до 7000 пудъ.

На Екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ дѣлали разложеніе Спасской мѣди. Оказалось, что на 100 пудъ въ ней заключается 1 пудъ 10 фунт. нечистотъ. Цѣна мѣди 12 р. пудъ.

Рудники, приписанные къ Спасскому заводу, открыты Ушаковымъ по Чудскимъ копямъ. Имъ же развѣданы глина, кварцъ и проч. Это чрезвычайно дѣятельный мужикъ. Изъ бѣдныхъ вязниковцевъ и ничего не имѣющихъ людей онъ сталъ замѣчательнымъ дѣятелемъ. Торговлею въ степи составилъ онъ себѣ состояніе и потомъ въ теченіе почти двадцати лѣтъ колесилъ всю степь, разыскивая разныя минеральныя богатства. Это стало его страстью, поглотившею и его дѣятельность и его состояніе. Но онъ не унывалъ.

Открытіе рудниковъ, принадлежащихъ Спасскому заводу, и всѣхъ минераловъ, необходимыхъ для завода, дало ему возможность найти капиталы; такимъ образомъ вошелъ онъ въ компанію съ Рязановой, Зотовымъ и Севастьяновымъ.

Съ теченіемъ времени Севастьяновъ продалъ свои паи за сто тысячъ руб. Рязанову. Зотовъ нѣсколько лѣтъ не вносилъ деньги на расходы завода и, согласно условію, потерялъ право на свои паи. Рязанова же, оставшись почти полною владѣлицею завода, стала прижимать Ушакова, въ особенности послѣ того, какъ онъ заложилъ ей свои паи.

Теперь у нихъ идутъ большія неудовольствія, отзывающіяся на дѣятельности завода самымъ вреднымъ образомъ. Отъ этихъ ссоръ не присылаются во время деньги и заводъ обыкновенно стоитъ безъ дѣла всю

зиму, отчего владѣльцы паевъ терпятъ огромные убытки. Ушаковъ болѣе не управляетъ заводомъ, его мѣсто занялъ какой-то Новиковъ, человѣкъ, какъ видно, безъ всякихъ техническихъ свѣдѣній, управлявшій прежде золотыми розсыпями Рязановыхъ.

При открытіи завода большую услугу дѣлу оказалъ Тагильскій мастеръ Ситниковъ, начавшій отливку мѣди помощью каменнаго угля

2-го сентября. Цѣлый вчерашній день мы пробыли на заводѣ. Я знакомился со способомъ работъ. Вечеромъ ѣздилъ верхомъ къ горѣ Сокуръ-Сурану, что верстахъ въ семи отъ завода. Мы успѣли осмотрѣть всѣ заведенія завода. Лазаретъ, гдѣ лѣчитъ фельдшеръ, хорошъ и чистъ; въ аптечкѣ есть всѣ главные медикаменты. Казармы для рабочихъ сносны; несмотря на то, киргизы-работники не хотятъ жить въ нихъ. Обыкновенно они прикочевываютъ со своими юртами, скотомъ и проч. и располагаются около самаго зданія завода. Только въ самыя суровыя зимы они перебираются въ казармы, чему администрація не препятствуетъ. Киргизы работники очень усердные, не пьющіе, но «непонятливые», какъ разсказывалъ мнѣ мастеръ. При томъ они не надежны; какъ только кто изъ нихъ набираетъ копѣйки, сейчасъ же покупаетъ скотъ и, если его оказывается, по его соображеніямъ, достаточно, то онъ укочевываетъ. Въ прошломъ году еще на заводѣ работалъ весьма много обѣщавшій, ловкій и расторопный киргизъ-подмастерье. Но набравъ деньги за свою работу, онъ скрылся съ завода. На заводѣ запрещается пить водку, что очень полезно, по крайней мѣрѣ, по словамъ управляющаго.

Сегодня выѣхали съ завода часовъ въ девять утра. Направо и налѣво тянулись горы съ вылѣзшими изъ земли кусками метаморфическихъ породъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на горахъ, покрытыхъ скудною расти-

тельностью, лежала выворочченная глыба ослѣпительнаго бѣлаго кварца. Горы здѣсь весьма невысоки, но онѣ становились выше по мѣрѣ того, какъ мы подвигались по дорогѣ.

Погода стояла чудная; мѣстность становилась болѣе и болѣе разнообразною. Небо, казавшееся на востокѣ темно-синимъ, измѣнялось къ западу въ ярко-огненный цвѣтъ. Горы, которыхъ вершины были освѣщены сильнымъ розовымъ свѣтомъ, казались туманно-аквамариноваго цвѣта и темнѣли по мѣрѣ приближенія къ землѣ, представляя всевозможные переливы цвѣтовъ до совершенно чернаго. Особенно живописными показались мнѣ горы влѣво отъ дороги, которыя ямщикъ назвалъ Лисьими. На покатости значительной возвышенности поднимались совершенно одинаковыя и правильно конусовидныя сопки. Точно вся гора покрыта вередами. Всѣ эти конусы похожи другъ на друга и одинаковой высоты, и всѣ отбрасывали отъ себя рѣзкую тѣнь, отчего покатость горы имѣла самый оригинальный и красивый видъ.

Къ вечеру переѣхали рѣченку Малый Нуръ и, проѣхавъ около большого аула, остановились у приготовленной намъ юрты (урочище Джелантасъ, Худые камни).

Здѣсь прежде всего мы услыхали довольно исключительную новость. Около приготовленной для насъ юрты были согнаны, какъ всегда, лошади изо всѣхъ ближайшихъ ауловъ подъ наши экипажи. За часъ до нашего пріѣзда къ этимъ лошадямъ стали подъѣзжать до двадцати неизвѣстныхъ всадниковъ, вооруженныхъ пиками и саблями. Большой аулъ Кара-Айтинбетевской волости, около котораго были расположены приготовленныя намъ юрты, оконился весь и показалъ намѣреніе встрѣтить недружелюбно неизвѣстныхъ барантачей. Этого было достаточно, чтобы послѣдніе скрылись. Однако киргизы, обнаружившіе часъ тому назадъ

столько смѣлости, теперь выражали опасеніе, чтобы неизвѣстные всадники, въ отмщеніе, не угнали ночью ихъ собственныя стада.

Теперь, когда я пишу эти строки, лежа около огня карачанника, вокругъ юрты безпрерывно носятся всадники, показывающіе неизвѣстнымъ гостямъ свою бдительность и готовность оборонять свое имущество. Со всѣхъ сторонъ степи слышатся громкіе крики и перекличка табунщиковъ; перемѣшиваясь съ топотомъ, ободрительными криками всадниковъ, эти заунывные сторожевые вопли были въ такой же степени дики, въ какой шли къ степной обстановкѣ, обставленной вдалекѣ скалистыми горами.

3-го сентября. Выѣхали въ Каркаралы. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего ночлега на горизонтѣ выростаютъ горы съ причудливою короною изъ камней. Это Каркаралинскія горы.

Вся дорога до Каркараловъ, т. е. всѣ 80 верстъ, чрезвычайно живописна. Она пролегаетъ то въ котлообразныхъ широкихъ долинахъ, окруженныхъ горами, то поднимается на невысокія горы, чтобы снова лечь въ долину. Горные хребты самыхъ причудливыхъ формъ. Издалека кажется, что на вершинѣ горы раскинулся большой городъ съ домами старинной средневѣковой архитектуры, закопченными и изношенными временемъ. Посреди этихъ домовъ кажется будто видишь нескладныя высокія колокольни и башни. Только хаотическій безпорядокъ гранитныхъ обломковъ да мертвенный видъ безпорядочно разбросанныхъ и поставленныхъ на ребро горныхъ породъ, да сознаніе, что тутъ нѣтъ и не было города съ исторіей, разрушаетъ иллюзію. И вѣроятно, долго, очень долго не видать еще здѣшней мѣстности большихъ городовъ съ правильно развившеюся гражданскою жизнью.

Высочайшія горы хребта виднѣются за 80 верстъ, будто узорчатыя облака. Синеватые ихъ зубцы поднимаются надъ окрестными высотами каждый разъ, когда экипажъ въѣзжаетъ на гору. Ниже ихъ поднимаются возвышенія, покрытыя травою; только изрѣдка изъ чахлой зелени выглядываютъ каменные зубья, да покатость мѣстами усыпана обломками скалъ. По этимъ землистымъ холмамъ, какъ морщины, легли тальвеги весеннихъ водъ, сбѣгая въ русло какого-нибудь ручья или горнаго озера. Все вмѣстѣ очень красиво.

Послѣдній разъ перемѣняли лошадей верстахъ въ двадцати пяти отъ Каркараловъ. Вблизи былъ раскинутъ аулъ волостного управителя Дюсенбай-Чекченовской волости султана Бекъ-Асанова.

Я съ Г—мъ, пріѣхавшіе ранѣе всѣхъ, отправились въ аулъ, чтобы разспросить кое о чемъ. Но волостной отдѣлывался общими мѣстами, предполагая, вѣроятно, въ нашихъ вопросахъ желаніе докапаться полицейскимъ манеромъ до чего-либо. Только и видѣлъ замѣчательнаго въ юртѣ, что двухъ большихъ беркутовъ, сидящихъ на лѣсинѣ съ колпачками на глазахъ. По словамъ волостного, они ежегодно ловятъ, въ теченіе осени и зимы, до сорока лисицъ каждый. Въ юртѣ, несмотря на видимый достатокъ, неопрятно. Между тѣмъ, къ палаткѣ, раскинутой для насъ, пріѣхалъ Г. Мы стали закусывать. Около, прямо противъ нашихъ глазъ поднимались главныя горы Кокчетавской группы. Съ земли и до самаго верху онѣ состояли изъ сѣрыхъ каменныхъ породъ, на уступахъ и переломахъ которыхъ росъ сосновый лѣсъ, разнообразящій однообразіе камня. По крутымъ ущельямъ и тальвегамъ лѣсъ былъ болѣе обиленъ и добирался до самаго верха горъ, на которомъ лежали голыя скалы самаго причудливаго вида.

Дальнѣйшая дорога до Каркараловъ очень живописна. Она ложится въ мѣстности, постепенно съужи-

вающейся въ узкое ущелье. Кругомъ ближе и ближе сдвигаются горы, то земляныя, то скалистыя, то покрытыя лѣсомъ, то снизу до верха уставленныя голыми стѣнами камня. На вершинахъ всѣхъ большихъ высотъ поднимаются гранитные обломанные вывѣтрившіеся зубцы. Иногда они похожи на огромныя развалины, иногда раскинуты безъ толку и порядка; иногда же на вершинѣ всего хребта поднимается высокій гранитный гребень, неприступный ни для ноги человѣка, ни для горнаго звѣря. Смотря на этотъ гребень, кажется, будто видишь нижнюю челюсть громаднаго звѣря, наполненную старыми клыками и рѣзцами. Все это очень напоминаетъ Саксонію.

Въ девяти верстахъ отъ Каркараловъ дорога входитъ въ тѣсное ущелье, поросшее лѣсами, растущими по покатостямъ отъ горъ. Выше этихъ покатостей выглядываютъ изъ-за вершинъ деревьевъ скалистыя стѣны, поросшія въ щеляхъ хвойнымъ лѣсомъ. Дорога безпрерывно пересѣкается горными ручьями, не пересохшими еще, несмотря на позднее время гола. Воздухъ чистъ, хорошъ и проникнутъ значительнымъ по сравненію со степью количествомъ сырости.

Кстати о водѣ; я забылъ сказать, что отъ самыхъ Акмоловъ до Каркараловъ замѣтно большое отсутствіе озеръ и проточной воды. Мы проѣзжали много разъ сухія русла, которыя, какъ намъ говорили, наполняются только весною; но на всемъ этомъ пути были едва ли четыре рѣченки, въ которыхъ вода держалась только въ омутахъ.

Въ концѣ ущелья въѣзжаютъ на небольшую гору, что по лѣвой сторонѣ дороги. Оттуда видны аулы джетаковъ, а у самаго спуска съ горъ пріютились Каркаралы.

Положеніе ихъ весьма живописно. Къ югу и востоку отъ станицы тянется большая долина, замкнутая

на горизонтѣ синими невысокими горами; съ запада же и сѣвера къ городу примыкаютъ высокія скалистыя горы, поросшія сосною. Каркарала значитъ «женскій головной уборъ» и названы такъ, вѣроятно, по сходству «Каркары-тау», высочайшей горы группы съ высокимъ головнымъ уборомъ киргизокъ.

Намъ отвели квартиру у Карабая «Тобольскаго бухарятина», зажиточнаго купца мусульманина, живущаго здѣсь на правахъ разночинца.

4-го сентября. Сегодня утромъ ѣздили на горы къ такъ называемому бассейну. Дорога къ нему идетъ на сѣверъ отъ Каркараловъ. Сперва ѣдемъ по отлогому ущелью, поросшему лиственными кустарниками и молодыми соснами, потомъ, подъѣхавъ къ подножію горы, на которую нужно взбираться, начинаемъ карабкаться по гранитнымъ плитамъ и трещинамъ, промытымъ водою.

Здѣшнія лошади умѣютъ карабкаться лучше кошекъ. Только сиди да поддерживай ее поводомъ, когда она оступится.

Огромныя скалы оставляли по временамъ только узкую тропинку для проѣзда; въ другихъ мѣстахъ толстые свалившіеся пни загораживали намъ путь; тогда лошади осторожно переступали черезъ колоды, ломая сухіе сучья своими ногами. Иногда мы взбирались по руслу незначительныхъ ручьевъ и тогда лошади часто глубоко проваливались въ неровное дно ручья, образованное обломками скалъ, промежутки между которыми были заровнены наносною грязью. Съ нами не было только Г.; за то насъ конвоировала цѣлая толпа киргизъ, бывшихъ въ свитѣ Измаилъ-хана и работника Карабая. Оба они ѣхали съ нами.

Измаилъ-ханъ мой новый Каркаралинскій знакомый; онъ ханскаго происхожденія, весьма богатъ и пользуется большимъ вѣсомъ въ округѣ, хотя еще молодъ.

Нѣсколько уже разъ значительная партія хотѣла избрать его старшимъ султаномъ. Я познакомился съ нимъ вчера черезъ Г—го, къ которому онъ пріѣхалъ въ гости. Вообще имя Г—го пользуется здѣсь огромной репутаціей; его знаютъ всѣ киргизы отъ мала до велика, всѣ его любятъ и являются къ нему съ поклономъ цѣлыми толпами.

Измаилъ-ханъ, узнавъ, что мы собираемся ѣхать гулять, вечеромъ же послалъ за двадцать пять верстъ въ свой аулъ нарочнаго за верховыми лошадьми. Къ утру онѣ были уже къ нашимъ услугамъ.

Было чрезвычайно интересно смотрѣть на нашу кавалькаду, когда она карабкалась въ гору. Разнообразный костюмъ киргизъ, отъ шелковаго халата и дорогого мѣха на шапкѣ Измаилъ-хана до ободранныхъ рубицъ киргиза, везшаго наши трубки и ружья, наши оригинальные костюмы, разнообразная посадка на сѣдлѣ, говоръ, смѣхъ, шумъ, — все это било въ наши непривычные глаза, поражало слухъ страннымъ образомъ... Оглянешься назадъ,—нитка всадниковъ тянется въ мѣховыхъ своихъ шапкахъ, подгоняя лошадей толчками согнутыхъ своихъ ногъ; лошади, фыркая и съ усиліемъ сгибая колѣни, бережно, но крѣпко становятся на каменныя плиты, изрѣдка скользя, изрѣдка пугаясь какого-нибудь чернаго пня, торчащаго изъ ущелья...

Бассейнъ или озеро на вершинѣ горы лежитъ во впадинѣ, случайно образовавшейся въ гранитѣ. Говорятъ, оно очень глубоко, но и въ длину, и въ ширину оно невелико, сажень шестьдесятъ въ квадратѣ. Кругомъ обрывистыя скалы. Мы обошли по нимъ, осторожно ступая по гладкой гранитной поверхности. Напившись чаю, мы отправились внизъ. Я былъ очень доволенъ нашей превосходной прогулкой.

Вечеромъ работали съ горнымъ ревизоромъ.

5-го сентября. Въ Каркаралинскихъ горахъ водится много мараловъ (горныхъ оленей), медвѣдей, рысей, волковъ, лисицъ, корсуковъ, тетеревей и каменныхъ рябчиковъ. Охота за ними составляетъ цѣлый промыселъ для станичныхъ казаковъ и окрестныхъ киргизовъ. Въ особенности интересна и прибыльна охота на мараловъ. Находясь въ зависимости отъ исключительныхъ мѣстныхъ условій, она и весьма характеристична.

Вчера вечеромъ я просилъ прислать ко мнѣ самаго искуснаго охотника и рѣшился отправиться съ нимъ на маралью охоту; остальная публика хотѣла отправиться обѣдать на берегъ Пашеннаго озера, около котораго я буду охотиться. Около трехъ часовъ я долженъ былъ спуститься къ нимъ съ горъ.

Утромъ со свѣтомъ я выѣхалъ съ казакомъ, Александромъ Тысяцкимъ, и двумя киргизами на охоту. Казакъ сказалъ, что разсчитываетъ встрѣтиться въ горахъ съ мараломъ, даже съ медвѣдемъ.

Туманъ лежалъ еще въ горныхъ долинахъ, словно море, залившее всѣ низкія мѣста. Было довольно холодно. Подъѣхавъ къ Пашенному озеру, верстахъ въ семи отъ Каркараловъ, мы слѣзли съ лошадей и пошли въ гору берегомъ чистаго, шумящаго ручья. Вскорѣ большой обломокъ скалы, сажень въ десять высотою, загородилъ намъ дорогу. Я не понималъ, какъ мы будемъ продолжать нашъ путь; но Тысяцкій, шедшій впереди, полѣзъ на скалу, цѣпляясь за параллельные выступы руками и карабкаясь ногами. Я послѣдовалъ его примѣру, но, признаюсь, кровь съ испуга приливала мнѣ въ голову каждый разъ, когда рука или нога скользила по голому граниту. Лѣзшій сзади киргизъ сталъ помогать.

Когда, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, я вскарабкался на каменистую площадку, ограниченную со всѣхъ сторонъ обрывами, казакъ, закрывши глаза отъ солнца шапкою, что-то внимательно разсматривалъ на правой скалѣ.

— Тише, баринъ, ваши сапоги больно звенятъ, чтобы звѣря не испугать.

— «А что? развѣ есть что-либо?»

— Не знаю еще, дайте разглядѣть, — и онъ сталъ разговаривать съ киргизомъ, который тоже уставился на боръ, растущій по крутому обрыву горы.

— Нѣтъ,—рѣшилъ казакъ,—должно быть срубленный лѣсъ.

— «Да гдѣ же это»?

— А вотъ глядите... видите, словно бревна лежатъ подъ горѣлымъ боромъ... какъ будто, сюда бѣлыми обрубками, а тамъ дальше словно темная кора... у звѣря вѣдь задъ бѣлый, а самъ онъ темно-рыжій... можетъ это и маралы. Мы далѣе обрѣжемъ ихъ слѣдъ, тамъ узнаемъ, куда они пошли...

Мы начали спускаться со скалы при помощи упавшей на нее сосны. Потомъ стали подниматься круто въ гору, опять-таки по ручью. Казакъ, шедшій шагахъ въ шестидесяти правѣе и выше меня, остановился и сталъ разсматривать что-то на землѣ; потомъ онъ позвалъ меня рукою. Онъ стоялъ передъ пространствомъ сажень въ десять въ квадратѣ, измятымъ и истоптаннымъ такъ, что тутъ не было видно ни одной травинки.

— Тутъ сегодня утромъ звѣрь паразовалъ и много ихъ тутъ было, не менѣе десяти штукъ быковъ; а вотъ телячій слѣдъ, значитъ корова съ теленкомъ.

— «Что это значитъ паразовать?»

— Паразуетъ звѣрь, когда съ самкою сходится. Теперь самая тому пора. Чуть начнетъ брезжиться, выбѣжитъ это съ камней быкъ и начнетъ ревѣть, самку звать; реветъ онъ завсегда на мягкомъ, топкомъ мѣстѣ. Коли гдѣ есть свободная самка, прибѣжитъ она къ нему съ горъ. Другое же звѣрье тоже бѣжитъ на тотъ ревъ; не бѣгутъ только быки, которые съ коровами, но тоже изъ своей щели голосъ подаютъ, ревутъ. Когда быки

сбѣгутся, почнутъ они драться, да и случаются тутъ же, только грязь брыжжетъ. Сегодня тутъ много звѣря паразовало, только ихъ кто-то спужалъ: либо медвѣдь подошелъ, либо волки охотились; иначе быть не можетъ, потому что слѣдъ отселева идетъ все бѣглый; вотъ поглядите, хворосту что навалено, вѣдь тутъ почитай, сажень косая будетъ, а все звѣрье черезъ него прыгало — некогда, значитъ, обѣгать имъ было.

Мы полѣзли по направленію слѣдовъ. Слѣдъ большихъ быковъ чуть не вдвое болѣе коровьяго. Сначала слѣды шли прыжками, потомъ стали поровнѣе и наконецъ снова перемѣшались и перекрестились на одной площадкѣ. Оттуда часть слѣдовъ пошла на правую покатость, къ высокимъ скаламъ, другая пошла влѣво въ лѣсъ, росшій на покатости среди раскинутыхъ валуновъ гранита. Далѣе эти слѣды поворачивали вновь направо и такъ запутывались, что Тысяцкій сталъ въ тупикъ.

— Не то звѣрь полѣзъ на эту кручу, не то пошелъ влѣво, къ бору... Земля тутъ ужъ больно суха и каменьевъ много — не обрѣжешь никакъ слѣда... Куда хохите, ваше высокоблагородіе пойти, въ эту, либо въ ту сторону?

— «Куда поведешь».

— Кабы я былъ одинъ, такъ пошелъ бы во-о-о-онъ на ту сопку. Оттолева далеко видно внизъ; по нашему, хорошій высмотръ.

— «Ну, пойдемъ туда».

— Хорошо... только... охота за маралами трудная, да и óпасно (въ Сибири говорятъ óпасно, а не опáсно). Нужно имѣть силу въ ногахъ, да и въ глазахъ имѣть большую смѣлость, а наипаче чтобы человѣкъ въ крутизну могъ смотрѣть... Пойдемъ туда, только какъ боязно станетъ, такъ скажите.

Около часу мы шли по голому граниту; иногда по-

падались довольно глубокія щели; нужно было спуститься, чтобы вновь карабкаться вверхъ; тогда я садился и, придерживаясь руками, спускался будто съ горы на масляницѣ; иногда мы дѣлали какіе-то обходы. Мои сапоги звонко стучали по граниту. Казакъ оборачивался назадъ.

— Нужно бы потише ступать, кабы звѣрь не услыхалъ. Онъ далеко слышитъ, глазомъ-то онъ не крѣпокъ, а топотъ человѣческій далеко слышитъ. Поэтому по самому мы, коли ходимъ на охоту на звѣря, ичиги надѣваемъ, — и онъ показывалъ на свои киргизскіе сапоги безъ подошвъ,—и нога крѣпко держится на камнѣ; въ вашихъ-то сапогахъ, не доведи Господи, и въ кручу соскользнешь.

Я начиналъ шибко уставать. Казакъ прыгалъ и карабкался впереди меня, какъ кошка; вдругъ онъ началъ всматриваться на землю, пошелъ быстрѣе; мы были во впадинѣ, образуемой двумя высокими камнями, лежащими на самой вершинѣ горы. Во впадинѣ, на наносной почвѣ, стоялъ обгорѣлый лѣсъ... Я прибавилъ шагъ... Казакъ прилегъ за какимъ-то камнемъ, заграждавшимъ впадину, и звалъ меня рукою... Когда я поравнялся съ нимъ, онъ поползъ за камень. Подражая его движеніямъ, я снялъ шапку и осторожно выглянулъ за гребень камня... Оказалось, что мы надъ обрывомъ высотою не менѣе пятисотъ футъ. Внизу на покатой площадкѣ стояли обгорѣлые пни довольно густого лѣса, потомъ мѣстность обрывисто шла книзу, опушенная густымъ сосновымъ боромъ, растущимъ на камняхъ. Еще далѣе тянулась широкая долина, замкнутая со всѣхъ сторонъ причудливыми горами, покрытая густою зеленью, съ овальнымъ чистымъ озеромъ посерединѣ...

— Испужали,—съ досадой прервалъ мои наблюденія казакъ,—оченно гулки ваши сапоги. Видите, вотъ внизу маралы бѣгутъ.

Я взглянулъ по направленію, указанному казакомъ и въ чащѣ обгорѣлаго лѣса увидѣлъ на секунду большихъ звѣрей, крупной рысью бѣгущихъ внизъ...

— «Что же мы будемъ дѣлать теперь? Нельзя ли какъ обрѣзать ихъ слѣды»?

— Куда, ваше высокоблагородіе, развѣ завтра дойдемъ туда, куда они уйдутъ. Коли тутъ звѣря поднять, да онъ не сталъ на отстой, такъ вона куда уйдетъ, а до той сопки будетъ верстъ пятнадцать. Теперь отдохнемъ, да начнемъ спускаться; чай, часъ будетъ.

Закусивъ взятыми съ собой бурсаками [1]) и чистою водой изъ натуральнаго водоема въ сосѣднемъ камнѣ, мы улеглись на окраинѣ скалы. На мои вопросы о маральной охотѣ казакъ Тысяцкій разсказалъ слѣдующее.

«Маралъ звѣрь большой, болѣе лошади будетъ. У стараго рога здоровенные, между концами аршина два будетъ, да и въ вышину аршина два съ четвертью, а то и съ половиною. Одначе никогда болѣе семи отростковъ на рогахъ не видалъ. Цѣлый день любитъ онъ лежать на самомъ верху горы, подъ каменною шишкою, тамъ, гдѣ болѣе хворосту и цѣплюшекъ. Къ ночи начнетъ онъ спускаться по щелямъ на луга и тутъ ужъ больно опасливъ; только зачуетъ человѣка, либо медвѣдя, заразъ начнетъ уходить въ гору. Подъ утро не такъ боязенъ —устаетъ, что ли»?

«Съ собаками на нихъ любо охотиться. Какъ трава эта-то поиззябнетъ осенью да поприляжетъ, собакамъ искать очень свободно; почнутъ онѣ бѣгать по горѣ и устали на нихъ нѣтъ; да и задышка ихъ тогда не беретъ. Подниметъ которая звѣря, подастъ голосъ разъ либо два, чтобы оповѣстить, и гонитъ звѣря на отстой. Рѣдко, чтобы маралъ пошелъ далеко изъ-подъ собакъ. Коли онѣ не больно близко отъ звѣря, такъ онъ по-

[1]) Бурсаками называются кусочки пшеничнаго тѣста, жаренные на бараньемъ жиру.

бѣжитъ сейчасъ на самую шишку, а оттолева дастъ прыжокъ и станетъ на отстой, на камень, что со скалы высунулся; и остальные маралы на тѣ же самые отстои становятся. А какъ собакъ онъ не досмотритъ, да близко подпуститъ, такъ вспрыгнетъ, да сперва прямо на отвѣсъ и прыгаетъ, и лѣзетъ, а потомъ въ разумъ придетъ и пойдетъ все прыжками, только копыта звенятъ по каменьямъ... тутъ далеко уйдетъ».

«Теперь, какъ собаки поднимутъ и знаемъ, куда бѣжать; коли на той горѣ, вонъ что тамъ видна, такъ побѣжитъ на красный отстой; коли подъ этимъ камнемъ выслѣдятъ, такъ прыгнетъ маралъ внизъ съ камня на камень раза три и тамъ... гляньте... станетъ тамъ внизу, гдѣ плита вышла... По всѣмъ здѣшнимъ горамъ намъ извѣстно, какіе у звѣря отстои бываютъ... безъ того нечего и на мараловъ ходить»...

«Какъ собаки голосъ подадутъ, подложимъ что-либо подъ курокъ, чтобы случая какого не было, да и бѣжимъ, что есть духу, къ отстою. Иногда снизу подойдешь, а когда и сверху... а ужъ собаки знаютъ свою службу. Которая сверху лаетъ, которая снизу... Маралъ какъ прыгнетъ на отстой, станетъ на собакъ смотрѣть, ногою топаетъ, головою мотаетъ, рогами грозитъ. Самая что ни на есть лучшая у меня собака смерть свою нашла на устоѣ. Брали ее наши ребята съ собою въ Кентскія горы охотиться, поставила она марала на отстой... подбѣжали казаки и дали два выпала, да плохо умѣтили, кровь побѣжала изъ марала, да онъ все стоитъ. Собака кровь увидѣла, сейчасъ и спрыгни къ нему на отстой, а онъ рогами-то ее въ кручу и сбросилъ. Да и куда какъ красивъ маралъ, какъ отстаивается отъ собакъ. Звѣрь большой, весь такой статный, иногда стоитъ чуть не всѣ четыре ноги вмѣстѣ, да еще внизъ да вверхъ поглядываетъ, да головою сердится... Коли выпалъ былъ хорошъ да онъ упадетъ сразу, сейчасъ

потрохи ему выпустишь, да идешь въ станицу за подводою, а коли пуля ударила не больно, пойдетъ онъ прыгать съ камня на камень и уйдетъ далеко. Тутъ ужъ собакъ не боится, а рогами самъ ихъ гоняетъ; только отъ человѣка завсегда бѣжитъ. Какъ онъ пойдетъ, нужно смотрѣть, далъ ли краску; идетъ кровь шибко, упадетъ безпремѣнно, потому что маралъ, хотя и большой звѣрь, да къ пулѣ очненно слабъ».

«Не въ пору вы пріѣхали; кабы осенью. Рѣдко когда даромъ сходитъ, а случалось бивать въ день и болѣе одного. Третьяго года выѣхалъ это я до свѣту, еще совсѣмъ смутно было. Верстахъ въ семи отъ Каркараловъ подняли собаки звѣря около большой дороги и погнали на гору... пошелъ я... только чудно... Стоитъ собака у самой скалы и лаетъ вверхъ... сталъ я смотрѣть, вижу, сидитъ въ щели рысь; словно кошка ощетинилась. Какъ убилъ ее, такъ собака побѣжала въ гору; слышу, всѣ три голосъ подаютъ. Поднимался я, поднимался, а собаки все лаютъ у меня надъ головой. Анъ что, молъ, это на кручѣ мотается?.. Верескъ, что ли?.. Приглядывался я это, приглядывался; вижу маралъ, да такой, какого въ жизнь не видѣлъ. Рога большущіе. Когда я далъ выпалъ, полетѣлъ онъ внизъ, да всѣ рога до-чиста переломалъ. Въ то же утро убилъ я еще и корову, и тутъ же недалеко»...

Молчаніе..

«Никакъ пора, ваше высокоблагородіе, спускаться».

Все время, пока казакъ разсказывалъ, я лежалъ плашмя на кручѣ и смотрѣлъ то на чудный горный ландшафтъ, то внизъ на обломки скалъ, лежащіе у насъ подъ ногами; смотрѣлъ на густую траву, поваленныя деревья, и мнѣ было очень хорошо. Какъ я умно сдѣлалъ, что пошелъ на охоту.

Болѣе часа мы спускались по трещинѣ, наполненной оторвавшимися вверху каменьями, землею, нанесенною

дождевыми потоками, древесными стволами и хворостомъ. Когда, выбившись изъ силъ, я усѣлся отдыхать на половинѣ пути и посмотрѣлъ назадъ, мнѣ показалось невозможнымъ спуститься еще разъ кому-нибудь по щели, имѣющей наклонъ градусовъ въ 65 и наполненной огромными камнями, по которымъ нужно было часто съѣзжать на натуральныхъ салазкахъ. Часамъ къ тремъ я былъ у озера. Обѣдалъ я великолѣпно; послѣ спалъ тутъ же, на открытомъ воздухѣ. Когда начало темнѣть, я поѣхалъ въ Каркаралы, чтобы заснуть богатырскимъ сномъ.

6-го сентября. Сегодня не утерпѣлъ, снова поѣхалъ въ горы. Мараловъ не видѣлъ, а убилъ тетерева, да горнаго рябчика.

Я и Г—й долго разговаривали съ братомъ Александра Константиномъ Тысяцкимъ. Онъ казакъ торговаго общества и ведетъ довольно крупные торговые обороты. Изъ этихъ разспросовъ составилась довольно полная картина здѣшней торговли. Достали двѣ пары маральихъ роговъ.

7-го сентября. Занимался дѣломъ. Вечеромъ я съ Г—мъ уходили въ пристаничный аулъ джемаковъ, чтобы смотрѣть, какъ дѣлаютъ кошмы.

Мы заплатили бабамъ и угостили джемаковъ баранами.

Каркаралинскій округъ богаче всѣхъ другихъ скотомъ и въ особенности баранами. Его богатство находится въ зависимости отъ благопріятныхъ мѣстныхъ условій. Почти весь округъ волнистъ и покрытъ небольшими горами, поверхность которыхъ кое-гдѣ камениста. Степь покрыта щебнемъ, размытымъ въ горахъ и снесеннымъ водою въ долины; но степью можно назвать только котлообразныя впадины между горами съ самою небольшою ровною плоскостью.

На взглядъ европейца такая мѣстность, безусловно негодная для земледѣлія, не имѣетъ никакой цѣны. Киргизъ скажетъ иначе. Онъ смотритъ на Каркаралинскій округъ, какъ на золотое дно, и онъ, дѣйствительно, таковъ для скотоводства. Осеннія воды, скатываясь съ покатостей въ долину, никогда не оставляютъ ледяной коры, кромѣ какъ въ глубинѣ долинъ; слѣдовательно, большая часть округа гарантирована отъ джута, гололедицы, этого бича киргизовъ. Зимній снѣгъ точно также сдувается съ горъ въ долины и даетъ возможность скоту, въ особенности баранамъ, удобно находить въ горахъ обильный кормъ въ теченіе цѣлой зимы. Оттого большинство возвышеній Каркаралинскаго округа извѣстно у киргизъ подъ неопредѣленнымъ именемъ кой-ташъ (бараній камень). Конечно, въ округѣ очень мало луговъ и пастбищъ. Здѣшняя трава не можетъ служить на откармливаніе скота, но важно то, что кормомъ скотъ обезпеченъ цѣлый годъ и потому здѣсь не бываетъ такихъ огромныхъ потерь скота, какъ въ другихъ округахъ. Сѣно въ значительномъ количествѣ заготовляется только въ Худайбергинскомъ родѣ Нурбике-Чанчаровской волости, зимующей близъ Каркараловъ. Въ другихъ же волостяхъ накашивается ничтожное количество сѣна, преимущественно султанами; вообще же заготовленіе сѣна на зиму считаютъ здѣсь киргизы лишнимъ.

Лѣсу много; къ несчастью, добрая половина строевого Каркаралинскаго бора выгорѣла въ прошломъ году, да и прежде онъ горѣлъ почти каждый годъ, говорятъ, отъ неосторожности казаковъ. Большой лѣсъ находится еще въ Кентскихъ горахъ — зимовкѣ Султана Измаилъ-хана; кромѣ того боры находятся въ Бекъ-тау и Кизылъ-раѣ.

Наши промышленники и татары производятъ въ Каркаралинскомъ округѣ дѣятельный торгъ скотомъ. Весь

расчетъ торговли производится на барановъ. Единица счета—это байдакъ, т. е. годовой баранъ. Двухгодовалый или кунанъ стоитъ отъ полутора до двухъ байдаковъ, а трехгодовалый и больше, называемый «дунэнъ», стоитъ два байдака. Въ гуртѣ изъ 1000 барановъ должно быть отъ 100 до 150 кунановъ и дунэней, и это называется головкою гурта. При разсчетахъ между торговцами головка идетъ въ общій счетъ наравнѣ съ остальными баранами.

Быки оцѣниваются на барановъ по возрасту. Талоча или двухлѣтній быкъ—два барана; трехлѣтній—четыре барана; четырехлѣтній—6 барановъ и т. д. Лошади оцѣниваются вообще по достоинству; но иногда, и именно въ валовыхъ расчетахъ съ киргизами, принимаются среднею цѣною за шесть барановъ, но въ этихъ случаяхъ киргизы даютъ самыхъ дурныхъ лошадей.

Покупка скота въ Каркаралинскомъ округѣ простирается на сумму до 160 тыс. барановъ. Торговля производится нѣсколькими торговцами и казаками торговаго общества, проживающими въ Каркаралахъ, равно какъ пріѣзжающими изъ Петропавловска купцами и ихъ приказчиками. Послѣдніе всю зиму живутъ въ волостяхъ и, по распродажѣ товара и раздачѣ подъ барановъ денегъ, весною собираютъ скотъ у должниковъ своихъ.

Скотъ гонится на продажу въ Петропавловскъ или лучше сказать Таинчикульскую ярмарку, но съ недавняго времени заводится продажа части гуртовъ на рѣченкѣ Талды, не доѣзжая Куяндинскаго пикета (по пути отъ Каркараловъ къ Баянъ Аулу). Черезъ Талды идетъ прогонный путь изъ Семирѣченскаго края и на эту рѣчку уже нѣсколько лѣтъ сряду пріѣзжаетъ купецъ Ботовъ, скупающій большіе гурты; въ настоящемъ году сюда же пріѣзжалъ и другой значительный покупщикъ Батыревъ. Одинъ Ботовъ покупаетъ до 30 тыс. барановъ.

Торговля рогатымъ скотомъ здѣсь очень выгодна; хорошій быкъ даетъ 14 пудовъ мяса и до $3^1/_2$ пудовъ сала; но эта торговля рискована, вслѣдствіе частыхъ падежей скота отъ чумной горячки.

Кромѣ скота, въ Каркаралинскомъ округѣ покупается значительное количество кожъ и овчинъ. Проживающими въ Каркаралахъ торговцами куплено въ этомъ году до 8 тысячъ яловыхъ кожъ, до 15 тысячъ конскихъ и до 15 тысячъ овчинъ.

Кошмы и армячина составляютъ предпочтительно предметы торговли съ Семипалатинскомъ.

Звѣриный промыселъ въ округѣ довольно значителенъ. Ловятся лисицы, волки, куницы, дикія кошки и выдры. Куницы водятся преимущественно въ горахъ, ближайшихъ къ южнымъ границамъ округа, въ Кизыль, Раѣ и въ особенности въ горахъ Ортау. Дикія кошки водятся около Балхаша, а выдры въ Балхашѣ и по рѣчкамъ Токрау и Баканасъ. Ловлею выдръ занимаются преимущественно киргизы Наданъ-Табуклинской волости. Ремеслами занимаются въ особенности Юсеневскій родъ Анбике-Чанчаровской волости, изготовляющій сѣдла и сѣдельные приборы. Сѣдла работы юсеневцевъ цѣнятся очень дорого; лучшія изъ нихъ обдѣлываются рогомъ и стоятъ верблюда; менѣе щеголеватыя все таки не дешевле лошади. Юсеневскіе серебряники приготовляютъ также лучше другихъ серебряную насѣчку на стремена и конскую сбрую.

8-го сентября. Выѣхали изъ Каркараловъ въ Баянъ-Аулъ. Характеръ дороги тотъ же, какъ отъ Спасскаго завода къ Каркараламъ. Тѣ же долины среди невысокихъ горъ; тѣ же синія горы на окраинѣ горизонта, поднимающіяся выше окрестныхъ бугровъ и горъ, покрытыхъ зеленою травою; тотъ же недостатокъ воды. Солонцовъ больше, чѣмъ прежде. Изрѣдка при спускахъ

съ горъ видишь ослѣпительную бѣлую поверхность высохшаго соляного озера, покрытаго блестящею бѣлою корою окристаллизовавшейся соли. На краяхъ такого озера нѣтъ камышей; на озерахъ не видать птицъ; такое отсутствіе живыхъ существъ даетъ солянымъ озерамъ характеръ чрезвычайно грустный и пустынный.

Ѣхали мы по почтовой линіи, потому скоро. Въ каждомъ экипажѣ былъ запряженъ почтовый, слѣдовательно привычный, коренникъ. Почтовая линія называлась прежде пикетною. На каждой станціи стоялъ казачій пикетъ въ пятнадцать человѣкъ, охранявшій неизвѣстно что. Это стоило казнѣ до ста тысячъ рублей въ годъ. Теперь пикеты сняты и оставлены команды только тамъ, гдѣ есть провіантскіе магазины. Назначеніе ихъ—охранять эти магазины, препровождать этапы и конвоировать денежныя почты. Можно бы было снять и ихъ. Казаки, по снятіи пикетовъ, стали распускать слухи о томъ, что въ степи показались шайки разбойниковъ, слухъ совершенно невѣрный, такъ какъ спокойствіе по снятіи пикетовъ продолжалось полное. Зданія, прежде занимаемыя казаками, теперь пусты. Охраненіе ихъ въ области Сибирскихъ киргизовъ возложено генераломъ Пановымъ на окрестныя киргизскія волости; за разграбленіе почты также отвѣчаютъ всѣ волости, кочующія около дороги. Отчего не продать эти зданія? Ихъ бы купили съ удовольствіемъ киргизы на зимовки. Лѣсъ, употребленный на ихъ постройку, такъ великъ, толстъ и проченъ, что нужно удивляться, откуда могли достать такой лѣсъ посреди степей.

Баянъ-Аульскія горы пониже Каркаралинскихъ; но за то въ ихъ ущельяхъ много очень красивыхъ озеръ. Какъ и въ Каркаралинскихъ горахъ, большой строевой соснякъ поднимается здѣсь на уступахъ скалъ, съ плотно прилегшими къ каменьямъ корнями, а около, на наносномъ дернѣ, зеленѣютъ березы и приземисто раскину-

лись кустарники дикой вишни, облѣпленной красными ягодами. Спускаясь въ ущелья, чувствуешь, какъ въ воздухѣ увеличивается количество влаги и какъ онъ пропитывается сильнымъ запахомъ горныхъ травъ и хвойныхъ деревьевъ. Полною грудью пьешь этотъ воздухъ и чувствуешь, какъ онъ подкрѣпляетъ. какъ успокоиваетъ нервы

По пріѣздѣ въ Баянъ-Аулъ вечеромъ былъ у насъ Мусса Черманавичъ Чермановъ, султанъ округа, самый вліятельный человѣкъ Средней Орды и, дѣйствительно, очень достойный, говорятъ, человѣкъ.

9-го сентября. Утромъ я отправился съ Г—мъ по ближайшимъ окрестностямъ Баянъ-Аула. Окружающая станицу мѣстность очень красива Небольшіе гранитные утесы, лучше сказать, камни торчатъ въ разныхъ направленіяхъ изъ земли. Не вдалекѣ торчатъ довольно значительныя утесистыя горы, опушенныя сосновымъ боромъ. Впереди разстилается волнообразная долина, ограниченная на юго-западѣ большимъ озеромъ Сабунты и обставленная со всѣхъ сторонъ горами же. Сабунты, хотя и щелочное озеро, но очень краситъ всю мѣстность, даже даетъ ей перевѣсъ надъ Каркаралинскою.

Около обѣда заходилъ Мусса. Вѣроятно, по рекомендаціи Г—го онъ выразилъ особенное ко мнѣ расположеніе и сказалъ, что онъ мастеръ узнавать честныхъ людей съ перваго взгляда. Онъ обѣщалъ разсказать все, что я ни спрошу у него.

Карточная игра была прервана приводомъ лошадей. Мусса, согласно нашей просьбѣ, хотѣлъ показать намъ окрестности Баянъ-Аула. Мы поѣхали на могилу Джасыбая, находящуюся на низкомъ перевалѣ двухъ горъ. Могила обложена кругомъ изъ камней. По самой срединѣ ея выросла довольно большая сосна. Съ могилы

видны два озера, Сабунды-куль и Чуюнды-куль (мыльное и чугунное). Кругомъ, вблизи и вдали, поднимаются значительныя горы. Отъ могилы мы стали спускаться по довольно тѣсной дорогѣ къ Чуюнды. Озеро лежитъ словно зеркало, ограниченное со всѣхъ сторонъ красивыми горами. По дорогѣ отъ могилы Джасы-бая озеро ограничено плоскимъ берегомъ отличнаго чистаго песка. На этомъ пескѣ я различилъ безъ труда свѣжій слѣдъ мараловъ, волковъ и лисицъ.

По возвращеніи домой мы сейчасъ же улеглись спать.

10-го сентября. Утромъ все время сидѣли у Муссы Чермановича и разспрашивали его про порядокъ кочевки лѣтомъ и про жизнь на зимовкѣ.

Послѣ обѣда Мусса устроилъ маленькую облаву въ ближайшихъ окрестностяхъ Баянъ-Аула. Съ дюжину киргизъ выгоняли зайцевъ крикомъ и воплемъ, хотя и сами съ трудомъ карабкались между гранитными валунами. Мусса убилъ зайца и горнаго рябчика, я трехъ рябчиковъ. Вечеръ былъ очень хорошъ.

11-го сентября. Съ ранняго утра ушелъ на охоту въ горы съ однимъ киргизомъ и казакомъ. Оба они выгоняли на меня дичь крикомъ, а я стрѣлялъ. Болѣе удачной охоты никогда не имѣлъ. Часа въ три я убилъ семь зайцевъ, тетерева и четырехъ рябчиковъ. Иногда я становился на опушкѣ лѣса; иногда взбирался на камень, стоящій посрединѣ лѣса, и гранитныхъ обломковъ; иногда располагался около какой-нибудь щели. Двое моихъ товарищей становились на концѣ острова и шли ко мнѣ съ разныхъ сторонъ съ крикомъ и свистомъ. Я почти не дѣлалъ промаха и чувствовалъ себя очень хорошо.

Послѣ обѣда Мусса пригласилъ ѣхать съ беркутами на лисицъ и волковъ. Хотя охота была совершенно не-

удачна, однако я былъ ей очень радъ. Поѣздили по скалистой красивой мѣстности до поздняго вечера. Послѣ охоты Мусса пилъ у насъ чай и говорилъ, что онъ хочетъ предложить Средней Ордѣ послать депутацію въ Петербургъ, чтобы представиться Наслѣднику; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ благодарить Милютина, Валуева и Горчакова за присылку коммисіи, которой поручено заняться устройствомъ киргизскаго народа.

— «Еще не за что до окончанія работъ; вы, наконецъ, не можете знать еще, цѣлей правительства», замѣтилъ я ему.

— Хуже настоящаго намъ не будетъ; мы видимъ, что вы всѣ желаете честно исполнить свой долгъ; слѣдовательно, намъ будетъ лучше. Уже за это нужно намъ благодарить Государя.

Пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ.

12-го сентября. Выѣхали въ Коряковъ или, какъ его называютъ, Павлодаръ. Дорога вообще имѣетъ тотъ же видъ. Холмы уменьшаются по мѣрѣ удаленія отъ Баянъ-Аула. Мѣстность постепенно сглаживается и наконецъ совершенно сравнивается. Кое-гдѣ группами попадались соляныя озера. Я и Г—й. мы ѣхали вмѣстѣ съ Муссой, котораго тарантасъ былъ посланъ впередъ. Сдѣлавъ около семидесяти верстъ, мы остановились у аула Урманчинской волости, расположившагося на кзеу (осенней стоянкѣ) близъ вырытыхъ съ этою цѣлью колодцевъ. Я пошелъ въ аулъ; онъ не богатъ; стада немногочисленны. Есть много бѣдняковъ, которые не имѣютъ даже юрты. Вмѣсто послѣдней они живутъ подъ двумя коматами кюрече, сложенныхъ такъ, что ихъ жилище становится похожимъ на французскія tentes abris. Этотъ шатерчикъ покрытъ кошмами. Для выхода удушливаго кизяковаго дыма открываютъ юрту съ боку. Въ серединѣ чадъ, грязь и бѣдность самая ужасающая. Боль-

шею частью эта бѣдность въ зависимости отъ страшнаго джута 1862 года.

13-го сентября. Ѣхали цѣлый день къ Корякову. По пути нашемъ лежало много солончаковъ и соляныхъ озеръ. Въ особенности богато поваренною солью озеро Калкаманское, близъ пикета того же имени. Степь здѣсь совершенно вѣрна своему имени. Огромная ея плоскость ровна чуть не математически. Скудная растительность покрываетъ ее.

«Какія богатыя травы послалъ въ этомъ году Богъ», безпрерывно повторялъ Мусса,—«такого урожая мы не видѣли съ того года, когда взошелъ на престолъ императоръ».

А мнѣ кажется эта трава до крайности бѣдною.

Позднимъ вечеромъ пріѣхали къ юртамъ, раскинутымъ по берегу Иртыша. Юрты принадлежали киргизамъ Баянъ-Аульскаго округа братьямъ Казангановымъ. Подъѣхавши, я увидѣлъ только нѣсколько огромныхъ юртъ, но каково же было мое изумленіе, когда, войдя въ середину одной изъ нихъ, я увидѣлъ мебель, столы и на нихъ приготовленный чай, закуски, десертъ и проч. Весь полъ былъ устланъ отличными бухарскими коврами. Кюрече были прекрасно выкрашены яркими цвѣтами; тесьмы, чи, все было щегольское. Нашему председателю разбили еще болѣе роскошную юрту. Кромѣ того, была разбита юрта для самихъ Казангановыхъ, для нашей прислуги и еще одна запасная.

Казангановы очень богаты. Они ведутъ обширную торговлю скотомъ, котырый, по преимуществу, гонятъ на золотые пріиски восточной Сибири. Этою торговлею они составили милліоны. Послѣ продолжительнаго ужина, питія разныхъ винъ и въ томъ числѣ неизбѣжнаго шампанскаго, мы разошлись по постелямъ.

14-го сентября. Утро было очень хорошо. Послѣ закуски и желанія опять угостить насъ шампанскимъ пошли пѣшкомъ къ Иртышу, гдѣ для насъ былъ уже приготовленъ паромъ. Переѣхавши, мы разбрелись по квартирамъ.

15-го сентября. Коряковъ, гдѣ мы теперь находимся, переименованъ Гасфордомъ въ 1860 г. въ городъ и произведенъ въ Павлодаръ, хотя народъ во всей степи попрежнему называетъ его Коряковымъ. Онъ получилъ значеніе вслѣдствіе своего положенія на Иртышѣ между Семипалатинскомъ и Омскомъ и близостью Коряковскаго соляного озера, на которомъ добываютъ до милліона пудовъ соли ежегодно. Изъ Тюмени по Тоболу, Оби, Иртышу ходитъ семь пароходовъ. Когда въ Иртышѣ вода велика, пароходы поднимаются до Семипалатинска, отвозя туда европейскій товаръ; если же Иртышъ мелокъ, товаръ довозятъ до Корякова и оттуда везутъ гужемъ въ Семипалатинскъ. Изъ Корякова везутъ соль, предназначаемую для снабженія Тобольской губерніи. Изъ Семипалатинска или, если въ Иртышѣ воды мало, то изъ Корякова возили прежде, до возстанія Дюнгана, китайскій товаръ, теперь возятъ кожи, сырыя произведенія и графитъ съ пріисковъ Мамонтова (Сергіопольскаго округа, около Тарабогатая) и Самсонова.

Коряковское озеро снабжаетъ солью только Сибирь; тутъ же въ киргизской степи соляныхъ озеръ такъ много и добывка такъ легка, что само правительство было принуждено объявить Колкаманское озеро и другія свободными Количество соли, предназначенное къ добывкѣ изъ Коряковскаго озера, опредѣляется Тобольской палатой. Озеро отъ пристани двадцать пять верстъ. За ломку соли и доставку ея на пристань опредѣляется киргизамъ невѣроятно дешевая цѣна, по копѣйки съ пуда. Это было мнѣ непонятно, покуда не прочелъ въ

дѣлѣ, взятомъ мною у соляного смотрителя, слѣдующее: киргизы въ настоящемъ году не шли на тяжелую работу къ озеру за копѣйку съ пуда; соляной ревизоръ написалъ свирѣпую бумагу начальнику Семипалатинскаго внутренняго округа съ рѣшительною просьбою пояснить, для донесенія по своему начальству, отчего киргизы не идутъ на работу. Тотъ отвѣчалъ, что цѣна низка, но прибавилъ, что будетъ содѣйствовать пріисканію рабочихъ. Вслѣдъ затѣмъ пришлетъ списокъ нанявшихся рабочихъ

Нужно не забывать, что киргизы смертельно боятся всякихъ бумажныхъ угрозъ и кляузъ и, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, платятъ цѣлыми волостями пропорціонально состоянію каждаго члена, чтобы собрать *надлежащую* сумму. Конечно, рабочіе и явились [1].

Коряковъ скверный и маленькій городишко.

16-го сентября. Итакъ, нашъ объѣздъ по области Сибирскихъ киргизъ конченъ. Я недоволенъ нашимъ объѣздомъ, потому что пріобрѣлъ меньше свѣдѣній, чѣмъ слѣдовало ожидать. Въ Кокчетавскомъ округѣ Велихановъ далъ хорошія свѣдѣнія о внутренней промышленности и торговлѣ. Въ Атбасарскомъ свѣдѣній не получено никакихъ, въ Акмолинскомъ собрано тоже мало свѣдѣній. Въ Каркаралинскомъ свѣдѣній опять почти никакихъ; въ Баянъ-Аульскомъ свѣдѣній собрано довольно. Вотъ свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ и Г—му старшимъ султаномъ Баянъ-Аульскаго округа Муссою Чермановичемъ Черманов ымъ.

---

[1]) Изъ Коряковскаго солянаго озера съ 1854 по 1866 годъ выломано:

Къ 1854 году осталось выломанной соли 475.040 пудовъ.

Выломано въ 1854 г. 560.000 пудъ. Въ 1855 г. ничего не выломано. Въ 1856 г.—560 000. Въ 1857 г. не ломали; въ 1858 г.—300 000. Въ 1859 г.—745.000. Въ 1860 г.—1.248.000. Въ 1861 г.—1.254.000. Въ 1862 г.—630.000. Въ 1863 и 1864 гг. ломки не было. Въ 1865 г. назначено выломать и перевезти 800.000 пуд.

Зимовки киргизъ бываютъ всякаго рода. Зданія для людей строятся изъ камня, дерева, кизяка, дерну. Иногда дома — это землянки и просто ямы, въ которыхъ поставлены юрты. Для скота строятъ загоны (кора) чаще всего изъ *кый*, бараньяго помета, растоптаннаго въ полужидкую кашу самыми овечьими оторами въ загонахъ. Изъ кый дѣлаются кирпичи, примѣшивая къ помету сѣно, мелкій хворостъ и проч.

Достоинство и цѣнность зимовокъ находится въ зависимости отъ многихъ территоріальныхъ и метеорологическихъ явленій. Если снѣгъ съ земли, принадлежащей къ зимовкѣ, будетъ сдуваться такъ, что трава будетъ постоянно обнажена, то это обстоятельство составляетъ главное ея достоинство. Такъ какъ бо́льшую часть зимы въ степи дуютъ юго-западные вѣтры, то для того, чтобы эти вѣтры сдували снѣгъ, нужно, чтобы зимовка лежала на горной покатости, обращенной на сѣверо-востокъ съ незначительнымъ паденіемъ къ юго-западу. Послѣ этого главнаго достоинства цѣнность зимовки зависитъ отъ количества, качества и родовъ травъ. Въ зависимости отъ вышесказанныхъ условій заключается потребность въ бо́льшей или меньшей территоріи подъ зимовку. Чѣмъ она лучше, тѣмъ земли нужно менѣе, и наоборотъ. Потому при одномъ и томъ же количествѣ скота зимовки могутъ быть весьма разнообразныхъ величинъ. Каждый владѣлецъ зимовки знаетъ точно свои границы. При каждомъ раздѣлѣ или выдѣленіи зимовочныхъ земель изо всѣхъ окрестныхъ ауловъ собираютъ почетныхъ людей и межевые знаки, долженствующіе служить разграниченіемъ между землями лицъ, пошедшихъ въ раздѣлъ, ставятся въ присутствіи приглашенныхъ. Впослѣдствіи поземельные споры рѣшаются по межевымъ знакамъ или, если они истреблены, по свидѣтельству сосѣдей.

Достоинство земель Средней Орды состоитъ въ томъ,

что стада всѣхъ родовъ скотины можно содержать на однихъ и тѣхъ же поляхъ. Въ Большой же Ордѣ верблюдовъ нужно отгонять въ камыши, барановъ — на пески, а рогатый скотъ къ рѣчкамъ и это одинаково для зимы и лѣта.

Киргизы говорятъ, что лошадь сказала разъ барану: «зимою я не видѣла твоей тебеневки, а лѣтомъ твоего слѣда». Этотъ разсказъ почерпнутъ изъ того факта, что лошадь не станетъ ѣсть тотъ кормъ, который нуженъ барану. И лѣтомъ, и зимою табуны пасутся особо отъ барановъ. Барановъ гоняютъ лѣтомъ по луговымъ мѣстамъ, зимою по горамъ. Отъ солонцоватыхъ травъ (джусанъ-ащи) баранъ становится гораздо выше вскормленныхъ на луговыхъ отгонахъ. Точно также полезны барану травы песковъ. Лошадямъ нужны кипецъ, ковыль (ковыль куде, битече, джаулъ). Верблюду нуженъ чій, камышъ, перекати-поле. Всѣ эти три рода травъ не растутъ вперемѣшку, но въ Средней Ордѣ ихъ всѣхъ можно найти на небольшомъ пространствѣ.

Кочуютъ розно — иногда скоро, иногда медленнѣе. Это зависитъ отъ количества дождей; при большихъ дождяхъ кочуютъ медленно, въ противномъ случаѣ за бѣдностью травъ скорѣе оставляютъ временныя стоянки.

Когда на небѣ покажется созвѣздіе «юркуръ», тогда начнутся холодные утренники. Черезъ двадцать пять дней послѣ того по ночамъ станетъ всходить созвѣздіе «таразы» (вѣска), тогда начнутся холодные вечера, дожди, а бараны станутъ собираться у юртъ. Бараній самецъ начинаетъ въ это время громко кричать по ночамъ.

Послѣ появленія таразы, черезъ двадцать или двадцать одинъ день, на горизонтѣ покажутся «сумблэ» (большое созвѣздіе сумблэ и малое); съ появленіемъ сумблэ пропадаютъ овода и тогда можно вездѣ кочевать, потому что насѣкомыя, водящіяся около камышей и близъ дурной стоячей воды, не станутъ больше без-

покоить животныхъ. До тѣхъ же поръ кочуютъ только близъ рѣкъ и озеръ, не имѣющихъ камышей.

Когда покажутся сумблэ, начнутъ поворачивать къ зимовкамъ. Не доходя верстъ 20, 30 до зимовки, аулы останавливаются на «кзеу» (осеннихъ стойбищахъ). Кзеу по-киргизски значитъ общая стрижка. Кзеу раздѣлены между народомъ, какъ и зимовки, и не занимаются лѣтними кочевками. Большею частью кзеу расположены у нарочно выкопанныхъ колодцевъ. Если же въ какой-либо части степи такъ много озеръ или рѣчекъ, что лѣтомъ трава около нихъ не потравлена скотомъ, то кзеу располагаютъ и у непересыхающихъ къ осени озеръ и рѣкъ (обыкновенно же у озеръ и рѣкъ трава бываетъ вытоптана лѣтовками). Въ кзеу стоятъ отъ 20 до 30 дней (отъ Покрова до снѣга). Тутъ стригутъ барановъ (мужчины), дѣлаютъ кошмы, ткутъ армячины, собираютъ кизякъ, приготовляютъ дрова на зиму, посылаютъ исправлять зимовки. Охотники потомъ бьютъ изъ подъ собакъ волковъ; съ ястребами и соколами охотятся только съ 15 сентября по 15 октября. На кзеу же шьютъ шубы, ергаки, чембары. Тутъ же бьютъ масло и дѣлаютъ рымчики (сыръ, дѣлаемый варкою молока; произносится скпа), сыкпу (сыкъ-жмакъ), сырчики для дѣтей.

Когда выпадетъ снѣгъ, выступаютъ къ зимовкамъ. По пути табуны лошадей посылаются на отгонныя поля, на которыхъ они и остаются всю зиму. Остальной скотъ долженъ кормиться у зимовокъ; но если здѣсь джутъ, то на отгонные луга посылается и скотъ. Овцы при пастьбѣ зимою идутъ всегда ниткою одна за другою. Когда передняя остановится, всѣ остальныя дѣлаютъ тоже и изъ подъ снѣга достаютъ кормъ по ровному кругу.

Рогатый скотъ никогда не разбиваетъ льда и ѣстъ кормъ только тогда, когда онъ у него подъ носомъ; потому при джутѣ ему прежде всего даютъ заготовленное съ осени сѣно.

Въ декабрѣ посылаютъ за «сугумомъ». Сугумомъ называется забойка скота, дѣлаемая разъ въ годъ для снабженія себя продовольствіемъ на зиму. Величина сугума зависитъ отъ состоянія, величины семейства и находится въ обратномъ содержаніи съ количествомъ потребляемаго хлѣба. Человѣкъ достаточный забиваетъ на сугумъ десять лошадей и болѣе. Ребра коней солятъ и коптятъ подъ именемъ «казы» — лакомство киргизовъ. Хребетъ (умортка) тоже солятъ и коптятъ равно какъ деликатнѣйшую часть лошади—холку (джалъ), состоящую изъ вкуснаго хрящевого жира. Конскія колбасы приготовляются укладкою казы въ тонкія кишки, наполовину перемѣшанной съ мясомъ и жиромъ. Толстыя кишки не солятъ, а ѣдятъ такъ въ теченіе зимы, равно какъ и карта (сычугъ, среднюю кишку). Для копченія лучшій лѣсъ это верескъ, а дымъ отъ кизяка, которымъ по необходимости коптятъ очень бѣдные киргизы, придаетъ мясу очень дурной запахъ. Для копченія вѣшаютъ мясо на чечеракъ. Барановъ, если они забиты, тоже коптятъ. Послѣ сугума начинаютъ приготовлять капканы для ловли волковъ, лисицъ, корсуковъ. Хлѣбъ покупаютъ, будучи еще на кзеу, т. е. въ послѣднихъ числахъ сентября. Когда всѣ хлопоты по заготовкѣ сугума кончены, начинаются пиры, взаимныя угощенія и сборы киргизовъ до тѣхъ поръ, покуда сугумъ не понизится до цифры, нужной для пропитанія во время зимы.

Если близъ зимовки корму для скота окажется мало, то не позже декабря нанимаются пастбища либо на линіи, либо у киргизъ, владѣющихъ хорошими и большими зимовками близъ горъ. Скотъ перегоняютъ на нанятыя мѣста раньше новаго года, потому что послѣ начнутся бураны, которые могутъ уничтожить скотъ во время перегона.

На зимовкѣ усиливается присмотръ за скотомъ. Хозяинъ или старшій на зимовкѣ осматриваетъ скотъ каж-

дый день и указываетъ ежедневно же мѣсто, куда его нужно выгонять. Это дѣлается на основаніи киргизской пословицы: у хозяина два глаза, у его сына—одинъ, а у работника вовсе нѣтъ глазъ; или по другой пословицѣ: хозяинъ изъ мертвой не сдѣлаетъ живую скотину, но умирающей можетъ не дать умереть. Самые трудные мѣсяцы январь и февраль, когда скотина спала съ тѣла, ослабѣла, а въ степяхъ дуютъ большіе морозы и бураны. Въ исходѣ зимы бураны особенно опасны: тогда они разгоняютъ скотъ, который гибнетъ въ незамерзающихъ соленыхъ озерахъ и болотахъ.

Съ зимовокъ трогаются, когда снѣгъ сошелъ хотя частью. Юрты разбиваютъ на проталинахъ, гдѣ осталась хорошая, старая трава, причемъ какъ водопой служитъ скоту вода, образовавшаяся отъ таянія весенняго снѣга. Снѣговая вода сохраняется во впадинахъ и проталинахъ степи до мая мѣсяца. Остановки при началѣ лѣтняго кочеванія зависятъ отъ состоянія погоды и отъ того, какъ скотъ поправляется. Если погода холодная, то стоятъ на одномъ мѣстѣ дольше.

Весною киргизы разбиваютъ юрты большею частью на сопкахъ и возвышенностяхъ, которыя обнажаются отъ снѣга прежде остальной мѣстности; осенью кочуютъ предпочтительно въ логахъ и низменностяхъ.

Каждый родъ кочуетъ лѣтомъ по однимъ и тѣмъ же урочищамъ и если лѣто было дождливое, а урожай травъ былъ хорошъ, то къ зимовкамъ возвращаются прежнимъ путемъ. Обыкновенно тамъ уже выростаетъ новая трава; если же кормовъ мало, то, направляясь къ зимовкамъ, ищутъ другихъ путей. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пускаютъ палы по той части степи, гдѣ предполагаютъ кочевать лѣтомъ; на зимовкахъ и осеннихъ стойбищахъ же травъ никогда не выжигаютъ, потому что молодая трава худо выдерживаетъ зиму и доставляетъ меньше корму. На лѣтней кочевкѣ опытный хозяинъ заботится

главнымъ образомъ о хорошемъ и здоровомъ водопоѣ; при хорошемъ водопоѣ шерсть на лошадяхъ становится гладкою, блестящею; при дурномъ случается наоборотъ. Опытный Чупчей-Назанъ-бай (хозяинъ) умѣетъ отличить по вкусу хорошія травы отъ дурныхъ.

Люди съ начала весны до послѣднихъ чиселъ апрѣля продовольствуются айракомъ и кумысомъ. Съ мая мѣсяца изъ коровьяго и частью бараньяго молока приготовляются на зиму сыры. У богатыхъ киргизъ въ пищу идетъ только кумысъ, а молоко отъ скота и барановъ цѣликомъ идетъ на сыръ и масло.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля стригутъ трехъ и четырехлѣтнихъ холостыхъ кобылъ для волоса на арканы; хорошихъ же, большихъ лошадей никогда не стригутъ. Въ маѣ мѣсяцѣ стригутъ верблюдовъ, которыхъ шерсть раздѣляется на два сорта: 1) шейная и колѣнная, называется «*чуда*» и употребляется на грубую пряжу для шитья кошемъ; 2) спинная и съ боковъ, называется «*джебага*» и употребляется вмѣсто ваты и на тонкую пряжу. Джебагою называется въ продажѣ свалявшаяся на верблюдѣ войлокообразная шерсть, снимаемая съ животнаго при помощи ножей цѣлыми кусками. *Джюнъ* собственно идетъ на пряжу и снимается со спины и боковъ тонкими частями. Съ большихъ барановъ снимаютъ шерсть два раза: весною въ видѣ джебаги, которая употребляется въ смѣси съ конскимъ волосомъ на арканы, и чистая; послѣдняя употребляется въ сваленномъ видѣ на купэ, родъ шубы изъ бараньей джебаги, покрытой саранжею или нанкою. Осенью, въ половинѣ сентября и позже, стригутъ овецъ на кошмы. Маленькихъ овецъ, называемыхъ козы, тоже стригутъ два раза. Первый разъ 15 іюня, это называется «карынъ-джюнъ», первая шерсть. Изъ этой шерсти сваливаютъ тикеметы и молельные коврики. Второй разъ стригутъ ихъ одновременно съ большими баранами. Стрижка называется

«куземъ». При дѣланіи хорошихъ войлоковъ шерсть отъ большихъ барановъ кладется въ середину, а отъ молодыхъ наверхъ. Впрочемъ, это соблюдается только умными хозяевами.

Отъ большихъ барановъ овчина, послѣ снятія джебага, употребляется на шубы. Послѣ осенней стрижки овчина негодна для шубъ и идетъ на выдѣлку чембаровъ и кожаныхъ халатовъ (называются «койтерседжаргакъ»). Шкуры маленькихъ барашекъ до первой ихъ стрижки идутъ на шубы болѣе цѣнныя, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ тресковыхъ. Отъ 15 іюня до 15 сентября барашки называются «крыкъ-на»; тогда изъ нихъ дѣлаютъ шубы бѣдные люди, женщины и рабочіе. Зимою барашки называются «тире» и идутъ вмѣстѣ со всѣми на чембары и прочее.

Верблюжьи кожи большою частью продаются торговцамъ русскимъ и татарамъ; малую часть этихъ кожъ сами киргизы выдѣлываютъ на сыромять и замшу для уздъ и другихъ сѣдельныхъ принадлежностей. Вообще верблюжья кожа считается прочнѣе другихъ; главное же ея достоинство, что она вездѣ равной толщины. Изъ верблюжьей шерсти дѣлается «*конекъ*», посуда (въ родѣ ведра съ носкомъ) для разноски гостямъ кумыса.

Изъ конскихъ кожъ киргизы выдѣлываютъ сабы, дѣлаемыя изъ одной кожи. Только у немногихъ богатыхъ дѣлаютъ изъ двухъ шкуръ; изъ трехъ же сабы употребляютъ только въ экстренныхъ случаяхъ, напр. при поминкахъ. Кромѣ того изъ конской кожи дѣлаютъ сюрепэ, турсуки, конекъ, подойники и пр. Посуду изъ конской кожи употребляютъ болѣе достаточныя лица, но не потому, что она лучше, а потому, что богатые больше рѣжутъ лошадей на пищу.

Скотскія кожи. Изъ телячьихъ кожъ дѣлаются мѣшки на сумки и храненіе разныхъ вещей и запасовъ. Бѣдные дѣлаютъ иногда изъ телячьихъ шкуръ чембары.

Большія скотскія кожи въ киргизскомъ хозяйствѣ употребляются на приготовленіе ременныхъ принадлежностей, уздъ и пр. Сабы изъ нихъ не дѣлаются; но иногда приготовляются сюрепэ, турсуки, конекъ и касуга (ведра) [1]).

Козы. Въ послѣднихъ числахъ мая козы стригутся и ихъ длинную шерсть свиваютъ въ шнуры для оторочки кошемъ въ ютрахъ и на завязки. Пухъ отдѣляется отъ шерсти; онъ идетъ на продажу и на приготовленіе «джайнамазъ», кошемъ, употребляемыхъ при молитвахъ. Шкуры идутъ на джаргаки, а по снятіи шерсти и выдѣлѣ на чембары для богатыхъ людей. Какъ отъ молодыхъ, такъ и отъ старыхъ козъ всѣ шкуры идутъ на чембары и джаргаки. Изъ однолѣтнихъ, называемыхъ «серкэ - тересъ», выдѣлывается кожа, изъ которой шьютъ зимніе сапоги, шерстью внизъ. Ихъ обыкновенно обшиваютъ сафьяномъ и придѣлываютъ подошвы. Въ подобныхъ сапогахъ длинная шерсть выдергивается, такъ что остается одинъ пухъ.

Звѣриный промыселъ существуетъ въ Баянъ - Аульскомъ округѣ предпочтительно въ горахъ большомъ Кизыль - тау, маломъ Кизыль - тау и въ Далбахъ - тау. Здѣсь ловятъ лисицъ, волковъ и дикихъ барановъ (аркаровъ). Лѣтомъ охотятся на сайгу. Эта охота составляетъ предметъ не малаго дохода. Сайгачьи рога продаются пара отъ 15 до 20 к. Кожа идетъ на чембары и кожаные халаты, мясо идетъ въ пищу, а хорошія сайги осенью даютъ до полъ пуда сала. Года три уже, какъ сайги приходятъ въ маломъ количествѣ, говорятъ, что это находится въ зависимости отъ копытной болѣзни «сарпъ», свирѣпствовавшей между сайгачьими стадами.

Изъ промысловъ только и замѣчательно производ-

[1]) Употребляемая въ киргизскомъ обиходѣ посуда.

ство топоровъ, приготовляемыхъ киргизомъ Кузи изъ Джангаты-Айдабульской волости.

Торговля. Въ Баянъ-Аульскомъ округѣ существуетъ различіе въ торговлѣ по Туртугульской и Бассентинской дистанціямъ. У киргизъ туртугульцевъ бараны крупнѣе и верблюды больше, за то у нихъ мало рогатаго скота. У бассентинцевъ же, наоборотъ, главный предметъ составляетъ рогатый скотъ, который зимой откармливается сѣномъ на обширныхъ лугахъ лѣваго берега Иртыша. Въ обѣихъ дистанціяхъ скотъ закупается купцами, пріѣзжающими изъ Петропавловска. Изъ Туртугульской дистанціи идутъ бараны на общій прогонный путь съ каркаралинскими и семирѣченскими гуртами, а изъ Бассентинской по лѣвому берегу Иртыша до озера Тепе, оттуда черезъ Малый Караой на Тулчукуль.

Торговля рогатымъ скотомъ. Гурты рогатаго скота покупаются въ Семипалатинскѣ. Покупка производится съ половины сентября до осени. Купленные здѣсь гурты всю зиму кормятся тутъ же, для чего снимаются луга въ седьмомъ полковомъ округѣ. Кормятъ сѣномъ до 10 апрѣля. Вся эта операція производится мѣстнымъ купечествомъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ сюда пріѣзжаютъ купцы для закупки скота на золотые пріиски въ Енисейскую губернію, а также и для отправки на линію. Послѣ совершенія покупки скотъ гонятъ въ Енисейскую губернію и степью въ Троицы; при этомъ гурты идутъ на подножномъ корму.

Почти всѣ баянъ-аульскіе киргизы запасаются мукой по линіи отъ Павлодара до Желѣзинской станицы. Казаки перекупаютъ муку у томскихъ крестьянъ горнаго вѣдомства и перепродаютъ ее киргизамъ съ разными обмѣрами и обвѣсами. Потребность баянъ-аульскихъ киргизъ можно положить въ годъ около 300 тыс. пуд. муки. Купцовъ, торгующихъ мукой, въ Павлодарѣ нѣтъ. Это зависитъ оттого, что, согласно преж-

нимъ положеніямъ, разночинцамъ было запрещено жить по казачьимъ станицамъ. Хотя теперь запрещеніе это и отмѣнено и Павлодаръ сдѣланъ городомъ, но хлѣбные торговцы здѣсь до сихъ поръ не водворились. Оттого цѣны на хлѣбъ подвержены здѣсь частымъ и сильнымъ колебаніямъ.

Лучшія сѣдла дѣлаются въ Джангозы-Айдабульской волости; тамъ же лучшіе серебряники и кузнецы.

Лучшія деревянныя вещи дѣлаются въ Карджарской и Айдабульской волостяхъ. Въ тѣхъ же волостяхъ и въ Бассентинскихъ много плотниковъ; бассентинскіе плотники употребляются весьма часто для постройки домовъ въ самомъ Павлодарѣ.

Кошмы и армячина сбываются по всей линіи отъ Павлодара до Омска; армячины болѣе выдѣлываютъ въ Туртугульскихъ волостяхъ, гдѣ много верблюдовъ. Туртугульцы пригоняютъ лѣтомъ скотъ на продажу въ Акмолы, гдѣ главнѣйшимъ образомъ покупается ими азіатскій товаръ.

По всей Средней Ордѣ лучшія породы лошадей находятся въ Акмолинскомъ и Атбасарскомъ округахъ.

Хорошая порода лошадей въ Средней Ордѣ ведется отъ кипчаковской породы изъ табуновъ Алданазара и Пана, киргизъ Кокчетавскаго округа (бывшаго Кипсъ-Мурунскаго). У нихъ были самые лучшіе бѣгунцы и самыя красивыя лошади. Кипчакская порода произошла отъ туркменской; попала же туркменская кровь въ кипчакскую породу, потому что нѣкогда Кипчаки кочевали по Сыру, смежно съ Туркменами.

Переправившись у Павлодара на правый берегъ Иртыша, мы разстались съ областью Сибирскихъ киргизовъ и въѣхали въ Семипалатинскую область.

16-го сентября. Попрощавшись съ Муссою, мы поѣхали изъ Корякова въ Семипалатинскъ.

Небо было очень пасмурно и дулъ порывистый юго-западный вѣтеръ, нагонявшій иногда дождевыя тучи. Направо въ широкой долинѣ протекалъ Иртышъ съ десятками тысячъ, можетъ быть, милліонами стоговъ сѣна. Вѣтеръ, срывая съ песчанаго праваго берега цѣлыя тучи песку, носилъ ихъ по широкому простору совершенно ровной, пустынной степи. Кучи перекати-поля, словно живыя существа, быстро двигались по степи, подпрыгивая при небольшихъ неровностяхъ и кустикахъ, мѣшавшихъ ихъ движенію. На томъ берегу Иртыша порывистый ураганъ поднялъ высоко въ воздухъ нѣсколько песчаныхъ смерчей, которые вертѣлись и двигались параллельно другъ другу. Это было очень далеко отъ меня и опредѣлить разстояніе сквозь туманъ, мелкій дождикъ и вѣтеръ, бросавшій крупный песокъ въ глаза и лицо, я не могъ. Но смерчи казались мнѣ очень высокими и всѣ четыре были совершенно одинаковы. По временамъ казалось, что они стоятъ неподвижно, но мелкая пыль и песокъ, отрываясь отъ главнаго столба, отлетали по направленію вѣтра, — точь-въ точь дымки отъ ружейной перестрѣлки. Пока я могъ ихъ видѣть, а это продолжалось около двадцати минутъ, они двигались почти на тѣхъ же мѣстахъ, вертясь будто на мѣстѣ. Вѣроятно, они пропали въ Иртышѣ, потому, что должны были приблизиться къ водѣ.

Отъ Янышевской станицы ураганъ усилился. Вѣтеръ отнималъ возможность двигаться иначе, какъ шагомъ. Между тѣмъ наступившая темнота была совершенно непроницаема. Мы остановились ночевать въ станицѣ Лебяжьей, разойдясь по квартирамъ, отведеннымъ въ станицѣ.

17-го сентября. Ѣхали изъ Лебяжьей въ Семипалатинскъ. Погода была хорошая, хотя холодная. Иртышъ смотрѣлъ весело. Въ первый разъ мы увидѣли эту рѣку

текущей спокойно и тихо по своему широкому руслу. То она разбѣгалась на множество рукавовъ съ живописными островами посрединѣ, то сливалась въ одно широкое русло, блестящее и обильное водой. По берегамъ росли деревья, по преимуществу лозы. Общій видъ рѣки былъ очень живописенъ. Иногда посрединѣ рѣки видны были мѣстами громадныя каменныя глыбы, вѣроятно, принесенныя свирѣпымъ весеннимъ Иртышемъ изъ горъ, пограничныхъ съ Китаемъ. Валуны и обломки сланцевъ валялись по берегамъ рѣки.

У Подспускной станицы нужно спуститься съ высокаго праваго берега рѣки въ долину Иртыша. Горы же далеко отбѣгаютъ на востокъ, оставляя между рѣкою и собою обширную, красивую равнину. У самаго спуска съ праваго берега видна зимовка, построенная правительствомъ брату Аблай-Хана Меметъ-Султану. Онъ жилъ въ нынѣшнемъ Акмолинскомъ округѣ, но будучи очень хитрымъ и, вѣроятно, предугадывая скорое подданство орды, перешелъ на внутреннюю сторону Иртыша и принялъ подданство Россіи. Правительство начало его очень ласкать и выстроило Мемету богатую зимовку на правомъ берегу Иртыша съ баней, мечетью и пр. Сыновья Мемета—Урусъ-Султанъ и Чанчаръ; отъ имени послѣдняго постройка стала называться зимовкой Чанчара. Замѣчательно, что около мечети была построена казарма, назначенная для солдатъ, охранявшихъ мечеть отъ киргизъ (!?)—вотъ какова тогда была ихъ преданность магометанству. Рѣшительно, мы самые энергичные пропагандисты ученія Магомета!

Между станціями Подспускною и Кривою на правомъ берегу Иртыша стоитъ нѣсколько зданій, гдѣ производится ломка прекраснаго известковаго камня. Работаютъ здѣсь каторжники, для которыхъ построенъ острогъ съ дворомъ, обнесеннымъ высокимъ частоколомъ. Известь отправляется по Иртышу до Омска.

Проѣзжая по Иртышской линіи, можно позабыть, что ѣдешь въ степи. Въ разстояніи другъ отъ друга на 20—30 верстъ по берегу Иртыша разбросаны казачьи станицы, которыхъ жители, какъ видно, очень богаты. Но, къ несчастью, это богатство происходитъ отъ дарового пользованія богатыми лугами лѣваго берега Иртыша. Они мало пашутъ, мало работаютъ, благо у каждаго казака есть пай богатыхъ луговъ. Онъ накоситъ весною и знаетъ, что это его хлѣбъ въ теченіе года. Доходъ казаковъ увеличивается придирками къ киргизамъ, угрозами имъ и вообще всякаго рода легитимированнымъ разбоемъ. Изрѣдка въ степи видны слѣды пашней, но, во-первыхъ, это очень рѣдко, а во-вторыхъ, иногда эти пашни оказывались обработанными киргизами.

Исторія пріобрѣтенія сибирскимъ казачьимъ войскомъ луговой стороны Иртыша весьма любопытна.

При устройствѣ сибирскихъ линій требовались особыя мѣры къ удержанію киргизовъ отъ хищническихъ набѣговъ, которымъ подвергались не только прилинейные жители, но и горнозаводскія селенія, далеко за Иртышомъ. На этомъ основаніи, командовавшій всѣми сибирскими линіями генералъ-поручикъ Шпрингеръ, въ инструкціи, данной комендантамъ крѣпостей, отъ 31-го декабря 1765 года, между прочимъ, говоритъ: «чтобы киргизъ-кайсаки, какъ сами кочевкою, такъ и скотскіе ихъ табуны держались своей стороны и до нашихъ крѣпостей ближе десяти, а по крайней мѣрѣ пяти верстъ, со взятіемъ отъ нихъ лучшихъ людей аманатами, отнюдь не приближались».

Вслѣдствіе этого циркуляра, весь лѣвый берегъ Иртыша на десятиверстное разстояніе сталъ въ непосредственное подчиненіе къ линейному начальству.

Съ теченіемъ времени сосѣдніе къ линіи киргизы сблизились съ русскими и, узнавъ на опытѣ выгоды

спокойной и мирной жизни, прежде другихъ обратились къ покровительству русской власти. Вскорѣ они стали обращаться за фактическою помощью и вооруженною защитою противъ баранты и хищничества дальнихъ киргизовъ. Наше правительство не только приняло подъ свою охрану тѣхъ изъ киргизовъ, которые просили нашего покровительства, но даже, чтобы совершенно обезопасить наиболѣе преданныхъ изъ нихъ, предоставило имъ право кочевать на правой сторонѣ Иртыша, на пустопорожнихъ земляхъ Кулундинской степи. За подобное покровительство было справедливо требовать нѣкотораго возмездія. Рескриптомъ на имя генералъ-лейтенанта Нефедьева, отъ 7-го августа 1800 года, императоръ Павелъ I постановилъ, чтобы съ киргизовъ, приходящихъ въ наши предѣлы, собиралось со ста лошадей по одной, годной на ремонтъ драгунскихъ полковъ; съ прочаго же скота собирать такую же подать въ пользу госпиталей и полковъ, на линіи расположенныхъ.

На основаніи циркуляра Шпрингера и рескрипта императора Павла, линейное начальство стало собирать ремонтную пошлину съ киргизовъ, прикочевывавшихъ ближе десяти верстъ и къ лѣвому берегу Иртыша. Мотивомъ тому служила охрана, доставляемая прикочевавшимъ киргизамъ отъ набѣговъ и грабежей отдаленныхъ племенъ. Съ превращеніемъ прииртышныхъ жителей - поселенцевъ въ казаки, войсковое начальство стало собирать ремонтную пошлину въ пользу войска. Съ открытіемъ округовъ въ степяхъ сибирскаго вѣдомства въ 1824 году, всѣ вообще киргизы были обложены ясакомъ. Рядомъ энергическихъ усилій безпорядки и баранта были уничтожены и повсемѣстно въ степяхъ водворено спокойствіе. Несмотря на то, прилинейные киргизы, кромѣ ясака, равнаго для всѣхъ, продолжали платить ремонтную пошлину въ пользу сибирскаго казачьяго войска за право кочеванія въ прибрежномъ

десятиверстномъ пространствѣ. Впослѣдствіи ремонтная пошлина была замѣнена денежною повинностью, съ особыми подраздѣленіями платы за мѣста подъ лѣтнія и зимнія стойбища. Въ настоящее время ремонтная пошлина, собираемая сибирскимъ войскомъ, достигаетъ 15,000 р. с. въ годъ.

Такимъ образомъ, весь лѣвый берегъ Иртыша, по исторически сложившемуся праву, достался казачьимъ поселеніямъ, расположеннымъ на правомъ берегу. Огромная полоса земли по лѣвому берегу Иртыша, называемая «десятиверстнымъ разстояніемъ», состоитъ почти вся изъ богатыхъ заливныхъ луговъ [1]). Луговыя мѣста разбиты на участки или паи, которые ежегодно, по жребію, распредѣляются между жителями станицъ, смотря по чину. Косить участки не трудно. За самую ничтожную плату сотни киргизскихъ рукъ всегда готовы къ услугамъ казаковъ. Сѣно, скошенное съ нѣсколькихъ паевъ, даетъ совершенно безбѣдное и обезпеченное существованіе. Полезно или вредно для развитія богатства и распространенія цивилизаціи такое, постоянно обезпеченное, положеніе русскихъ поселеній по Иртышу, предоставляю рѣшить другимъ.

Дичи страшное количество. Я два раза стрѣлялъ въ дрохвъ. На прирѣчныхъ деревьяхъ сидѣли десятки тетеревовъ и флегматически оглядывали экипажъ и прислушивались къ звону колокольчика.

Къ вечеру стало очень холодно. Вѣтеръ съ Иртыша просто леденилъ ноги и руки. Послѣднюю станцію мы ѣхали очень долго. Наконецъ позднею ночью пріѣхали въ Семипалатинскъ. Въ пустынныхъ улицахъ дулъ сильный холодный вѣтеръ, бросавшій въ дома крупнымъ пескомъ. Въ окнахъ кое-гдѣ свѣтились тусклые огоньки, освѣщая полосами улицу и давая видѣть массы песку,

[1]) Взято изъ записки «О десятиверстномъ разстояніи», составленной полковникомъ Гутковскимъ.

носимаго вѣтромъ. Первое впечатлѣніе было самое непріятное. Достучавшись послѣ долгихъ усилій до пробужденія полицейскаго унтеръ-офицера, мы просили отвести намъ квартиру. Насъ начали таскать по улицамъ и наконецъ указали на одинъ домъ. Отведенная намъ квартира не имѣла ни одного цѣлаго окна. Вотъ удовольствіе! Я легъ спать не раздѣваясь въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

18—26-го сентября пробыли въ Семипалатинскѣ.

19-го. Было у насъ засѣданіе. Повѣряли все сдѣланное въ области Сибирскихъ киргизовъ. Я показалъ всѣ свѣдѣнія, собранныя мною.

20-го. Ѣздилъ съ визитомъ къ Ильѣ Христіановичу Эккеблату. Семипалатинскому военно-окружному начальнику. У него довольно милая жена и честная бѣдность на квартирѣ. Это человѣкъ образованный, кончившій курсъ въ лицеѣ. Сегодня же было второе и послѣднее засѣданіе. Мало толку, а очень много отнимается времени. Остальное время занимался.

21, 22 и 23—го работалъ сильно, поднимаясь со стула только затѣмъ, чтобы идти обѣдать. Даже не видѣлъ Семипалатинска.

24-го. Ѣздили за пятьдесятъ слишкомъ верстъ въ одинъ аулъ Внутренняго Семипалатинскаго округа. Станцію ѣхали по проѣханной уже нами дорогѣ, потомъ повернули внутрь края. Большіе лѣса ограничиваютъ во всѣхъ направленіяхъ большія степныя равнины, покрытыя чіемъ, ковылемъ, кипцемъ. Было бы хорошо жить здѣсь киргизамъ, кабы не вопіющія обиды со стороны казаковъ и поземельныя притѣсненія со стороны горнаго вѣдомства.

«У насъ нѣтъ теперь земель, говорилъ намъ одинъ бій; часть нашихъ земель отошла къ казакамъ. Я живу въ десяти верстахъ отъ праваго берега Иртыша; казаки на основаніи права на пяти-верстное разстояніе отъ праваго берега заставляютъ меня платить картомныя деньги».

«Съ другой стороны отъ Бійска и Кузнецка насъ тѣснитъ горное вѣдомство. Въ этомъ году оно проводитъ границы чуть не до самыхъ казачьихъ земель. Не знаю, выгонятъ или нѣтъ киргизъ, кочующихъ на земляхъ, отходящихъ къ горному вѣдомству».

Къ вечеру мы пріѣхали на урочище Чонкуръ-Камышъ, гдѣ ночевало нѣсколько киргизъ. Ночь была чудно хороша. Свѣтло какъ днемъ. Я нѣсколько разъ выходилъ изъ юрты, чтобы любоваться на окрестный лѣсъ, ярко освѣщенный луною, на ровную степь, отливающую серебромъ, на наши экипажи, поднявшіе оглобли кверху, на лошадей, неподвижно стоящихъ у веревки, растянутой у юрты. Съ наслажденіемъ прислушивался я чуткимъ ухомъ къ ровному звуку, происходящему отъ жующихъ лошадей, къ далекимъ крикамъ и воплямъ табунщика, къ какимъ-то крикамъ въ аулѣ, и я чувствовалъ себя очень хорошо.

Утромъ ходилъ на тетеревей и ничего не убилъ. Придя съ охоты, я съ Ибрагимовымъ усѣлся съ хозяиномъ юрты и началъ его разспрашивать по заранѣе составленной программѣ [1]).

Разспрашивалъ Ергенектинской волости киргиза Колчаякъ. У Колчаяка три брата и всѣ четверо кочуютъ вмѣстѣ. Всѣ братья семейные и имѣютъ по одной женѣ. За зимовку платятъ казакамъ съ цѣлаго аула, хотя эта

---

[1]) Въ дневникѣ встрѣчается цѣлый рядъ записанныхъ авторомъ разспросовъ мѣстныхъ жителей объ ихъ житьѣ. Мы всѣхъ разспросовъ не включаемъ по однообразію ихъ содержанія, а помѣщаемъ лишь нѣкоторые, дающіе ясное понятіе о потребностяхъ и матеріальномъ благосостояніи киргизскихъ семействъ. *Ред.*

зимовка расположена въ двѣнадцати верстахъ отъ Иртыша (на правой сторонѣ). Съ 40 юртъ, составляющихъ аулъ, платится за зимовыя стойбища 20 р.; кромѣ того братья платятъ 30 коп. съ зимовки за право пользованія дровами и по 15 коп. за каждое ведро выгнаннаго дегтя. Они нанимаютъ также покосные луга на Иртышѣ, среднимъ числомъ ежегодно до 16 паевъ. Въ паѣ около 750 копенъ, по 7 пудъ въ каждой. За пай братья платятъ до 20 р.

Братья обработываютъ землю и сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ. Сколько поднимаютъ земли, не знаютъ. Они оставляютъ себѣ отъ 150 до 200 пуд. муки на продовольствіе семей. Остальное продаютъ, такъ что за вычетомъ оставленной муки братья получаютъ чистаго барыша 40 р. Впрочемъ, въ послѣднее время кобылка сильно опустошаетъ поля.

У четырехъ братьевъ было много скота; но пять лѣтъ тому назадъ во внутренней ордѣ свирѣпствовала сибирская язва, которая истребила и у нихъ много скота. Колчаякъ говоритъ, что они имѣютъ въ настоящее время: 35 лошадей, 70 барановъ и 11 рогатыхъ. Чтобы получить вѣрную цифру, нужно прибавить, по крайней мѣрѣ, по трети къ каждой цифрѣ. Братья раздѣлены, но пасутъ табуны вмѣстѣ. Скота ежегодно среднимъ числомъ продаютъ на сумму десяти крупныхъ головъ (при посредственномъ урожаѣ). Байдаковъ они продаютъ осенью и весною, выхолащивая ихъ предварительно и выкармливая въ теченіе зимы сѣномъ. Лошадь продается по 15 р. сер., рогатую голову по 10 р. сер., овцу за 2 р. сер.

Отъ 35 лошадей братья получаютъ въ годъ 6—8 жеребятъ, отъ 70 барановъ 15—20 штукъ ежегоднаго приплода; отъ 11 рогатыхъ—6 штукъ приплоду. Ежегодно волки среднимъ числомъ истребляютъ до шести головъ всякаго скота.

Аулъ, къ которому принадлежатъ Колчаяки, платитъ 200 р. сер. въ годъ за двѣ тройки, которыя содержатъ сообщеніе (по земскимъ повинностямъ); 5 р. сер. аулъ платитъ ежегодно окружному толмачу. Почтарю при округѣ платятъ всѣ волости вмѣстѣ 1.200 руб. Муллѣ ничего не платятъ. Волостной мулла прибылъ только въ этомъ году, и что̀ ему назначатъ въ содержаніе, — неизвѣстно. Фельдшерскому ученику 4 р. сер. съ каждаго аула.

Всѣ эти расходы раскладываются поровну на каждую юрту; но очень бѣдныхъ отъ чегыня освобождаютъ. Приходится на юрту чегыну около 4 р. асс. 30 коп.

Сугумъ находится въ зависимости обратной съ урожаемъ. При среднемъ урожаѣ убивается 8 крупныхъ скотинъ и 15 барановъ. На кунъ-агасы среднимъ числомъ ежегодно закалывается до 20 барановъ. Такая значительная цифра на пріемъ гостей объясняется тѣмъ, что братья Колчаяки кочуютъ на большой дорогѣ

Кожи, остающіяся отъ забойки на Сугумъ, большею частью продаются; тѣ же, которыя отъ скота, забиваемаго для гостей, оставляютъ у себя. Не нужно забывать, что на кунъ-агасы бьютъ молодыхъ овечекъ, слѣдовательно, ихъ шкурки годны для шубъ. Конскія кожи продаются за 4, 5 и 6 руб.; въ послѣднемъ случаѣ кожи продаются съ волосами. Воловьи кожи — 7, 8 руб. асс.

Въ теченіе года братья Колчаяки покупаютъ на всѣ семьи отъ одного до двухъ армяковъ; больше же ихъ жены дѣлаютъ армячину изъ шерсти своихъ же барановъ; точно также изъ своей же шерсти дѣлаютъ мѣшки, арканы и все, что нужно для юртъ. Въ теченіе года дѣлаютъ изъ своей же шерсти 3—5 кошмъ. Изъ джебаговъ своихъ овецъ дѣлаютъ купы, армяки, мѣшки и пр. Въ годъ покупается отъ 2 до 3-хъ штукъ нанки. Въ годъ выходитъ двѣ штуки ситца (60 или 70 аршинъ).

На головной уборъ женщинъ выходитъ около 20 арш. коленкору; на сапоги и ичиги выходитъ въ годъ три юрты на всѣ четыре семьи. Юрта стоитъ 4, 5 р. с. Подошвы же дѣлаютъ изъ старыхъ сабъ. Изъ остающейся нанки и твинда дѣлаютъ кушаки. Въ годъ выходитъ на всѣ семьи на чай и сахаръ около 10 р. асс.

Весь товаръ покупается въ Семипалатинскѣ у татаръ, забирая его или на деньги или въ долгъ подъ барановъ будущаго года.

Въ каждой юртѣ находится: саба, сшитая изъ двухъ конскихъ кожъ и служащая годъ или два; два турсука, которые дѣлаются изъ цѣльной коровьей шкуры; два казана. Маты изъ чіевъ дѣлаютъ сами; служатъ 5, 6 лѣтъ. Кирече служатъ 6, 8 лѣтъ. Въ каждой юртѣ есть блюдо для мяса; 15 чашекъ; 20 чашекъ для кумысу; самоваръ и телѣга. Послѣдняя стоитъ 2, 3 р. сер. и служитъ до 15 лѣтъ.

Этотъ разсказъ чрезвычайно типиченъ прежде всего потому, что цифра скота, показанная Колчаякомъ, должна быть гораздо меньше дѣйствительной. Если всмотрѣться въ расходы братьевъ, то видимъ, что ихъ доходъ долженъ быть гораздо выше. Число скота, потребляемаго ежегодно братьями, должно истребить ихъ табуны въ самое короткое время, и все-таки оно ниже дѣйствительности, если судить по ихъ доходу. Колчаякъ, разсказывая про число кожъ, которыя онъ получаетъ отъ ежегодно-убиваемаго скота, сказалъ: «кромѣ кожъ, которыя мы продаемъ, у насъ остается до 40 штукъ». Эта обмолвка въ связи съ цифрою забойки, показанной Колчаякомъ, доказываетъ, какъ онъ затруднялся моими вопросами о его скотѣ. Все остальное, имъ сказанное, вѣроятно, вѣрно.

Гораздо интереснѣе и умнѣе разсказъ киргиза Алданазара Баянъ-Аульскаго округа, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, платя ясыкъ по настоящему количеству скота,

онъ отвѣчалъ на вопросы смѣло, не подозрѣвая въ насъ фискаловъ.

Семейство его состоитъ изъ матери, жены, дочери 8 лѣтъ и сына 4-хъ лѣтъ — всего 5 душъ. Состояніе его заключается въ 100 баранахъ, 10 лошадяхъ различнаго возраста, 1-мъ верблюдѣ и 2-хъ коровахъ. Верблюдъ-самецъ, а промѣнять на самку Алданазаръ не могъ, потому что за такой промѣнъ требуютъ придачи одного или двухъ барановъ.

Расходы. Для полученія денегъ на уплату ясака (20 р. асс.) Алданазаръ продалъ въ Павлодарѣ четыре барана по 6 р. асс. и по 2 р. сер. На сапоги семейству купилъ цѣлую красную кожу за 5 барановъ, изъ которой вышло всѣмъ по одной парѣ сапогъ. На сугумъ закололъ 10 барановъ и 3 лошадей. Снятыя съ нихъ овчины и кожи продалъ въ Павлодарѣ, первыя по 1 р. 50 к. и 1 р. 40 к. асс., кожи же по 4 руб. асс. штука. Тамъ же продалъ кошму за 5 руб. асс. и 10 барановъ. На вырученныя деньги купилъ бязи на джавлуки (головная повязка) женѣ и матери такъ, чтобы вышло по двѣ джавлуки на каждую женщину. Каждая джавлука стоитъ одинъ баранъ и на нее идетъ четыре кары или ряда. Купилъ три саранжевые халата, стоюшіе каждый отъ 8 р. асс. до 3 р. сер., и дѣтямъ сшилъ халаты изъ особенно купленной саранжи. Всѣмъ сдѣлалъ кунны (теплые халаты на бараньей джебагѣ) на саранжевой покрышкѣ. На каждаго это стоило въ Павлодарѣ около 1 р. сер.

Купилъ посуды: казанъ, стоющій 6 р. асс.; таганъ, треножникъ подъ котелъ, 1 р. 50 к. асс.; чашекъ большихъ 5 штукъ для кушанья по 70 к. каждая и 5-же чашекъ для кумысу по 40 к. асс. Сшилъ себѣ тулупъ изъ овчинъ, которыя самъ выдѣлывалъ. Всѣмъ сшилъ по одной смѣнѣ бѣлья. Вся одежда, какъ лѣтняя, такъ и зимняя, выноситъ одинъ только годъ, потому что

носится, не снимая съ плечъ. Юрта четырехъ-канатная. ветхая, служитъ шестой годъ только для лѣтовокъ и осенней стоянки. Зимою семейство проживаетъ въ землянкѣ, устроенной на зимовкѣ въ Баянъ-Аульскихъ горахъ. Деревянный остовъ кибитки купленъ у Баянъ-Аульскихъ джатаковъ вмѣстѣ съ двумя таратайками. Каждые два каната кирече стоятъ 1 баранъ; укъ—2 барана и чигиракъ—два барана.

Кошмы своего издѣлія. Отъ имѣющихся у Алданазара барановъ приготовляются въ годъ двѣ кошмы. Двѣ арбы стоятъ каждая два барана и служатъ съ поправкою года три-четыре. Въ юртѣ находится движимаго имущества: кровать, покрытая сложеннною въ нѣсколько разъ кошмою, кибеже, два сундука (одинъ киргизскаго издѣлія, другой маленькій русскій) и кожаный сюрепе для кумысу и молока.

На зиму заготовляется около пуда овечьяго масла и рымчиковъ.

Чегенъ на его долю состоялъ изъ барана съ козленкомъ, въ нѣкоторые же года, напр. при исчисленіи скота, доходилъ до трехъ барановъ.

25-го сентября. Успѣлъ ознакомиться съ городомъ. Въ 1747 году при Семипалатинской крѣпости, бывшей на мѣстѣ нынѣшняго города, считалось всего двѣ души разночинцевъ [1]), но десять лѣтъ спустя близъ крѣпости стали селиться калмыки, бѣжавшіе отъ китайскихъ войскъ, которыя опустошали въ то время Джунгарію и рѣзали всѣхъ возмутившихся, безъ разбора пола и возраста. Бѣглецы приняли христіанство и русскія фамиліи, чѣмъ объясняется совершенно монгольскій типъ лица у многихъ семипалатинскихъ жителей. Впослѣдствіи Семипалатинскъ, какъ и вся прииртышная линія, населялся и

¹) По второй переписи Сибирской губерніи, произведенной генераломъ Черницовымъ.

добровольно прибывшими поселенцами, и лицами, приписанными къ слободамъ по распоряженію правительства. Крѣпость переименована въ уѣздный городъ Колыванскаго намѣстничества въ 1783 году. Въ послѣднее время въ Семипалатинскъ переселилось много татаръ изъ Вятской и Казанской губерній и изъ Тюмени. Точно также здѣсь появилось много такъ называемыхъ ташкентцевъ, т. е. выходцевъ изъ средне-азіатскихъ владѣній. Мусульмане живутъ въ лучшей части города и придали Семипалатинску восточную физіономію. Теперь въ городѣ считается до 1,500 домовъ, населенныхъ 9,000 жителей. Лучшее зданіе города — мечеть, построенная, какъ мнѣ говорили, по рисунку Тона. Архитектура мечети замѣчательно граціозна и легка. Съ ея высокихъ минаретовъ видѣнъ весь Семипалатинскъ съ окрестностями до далекихъ горъ Семитау. Потемнѣвшія деревянныя крыши города жмутся другъ около друга точно семейство грибовъ, пріютившееся на удобномъ для себя мѣстѣ. Изъ массы крышъ выпрыгиваютъ въ семи или восьми мѣстахъ деревянные минареты другихъ мечетей, некрасивые и неопрятные. Отъ сѣро-грязнаго цвѣта всего Семипалатинска рѣзко отличаются двѣ каменныя православныя церкви, изъ которыхъ одна довольно красива. На западѣ протекаетъ Иртышъ, разбившійся на нѣсколько рукавовъ, съ островами на немъ, поросшими лозою, березою, тополемъ и черемухою. Это любимыя мѣста гуляній семипалатинской публики.

Для жизни Семипалатинскъ не можетъ быть пріятенъ. Зимою морозъ доходитъ иногда до 34°, а лѣтомъ жары — до 31° въ тѣни по Реомюру. Постоянный юго-западный вѣтеръ, срывая песокъ съ береговъ Иртыша, острововъ и отмелей, заноситъ городъ цѣлыми подвижными горами. Зимою тотъ же вѣтеръ нагоняетъ сильные бураны и заваливаетъ улицы глыбами снѣга. Будто для того, чтобы дать вѣтру поболѣе простора, посреди города оставлена

площадь, обнесенная перилами, которые чуть выглядываютъ изъ-подъ песку. Эту площадь вотъ уже десятокъ лѣтъ тщетно стараются обсадить какими-то деревьями.

При всѣхъ такихъ неудобствахъ Семипалатинскъ важный торговый пунктъ въ киргизскихъ степяхъ сибирскаго вѣдомства. Торговля города начала особенно развиваться послѣ договора съ Китаемъ, на основаніи котораго въ Кульджѣ и Чугучакѣ открыты наши факторіи и русскимъ купцамъ дозволено посѣщать эти города. Несмотря на стѣснительныя для торговли условія, въ 1854 году черезъ здѣшнюю таможню провезено товару на 2.500,000 р. сер. Кромѣ того, кругомъ Семипалатинска кипѣла дѣятельная контрабанда, остановить которую было нельзя, по невозможности охранять обширныя степныя границы. Развитіе Семипалатинска пріостановилось въ 1855 году сожженіемъ въ Чугучакѣ факторіи съ товарами русскихъ купцовъ, такъ что въ слѣдующемъ же году торговый оборотъ упалъ до 800,000. Къ 1862 году торговля стала опять поправляться, какъ вдругъ въ западномъ Китаѣ вспыхнуло возстаніе китайскихъ мусульманъ противъ манджурскихъ властей. Вслѣдствіе этого возстанія, наши консулы принуждены были выѣхать изъ Кульджи и Чугучака, а факторіи разорены во время борьбы инсургентовъ съ манджурами. Съ того времени торговля Семипалатинска стала падать: въ 1864 году оборотъ ея не превышалъ милліона рублей серебромъ.

По обской системѣ ходитъ много пароходовъ, но постоянные, хотя и неопредѣленные, рейсы между Тобольскомъ и Семипалатинскомъ поддерживаются только семью пароходами. До возстанія дунгеней, изъ Семипалатинска въ Тобольскъ и Тюмень, по Иртышу, Оби, Тоболу и Турѣ отправлялся китайскій товаръ; теперь же, съ паденіемъ этой торговли, внизъ по Иртышу идутъ кожи, сырье и графитъ съ пріисковъ Мамонтова и Самсонова, находящихся въ Сергіопольскомъ округѣ. Отъ Павлодарской

пристани возятъ внизъ соль, ежегодно не менѣе 500,000 пудовъ, добываемую изъ Коряковскаго озера, лежащаго въ 25 верстахъ отъ Павлодара. Изъ Тюмени и Тобольска посылаютъ въ Семипалатинскъ и попутные города красный товаръ. Если вода въ Иртышѣ высока, то пароходы, несмотря на ихъ дурное устройство, поднимаются до Семипалатинска; въ противномъ же случаѣ выгружаются у Павлодара, а далѣе товаръ везется гужемъ.

26-го сентября. Сегодня обѣдали у ташкентца Муссы-Бая. Этотъ Мусса-Бай былъ караванбаши того каравана, который снарядилъ на свой счетъ другой семипалатинскій ташкенецъ Букашъ въ Кульджу. Съ карваномъ отправился Чоканъ-Велихановъ въ качествѣ нашего агента. Мусса-Бай разсказывалъ, что раньше еще, чѣмъ они прибыли въ Кульджу, у нихъ требовали разные подарки дико-каменные киргизы на томъ основаніи, что они узнали про присутствіе въ караванѣ русскаго агента. Караванъ перешелъ Тянь-Шань черезъ Залкинскій проходъ. Въ самой же Кульджѣ Велихановъ и Мусса-Бай отдѣлались только подарками отъ китайскихъ чиновниковъ, заподозрѣвшихъ нашихъ купцовъ. Велихановъ, вслѣдствіе этого путешествія, составилъ «геніальное», какъ говорилъ мнѣ Ковалевскій, донесеніе и былъ главною причиною Тарабагайскаго договора и открытія консульства въ Кульджѣ и Чугучакѣ.

Велихановъ могъ, дѣйствительно, написать свое донесеніе талантливо, потому что все, что мнѣ приходилось читать изъ его сочиненій, носитъ на себѣ несомнѣнную печать громаднаго таланта.

Мусса-Бай угостилъ насъ пловомъ и конскими колбасами, пеллеснями, конфетами, фисташками и пр. Послѣ онъ позвалъ свою жену и жену ташкентскаго купца Сулеймана, обѣдавшаго съ нами. Послѣдняя желала непре-

мѣнно видѣть Г—го. Послѣ обѣда успѣли поговорить про дѣло.

27-го сентября. Выѣхали изъ Семипалатинска. Дорога идетъ все время правымъ берегомъ Иртыша. Вскорѣ среди пустынной степи далеко на востокѣ показываются лѣса, которые постепенно приближаются къ дорогѣ. Это такъ называемый Шульбинскій боръ, который покрываетъ всѣ Алтайскія горы и тянется до самаго Барнаула. Названіе свое Шульбинскій боръ получилъ отъ р. Шульбы, впадающей съ правой стороны въ Иртышъ.

На третьей станціи отъ Семипалатинска, между станціями Талецкою и Шульбинскою, дорога по правому берегу Иртыша до того песчана и затруднительна къ проѣзду, что насъ повезли проселкомъ лѣваго берега. Для этого мы сдѣлали двойную переправу черезъ Иртышъ. Подъѣзжая къ станицѣ Шульбинской, нужно опять переѣзжать на правый берегъ Иртыша. Въ ожиданіи парома, который стоялъ на той сторонѣ рѣки, у станицы, мы могли различать высокій разрѣзъ праваго берега.

Почти вертикально обрѣзанная масса сланцовъ разнаго цвѣта чрезвычайно красива. Сланцы наверху едва прикрыты тонкимъ слоемъ дерна. Далѣе высоты праваго берега поросли дремучимъ боромъ; а тутъ, на этой сторонѣ, гдѣ мы стояли, тянулась далекая долина со множествомъ на ней стоговъ чернаго обгорѣлаго сѣна.

Парома мы дождались и переправились въ Шульбинскую станицу, стоящую надъ самымъ обрывомъ. Здѣсь мы обѣдали, но далѣе Убинской станицы ѣхать не могли, потому что ямщики опасались насъ переправлять темною ночью черезъ р. Убу на плохомъ и маленькомъ паромѣ, который здѣсь перевозитъ.

28-го сентября. Рано утромъ выѣхали въ Усть-Каменогорскъ. Верстахъ въ четырехъ отъ Убинской ста-

ницы нужно переправляться через р. Убу Было очень свѣжо, но день обѣщалъ быть хорошимъ.

— «Ты что̀ за человѣкъ, казакъ»? спросилъ я одного мужикообразнаго малаго, ожидавшаго на той сторонѣ парома.

— Нѣтъ, батюшка, мы крестьяне; вотъ оттолева! —и онъ показалъ на большую богатую деревню, открывающуюся съ лѣваго высокаго берега Убы (сама деревня на лѣвомъ берегу). Это деревня бывшаго горнаго вѣдомства. По освобожденіи крестьянъ, горнозаводскіе продолжаютъ работать весьма охотно въ рудникахъ, возить руду и прочее. Намъ часто попадались сегодня транспорты съ серебряной рудой, отправляющіеся гужомъ внизъ по Иртышу.

Мѣстность въ окрестностяхъ Убинской станицы и мужичьей деревни Грачевки очень красива. Вся огромная долина Иртыша, разливающагося тутъ многими ручьями и рукавами, кажется съ высокаго праваго берега будто на ладони. Мѣстами долина расширяется на огромное пространство и все это пространство занято тысячами стоговъ накошеннаго сѣна. Изъ долины на ея окраинѣ поднимаются разнообразныя каменистыя шишки, голыя, не покрытыя растительностью.

По мѣрѣ приближенія къ Усть-Каменогорску, съ лѣвой стороны мѣстность начинаетъ всхолмливаться. У Уваровской станицы слѣва отъ дороги поднимается одинокая каменистая высота Уваровская или, какъ тутъ называютъ, Змѣиная. Ямщикъ-казакъ разсказывалъ, что здѣсь множество змѣй, и бѣлыхъ, и черныхъ и красныхъ.

— Весною, — разсказывалъ онъ, пойдутъ змѣи съ сопки въ Иртышъ, а осенью со всѣхъ сторонъ начнутъ собираться въ свои норы въ сопку. Можетъ и теперь встрѣнемъ—все туда ползутъ.

— «Сердитыя онѣ? кусаются?».

— Кусаются опасно. И крѣпко злючія. Помню, какъ

былъ маленькій, такъ на меня и товарища кинулись три змѣи. Бѣжали мы, бѣжали, я уздечку потерялъ,—шелъ, вишь, въ табунъ; а одна змѣя, черная, аршина полтора будетъ, стала дыбором на хвостъ, да все гонится. Какъ до Иртыша добѣжали, въ воду пошли,—она отстала.

Здѣсь много змѣй. Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ ихъ было такъ много, что наряжали команды бить ихъ. Эти команды были одѣты въ кожаные панталоны.

Противъ Уваровской станицы, верстъ 80 отъ лѣваго берега Иртыша, видна красивая трехконечная сопка, называемая казаками «Монастырская». Покатости ея весьма круты и оттого она со своими тремя вершинами кажется какимъ то монастыремъ. Впрочемъ, говорятъ, тамъ есть и развалины не Буддійскаго-ли монастыря? Мимо этой сопки ѣздятъ казаки ловить рыбу къ Балыкъ-Кулю.

За двѣ станціи до Усть-Каменогорска влѣво отъ дороги показывается много горъ,—это отроги Алтайскаго хребта.

Сперва почва только всхолмливалась, потомъ появились холмы. Изъ-за нихъ глядѣли куполовидныя вершины другихъ холмовъ, а за ними опять таки тѣснились болѣе и болѣе высокія горы. Самыя далекія и высокія изъ нихъ покрыты снѣгомъ, шедшимъ въ горахъ наканунѣ. Отъ этого весь ландшафтъ былъ чрезвычайно эффектенъ. На правой сторонѣ Иртыша поднимались тоже значительныя горы, шедшія въ глубь степи подъ прямымъ угломъ.

Переправившись по мостамъ на плошкотахъ два раза черезъ р. Ульбу и поднявшись на высоту, мы пріѣхали въ Усть-Каменогорскъ.

Усть-Каменогорскъ весьма опрятный городокъ, менѣе чѣмъ въ 4,000 жителей, имѣвшій однако въ 1864 г. за 500,000 годового оборота.

Городъ лежитъ недалеко отъ китайской границы. Извѣстно, что теперь въ предѣлахъ поднебесной имперіи

идетъ одна изъ тѣхъ внутреннихъ революцій, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ и, къ счастію, никогда не будутъ имѣть понятія. Тамъ происходитъ въ настоящее время ожесточенная борьба двухъ религіозныхъ системъ, что въ Азіи равносильно двумъ государственнымъ системамъ: магометанской съ одной стороны, буддизма и конфуціянизма съ другой. Западно-китайскіе номады-магометане или буддисты принимаютъ, по своему, дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, т. е. грабятъ другъ друга и своихъ враговъ. Вооруженный грабежъ, по преимуществу угонъ скота (баранта), обыкновенное средство среднеазіатской войны; въ нѣкоторыхъ запутанныхъ спорныхъ случаяхъ онъ даже допускается степнымъ обычнымъ правомъ.

Я позабылъ сказать, что по пути къ городу въ станицѣ Красноярской мы встрѣтили барку, плывшую въ Семипалатинскъ съ китайцами (они плели другъ другу косы). Это чиновники китайской службы, которые везли болѣе 100 пудовъ серебра въ Чугучакъ или Кульджу изъ Гобдо (на Черномъ Иртышѣ). Это же самое намъ разсказывалъ городничій Усть-Каменогорска, прибавивъ при этомъ, что при проѣздѣ ихъ черезъ городъ одинъ мѣщанинъ, желавшій обокрасть китайцевъ, пригласилъ ихъ къ себѣ на квартиру, а потомъ затѣялъ драку. Чиновники едва выскочили изъ комнаты гостепріимнаго усть-каменогорца. Всѣ вещи, захваченныя мѣщаниномъ, были, однако, отняты полиціей и возвращены китайцамъ. Оказался только недочетъ въ 49 рубляхъ. Надъ мѣщаниномъ наряжено слѣдствіе.

29-го сентября. До отъѣзда изъ Усть-Каменогорска говорили съ Касаткинымъ, здѣшнимъ вліятельнымъ купцомъ.

Около одиннадцати часовъ выѣхали на золотые пріиски Самсонова. Экипажи были посланы ранѣе къ

перевозу. Паромъ, намъ приготовленный, былъ устланъ коврами, на которыхъ стояли красивые стулья здѣшней работы. Вмѣсто соломы на стульяхъ были сплетены сыромятные ремешки. Паромъ, на которомъ мы усѣлись, потащили лямкою вверхъ по теченію.

У самаго Усть-Каменогорска Иртышъ входитъ въ горы и течетъ среди скалъ до Бухтарминска. Въ этой части теченія онъ очень быстръ, но мелкія суда могутъ по немъ сплавляться. Говорятъ, что онъ здѣсь очень красивъ и напоминалъ бы собою Рейнъ, если бы былъ не такъ дикъ, и если бы окружающая его мѣстность была бы хоть немного воздѣлана. Горное вѣдомство сплавляетъ серебряную руду изъ Бухтарминска по Иртышу. Цѣлыя горы этой руды валяются при выходѣ Иртыша изъ каменныхъ утесовъ (отсюда названіе Усть-Каменогорскъ).

И такъ, насъ потащили наверхъ. Тропинка для бурлаковъ была весьма узкая и неровная, а съ боку поднималась высокая скала (версты три выше Каменогорска). Протащивъ насъ съ версту, дюжина киргизъ вскарабкалась на паромъ и стала грести. Иртышъ и тутъ даже такъ сердитъ, что стащилъ насъ далеко внизъ.

Едва мы переправились, какъ я съ удивленіемъ увидѣлъ нѣсколько конвойныхъ казаковъ. Оказалось, что ихъ обязанность охранять нашу особу. Какъ сказано выше, вслѣдствіе неоконченнаго разграниченія съ Китаемъ и возстанія дунганей и еще, конечно, вслѣдствіе слабости нашихъ властей, китайскіе киргизы грабятъ наши границы, барантуютъ и угоняютъ стада у нашихъ киргизъ совершенно безнаказанно. Еще въ Усть-Каменогорскѣ намъ говорилъ Касаткинъ, что до Кокпетовъ нѣтъ проѣзду для одиночно-ѣдущихъ. И вотъ первое тому доказательство—конвой имѣлъ заряженныя ружья.

Дорога отъ лѣваго берега Иртыша поднимается почти сейчасъ же на Колбинскія горы. Сперва окружающія

горы покрыты растительностью, а внизу видится живописно-раскинувшійся Усть-Каменогорскъ, окруженный обширною равниною. Но по мѣрѣ того, какъ мы поднимались выше и выше, изъ подъ дерна чаще и чаще выглядывали сперва сланцы, потомъ метаморфическія породы, наконецъ гранитныя. Долина, по которой мы ѣхали, очень живописна.

Къ концу первой станціи отъ Каменогорска мы въѣхали въ долину Аблайкитки. По сторонамъ ручья поднимались гигантскія темныя высоты, а изъ-за нихъ глядѣли фантастически выточеные гребни голаго камня, казавшагося свѣтлымъ, полупрозрачнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла по чистому и голому граниту и, когда онъ дѣлалъ уступъ, то лошадямъ требовалось величайшихъ усилій, чтобы тащить по этой натуральной лѣстницѣ нашъ экипажъ. Въ мѣстахъ, гдѣ ручей проходилъ между скалъ узкою щелью, мы въѣзжали въ горы. Я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ, когда изъ узкой горной долины вытягивались наши экипажи, окруженные конными казаками и киргизами. Глядя на нихъ, на одежду и лица проѣзжающихъ, на всю неазіатскую ихъ обстановку, невольно думалось о полнѣйшемъ дисонансѣ поѣзда съ безлюднымъ спокойствіемъ едва обитаемыхъ горъ. А какая голь кругомъ... ни травинки. Мѣстами мы ѣхали по уступу надъ самымъ ручьемъ, который заросъ тальникомъ и лозою, казавшимися роскошною зеленью по сравненію съ дикою голью противоположныхъ горъ.

Въ ущельѣ множество зимовокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сложены изъ камня, другія сплетены изъ вѣтвей лозы и обмазаны глиною, третьи просто землянки. Для стадъ сложены дворы, окруженные частымъ плетнемъ. Киргизы, должно быть, скоро вернутся на зимовки; по крайней мѣрѣ, въ зимовкахъ возились какіе-то люди,—должно быть исправляютъ.

Въ другихъ мѣстахъ мы спускались съ высокихъ горъ въ совершенно ровныя долины — хоть шаромъ кати; а вдалекѣ направо и налѣво поднимались скалистые горные зубцы, легкіе, красивые, точно вытканные изъ кружевъ. Со второй станціи отъ Усть-Каменогорска мы раздѣлились. Я съ Г—мъ хотѣли ѣхать смотрѣть Аблайкитскія развалины, а остальные члены коммисіи хотѣли прямо ѣхать на золотыя розсыпи. Мы должны были сдѣлать около десятка верстъ крюку.

Доставъ верховыхъ лошадей у засѣдателя Кокпектинскаго округа, выѣхавшаго къ намъ на встрѣчу, мы поѣхали къ развалинамъ въ сопровожденіи киргиза и казака. Тарантасу мы тоже приказали ѣхать за собой. Отъ Сабинскаго пикета до Аблайкитскихъ развалинъ верстъ десять; а оттуда до Сенъ-Ташскаго пикета еще верстъ тридцать. Пошелъ настойчивый дождь. По ущелью, по которому мы ѣхали, дулъ сильный вѣтеръ, гоня передъ собой песокъ и мелкій щебень.

По пути намъ встрѣтилась зимовка киргизскаго засѣдателя Аильхана Тлеубердина — опрятный домъ со службами. Немного далѣе большая и хорошо содержанная могила его отца, бывшаго старшаго султана округа Тлеубердина. Около посажены деревья. Чтобы выростить ихъ, вся группа деревьевъ окружена довольно глубокимъ рвомъ, въ который арыками проведена вода съ горъ. Какъ жалко, что мы, русскіе, не только не разводимъ деревьевъ, но даже не оберегаемъ ихъ. А киргизы могли бы въ этомъ случаѣ послужить намъ очень нравоучительнымъ примѣромъ.

Аблайкитскія развалины расположены на лѣвомъ берегу какого-то ручья у подножія огромной гранитной скалы. Мѣсто пустынно и дико. Около смотрятъ высокія горы, голыя, обнаженныя, покрытыя по граниту гранитными же развалинами. Отдѣльная скала, къ которой примкнули развалины, обрывисто выступаетъ въ

долину и доступна только съ одной стороны—отъ ручья съ юга. Здѣсь по долинѣ идетъ стѣна въ сажень высотою, сложенная изъ сланцевого плитняка, соединеннаго глиною. Тонкія плиты безпорядочно торчатъ теперь изъ стѣны, кое-гдѣ осыпавшись такъ, что на стѣну можно удобно всходить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на стѣнѣ повыросли древовидныя травы. Въ юговосточной части стѣны находятся широкія ворота. Части стѣны, образующія ворота, правильно утолщаются саженъ до трехъ. При въѣздѣ и выѣздѣ поставлены четыре хорошо обдѣланныя гранитныя колоны. Въ воротахъ еще можно замѣтить, какъ ровно были осѣчены плиты, изъ которыхъ сложена стѣна. Нужно замѣтить, что она, начинаясь на западѣ съ обрыва скалы, тянется полукругомъ до сѣверо-востока, до новаго обрыва, охватывая собою доступную покатость. Доходя до вертикальныхъ спусковъ, стѣна примыкаетъ къ другой натуральной стѣнѣ и снова начинаетъ идти по кронѣ послѣдней. Сѣверо-западная покатость горы такъ обрывиста, что едва-ли можетъ быть эскалодирована. Тѣмъ не менѣе и по ея вершинѣ идетъ стѣна, поднимаясь и опускаясь, согласно съ мѣстностью. Здѣсь на стѣнѣ выросла береза. Такимъ образомъ стѣна охватываетъ собою пространство земли версты полторы въ діаметрѣ и около пяти верстъ по окружности круга.

Внутри находятся слѣды двухъ развалинъ. Эти остатки, безспорно, фундаменты, выведенные опять-таки изъ плитняка. Зданія, стоявшія когда-то на нихъ, были изъ кирпича, о чемъ свидѣтельствуетъ множество необоженныхъ и чрезвычайно крѣпкихъ кирпичей со слѣдами известковаго цемента на своихъ поверхностяхъ, валяющихся среди всякаго мусора на остаткахъ фундаментовъ. Тутъ же можно видѣть глиняные черепки, отлично глазированные синею и зеленою краскою, совершенно сохранившеюся. Близъ самой вершины горы,

въ щели между скалъ лежитъ глубокое озеро саженъ въ семь длиною и сажени двѣ шириною. Оно никогда не пересыхаетъ. Позабылъ сказать, что среди мусора, валяющагося на фундаментахъ, можно отыскать черепицы съ какими-то аляповатыми на нихъ украшеніями.

Аблайкитъ—развалины буддійскаго монастыря и резиденція калмыцкаго (хошоутскаго) хана Аблая [1]). Онъ основанъ въ XVII столѣтіи. Аблай былъ разбитъ главою калмыцкаго ойратства Галданомъ въ 1671 году, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ. Развалины его резиденціи были открыты партіею устькаменогорскихъ охотниковъ при Петрѣ I. Охотники нашли здѣсь множество тангутскихъ или тибетскихъ рукописей, которыя и были пересланы въ парижскую академію. Впослѣдствіи ученые русскіе путешественники вывезли изъ развалинъ другія рукописи.

За что бы ни принимали ученые эти развалины, за остатки ли буддійскаго монастыря или за остатки палатъ Аблай-хана, я, какъ военный, убѣжденъ, что главная цѣль при ихъ постройкѣ была военно-оборонительная. Стоитъ только взглянуть на эти стѣны, протянувшіяся тамъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность подняться человѣку, влѣзть внутрь стѣны, стоитъ только обратить вниманіе на толщину и тщательность, съ которою выведены стѣны тамъ, гдѣ онѣ могутъ быть разбиты, чтобы убѣдиться, что цѣль постройки этой крѣпости чисто-военная.

Внутри укрѣпленія озеро. На скалѣ растетъ трава, способная прокормить во всякое время года значительныя стада лошадей и барановъ. Слѣдовательно, владѣтель укрѣпленныхъ Аблайкитскихъ палатъ былъ едва ли одолимъ при прежнихъ средствахъ атаки.

Говорятъ, что подъ фундаментами еще и теперь въ

---

[1]) Китъ—по тибетски значитъ монастырь.

сажень высотою сохранились подвалы, и что въ нихъ, вѣроятно, спрятаны сокровища. Что подвалы существуютъ въ большой развалинѣ, едва ли можно сомнѣваться, если разсмотрѣть глубокія ямы, видныя во второй развалинѣ и по всей вѣроятности образовавшіяся отъ разрушенія подваловъ сверху и со стороны сводовъ.

Самсоновъ, голова Семипалатинска, говорилъ мнѣ, что онъ просилъ разрѣшенія производить раскопки въ Аблайкитскихъ палатахъ, но генералъ Пановъ не отыскалъ въ законѣ статьи, дозволяющей разрѣшить эти работы (!?). Между прочимъ, Самсоновъ говорилъ, что его отецъ помнилъ на своей жизни, какъ еще стояли Аблайкитскія палаты. Впослѣдствіи онѣ были разобраны на печи для окрестныхъ казачьихъ пикетовъ и киргизскихъ зимовокъ. Это очень жалко!

Тарантасъ ждалъ уже насъ давно внизу, когда мы кончили нашъ осмотръ развалинъ. Пошелъ опять мелкій дождь и началъ дуть сильный вѣтеръ, къ счастью не холодный. Становилось темно, когда мы переѣхали нѣсколько рукавовъ Аблайкитки и стали подниматься на горы лѣваго берега этого ручья Отъ дождя и затянувшихъ небо сѣренькихъ облаковъ было едва видно на аршинъ отъ себя. Такъ какъ ночью очень скучно сидѣть въ тарантасѣ, когда не хочется спать, и наконецъ такъ какъ въ тарантасѣ пріѣхалъ Ибрагимовъ, то я и Г—й, мы рѣшились ѣхать верхомъ до самой станціи. За темнотою едва можно было различить голову лошади, на которой я сидѣлъ.

— «Въ такія разбойничьи ночи,—сказалъ я Г—му, вспомнивъ другое время,—я закладывалъ кругомъ Севастополя самовзрывные фугасы. Благодаря этой сѣрой темнотѣ, мнѣ удавалось подпалзывать въ сопровожденіи пластуновъ къ самымъ французскимъ траншеямъ».

— Да именно такая ночь раздолье разбойникамъ и барантачамъ,—отвѣтилъ Г—й.

Киргизъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами, безпрерывно сдерживалъ лошадь и наконецъ попросилъ насъ обождать, пока насъ догонитъ тяжело поднимающійся на гору экипажъ.

— Здѣсь народъ—джаманъ,—пояснилъ онъ; ночью любитъ грабить, особенно байджигитъ. Это большой разбойникъ. Лучше намъ ѣхать около тарантаса.

Вѣтеръ усиливался болѣе и болѣе вмѣстѣ съ сѣрою темнотою. Мы нѣсколько разъ теряли дорогу, принимая кажущійся на землѣ свѣтъ за полосу дороги. Мы тогда были на горѣ Баша-горѣ.

Объѣзжая одну сопку, я увидѣлъ вдали нѣсколько огоньковъ—должно быть аулъ. Пока мое вниманіе было устремлено на эти огоньки, мнѣ вдругъ показалось, что нѣсколько человѣкъ говорятъ шепотомъ у самой дороги. Настроенный темнотою и киргизомъ на возможность недоброй встрѣчи, я отстегнулъ кобуру револьвера. Почти въ то же время я отчетливо услыхалъ сильный шорохъ, будто отъ большого числа лошадей, быстро двигающихся по высокой травѣ. Тогда же я услыхалъ тихій разговоръ и понуканіе съ той же стороны.

— «Что это такое?» — спросилъ я у киргиза-вожатаго.

Онъ окликнулъ нѣсколько разъ по направленію покатости сопки, откуда слышался шумъ. Мы пріостановились. Вѣтеръ былъ порывами со стороны прогоняемаго табуна, движеніе котораго и понуканія табунщиковъ стали отчетливо слышны; но за теменью не было ничего видно... На повторенные оклики нашего киргиза не послѣдовало отвѣта; слышно только было, какъ понуканья усилились и табунъ пошелъ крупною рысью... Въ это время подъѣхалъ нашъ тарантасъ.

— «Пошли котораго-нибудь изъ двухъ киргизъ, ѣхавшихъ при тарантасѣ, узнать, кто это такіе?»—сказалъ я нашему киргизу-проводнику.

Такъ и сдѣлали. Прошло минутъ пятнадцать. Табунъ вышелъ изъ-подъ вѣтра и теперь не было ничего слышно, кромѣ шума вѣтра. Посланный киргизъ вернулся и сталъ разсказывать нашему проводнику что-то весьма взволнованнымъ голосомъ.

— «Это баранта,—передалъ намъ нашъ проводникъ; вотъ этотъ киргизъ, подъѣхавши къ самымъ барантовщикамъ, замѣтилъ только тогда, что они вооружены пиками и сюилами (длинными деревянными палицами), когда встрѣтился въ упоръ съ однимъ изъ нихъ. Онъ спросилъ барантачей, кто они такіе. Но они начали сами допрашивать его, кто онъ. Киргизъ отвѣтилъ, что онъ «генеральскій» человѣкъ. Барантачи поговорили между собою и потомъ сказали слѣдующее: «передай своему генералу, что мы у него ничего не брали, и чтобы онъ покуда цѣлъ ѣхалъ своею дорогою». Потомъ они гикнули на табунъ и шибко поскакали. Это байджигиты. Ихъ тридцать человѣкъ».

— Мнѣ показалось, что послѣ этого рапорта проводника совершенно неудобно дозволить барантачамъ смѣяться надъ закономъ въ присутствіи русскихъ офицеровъ. Мы вынули изъ тарантаса ружья и послали одного киргиза въ аулъ, крайнія юрты котораго стояли весьма близко, чтобы, на основаніи дѣйствующихъ постановленій, пригласить все мужское населеніе преслѣдовать баранту. Вскорѣ посланный вернулся и объяснилъ, что мужчинъ въ аулѣ нѣтъ. Тогда мы приказали тарантасу ѣхать въ аулъ, а, взявши казака и въ сопровожденіи трехъ киргизъ, мы поскакали во всю прыть за барантою.

Проскакавъ версты три, я увидѣлъ зимовку, гдѣ оказались люди. Посланные туда киргизы объяснили, что баранта тутъ не проѣзжала. Направо и налѣво поднимались довольно высокія, но совершенно доступныя горы. Имъ было воля-вольная скакать съ отбитымъ табуномъ,

куда глаза глядятъ. Направо до самой китайской границы тянулся высокій хребетъ Калбинскій. Они навѣрное поѣхали туда, но по какой дорогѣ? Я разослалъ киргизъ искать слѣдовъ; одинъ за однимъ ворочались они со своихъ поисковъ, поясняя, что при настоящей темнотѣ и вѣтрѣ нельзя открыть путь баранты... Мы поѣхали назадъ... и съ трудомъ нашли юрту, у которой остановился тарантасъ. Я взошелъ обогрѣться и къ удивленію увидѣлъ, что она наполнена киргизами и именно мужчинами.

— «Вы слыхали, какъ около этой юрты проходила баранта»?

— Джокъ. Вѣтеръ большой. Можетъ и проходила около аула.

Напившись молока и отдохнувъ немного, мы тронулись въ путь. Вѣтеръ такъ и рвалъ; чтобы держаться на сѣдлѣ, нужно было перегнуться всѣмъ корпусомъ впередъ. Проѣхавъ верстъ десять отъ аула, лошади подъ тарантасомъ стали. Мы отдали Новикову и Ибрагимову все наше оружіе и, оставивъ у себя одинъ револьверъ, поѣхали втроемъ съ киргизомъ къ Сенташскому пикету. Около полуночи мы пріѣхали на пикетъ. Всѣ окна выбиты и заставлены всѣмъ возможнымъ. Лечь негдѣ. На пикетѣ оказался схваченнымъ одинъ байджигитъ, отставшій отъ товарищей-барантачей. Чтобы имѣть возможность поспать хоть нѣсколько часовъ, я съ Г—мъ отправился на пріискъ Самсонова, гдѣ, какъ намъ сказали, намъ приготовлена квартира. Пріискъ не болѣе полутора верстъ отъ пикета.

30-го сентября. Утромъ идетъ значительный снѣгъ. Сильный ночной морозъ выбѣлилъ всю окрестность и всѣ окружающія горы. Вотъ начинаются зимнія удовольствія.

Напившись чаю, мы всѣ, т. е. и остальная часть ком-

мисіи, пріѣхавшая на пріискъ съ пикета, отправились съ сыномъ владѣльца пріиска, г. Самсоновымъ, смотрѣть работы.

Пріискъ расположенъ на ручейкѣ Сенташъ, вытекающемъ изъ Калбинскихъ горъ и впадающемъ недалеко оттуда въ другой золотоносный же ручей Булъ-Кулдикъ. Сперва снимаютъ торфъ, потомъ поднимаютъ на шесть и болѣе аршинъ весь золотоносный пластъ и отвозятъ въ тачкахъ къ боченку. Песокъ ссыпается черезъ отверстіе въ желѣзный раструбчатый боченокъ, который приводится въ вращательное движеніе мельничнымъ колесомъ. Боченокъ въ дырьяхъ. Сверху на боченокъ льется безпрерывно вода, которая и промываетъ золото.

Комья земли послѣ промывки выбрасываются вонъ, благодаря раструбу боченка, а мелкій песокъ и золото, проходя сквозь дыры, осаживаются на наклонныхъ покатостяхъ изъ досокъ. Самсоновъ промылъ въ настоящемъ году 1 пудъ 5 ф. золота. Рабочихъ у него мало, они получаютъ плату деньгами, натурою и товаромъ. Кромѣ надсмотрщиковъ, всѣ рабочіе киргизы; работаютъ хорошо.

Отъ Самсонова мы переѣхали на пріискъ Степанова.

Пріискъ Степанова лежитъ на Булъ-Кайдакѣ. Содержаніе его розсыпи менѣе значительно, чѣмъ у Самсонова; тѣмъ не менѣе онъ промылъ въ этомъ году 3 пуда 27 фунт. золота,—разница значительная съ Самсоновымъ.

Степановъ промываетъ свое золото иначе, чѣмъ Самсоновъ.

На Булъ-Кайдакскомъ пріискѣ работаетъ около трехсотъ работниковъ-киргизовъ, которые и расположились со своими юртами на земляхъ пріиска.

Мы пробыли у Степанова довольно долго, разсчитывая пріѣхать въ Кокпекты ночью; мы не знали, что вся дорога идетъ по горамъ и содержана чрезвычайно дурно.

Сначала мы ѣхали долиною рѣченки Болкулдака. Кругомъ поднимались горы, живописно осыпанныя дѣвственною порошею, отливающею всѣми цвѣтами, отъ нѣжно розоваго до бѣлаго. Изъ-подъ тоненькаго слоя снѣжнаго инея глядѣли гранитные мшистые зубья, казавшіеся теперь черными по контрасту со снѣгомъ. Въ особенности высокими кажутся нѣкоторыя горы съ правой стороны.

Какъ хороши всѣ эти мѣста, но какъ же они дики и пустынны. Хоть бы одно живое существо. Все молчитъ и все безъ движенія. Ямщикъ-казакъ покрикиваетъ молодецки на лошадей и голосъ его, будто съ удивленіемъ, повторяютъ горныя ущелья. А лошади здѣсь хорошія: бѣгутъ скоро и долго не устаютъ.

За послѣднею станціею, Караджальскою, по пути къ Кокпектамъ нужно переваливать черезъ понижающіяся здѣсь Калбинскія горы. Сначала дѣло шло хорошо. Мы поднялись наверхъ удачно, но при спускѣ нашъ тарантасъ соскочилъ одной стороной колесъ съ высокаго, аршина въ полтора, мостика черезъ какой-то ручей и покатился на мою сторону. Я такъ треснулся головой, что мнѣ показалось будто одно изъ заряженныхъ ружей выстрѣлило при томъ, когда опрокинулся тарантасъ. Г—ій разбилъ себѣ въ кровь голову и ссадилъ правую руку. Всему есть конецъ; отыскался конецъ и этой станціи. Около полуночи мы пріѣхали, наконецъ, въ Кокпекты, промаявшись довольно продолжительное время, чтобы проѣхать семьдесятъ верстъ отъ пріиска Степанова.

31-го сентября, 1, 2 и 3-го октября мы пробыли въ Кокпектахъ.

Былъ нѣсколько разъ у Кокпектинскаго окружного начальника, Владиміра Николаевича Шалашникова.

Однажды я завелъ рѣчь про баранту, опустошающую

пограничныхъ съ Китаемъ киргизъ. Шалашниковъ отвѣчалъ, что баранта чрезвычайно усилилась между байджигитами съ одной стороны и нашими пограничными жителями. Одинъ байджигитскій батырь Теллегонъ особенно пріобрѣлъ скверную репутацію. Онъ началъ грабить по слѣдующему случаю.

У брата Теллегона была жена, которая, кажется, очень ему нравилась. По смерти своего брата, умершаго не такъ давно, Теллегонъ разсчитывалъ, что, согласно обычая, она выйдетъ за него. Вышло иначе. Вдова брата Теллегонова была расположена къ одному татарину, живущему недалеко отъ границы, и рѣшилась выйти за него. Въ отмщеніе за это Теллегонъ началъ рядъ набѣговъ на стада своего противника и сперва отогналъ весь табунъ лошадей въ 450 штукъ, а потомъ почти всѣхъ овецъ. Шалашниковъ схватилъ тогда одного почетнаго байджигита, родоначальника, бывшаго въ нашихъ предѣлахъ, и посадилъ его на гауптвахту. Результатомъ такой мѣры было возвращеніе Теллегономъ части отогнанныхъ лошадей (половины кажется). Баранта на границѣ Китая развилась отъ многихъ причинъ. Прежде всего киргизы, грабившіе вмѣстѣ съ дюнганами Чугучакъ и Кульджу, вкусили уже отъ запрещеннаго плода; потомъ китайскіе киргизы, и въ особенности родъ байджигитовъ, начали грабить аулы калмыковъ, помогавшихъ китайцамъ противъ дюнганей; въ свою очередь калмыки не оставались тоже въ долгу. Потомъ Матаевскій родъ Сергіопольскаго округа, по какимъ-то счетамъ съ байджигитами, давно уже барантовалъ у нихъ стада. Говорятъ даже, что матаевцы распоряжаются съ байджигитскими табунами, какъ со своими собственными, и въ случаѣ надобности въ животныхъ безъ церемоніи берутъ ихъ у своихъ сосѣдей за-границей. Байджигиты, въ свою очередь, мстятъ матаевцамъ за то, что въ прошломъ году три человѣка изъ ихъ рода,

грабившіе матаевцевъ, были судимы и отправлены на поселеніе въ восточную Сибирь, а одинъ изъ нихъ убитъ во время драки.

Еще есть обстоятельство, дающее возможность байджигитамъ грабить и нашихъ и китайскихъ подданныхъ. По Тарабогатайскому протоколу къ намъ отходитъ около трехъ волостей байджигитовъ, живущихъ по Норъ-Зайсану и Черному Иртышу. Пока граница не занята, байджигиты совершенно свободны дѣлать, что хотятъ.

Шалашниковъ обращается съ киргизами деспотически. Онъ (бѣдный!) смотритъ на нихъ, какъ на людей низшаго разряда и, вѣроятно, потому держитъ себя далеко отъ нихъ. Это было бы очень хорошо, если бы его обязанность не заставляла бы его вникать во всѣ мелочи киргизской жизни. При послѣднемъ условіи такая манера можетъ только показаться смѣшною и вовее не заставитъ уважать власть, какъ-то предполагаетъ Шалашниковъ. Если бы онъ былъ поставленъ только какъ сила, охраняющая покой и ни во что не вмѣшивающаяся, какъ центръ правительственной власти, дѣйствующей не непосредственно, тогда такая манера могла бы, вѣроятно, заставить киргизъ уважать власть. Теперь же это смѣшно.

Познакомились съ засѣдателемъ отъ киргизъ Алиханомъ Тлеубердинымъ. Онъ неглупый дикарь и хорошо говоритъ по-русски.

Во время нашего пребыванія въ Кокпектахъ изъ Китая выѣзжалъ Азретъ-ханъ-Даировъ, братъ султана Мухамеда Даирова, управляющаго въ Китаѣ туртугуловскими киргизами. Кажется, по послѣднему разграниченію они должны отойти къ Россіи. Теперь Азретъ забѣгаетъ зайцемъ и пріѣхалъ просить подданство. Мы отвѣчали, что это не наше дѣло, а отправили его къ Колпаковскому. Но разспросили его про туртугульцевъ.

Туртугуловскіе киргизы составляютъ отдѣльный родъ, равняющійся по числу кибитокъ не менѣе, какъ

тремъ нашимъ волостямъ. Они признаютъ надъ собою власть султана Мухамеда Даирова, происходящаго отъ хана Шахъ-Шіаза. Туртугульцы раздѣляются на четыре отдѣленія: 1) Эмиль, 2) Баголы, 3) Акъ-Базаръ и 4) Акъ-Булакъ. Каждымъ отдѣленіемъ управляютъ біи и родоначальники. Въ рукахъ этихъ біевъ сосредоточивается вся административная и судебная власть, вліяніе же султана слабо. Всякія претензіи на подвѣдомственныхъ ордынцевъ разбираетъ бій-родоначальникъ. Иногда, однакоже, родоначальникъ предоставляетъ подвѣдомственнымъ ему біямъ рѣшать дѣла не особенной важности, но о каждомъ такомъ рѣшеніи доводить до свѣдѣнія родоначальника. Если отвѣтчикъ упорствуетъ, то родоначальникъ собираетъ хорошихъ людей и въ присуствіи ихъ рѣшаетъ дѣло. Если киргизъ одного отдѣленія претендуетъ на киргиза другого, то онъ обращается съ жалобой къ родоначальнику отвѣтчика, а если не получитъ удовлетворенія, то обращается къ своему родоначальнику.Тогда оба родоначальника рѣшаютъ дѣло вмѣстѣ; если же не могутъ согласиться на рѣшеніе, то приглашаютъ родоначальниковъ остальныхъ отдѣленій. Если два родоначальника не рѣшили спора между своими родовичами, то обыкновенно начинается баранта. Къ біямъ другихъ родовъ или отдѣленій для рѣшеній претензій на отвѣтчика не рода этихъ біевъ нельзя обращаться, потому что отвѣтчики не подчиняются ихъ рѣшеніямъ и требованіямъ.

Зимовки туртугуловъ находятся на рѣчкахъ Уйдене, Киндырлыкѣ и по Черному Иртышу отъ озера Зайсана до Акъ-Тюбе. За китайскою же дорогою (пикетная) зимуютъ только два аула.

Лѣтовки туртугуловъ по Сарытау. Тутъ же и аулы султановъ Даировыхъ по обѣ стороны рѣчки Кальджиръ до озера Марка-Куль.

Мѣста, занимаемыя байджигитами, начинаются отъ

рѣчки Чорги и идутъ къ югу и юго-западу, къ Тарабогатаю. На Черномъ же Иртышѣ по сію сторону Саратау располагаются зимой и лѣтомъ Акъ-Наиманы. Число послѣднихъ по кибиткамъ можетъ быть около двухъ волостей. Они управляются султаномъ Чуматомъ-Абеневымъ, имѣющимъ медаль отъ русскихъ байджигитовъ, которыхъ по числу кибитокъ можетъ быть восемь или даже десять волостей. Впрочемъ, байджигиты раздѣляются на три отдѣленія: 1) *Джумукъ*, въ вѣдѣніи бія Джаимурзы, числительность ихъ можно опредѣлить въ пять волостей; 2) *тогасъ*, половина ихъ состоитъ въ подданствѣ Россіи, другая же половина, могущая составить одну волость, находится въ вѣдѣніи бія Джадры, и 3) *Мамбетъ*, въ вѣдѣніи бія Отунчи Кулова, можетъ составить три или четыре волости.

Отдѣленіе Джумукъ имѣетъ зимовки по Терсъ-Ангыру, Чоргѣ, частью на Кызыль-Чиликѣ и Тарабагатаѣ, гдѣ пользуются также и лѣтовками.

Отдѣленіе Тогасъ лѣтомъ и зимою кочуетъ у прохода Хабаръ-асу.

Отдѣленіе Мамбетъ зимуетъ по р. Эмилю, а лѣтомъ въ Тарабагатаѣ на Косъ-Тюбэ-сазъ и въ вершинахъ р. Хатынъ-Су.

4-го октября. Утромъ выѣхали изъ Кокпектовъ. Было очень холодно, но погода была свѣтлая. У самаго города лежитъ ровная степь и далѣе поднимаются высокія горы. Среди нихъ одна отличается своею конусообразною формою. По легендѣ, здѣсь существующей, на этой горѣ погибло нѣсколько сотъ калмыковъ во время борьбы съ киргизами. Они защищались на ней, будучи окружены со всѣхъ сторонъ своими исконными врагами, и, отбиваясь камнями, не дозволяли взять себя живьемъ. Но такъ какъ блокада была упорна и тщательна, то всѣ они погибли голодною смертью. Говорятъ, что до

сихъ поръ можно видѣть на этой горѣ множество человѣческихъ костей.

Вскорѣ мы въѣхали въ предгорія Тарабагатайскаго хребта, разсыпающаго далеко въ нашихъ предѣлахъ свои холмы, но эти предгорія весьма незначительны. Вдали же по временамъ рисовались на небѣ огромныя каменныя вершины Тарабагатая. Можно думать, что этотъ хребетъ весьма высокъ.

Мы предполагали, какъ намъ говорили, что въ семидесяти верстахъ отъ Кокпектовъ кочуютъ волости. Почему мы просили разбить тутъ для насъ юрты. Пріѣхавъ же на это мѣсто, мы не нашли ауловъ. Толмачъ пояснилъ, что они недавно откочевали. Очень вѣроятно, что ихъ прогнали, чтобы избавиться отъ нашихъ разспросовъ. Киргизы могли бы и проговориться.

Ночевали въ виду Тарабагатайскихъ горъ. Ночью было очень холодно. Термометръ показывалъ въ юртѣ при огнѣ караганника—2°; вывѣшенный же за юрту, онъ опустился до 10°. Юрта была дурная. Со всѣхъ сторонъ страшно дуло и у меня ноги озябли даже въ валенкахъ.

5-го октября. Продолжали свой путь. Сегодня утромъ мы переваливали черезъ водораздѣльную черту, образуемую отрогами Тарабагатая. Эта черта отдѣляетъ систему Иртыша отъ рѣкъ, впадающихъ въ Балхашъ. Между небольшихъ горъ, черезъ которыя мы проѣзжали, лежитъ много совершенно ровныхъ долинъ, покрытыхъ чіемъ и ковылемъ. Въ травѣ ходятъ цѣлые табуны дрохвъ. Мнѣ очень хотѣлось поскорѣе въ Сергіополь, но мое желаніе не могло исполниться. Мы узнали, что губернаторъ Колпаковскій выѣхалъ изъ Сергіополя и ѣдетъ къ намъ на встрѣчу. Нужно было ждать, чтобы поговорить съ нимъ..... Подъѣхавшаго Колпаковскаго мы осадили вопросами о томъ, почему онъ ввелъ нелѣпую

систему податей въ Алатавскомъ округѣ, почему онъ рѣшилъ это своею властью, когда окончательное рѣшеніе вопроса объ обложеніи Большой Орды ясакомъ поручено коммисіи, объ администраціи, казакахъ, колонизаціи, военномъ вопросѣ. Колпаковскій отвѣчалъ, что обложить Алатавскій округъ податями, по юртамъ, приказалъ Дюгамель; что сборъ съ юртъ единственно возможный при скоромъ обложеніи податями; что онъ, какъ бывшій начальникъ Алатавскаго округа, предпочитаетъ администрацію и организацію Большой Орды здѣшнимъ нелѣпымъ приказамъ; что казаковъ онъ считаетъ безполезными для правительства мошенниками и вредными для страны колонистами. Два послѣдніе вопроса, видно, ему ближе знакомы. Для колонизаціи страны земель мало въ Алатавскомъ округѣ, и хотя Колпаковскій приказалъ очистить какую то землю въ Большой Ордѣ, тѣмъ не менѣе этимъ очень будутъ стѣснены киргизы. Онъ добавилъ, что ему дано знать, будто бы *солоны,* поселенныя войска въ Иллійской провинціи, живущія болѣе около Кульджи (обязанность ихъ охранять пикеты; половина всѣхъ солоновъ бываетъ на службѣ въ то время, какъ другая половина живетъ по домамъ) хотятъ перейти въ предѣлы Россіи, чтобы спастись отъ дунганей. Солоны эти въ числѣ 20.000 хотятъ остаться въ нашихъ предѣлахъ навсегда. Другіе бѣглые китайцы въ числѣ 55 человѣкъ живутъ въ станицѣ Уржарской. Купцы и богатые люди, бывшіе здѣсь прежде, уѣхали уже черезъ Кяхту въ средній Китай. Осталась болѣе голь, которой нечего ѣсть. Колпаковскій потому приказалъ выдавать каждому китайцу по 30 к. с. въ сутки на свой страхъ.

— «Было ли бы полезно колонизировать свободныя земли, имѣющіяся у правительства, напр., десятиверстное пространство, китайцами»?—спросилъ я его.

— Да, это было бы очень полезно. Такая колонизація

воскресила бы всю страну, если бы только китайцы согласились переходить въ наши предѣлы. Они удивительно трудолюбивы, экономны, воздержанны и особенно расположены къ земледѣлію.

По военному вопросу Колпаковскій считаетъ не только возможнымъ, но и полезнымъ, образованіе киргизской милиціи съ платой каждому милиціонеру не менѣе 50 р. въ годъ. Но онъ полагаетъ, что если существуютъ казаки, то безполезно имѣть киргизскую милицію и наоборотъ. Въ храбрости онъ ставитъ киргизъ и казаковъ на одну доску. Это весьма важное мнѣніе. Колпаковскій много разъ бывалъ въ дѣлахъ противъ киргизовъ.

Послѣ того Колпаковскій сказалъ, что только что получилъ письмо изъ Большой Орды отъ султана Тезека, который пишетъ ему, что серебро, провезенное китайцами черезъ нашу территорію, окружено дунганами, равно какъ и Кульджа.—Вѣроятно, Кульджа скоро падетъ, добавилъ Колпаковскій.

6-го октября. Утромъ Колпаковскій поѣхалъ въ Кокпекты, а мы въ Сергіополь.

На дворѣ шелъ дождь; усталыя лошади, привезшія вчера Колпаковскаго, бѣжали дурно. Я большею частью дремалъ подъ барабаненье дождя... Просыпаясь, я видѣлъ, какъ высоты уменьшались и сравнивались, а степь раздвигалась все шире и шире.

Наконецъ пріѣзжаемъ въ Сергіополь. Сперва показалось нѣсколько отвратительныхъ мазанокъ съ юртами, разбитыми посреди дворовъ, это татарская слобода или городъ собственно. Въ верстѣ или полутора далѣе опять Сергіополь, по крайней мѣрѣ казачья станица. Налѣво крѣпость, церковь, какія то казармы.

— «Гдѣ же квартира»?

— Пожалуйте.

Я и Г—й, мы входимъ въ комнату аршина въ четыре квадратныхъ съ однимъ угловымъ столикомъ. Да здѣсь чемодана негдѣ раскрыть! Пришелъ городничій, объявляя, что другихъ квартиръ нѣтъ, а это самая лучшая. Тѣмъ временемъ я все стоялъ на дворѣ. Сырой воздухъ съ воемъ проносился по улицамъ или улицѣ, пустой и широкой; гуси, слегка покрикивая, двигались взадъ и впередъ около воротъ дома; какіе то прохожіе съ удивленіемъ посматривали на мой тарантасъ... я все ждалъ, стараясь выместить свою злобу на городничемъ. Наконецъ Г—й нашелъ квартиру на самомъ концѣ города у однихъ казаковъ. Слава Богу, она опрятна и изъ оконъ не дуетъ.

7-го октября. Дописывалъ цѣлый день въ книгу все, что до сихъ поръ не вписано. Пишу усердно, такъ что рука болитъ; а иначе нельзя, очень уже отсталъ. Вообще я веду свой дневникъ не съ достаточной аккуратностью. Нужно вписывать въ него все сколько нибудь интересное и новое.

Вечеромъ былъ у меня Сергіопольскій окружный начальникъ, Георгій Алексѣевичъ Муравлевъ.

8-го октября. Опять писалъ. Тѣмъ временемъ Г—й разспросилъ киргизъ, пришедшихъ со старшимъ султаномъ Сергіопольскаго округа.

Сегодня получены единовременно свѣдѣнія о грабежахъ, произведенныхъ въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ Сергіополя. Лошади киргизъ, которыя привезли насъ, были отбиты неизвѣстными барантовщиками, въ то время, когда онѣ возвращались назадъ (30 лошадей). Грабежъ произошелъ въ 35 верстахъ отъ Сергіополя. Почтарь, везшій съ послѣдней станціи эстафету съ извѣщеніемъ о нашемъ скоромъ прибытіи въ Сергіополь, былъ остановленъ, лошадь у него отнята, а у него про-

ломлена голова. Сегодня отогнано 14 лошадей изъ числа тѣхъ, которыя выставлены намъ впереди Сергіополя. Вообще всѣ мѣстные жители внѣ себя отъ безпрестанныхъ разбоевъ. Со времени бунта дунганей, байджигиты врываются въ наши предѣлы и грабятъ безнаказанно кого хотятъ; наши киргизы не отстаютъ отъ нихъ и баранта и грабежи достигли неслыханныхъ размѣровъ.

Здѣсь говорятъ, что байджигиты, туртугулы и другіе киргизы болѣе всего способствовали дунганамъ овладѣть городомъ Чугучакомъ (съ 14 на 15 января этого года) тѣмъ, что они перерѣзали нѣсколько тысячъ калмыковъ, стоявшихъ подъ Чугучакомъ и пришедшихъ помогать китайцамъ. Въ благодарность за это, дунгане отдали Чугучакъ на разграбленіе киргизъ. Говорятъ, что на этомъ пиру участвовали и наши киргизы. Въ этомъ же году—это случилось не такъ давно—калмыки безжалостно вырѣзали нѣсколько ауловъ туртугульцевъ.

Между тѣмъ, наша граница охраняется плохо. Отряды не выставлены по границѣ, а сосредоточены только въ нѣсколькихъ пунктахъ. Такъ какъ въ китайскихъ предѣлахъ горитъ кровавое междоусобіе, то должна развиваться бѣдность; кромѣ того, здѣсь повсемѣстно въ зиму 1864—65 года были джуты. Голодъ и бѣдность всегда равносильны въ степяхъ барантѣ и грабежамъ. А наши власти, вмѣсто того, чтобы держать себя съ достоинствомъ именно теперь, не ударили пальца о палецъ, чтобы поддержать Россію на границѣ. Это ужасно, что здѣсь за бездарное, лишенное энергіи начальство. Они обидѣлись, что въ Петербургѣ насмѣялись надъ ихъ завоевательными планами, и теперь будто нарочно дозволяютъ всякому дикарю глумиться надъ русскими границами. Зачѣмъ же они тутъ, если не умѣютъ охранить интересы русскихъ подданныхъ.

9-го октября. Давно уже я не писалъ впечатлѣнія дня въ число того же дня. Я такъ былъ заваленъ работою, что все отставалъ отъ событій. Теперь опять догналъ дѣйствительность.

Былъ у насъ Яковъ Михайловичъ Олеховскій, непремѣнный членъ Сергіопольскаго приказа. Онъ служитъ двадцать два года въ степи и знаетъ ее вдоль и поперекъ и, къ удивленію, говорятъ, очень честенъ. Я попросилъ позволенія писать къ нему и спрашивать его обо всемъ, что относится къ степямъ прямо или косвенно. Онъ очень обязательно вызвался доставить всѣ свѣдѣнія, которыя у него собраны уже теперь. Очень радъ этому.

Муравлевъ, бывшій вечеромъ, разсказывалъ, что не такъ давно генералъ Колпаковскій приказалъ ему отправить въ Чугучакъ письмо кульджинскаго дзянъ-дзюна къ Чугучакскому эх-амбаню. Муравлевъ нарядилъ офицера и 25 казаковъ, которые и хотѣли проѣхать въ Чугучакъ. Но еще по сю сторону нашей границы, у фермы Бахты, нашихъ казаковъ остановили около 800 вооруженныхъ киргизъ, которые и начали разспрашивать, куда ѣдутъ казаки. Послѣдніе отвѣчали, что ѣдутъ осмотрѣть нашу факторію. Киргизы отвѣчали, что факторія цѣла и что въ ней расхищено только желѣзо.— Если ѣдете только за тѣмъ, то повѣрьте нашимъ словамъ и вернитесь назадъ. Казаки ударили по лошадямъ. Киргизы бросились за ними, переловили казаковъ, нашли у офицера письмо къ эх-амбаню. Офицера избили нагайками, отдали ему письмо назадъ и грозили другой разъ истребить всякій отрядъ, который бы захотѣлъ открыть сообщеніе съ эх-амбанемъ въ Чугучакѣ. При шумѣ, происшедшемъ во время свалки съ казаками, изъ за фермы Бахты показалось восемь или девять очень хорошо вооруженныхъ колоннъ, конныхъ и пѣшихъ. Здѣсь была только небольшая часть дунганей, а осталь-

ная же часть состояла, какъ послѣ показывалъ офицеръ, до 8000 человѣкъ, изъ киргизъ обѣихъ нашихъ областей, бѣжавшихъ отъ насъ на грабежъ и поживу въ китайскіе предѣлы. Говорятъ, эти киргизы и до сихъ поръ стоятъ около самаго Чугучака. Число ихъ опредѣляютъ въ 9,000 человѣкъ.

Такое оскорбленіе нашихъ чиновъ осталось совершенно безнаказаннымъ.

10-го октября. Что за фантазія была у Госфорда переименовать гадчайшія станицы Кокпекты и Аягузъ въ города. Наружность ихъ отвратительна. Вотъ хоть бы Кокпекты [1]). Много, очень много дурныхъ русскихъ деревень гораздо лучше Кокпектовъ. По сторонамъ широкой улицы расположились бѣдныя хижины. Онѣ не неопрятны, но что за величина. Это хижины, но никакъ не болѣе. Окошечки маленькія, разбитыя стекла заклеены бумагой. На улицахъ, флегматически отжевывая жвачку и стоикомъ поглядывая во всѣ стороны, стоятъ коровы, своею неподвижностью и апатичной важностью напоминающія какіе то египетскіе монументы. Тутъ же грызутся собаки и дерутся мальчишки. У заваленокъ сидятъ въ хорошее время облекшіеся въ халаты, ничего не дѣлающіе казаки. Это, впрочемъ, не горожане, а станичники. Горожане это нѣсколько ободранныхъ ташкентцевъ и разночинцевъ. Въ городѣ не видно ни одной лавки.—Вотъ городъ. Станешь по срединѣ и можешь разсмотрѣть всѣхъ входящихъ и выходящихъ изъ заставъ На бугрѣ стоитъ какая то пагода, извѣстная подъ именемъ церкви... Ну, а Аягузъ еще будетъ похуже. Татарская слободка или собственно го-

---

[1]) Станица Кокпектинская основана въ 1836 году и назначена мѣстопребываніемъ окружного приказа въ 1844 году, а въ 1854, при учрежденіи Семипалатинской области, переименована въ городъ. Въ 1863 году въ Кокпектахъ считалась 3,613 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 994 магометанъ.

родъ—это куча навоза въ нѣсколько десятковъ шаговъ. И въ Кокпектахъ (Кокпекты-Перекати-поле), и въ Аягузѣ есть укрѣпленія, сложенныя изъ дерна; есть ровъ, мосты и всѣ атрибуты, достаточные, чтобы испугать средне-азіатцевъ и разжечь желаніе штурмовать у европейцевъ. И Кокпекты, и Сергіополь никогда не разовьются. Имъ не быть городами, хотя они и произведены въ званіе городовъ. Они лежатъ внѣ тракта каравановъ; они не имѣютъ никакой торговли и никогда не могутъ служить центромъ для торговли скотомъ, безъ чего немыслимо здѣсь существованіе торговаго центра. Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы переименовать эти жалкія станицы въ города; а Каркаралы и Кокчетавъ не переименованы въ города.

Вчера ночью слыхалъ первый разъ буранъ. Ночью заревѣлъ страшный вѣтеръ; домишко, въ которомъ мы живемъ, трясся весь до основанія. Въ ставни било что то; я думалъ, что это крупный дождь. Оказалось, что это былъ снѣгъ. Когда утромъ я проснулся, то увидѣлъ на поляхъ груды нанесеннаго снѣга, а въ комнатѣ былъ такой холодъ, что я долго собирался съ духомъ, чтобы вылѣзть изъ подъ одѣяла.

11-го октября. Выѣхали по направленію къ Лепсинской станицѣ. Ѣхали почти все время по долинѣ Аягузки. Теперь это ничтожная рѣченка, но весной, говорятъ, она разливается верстъ на двадцать, тамъ, гдѣ расширяется ея долина. Тогда она тащитъ множество деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ со своихъ мѣстъ. Г—ій разсказывалъ мнѣ, что онъ еще помнитъ то время, когда вся долина Аягузки была покрыта огромными тополями. Теперь, благодаря вандаламъ-казакамъ, все вырублено. Осталась только низенькая, приземистая лоза. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Аягузы, лоза становится выше, и верстахъ въ десяти отъ города показались по-

слѣдніе изъ могиканъ,—кое-гдѣ въ долинѣ показались высокіе тополи, спасшіеся отъ неразумнаго казачьяго топора только благодаря отдаленности отъ города.

Мѣстами долина Аягузки весьма живописна; къ несчастью, все покрыто снѣгомъ и даетъ окрестности тотъ безжизненный колоритъ, который кладетъ бѣлый саванъ снѣга на всѣ предметы, имъ покрываемые. Рядъ высотъ, сопровождающихъ долину Аягузки, опорошенныхъ снѣгомъ, протягивается на горизонтѣ, будто снѣжный хребетъ; но какъ все это дико и пусто; въ кои-вѣки только проѣдетъ вдалекѣ по бѣлому пологу снѣга черненькій киргизъ, пробираясь въ какой-нибудь далекій аулъ.

Лошади, на которыхъ насъ везли, отвратительны. Мы не могли сдѣлать болѣе двухъ станцій. Теперь пишу въ комнатѣ станціи, съ теплыми сапогами на ногахъ. Скука и тоска. Мои товарищи болтаютъ что-то, мѣшая мнѣ писать. Они очень чему-то довольны.

Вчера я сдѣлалъ невѣрную замѣтку. Сергіополь лежитъ на трактѣ изъ Чугучака въ Семипалатинскъ. Прежде, до возстанія дунганей, ходили частые караваны, но не всегда черезъ Сергіополь. Когда закладывалась Аягузская станица, то караваны сейчасъ же стали обходить новое поселеніе. Тогда перенесли станицу на путь, по которому шли караваны, т. е. на нынѣшнее мѣсто Аягуза. Караваны, спасаясь отъ опеки нашей администраціи, пошли опять прежнимъ путемъ, т. е. стали опять обходить новостроющуюся станицу.

12-го октября. Выѣхали очень холоднымъ утромъ. Я кутался, сколько могъ, но не избавился отъ самаго непріятнаго ощущенія.

Первая станція (отъ Талдыкудука до пикета Кызылъ-Кійскаго) не отличается ничѣмъ. Небольшіе холмы и прогалины смѣняются одна другою. Долина Аягуза то приближается, то отбѣгаетъ отъ насъ. Переѣхали черезъ

рѣку. Она неглубока и неширока; но этотъ ручеекъ превращается, говорятъ, весной, въ бѣшеный потокъ, ворочающій своею водой глыбы скалъ, оторванныя въ Тарабагатайскихъ горахъ, валуны и столѣтнія деревья.

По переѣздѣ Аягузъ очутился вправо и очень живописна казалась мѣстами долина, покрытая высокими тополями и мозолистыми ветлами съ шишковидными расширеніями на концахъ обсѣченныхъ вѣтвей.

Между станціями Кизыль-Кійскою и Мало-Аягузскою (Актыгаемъ) на правомъ берегу Аягузки на высокомъ бугрѣ стоитъ могила Кузу-Курпеча, киргизскаго героя, воспѣтаго въ народномъ эпосѣ.

Могила состоитъ изъ неправильнаго параллелопипеда, на которомъ стоитъ конусъ. Ребро параллелопипеда одиннадцать шаговъ. Высота монумента будетъ около пяти саженъ. Высота кубическаго основанія около полутора саженъ. Монументъ сложенъ изъ плитняка. Самая кладка произведена такимъ же образомъ, какимъ произведена постройка Аблайкитскихъ палатъ. Внутри могилы стрѣльчатый сводъ, можетъ быть, въ двѣ сажени высотою. По угламъ комнаты внутри памятника были поставлены четыре статуи, высѣченныя изъ гранита. Каждая статуя представляетъ человѣческую фигуру по поясъ, со сложенными руками съ чашею въ нихъ. Лица фигуръ напоминаютъ породистый монгольскій типъ. Выше висковъ голова сжата, скулы выдавшись, глаза прорѣзаны криво. Губы довольно толстыя; на головѣ какая-то ермолка у двухъ статуй, у двухъ же другихъ головной уборъ въ родѣ того капора, который носится нынѣшними замужними киргизками. Все это грубо высѣчено на плоской гранитной доскѣ, которой данъ видъ человѣка. Статуя выше роста человѣка. Казаки вытащили эти статуи изъ внутренности памятника, отбили имъ головы и исказили ихъ. Это производитъ весьма

непріятное впечатлѣніе на киргизъ, чрезвычайно-уважающихъ могилу Кузу-Курпеча.

Кругомъ монумента разбросано множество киргизскихъ могилокъ; и сюда же идетъ много сильно протоптанныхъ дорожекъ, сходящихся со всѣхъ сторонъ у монумента. Отсюда видны хребты Тарабагатайскихъ горъ. Вершины ихъ покрыты бѣлымъ, блестящимъ снѣгомъ. Ниже этихъ блестящихъ точекъ всѣ покатости опорошены снѣгомъ и бѣлосиневатый его цвѣтъ, перемѣшиваясь съ темною синевою покатостей, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Кажется, будто эти горы прозрачны, будто розовая ихъ профиль сквозитъ и рисуется на воздухѣ, будто какія-то кружева.

Мы не могли подъѣхать къ могилѣ въ тарантасѣ; поэтому я съ Г—мъ сѣли безъ сѣделъ на пристяжныхъ и, пробравшись черезъ Тамникъ, переправились черезъ Аягузъ и подъѣхали къ монументу. Я дѣлалъ безполезныя усилія, чтобы увезти съ собою голову одной изъ буддійскихъ статуй; но она вѣсила не менѣе двухъ съ половиною пудовъ и я не могъ забрать ея съ собою на сѣдло. А очень жалко; эта голова была бы очень интересна для какого-нибудь оріенталиста, тѣмъ болѣе что статуи относятся ко времени существованія въ степи буддизма и господства тутъ калмыковъ.

Недалеко отъ Актыгая мы встрѣтили длинную нитку верблюдовъ. Это караванъ, шедшій изъ Алмановъ съ фруктами.

Отъ Актыгая мѣстность постепенно понижается до безграничной впадины, ограниченной со всѣхъ сторонъ буграми. Эта впадина, покрытая частицами разрушенныхъ горныхъ породъ, едва-едва прикрыта очень мелкою растительностью. Въ серединѣ впадины растутъ болотныя растенія—признакъ того, что весною, во время таянія снѣговъ, въ этой впадинѣ накапливается цѣлое внутреннее море, которое высыхаетъ медленно и только къ жарамъ.

Спускаясь въ прогалину, я увидѣлъ съ лѣвой стороны обширный миражъ. Это не обратило бы моего вниманія, еслибы я не замѣтилъ, что горный кряжъ, окруженный маревомъ, постепенно тонетъ, будто въ водѣ, и наконецъ совершенно пропалъ, хотя до того былъ виденъ совершенно ясно. Я вынулъ термометръ. Онъ показывалъ—3°. Было двѣнадцать часовъ. Солнце свѣтило весьма ярко. Пока мы двигались во впадинѣ, горы не были видны, и вся лѣвая сторона была затянута, будто туманомъ. Выше этого блестѣли громады Тарабагатая.

По мѣрѣ того, какъ мы стали подниматься на противоположную покатость впадины, налѣво чуть показывался шарикъ темнаго цвѣта; съ движеніемъ наверхъ этотъ шарикъ разростался, расширялся, принималъ отчетливо видъ высокой горы, съ обрубленными вертикально покатостями. Стоило намъ опуститься по косогору внизъ, и гора начинала будто тонуть во мглѣ миража. Когда мы поднялись на значительную высоту, около горы, вырисовывавшейся теперь отчетливо со всѣми своими деталями, по линіи горизонта вытянулось нѣсколько темныхъ точекъ, которыя вмѣстѣ съ нашимъ движеніемъ наверхъ растягивались, опускались ниже, сходились и потомъ опять умалялись и отдѣлялись другъ отъ друга, когда экипажъ въѣзжалъ въ самую незначительную впадину. Съ высоты марево представлялось такимъ образомъ: линія горъ, протягивающаяся на восьмую долю горизонта, была отдѣлена отъ земли естественною миражною полосою. Пониженія горъ, сѣдла и проходы были будто наполнены водой, соединяющеюся съ нижнею туманною полосою. Мы поднялись еще выше и марево пропало.

Прямо передъ нами протянулись высоты Арганаты (прямой канатъ); а выше нихъ можно было разсмотрѣть бѣлые силуэты чуть замѣтныхъ Алатавскихъ горъ. До

нихъ еще около 250 верстъ. Влѣво также чуть примѣтно виднѣлись Тарабагатайскія горы. До нихъ тоже будетъ до двухсотъ верстъ. Какъ жалко, что теперь холодно, что на степи и горахъ лежитъ снѣгъ.

Станція Джюсъ-Агагъ, куда мы пріѣхали, лежала когда-то среди купы деревьевъ. Послѣднихъ было около ста; но это была такая рѣдкость, что сто деревьевъ Джюсъ-Агагъ были извѣстны во всей степи и всѣмъ караванамъ, шедшимъ изъ Китая, Семирѣчья и Турана. Здѣсь караваны отдыхали въ тѣни огромныхъ тополей и вербъ. Теперь изъ этой купы осталось два дерева, которыя и торчатъ тоскливо «среди долины ровныя», остальные ихъ товарищи вырублены вандалами казаками. Джюсъ-Агагъ, какъ рѣдкость природы, щадилась вѣками и народами,—казакамъ нужно было топливо, имъ все равно, и они срубили деревья.

Отъ Джюсъ-Агага до Арганатовъ 40 верстъ. Дорога идетъ сперва по солонцамъ, потомъ проходитъ глубокими песками. Наканунѣ (4 октября) былъ здѣсь сильный дождь съ сильнымъ же громомъ. Отъ дождя и наступившаго послѣ мороза пески окрѣпли, и по нимъ можно было ѣхать довольно скоро. Пески нанесены буграми, на которыхъ кое-гдѣ растетъ трава. По этимъ пескамъ лѣтомъ ползаетъ множество змѣй, бѣгаютъ ящерицы и живутъ въ большомъ количествѣ степные рябчики. На мѣстахъ, гдѣ песокъ неглубокъ, растетъ очень высокій чій (аршина въ три) и *чингиль*, древовидный кустъ, употребляемый киргизами на топливо. Кромѣ того, попадается *джигда*, дикій финикъ, фрукты котораго идутъ въ пищу фазановъ; потому присутствіе джигды и обнаруживаетъ, что въ мѣстности, гдѣ растетъ этотъ кустъ, живетъ фазанъ.

13-го октября. Цѣлую ночь мучительно тащились до Арганатовъ. Утромъ рано я вышелъ изъ пикета, чтобы

взобраться на одну изъ окрестныхъ горъ. Оказалось, что Арганаты построены подъ отвѣсною скалою, и что около течетъ ручеекъ въ горной тѣснинѣ. Впрочемъ, горы невелики.

Взобрались на окрестную сопку. Съ этой горы открывается очень обширная равнина, покрытая солончаками и песчаными наносами. Далеко на западъ синѣется полоса Балхаша, въ которую глубоко вдается желтый, будто песчаный, мысъ. Ровная, какъ плацъ-парадъ, долина тянется отъ самаго Балхаша на востокъ, говорятъ до озера Сасыкъ и Ала. Однообразно и пустынно протягивается эта долина, и, сколько можетъ разобрать глазъ, она все однообразна и такъ же пустынна. Предполагаютъ, что Балхашъ, Сасыкъ-куль и Ала-куль составляли когда-то одно море, и песчаная, солонцеватая долина, соединяющая теперь озера, служила внутреннимъ моремъ.

Мѣстные жители разсказываютъ, что и теперь, весною, послѣ таянія большихъ снѣговъ, низина между пикетомъ Джюсъ-Агагскимъ и Арганатинскими горами наполняется водою, соединяющею поверхность Балхаша съ Сасыкъ-Кулемъ. Ямщикъ, который везъ насъ, говорилъ, что вода эта неглубока и сообщеніе по почтовому пути не прекращается. Онъ прибавилъ, что каждую весну, если бы даже снѣга и не были зимою глубоки, на всѣхъ углубленныхъ мѣстахъ балхашской низины открываются ключи, которые заливаютъ впадины и образуютъ обширныя неглубокія озера [1]).

[1]) Можно предполагать, что въ прошломъ столѣтіи Сасыкъ-Куль и Ала-Куль составляли одно озеро. На китайскихъ картахъ, составленныхъ по приказанію Цянь-Луня европейскими миссіонерами, вмѣсто нынѣ существующихъ двухъ озеръ показано одно. На картѣ артиллеріи капитана Унковскаго, начерченной, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ у калмыковъ, въ 1722 году, озеро, соединенное изъ Сасыкъ и Ала-Кулей, названо Алакъ-тугулъ. Гумбольдтъ, разбирая старыя китайскія карты, принадлежавшія барону Шилингу-фонъ-Канстадту, нашелъ, что оба упомянутыя озера на одной изъ нихъ тоже показаны соединенными.

Балхашъ раздѣляетъ пески и солончаки Голодной степи отъ песковъ и солончаковъ, тянущихся восточнѣе озера до предгорій хребта Барлыкъ. Вся эта масса солонцоватыхъ песковъ, съ ясно видными днами высохшихъ озеръ, не указываетъ ли на существованіе въ былыя времена огромнаго озера, занимавшаго все пространство между 85 и 100 градусами долготы?

Балхашская низина теперь неудобна для осѣдлой жизни. Тому не мало способствуютъ постоянные восточные вѣтры, свирѣпствующіе между Тарабагатаемъ и предгоріями джунгарскаго Алатау. Вотъ краткія свѣдѣнія, которыя я могъ собрать объ этихъ вѣтрахъ. На югъ отъ рѣки Эмиля и къ востоку отъ озера Ала-Куль, въ китайскихъ предѣлахъ, тянется Барлыкскій хребетъ, составляющій какъ бы продолженіе джунгарскаго Алатау. Тамъ, гдѣ два хребта сближаются, остается долина около 25 верстъ шириною, соединяющая киргизскія степи со степями Монголіи. Изъ этого ущелья, начиная съ осени, дуетъ жестокій восточный вѣтеръ, называемый туземцами «эбе». Когда въ долинѣ между Барлыкомъ и Алатау пасмурно, эбе не дуетъ; но какъ только становится ясно, то въ тѣсномъ мѣстѣ ущелья начинаетъ слышаться сперва шумъ, потомъ ревъ вѣтра, приближающагося съ востока. Издалека видно, какъ эбе крутитъ снѣгъ, ворочаетъ камни, дымится. Все живое спасается тогда отъ грознаго вѣтра по горнымъ щелямъ, потому что эбе такъ же удобно опрокидываетъ и катитъ за собою верблюда, какъ и лошадь со всадникомъ. Ураганъ продолжается порывами обыкновенно до тѣхъ поръ, покуда не найдутъ тучи; тогда онъ стихаетъ. Зимою эбе страшенъ по невыносимому холоду, сопровождающему вѣтеръ. Дѣйствію эбе подвержена, кажется, вся долина, между Сергіополемъ и Копаломъ, до озера Балхаша, можетъ быть и далѣе; но, конечно, по мѣрѣ отдаленія къ западу сила вѣтра ослабѣваетъ. Ледъ, до-

стигающій на Алакулѣ значительной толщины, отъ дѣйствія эбе иногда разбивается, и льдины разбрасываются по западному берегу озера.

Киргизы разсказываютъ, что эбе дуетъ изъ пещеръ; Гумбольдтъ, въ своей Asie Centrale, повторяетъ ихъ сказаніе [1]).

Вѣроятнѣе объясненіе Голубева, который предполагаетъ, что восточные вѣтры, преобладающіе въ этихъ частяхъ Азіи, задерживаются горами, а потомъ съ силою прорѣзываются сквозь упомянутую узкую долину, производя эбе.

Понятно, что, благодаря частымъ и сильнымъ восточнымъ вѣтрамъ, пески, кочующіе на низинѣ между Балхашемъ и Сасыкъ-Кулемъ, только съ большимъ затрудненіемъ могутъ прикрѣпляться къ почвѣ; всякія же растительныя сѣмена въ полосѣ, подверженной эбе, должны вывѣтриваться изъ земли [2]).

---

[1]) Гумбольдтъ, въ своемъ сочиненіи о Средней Азіи, собралъ чрезвычайно много матеріаловъ, желая доказать, что сопка Аралъ-Тюбе, находящаяся на островѣ Ала-Куля, есть вулканъ. Впослѣдствіи мнѣніе знаменитаго ученаго было опровергнуто двукратнымъ путешествіемъ на Ала-Куль А. Шренка и привезенными имъ образцами породъ съ Аралъ-Тюбе.

Ставъ на точку зрѣнія своей гипотезы о дѣйствіи здѣсь вулканическихъ силъ, Гумбольдтъ спрашиваетъ: можно ли объяснить существованіе сильныхъ бурь въ окрестностяхъ Ала-Куля простыми атмосферическими явленіями? Ссылаясь на авторитетъ разныхъ компетентныхъ лицъ, Гумбольдтъ говоритъ про существованіе пещеры Эбе, «входъ въ которую подобенъ коморкѣ» и изъ которой дуютъ ураганы (выбрасываются пары?). При этомъ онъ опредѣляетъ мѣсто пещеры вблизи рѣки и озера Баратала, около которыхъ въ XIII столѣтіи (во времена походовъ Гулягу-хана) свирѣпствовали бури, загонявшія стада въ ближайшее озеро, почему эти мѣста объявлены опасными.

[2]) Вѣтеръ, подобный эбе, очень хорошо извѣстенъ морякамъ бывшаго черноморскаго флота. Вотъ что говорится о немъ въ «Лоціи Чернаго моря“: «Несмотря однакожъ на разводимую ими (т. е. вѣтрами) зыбь, мѣсто (Новороссійская бухта) было бы весьма безопасно, если бы здѣсь не существовало грозной «боры». Въ лѣтнее время въ Новороссійскѣ часто дуютъ свѣжіе NO-вые вѣтры, нисколько не тревожащіе стоящихъ на рейдѣ; но осенью и зимою вѣтры эти часто превращаются въ ураганы. Доказательствомъ силы ихъ служатъ голыя вершины восточныхъ горъ бухты, съ которыхъ воздухъ стремится къ морю страшными вихрями, уничтожая всякую растительность. Вихри рвутъ воду и гонятъ ее брызгами, такъ что все пространство рейда какъ бы покрыто паромъ. Въ городѣ

Плано-Карпини, монахъ ордена миноритовъ, ѣздившій, по приказанію папы Иннокентія IV, ко двору Гаюки-хана, внука Чингизъ-хана, описалъ свое путешествіе въ особомъ сочиненіи. Въ немъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Выѣхавъ оттуда, нашли мы какое-то небольшое море, на берегу котораго находится небольшая гора. Въ этой горѣ, говорятъ, будто есть отверстіе, изъ котораго зимою выходятъ столь жестокія бури, что едва можно, да и то съ великою опасностью, проѣзжать симъ мѣстомъ. Лѣтомъ же всегда слышно бушеваніе вѣтровъ; но изъ отверстія они выходятъ не сильно. Нѣсколько дней мы ѣхали берегомъ сего моря, которое хотя и не очень велико, но наполнено островами, и оставили оное въ лѣвой рукѣ». Переводчикъ и коментаторъ Плано-Кирпини, Языковъ, думаетъ, что здѣсь говорится о Байкалѣ. Съ этимъ нельзя согласиться.

Выѣхавъ изъ Европы въ 1246 году, Плано-Карпини вступилъ въ земли биссерминовъ (хивинцевъ) около праздника Вознесенія, слѣдовательно, въ маѣ мѣсяцѣ, и ѣхалъ по хивинской землѣ до дня св. Іоанна Крестителя. Потомъ папское посольство въѣхало въ земли черныхъ китаевъ (въ восточный Туркестанъ или малую Бухарію) и, обогнувъ около упомянутаго озера, вступило въ земли наймановъ около Петрова дня того же 1246 года. День Іоанна Крестителя празднуется 24-го

невозможно въ это время выходить на улицу: мелкіе камни, поднимаемые вѣтромъ, бьютъ съ силою въ лицо и могутъ изувѣчить; довольно прочныя каменныя зданія колеблются отъ напора страшнаго вѣтра, и сильные порывы его срываютъ кровли. Зимою бора особенно безпокойна: дуя съ такою силою, что почти невозможно устоять на ногахъ, она сопровождается 7 или 8 градусами мороза, иногда и вдвое болѣе. Поднимаемыя брызги тотчасъ леденѣютъ, и судно обмерзаетъ очень скоро"... «Къ счастію, бора никогда не налетаетъ внезапно: высказывая свое приближеніе неизмѣнными примѣтами, она даетъ время приготовиться къ ея принятію. Вершины восточныхъ горъ бухты передъ борою бываютъ совершенно чисты»... и т. д.

Вѣтры, подобные эбе и борѣ, случаются у Тріеста и мыса Доброй Надежды. Такого же характера западные вѣтры на югѣ Патагоніи. Замѣчательно, что всѣ онм дуютъ изъ горныхъ ущелій къ водѣ.

іюня, а Петровъ день 29-го іюня. Если допустить, согласно толкованіямъ Языкова, что озеро, мимо котораго проѣзжалъ Плано-Карпини, Байкалъ, то нужно допустить также, что миссія, слѣдуя изъ хивинской земли, откуда выѣхала 24-го іюня, пріѣхала къ берегамъ Байкала раньше 29-го іюня, т. е. сдѣлала около 3,000 верстъ менѣе чѣмъ въ четверо сутокъ.

Вѣроятнѣе, что Плано-Карпини говоритъ здѣсь про Ала-Куль, который за шесть вѣковъ до нашего времени могъ составлять одно озеро съ Сасыкъ-Кулемъ, можетъ быть даже съ Балхашемъ; также точно вѣроятно, что вѣтеръ, дующій изъ горныхъ ущелій, про который говоритъ папскій посолъ, есть эбе, свирѣпствующій въ балхашско-алакульской низинѣ.

На широтѣ Балхаша мы поднялись на Арганатинскія горы (арканъ-аты—прямъ какъ канатъ), составляющія какъ бы послѣднюю ступень поднятія, сопровождавшаго образованіе среднеазіатскихъ горъ. Съ вершины Арганатовъ открывается разомъ вся громадная линія джунгарскаго Алатау. Горы поднимаются будто изъ мглы марева и становятся ясно видны уже на значительной высотѣ Громадныя вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, точно сквозятъ и кажутся какими-то фантастическими хрустальными дворцами. Ниже ихъ можно было различить то широкія снѣжныя поляны, то обрывистые уступы, опорошенные снѣгомъ. Глубокія вертикальныя впадины кажутся темносиняго цвѣта и чрезвычайно живописно оттѣняютъ яркую бѣлизну покатостей и вершинъ. Горы блестяще-бѣлыя наверху постепенно темнѣютъ по мѣрѣ приближенія книзу: тамъ меньше снѣгу. Еще ниже онѣ смутно и неопредѣленно сливаются съ воздухомъ. Вечеромъ, когда заходящее солнце ударяло свѣтомъ на блестящія бѣлки, картина горъ стала чрезвычайно живописною На прозрачномъ фіолетовомъ небѣ рисовались зубчатыя вершины, точно исполинскіе ру-

бины и сапфиры, точно затѣйливыя кружева, раскрашенныя всѣми красками, отъ бѣлаго до розоваго, синяго и чернаго цвѣтовъ. Солнце постепенно потухало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и краски мѣняли мало-по-малу свои цвѣта. Низъ горъ мало-по-малу погружался въ темную синеву, и когда солнце скрылось совершенно, отъ этого хребта, теперь спрятавшагося совершенно въ полупрозрачную мглу, остались однѣ только вершины, облитыя яркимъ блескомъ, будто высоко зажженные свѣточи.

Если бы не блестящая линія горъ впереди, то дорога отъ Арганотовъ до Лепсинскаго пикета была бы чрезвычайно скучна. Кругомъ то солонцы съ замершею грязью, то пески съ наносными холмиками, на которыхъ растетъ тощими пучками трава, впрочемъ, очень любимая овцами. Мертвенно лежитъ эта страна въ виду великолѣпнаго горнаго ландшафта.

Въ темнотѣ мы стали пробираться черезъ обширный солончакъ, говорятъ, высохшій рукавъ Балкаша, потомъ брели долго по глубокимъ пескамъ, потомъ переправились на паромѣ черезъ Лепсу. Она здѣсь шириною саженъ въ пятнадцать и довольно глубока. Берега ея поросли исполинскимъ камышемъ и колючкою, обвитою ползучими растеніями. Въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ рѣки виднѣлись огоньки ауловъ кочующихъ здѣсь волостей киргизовъ. Воздухъ былъ теплый и мягкій, несмотря на позднее время года. Общее впечатлѣніе, произведенное быстро бѣгущею чистой рѣкой, очень пріятно и напоминаетъ рѣки, сбѣгающія въ Черное море съ Крымскихъ горъ.

14-го октября. Лепсинскій пикетъ очень опрятенъ. Въ немъ не дуетъ и тепло. Утромъ поѣхали по ауламъ. Сперва заѣхали къ указному муллѣ изъ киргизовъ, кочующему въ четырехъ верстахъ вверхъ по Лепсѣ отъ пикета. Потомъ поѣхали внизъ по рѣкѣ и были въ двухъ

аулахъ. По дорогѣ между аулами я охотился. Убилъ утку и двухъ степныхъ рябчиковъ, которыхъ видѣлъ въ первый разъ. Они похожи цвѣтомъ на лѣтнюю одежду нашихъ бѣлыхъ куропатокъ, но подъ брюхомъ у нихъ большое черное пятно. Ноги рябчиковъ (три пальца) очень интересны. Ихъ пальцы толсты, мозолисты и приспособлены къ хожденію по пескамъ.

Часа четыре или пять мы провели въ юртѣ одного киргиза. На вопросы относительно внутренняго быта, податей, повинностей и проч. мы не добились опредѣленныхъ или интересныхъ отвѣтовъ, но за то я могъ подмѣтить много интереснаго изъ самой жизни.

Киргизъ, у котораго мы были, Исенгулъ-Садыровской волости, прозывается Айнакулъ Чегаевъ. Юрта у него изрядная. Налѣво отъ входа лежатъ кули купленнаго или собраннаго проса и соли. Противъ входа на причудливыхъ кибеже лежатъ сундуки въ войлочныхъ, обшитыхъ по краямъ краснымъ сукномъ, чехлахъ. Между сундуками и кулями расположена кровать, застланная войлоками. Направо отъ входа устроенъ альковъ изъ чія. На землѣ, кругомъ очага, постланы войлоки и тикеметы.

Когда мы купили барана и предложили хозяевамъ, общество юрты, состоящее изъ хозяина, двухъ его женъ, женатаго сына, двухъ незамужнихъ дочерей и нѣсколькихъ дѣтей, очень оживилось. Табунщикъ, пригнавшій стада и отрапортовавшій, что у пѣгой кобылы волкъ съѣлъ жеребенка, вышелъ и потомъ вернулся, таща за собою связаннаго барана. Потомъ онъ вытащилъ ножъ, перерѣзалъ барану горло и выпустилъ кровь въ подставленное корыто, прибавивъ, обращаясь къ Ибрагимову: «кровь Богу». Ибрагимовъ, знающій основательно обычаи киргизовъ, прочелъ киргизамъ «бату», молитву, т. е. пожелалъ, чтобы хозяинъ и семейство юрты были всегда здоровы и чтобы стада его не уменьшались. По

обычаямъ киргизъ, сказалъ онъ, почетный гость долженъ прочесть бату передъ закланіемъ барана, иначе они, принеся его въ юрту, не убили бы. Когда судороги барана кончились, табунщикъ сбросилъ съ себя одежду до пояса и, обнаруживъ бронзовые по цвѣту и крѣпости члены, сталъ снимать шкуру съ барана. Потомъ онъ порѣзалъ барана на куски съ удивительнымъ знаніемъ анатоміи и бросилъ куски въ большой, предварительно вымытый котелъ, «казанъ». Послѣдній былъ налитъ водой и поставленъ на огонь, прикрытый деревянною крышкою. Послѣ того въ юрту стали набираться одинъ за другимъ киргизы изъ сосѣднихъ юртъ. Пришелъ какой-то мальчишка въ изодранномъ халатишкѣ (купэ), изъ котораго въ разныхъ направленіяхъ торчала джебага, и, поднявъ халатъ, обнаружилъ передъ костромъ свое тѣло до горла, съ цѣлью отогрѣться. Нельзя забыть, что въ юртѣ сидѣли двѣ незамужнія дѣвушки и, какъ мнѣ казалось, это не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія. Пока набирались въ юрту киргизы и безмолвно усаживались у тагана, на которомъ стоялъ котелъ, покуда въ дверяхъ юрты робко показывались фигуры бабъ, — по хозяйству хлопотала вторая жена. Когда же въ юрту вошла сноха и присѣла предварительно, согласно киргизскимъ обычаямъ, старшему сидящему здѣсь лицу, жена хозяина сѣла у огня, а работать стала сноха. Въ ожиданіи баранины, мы говорили съ киргизами, подшучивали съ дѣвками, которыя разсматривали наше платье и сапоги. Когда я показалъ часы, они, т е. всѣ присутствующіе въ юртѣ киргизы, стали мазать цѣпочкой глаза: отъ золота, молъ, глаза не будутъ болѣть и станутъ зорче, а чего ужъ имъ нужно зорче киргизскихъ глазъ. Охотникъ, съ которымъ я сегодня ѣздилъ по степи, просто будто смотрѣлъ въ подзорную трубу и на разстояніи трехсотъ шаговъ указывалъ мнѣ на полевыхъ рябчиковъ, забив-

шихся въ траву. Потомъ мы стали пить водку и закусывать провизіей, привезенною нами съ собою. Привыкнувъ къ тому, что киргизы, какъ вообще всѣ магометане, отказываются въ обществѣ отъ спиртныхъ напитковъ, мы не предлагали водки никому, но тутъ оказалась вѣрность пословицы: что городъ, то норовъ. Хозяйка (старая) съ хозяиномъ попросили водки и при помощи набравшихся въ юрту друзей, вытянули всю флягу. Мы послали казака на пикетъ за новымъ подкрѣпленіемъ и еще за закуской. Онъ привезъ отъ нашихъ людей водки, хлѣба, сахару. Какъ только казакъ пріѣхалъ, съ огня сняли казанъ съ бараниной, и пиръ начался на весь міръ. Менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, баранъ принадлежалъ уже исторіи и прелестныя киргизскія дѣвы, съ собачьимъ выраженіемъ лица, ломали бараньи кости своими бѣлыми, блестящими зубами. Это былъ пиръ волковъ, напавшихъ на неожиданно ниспосланный имъ обѣдъ.

Привезенная водка развязала языки присутствующимъ. Въ юртѣ составилось два хора, одинъ бабъ, другой дѣвушекъ, перекрикивающихъ другъ друга.

— «Про что онѣ поютъ?»—спросилъ я Ибрагимова.

— Про васъ, ваше великодушіе и проч. Между прочимъ, онѣ въ рифму просятъ еще серебра и припѣваютъ, что прежде ихъ родъ кочевалъ отъ Алатау до Балхаша, теперь же русскій царь построилъ на ихъ земляхъ пикеты и они, отъ недостатка земель и корма для скота. стали терпѣть джутъ и голодъ.

Мы пробыли въ аулѣ до девяти часовъ вечера, и когда подошло время уѣзжать, киргизы провожали насъ, какъ родныхъ, выражая сомнѣніе, что мы русскіе чиновники.—Пускать ли ихъ намъ?—говорили они другъ другу, какъ передавалъ намъ Ибрагимовъ. И долго еще послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, мы слышали ихъ крики и пожеланія намъ добраго пути.

Мы поѣхали обратно берегомъ Лепсы сквозь аулы, тѣсно расположившіеся на берегу рѣки другъ около друга. Въ нѣкоторыхъ виднѣлся еще огонь. Заслышавъ топотъ нѣсколькихъ лошадей, изъ юртъ выползали полузаспанныя фигуры и подозрительно, по крайней мѣрѣ не безъ подозрительности, провожали насъ взглядами. Собаки—часовые и замки киргизъ—въ каждомъ аулѣ встрѣчали и провожали насъ остервенѣлымъ лаемъ, цѣпляясь за хвосты нашихъ лошадей и всячески выражая озлобленіе къ непрошеннымъ гостямъ, нарушившимъ такъ поздно ихъ покой. Мы проѣзжали сквозь высокій камышъ, въ которомъ прятались со своими лошадьми, по тропинкамъ, проложеннымъ въ разныхъ направленіяхъ скотомъ. Небо было чисто и ясно, и на небѣ сверкало множество звѣздъ; плеяды,—часы путешественника по степи,—показывали уже около полуночи. Дулъ свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ скораго утренника.

— Вотъ собаки лаютъ на пикетѣ,—сказалъ проводникъ казакъ.

Скоро показался и домъ, смотрѣвшій привѣтливо всѣми своими освѣщенными окнами.—А воля ваша, хороша комната послѣ дымной юрты

15-го октября. Я и Г—ій, мы давно уже доказывали необходимость знакомиться съ киргизскою жизнью не на почтовой дорогѣ и вообще не на дорогѣ; не въ городахъ, гдѣ видимъ однихъ оффиціальныхъ лицъ съ оффиціальною ложью на губахъ, но среди ауловъ, далеко расположенныхъ отъ главнаго тугакта. Теперь мы взбунтовались и рѣшительно объявили, что поѣдемъ въ Лепсинскую станицу верхомъ. Почтовая дорога съ Лепсинскаго пикета на Лепсинскую станицу идетъ на Балкашскій пикетъ около полтораста верстъ; но можно ѣхать прямо вверхъ по р. Лепсѣ къ горамъ и, конечно, вер-

хомъ доѣхать до станицы, сдѣлавъ всего сто верстъ. Осенью по Лепсѣ кочуютъ много ауловъ; все это заставило меня ѣхать верхомъ. Комиссія должна съѣхаться въ станицѣ Лепсинской.

Мы снарядились въ путь такимъ образомъ: наняли шесть лошадей, проводника киргиза, взяли закуску, мѣдный чайникъ, ружье, штуцеръ, взяли съ пикета казака Дмитрія и отправились въ дорогу сегодня въ одиннадцать часовъ утра.

Дорога почти все время шла берегомъ Лепсы, которая по временамъ отбѣгала изгибами отъ нашего пути. На берегу рѣки тамъ, гдѣ степь орошается весенними разливами, попадаются тополи, верба, джигда, барбарисъ; далѣе же на высотахъ лежитъ безплодная песчаная степь. Какая голь и бѣдность растительности! Песчаные наносные холмы безотрадно и безпорядочно тянулись кругомъ, покуда могъ видѣть глазъ. Часть этихъ песковъ, вѣроятно, кочуетъ и до сихъ поръ, если дуетъ сильный вѣтеръ, по крайней мѣрѣ это можно было замѣтить по песку, поднимаемому легкимъ вѣтромъ, проводившимъ насъ въ путь-дорогу. Другая часть песковъ, составляющая наносные бугорки, поросла травами, удобными для скота, кочкообразными пучками. Огромныя стада степныхъ рябчиковъ носились по этой пустынѣ, издавая далеко слышные крики. Мы ѣхали почти все время углубленною дорогою, пролегающею въ логахъ между высокими песчаными холмами. Это самая разбойничья дорога и, вѣроятно, проложенная первоначально барантачами. По ней можно было сдѣлать десятки верстъ, такъ что со степи трудно было видѣть всадниковъ.

Иногда дорога подходила къ самому краю высотъ, ограничивающихъ узкую долину Лепсы. Богатая растительность окаймляла свѣтлую полосу рѣки. Съ Лепсы, издавая металлическіе крики, поднимались пришлепывая по водѣ крыльями лебеди; съ испуганнымъ кваканьемъ

улетали утки; съ хриплыми звуками спасались другія птицы.

Мы уже ѣхали часа два съ половиной рысью, но аула еще не встрѣчали. Оказалось, что аулы, кочевавшіе въ этихъ мѣстахъ, откочевали только сегодня, потому мы спустились къ рѣкѣ и стали выбирать мѣсто для привала. Во время этого движенія меня особенно поразила формація береговъ Лепсы. На обнаженномъ обрывѣ виднѣлось множество слоевъ песку, то совершенно бѣлаго, то болѣе грязнаго и, наконецъ, очень темнаго. Эти слои на равномъ разстояніи были раздѣлены тонкимъ песчаникомъ, твердыя плиты котораго торчали изъ обваливающейся песчаной горы и были разсыпаны по берегу рѣки.

Недалеко отъ этого мѣста мы воспользовались небольшою долиною, впадающею въ главную, чтобы напиться чаю. Я улегся на животъ и записывалъ въ эту книгу, попивая чай. Около горѣлъ костеръ. Лошади, связанныя вмѣстѣ, стояли рядкомъ, «повѣся носъ». Было очень тепло и всѣ чувствовали себя очень хорошо. Закусивши, мы поѣхали далѣе и опять рысью.

Кругомъ тянулась та же пустыня, а вдали все яснѣе и яснѣе рисовались горы, обнаруживая всѣ свои детали. Теперь можно было видѣть, что шишки, казавшіяся незначительными бугорками одной и той же покатости, не болѣе не менѣе, какъ вершины второстепенныхъ хребтовъ, рисующіяся на главныхъ горахъ, осыпанныхъ снѣгомъ. Предгорія были безъ снѣга, и на нихъ можно было разсмотрѣть сплошныя массы лѣса.

— «Тамъ, говорилъ нашъ проводникъ Сигизъ-Бай, лѣсъ такъ густъ, что нельзя проѣхать верхомъ. Тамъ водятся маралы, медвѣди, архары, тигры».

Становилось темнѣе. Великолѣпный день потухалъ тихо, освѣщая всю видимую плоскость горъ и золотя плоскости, обращенныя къ западу. Я смотрѣлъ

на эти горы, вглядывался въ эти странныя пирамиды, параллелопипеды, ромбоиды, оттѣненные яркими и темными красками; присматривался къ далекимъ, какъ свѣча, горящимъ вершинамъ главныхъ горъ и чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ. А какъ хорошъ чистый воздухъ, какъ вливается эта холоднѣющая струя въ легкія, какъ хотѣлось надѣлать дѣтскихъ шалостей, запѣть или закричать безъ причины на всю степь.

Стало почти совсѣмъ темно. Воздухъ сталъ свѣжъ, даже холоденъ. Съ высотъ мы могли видѣть что въ окрестности нѣтъ ауловъ. Сигизъ-Бай сулилъ намъ удобный ночлегъ у одного торговца татарина, разбившаго свой кошъ [1]) на берегу Лепсы. Мы направились туда. Наши лошади безпрерывно спотыкались объ арыки [2]), развѣтвляющіеся среди полей, на которыхъ было посѣяно просо. Высокая, желтая солома еще торчала частью щетиною по полямъ. Круги крѣпко вытоптанной земли, служащіе токами, были обнесены валиками въ предохраненіе отъ воды арыкъ; на этихъ токахъ киргизы молотили просо лошадьми. Когда уже стемнѣло, мы подъѣхали къ кошу татарина.

Кошъ этотъ былъ расположенъ на правомъ берегу, слѣдовательно былъ недосягаемъ. Сигизъ-Бай завѣрялъ, что онъ знаетъ навѣрное про существованіе здѣсь брода. Потомъ онъ сталъ звать и кричать, чтобы обратить вниманіе хозяевъ коша. Скоро показалась какая-то фигура. На требованіе Сигизъ-Бая показать бродъ, онъ спросилъ кто мы такіе. Проводникъ отвѣчалъ, что мы часть той самой комиссіи, которой выгоняли на почтовую дорогу лошадей. Тогда татаринъ отвѣтилъ, что ему все равно, кто мы такіе, что брода черезъ рѣку здѣсь нѣтъ, а что вверхъ по теченію есть много ауловъ, въ кото-

[1]) Кошемъ называется небольшая юрта, приспособленная къ перевозкѣ.

[2]) Арыками здѣсь называются ирригаціонныя канавки, проведенныя изъ рѣки для орошенія полей.

рыхъ мы удобно можемъ переночевать. Мы постояли, выбранили проклятаго татарина всласть и поѣхали далѣе.

Въ темнотѣ мы спускались въ глубокія, сырыя долины, поднимались на высоты и опять спускались внизъ, къ высокимъ камышамъ. По временамъ на вершину какого нибудь бугра въѣзжалъ Сигизъ-бай съ вьючною лошадью и останавливался на ней неподвижно. Онъ прислушивался, не услышитъ ли гдѣ лая собаки, и его неподвижная фигура отчетливо рисовалась на полусвѣтломъ ночномъ небѣ, служа какъ бы продолженіемъ темной высоты. Во время одной изъ подобныхъ рекогносцировокъ онъ закричалъ Ибрагимову, что слышитъ, во-первыхъ, лай собакъ, а, во-вторыхъ, объявилъ, что чувствуетъ запахъ дыма ауловъ. Мы прибавили шагу. Верстахъ въ трехъ оттуда мы дѣйствительно увидѣли много огней, но всѣ аулы были на правомъ берегу Лепсы. Мы поѣхали по прибрежнымъ высотамъ. Съ рѣки съ громкими криками подымались стаи лебедей и утокъ. Луна взошла, и насъ могли видѣть изъ ауловъ. Собаки подняли тамъ страшный концертъ. Бабы, вѣроятно, опасаясь, что ѣдутъ барантачи, громко сзывали скотъ и далеко были слышны ихъ крики: гау! гау! гау!

Мы все ѣхали по берегу, не зная, что и начать. Наконецъ увидѣли нѣсколько юртъ на довольно высокомъ берегу Лепсы, которая съуживалась тутъ не болѣе какъ на десятокъ саженъ. Мы подъѣхали къ берегу и рѣшительными криками вызвали жителей аула на берегъ. Сигизъ-бай объявилъ, что въ этомъ аулѣ его знаютъ; дѣйствительно, едва онъ назвалъ себя, какъ ему хотѣли показать бродъ, но потомъ спросили, кто такіе всадники ѣдущіе съ нимъ. Сигизъ-бай мялся; сперва онъ объявилъ, что мы торговцы, потомъ чуть ли не назвалъ насъ генералами. Желаніе показать бродъ видимо охладѣло, и люди, собравшіеся иа берегу, стали безмолвно исчезать въ юртахъ. Тогда Ибрагимовъ закричалъ, что

у насъ есть ружья, и что мы будемъ стрѣлять по аулу, если намъ не покажутъ брода. Это подѣйствовало. Одинъ киргизъ усѣлся на быка и поѣхалъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ, пригласивъ и насъ дѣлать тоже самое. Въ верстѣ оттуда онъ сказалъ, чтобы мы ѣхали черезъ рѣку къ нему. Сигизъ-бай тронулся первымъ.

Чрезвычайно оригинальна была наша переправа черезъ рѣку довольно широкую въ этомъ мѣстѣ. Яркая луна освѣщала пять всадниковъ, осторожно двигающихся въ водѣ по брюхо лошадей. Вода рѣки была совершенно чиста и искрилась за каждымъ шагомъ лошадей. Вдругъ Сигизъ-бай, достигнувъ противоположнаго берега, начинаетъ издавать какіе то крики,—его лошади выше живота завязли въ топкой грязи. Наши вьюки! моя записная книга!—Снимай скорѣе вьюкъ и тащи его на себѣ на берегъ,—кричу я, въ отчаяніи. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ наконецъ мы перебрались на ту сторону. Портфель, въ которомъ лежала эта книга, зачерпнулъ воды только слегка.

Мы пріѣхали въ аулъ. Оказалось, что здѣсь расположили свои юрты джетаки [1]). Стая презлыхъ собакъ кинулась на нашихъ лошадей, которыхъ никто не шелъ принимать; всѣ говорили, что въ юртахъ лежали горячечные больные и, дѣйствительно, сквозь кошмы можно было слышать то болѣзненный тяжелый кашель, то крики и плачъ больныхъ дѣтей, то тяжелые стоны несомнѣнно больныхъ людей. Наконецъ нашлась одна юрта, гдѣ не было больныхъ. Хозяйка юрты, шустрая бабенка въ изодранномъ халатѣ, пояснила, что она неимущая, не имѣетъ не только ничего, чтобы угостить насъ, но даже и кошемъ, чтобы подостлать на полъ. Внутренняя обстановка юрты точно самая нищенская.

---

1) Джетаками называются киргизы, не могущіе кочевать по бѣдности, почему они, большею частью, занимаются земледѣліемъ. Впрочемъ, подъ словомъ джетакъ разумѣется всякій нищій.

Деревянный остовъ ея былъ старъ; войлочныя стѣны испещрены дырьями разнообразной формы. Одинъ небольшой сундучишко стоялъ прямо противъ входа; нѣсколько растрепанныхъ грязныхъ войлоковъ валялись у сундука, нѣсколько необходимой утвари, нѣсколько обрывковъ измочаленныхъ веревокъ — вотъ все, что можно было замѣтить во внутренности юрты.

Мы вынули полтора рубля мелкою серебряною монетою и отдали киргизу, показавшему намъ бродъ, прося его съѣздить въ аулъ, гдѣ есть бараны и купить намъ одного, а объ остальномъ просили не заботиться. При этомъ переводчикъ прибавилъ, что купленный баранъ, кромѣ небольшого куска, который будетъ съѣденъ нами, предназначается въ пользу хозяевъ аула. Послѣ того казакъ поставилъ чайникъ на очагъ. Когда онъ былъ готовъ и мы напились чаю, чуть не ведерный чайникъ былъ переданъ киргизамъ, которымъ было роздано и по куску сахара.

Эта любезность моментально измѣнила наши отношенія. На насъ стали поглядывать дружелюбнѣе; полная юрта набралась киргизами и киргизками въ изодранныхъ платьяхъ.

— Когда мы услыхали ваши голоса, сказалъ одинъ изъ нихъ, и предположили, что вы русскіе, то боялись показать вамъ бродъ, потому что думали, что вы отберете у насъ наши послѣдніе арканы и кошмы. Теперь мы видимъ, что вы не русскіе, что вы насъ не обидите, что вы не требуете отъ насъ кунъ-агасы и очень рады васъ видѣть въ своемъ аулѣ.

Намъ стоило большого труда увѣрить, что мы русскіе.

Когда былъ привезенъ баранъ и большая часть его отдана киргизамъ, послѣдніе стали совершенными нашими пріятелями. Когда мы начали разспрашивать хозяевъ про ихъ житье-бытье, хозяйка, перебивъ нерѣшительные от-

вѣты мужа, сказала: «мы неимущіе; съ насъ нечего взять, потому можно сказать полную правду».

Аулъ, въ которомъ мы были, принадлежитъ Исенгулъ-Серджетымовской волости, хозяинъ—киргизъ джетакъ Тюлебай Игиликовъ. Онъ содержитъ жену и брата, изъ которыхъ и состоитъ все его семейство. Всего на всего имѣетъ только двѣ штуки рогатаго скота, а по бѣдности занимается хлѣбопашествомъ. По неимѣнію скота для запашки, бралъ рабочій скотъ у родственниковъ, которые не отказываютъ въ этомъ и даютъ безплатно. Въ прошломъ году засѣялъ шесть деревянныхъ чашекъ проса и два небольшихъ мѣшка пшеницы. Съ посѣва собралъ шесть каповъ (мѣшковъ) проса и столько же пшеницы. Урожай въ этомъ году былъ не совсѣмъ хорошій.

Ясака платятъ двѣ мерлушки. Аульный старшина за ясаками не пріѣзжаетъ, а для уплаты податей за весь аулъ беретъ деньги у продавца татарина. Сколько беретъ, и сколько слѣдуетъ платить ясака,—не знаютъ. Послѣ, аульный старшина раскладываетъ долгъ аула татарину на всѣхъ лицъ и говоритъ татарину, сколько съ кого онъ долженъ собрать долгу. Очередь поставить подводу въ этомъ году къ нимъ не доходила, но каждый, имѣющій чагаракъ, долженъ ставить подводу, если она будетъ потребована. Не имѣющій лошади долженъ нанять ее.

Изрѣдка этимъ паріямъ приходится и сытно поѣсть. Это случается въ годы падежа. Тогда они выпрашиваютъ пропадающую скотину у богатыхъ родственниковъ. Пашутъ сохою, на которую надѣтъ небольшой желѣзный сошникъ.

Во время нашихъ разспросовъ я всматривался въ эти получеловѣческія лица, то освѣщаемыя вспыхивающимъ огнемъ, то тонущія въ темнотѣ, когда сгоралъ быстро вспыхивающій и быстро сгорающій кизылъ-ча. Эти лица имѣли много сходства съ обезьянами. Нужда и горе

исказили ихъ до того, что ихъ едва-ли можно назвать переходомъ отъ четырерукихъ къ двурукимъ. Условія киргизской жизни и киргизскихъ потребностей чрезвычайно просты. Положеніе неимѣющихъ киргизъ и тѣхъ, которые по неимѣнію скота не могутъ кочевать, по истинѣ ужасно. Юрта не домъ, она непрактична и непримѣнима къ жизни на мѣстѣ. Грязь, нечистота, вонь, холодъ, повсемѣстныя лохмотья, больные,—вотъ обыкновенные атрибуты кочующихъ киргизъ. Пусть не предполагаютъ наивные люди, что вслѣдствіе несложности киргизскихъ потребностей, бѣдность въ степи переносится легче, чѣмъ въ улицахъ Парижа или Лондона. Все тоже самое. Такъ же, какъ тамъ, тутъ отжирѣвшій и отяжелѣвшій собственникъ душитъ и давитъ физически и нравственно неимущаго. Такъ же великъ для послѣдняго престижъ покоя и капитала, такъ же остро и болѣзненно желаніе собственности и такъ же невозможно выбиться изъ своего положенія безъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

— У меня,—сказалъ одинъ джетакъ, подвигаясь къ огню,—есть до васъ двѣ просьбы: уже нѣсколько лѣтъ, какъ я боленъ. Нѣтъ ли у васъ противъ этого лѣкарства? Потомъ, какъ помочь моей женѣ? Каждый разъ при родахъ ее душитъ шайтанъ?

Мы отвѣчали, что не знаемъ лѣкарства противъ его болѣзни, но пришлемъ ему изъ Петербурга лѣкарство. Узнавъ, что эта посылка пойдетъ черезъ руки окружного и что докторъ разскажетъ ему, какъ его употребляютъ, джетакъ изобразилъ на своемъ лицѣ—лицѣ большого павіана—пресмѣшной испугъ.

— Не хочу я вашей машинки,—сказалъ онъ, если сюда пріѣдетъ докторъ. У насъ нѣтъ ничего, а онъ оберетъ аулъ.

Мы успокоивали его.

— Хорошо. Если сюда не пріѣдетъ ни одинъ чи-

новникъ, и если отъ этого не будетъ мнѣ никакого убытка, то вы благодѣтельствуете меня; въ противномъ случаѣ не посылайте.

По поводу жены джетака мы спросили, не гоняютъ ли они душащаго ее шайтана дубьемъ и не бьютъ ли они ее, когда она рожаетъ. Получивши утвердительный отвѣтъ, мы долго толковали, какъ это неразумно, глупо, даже какъ преступно. Во время разсказа киргизы съ недоумѣніемъ переглядывались и много разъ повторяли свое ой-бой-ой! ой-бой-ой! междометіе, выражающее испугъ и недоумѣніе въ одно и то же время. Въ особенности со вниманіемъ слушали насъ набившіяся въ юрту бабы. Киргизы благодарили за совѣты. Когда мы кончили, тогда одна баба спросила, можно ли бить жену и есть ли такой законъ. Мы отвѣтили, что это противозаконно, и что бьютъ своихъ женъ только очень дурные мужья.

— Мы бьемъ,—отозвался одинъ киргизъ,—по пословицѣ, что нельзя никогда вѣрить женѣ, лошади и лодкѣ.

— «Хорошій пловецъ любитъ лодку,—отвѣтили— мы,—и вѣритъ ей, потому она и кормитъ его. Хорошій джигитъ вѣритъ своей лошади, потому что знаетъ ѣздить. Кто дурно управляетъ лодкою или лошадью, тотъ долженъ ихъ бояться. Дурному мужу лучше и не жениться, чѣмъ сваливать на жену свои недостатки и свое неумѣнье жить».

— Ой-бой-ой!—сказали мужчины. Женщины засмѣялись.

— Какъ же мнѣ не бить жену?—продолжалъ неугомонный киргизъ,—у меня ничего нѣтъ, а она требуетъ, чтобы я далъ ей и дѣтямъ рубашки; а откуда мнѣ взять?

— «Если ты будешь бить жену, не будетъ тебѣ никогда счастья ни въ одномъ твоемъ предпріятіи».

Между тѣмъ поспѣла баранина. Киргизы бросились

на нее съ лютостью волковъ и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ они облизывали уже пальцы и ломали съ громкимъ хрустѣніемъ кости своими бѣлыми зубами. При этомъ нельзя не замѣтить, что и у этихъ отверженцевъ, не призванныхъ на пиръ жизни, говоря словами Мальтуса, есть свои обычаи общежитія, свой этикетъ, исполняемый ими точно. Я это замѣчалъ нѣсколько разъ. Напр. теперь баранина для киргизъ варилась въ другой юртѣ, потому что очагъ той, въ которой мы сидѣли, былъ занятъ нашимъ казаномъ. На этомъ основаніи хозяйка отказалась угощать другихъ киргизъ и сама принимала мясо, какъ гостья, пояснивъ при томъ, что она не можетъ распоряжаться бараниной, сваренной не въ ея юртѣ.

Во время ужина изъ дверей юрты безпрерывно показывались морды огромныхъ собакъ. Несмотря на частыя короткія взвизгиванія и затѣмъ поспѣшныя ретирады, свидѣтельствующія о боли, которую можетъ причинить таловая палка, нѣкоторые изъ псовъ успѣвали похищать кости чуть не изо рта своихъ хозяевъ. Послѣ пира, когда отъ барана не осталось рѣшительно ничего, кромѣ чистыхъ бѣлыхъ костей, послѣднія были собраны и выброшены на дворъ. Теперь между собаками идетъ упрямая дарвиновская борьба «за существованіе» въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Мы легли спать около двухъ часовъ ночи.

16-го октября. Спалъ очень хорошо. Когда я проснулся, солнце ярко свѣтило сквозь открытый чагаракъ. На очагѣ горѣлъ уже яркій огонь кизымъ-ча. Г — ій покашливалъ, сидя съ чаемъ и трубкой. Я вышелъ изъ юрты, на дворѣ былъ превосходный день; около самой юрты подъ возвышеннымъ берегомъ журчала свѣтлая Лепса, а на той сторонѣ тянулась степь, ярко освѣщенная теплымъ солнцемъ. Налѣво поднимались высокія

горы; плоскости и грани вершинъ, обращенныхъ къ солнцу, горѣли, какъ бриллiанты. Хороша здѣсь природа! Привольная могла бы развиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жизнь, еслибы... еслибы много условiй, еслибы другая исторiя, да другой народъ, еслибы здѣсь была не Азiя, а Америка, не тунгузское племя, а англо-саксонское. Какъ бы для сильнѣйшаго контраста съ чистыми, опрятными горами, поверхность земли подъ аулами была грязна, завалена скотскимъ пометомъ, истоптаннымъ и мѣстами обращеннымъ въ вонючую кашу. Около юртъ валялись обрывки кошемъ, веревочекъ, клочки тулуповъ; лежали истрепанныя колеса съ измочаленными ободьями, укрючины, длинныя палки... На этомъ хламѣ и грязи барахтались нагiя дѣти съ бронзовою кожею, больныя съ отвислыми животами. Почти у всѣхъ у нихъ были на головѣ парши, а руки въ чесоткѣ. У юртъ были привязаны телята, чтобы не высосали молока у коровъ; киргизки въ лохмотьяхъ халатовъ, невообразимо грязныя и неопрятныя, доили коровъ въ ведра, выдолбленныя первобытнымъ манеромъ изъ цѣльныхъ деревянныхъ колодъ. Впрочемъ, это картина обыкновенная во всякомъ аулѣ.

Вчера треснулъ прикладъ у моего лучшаго ружья. Теперь киргизы взялись связать его ремешками. Принесли сыромятную кожу. Сперва одинъ изъ нихъ отрѣзалъ отъ нея полосу, потомъ взялъ деревянную палочку, уставилъ ножикъ къ ней гранью обуха, а другой поташилъ къ себѣ неровно отрѣзанный ремешекъ. Обрѣзая свои края объ острiе ножа, онъ сталъ совершенно ровенъ. Связали они прикладъ хорошо.

Часовъ въ одиннадцать мы выѣхали послѣ самаго дружескаго прощанiя съ бѣдными джетаками. Мы роздали имъ во время нашего ночлега около шести руб. и все серебряною монетою. Изъ аула мы вскорѣ поднялись на одну высоту. Оттуда намъ далеко стала видна

степь и сколько могъ дохватывать глазъ, по всей степи виднѣлись многочисленныя стада и группы юртъ кочующихъ здѣсь киргизовъ.

Картина кочевьевъ далеко не лишена своеобразной красоты. Я не разъ отставалъ отъ нашей кавалькады, чтобы любоваться дикой красотой картины, разворачивающейся передъ моими глазами. Плоскость, чуть не математическая, тянется до самыхъ предгорій Алатавскихъ горъ. Кое-гдѣ на берегу Лепсы поднимаются бугры съ высокими могилами султановъ и киргизскихъ батырей, на самомъ верху этихъ бугровъ. Лѣвый берегъ Лепсы поднимается довольно высоко. На мѣстахъ, заливаемыхъ весною Лепсою и на которыхъ поднимается теперь высокая пожелтѣвшая трава, бродятъ взадъ и впередъ стада. Ободранный мальчишка сидитъ неподвижно на лошади около плотно сгруппировавшихся на степи барановъ. Еще болѣе неопрятная киргизская дѣвушка ѣдетъ верхомъ на волѣ и сгоняетъ стада широко разбредшихся коровъ и быковъ. Лошадей нѣтъ. Онѣ въ отгонныхъ мѣстахъ, на горахъ. Въ разныхъ мѣстахъ степи, и близко, и далеко, чуть не у самыхъ горъ темнѣютъ и бѣлѣютъ юрты, поставленныя кучками по три, четыре и пять штукъ вмѣстѣ.

Остановитесь на секунду, прислушайтесь и присмотритесь къ окружающему васъ. Вотъ оригинальная могила, поднимающая свои глиняные шпили кверху,—здѣсь когда-то жилъ и пасъ свои стада большой человѣкъ, богатый киргизъ, увеличивавшій свое богатство грабежемъ стадъ у сосѣдей. Оттого народъ и почитаетъ его могилу.

«Гау! гау! гау!» кричатъ бабы въ ближайшемъ аулѣ.

«Сигизъ-бай! ай, Сигизъ-бай! Сигизъ-бай!» зоветъ гдѣ-то въ углу степи киргизъ другого.

Гдѣ-то далеко заливаются собаки, лая дружно и наперерывъ. Вотъ вѣтерокъ принесъ вамъ тихое мычаніе

стадъ и окрикъ табунщика. Вдали спрятавшись на половину въ высокій чій, ѣдетъ нѣсколько всадниковъ, подгоняя передъ собой нѣсколько овецъ,—должно быть, гонятъ на продажу. А вотъ зачѣмъ-то несетъ по степи чуть виднаго киргиза, который гонитъ лошадь во весь духъ къ горамъ.

А воздухъ то, воздухъ, что за благодать! Вся эта картина, всѣ эти звуки, вся оригинальная обстановка сильно врѣзывается въ мозгъ, такъ сильно, что, вѣроятно, никогда не забудется.

Недалеко отъ аула нашихъ пріятелей - джетаковъ стоятъ нѣсколько высокихъ тополей. Мѣсто далеко видное въ степи. Близъ озера, вѣроятно, оставляемаго разлитіемъ Лепсы, стоитъ киргизская зимовка, пріютившаяся у высокихъ камышей. Урочище называется Сулу-Терекъ (красивая осина).

Мы заѣхали на зимовку. Киргизъ, владѣлецъ нѣсколькихъ юртъ, потерялъ много скота въ джутѣ, оттого прежняя его зимовка, способная для прокормленія большого количества скота, стала неудобна для того количества, которое у него осталось. — «Теперь, говорилъ онъ намъ, у меня осталось такъ мало скота, что я въ состояніи обезопасить себя отъ случайностей, накашивая съ помощью семейства нужное количество сѣна; поэтому мнѣ понадобились луговыя мѣста. Я бросилъ прежнюю зимовку и занялъ эту».—Киргизъ обратилъ кзеу бывшаго старшаго султана въ свою зимовку. Чегыну платитъ онъ три барана съ юрты. Одинъ либо два раза платится аульному старшинѣ—какъ говорилъ разсказчикъ, на прогоны по пяти рублей съ юрты. Кромѣ того, онъ несетъ общую подводную повинность по всей волости.

При этомъ нельзя не замѣтить общаго закона въ отбываніи киргизами повинностей относительно государства. Натуральныя повинности далеко превосходятъ ясачный сборъ и ложатся невыносимо-тяжелымъ ярмомъ

на бѣдныхъ, потому что раскладка по волостямъ производится не пропорціонально состоянію, а по юртамъ; къ этимъ расходамъ нужно присовокупить платы толмачамъ, волостнымъ, аульнымъ, старшимъ султанамъ, засѣдателямъ, платы, приведенныя въ оконченную систему, чтобы составить точное понятіе о тѣхъ негласныхъ повинностяхъ, которыя несутся киргизами будто бы въ пользу государства.

Киргизъ, владѣлецъ зимовки у Сулу-Терека, разсказывалъ, что онъ очень испугался, увидя приближающихся къ его аулу русскихъ.

— Когда бараньи стада,—говорилъ онъ,—бываютъ въ отгонѣ, пріѣзжіе чиновники приказываютъ заколоть себѣ теленка. Послѣ того корова перестаетъ доиться и мы, убивши теленка на кунъ-агасы, теряемъ и молоко.

Киргизъ стоялъ еще въ юртахъ не на самой зимовкѣ, расположенной около аула шагахъ въ стахъ. Мы отправились туда. Зимовка состоитъ изъ большой скирды сѣна, запаса кизяка и загона для овецъ и рогатой скотины, сдѣланнаго изъ тростника и обложеннаго землею. Все это обнесено изгородью изъ тростника. Въ срединѣ оставлено мѣсто для юрты. Когда грянутъ холода и снѣга, юрта будетъ поставлена сюда. Для каждой юрты устроенъ такой же дворикъ, смежно съ предъидущимъ, такъ что скирды сѣна служатъ частью ограды для двухъ сосѣднихъ юртъ. Входы въ дворики закладываются бревнами изъ джигды. Это первообразъ зимовокъ.

Зимовка около большихъ озеръ, напр. Сасыкъ-Куля, Алакуля, Балхаша, располагаются въ самыхъ камышахъ. Для того вычищаютъ площадку, на которой и устраиваютъ всѣ хозяйственныя принадлежности. Къ auламъ и между юртами проложены хорошо очищенныя дорожки. Зимою о существованіи аула можно догадаться только по дыму, поднимающемуся изъ тростника. Заѣзжему къ нимъ кажется, будто попалъ въ какой-то

городъ, разбросанный среди закрывающихъ его камышей на большія пространства. По крѣпко утоптаннымъ тропинкамъ ѣздятъ киргизы другъ къ другу въ гости и гоняютъ стада и живутъ они себѣ такъ до новой весны, времени, когда киргизъ считаетъ себя счастливымъ, времени осуществленія его мечтаній и надеждъ.

Выѣхавъ изъ Сулу-Терека, мы проѣзжали мимо древнихъ калмыцкихъ могилъ, расположенныхъ на берегу Лепсы. Здѣсь нашъ проводникъ показалъ намъ грубую статую, высѣченную изъ гранита. Работа до такой степени груба и неискусна, до такой степени аляповата, что статуи могилы Кузу-Курпеча, тоже сдѣланныя изъ гранита, свидѣтельствуютъ про свою сравнительную новизну. Нашъ проводникъ сказалъ намъ, что четыре года тому назадъ три калмыка пріѣзжали за чѣмъ-то изъ Китая; одинъ изъ нихъ, старшій, говорилъ, что онъ еще помнитъ то время, когда Лепсинскій край принадлежалъ калмыкамъ. Старикъ,—разсказывалъ между прочимъ проводникъ,—подъѣхалъ къ очень глубокому озеру и сказалъ, что онъ помнитъ про существованіе здѣсь брода; потомъ ударилъ лошадь нагайкой и проѣхалъ по броду озера, котораго не подозрѣвалъ никто изъ киргизъ. Близъ того же озера, въ камышахъ, калмыки нашли эту статую и отвезли ее на берегъ Лепсы, на бывшее свое кладбище, говоря, что памятникъ сдѣланъ въ честь дочери ихъ хана, которая похоронена здѣсь. Впрочемъ, Г—ій слыхалъ отъ Захарова, бывшаго генеральнаго консула въ Кульджѣ, что передъ заключеніемъ Тарабагатайскаго договора китайцы, объявившіе претензію на всѣ бывшія калмыцкія земли, подсылали на Лепсу калмыковъ, которые выкапывали изъ земли разныя древности и всячески старались доказать фактъ, что эта земля принадлежала имъ. Впрочемъ, это не подлежитъ сомнѣнію и безъ подобныхъ дѣтскихъ дипломатическихъ выходокъ. Кладбище, на которомъ мы теперь

стоимъ, вѣроятно, весьма древне. Холмы, насыпанные на калмыцкихъ могилахъ, почти сравнялись съ землею, и только круглыя массы насыпанныхъ здѣсь крупныхъ галекъ, перемѣшавшихся съ землею, свидѣтельствуютъ, что эти камни попали сюда не случайно. Статуя, приволоченная сюда калмыками, тоже очень древняго происхожденія, судя по грубости изваянія.

Отсюда мы продолжали ѣхать мимо ауловъ, разбросанныхъ повсемѣстно на Лепсѣ. Всѣ они расположены на осеннихъ стойбищахъ (кзеу). Лѣтомъ здѣсь аулы не стоятъ, потому что по берегамъ Лепсы чрезвычайно много оводовъ и много пашенъ.

Сигизъ-бай доставилъ насъ на ночевку въ юрту одного султана изъ рода Шанхай. Мы вошли въ юрту, но султанъ, стоя на колѣняхъ на маленькомъ коврикѣ, усердно молился, не обращая на насъ никакого вниманія. Это продолжалось съ добрыхъ полчаса. Конечно, подобный пріемъ показался намъ крайне невѣжливымъ, и мы, спросивъ, не мулла ли султанъ, напившись чаю (своего) и купивъ барана, тронулись съ нимъ далѣе къ предгоріямъ Алатавскихъ горъ, гдѣ тоже стоятъ аулы на кзеу. Во время питья чаю мы изъ приличія продолжали говорить съ султаномъ. Оказалось, что волости «изъ уваженія къ намъ, султанамъ» избавляютъ будто бы султанскіе роды отъ чегына и подводной повинности. Вотъ еще одинъ фазисъ темнаго, не признаннаго законами, деспотизма.

Отъ султана мы ѣхали все время пашнями, на которыхъ было посѣяно снятое уже просо. Сложная система ирригаціи охватываетъ огромное пространство земли. Арыки попадались на каждомъ шагу. Подъ самыми горами замѣтны слѣды давнихъ калмыцкихъ пашенъ и калмыцкихъ же арыкъ.

Подъ вечеръ стада медленно стали стягиваться къ ауламъ. Они двигались по полямъ медленно, освѣщаемыя яркимъ заходящимъ солнцемъ. По мѣрѣ нашего

приближенія къ горамъ бѣлѣющія вершины скрывались за предгоріями, только кое-гдѣ опорошенныя снѣгомъ. Мы спустились въ высохшее русло какого-то, вѣроятно, чрезвычайно быстраго и глубокаго весною потока, потомъ стали подниматься на послѣднюю покатость Алатавскихъ горъ. Сзади насъ расширялась далѣе и далѣе степь, темнѣя и синѣя по мѣрѣ отдаленія отъ насъ, и вся она казалась теперь ровною—хоть шаромъ покати.

— Вотъ Арганатанскія горы,—сказалъ проводникъ, показывая на маленькіе холмики, синѣющіе на краю горизонта. Солнце стало быстро прятаться за горизонтъ и рѣзкій, холодный вѣтеръ съ горъ пробѣжалъ по покатости, на которую мы поднимались. Внизу курилась сизымъ и фіолетовымъ туманомъ степь, на которой можно было только различать ближайшія желтыя пашни изъ-подъ проса. Вотъ изъ полупрозрачной мглы будто мигнулъ раза два огонекъ, но мы поѣхали по узкому ущелью, спертому справа и слѣва высокими горами, и далекій горизонтъ скрылся со всѣмъ, что неопредѣленно и загадочно рисовалось на немъ. «Джуръ! джуръ! скорѣе!»—а то становится очень холодно. Еще одинъ поворотъ за покатость лѣвой горы и мы увидали пять юртъ, живописно раскинувшихся въ самомъ ущельѣ. Насъ встрѣтилъ хозяинъ аула, султанъ Валіевъ (изъ рода Шанхай), выѣхавъ къ намъ на встрѣчу верхомъ, и сталъ извиняться, что не можетъ насъ принять, потому что во всѣхъ юртахъ лежатъ больные. Мы отвѣтили, что не боимся больныхъ, и вошли въ юрту одного изъ султанскихъ телленгутовъ [1]). Насъ тамъ приняли довольно радушно, чему не мало содѣйствовалъ баранъ, привезенный съ собой на сѣдлѣ. Хозяинъ юрты, старичокъ, сказалъ, что въ аулѣ нѣтъ чаю и что его нельзя достать

---

[1]) Телленгутами называются киргизы, постоянно кочующіе съ султанскими родами. Они соотвѣтствуютъ бывшимъ нашимъ дворовымъ.

въ окрестности. Онъ прибавилъ, что господа, заѣзжающіе въ аулъ, требуютъ чаю и посылаютъ за нимъ въ окрестные аулы. На постели въ юртѣ лежалъ больной съ признаками упорной лихорадки. Мы разложили огонь на очагѣ и поставили чайникъ. Баранъ былъ введенъ въ юрту, хозяинъ прочелъ надъ нимъ башу: да будемъ мы и наши стада благополучны и да сопутствуетъ пророкъ намъ на пути. Собаки аула, въ которомъ мы хотѣли ночевать, были до такой степени злы, что каждый разъ, когда кто-нибудь изъ насъ выходилъ изъ юрты, ему сопутствовалъ мальчишка съ длинной укрючиной. Тѣмъ не менѣе я выбрался изъ юрты незамѣченный. Что за ночь!

Тихо и ясно, какъ днемъ. Луна освѣщала двѣ большія высоты, у основанія которыхъ были сгруппированы юрты. Пространство между юртами было забрано, вмѣсто ограды, матами изъ чія. Въ образованный такимъ образомъ загонъ были загнаны стада овецъ, коровъ и быковъ. Овцы вплотную стиснулись другъ къ другу и храпѣли наперерывъ не хуже людей. Коровы медленно отжевывали жвачку. Замѣтивъ внимательнаго наблюдателя, крайнія овцы вскочили и съ ужасомъ стали смотрѣть на меня. Паническій страхъ сообщился всему стаду, и я, чтобы не надѣлать переполоха, пошелъ ко входу въ юрту. Вдругъ всѣ собаки аула съ воемъ и лаемъ ринулись по ущелью за заворотъ. Мнѣ потомъ сказали, что онѣ почуяли приближеніе волковъ, которыхъ тутъ множество. Кого бы онѣ ни почуяли, но онѣ очень упрямо преслѣдовали. Я слышалъ, какъ ихъ заливной лай шелъ дальше и дальше, сталъ чуть слышенъ. Стада загоняются между юртъ отъ волковъ, которые иначе не приминули бы сдѣлать серьезное опустошеніе.

И тутъ также во всѣхъ юртахъ больные. Налѣво плакалъ и кричалъ ребенокъ хриплымъ чахоточнымъ плачемъ. Направо стонетъ больной мужчина; еще далѣе

будто плачетъ баба. И въ киргизской юртѣ, значитъ, не лучше нашихъ домовъ.

Горе и болѣзнь хозяйничаютъ вездѣ полновластно.

Султанъ, сидѣвшій съ нами въ юртѣ своего телленгута, по разспросамъ моимъ разсказалъ про кочевки. Выступаютъ съ зимовокъ, когда сойдетъ снѣгъ, на первое стойбище, называемое у киргизъ кокъ-теу (зеленая трава). Здѣсь пашутъ и остаются на мѣстѣ до окончанія запашки. Стада тѣмъ временемъ гонятся по покатостямъ предгорій, гдѣ трава очень хороша. Пашни султана у Лепсы. Здѣсь же, на кокъ-теу, осматриваютъ и исправляютъ сѣдла, кереже, кошмы, все деревянное, нужное для кочевокъ. Когда земля запахана, родоначальникъ аула кощь-баши (кощь — кочевка; баши — проводникъ, вожатый) ѣдетъ съ почетными людьми и осматриваетъ мѣста будущихъ стоянокъ. Онъ смотритъ, хороша ли трава, есть ли вода, удобно ли вообще мѣсто для стойбища. Потомъ онъ возвращается къ аулу и ведетъ его на новое стойбище. Аулъ султана перекочевываетъ въ теченіе года всего шесть разъ; въ степи же, гдѣ земли много, перекочевываютъ и тридцать разъ въ лѣто. Аулъ Валіева ежегодно переходитъ на тѣ же самыя мѣста, однако они каждый разъ осматриваются предварительно, т. е. самимъ султаномъ.

Напившись чаю, поужинавъ и наговорившись съ киргизами, мы легли спать. Благодаря горамъ, посреди которыхъ стоялъ аулъ, въ юртѣ не дуло; несмотря на то, я долго не засыпалъ, потому что вписывалъ въ журналъ впечатлѣнія дня. Окончивъ эту работу, я рѣшился записать тотъ знакомый мнѣ эффектъ, который производитъ юрта осеннею ночью.

Въ юртѣ самой опрятной все необычайно грязно. Начиная со стѣнъ ея, покрытыхъ копотью, до пыльныхъ войлоковъ, на которыхъ спятъ, до бѣлья и одежды ея обитателей, все пропитано грязью и кишитъ необъят-

нымъ количествомъ насѣкомыхъ. Оттого все находящееся въ юртѣ пропитано острымъ и кислымъ запахомъ неопрятности. Когда населеніе юрты располагается спать, хозяйка начинаетъ съ того, что раздѣваетъ дѣтей догола и становитъ ихъ у очага съ тѣмъ, чтобы они согрѣлись раньше, чѣмъ полѣзутъ въ постель. Говорятъ, что, снявши все платье, спать теплѣе. На дѣтей наваливаютъ войлоки, тулупы и все могущее ихъ согрѣвать. Послѣ разоблачается хозяинъ: снимаетъ чамбары, халатъ, рубашку и остается въ однихъ бумажныхъ панталонахъ. Онъ ложится въ постель. Войлокомъ, служащимъ одѣяломъ, его подтыкаетъ со всѣхъ сторонъ хозяйка. За симъ послѣдняя разворачиваетъ джавлукъ, снимаетъ все, исключая рубахи, и гаситъ огонь, оставляя перегорѣвшіе уголья, которые сгребаетъ въ кучу и засыпаетъ пепломъ. Потомъ закрывается тюндюкъ [1]). Въ юртѣ распространяется запахъ дыма, ѣдкій, несносный, который, перемѣшиваясь съ испареніями крайне неопрятныхъ людей, со сквернымъ собственнымъ запахомъ всей юрты, производитъ чрезвычайно удушливую атмосферу. Ночью слышится частый сиплый кашель дѣтей. кашель взрослыхъ, плачъ... Вздувается огонь, ребенокъ кормится грудью или кужею [2]). Опять темнота. Тяжелый воздухъ давитъ васъ; изъ-подъ юрты вѣетъ холодомъ; изъ дыръ въ стѣнахъ дуетъ вѣтеръ. Воздухъ очищается, но за то наступаетъ пронизающій холодъ... Кто это бродитъ по вашимъ ногамъ? Это собака, которая вошла въ юрту, открывъ двери головою. Теперь она догрызаетъ брошенныя кости и все съѣдомое, что только можно отыскать. «Кетъ! кетъ! кетъ!» пугаетъ собаку хозяйка или хозяинъ тѣмъ шепотомъ, который слышнѣе крика, бросая при этомъ въ нее чѣмъ ни попало. Опять тишина,

[1]) Тюндюкъ — четырехугольный кусокъ войлока, закрывающій отверстіе чагарака.

[2]) Кужа—просяная каша.

прерываемая кашлемъ и тяжелымъ дыханіемъ дѣтей, плачемъ, униманіемъ и проч. Вдругъ чуть не на вашей головѣ начинается драка собакъ; только одинъ войлокъ отдѣляетъ васъ отъ свирѣпой стаи, которая задыхается отъ злобы, грызется и возится, покуда нѣсколько жалобныхъ стоновъ не покажутъ, что есть бойцы, уже выбывшіе изъ строя, и что они теперь преслѣдуются разгоряченными побѣдителями. Или вдругъ собачья стая завоетъ и залаетъ на всѣ голоса и бросится навстрѣчу волку; или сквозь сонъ вамъ слышится, какъ табунщикъ, стерегущій скотину, затянетъ какія-то дикія ноты, не то поетъ, не то окликаетъ, не то пугаетъ кого-то... Свѣтаетъ. Вы это чувствуете по живому холоду, щиплющему ваши ноги, ваша голова зябнетъ, потому что свѣжій вѣтерокъ проникаетъ въ какую-нибудь дырочку, образовавшуюся въ рухляди, которою вы покрыты. «Отъ! отъ!» огонь! кричите вы отчаянно. Встаетъ хозяинъ, одѣвается и открываетъ тюндюкъ. Юрта обливается блѣднымъ свѣтомъ. Тщательно и долго раздувается огонь у очага; онъ вспыхиваетъ. Слава Богу!

17-го октября. Я спалъ опять превосходно. Юрты, защищенныя отъ вѣтра двумя высотами, были еще такъ хорошо обвѣшаны кошмами, что вовсе не дуло; въ силу сказаннаго, я спалъ, какъ убитый, а когда открылъ чагаракъ и солнце облило своимъ свѣтомъ юрту, я вскочилъ, какъ встрепанный. Мы еще со вчерашняго дня собирались выѣхать сегодня очень рано; одна бѣда— лошади султана и телленгутовъ въ отгонномъ табунѣ на горахъ. Узнавъ, что мы платимъ прогоны, султанъ рѣшился проводить насъ до горъ и выбрать въ табунѣ нужныхъ намъ лошадей. Несмотря на желаніе выѣхать рано, мы едва выбрались въ десять часовъ,—все нужно писать и записывать, иначе все вывѣтрится, лучше ска-

зать, сольется въ одно основательное, можетъ быть, знаніе, но детали позабудутся.

Свѣжимъ, хорошимъ утромъ мы тронулись по ущелью. Около журчалъ кое-гдѣ замершій ручей. Наши лошади не были еще поены. Мы подъѣхали къ ручью, но всѣ наши лошади, начавъ пить, стали бить ногами по водѣ.

— «Что это значитъ?—спросилъ я у проводника».

— Вода горькая,—передалъ мнѣ переводчикъ,—лошади всегда бьютъ ногою отъ нетерпѣнія, если онѣ хотятъ пить, а вода нехороша.

— «А какъ узнаютъ, когда верблюдамъ, коровамъ и овцамъ не нравится пойло?»

— Коровы, попробовавши дурной воды, трясутъ головою; верблюды шевелятъ и гримасничаютъ губами, а овцы попробуютъ дурной воды и пойдутъ прочь, не пивши.

Выѣхавъ изъ ущелья, мы стали подниматься на горы. Лошади шли съ большимъ усиліемъ. Послѣ первой высоты мы поднялись на другую мимо вылѣзшихъ изъ-подъ дерна зубчатыхъ горныхъ породъ. Мы не добрались еще до самаго верха, когда на косогорѣ показался большой табунъ лошадей, подгоняемый нѣсколькими пастухами. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ огромную пику сажени въ полторы длиною. Это второе оружіе, которое я вижу у киргизъ; первое это сабля, которую я замѣтилъ въ юртѣ телленгута, у котораго мы вчера ночевали. Султанъ остановился; мы слѣзли съ лошадей, чтобы дать пересѣдлать ихъ. Табунщики стали ловить лошадей изъ табуна арканами. Я полѣзъ наверхъ. Оттуда открывается чрезвычайно далеко ровная степь, прорѣзанная Лепсою, которая осталась вправо отъ дороги. Жалко, что утренній туманъ еще лежалъ внизу и мѣшалъ разсмотрѣть далекій ландшафтъ. Пашни, которыя мы проѣхали вчера вечеромъ, лежали будто очень недалеко подъ ногами; вотъ и глубокое русло, черезъ кото-

рое мы переѣзжали, а далѣе на ровномъ зеленобуромъ цвѣтѣ степи лежали желтыя поля, поросшія чіемъ и болотною травою; еще далѣе тянулась безразлично и неопредѣленно плоская степь, смутно перемѣшавшись съ туманомъ. Отъ предгорія, на которомъ я стоялъ, тянулись длинныя, узкія покатости, сливавшіяся незамѣтно со степью. Между ними врѣзались въ горы глубокія долины. Поперекъ же тянулась только одна впадина, черезъ которую мы переѣхали. Налѣво блестѣли вершины большого хребта, тянущагося на юго-западъ. До главнаго хребта, впрочемъ, далеко, верстъ восемьдесятъ; а до него безпрерывно тянутся горы, поднимаясь все выше и выше.

Перемѣнивъ лошадей, мы продолжали подниматься. Съ вершины открылся весь далекій хребетъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ. На немъ проектировалось множество вершинъ и горъ. Однѣ изъ нихъ были покрыты лѣсомъ и, казалось, будто ихъ темная полоса тянулась по покатости главнаго хребта; другія бѣлѣли свѣтлымъ блескомъ дѣвственнаго снѣга, и весь горизонтъ занимала эта громадная линія снѣжныхъ исполиновъ. Хорошъ тутъ воздухъ, легкія успокаиваются тутъ такъ же, какъ покоится глазъ на разнообразныхъ формахъ горъ.

Южная покатость горы, по которой мы теперь спускались, покрыта богатою растительностью. Вѣроятно, много скота продовольствуется здѣсь зимою. Внизу у подошвы расположенъ аулъ старшаго султана Копальскаго округа; такъ какъ здѣсь живетъ хорошій слесарь и серебряникъ, то мы заѣхали къ нему. Насъ встрѣтили завѣреніемъ, что лошадей нѣтъ, предполагая, вѣроятно, что мы потребуемъ ихъ на перемѣну своихъ. Когда мы усѣлись въ юртѣ серебряника и попросили показать намъ свое мастерство, киргизы успокоились и набились въ юрту. Слесарь, онъ же оружейникъ и серебряникъ, работаетъ на наковальнѣ помощью двухъ мѣховъ, сходя-

щихся въ одномъ сопилѣ. Мѣха лежатъ на землѣ и приспособлены къ дутью помощью четырехъ деревянныхъ ручекъ, пришитыхъ къ разрѣзу въ мѣшкѣ, куда при его поднятіи входитъ воздухъ. Опуская мѣхъ, сжимаютъ обѣ палки и закрываютъ отверстіе. Ящикъ съ инструментами слесаря, который мы разсматривали, заключаетъ въ себѣ все необходимое для работы. Инструменты предполагаютъ кочевую работу, потому малы и легки. Онъ показывалъ намъ свои работы. Желѣзный приборъ къ сѣдлу, показанный намъ, сдѣланъ чрезвычайно тщательно и искусно. Мастеръ говорилъ, что онъ приготовляетъ по заказу всѣ мѣдныя, желѣзныя и серебряныя вещи. Какъ и надо было ожидать, тутъ, слѣдовательно, нѣтъ еще раздѣленія труда. Теперь мастеръ приготовляетъ приборъ къ сѣдлу старшаго султана изъ даннаго послѣднимъ серебра. Работа, вѣроятно, должна быть очень тщательна, коли за нее обѣщана девятка скота, начиная съ верблюда. Кожаное крыло сѣдла, бывшее тутъ, поразило насъ своею отчетливою работою. Оказалось, что оно работалось тутъ же въ аулѣ. Рисунокъ арабесковъ былъ составленъ со вкусомъ далеко не азіатскимъ. Ихъ составлялъ киргизъ, работавшій кожаную часть сѣдла. Далѣе мы смотрѣли серебряныя вещицы, которыя подвѣшиваются на салкулэ. Увидѣвъ, что мы ничего не утащили и услыхавъ отъ Ибрагимова, что если бы мастеръ заплатилъ бы намъ даже дорого, то мы безъ платы ничего у него не возьмемъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ рѣшился показать намъ необычайный образецъ своего искусства.

Вскорѣ принесли богатый салкулэ, приготовленный мастеромъ для снохи старшаго султана. Это высокій пирамидальный головной уборъ въ аршинъ величиной, убранный серебромъ, золотомъ, бирюзою, переплетенный нитками жемчуга и длинными коралловыми подвѣсками. Цѣлый годъ работалъ, говорилъ мастеръ, удивляя насъ

уродливою колокольней, стоющей, впрочемъ, не менѣе 1000 р. с.

Изъ аула мы опять поднялись на гору, съ которой открылась долина Лепсы. Въ этомъ мѣстѣ она мнѣ очень напомнила крымскія рѣки. Самая рѣка обставлена высокими тополями; рѣка натащила въ свое русло множество голышей, которыхъ сѣрый цвѣтъ рѣзко отличается отъ осенняго цвѣта травы, растущей по долинѣ. Долина замыкалась высокими горами, большими предгоріями Алатау. Теперь, незакрытыя второстепенными предгоріями, онѣ казались очень высоки. Спускаясь въ долину, мы могли видѣть на покатостяхъ слѣды калмыцкихъ арыкъ и пашенъ. Немного ниже пошли пашни казаковъ и киргизовъ съ новыми арыками, наполненными бѣгущею въ нихъ водою.

Во многихъ мѣстахъ долины виднѣлись юрты, пріютившіяся у высокихъ тополей. Черный цвѣтъ юртъ показывалъ, что владѣльцы ихъ не Ротшильды. Около юртъ по широкой долинѣ бродили немногочисленныя стада. Мнѣ сказали, что это большею частью кочевья чала-казаковъ. Чала-казаками называютъ здѣсь метисовъ отъ туранцевъ и киргизъ. Прежде чала-казаки не платили податей. Достаточно было назваться чала-казакомъ и можно было жить совершенно спокойно, не тревожимымъ властями. Такое положеніе чала-казаковъ сдѣлало то, что подъ именемъ ихъ скрывалось много бѣглыхъ татаръ, даже солдатъ. Въ 1851 г. возбудился вопросъ о томъ, чтобы обложить чала-казаковъ податями, приписавъ ихъ къ киргизскимъ волостямъ. Вѣроятно, теперь число чала-казаковъ не будетъ увеличиваться. Понятно, почему чала-казаковъ было больше тамъ, гдѣ въ сосѣдствѣ горы, гдѣ можно было прятаться въ случаѣ нужды, съ надеждой, что власти не будутъ вѣкъ усердствовать. Оттого столько чала-казаковъ по долинѣ Лепсы.

Обѣдать мы остановились на заимкѣ [1]) казака Николаева въ выстроенной здѣсь хатѣ. Старушка хозяйка встрѣтила насъ съ чисто-русскимъ гостепріимствомъ и угостила на славу отличнымъ обѣдомъ. Я объѣлся тоже на славу, какъ подобаетъ человѣку, успѣвшему окиргизиться. Хатка Николаевыхъ выстроена у самой Лепсы, которая шумитъ, пробѣгая по каменьямъ. Вдали чернѣетъ обросшая лѣсомъ щель, изъ которой рѣка выбивается сквозь горы. Кругомъ широкая долина, обставленная со всѣхъ сторонъ горами. Хорошо и привольно.

— Хорошо у насъ было бы. Пашня есть; хлѣба рожаетъ много, и скота есть, и пасѣка меду приноситъ, и птицы вдоволь; сѣнокосъ хорошій и всѣмъ бы, кажется, хорошо; да вспомнишь про наше горе, такъ не смотрѣла бы на хозяйство.

— «А что у васъ случилось, хозяюшка?»

— Да сына убили, батюшка.

И старуха разсказала, какъ ея сына убилъ родной тесть Герасимовъ, представляя въ подкрѣпленіе своего мнѣнія весьма сильныя, основательныя и ясныя доказательства. Герасимовъ бросилъ потомъ молодого Николаева въ Лепсу и его сгнившее тѣло было найдено почти черезъ годъ недалеко отъ дома матери. Слѣдователь съ докторомъ хотѣли сорвать взятку съ матери за то, чтобы дать свидѣтельство на право хоронить сына! Какіе подлецы! Герасимова никто не обвинилъ. Онъ правъ, несмотря на грозныя улики, и продолжаетъ жить на свободѣ.

Часа въ четыре мы поѣхали далѣе Опять стали подниматься на трудную гору и ѣхали все горами до самой Лепсинской станицы. Когда мы въѣзжали на вершины холмовъ, намъ открывалась линія горъ, осыпанная снѣгомъ; спускаясь, мы касались долинъ то обрывистыхъ, то пологихъ. Внизу виднѣлись косогоры, долины, вер-

---

[1]) Хутора въ Сибири и въ степяхъ называются заимками.

шины горъ, словно волновавшееся и моментально застывшее море. Почти по всѣмъ пологостямъ и вершинамъ виднѣлись казачьи пашни, какъ желтыя заплаты на зеленомъ покровѣ. Въ одномъ мѣстѣ дорога идетъ по узкому гребню. Направо обнажается почти до основанія высокій хребетъ, а налѣво, постепенно понижаясь книзу, идетъ неровная всхолмленная покатость, испещренная пашнями. Это мѣсто очень красиво и должно быть еще красивѣе лѣтомъ, когда на горахъ нѣтъ снѣга, а горы и пашни покрыты свѣжею растительностью.

Солнце уже совершенно зашло, а мы все еще то взбирались на горы, то спускались съ нихъ. Взошла луна и освѣтила далекія горы. Вообще говоря, я люблю смотрѣть на нихъ во всѣхъ дневныхъ фазахъ. Я чувствую себя лучше физически и нравственно, когда могу любоваться на горныя громады, и теперь я съ дѣтски хорошимъ чувствомъ смотрѣлъ, какъ блестѣло и серебрилось на хребтѣ нѣсколько точекъ, какъ тонули во мракѣ ущелья, какъ отливалось свинцомъ нѣсколько граней. А кругомъ тянулись прогалины, возвышенія, впадины, кажущіяся бездонными отъ непосредственнаго прикосновенія синеватаго свѣта съ полной тѣнью.

Съ послѣдней вершины можно было различить внизу, въ долинѣ Лепсы, нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, и слышался оттуда лай. Это станица, но долго еще нужно было спускаться, чтобы услыхать то мелодичное журчаніе, съ которымъ текутъ горныя рѣки по своему ложу. Нѣсколько разъ мы переѣхали по рукавамъ Лепсы и проѣхали по мостикамъ; потомъ наша кавалькада вступила въ улицы большой станицы, надъ которой съ обѣихъ сторонъ поднимаются горы. Остальные члены нашей комиссіи еще не пріѣзжали, хотя ихъ ждутъ.

18-го октября. Сигизъ-бая отправили съ лошадьми къ султану, у котораго въ табунѣ остались лошади, взятыя

съ Лепсинскаго пикета, а казака Дмитрія удержали, потому что хотимъ проѣхать до Копала опять верхами по волостямъ.

Сегодня утромъ записывалъ впечатлѣнія нашего трехдневнаго путешествія, потому очень усталъ. Чтобы поразмяться, я поѣхалъ съ нѣкоторыми изъ членовъ комиссіи на высокія горы. Мы не доѣхали, конечно, и до половины предгорій. Горы покрыты прекраснымъ лѣсомъ, который безжалостно истребляется казаками.

Съ высотъ долина Лепсы съ правильно раскинутой посрединѣ ея большою станицею, съ разбѣгающимися по каменьямъ рукавами рѣки, съ красивымъ побочнымъ притокомъ, бѣгущимъ изъ глубокой горной щели, съ голыми, потерявшими листья, тополями, обставившими русло Лепсы, и съ противоположными горами, кажется очень и очень красивою. Какъ жаль, что мы не могли быть здѣсь лѣтомъ. Говорятъ, обиліе и разнообразіе цвѣтовъ здѣсь изумительныя. Горы, теперь покрытыя щетиною голыхъ деревьевъ, тогда зеленѣютъ богатою растительностью. Рѣка тогда полнѣе и живописно льется по бархатнымъ лугамъ.

Лепсинская станица или, какъ ее называютъ киргизы, Чубаръ-Агачъ [1]) едва-ли не самое цвѣтущее поселеніе въ степяхъ. Мѣстность, въ которой она лежитъ, чрезвычайно живописна. Плодоносная долина Лепсы шириною въ нѣсколько верстъ. Разбившись на нѣсколько ручьевъ, рѣка шумитъ, катя свою аквамариновую воду между высокихъ тополей. Кругомъ тѣснятся горы; на лѣвомъ берегу долины поднимаетъ высокіе пики главный хребетъ; направо возвышаются темныя предгорія, которыя мы переѣхали вчера. Станица весьма опрятна, велика и хорошо устроена. Богатство жителей находится

---

[1]) Чубаръ-Агачъ въ переводѣ значитъ смѣшанный лѣсъ. Такъ называлось урочище, на которомъ построена Лепсинская станица

въ зависимости отъ очень многихъ причинъ. Черноземная почва на предгоріяхъ не требуетъ иригаціи и безъ поливки, которая такъ затрудняетъ среднеазіатское земледѣліе, даетъ баснословные урожаи. Особенно хороши бываютъ урожаи проса, пшеницы и ярицы. Богатые сѣнокосы покрываютъ всю долину. Несмотря на безжалостное истребленіе лѣсовъ, которыми покрыты горы, дерева на постройки и топлива, вѣроятно, хватитъ еще на настоящее поколѣніе. Окрестныя горы обилуютъ всякаго рода дичью. Но всѣ эти богатства ничтожны по сравненію съ выгодами, доставляемыми жителямъ пчеловодствомъ. Лепсинскій медъ, благодаря обилію душистыхъ травъ и цвѣтовъ въ долинахъ, чрезвычайно ароматенъ.

Такъ какъ пчеловодству, по всѣмъ соображеніямъ, вѣроятно предстоитъ блестящая будущность въ нашихъ южныхъ степныхъ поселеніяхъ, то, можетъ быть, не лишнее привести краткую исторію развитія пчеловодства въ Томской губерніи, откуда оно и перешло въ степи.

Между 1764 и 1770 годами въ окрестности Усть-Каменогорской крѣпости были присланы на поселеніе крестьяне, которые жили сначала въ Россіи, но потомъ бѣжали въ Польшу, какъ придерживавшіеся старой вѣры. Во время войны противъ конфедератовъ бѣглецы были открыты нашими войсками и отправлены, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семействъ, на поселеніе въ южную Сибирь, гдѣ ихъ называли поляками. Близъ Усть-Каменогорска два такихъ поселенія: Бобровское и Секисовское. Въ 1776 году главный докторъ пограничныхъ войскъ, Беренсъ, осматривая военные госпитали, былъ въ этихъ двухъ селеніяхъ, жители которыхъ заявили ему о своемъ желаніи заниматься пчеловодствомъ, какъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Такъ какъ мѣстность, гдѣ расположены селенія, богата растительностью, то

въ 1777 году, по настоянію Беренса, привезены были изъ Башкиріи 30 колодъ пчелъ, которыя и розданы по рукамъ въ Бобровскомъ и Секисовскомъ селеніяхъ. Впрочемъ, ульи считались казенными, вслѣдствіе чего, несмотря на то, что въ первый же годъ каждая колода дала по три роя, пчелы погибли отъ излишняго и нерасчетливаго выниманія меда.

Въ 1792 году командиръ драгунскаго полка, квартировавшаго въ Усть-Каменогорскѣ, Аршеневскій, выписалъ изъ Оренбурга 50 колодъ пчелъ и, при помощи знающаго пчеловода, успѣлъ завести пасѣку. Успѣхъ былъ полный. Послѣ того Аршеневскій сталъ продавать пчелъ, а бѣднымъ изъ числа жителей Бобровскаго и Секисовскаго селеній, знакомымъ уже съ пчеловодствомъ, раздавалъ ихъ и даромъ. На этотъ разъ пчеловодство здѣсь привилось. Съ теченіемъ времени оно распространилось изъ Усть-Каменогорска по южной части Томской губерніи и въ степяхъ [1]).

Въ Лепсинскую станицу пчелы завезены съ бійской линіи казаками, пришедшими оттуда для ея заселенія. О выгодахъ, доставляемыхъ здѣсь пчеловодствомъ, можно судить по слѣдующему факту: казакъ, въ домѣ котораго стоялъ нашъ предсѣдатель, купилъ четыре года тому назадъ восемь колодъ пчелъ; онѣ роились такъ хорошо, что теперь у казака до 400 колодъ, дающихъ 150 пудовъ меда ежегодно.

Въ 1865 году пудъ меда стоилъ въ Лепсинской станицѣ 5 руб. сер.; пудъ воска — 14 руб. сер. Покупали оптомъ и въ раздробь русскіе купцы, татары и киргизы. Такъ какъ медъ составляетъ любимую приправу средне-азіатской кухни, то сбытъ его въ степяхъ всегда обезпеченъ. Несмотря на то, что въ станицѣ 500 домовъ

[1]) Первоначально заведено было пчеловодство около Томска и Кузнецка. См. статью г. Абрамова: «Устькаменогорскъ въ 1861 году», въ «Запискахъ И. Р. Географическаго Общества».

и почти каждый казакъ имѣетъ пасѣку, требованіе на медъ превосходило предложеніе. Такимъ образомъ, при небольшомъ трудѣ, благосостояніе жителей Лепсинской станицы было бы совершенно обезпечено, если бы не наша всероссійская язва—пьянство. «Пьяное это мѣсто Лепса—говорилъ казакъ Дмитрій, когда мы въѣзжали въ станицу — когда не пріѣдешь, все пѣсни да пѣсни, и поютъ тутъ по кабакамъ цѣлую ночь насквозь».

Какъ ни удобна для пчеловодства Чубаръ-Агачская долина, однако пчелы водятся еще лучше въ верховьяхъ рѣки Тентена, лежащихъ немного восточнѣе Лепсинской станицы. Одна старуха говорила мнѣ, будто на Тентенѣ дикія пчелы водились до прибытія сюда русскихъ; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что теперь онѣ держатся тамъ въ большемъ числѣ. Лепсинскіе казаки ѣздятъ туда брать рои и вырѣзывать медъ. Въ послѣднее время, въ ущельяхъ по долинѣ Тентена, завелись и казачьи пасѣки.

Лошадей ѣхать на Копалъ не достали. Оно и лучше. До того мѣста, гдѣ расположились не подданные кизяевцы, спасшіеся въ русскую территорію отъ китайской неурядицы, можно ѣхать по дорогѣ въ тарантасѣ. Здѣсь можно будетъ нанять верховыхъ лошадей и проводниковъ и двинуться волостями въ Копалъ. Въ Копалѣ, согласно нашему маршруту, мы должны пробыть нѣсколько дней.

19-го октября. Утромъ мы выѣхали изъ станицы Лепсинской, которая оставила самое пріятное впечатлѣніе. У поселенцевъ всего вдоволь и все подъ руками. Пашни даютъ богатый урожай; сѣнокосы тутъ же въ долинѣ; лѣсъ чуть не надъ головою; вода чиста и прозрачна; пчелъ множество, дичи тоже. Природа величественна. Чего-бы еще?—но этотъ избытокъ, какъ сказано выше, породилъ пьянство.

Верстахъ въ семи отъ станицы, Лепса поворачивается направо и прорывается сквозь предгорія очень узкою щелью. Нѣсколько дней тому назадъ мы ѣхали по Лепсѣ до входа ея въ предгорія. Отъ поворота Лепсы дорога начинаетъ волноваться. Мы безпрерывно поднимались и опускались съ холмовъ, разбросанныхъ безъ порядка между предгоріями и главнымъ хребтомъ. Наконецъ послѣ долгихъ хлопотъ мы добрались до р. Теректы, вырывающейся изъ главнаго хребта и впадающей слѣва въ Лепсу. Теректа небольшая рѣченка, но по громаднымъ валунамъ, валяющимся далеко отъ ея русла, по чертамъ, оставленнымъ высоко на окрестныхъ холмахъ ея бушующею поверхностью, можно думать, что весною она представляетъ непреодолимое затрудненіе къ переѣзду.

На Теректахъ была разбита юрта и насъ ждалъ самоваръ, поставленный П., пріѣхавшимъ первымъ. Послѣ завтрака мы съ Г—мъ объявили желаніе ѣхать верхомъ къ кизяевцамъ, почему наняли лошадей, а прочая публика отправилась въ тарантасахъ.

Страна, въ которой мы теперь находились, извѣстна въ Средней Азіи подъ именемъ Семирѣчья, Джиты-су. Семирѣченскій край граничитъ къ сѣверу балхашско-алакульскою низиною и озеромъ Балхашемъ, на юго-западѣ граница будетъ идти по рѣкѣ Илѣ, а на юго-востокѣ по джунгарскому Алатау. Въ очерченномъ пространствѣ протекаетъ семь рѣкъ, давшихъ названіе краю: Лепса, Басканъ, Сарканъ, Аксу, Біонъ, Караталъ и Коксу, изъ которыхъ каждая беретъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ сѣверо-западнаго склона Алатау. Караваны, слѣдующіе изъ Средней Азіи, разсчитываютъ, что между Балхашемъ и Алатау имъ надобно перейти въ бродъ семь рѣкъ, которыя во время таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ стремительные потоки, опасные для переправы. Такая характеристическая особен-

ность маршрута по странѣ, лежащей къ сѣверу отъ джунгарскаго Алатау, и заставила среднеазіатскихъ купцовъ отличить эту часть степей типическимъ именемъ Семирѣчья [1]).

Верхомъ мы ѣхали очень скоро. Мѣстность по сторонамъ была та же самая. Налѣво поднимался главный хребетъ, кажущійся теперь значительно меньшимъ, можетъ быть, потому, что мы отъ Теректовъ взяли вправо и отдалялись отъ горъ. Верстахъ въ десяти отъ Теректовъ на покатости одной горы мы увидѣли большой аулъ, разбросанный довольно живописно. Это одна изъ частей кизяевскаго рода, прикочевавшихъ въ наши предѣлы изъ Китая. Въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда въ щели между горами мы увидали султанскую ставку «урду», откуда, вѣроятно, происходитъ наше слово «орда».

Султана не было дома; онъ наканунѣ откочевалъ съ сотнею кибитокъ на Сарканъ. Старшая жена султана приняла насъ очень радушно и сейчасъ же послала за своимъ сыномъ, поѣхавшимъ осматривать табуны. Несмотря на сопротивленіе султанши, мы заставили ее взять три рубля за двухъ барановъ, которыхъ и просили зарѣзать. Пока же мы пили чай, болтая съ султаншей и телленгутами весьма дружелюбно. Потомъ мы ходили смотрѣть, какъ бабы бьютъ шерсть на кошмы и одарили ихъ мелкимъ серебромъ.

Наружность юртъ та же самая, какъ и у нашихъ киргизъ; только у нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли высокія пики — признакъ того, что кизяевцевъ не уходили еще крутыя горки. По возвращеніи къ султаншѣ, я сталъ разсматривать внутреннее убранство юрты. Все то же,

[1]) Рѣка Или въ счетъ семи рѣкъ не входитъ. Она во всемъ отлична отъ семи горныхъ рѣкъ, поименованныхъ выше. Или значительно шире всѣхъ, глубже, никогда не переходима въ бродъ и судоходна отъ китайскаго города Кульджи до озера Балхаша, т. е. на разстояніи около 700 верстъ.

какъ и у нашихъ зажиточныхъ киргизъ. Кошмы, токеметы, ташкентскія одѣяла разостланы также по полу. Противъ входа сундуки въ войлочныхъ чахлахъ поставлены другъ на друга горкою. Правѣе постель, устланная войлоками и бухарскими коврами. Еще далѣе разная утварь. Посреди юрты очагъ. Близъ него люлька грубой работы, въ которой, поднявши руки, упорно кричалъ ребенокъ. Когда мы пили чай, намъ подали медъ, сахаръ и блюдечки. Послѣднія были вынуты изъ погребца московской работы. На сундукахъ сѣдла китайскаго фасона. У очага, грѣя руки, сидѣли телленгуты, нѣкоторые въ весьма ободранныхъ костюмахъ; только лица ихъ были болѣе дики и смѣлы. Все остальное, какъ у нашихъ богатыхъ киргизъ. Изъ этого можно вывести заключеніе о томъ, въ какой степени на киргизъ воздѣйствовали законоположенія Сперанскаго. Если надъ постелью султана можно было разсмотрѣть длинную винтовку, а у юртъ его телленгутовъ длинныя пики, что не увидишь или увидишь весьма рѣдко у нашихъ киргизъ,—то отсутствіе оружія у нашихъ номадовъ есть результатъ ихъ сознанія, что оружіе для нихъ безполезно. Тутъ виноватъ не Сперанскій со своею идеализаціей, а военная сила русскихъ.

Около юрты или урды, дворца, султана разбросано съ пятокъ юртъ ближайшихъ телленгутовъ и работниковъ, остальные кизяевцы расположились на зимовку на мѣстахъ, указанныхъ имъ мѣстными властями. Самъ султанъ съ двумя младшими женами и сотнею юртъ поставленъ у Саркана, сынъ султана разбилъ свою юрту около матери; остальные выходцы стали по косогору верстахъ въ трехъ-четырехъ восточнѣе его.

Уже совсѣмъ стемнѣло, хотя мы пріѣхали часа въ четыре, а сына султанши все не было. Султанша просила насъ остаться ночевать въ ея юртѣ. Въ ожиданіи ея сына мы говорили съ ханымъ, женщиною, строго говоря,

очень умною. Она горько жаловалась на нашихъ карагирѣевцевъ, которые ограбили кизяевцевъ на пути отъ китайской границы. Также горько она жаловалась на матаевцевъ за безпрерывныя кражи. Потомъ она много разсказывала про дюнгеней.

Принесли приготовленную баранину; въ юрту на пиръ набралось много народу. Пока султанша рѣзала баранину, предварительно тщательно вымывъ свои и безъ того чистыя руки, младшій ея сынъ радостно объявилъ, что ѣдетъ его братъ. Вскорѣ послышались шаги лошади, и всѣ присутствующіе въ юртѣ, разумѣется кромѣ насъ, встали, очистивъ широкую дорогу отъ входа къ очагу. Нѣсколько человѣкъ приподняли войлочную дверь. Въ юрту вошелъ высокій и статный молодой человѣкъ очень красивой наружности. Здѣсь у мѣста замѣтить, что старые султанскіе роды имѣютъ типъ совершенно отличный отъ остальныхъ киргизъ. Мужчины большею частью очень красивы и напоминаютъ европейцевъ. Это убѣждаетъ въ вѣрности того, что всѣ султанскіе роды— младшая линія династій, царствовавшихъ и царствующихъ въ Бухарѣ, Хивѣ и Коканѣ. Здѣсь утвердилось потомство Чучія; другая часть его потомства, перемѣшавшись предварительно съ тюркскою кровью, вышла въ степь, гдѣ и властвовала до введенія въ дѣйствіе русскихъ законовъ.

Молодой человѣкъ, вошедшій теперь въ юрту, имѣлъ очень элегантныя манеры, будто воспитывался въ парижскихъ салонахъ. Онъ медленно, съ чувствомъ собственнаго достоинства подошелъ къ намъ и подалъ руку тогда, когда ему ее протянули, и потомъ сѣлъ между матерью и нами. Онъ былъ одѣтъ очень чисто. Руки были бѣлы и очень красивы. Это рѣшительно самый элегантный киргизъ, котораго я только видѣлъ.

Мы начали ужинать, хотя сынъ султана отказался отъ ѣды, отговариваясь болѣзнью. Кончивъ ѣду, мы

обратились къ молодому человѣку съ вопросами о житьѣ-бытьѣ кизяевцевъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ, какъ видно было, со знаніемъ дѣла, хотя безпрерывно повторялъ, чтобы мы заѣхали къ его отцу, онъ же, какъ молодой, неопытный человѣкъ, можетъ быть, и ошибается. Вотъ его разсказъ.

Большой кизяевскій родъ дѣлится на три подраздѣленія: Тлеуберды, Таныберды и Бэгумбетъ. При жизни дѣда молодого человѣка, отецъ послѣдняго, нынѣшній кизяевскій султанъ Ботаке-Абулфеизовъ, управлялъ только родомъ Тлеубердовъ, а уже послѣ смерти своего отца сталъ управлять всѣми. Младшій братъ Ботаке, Абетей, управляетъ родомъ Таныберды, а племянникъ, Сеидъ-Газы,—родомъ Бэгумбетъ. При главныхъ управителяхъ родовъ состоятъ вліятельные біи изъ народа въ качествѣ совѣтчиковъ. Каждая часть родовъ, состоящая изъ нѣсколькихъ ауловъ, управляется старшимъ родоначальникомъ; каждый аулъ — тоже.

Китайцы почти не касались до управленія. Чугучакскій Хебе-Амбанъ сердился каждый разъ на султана Ботаке-батыря, если послѣдній докладывалъ ему о чемъ нибудь. Въ случаѣ жалобъ другихъ родовъ и народовъ на кизяевцевъ Хебе-Амбанъ писалъ обыкновенно письмо къ Ботаке, прося его разыскать виновныхъ.—Мой отецъ,—говорилъ молодой человѣкъ—никогда не потакалъ ворамъ и разбойникамъ. При помощи народа онъ сейчасъ же разыскивалъ виновныхъ.—Когда Хебе-Амбанъ получалъ извѣстіе, что виновные найдены, то посылалъ въ урду чиновника, который совѣтовался съ Ботаке и рѣшалъ дѣло вмѣстѣ. За грабежъ въ подобныхъ случаяхъ налагался тяжелый штрафъ; а за убійство китайцы казнили. Старуха-султанша прибавила при этомъ случаѣ съ недоумѣніемъ: какая это справедливость, если вмѣсто правосудія и куна платить за смерть человѣка отнятіемъ жизни у виновныхъ?

Количество податей, взимаемыхъ съ китайскихъ киргизъ, опредѣлено очень давно договоромъ между Иженьханомъ (богдыханомъ?) и владѣтелемъ Средней Орды Аблай-ханомъ. Тогда было положено, что вся Средняя Орда будетъ платить ежегодно пекинскому двору тысячу лошадей. Изъ этого числа на долю кизяевцевъ приходилось десять лошадей.—Но, прибавилъ молодой султанъ,—если китайцы не брали съ насъ податей, то не давали никакой охраны. — Китайцы отняли у киргизъ и калмыковъ лучшія земли, поставили на нихъ пикеты, провели между ними дороги, но не защищали кизяевцевъ даже въ томъ случаѣ, если на нихъ нападалъ кто-либо. Въ случаѣ споровъ, междоусобій и кровавыхъ распрь съ кѣмъ-либо кизяевцы прикочевывали къ пикетамъ.

Кизяевцы кочевали на земляхъ оставшихся свободными послѣ истребленія манджурами большей части калмыковъ (въ 1758—1759 годахъ). Оставшіеся на своихъ земляхъ калмыки считались старшими во всемъ надъ кизяевцами, равно какъ въ дѣлѣ владѣнія землей. Такимъ образомъ, кизяевцы пользовались только тѣми землями, которыя оставались отъ калмыковъ, и свободными отъ нихъ сѣнокосами. Кизяевцы сѣяли хлѣбъ и больше просо; но перестали заниматься хлѣбопашествомъ уже три года, вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ. Мѣста, занимаемыя кизяевцами въ китайскихъ предѣлахъ, были обширны и привольны. Кочевали они очень покойно и хорошо. — Мы кочевали такъ хорошо, сказала султанша, что и сказать нельзя. Мы не можемъ вспомнить про наше прошедшее счастье безъ слезъ. — Зимовки были не постоянны, а располагались кизяевцы на мѣстахъ, гдѣ имъ указывали калмыцкіе старшины. Джутовъ никогда не было. Султанша присовокупила, что ей пятьдесятъ шестой годъ, а что она знаетъ что такое джутъ только по тому, который опустошилъ ихъ кочевья въ прошломъ году.

Никакихъ опредѣленныхъ податей кизяевцы не платили султану. Зато обычай дозволялъ брать султану все, что ему нравится.—«Ни одинъ кизяевецъ, говорилъ сынъ султана, никогда не отказывалъ своему султану, если послѣднему нравилась хорошая лошадь или какая вещь; это ужъ такой обычай».—По исковымъ дѣламъ, тяжбамъ и ссорамъ судъ и расправа производились въ каждомъ родѣ біями и хорошими людьми. Если искъ превосходитъ цѣнностью барана, о рѣшеніи дѣлъ біи докладываютъ султану. Въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣла вносятся на рѣшеніе султана. Въ такихъ случаяхъ біи и почетные люди собираются въ богатый аулъ, который былъ-бы въ состояніи выдержать пріѣздъ султана. Здѣсь рѣжутъ кобылъ и барановъ и приготовляютъ все къ пиру, на который зовется султанъ. Онъ пріѣзжаетъ, угощается и угощаетъ другихъ. По окончаніи празднества султанъ и важнѣйшіе біи собираются въ особенной юртѣ. Послѣдніе излагаютъ первому сущность дѣла. Тогда султанъ высказываетъ свое мнѣніе, которое, впрочемъ, иногда оспаривается и отвергается біями. Послѣ соглашенія дѣло рѣшается приговоромъ, который произносится султаномъ. За грабежи и убійство полагается штрафъ. Если бы нашелся кизяевецъ, который не сталъ бы исполнять приговора султана, то «всегда найдется достаточное количество хорошихъ людей», которые понудятъ его къ послушанію силою. Если кто-либо не слушаетъ біевъ, то къ повиновенію приводитъ султанъ [1]).

Школы у кизяевцевъ есть. Учителями въ нихъ татары, сарты (выходцы изъ Ташкента и вообще Турана). Самый лучшій учитель — киргизецъ, выходецъ изъ нашихъ степей и именно изъ Семипалатинска.

Муллами служатъ у кизяевцевъ ходжи (потомки Фатимы), доставшіеся имъ отъ отцовъ. Это нѣчто въ

[1]) Ханлыкъ и байлыкъ существуетъ, какъ у нашихъ киргизъ.

родѣ іудейскихъ левитовъ. Есть, впрочемъ, муллы изъ сартовъ.

Кизяевцы покупаютъ товары отъ купцовъ, пріѣзжающихъ изъ Чугучака. Русскій товаръ доходитъ къ нимъ черезъ сартовъ и нашихъ татаръ, пріѣзжающихъ къ нимъ въ волости. Продаютъ три аршина нашего ситца за барана. Иногда, впрочемъ рѣдко, ѣздятъ за товарами и въ Чугучакъ. Чаще же отправляются туда по какимъ-либо дѣламъ. Въ послѣднемъ случаѣ возятъ Хебе-Амбаню тарту, подарокъ, состоящій, по важности дѣла, изъ лошади и болѣе.

При султанѣ есть много телленгутовъ, собственность которыхъ отдѣлена отъ собственности султана. «Есть телленгуты богаче самого султана»,—прибавила старуха.— Это его опричники, совѣтники, домашніе люди, министры—все, что хотите. Телленгуты достались султану отъ прародителей и они не захотятъ отдѣлить судьбу свою отъ судьбы султана. Это понятно, потому что каждый ихъ произволъ и насиліе, вѣроятно, легитимируется волею султана.

Уже пятнадцать лѣтъ, какъ дунгене стали ссориться съ калмыками и вытаптывали другъ у друга пашни. Кизяевцы ничего про это не знали, какъ вдругъ получили отъ манджурскаго правительства приказаніе убивать всѣхъ дунгеней. На прошлый новый годъ, по принятому обычаю, восемь калмыцкихъ старшинъ важнѣйшаго происхожденія отправились въ Чугучакъ къ Хебе-Амбаню поздравить съ новымъ годомъ. Въ этотъ день дунгени, по предварительному заговору, бросились рѣзать манджуровъ и калмыковъ. Восемь старшинъ были захвачены дунгенями, но имъ дарована жизнь за обѣщаніе принять магометанство. Калмыки освободились, но не исполнили своего обѣшанія. Послѣ этого случая началась общая рѣзня. Калмыки и манджуры рѣзались съ дунгенями и нѣкоторыми киргизами.

Такимъ образомъ, при взятіи дунгенями Чугучака послѣдніе привлекли на свою сторону байджигитовъ обѣщаніемъ богатой добычи и просьбами помочь своимъ единовѣрцамъ.

Когда продолжительною борьбой манджуровъ съ дунгенями они взаимно себя ослабили тѣ и другіе стали подсылать къ кизяевцамъ пословъ съ требованіемъ помощи. Манджуры требовали помощи на основаніи права; дунгени говорили, что кизяевцы должны помогать имъ, какъ исповѣдующіе одну религію, за которую первые и дерутся. Кизяевцы, по словамъ разсказчиковъ, одинаково боялись тѣхъ и другихъ, потому лавировали всѣми силами. Наконецъ султанъ Ботеке предложилъ дунгенямъ и манджурамъ свое посредничество. Это предложеніе было принято. Враждующія стороны съѣхались на опредѣленное мѣсто. Переговоры только раздражали спорящихъ. При разъѣздѣ калмыки сдѣлали по кизяевцамъ залпъ и убили одного большого человѣка. Послѣ того калмыки нѣсколько разъ грабили кизяевцевъ. На этомъ основаніи старшины кизяевцевъ поѣхали соглядатаями въ русскую степь, а послѣ того въ наши предѣлы двинулись болѣе тысячи юртъ. На пути кара-гиреевцы сдѣлали чабаръ и отбарантовали болѣе 250 лошадей у кизяевцевъ. Султанъ Ботеке продолжалъ и послѣ того свое движеніе по нашей степи съ двумя стами юртами своихъ телленгутовъ и рабочихъ; остальные же остановились на границѣ, объявляя султану, что скорѣе готовы погибнуть отъ калмыковъ, чѣмъ умереть въ чужой сторонѣ отъ голода. Мѣстное начальство наскоро указало кизяевцамъ очень дурныя зимовки, а мѣстные киргизы усердно воруютъ кизяевскій скотъ, предполагая, можетъ быть, что они не знаютъ, какъ найти правосудіе. Очень можетъ быть, что это и счеты по прежнимъ барантамъ кизяевцевъ, пользовавшихся за свое пребываніе въ предѣлахъ Китая незавидною репутаціей

большихъ барантовщиковъ и грабителей нашихъ киргизъ.

Ботеке по прибытіи въ наши предѣлы подалъ прошеніе Колпаковскому о своей натурализаціи и просилъ для кизяевцевъ права поселенія въ нашихъ предѣлахъ. До его опредѣлительнаго отвѣта султанша обливается, какъ она говоритъ, слезами, вслѣдствіе неизвѣстности о судьбѣ кизяевцевъ. Ботеке и еще одинъ простой киргизъ его народа имѣютъ отъ китайцевъ синіе шарики. Въ 1846 году Ботеке пріѣзжалъ въ Омскъ къ генералъ-губернатору Горчакову и желалъ подчиниться съ кизяевцами. Онъ былъ съ Сиванъ-баемъ. Горчаковъ далъ имъ почетные халаты, объявилъ по Высочайшему повелѣнію покровительство Россіи и увѣрилъ, что они будутъ когда-либо присоединены къ Россіи; а до тѣхъ поръ просилъ жить смирно.

— Мы все ждали,—говорила султанша,—когда русскіе заберутъ насъ и исполняли приказаніе князя. Мы изъ Аблаевскаго рода; вы, русскіе, очень уважаете аблаевскій родъ, потому давно хотѣли уже перейти въ ваши предѣлы. Теперь насъ принудили къ тому тяжелыя обстоятельства. Султанъ, мой мужъ, проситъ вашего подданства, значитъ и всѣ кизяевцы должны придти сюда вслѣдъ за нами.

Молодой сынъ султана прибавилъ другое.

— До отхода къ Россіи, говорилъ онъ, матаевцы, будучи одного происхожденія, Аталыковскаго, съ кизяевцами, признавали власть нашего рода. Они и теперь не отказываются отъ того, что мы ихъ султаны?

Мы краснорѣчиво отвѣтили молчаніемъ на его недосказанный вопросъ.

Поздно вечеромъ мы улеглись спать. До тѣхъ поръ, покуда мы не завернулись въ одѣяла, султанскій сынъ не уходилъ въ свою юрту.

20-го октября. Рано утромъ мы попрощались съ семействомъ Ботеке и уѣхали по направленію къ Сарканскому поселенію. Молодой султанъ провожалъ насъ почти до самаго конца горъ. Онъ былъ весьма предупредителенъ съ нами. Мы ѣхали опять съ горы на гору.

Солнце едва всходило и обливало холоднымъ, но яркимъ блескомъ снѣговыя сопки, мимо которыхъ мы ѣхали. Направо, по временамъ, открывалась огромная долина Лепсы, замыкаемая на концѣ Арганатинскими горами, и опять туманъ. Видно не суждено охватить разомъ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ. А можетъ быть этотъ туманъ результатъ слишкомъ большой толщи воздуха, сквозь которую долженъ проходить лучъ зрѣнія?

Очень хорошъ былъ по временамъ видъ горъ, по которымъ мы ѣхали. Чуть замѣтными возвышеніями, постепенно понижающимися по мѣрѣ приближенія къ степи, шли онѣ на соединеніе съ долиной Лепсы, покрытой желтыми многоугольными пашнями, съ которыхъ было уже снято просо. Воздухъ былъ очень свѣжъ, даже холоденъ. Молодой султанъ попрощался съ нами при спускѣ съ горъ. Мы поѣхали шибче. Сами того не замѣчая, мы скоро были подъ горами, которыя толпились теперь и сзади, и сбоку. Мы ѣхали теперь по долинѣ, въ которой текутъ Басканъ и Саркалъ вмѣстѣ,— обѣ вырывающіяся изъ главнаго хребта. Долина была далеко открыта. На покатостяхъ горъ виднѣлись аулы, паслись стада. Еще далѣе впереди, будто подъ самыми горами, показались темныя крыши Сарканской станицы. Мы переѣхали вбродъ сперва Баскамъ, потомъ въ шести верстахъ далѣе Саркалъ, и, порядочно уставшіе, пріѣхали въ станицу. Отсюда сперва мы отправили наши тарантасы, приказавъ имъ ѣхать къ Арасанской станицѣ, гдѣ ожидать насъ, а потомъ поѣхали и сами.

Скоро намъ попались навстрѣчу кизяевскіе киргизы.

Отъ нихъ мы узнали, что султанъ Ботеке кочуетъ вправо отъ дороги, тамъ, гдѣ сошлись вмѣстѣ три холмика. Мы свернули съ дороги и поѣхали полями, сплошь вспаханными давно или недавно. Попадались слѣды и калмыцкихъ арыкъ. Вообще же нужно сознаться, что киргизы далеко не прочь отъ воздѣлыванія земли тамъ, гдѣ можно провести арыки, т. е. гдѣ успѣхъ жатвы гарантированъ. Такимъ образомъ, мы видѣли пашни по всѣмъ предгоріямъ, по берегамъ всѣхъ рѣкъ со значительнымъ паденіемъ. Такому развитію земледѣлія подъ Алатавскими горами способствуетъ также не мало толща чернозема, наносимаго потоками съ горъ въ долину.

Съ того времени, какъ мы въѣхали въ долину Баскана и Саркала, небольшіе предгорія и холмы пропадаютъ. Параллельно дороги тянутся съ этихъ поръ значительныя горы, которыхъ покатости, обращенныя теперь къ намъ, т. е. къ сѣверу, покрыты снѣгомъ. Вершины этого хребта довольно ровны, изъ-за него поднимаются болѣе высокія горы, а еще далѣе громоздятся другія громадныя горы, покрытыя густымъ снѣгомъ.

— По ту сторону этихъ горъ, — говорилъ проводникъ-киргизъ, — кочуетъ ужъ калмыкъ и на той сторонѣ его зимовки.

— «А сколько будетъ до горъ?»

— Прямой дорогой верстъ съ пятьдесятъ до высокихъ сопокъ; но прямо пройти нельзя; нужно ѣхать на Копалъ и Кульджу, а это будетъ около мѣсяца ѣзды.

Подъѣзжая къ аулу султана, мы видѣли множество рогатой скотины и барановъ, но юртъ не видѣли. Только подъѣхавъ ближе, мы могли разобрать, что всѣ юрты поставлены по глубокой прогалинѣ, скрывавшей ихъ совершенно.—«Такъ и видны разбойничьи ухватки», — сказалъ Г—ій. Около многихъ юртъ стояли высокія пики съ конскимъ хвостомъ подъ остріемъ. Прогалина дѣлала разные изгибы и намъ постепенно открывались

сперва дымящіеся верхи юртъ, потомъ и основанія ихъ. Женщины, болѣе благообразныя, чѣмъ наши киргизки, вѣроятно, вслѣдствіе примѣси калмыцкой крови, слѣдили за нами изумленными глазами. Мужчины съ дикимъ недоумѣніемъ останавливались, чтобы посмотрѣть на новый для нихъ видъ европейцевъ; собаки съ остервенѣніемъ цѣплялись за хвосты нашихъ лошадей.

— «Гдѣ урда? ставка?» спрашивали мы и намъ показывали движеніемъ руки далѣе. Урда, какъ оказалось, ничѣмъ не отличается отъ юртъ телленгутовъ. Въ серединѣ она довольно тѣсна и такъ же неопрятна, какъ у всѣхъ киргизъ. Но тутъ опять какая-то хитрая, безконечно длинная винтовка. На укахъ висѣло нѣсколько большихъ кусковъ сырой баранины. Султанша, т. е. жена полунезависимаго азіатскаго владыки, была чрезвычайно грязна; ея джавлукъ такъ же запятнанъ и неопрятенъ, какъ у всѣхъ киргизокъ. Ребенокъ, котораго она держала въ рукахъ, тяжело сопѣлъ и вздыхалъ,— онъ былъ боленъ и все лицо осыпано струпьями грязнаго вида. Султанша извинилась, что ея мужа нѣтъ дома; онъ уѣхалъ на встрѣчу сенаторовъ, посланныхъ изъ Петербурга. Мы посидѣли немного и поѣхали къ Караджолъ, къ колесной дорогѣ.

Подъѣзжая къ послѣдней, мы увидали кочующихъ джетаковъ. Двѣ юрты, судя по кругамъ чечараковъ, были навьючены на одну лошадь и три коровы. Еще одинъ волъ несъ багажъ цѣлыхъ двухъ семей. Молодая женщина съ винтовкой въ рукѣ пряталась за одну изъ коровъ, другая женщина, почти нагая до пояса, со страхомъ сгоняла при помощи мужа свою скотину съ нашей дороги. Около шло нѣсколько дѣтей въ самыхъ фантастическихъ тряпкахъ. Одинъ мальчикъ смѣло маршировалъ въ широчайшихъ сапогахъ, но другого чего-либо, чтобы прикрыть свою наготу, у него не было. Онъ былъ совершенно нагъ. Какъ только мы заговорили съ

джетаками по-людски, они ободрились и стали, по своему обыкновенію, чрезвычайно сообщительны. Они намъ разсказали, что кочуютъ, что тутъ все ихъ имущество что ихъ ограбилъ батырь Танеке, а что джутъ прошлаго года дорѣзалъ окончательно.

— «Кто это такой Танеке?»

— Знаменитый батырь, извѣстный по всей степи! — отвѣчали бѣдные джетаки, не безъ уваженія произнося такое сужденіе о своемъ грабителѣ.

Мы дали имъ серебра.

— Вотъ лошадь, говорила старшая женщина, не зная что и начать отъ радости,—хорошая лошадь: цѣлый мѣсяцъ въ подводахъ ходила; теперь только получили назадъ.

— «А это что за женщина, которая прячется за корову со службою въ рукахъ?»

— Это жена нашего брата; онъ ушелъ впередъ.

— «Прощайте, добрые люди! Хошъ!»

Мы поѣхали; когда я обернулся назадъ, то увидѣлъ, что все семейство съ коровами и лошадью собралось въ кучу любоваться четырьмя полученными двугривенными. Тутъ, вѣроятно, теленокъ воспользуется занятымъ вниманіемъ публики, чтобы высосать у матери часть обѣда двуногихъ, что онъ не разъ порывался дѣлать, когда джетаки были заняты разговоромъ съ нами.

Недалеко оттуда насъ ждала парадная юрта: тутъ мѣняли лошадей у нашихъ экипажей. Мы однако, отблагодарили указного муллу, разбившаго эту юрту, чтобы имѣть возможность переночевать въ аулѣ. А кстати, лѣвѣе и правѣе дороги виднѣлось множество стадъ и было разбросано много ауловъ. Мы проѣхали сквозь нѣкоторые изъ нихъ, но боялись тутъ остановиться, потому что недалеко была резиденція волостного управителя и другой служебной и неслужебной аристократіи. Верстахъ въ пяти оттуда мы встрѣтили большой табунъ

лошадей, принадлежащій какому-то киргизу. Табунщикъ проводилъ насъ въ маленькій аулъ, лежащій недалеко оттуда, въ юрту одного бія. Хозяинъ пояснилъ, что у нихъ зимовки въ горахъ и что онѣ хороши.

Чѣмъ больше узнаешь хозяйство киргизъ, тѣмъ больше убѣждаешься, что оно весьма сложно. Тотъ, кто не вникалъ въ это хозяйство, надѣлаетъ тысячу глупостей или промаховъ, если посмотритъ на необозримыя поля и скажетъ, что у аула, кочующаго на этихъ поляхъ, слишкомъ много земли, что можно, не стѣсняя киргизъ, поселить, напр., тутъ казаковъ. Оно и кажется такъ; только какъ приглядишься къ дѣлу, такъ приходятъ въ голову другія мысли: киргизскія степи, говоря вообще, несоизмѣримо безплоднѣе русской земли. Положимъ, что количество сѣна, растущаго на нашей десятинѣ, можетъ прокормить извѣстное число коровъ, то, полагая здѣшнюю почву вдесятеро безплоднѣе, выйдетъ, что на десятинѣ киргизской земли можно прокормить одну десятую этого числа коровъ; иными словами, для того же количества скота въ киргизской степи требуется вдесятеро болѣе земли. Подобная безплодность требуетъ и вдесятеро болѣе силъ для скошенія потребнаго количества сѣна, а, принявъ въ соображеніе, что у киргизъ болѣе скота, чѣмъ у русскихъ, станетъ яснымъ и необходимость для киргизъ, при настоящемъ хозяйствѣ, въ большихъ земляхъ и почти невозможность косить сѣно при сколько-нибудь сносномъ хозяйствѣ, — я не говорю уже большомъ. Бѣдняки же имѣютъ возможность гарантировать себѣ остатокъ своего имущества покосомъ сѣна. Оттого имъ нужны другого сорта зимовки. Имъ необходимы луга и незначительныя по величинѣ земли.

Хозяинъ юрты, въ которой мы теперь находились, послѣ дружелюбнаго начала, вдругъ сталъ прикрываться хвостикомъ. Скоро оказалось, въ чемъ дѣло. Ибраги-

мовъ передалъ, что сзади хозяина присѣлъ подводчикъ, который, отвезя наши тарантасы и возвращаясь домой, заѣхалъ въ тотъ аулъ, гдѣ мы находились. Онъ заподозрѣлъ, что мы принадлежимъ къ числу «сенаторовъ», ѣдущихъ по степи и разспрашивающихъ обо всемъ киргизовъ, и потому просилъ хозяина быть поосторожнѣе.

Замѣтивъ, что хозяинъ начинаетъ лгать, мы прочли ему рацею въ родѣ слѣдующей. Покуда богатые киргизы будутъ скрывать правду и лгать, участь всѣхъ бѣдныхъ киргизъ и ихъ, богачей, не можетъ быть улучшена. Начальство естественнымъ манеромъ можетъ принимать ложь богачей за сущую правду, слѣдовательно, должно заключить, что киргизскій народъ благоденствуетъ. Такая ложь преступна; потому Богъ и посылаетъ на богатыхъ джуты, болѣзни и все, чего они вполнѣ заслуживаютъ. Къ тому же богачи изъ киргизъ вмѣсто помощи, которую имъ слѣдовало бы подавать бѣднымъ, обираютъ ихъ, заставляютъ ихъ почти исключительно на себѣ нести повинности, выставлять подводы. Въ юртѣ было много, когда мы говорили. У бія на морщинистомъ лбу выступилъ крупный потъ; а нѣсколько оборвышей, неподвижно грѣвшихъ руки у очага, стали съ удивленіемъ поглядывать на насъ, а потомъ поддакивать нашимъ словамъ.

Когда мы ѣли баранину, я подалъ первый, т. е. почетный кусокъ баранины самому оборванному киргизу. Бій только моргнулъ глазами.

21-го октября. Рано утромъ выѣхали къ Абакумовскому пикету. Одинъ киргизъ провожалъ насъ до брода черезъ Аксу, которая разливается нѣсколькими рукавами по своему руслу. Паденіе рѣки очень велико и весною она, говорятъ, едва переѣзжаема. Вода въ ней, какъ и въ большей части рѣкъ, берущихъ начало въ вѣчныхъ

снѣгахъ или такихъ, которые постепенно таютъ въ горахъ, аквамариноваго цвѣта.

Таковъ цвѣтъ всѣхъ рѣкъ Ломбардіи, берущихъ начало въ Альпахъ. Теперь мы въ самой серединѣ Семирѣченскаго края, богатаго скотомъ, потому что у киргизъ есть отличныя зимовки въ горахъ; богатаго пахотью, благодаря чернозему, смытому съ горъ; богатаго рѣками и ручьями съ чистою студеною водою.

Рано утромъ мы пріѣхали на Абакумовскій пикетъ. Этотъ пикетъ названъ Абакумовскимъ въ честь подполковника Абакумова, командира 10-го казачьяго полка и бывшаго нѣкоторое время военно-окружнымъ начальникомъ Копальскаго округа. Когда русскія войска, переваливъ черезъ предгорія Алатавскаго хребта, основали, въ 1849 г., Копальское укрѣпленіе, необходимо было отыскать удобное и некружное сообщеніе между долиною Копалки и Семирѣченскимъ краемъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ Западной Сибири, генералъ Гасфордъ, поручилъ командиру 10-го казачьяго полка, подполковнику Абакумову, разыскать этотъ путь. Его приказаніе было исполнено самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Нужно замѣтить, что верстъ за пятнадцать не доѣзжая до Абакумовскаго пикета предгорія Алатака понижаются и протягиваются ниже подъ именемъ Каратава (тау). Здѣсь въ одномъ мѣстѣ незначительный ручей, текущій въ Аксу, промылъ глубокую щель, которая была разработана Абакумовымъ и обращена въ удобную почтовую дорогу. Главный же хребетъ отбѣгаетъ къ югу. Мы позавтракали на пикетѣ. Абакумовъ, чтобы поддержать свою честь, пожертвовалъ пикету мебель, отчего онъ сталъ довольно удобенъ для ночевокъ проѣзжающихъ.

Съ пикета мы стали быстро подниматься на горы. Сперва мы ѣхали по щели, обставленной все выше и выше поднимающимися горами. На нѣкоторой высотѣ

дорога, полотно которой сложено мѣстами изъ плитняка, начинаетъ подниматься зигзагами. По бокамъ обрывисто поднимаются скалы, состоящія изъ глинистаго сланца. При каждомъ поворотѣ дороги скалы сдвигались впереди одна за другую, какъ театральныя кулисы. Узорчатыми зубцами висѣла на нихъ оторочка изъ поломанныхъ сланцовъ. Послѣдніе то показывали свою плоскую поверхность, треснувшую въ разныхъ направленіяхъ по прямымъ линіямъ, почти одинаково расположеннымъ, и тогда казалось, будто вся каменная высокая стѣна сложена изъ правильно обточенныхъ каменьевъ; то сланцы поворачивались ребромъ къ дорогѣ, показывая тонкіе слои разнаго цвѣта, тянущіеся параллельно другъ другу. По сторонамъ подъема журчалъ ручей, смывающій, какъ видно по произведеннымъ починкамъ, весьма часто полотно дороги, когда онъ усиливается весенними водами. Наши лошади звонко ступали по полотну дороги и эхо повторяло ихъ шаги въ узкой щели. По дорогѣ тянулись обозы какого-то купца, попадались верховые киргизы, навьюченные верблюды. Однимъ словомъ, перевалъ, какъ единственный удобный доступъ въ горы и Большую Орду, очень оживленъ.

Перевалъ названъ генералъ-губернаторомъ Гасфордтомъ Гасфордовскимъ; эта смѣшная фанфаронада извинительна, если вспомнить заслугу, оказанную проведеніемъ удобнаго пути. Гасфордовскій перевалъ очень красивъ. Его красотѣ содѣйствуетъ цвѣтъ сланцовъ, вѣроятно, окрашенныхъ охрою, потому что они кирпичнаго цвѣта. Мѣсто дико, но очень красиво. Поднявшись наверхъ, видишь, что горы, въ щели которыхъ проложена дорога, наверху покрыты дерномъ. Только кое-гдѣ изъ-подъ него торчатъ острые зубья, состоящіе изъ слоистыхъ пластовъ, поставленныхъ на ребро.

Съ вершины Каратау открывается знакомый уже мнѣ

видъ на степь съ Арганатинскими горами, рисующимися, какъ синее облако, на концѣ горизонта. Это, если посмотрѣть назадъ; впереди же поднимается громадный Алатавскій хребетъ со множествомъ пикъ и вершинъ, прячущихся другъ за друга. Между Каратау и главнымъ хребтомъ лежитъ глубокая долина, по которой течетъ Біонъ.

Мы не поѣхали по торной дорогѣ, а взяли вправо, чтобы проѣхать старою караванною дорогою. Послѣдняя идетъ по уваламъ и покатостямъ, опускаясь все ниже къ долинѣ Біона. Намъ можно было видѣть очень далеко до самой долины и до горной стѣны Алатава. Тамъ, далеко на его покатостяхъ, видны были какія-то темныя кучки, — это стада пасущихся овецъ. Горы не были теперь закрыты ни одною высотою или подъемомъ мѣстности и рисовались отчетливо передъ нашими глазами во всей своей разнообразной высотѣ. Нѣкоторыя вершины казались похожими на правильныя пирамиды; другія казались большими, длинными палатками; третьи поднимались будто куполы, блестящія, точно посеребряныя; четвертыя оканчивались острыми зубьями, какъ щетина, торчащими на самомъ верху. Сверху бѣжали покатости по террасамъ и уступамъ, поддерживая обширныя поляны, блестящія снѣгомъ; то онѣ шли длинными отрогами, раздѣленными глубокими оврагами; то состояли изъ массы постепенно понижающихся горъ, которыхъ разнообразныя вершины падали ниже и ниже, проектируясь одна на другой. Одинъ отрогъ былъ особенно интересенъ. Отъ самой вершины тянулась длинная покатость, острая грань которой, поворачивая въ стороны и загибаясь, давала много отроговъ. Каждая изъ послѣднихъ разнообразно изгибалась и, показывая свой острый перевалъ, пускала внизъ новыя отрасли. Все вмѣстѣ походило на многоперстныя лапы или на вѣтвь гигантской сосны съ ея подраздѣленіями, висящими книзу. Всѣ покатости горъ, обращенныя къ сѣ-

веру, были покрыты снѣгомъ, а тутъ же рядомъ другія покатости, обращенныя на востокъ или западъ, были совершенно темны. Отъ этого грани, обращенныя къ сѣверу, особенно рѣзко замѣтны, благодаря яркой бѣлизнѣ вершины и полной тѣни покатостей, прикасающихся къ грани. По склонамъ, на снѣжныхъ поляхъ, въ глубокихъ ущельяхъ и на вершинахъ лежали мѣстами дремучіе хвойные боры. Надъ слабо покрытыми снѣгомъ горами поднимались другія вершины, болѣе бѣлыя, а изъ-за нихъ выглядывали главныя вершины Алатавскихъ горъ, достигающія огромной высоты 12.000—14.000 футъ.

Недалеко отъ вершинъ Каратау мы заѣхали, чтобы выкурить трубки, въ юрту телленгутовъ какого-то султана, пасшихъ его скотъ.

— «Что вы получаете за пастьбу?»—спросили мы.

— Что дадутъ. Когда попросимъ лошадь, а когда и барановъ. Султанъ намъ не отказываетъ, потому что у него много скота.

— А если у султана выпадетъ скотъ, какъ онъ тогда заплатитъ за работу?—подумаешь про себя, слушая этихъ людей.

Вообще говоря, работники изъ киргизовъ, кромѣ горныхъ заводовъ и минеральныхъ пріисковъ, гдѣ имъ платится опредѣленная плата, нанимаясь на работу, не просятъ опредѣленной цѣны за свой трудъ. Что, молъ, дадутъ, то и будетъ. Отъ отсутствія задѣльной платы цѣны на всѣ потребности не могутъ быть опредѣленны и правильны. Оттого же намъ случилось видѣть въ Каркаралахъ семейство джетаковъ, пасущихъ скотъ станицы за крынку молока, которая имъ отпускалась ежедневно, какъ милость.

Хозяйка юрты, смазливая киргизка, оказалась очень бойкой бабенкой. Она поочередно ощупывала и осматривала всѣ наши вещи и всѣ части костюма.

Отъ юрты дорога идетъ круто книзу и, наконецъ, входитъ въ глубокое ущелье, размытое протокомъ, сухое ложе котораго усыпано мелкимъ щебнемъ, будто дорожки въ Англійскомъ паркѣ. Мы ѣхали по этому ложу довольно долго. По сторонамъ нависли сланцевыя скалы, казавшіяся мѣстами малиновыми отъ окрашивающей ихъ охры. Дно ручья идетъ зигзагами. Мы ѣхали шагомъ и я любовался дикими красотами ущелья, открывающимися въ разнообразной формѣ съ каждымъ шагомъ нашихъ лошадей.

Выѣхавъ изъ ущелья, можно видѣть уже гранитные валуны, разбросанные по долинѣ Біона. Здѣсь кончается Каратау—Черныя горы, названныя такъ, вѣроятно, потому, что темно-малиновые сланцы, торчащіе по бокамъ ихъ, даютъ имъ черный цвѣтъ. Въ долинѣ Біона Каратауская покатость совершенно безъ снѣга; другая же высота, поднимающаяся на противоположной сторонѣ рѣки, хотя и ниже Каратау, но какъ обращенная къ сѣверу, покрыта снѣгомъ сверху до низу.

Въ Арасанскомъ выселкѣ насъ ждали тарантасы и люди. Какъ только мы пріѣхали, я отправился выкупаться въ сѣрномъ Арасанскомъ источникѣ [1]). Зданія водъ, довольно бѣдныя, выстроены недалеко отъ станицы. Около разбитъ маленькій садикъ. Сюда уже начинаютъ съѣзжаться лѣтомъ больные, конечно, изъ числа служащихъ въ степи русскихъ. Въ водѣ заключаются сѣрнистые углекислые газы. Температура ключа + 28 по Реомюру. Говорятъ, что лѣтомъ минеральный ключъ изобилуетъ ужами и лягушками, - сосѣдство, какъ можно думать, не особенно пріятное для купающихся. Несмотря

[1]) По разложенію доктора Залуговскаго, оба арасанскіе ключа одинаковы и состоятъ изъ сѣрнистаго газа, сѣрной кислоты въ свободномъ состояніи, угольной кислоты, сѣры, кремнезема, сѣрнокислыхъ: магнезіи, натра, кали, хлористаго магнія, кальція и хлористаго натрія. См. Арасанскіе минеральные ключи въ Семипалатинской области. Н. Абрамова. Изданіе географическаго общества 1858 года № 6.

на холодную погоду, несмотря на то, что отъ Арасана намъ нужно было ѣхать далѣе въ тарантасѣ, я рѣшился идти выкупаться въ сѣрный источникъ. Самый источникъ глубиною до одного и три четверти аршина. Опаловый цвѣтъ минеральной воды очень красивъ; газы выходятъ безпрерывно на поверхность въ видѣ пузырьковъ, распространяя запахъ сѣрнистаго водорода. При внѣшней температурѣ въ $1,5^0$, термометръ, опущеный въ источникъ, показалъ $25,5^0$. Я опустился въ аквамариноваго цвѣта ванну, грубо обложенную кусками плитняка. Съ деревянной лѣсенки поднялось множество грязи и замутило воду. Послѣ купанья я очень боялся простудиться, потому что совершенно неожиданно сталъ дуть довольно холодный вѣтеръ.

На нашей квартирѣ я засталъ кучу киргизъ, которые пришли жаловаться на казаковъ Арасанскаго выселка. Киргизы говорили слова не совершенно ясныя. Видно, что они не уяснили себѣ ту жалобу, которую они хотѣли принести. Казаки тоже принесли писанную просьбу на киргизъ, отъ которыхъ имъ нѣтъ житья. Просьба тоже несообразная. Одно ясно и вѣрно антагонизмъ между казаками и киргизами не только тутъ замѣтенъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но даже онъ обрисовывается весьма крупнымъ образомъ.

Здѣсь мы сѣли въ тарантасы, чтобы ѣхать далѣе къ Копалу. Дорога идетъ по гранитнымъ валунамъ и длиннымъ плитамъ горныхъ породъ, вылѣзшимъ изъ-подъ земли. Мы часто поднимались и спускались съ горъ. Съ Балхаша дулъ холодный, сырой вѣтеръ. На высочайшей вершинѣ показалось облачко, будто приклеенное своимъ концомъ къ горѣ и протянувшееся параллельно землѣ. Вскорѣ закурились всѣ вершины и скрылись подъ туманомъ: тамъ свирѣпствовалъ буранъ.

На половинѣ пути къ Копалу отъ Арасанской станицы лежитъ Сухой логъ, гдѣ, вслѣдствіе крутизны,

ломается множество экипажей. У этого лога мы встрѣтили три почтовыя тройки, которыя везли китайцевъ. Переднiй, въ синемъ шелковомъ платьѣ, глупо улыбался, смотря на насъ. У Сухого лога валялся свѣжiй трупъ лошади—свидѣтель тѣхъ мукъ, которыя выдерживаютъ лошади, поднимая экипажи въ гору.

Недалеко оттуда открывается долина Джонке, извѣстная у киргизовъ, какъ одно изъ лучшихъ мѣстъ для зимовокъ во всей степи. Въ особенности дорога для киргизъ гора Баянъ-Джурекъ, знаменитая своими зимовками. Въ долинѣ между предгорiями Алатава и Баянъ-Джулекомъ лѣтомъ превосходная прохлада и нѣтъ совершенно насѣкомыхъ. Зимою сильный вѣтеръ съ Балхаша сдуваетъ весь снѣгъ и открываетъ всю траву для скота. Это золотое дно киргизовъ. Мы прiѣхали въ Копалъ ночью.

22-го октября. Записывалъ цѣлый день въ эту книгу все, что бросилось въ глаза съ 18-го числа, и не выходилъ изъ дому.

Хозяинъ дома, Нигметъ-Ула, разсказывалъ кое-что про Китай, который онъ знаетъ основательно. Между прочимъ онъ выразилъ мнѣнiе, что Кульджа взята дунгенями.

— Вамъ, вѣроятно, попадались ѣдущiе китайцы по пути къ Арасанской станицѣ; знаете, кто это были? — Это не болѣе, не менѣе, какъ кульджинскiй дзянь-дзюнь со своею свитою. Мнѣ знакомы обычаи китайцевъ. Дзянь-дзюнь или намѣстникъ такое важное лицо, что, согласно этикету, никуда не выйдетъ безъ ста человѣкъ свиты.

— «Какъ же онъ прiѣхалъ сюда съ однимъ адъютантомъ и двумя прислужниками; въ особенности въ то время, когда не только всей Иллiйской губернiи, но даже самой Кульджѣ грозитъ серьезная опасность отъ дунгеней?»

— Я иначе не могу себѣ объяснить это, какъ паденіемъ Кульджи и тѣмъ, что дзянь-дзюнь спасся бѣгствомъ въ наши предѣлы. Это еще подтверждается другимъ обстоятельствомъ. Дзянь-дзюнь выѣхалъ изъ Кульджи совершенно безъ денегъ, такъ что взялъ на проѣздъ серебра изъ числа 150 пудъ, которые везлись изъ Хобдо въ Кульджу, и такъ какъ послѣдняя была окружена дунгенями, то 150 пудъ серебра и ждали на нашемъ Коксуйскомъ пикетѣ. Изъ этого серебра дзяньдзюнь взялъ 10 ямбовъ (теперь по курсу 110 р. каждый). Я былъ переводчикомъ при дзянь-дзюнѣ, покуда онъ былъ въ Копалѣ. Онъ говоритъ, что ѣдетъ въ Семипалатинскъ и Омскъ просить помощи. Когда же ему сказали, что безъ просьбы Пекинскаго двора и приказанія императора никто не можетъ дать помощи китайцамъ, онъ отвѣтилъ, что депеша съ просьбой о поданіи помощи послана уже изъ Пекина въ Петербургъ. Дзянь-дзюнь былъ въ собраніи и вообще былъ очень доволенъ пріемомъ, который ему сдѣлали. Это, впрочемъ, не настоящій дзянь-дзюнь. Онъ по чину и мѣсту Хебе-Амбань, но послѣ смерти стараго дзянь-дзюна ему поручено исправлять его должность. Онъ молодъ, лѣтъ сорока будетъ; его быстрая карьера объясняется тѣмъ, что онъ сынъ очень сильнаго человѣка и министра въ Пекинѣ. Вмѣсто себя онъ оставилъ въ Кульджѣ, какъ говоритъ, генерала. И это онъ, какъ кажется, вретъ. Должно быть, манджуръ вырѣзали.—Какъ вы думаете? Что теперь будетъ въ западномъ Китаѣ? — закидалъ насъ разсказами и вопросами словоохотливый хозяинъ.

— «Не знаемъ».

— Конечно, трудно сказать; однако, я думаю, что дунгени не могутъ управлять странами, которыя они отняли у манджуръ. Я одной съ ними вѣры, однако всегда это скажу. Нашъ братъ, точеная голова, неспо

собенъ управлять безъ посторонней помощи. Въ Ташкентѣ не было порядка, покуда не вмѣшались русскіе, и тутъ до тѣхъ же поръ не будетъ порядка и никогда не возникнетъ торговля. Отъ дунгенскаго возстанія страдаетъ вся степь; торговли теперь нѣтъ и больше никогда и не будетъ, если станутъ управлять дунгени. Они заносчивы и сейчасъ же хватаются за ножи при малѣйшей ссорѣ. Когда въ Кульджѣ еще былъ Захаровъ, выходили часто нехорошія исторіи между нами, русскими купцами и дунгенями. Купишь скотъ или чай, сейчасъ дунгени подскочатъ и станутъ кричать, зачѣмъ хочешь увозить товаръ изъ ихъ страны. Захаровъ всегда просилъ въ этихъ случаяхъ промалчивать и не подымать ссоръ съ ними.

— Теперь, вслѣдствіе китайскихъ и ташкентскихъ дѣлъ, у всѣхъ здѣшнихъ купцовъ накопилось множество серебра, которое мы не знаемъ, куда дѣть. Три года тому назадъ ямбъ (4½ фунта чистаго серебра) ходилъ 200 рублей; а теперь, хотите отдамъ сколько угодно за сто. И когда конецъ будетъ всему этому, мы не знаемъ. А тутъ еще киргизская торговля идетъ очень дурно. Киргизы долговъ не отдаютъ, а власти купцовъ не защищаютъ.

Около обѣда пришелъ къ намъ Ботеке Абулфеизовъ, батырь, кизяевскій султанъ, пріѣхавшій въ Копалъ съ Г. Мы его разспрашивали про разныя разности, чтобы повѣрить слова его старшей жены и сына.

Султанъ Ботеке доказывалъ послѣ свою давнишнюю преданность Россіи и свою всегдашнюю готовность и желаніе поступить въ наше подданство. Онъ показывалъ на свой бархатный халатъ, обшитый галунами, подаренный ему Горчаковымъ, какъ на знакъ того, что его понимало правительство. Каждое слово султана клонилось, впрочемъ, къ тому, чтобы мы хлопотали объ отводѣ ему и кизяевскому роду земли, такъ что подъ конецъ

мы должны были пояснить ему нѣсколько разъ, что это не наше дѣло.

23-го октября. Были у насъ нѣсколько купцовъ, которые доказывали наперерывъ, что торговля съ киргизами стала едва возможна, вслѣдствіе того, что купеческій капиталъ ничѣмъ не гарантированъ. Бывшій окружной Шепемы, вмѣсто содѣйствія торговлѣ, не только бралъ постоянно сторону киргизовъ, но подговаривалъ ихъ иногда не платить купцамъ. Оттого киргизы, отговариваясь джутомъ прошлаго года, не платили купцамъ ничего.

Безъ всякаго сомнѣнія, татарскіе купцы, дерущіе за все вдесятеро съ киргизъ, стоятъ того, чтобы послѣдніе изрѣдка пощелкивали ихъ, но развитіе торговли невозможно въ степи, если кредитъ не будетъ огражденъ отъ насилій.

— Какъ же сдѣлать, чтобы вашъ капиталъ былъ бы огражденъ отъ насилій? спрашивали мы у купцовъ.

— «Уничтожьте приказъ; онъ одинаково парализуетъ наши силы, какъ обираетъ киргизъ. Послѣдніе сами по себѣ рѣдко мошенничаютъ. Они исправные плательщики; нужно только, чтобы въ случаяхъ взысканій судъ біевъ не терялъ бы силу, вслѣдствіе вмѣшательства приказа и чиновниковъ».

Мысль, выраженная такъ опредѣлительно, подходитъ подъ сумму всѣхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ киргизской жизнью.

Послѣ обѣда ходилъ смотрѣть городъ. Копалъ лежитъ у подошвы джунгарскаго Алатау, на плоскогоріи въ 3.200 футовъ абсолютной высоты. По близости протекаютъ рѣчка Копалка и ручей Тамбичулакъ. Копалъ основанъ въ 1849 г. съ тою цѣлью, чтобы поддерживать порядокъ въ Большой ордѣ, подчинившейся три года тому назадъ. Первоначально на-

селеніе состояло изъ двухъ сотенъ казачьяго полка, который подполковникъ Абакумовъ привелъ съ бійской линіи [1]). Потомъ въ новой станицѣ поселились разночинцы, татары и ташкентцы. Въ 1854 году Копальская станица переименована въ городъ, большой и чистый для степи. Казачья слобода, разбросанная на лѣвомъ берегу Тамчибулака, велика и опрятна; только обиліе сазовъ (горныхъ болотъ), образовавшихся посреди самой станицы, производитъ упорныя лихорадки. Крѣпостца лежитъ за городомъ и болѣе чѣмъ сильна для степей и такихъ непріятелей, какъ среднеазіатскіе номады. Татарская слободка хорошо отстроена. Торговые ряды, лежащіе между крѣпостью, казачьею слободою и городомъ, довольно грязны, но чрезвычайно важно то, что въ нихъ замѣтна кое-какая дѣятельность [2]).

Въ исторіи развитія Копала замѣчается странная непослѣдовательность. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего основанія онъ былъ относительно уже довольно значительнымъ пунктомъ. Затѣмъ послѣдовалъ нѣкоторый застой; теперь же являются симптомы упадка. Это зависитъ отъ многихъ временныхъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ. Къ числу первыхъ нужно отнести возстаніе мусульманъ или дунгеней въ западномъ Китаѣ, уничтожившее всякую торговлю съ Китаемъ. Нѣкоторыя изъ другихъ причинъ, дѣйствующихъ невыгодно на развитіе Копала, могли бы быть устранены. Когда мы заняли Копалъ, всѣ покатости окрестныхъ

---

[1]) Изъ полка, пришедшаго съ бійской линіи съ Абакумовымъ, двѣ сотни были поселены въ Копалѣ, двѣ сотни въ Кокпектахъ и двѣ въ Аягузѣ (нынѣшнемъ Сергіополѣ); остальныя двѣ сотни было предположено поселить на Караталѣ, но это предположеніе отмѣнено. Потому одна сотня отправлена въ Кокпекты, другая въ Копалъ. Впослѣдствіи кокпектинскія сотни перечислены въ другой полкъ.

[2]) Въ 1863 году въ Копалѣ считалось 5.988 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 3.794 мужского пода. Магометанъ было 689 человѣкъ. Главный предметъ занятія жителей—земледѣліе. Въ городѣ православныхъ церквей 2, мечеть 1, домовъ 613, лавокъ 20. Ежегодный оборотъ Копала доходитъ до 500.000 р. сер.

горъ были покрыты густымъ лѣсомъ. Первые колонисты безжалостно валили столѣтнихъ исполиновъ, чтобы построить дома, загоны, бани, риги, даже заборы изъ толстыхъ срубовъ. Когда ближайшіе лѣса были уничтожены до тла, до выкопанныхъ корней, такъ что человѣкъ, придя на мѣсто, гдѣ прежде росъ лѣсъ, не видитъ ни одного прутика, стали ѣздить за лѣсомъ далѣе въ горы. Теперь лѣсныя дачи Копала лежатъ за 25 верстъ отъ города, въ трудно-доступныхъ ущельяхъ, служащихъ источниками обѣимъ Копалкамъ.

Всѣмъ извѣстно, что влажность воздуха, имѣющая огромное вліяніе на развитіе растительности, увеличивается или уменьшается въ пропорціи съ количествомъ лѣсовъ. Стоитъ истребить лѣса какой-нибудь страны и средняя влажность воздуха этой страны непремѣнно уменьшится. Слѣдовательно, на лѣса, тамъ, гдѣ ихъ мало, нельзя смотрѣть какъ на строевой матеріалъ или топливо, потому что, спасая подобныя страны отъ засухъ, они обезпечиваютъ въ нихъ успѣхи прогресса и цивилизаціи. Исторія народовъ, обитающихъ въ безлѣсныхъ странахъ Средней Азіи, есть исторія людей, не могущихъ быть земледѣльцами, по неспособности земли, ими обитаемой, къ культурѣ. Неспособность же эта зависитъ отъ излишней сухости воздуха.

Миссіонеръ Гюкъ, описывая свое путешествіе по Татаріи, упоминаетъ о странѣ, обитаемой монгольскимъ племенемъ уніотъ. Эта страна, по его словамъ, была богата до XVII столѣтія, когда сюда стали проникать китайцы. Получивъ, за небольшую плату, право рубить деревья, они истребили всѣ лѣса, росшіе въ изобиліи по горнымъ покатостямъ, и тѣмъ измѣнили видъ страны. Съ тѣхъ поръ Уніотъ стала едва обитаемою пустынею. По вырубленіи лѣсовъ, здѣсь начали свирѣпствовать сильные вѣтры, изсушающіе почву. Страшныя засухи смѣняются ливнями, которые покрываютъ

плодородную землю и пашни слоемъ грязи и голышами. Гюкъ совершенно справедливо приписываетъ и неправильность временъ года, замѣченную имъ въ Уніотѣ, опустошенію, произведенному китайцами. Теперь здѣсь встрѣчаются развалины значительныхъ городовъ и замковъ, похожихъ, по словамъ миссіонера, на средневѣковыя постройки европейцевъ, а страна имѣетъ бѣдное китайское населеніе, судьба котораго обусловливается недружелюбными силами искаженной природы.

Чарльзъ Дарвинъ говоритъ, что на островѣ С.-Яго (архипелага Зеленаго мыса), «въ эпоху его открытія, ближайшія окрестности Порто-Праля были покрыты деревьями; но ихъ безразсудно уничтожили, что повело за собою, какъ и на св. Еленѣ и на нѣкоторыхъ Канарскихъ островахъ, совершенное безплодіе» [1]. Законъ соотношенія лѣсовъ съ гигрометрическимъ состояніемъ воздуха одинаково вѣренъ повсемѣстно. На границѣ же степей, тамъ, гдѣ изсушающее вліяніе степного воздуха не допускаетъ выростить лѣса, разъ вырубленные, безразсчетливое истребленіе ихъ есть посягательство на будущность страны и на благія начинанія правительства. Такимъ образомъ, если мѣстность, окружающая Копалъ, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе степной характеръ, если природа бѣднѣетъ, если замѣчательное изобиліе, найденное здѣсь первыми колонистами, изсякаетъ и, по словамъ казаковъ, замѣняется оскудѣніемъ, виноваты въ томъ сами казаки и мѣстныя власти.

Нельзя умолчать, что печальный фактъ истребленія лѣсовъ, гдѣ они есть, замѣчается во всѣхъ степяхъ сибирскаго вѣдомства. Кокчетавъ, Баянъ-Аулъ, Каркаралы, въ области Сибирскихъ киргизовъ, Сергіополь, Копалъ и Вѣрное, въ Семипалатинской области, построены въ мѣстностяхъ, гдѣ было много лѣса или до-

---

[1]) «Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль».

статочное его количество. Теперь, благодаря неразсчетливости въ пользованіи лѣсомъ, большая часть поименованныхъ пунктовъ страдаютъ уже недостаткомъ топлива. На мѣстѣ вырубленныхъ участковъ лѣса не сѣялись. Между тѣмъ, съ истребленными лѣсами пропало много производительныхъ силъ у степной природы, отнято много отъ будущности нашихъ колоній. Нельзя не подумать о томъ, что случится, когда весь лѣсъ будетъ истребленъ вблизи нашихъ колоній.

Окончивъ свои дѣла въ Копалѣ, мы рѣшились отправиться въ горы, чтобы осмотрѣть долину рѣки Коры, которая считается у киргизовъ чрезвычайно удобнымъ мѣстомъ для лѣтовокъ. Провожать насъ вызвались два копальскіе казака, Фокинъ и Бедаревъ, оба основательно знающіе горы.

Отставной урядникъ Фокинъ замѣчательный человѣкъ. Имѣя хорошія практическія свѣдѣнія объ алатавской фаунѣ, Фокинъ пристрастился къ собиранію рѣдкихъ звѣрей и птицъ, препарировать шкурки которыхъ онъ выучился въ совершенствѣ. Между «сѣкомыми», которыхъ Фокинъ умѣетъ ловко прикалывать, онъ тоже безошибочно отличаетъ рѣдкіе экземпляры. При жизни Абакумова, Фокинъ состоялъ при немъ въ качествѣ практическаго зоолога. Благодаря страсти и знаніямъ этого казака, Абакумовъ былъ въ состояніи отправить въ Императорскій публичный музеумъ нѣсколько весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ зоологическихъ экзепляровъ. Теперь Фокинъ составилъ артель съ Бедаревымъ. Они ѣздятъ вмѣстѣ «на промыселъ», т. е. на охоту за большимъ звѣремъ, и тѣмъ содержатъ свои семейства. Оба чистокровные немвроды, мускулистые, неутомимые, несмотря на царапины, оставленныя имъ на память кабанами. Оружіе ихъ состоитъ изъ винтовокъ допотопной конструкціи. Впрочемъ, тотъ ошибается, кто вздумаетъ смѣяться надъ этими винтовками. Хотя ложа и курокъ

и сфабрикованы какимъ-то копальскимъ Лебедою, за то стволъ бьетъ вѣрно, потому что достался охотникамъ отъ тѣхъ отличныхъ винтовокъ, которыми, при Екатеринѣ II, были вооружены тогдашнія егерскія войска.

24-го октября. Сегодня казакъ Фокинъ принесъ убитаго имъ киклика, настоящаго горнаго рябчика. Согласно моему желанію, онъ снялъ кожу съ птицы и для провоза набилъ ее паклею. Сегодня послѣ обѣда, какъ мы уговорились, отправляются въ горы на охоту, я, Г—ій, Фокинъ и другой мѣстный охотникъ, «испытанный», какъ сказалъ Фокинъ, казакъ Бедаревъ. —Я и Г—ій, мы наняли лошадей и приготовились въ путь. Пообѣдавши раньше другихъ, мы отправились въ горы съ тѣмъ, чтобы переночевать тамъ въ избушкѣ дровосѣковъ и начать охоту до разсвѣта. День былъ отличный. Когда мы садились на лошадей, я взглянулъ на термометръ: онъ показывалъ $+10^0$.

Отъ самой казачьей слободы мѣстность постепенно идетъ кверху. У самыхъ горъ мы переѣхали черезъ рѣченку Копалку, которой русло было завалено громадными гранитными валунами. Послѣ мы въѣхали въ горы долиною Копалки. Ущелье, довольно широкое при выходѣ изъ горъ, постепенно съуживается и стѣсняется сланцевыми скалами. Мѣстами послѣднія торчали темными пуками изъ бурой осенней зелени, мѣстами трава едва находила кое-гдѣ землю на приступкахъ и осыпяхъ для своего произрастанія; мѣстами темные сланцы становились на ребро и высовывали изъ темной массы скалы острые клинья. Между скалъ прыгала по ступенямъ и каменьямъ, ею нанесеннымъ, рѣченка, производя тотъ шумъ, который такъ пріятенъ въ каждомъ горномъ потокѣ. Было однако странно слышать сердитый ревъ ничтожной Копалки, которая въ этомъ мѣстѣ могла бы быть вся пропущена черезъ сороковую бочку. Изъ-за изгибовъ

ущелья по временамъ открывались аулы, прикурнувшие къ скаламъ. Увидя верховыхъ, аульныя собаки кидались съ остервенѣніемъ на нашихъ лошадей.

Тамъ, гдѣ сланцы скалы скрывались подъ дерномъ, на косогорахъ виднѣлось множество тропинокъ, вьющихся параллельно дорогѣ. Эти тропинки проложены киргизами. Они не любятъ ѣздить по Кара-джолъ, колесной дорогѣ. Тамъ даже, гдѣ нѣтъ торной дороги, проложенной экипажами, а гдѣ есть удобный путь, проложенный верховыми на днѣ долины, киргизъ предпочтетъ опасный косогоръ. Отчего это у нихъ такой вкусъ, — Богъ ихъ знаетъ.

Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что джигитъ не поѣдетъ по дорогѣ, если его лошадь можетъ лѣпиться по косогору, какъ бы не былъ крутъ послѣдній.

Тамъ, гдѣ съ ущельемъ Копалки соединяется другое, по которому течетъ другой ручей, называемый Малой Копалкой, мы стали подниматься на скалу. Съ вершины ея почти подъ ногами съ шумомъ и журчаньемъ текутъ двѣ рѣченки, по одной съ каждой стороны. Съ узкой площадки скалы видны детально двѣ пропасти, будто прорѣзанныя въ черныхъ горныхъ породахъ, и на нихъ по сѣрому каменистому руслу бѣжитъ быстрая вода, прыгая съ пороговъ на пороги, съ каменьевъ на каменья.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, день потухалъ, и солнце скрывалось за горами. Вотъ наступили сумерки для всей Копальской долины, но всѣ Алатавскія горы до основанія, высокій подъемъ, на которомъ стоитъ Баянъ-Джурекъ, далекій Каратау, ярко облиты еще солнечными лучами. Отъ этой освѣщенной массы рѣзко отличаются горные обрывы и покатости, обращенныя къ востоку. Они темны и только подробно можно осмотрѣть зубчатыя вершины пропастей и покатостей,—онѣ залиты еще солнцемъ. Мнѣ кажется, что по освѣщенію солнца при восходѣ и закатѣ можно су-

дить объ относительной высотѣ горъ. Если бы, напр., теперь провести горизонтально линію, гдѣ свѣтъ сходится на горахъ съ сумерками, то можно бы было увидѣть, какъ сначала эта линія поднялась выше высотъ Каратау, а незначительный, какъ кажется, Баянъ-Джурекъ, лежащій между цѣпями Каратау и Алатау еще горитъ на самой верхушкѣ. Небо, огненное на западѣ, постепенно синѣетъ къ востоку и здѣсь отливаетъ чистѣйшимъ темнымъ фіолетовымъ цвѣтомъ. Для насъ, поднявшихся на половину Алатавскихъ горъ, снѣжныя ихъ вершины, блестящія какъ алмазъ, рисуются на фіолетовой темени. По покатостямъ стоятъ на снѣжныхъ обрывахъ темныя пирамидальныя пихты, производя какое-то безотрадное впечатлѣніе, — точно напоминая, что покатившись по этимъ обрывамъ, можно удобно отправиться на тотъ свѣтъ. Гдѣ-то внизу шумитъ потокъ, котораго выразительный говоръ слышенъ далеко среди тишины, господствующей въ горахъ. Отъ насъ, оттуда, гдѣ мы остановились, чтобы передохнули лошади, идетъ внизъ далекая покатость, переломленная долинами, высотами, лежащими теперь внизу, и трещинами, скрывающими свои обрывы за кажущимся однообразіемъ спуска внизъ.

Вотъ погасъ и Баянъ-Джурекъ, но тѣмъ ярче блестятъ протягивающіяся передъ нами вершины Алатава. Темнота бѣжитъ по долинѣ, поднимается по покатостямъ, затягиваетъ окрестность въ мглу и темный туманъ, а еще высочайшія вершины Алатава горятъ яркимъ блескомъ, точно свѣча. Тухнутъ и онѣ: черная, непроницаемая мгла ложится въ долинѣ, а съ горъ видна еще ярко-алая заря. Это сочетаніе полной темноты внизу и свѣта на западѣ чрезвычайно поразительно. Я видѣлъ закатъ солнца въ большихъ горахъ въ первый разъ.

Пока еще видно кое-какъ. Мы спускаемся въ какіе-то овраги, поднимаемся на крутые подъемы, ѣдемъ по косогорамъ надъ далеко идущими опасными покатостями.

Темнѣетъ болѣе. Отсутствіе свѣта дѣлаетъ обрывы, по краямъ которыхъ мы ѣдемъ, чуть не бездонными. Каждый косогоръ кажется обрывистою покатостью; дорога, требующая, впрочемъ, осторожной и хорошей верховой ѣзды, кажется чрезвычайно опасною. Мы подъѣзжаемъ къ какому-то крутому спуску. Лошадь начинаетъ идти внизъ, чуть не садясь на крупъ. Мнѣ показалось страшно. Внизу какой-то обрывъ, по краямъ обросшій пихтами. Ничего нельзя разсмотрѣть хорошо. Передовой казакъ останавливается и слѣзаетъ съ лошади. Подъѣзжаетъ другой охотникъ и проводникъ. Рѣшаютъ осмотрѣть, можно ли спуститься къ обрыву. Осмотръ убѣждаетъ, что мѣстность идетъ очень круто книзу, къ недосягаемому ручью; что въ щели, къ которой мы теперь подъѣхали, дѣйствительно есть избушка, но что она гораздо выше. Г — ій и я рѣшили, на основаніи донесенія соглядатая, ночевать тамъ, гдѣ стоимъ, благо погода не холодная и не вѣтренная. Сняли вьюкъ, разложили костеръ, заварили чай.

На востокѣ свѣтлѣетъ отъ восходящей луны. Когда она поднялась достаточно, чтобы освѣтить окрестность, передъ нами открывается превосходный горный пейзажъ. Направо, недалеко отъ нашего костра, начинается глубокая долина, запертая у вершины горы огромнымъ камнемъ. Щеки долины обросли хвойнымъ боромъ. На той ея сторонѣ поднимаются вершины, занесенныя снѣгомъ. Отъ одной изъ нихъ покатость идетъ обрывисто книзу до самой щели, отъ другой же тянется ровная снѣжная покатость. На этой полянѣ торчатъ, какъ щетина, частыя пихты. Съ другихъ сторонъ неопредѣленные возвышенія и подъемы. Внизу нерѣдко сверкаетъ огонь въ сторонѣ Копала и въ другихъ пунктахъ долины

Охотники напились чаю послѣ насъ. Покуда они ждали изготовленія супа и покуда мы заворачивались въ одѣяла, между ними завязался разговоръ объ охотѣ,

о разныхъ случаяхъ. Фокинъ и Бедаревъ попеременно то разсказывали разныя происшествія, то вспоминали то, что приходилось имъ выдерживать на охотахъ, на которыхъ они бывали вмѣстѣ. Вотъ одинъ изъ разсказовъ Бедарева, характеризующій степень цивилизаціи здѣшнихъ мѣстъ.

«Прежде кабаны и маралы здѣсь водились по щелямъ въ обѣихъ Копалкахъ. По щелямъ держались и архары, и другой звѣрь, а то попадался и черный звѣрь. Послѣ поселенія, какъ начали лѣсъ счищать, такъ всѣхъ прогнали отселева. И то сказать, не однимъ топоромъ пужали звѣря. Видитъ марала или кабана—выстрѣлитъ зря. Поранилъ, либо нѣтъ, а только звѣрь сталъ опасаться этихъ мѣстовъ. Теперь мы на промыселъ ходимъ въ камыши, за Каратавъ, верстъ за восемьдесятъ отъ Копала будетъ; тамъ еще много кабановъ. Ну, а черный звѣрь перевалилъ за эти горы и больше на Корѣ держится. Когда попадается и тутъ, по времени высыпетъ его и много».

«Разъ ходилъ я на промыселъ съ Зеленцовымъ, Иваномъ. Таскались мы, таскались и по камышамъ, и по сазамъ,—нѣтъ кабановъ, да нѣтъ. Ужъ къ закату дѣло было.—Что, молъ, — говорю Зеленцову,—никакъ пора въ станицу. Ну, поѣхали, онъ напередъ. Пониже этой горы примѣчаю на косогорѣ, никакъ какой звѣрь будто ходитъ. Сталъ это я смотрѣть туда. — Видишь ты что, али нѣтъ? обозвалъ меня Зеленцовъ. — Какъ, молъ, не видѣть. Звѣрей вижу. Должно, кабанъ ходитъ. Слѣзли мы съ лошадей, связали ихъ, все равно, какъ теперь; запримѣтили вѣрно мѣсто, гдѣ звѣрь ходитъ и пошли скрадывать изъ-за бугра. Подползли. Сталъ я потихоньку голову поднимать да высматривать, вижу черный звѣрь. А тутъ Зеленцовъ подползъ. Это, говорю, медвѣдь. Сталъ опять высматривать, ходитъ звѣрь да землю передними лапами роетъ, черный

корень изъ-подъ земли достаетъ. А какъ глянулъ маленько далѣе, вижу еще звѣрь ходитъ, тоже землю копаетъ, а подальше еще одинъ, а тамъ еще—четверо, значитъ всего. Смотрю на Зеленцова,—вижу, тоже заприметилъ. Какъ теперь стрѣлять? разомъ али нѣтъ? Ты не стрѣляй, говоритъ, чтобы винтовка на готовѣ была. Дай, я выстрѣлю. Какъ это онъ спустилъ, всѣ медвѣди разомъ, словно имъ кто скомандовалъ, на бугоръ къ намъ выскочили да и стали на гребнѣ. Шаговъ пятьдесятъ будетъ али нѣтъ? Я, говорю, Иванъ Матвѣичъ, стрѣлять буду. — Не смѣй, говоритъ, стрѣлять. Реви, говоритъ. — Признаться, въ тѣ поры меня звѣрь еще не пужалъ, а Зеленцовъ мятъ былъ и лѣчился цѣлый годъ онъ отъ звѣря.—Стрѣлять, говорю, буду.— Боже тебя оборони! — говоритъ,—не стрѣляй, реви! — Какъ начали мы ревѣть, звѣрь сталъ подпрыгивать на заднія ноги, да заглядывать на насъ, а потомъ и побѣжалъ. Много ли, мало ли это время у насъ отняло, только видимъ, на долу темень пошла, — не доѣхать нонѣ до Копала. Стали мы на ночлегъ собираться. Пошелъ я дровъ набрать, вижу валежникъ подъ яблонею говоритъ. Показалось, думаю себѣ, однако пошелъ, взялъ винтовку. Раздвинулъ это валежникъ подъ яблонею, ничего, только вѣточка еще шевелится. Подите,— говорю, Иванъ Матвѣичъ, на минуточку. Что, молъ, это такое? Не звѣрь ли опять? Стали мы смотрѣть, а онъ, звѣрь-то, по шишкѣ ходитъ,—саженъ сорокъ будетъ. Пойдемте впередъ, говорю, а самъ вижу, что на Зеленцовѣ лица нѣтъ. Постой, говоритъ, дай стрѣльну отселева; только ты опять не стрѣляй. Далъ онъ выпалъ. Какъ пошелъ нашъ Мишенька, и на цѣликъ взять нельзя. Зажгли мы огонь подъ шишомъ-то. Да всю ночь ходилъ проклятый кругомъ костра да ревѣлъ, этотъ самый, что ли? На утро стали слѣдъ смотрѣть,— видимъ застылъ, должно съ полуночи ушелъ».

Я слушалъ со вниманіемъ разсказъ Бедарева. Костеръ дымилъ, подъ одѣяломъ мнѣ было тепло. Кругомъ стояли лошади и ихъ морды, полуопущенныя къ землѣ, были ярко освѣщены огнемъ костра; остальная часть тѣла чуть виднѣлась. Луна стояла высоко на небѣ, освѣщая обрывъ, и вершины, покрытыя снѣгомъ, и покатость книзу.

— «Смотри, покрѣпче стреножь лошадей, чтобы волки ихъ не съѣли!»

— Здѣсь нѣту теперича волковъ, — отозвался мнѣ Бедаревъ. — Волки бываютъ только около овецъ. Вотъ какъ придутъ сюда киргизцы на зимовки, такъ и волковъ приведутъ съ собой; тогда ихъ тутъ бываетъ пропасть...

25-го октября. Вчера заснулъ, не помню какъ. Около костра сидѣли три казака и долго говорили про вещи, какъ нельзя болѣе идущія дикой мѣстности, окружающей насъ. Изрѣдка ихъ разговоръ перебивался возгласомъ одного изъ собесѣдниковъ, обращеннымъ къ лошадямъ, наровящимъ удрать отъ огня. Стой! ты! гнѣдой чортъ! неймется тебѣ!—Пономаревъ! говоритъ Фокинъ молодому казаку, возьми арканъ, сбѣгай за лошадьми! Вишь, ихъ чортъ куда понесъ! Никакъ развязались! Изъ-подъ своего одѣяла я приглядывался и къ костру, и къ рѣзкимъ чертамъ лица нашихъ товарищей, и къ горамъ... и чувствовалъ, что нахожусь въ Средней Азіи. Слушая суровые разсказы нашихъ товарищей объ охотѣ за дикими звѣрями, о трудныхъ экспедиціяхъ противъ дикарей, объ основаніи колоній, я сознавалъ, что подобные разсказы могутъ зародиться только на окраинѣ странъ, гдѣ сила должна идти впереди цивилизаціи. Потомъ мнѣ пришла въ голову другая часть свѣта, богатая, одаренная всѣмъ, что только можетъ дать природа, но гдѣ, какъ и тутъ, необходимы

эти желѣзные типы, эти предтечи цивилизаціи, чтобы расчистить мѣста для колонизаціи въ безконечныхъ степяхъ, тянущихся къ западу отъ Миссисипи. Жалко, что у насъ нѣтъ Купера, который могъ бы увѣковѣчить типы, подобные Фокину и Бедареву, потому что эти типы должны скоро исчезнуть въ степяхъ, какъ исчезли въ Сибири люди, созданные Ермакомъ Тимоѳѣичемъ съ товарищами... Я слушалъ и смотрѣлъ, покуда не заснулъ.

Ночью у меня страшно иззябли ноги. Я это чувствовалъ, мучился, но не имѣлъ силъ проснуться. Чуть востокъ сталъ бѣлѣть, Г—ій, котораго я просилъ разбудить меня пораньше, звалъ меня. Кругомъ была еще ночь; луна склонялась на западъ, освѣщая вершины, ущелье, длинную покатость съ пихтами, бросавшими длинную черную тѣнь, глубокую долину, гдѣ лежалъ Копалъ, и всю окрестность. На востокѣ изъ-за Баянъ-Джурека выглядывалъ бѣлый свѣтъ. Довольно сильный холодный вѣтеръ, предвѣстникъ скораго восхода, подулъ съ главнаго Алатавскаго хребта, метя снѣгъ по сѣверной покатости. Казаки поднялись одинъ за другимъ изъ-подъ потниковъ, которыми они были накрыты, и пошли на ближайшую сопку за верескомъ. Вскорѣ вспыхнулъ высокій огонь, раздуваемый порывами утренняго вѣтра. Чай вскипѣлъ скоро. Мы согрѣлись. Казаки стали смотрѣть въ мой бинокль на ущелье, сквозь которое Біонъ проложилъ себѣ дорогу въ Каратау, и пояснили, что тамъ дорогу проложить нельзя, потому что «щеки» ущелья очень круты; глядѣли на Арасанъ, Копалъ, на низкія предгорія, тянущіяся къ сѣверо-востоку отъ Алатава. Разумѣется, они смотрѣли на все это только тогда, когда солнце освѣтило сперва вершины Каратау, потомъ Баянъ-Джурека и потомъ облило яркимъ свѣтомъ всю Копальскую долину. Но мы еще не видѣли солнца, только пропалъ свѣтъ луны, и послѣдняя блѣднѣла на небѣ, только все стало видно ясно и опредѣленно.

Наконецъ на самомъ верху сосѣдней вершины заблистѣлъ камень, выглядывающій изъ-подъ снѣга; потомъ блестящая горизонталь стала опускаться ниже и ниже. охватывая всю линію горъ. Пора въ путь. Лошади навьючены, и каждый изъ насъ отправился своимъ путемъ. Г — ій поѣхалъ къ хижинѣ лѣсопильщиковъ; мы, т. е. я, Фокинъ и Бедаревъ, поѣхали искать дичи. По окончаніи охоты я долженъ былъ отправиться тоже въ хижину.

Мы поѣхали по обширнымъ покатымъ полянамъ, тянущимся отъ одной вершины до другой. Эти поляны были покрыты снѣгомъ и мѣстами весьма глубокимъ. На вершинахъ, поднимающихся на незначительную вышину, лежали глыбы порфира (кажется). Мѣстами отъ вершинъ бѣжали глубокія трещины, которыя, сбѣгаясь вмѣстѣ, образовывали глубокую долину Копалки (близъ нея мы и ночевали). Долины поросли густовѣтвенными стройными пихтами. Кстати про пихты. Мнѣ говорили, что въ Алатавскомъ хребтѣ пихты растутъ на высотѣ 6.000 ф. Полоса ихъ простирается до 8.000 ф. высоты. Далѣе на хребтѣ поднимаются гольцы, достигающіе линіи вѣчнаго снѣга на 10.000 ф. Нѣкоторыя вершины на Алатау поднимаются на высоту 14.000 футовъ.

Около самаго нашего ночлега мы встрѣтили два свѣжихъ слѣда: архара и волка. Вѣроятно, первый преслѣдовался вторымъ. Верстахъ въ трехъ далѣе снѣгъ, какъ мнѣ казалось, былъ помятъ на далекомъ разстояніи нѣсколькими лошадьми. Фокинъ и Бедаревъ, пересѣкая слѣдъ, стали къ нему присматриваться, и послѣдній сказалъ, будто отвѣчая кому-то: «Маралій слѣдъ и есть».—«А какіе это два конника бѣжали за нимъ? Михаилъ Дмитричъ, гляньте подалѣе, идетъ ли конскій слѣдъ въ ту и другую сторону, либо въ одну?» Фокинъ поѣхалъ далѣе по слѣду и вернувшись, пояснилъ, что маралъ, должно быть, пораненъ—«правую заднюю ногу

волочитъ» и что «безпрестанно за нимъ бѣжали казаки,—одна лошадь кованная».—«Вона отколь слѣдъ идетъ».—И онъ показалъ на далекую вершину, на которой я ничего не могъ разсмотрѣть.

Поѣхали далѣе. Вскорѣ изъ-за окрестныхъ высотъ стали подниматься вершины громаднаго хребта; мы подъѣзжали къ долинѣ рѣки Коры. Подъѣхали къ какому-то большому камню. Меня попросили остановиться. Бедаревъ слѣзъ съ лошади и, отдавъ ее Фокину, пошелъ внизъ, по колѣно ступая въ снѣгу. Черезъ секунду Бедаревъ бросился на колѣни и сталъ звать Фокина рукой. Бросивъ лошадей, пошелъ и я.—«Поднимайте медленно голову изъ-за камня», говорилъ дрожащій Бедаревъ. Исполнивъ все, что мнѣ приказывали, я увидѣлъ внизу, саженяхъ въ трехстахъ-четырехстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, цѣлое стадо какихъ-то животныхъ. Одни изъ нихъ ходили, пощипывая траву; другіе лежали кучами другъ около друга. — «Это архары, говорилъ Фокинъ.—Ихъ штукъ съ двадцать будетъ. Теперь довольно смотрѣть». Мы вернулись назадъ. Планъ составленъ охотниками слѣдующій: я состою въ распоряженіи Бедарева и исполняю всѣ его приказанія, а Фокинъ, взявши лошадей, поѣдетъ кругомъ и начнетъ спускаться въ ущелье, по которому непремѣнно бросятся архары, если увидятъ меня съ Бедаревымъ. Мы должны были спускаться къ звѣрямъ прямо, прикрываясь скалою и камнями осыпи. Вѣтеръ былъ съ юго-востока, слѣдовательно на насъ. Покуда Фокинъ объѣдетъ въ ущелье, мы должны ждать на мѣстѣ. Я усѣлся на камнѣ и, получивъ отъ Бедарева разрѣшеніе курить, сталъ любоваться на дивную мѣстность, окружающую насъ. Мы были на одной изъ вершинъ главныхъ предгорій. Отсюда мѣстность шла книзу подъ угломъ 40 или 42 градуса. Внизу на огромной глубинѣ прыгала по каменьямъ Кора, одинъ изъ притоковъ Каратала,—это можно было

заключить по реву рѣки, казавшейся сверху тоненькою ниточкой. Прямо подъ ногами рѣка за крутымъ спускомъ не было видна; но ея красивая долина кверху открывалась съ мѣста, на которомъ мы стояли, на далекое разстояніе. Она быстро поднималась кверху между двумя хребтами. На противоположной сторонѣ отъ рѣки поднимался чрезвычайно круто, подъ 75 градусовъ, не менѣе громадной вышины хребетъ, съ никогда не тающимъ наверху снѣгомъ. Крутыя стѣны были будто подперты контрфорсами. Отъ грани послѣднихъ книзу шли глубокія полосы, — слѣды весеннихъ водъ. На крутой покатости хребта, начиная съ половины его высоты, росли пихты. По мѣрѣ приближенія къ долинѣ Коры ихъ количество увеличивалось, и, наконецъ, деревья сливались въ густой боръ. Между этимъ-то хребтомъ и горами, на которыхъ мы стояли, лежала долина Коры, которая извивалась по ней самымъ прихотливымъ образомъ. Дремучія «тайги» опускались къ самому руслу рѣки и ихъ темная, почти синяя, зелень рѣзко отпечатывалась на свѣтлой, не смотря на позднее время года, зелени долины. Изъ-за громадныхъ горъ, лежащихъ на той сторонѣ Коры, выглядывали еще болѣе громадныя горы, покрытыя слоемъ снѣговъ, накопленныхъ вѣками. Это главный хребетъ Алатау. Общее было такъ хорошо, что ощущеніе, испытанное мною, невозможно передать.

— Пойдемте. Фокинъ, должно, доѣхалъ до щели; пора и намъ начать спускаться. Только не забудьте: коли у васъ изъ-подъ ногъ сорвется камень, пиши пропало,—архары уйдутъ. Теперь, извините меня, коли я махну вамъ рукой, такъ, значитъ, стойте на мѣстѣ, махну къ себѣ, подпалзывайте скорѣе; такъ—ложитесь на землю.

— «Хорошо».

Мы стали спускаться внизъ, придерживаясь основанія скалы порфира, около которой мы стояли, и которая

нависла надъ спускомъ. Хоть и съ большимъ трудомъ, но я шелъ тихо, благодаря снѣгу, скрѣпившему камни осыпи. У подножья скалы мы отдохнули. Далѣе спускъ шелъ труднѣе. До сихъ поръ насъ прикрывала отъ архаровъ скала; теперь нужно было, спускаясь внизъ, прикрываться оборвавшимися сверху камнями. Бедаревъ быстро и безъ шума сталъ спускаться внизъ. Я отсталъ отъ него на первыхъ же порахъ и чувствовалъ, что мнѣ предстоитъ исполнить сразу три задачи, изъ которыхъ каждая была трудна: 1) нужно было быть всегда прикрытымъ чѣмъ-либо отъ архаровъ; 2) нужно было становиться такъ, чтобы ни одинъ камешекъ не сорвался изъ-подъ ногъ, иначе онъ, прежде чѣмъ долетѣлъ бы до низу, увлекъ бы за собою цѣлую лавину и испугалъ бы архаровъ и 3) нужно было не скатиться внизъ самому,—обстоятельство нелегкое, потому что покатость была чрезвычайно крута. Я спускался, на основанiи изложенныхъ соображенiй, очень медленно; такъ какъ, спускаясь, нужно было забирать еще впередъ, то трудность работы еще болѣе усиливалась. Что же дѣлать?—охота пуще неволи. Вотъ влѣво отъ меня и гораздо ниже мелькнула фигура Бедарева, ползущаго, какъ змѣй; онъ перелѣзалъ черезъ камни, потомъ онъ скрылся. Я усѣлся чтобы отдохнуть. Вдругъ выстрѣлъ, и пуля просвистѣла по какому-то направленiю. Вѣроятно, стрѣляетъ Бедаревъ. Эхо нѣсколько разъ повторило этотъ выстрѣлъ. Я взвелъ курокъ и приспособился, быстро посматривая на всѣ покатости къ сторонѣ звѣрей. Вдругъ далеко внизу, на покатостяхъ одного выступа, у самой Коры я увидѣлъ большое стадо архаровъ, бѣгущихъ по полугорѣ. Я выстрѣлилъ въ рогача, который несся впереди стада. Разстоянiе было большое—саженъ полтораста; но стадо удалялось отъ меня,—заряда нечего жалѣть. Хвостъ стада разскочился и одинъ архаръ сдѣлалъ нѣсколько неловкихъ скачковъ. Я думалъ, что я его ранилъ; но

скоро онъ такъ бросился впередъ, что доказалъ мнѣ, какъ я ошибался. И то хорошо, что пуля легла въ стадо.

Вскорѣ послѣ моего выстрѣла, изъ-за каменьевъ, разсыпанныхъ по покатости, показался карабкающійся Бедаревъ.—Это ты стрѣлялъ?—«Я».—Попалъ?—«Нѣтъ.—А вы попали?» — Нѣтъ. — Мы сошлись. Либо архары Фокина почуяли, либо насъ; вѣроятно, насъ, потому что вѣтеръ перемѣнился и пошелъ на звѣря.

«Доползъ я до того камня и сталъ высматривать. Что, думаю, за чудо? — нѣтъ архаровъ. Смотрю я на полъ-горы, гдѣ они паслись. Не пошли ли они, молъ, въ гору? — Нѣтъ. А смотрю, они уже дорогу перебѣгаютъ на низу да на ту кручу поднимаются. Неча зарядъ жалѣть. Далъ выпалъ съ руки въ догонку. А тутъ малость спустя, слышно, какъ вы брякнули, да видѣлъ, какъ архары разбѣжались,—думалъ, что убили... Неудаченъ нонѣ нашъ выѣздъ... Вотъ гдѣ проклятые ходили...— и Бедаревъ показывадъ на слѣды, которыми была испещрена покатость.—Пойдемъ, баринъ, въ гору этой тропкой; а то прямо подниматься трудно».

Во время тяжелаго подъема въ гору мы разговаривали про архарью охоту. Вотъ разсказъ Бедарева.

Архаръ звѣрь чуткій. Глазу онъ не вѣритъ, и видитъ охотника да не очень пужается, а носомъ чуетъ вѣрно: Вѣтеръ пахнулъ отъ охотника, далеко его услышитъ. Вскочитъ сейчасъ рогачъ и почнетъ улепетывать отъ запаха. Скрадываешь его когда и вѣтеръ совсѣмъ упадетъ, либо съ бѣлковъ будто потянетъ, то сейчасъ травку оторвешь и кинешь. Упала травка на тебя—иди назадъ; нечего, значитъ, время терять. Охотился завсегда по утрамъ. Какъ отлежатся архары за ночь да проголодаются, до свѣта еще начнутъ они пастись, словно баранье стадо; а какъ разсвѣтетъ, то станутъ они очень осторожны. Сходятъ на водопой, коли лѣтомъ, потомъ уже ложатся на лежку, а одинъ часовой стоитъ да по-

глядываетъ на всѣ стороны. Часовой въ то время завсегда на камень какой взлѣзетъ, да вытягивается, поворачивается. Зимой они кормъ копытятъ; траву ѣдятъ со снѣгомъ, на водопой не ходятъ; и тутъ долго не сбираются на лежку. Чѣмъ болѣе стадо, тѣмъ труднѣе скрасть ихъ, потому всякій звѣрь травку щипнетъ да начнетъ поглядывать на всѣ стороны, часовой же самъ по себѣ. Къ тому же архаръ звѣрь не заурядъ и любитъ нѣжный подходъ. Чуть что зашумѣло, сейчасъ часовой голосъ подалъ и пошли удирать. Какъ киргизы стоятъ на Корѣ по лѣтовкамъ, извѣстно, весь кормъ въ окружность выбьютъ и вытравятъ. За осень, значитъ, на киставахъ пойдетъ зеленая щетка. Свѣжій кипецъ любитъ всякій звѣрь, а особливо рогатый, потому больше на киставахъ ходятъ и маралы, и архары.

Тѣмъ временемъ мы взошли на гору. Фокинъ божился, что онъ не успѣлъ еще доѣхать до ущелья, какъ услыхалъ выстрѣлъ, а потомъ другой, гулкій, потому не могъ быть причиной неудачи.

Я еще разъ внимательно оглядѣлъ ущелье Коры, обставленное громадными горами, опушенное лѣсомъ съ серебряною лентою капризной и сердитой рѣки внизу, еще разъ прислушался къ постоянному немолчному шуму воды, — и долженъ былъ сознаться, что Аткинсонъ былъ правъ, описывая эту долину, какъ одинъ изъ замѣчательныхъ уголковъ земного шара. Въ этомъ пейзажѣ грація соединена съ самой дикой, величественной и нетронутой природою. Очень тутъ хорошо должно быть лѣтомъ!

Мы поѣхали назадъ къ хижинѣ дровосѣковъ. Бедаревъ пригласилъ меня ѣхать скорѣе на томъ основаніи, что уже съ часъ тому назадъ онъ показывалъ мнѣ на снѣжныя шишки главнаго хребта, предсказывая буранъ въ горахъ. Дѣйствительно, онъ только показалъ мнѣ на одну высоту. На высшей ея точкѣ чуть-чуть вздымался

снѣгъ, будто легкая пыль. Онъ сказалъ тогда: будетъ въ горахъ сильный вѣтеръ. Теперь, послѣ напоминанія Бедарева, я обернулся на горы. Снѣжная пыль поднималась на всѣхъ вершинахъ главнаго хребта. Впрочемъ, небо было чисто, и солнце свѣтило ярко. На горахъ не лежали облака.

Едва мы добрались до снѣжныхъ полянъ, какъ нѣсколько разъ рванулъ порывистый, пронзительно-холодный вѣтеръ и замелъ снѣгомъ слѣды нашихъ лошадей. Послѣ этой интродукціи, вѣтеръ подулъ снова и продолжалъ свою унылую пѣсню цѣлый день. Снѣгъ, срываемый имъ съ горъ, билъ въ лицо и, ударяясь по снѣжной полянѣ, съ шелестомъ летѣлъ и катился въ пропасти. Несмотря на глубину снѣга, доходившаго иногда до брюха лошади, я ѣхалъ шибко, потому что вспотѣлъ, какъ мышь, во время восхожденія на горы, а теплое мое пальто было отвезено въ хижину.

Несмотря на вѣтеръ, небо надъ горами было чисто и совершенно темнаго синяго цвѣта. Воздухъ былъ чрезвычайно прозраченъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы ночевали, съ горъ открывается далекій видъ на страну, простирающуюся у западнаго и сѣвернаго склона Алатау. Вотъ почти подъ ногами Копалъ со своими quasi казенными улицами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ. Дома его полинялаго сѣраго цвѣта, зато улицы чернѣютъ грязью. За долиной тянется Каратау, понижающійся у сѣверо-западнаго угла Алатауской системы. За нимъ виднѣется еще очень далекая степь до Арганатинскихъ горъ. Балхаша не видно, но озеро Баскуль видно хорошо.

При этомъ обзорѣ меня поразило вотъ что: долина Копала была будто бы подернута темною мглою, какъ и вся страна налѣво, прикрытая съ сѣвера горами За Каратау же вся степь была будто покрыта густымъ снѣгомъ. Я просилъ казаковъ разъяснить мнѣ это явленіе. — Въ Копалѣ тепло, отвѣтилъ Бедаревъ; оттого

внизу будто марево играетъ; темно тамъ и нехорошо видно; а тамъ, за Каратау, это не снѣгъ, а морозъ. Какъ гдѣ бываетъ морозъ, такъ отсюда, съ горъ, показывается тамъ бѣлымъ.

Чтобы попасть въ хижину, мы должны были спуститься въ какое-то дьявольское крутое ущелье. Даже Фокинъ слѣзъ съ лошади, объявивъ, что иначе можно скатиться съ лошадью внизъ, потому что за растаявшимъ снѣгомъ спуски грязны и скользки. Это ущелье, начинающееся въ концѣ одной изъ снѣговыхъ полянъ, было чрезвычайно дико. Огромные камни торчали по крутымъ покатостямъ, на которыхъ росли могучія пихты. Спустившись на дно ущелья, мы переправлялись нѣсколько разъ черезъ Малую Копалку, долина которой и составляетъ это ущелье, ѣхали по узенькой тропинкѣ, заваленной снѣгомъ, и наконецъ добрались до землянки дровосѣковъ.

Подкрѣпивши свои силы ожидавшимъ меня завтракомъ, я съ Г—мъ сѣли на лошадей, чтобы отправиться въ Копалъ. Мѣсто, гдѣ расположена хижина, чрезвычайно дико. По сторонамъ поднимаются крупные утесы, на которыхъ торчатъ пни срубленныхъ деревъ; около шумитъ малая Копалка, покрытая въ нѣсколькихъ мѣстахъ снѣжнымъ покровомъ, изъ-подъ котораго она пробивается съ силою и шумомъ. Далѣе у русла ручья можно видѣть громадные валуны гранита, порфира, базальтовъ. Все это лежитъ другъ около друга, доказывая, что этотъ ничтожный ручей производилъ когда-то большія опустошенія среди горъ, размывая ихъ и унося съ собою чуть не цѣлыя скалы. Чѣмъ далѣе мы подвигались внизъ по ущелью, тѣмъ болѣе природа становилась дикою. Мрачныя, голыя скалы, чуть не вертикально торчащія надъ ручьемъ, становились выше. Мы повернули налѣво на гору, по тропинкѣ, которая лѣпилась кое-какъ вверхъ. Фокинъ и Бедаревъ, оби-

женные неудачей дня, поѣхали прямо по долинѣ, желая выслѣдить архаровъ или медвѣдей по сегодня видѣнному дровосѣкомъ свѣжему слѣду.

Послѣ долгаго и труднаго подъема мы взобрались наверхъ, гдѣ дулъ сильный вѣтеръ, метя передъ собою снѣгъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что казачьи лошади карабкаются по скаламъ, какъ кошки. Часто думаешь, что пѣшкомъ нельзя бы было взобраться туда, куда пробираются эти лошади. Въ опасныхъ мѣстахъ онѣ идутъ крайне осторожно и ставятъ свои дрожащія ноги, только обдумавши свой шагъ. Выбившись изъ силъ, лошадь остановится и, переведя духъ, снова пойдетъ сама вверхъ, карабкаясь съ усиліемъ и выбирая со смысломъ мѣста.

Наверху горы представляютъ, какъ вездѣ, покатыя равнины, протягивающіяся отъ одной вершины къ другой, но теперь при съѣздѣ внизъ, мы все спускались внизъ, съѣзжая по покатостямъ отъ одной вершины къ другой, болѣе низкой. Приближаясь къ долинѣ, можно было замѣтить, что спуски стали круче и неудобнѣе. Эти спуски образованы потоками, которые передъ паденіемъ въ долину были, конечно, стремительнѣе и дѣйствовали болѣе разрушительно на горныя породы.

Ниже середины спуска казакъ-проводникъ, остановившись у одного придорожнаго камня, объявилъ что тутъ нарисована карета.—Какая карета? «Какъ есть карета, съ колесами, какъ слѣдуетъ».—Мы слѣзли съ лошадей. На горной покатости у дороги поднималась высокая могила, сложенная изъ нанесенныхъ сюда камней. Ниже могилы на ровной плоскости блестящаго камня, высунувшагося изъ-подъ дерна, были высѣчены какіе-то знаки и іероглифы. Я могъ различить нѣсколько собакъ или волковъ, похожихъ на собакъ, ходящихъ, по рисунку Марко-Поло, близъ Монгольмскаго стойбища. На камнѣ же можно было разобрать грубо-вы-

сѣченныя изображенія двухколесныхъ телѣгъ и строку, какъ показалось, какихъ-то буквъ. У меня сверкнула мысль срисовать все это, но было уже довольно поздно, а вѣтеръ былъ до того силенъ, что сбилъ съ ногъ Г—го во время наблюденій надъ камнемъ. Вѣроятно, это могила калмыцкаго богатыря и очень жалко, что нашимъ ученымъ неизвѣстны надпись и знаки могилы; подобные знаки здѣсь очень рѣдки.

Вскорѣ мы вступили въ пологую долину малой Копалки, окруженной здѣсь сланцевыми горами. Стало уже темно, когда мы ѣхали по ней, а вѣтеръ все-таки не унимался и такъ и подгонялъ насъ. Наконецъ мы дома. Насъ ждали, чтобы опредѣлить, поѣдемъ ли мы завтра или нѣтъ. Конечно, мы ѣдемъ. Что же тутъ дѣлать?

26-го октября. Спалъ отлично. На утро явились Фокинъ и Бедаревъ со своимъ оружіемъ. Они пробились въ горахъ цѣлый вечеръ. Вѣтеръ сталъ тамъ очень силенъ. Чуть добрались до города.— Мы заключили съ Фокинымъ и Бедаревымъ контрактъ такого рода: они должны убивать намъ рѣдкихъ звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ и посылать по почтѣ, согласно адресамъ, нами оставленнымъ. Рѣдкихъ животныхъ здѣсь много. Фокинъ, приготовлявшій шкурки для Академіи Наукъ, знаетъ свое дѣло въ совершенствѣ.

Выѣхали изъ Копала часовъ въ одиннадцать.— Дорога пролегаетъ сперва посреди долины Копалки, потомъ по незначительнымъ холмамъ, соединяющимъ Каратау съ Алатау. Посреди этихъ холмовъ бѣгутъ съ горъ незначительные ручьи, извѣстные тутъ подъ именами Чимъ Булаковъ. Долины ихъ очень глубоки и неудобны къ переѣзду. Почтовая дорога лежитъ у самыхъ горъ. Ниже эти долины еще глубже. Первая станція за Копаломъ лежитъ у пониженія Алатаускаго и Каратаускаго хребтовъ.

Не доѣзжая еще до Акичкинскаго пикета, замѣчаешь, что Алатавскій хребетъ повернулъ на югъ, а предгорія продолжаютъ идти по направленію къ Балхашу, обращаясь въ незначительные холмы. Каратау тоже пропадаетъ и сливается съ холмами, идущими къ Балхашу. Сквозь перерывы Каратау можно видѣть съ высокой дороги желтую, вѣроятно, песчаную степь, лежащую къ сѣверу отъ него.

У Акичкинскаго пикета выходитъ на почтовую дорогу караванный путь съ Лепсинскаго пикета. Прежде этотъ путь былъ и почтовымъ. Чтобы не переваливать черезъ Каратау и не увеличивать дорогу движеніемъ на Копалъ, караваны не поднимаются на Гасфордовскій перевалъ, а огибаютъ Каратау по степи, частью песчаной, до его пониженія. Здѣсь они переходятъ горы и продолжаютъ идти далѣе отъ Акичкинскаго пикета въ Вѣрное или Кульджу почтовымъ трактомъ.

Отъ Акичкинскаго пикета нужно подняться по крутой дорогѣ на хребетъ Джонъ, отроги Алатавскихъ предгорій, идущихъ къ Балхашу. Съ высоты Джона опять открывается вся чудная линія Алатавскаго хребта, идущаго на югъ. Дорога далѣе довольно неудобна; безпрерывные спуски и подъемы. Развлекаемся только снѣговой линіей горъ, тянущихся влѣво. На Сары-Булакскомъ пикетѣ мы остановимся ночевать.

27-го октября. Едва мы расположились на Акичкинскомъ пикетѣ, какъ къ намъ стали набираться киргизы. Оказалось, что близъ пикета мировой съѣздъ (топъ) почетныхъ киргизъ двухъ округовъ: Копальскаго и Алатавскаго. Непріязнь киргизовъ того и другого округа началась съ того, что Джаланховскіе киргизы (Большой Орды) имѣли претензію на земли между рѣкою Караталомъ и хребтомъ Джономъ.

Здѣсь же мы узнали исторію Тайнике Дюсетева,

человѣка, игравшаго въ свое время большую роль. Еще до поступленія въ подданство Большой Орды, послѣдняя имѣла разные счеты съ Средней Ордой по грабежамъ и барантамъ. Когда накапливались претензіи подобнаго рода съ обѣихъ сторонъ, вліятельные люди обѣихъ ордъ предлагали кончить дѣло мировымъ съѣздомъ. Кажется, въ началѣ 1840-хъ годовъ одинъ изъ султановъ Большой Орды Рустемъ Абулфензовъ произвелъ нѣсколько разъ баранту и угналъ много скота у пограничныхъ волостей Средней Орды. Когда дѣло дошло до расчетовъ, Рустемъ выразилъ желаніе договориться о вознагражденіи съ шестью выборными біями отъ пограничныхъ киргизъ Средней Орды. Едва послѣдніе прибыли на назначенное мѣсто, какъ Рустемъ измѣннически убилъ ихъ. Спасся только одинъ изъ пріѣхавшихъ біевъ, Тайнике.

Добравшись до родныхъ ауловъ, Тайнике, сгорая желаніемъ мести, кликнулъ кличъ и собралъ нѣсколько сотъ отчаянныхъ головорѣзовъ, готовыхъ исполнить все по слову своего вождя. Послѣ того онъ началъ громить всю Большую Орду и преимущественно султана Рустема, отгоняя стада и отнимая все, имѣющее цѣну. Этотъ погромъ имѣлъ большое вліяніе на подчиненіе Большой Орды Россіи. Послѣ подчиненія той части Орды, которая лежитъ на правомъ берегу Или, заилійскіе киргизы не подчинялись подъ тѣмъ предлогомъ, что они находятся подъ давленіемъ Ташкентцевъ, теперь же они звали русскихъ. Послали къ нимъ Г—го съ отрядомъ въ 1851 году. Заилійскіе киргизы, состоявшіе частью изъ недовольныхъ и удалившихся за рѣку Большой Орды киргизъ, встрѣтили наши войска враждебно, несмотря на просьбы о присылкѣ отряда. Экспедиція окончилась неудачно. Послали другой отрядъ, Курбышева. Анненковъ, бывшій на ревизіи киргизскихъ степей, предложилъ отправить съ отрядомъ и желаю-

щихъ принять участіе въ экспедиціи киргизъ Средней Орды. Тогда Тайнике отправилъ своихъ джигитовъ, одѣтыхъ въ кольчуги и вооруженныхъ какъ нельзя лучше. Какое чувство испытывала Большая Орда при видѣ джигитовъ Тайнике, можно судить по тому, что юсеневцы вызывались послать съ Карбышевымъ сколько угодно джигитовъ, лишь бы отозвать отрядъ Тайнике. Удачи Тайнике избаловали его. Изъ лихого наѣздника, мстящаго за кровь, онъ превратился въ грабителя. Ему показалось выгоднымъ тянуть свою роль и тянуть ее безъ конца, благодаря подкупности нашей администраціи. Во время нашего пути намъ много разъ жаловались на грабежи и самоуправство Тайнике. Казаки въ Копалѣ говорили, что съ Тайнике «нѣтъ рады, а окружной приказъ всегда его находитъ правымъ».

Утромъ 27-го Октября въ одиннадцать часовъ мы отправились на урочище (кажется) Кара-Су. Хотя Тайнике разбилъ для насъ юрту, но мы заѣхали въ юрту старшаго султана Копальскаго округа. Недалеко отъ нея ждали насъ всѣ съѣхавшіеся на топу киргизы. Это былъ цѣлый полкъ всадниковъ на хорошихъ коняхъ, которые дождались насъ, а потомъ тронулись съ нами.

Въ небольшую юрту султана набрались важнѣйшіе біи и усѣлись кругомъ. Зная, что мы ѣдемъ по Высочайшему повелѣнію, они начали съ жалобъ на казаковъ, на притѣсненія со стороны послѣднихъ, на забираніе ими киргизскихъ земель. Эти жалобы приносятся намъ на каждомъ пикетѣ и въ каждомъ аулѣ, гдѣ заранѣе узнаютъ, кто мы; но онѣ, жалобы, касаются обыкновенно не того, что казаки поселены въ степи, но ихъ произвола и незаконныхъ поземельныхъ захватовъ. Теперь біи двухъ ордъ жаловались на самое поселеніе казаковъ въ степи, на то, что поселенія стѣсняютъ киргизъ, наконецъ на то, что казаки, сбирая на своихъ

лугахъ сѣно, продаютъ его не киргизамъ, а сартамъ и татарамъ.

До этого я не говорилъ ни слова. Но тутъ, послѣ подобной жалобы, произнесенной вслухъ представителями всей Сибирской степи, я почелъ долгомъ отвѣтить черезъ Ибрагимова слѣдующее. У китайскихъ киргизовъ, какъ намъ говорилъ султанъ Ботаке, очень много земель. Ихъ въ зимовкахъ никто не стѣсняетъ. Казаковъ тамъ нѣтъ. Китайцы прежде требовали со Средней Орды всѣхъ податей, 1000 лошадей, лучше сказать, ничего не требовали. Китайцы въ управленіе киргизовъ не вмѣшиваются. Кажется хорошо. Отчего же китайскіе киргизы спасаются теперь въ наши предѣлы? Оттого что они на средства, сбираемыя съ киргизовъ, не могутъ содержать войска, достаточнаго для поддержанія порядка между ними. Мы знаемъ, что теперь за то, что китайцы не берутъ податей, они не могутъ защитить своихъ подданныхъ. Теперь калмыки тамъ рѣжутъ и грабятъ киргизовъ, такъ что послѣдніе не знаютъ, куда спастись. У насъ въ Россіи земли много. Вы подданные Россіи, и послѣдняя, несмотря на свое поземельное богатство, послала русскихъ заселить ваши степи, чтобы охранять васъ. Россія не можетъ допустить, чтобы ея подданные не пользовались полнѣйшимъ спокойствіемъ. Для охраны покоя противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ необходимы войска. Несмотря на рѣдкое населеніе, Россія послала своихъ сыновъ, приказавъ имъ охранять вашъ покой и приказавъ имъ оставаться для того постоянно въ степяхъ. Это и составило поселенія. Потому ваша жалоба на стѣсненіе имѣетъ очень странный характеръ. Вы будто хотите, чтобы опять поднялись баранты, усобицы и войны.

Съ моими словами коммиссія согласилась и они произвели сильное впечатлѣніе на киргизъ, которые замяли свои слова и сказали, что мы ихъ не такъ поняли.

Послѣ мы просили біевъ открыть свои засѣданія. Всѣ подписавшіе условіе біи и султаны сѣли кружкомъ на разостланные въ полѣ кошмы и тикеметы. Кругомъ на нѣкоторомъ разстояніи усѣлся народъ. Мы тоже присѣли за важнѣйшими біями и судъ начался. Въ кружокъ входилъ истецъ и излагалъ жалобу. Его разспрашивали біи Джалаировъ и Наймановъ, которые сидѣли въ перемежку черезъ одного. Потомъ постановлялось рѣшеніе.

Обыкновенный аттрибутъ первобытнаго полудикаго суда есть обращеніе къ Богу. Отсутствіе юридически-развитого понятія о правѣ отражается на взглядѣ судей. Невыработанность процедуры и первоначальныхъ пріемовъ судопроизводства затрудняетъ судей. Въ результатѣ каждаго суда надъ кѣмъ бы то ни было останется недоумѣніе и недостатокъ ощутительныхъ данныхъ, на которыхъ, по мнѣнію неопытныхъ судей, только и можно основать приговоръ. Оттого необходимо убѣждаться въ истинѣ приведеніемъ къ присягѣ, средневѣковыми ордаліями, поединками, испытаніемъ водою, огнемъ и проч. По мусульманскому шаріату многія дѣла кончаются присягою. Такой мистическій взглядъ ненормаленъ вездѣ. кромѣ киргизскихъ степей. Здѣсь аулы составляются исключительно изъ родичей. Послѣдніе, конечно, не могутъ быть свидѣтелемъ чего-либо pro или contra по отношенію къ своему соаульнику. Народонаселеніе здѣсь очень рѣдко. Оно кочуетъ и отнимаетъ тѣмъ возможность у слѣдователя произвести толковое слѣдствіе. И то, и другое, и третье обстоятельства уничтожаютъ всякую возможность собрать улики для обвиненія. Остается присяга, по правиламъ Шаріата.

Мы выслушали нѣсколько дѣлъ, по преимуществу касающихся воровства. Всѣ они окончились принятіемъ присяги по шаріату. Вотъ одно изъ нихъ. Киргизъ наймановскаго рода жаловался передъ судилищемъ, что киргизъ—джалаиръ отогналъ у него шесть лошадей.

Истецъ нашелъ своихъ лошадей и возвратилъ ихъ, но во время погони загналъ своихъ двухъ лошадей,—онъ требовалъ за это вознагражденія. Біи обратились къ джалаиру за отвѣтомъ. Тотъ, не конфузясь, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно укралъ у наймана шесть лошадей, но отдалъ ихъ обратно, когда тотъ уличилъ его. Что-же касается до загнанныхъ найманомъ лошадей, то это натяжка, которой онъ не вѣритъ. Біи спросили тогда наймана, какія у него доказательства, что у него упали лошади. Онъ отвѣтилъ, что про то знаетъ вся волость. Такъ какъ это случилось два года тому назадъ, то біи послали наймана отыскать въ своей волости хорошаго человѣка, который подтвердилъ бы его жалобу присягою. Тогда джалаиръ объявилъ, что, не желая гнѣвить Бога ложною присягою даже со стороны своего противника, онъ выбираетъ другое предложеніе, сдѣланное біями, именно: уплатить найману одну изъ павшихъ у него лошадей. Тѣмъ сужденіе и кончилось.

Едва противники встали и вышли изъ круга, какъ одинъ джалаиръ призвалъ только что удовлетвореннаго истца наймана къ суду. Онъ обвинялъ послѣдняго въ слѣдующемъ: «Однажды я ночевалъ у этого наймана, ведя съ собой шесть верблюдовъ. На другой день, во время пути, онъ укралъ ихъ у меня». — Біи: Когда это было?—Джалаиръ: Полтора года тому назадъ. Біи: Какія у тебя доказательства?—Джалаиръ: Совѣсть и Богъ. — Біи: Не жаловался ли ты кому или не говорилъ ли своей волости? — Джалаиръ: Нѣтъ, потому что я считалъ это безполезнымъ. Молчаніе. Одинъ изъ біевъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ: очень можетъ быть, что этотъ джалаиръ, въ отмщеніе найману за выигранное имъ только что дѣло, взводитъ на него обвиненіе въ отмщеніе за своего родича. Біи, обращаясь къ джелаиру: — Нѣтъ ли у тебя какихъ-либо данныхъ, подтверждающихъ твою жалобу? — Нѣтъ. Рѣшеніе біевъ: жалоба

джалаира неосновательна и не можетъ служить обвиненіемъ найману, потому оставляется безъ послѣдствій.

Въ нашемъ присутствіи приносились и другія жалобы, могущія вызвать гомерическій смѣхъ. Одинъ джалаиръ жаловался, что телленгутъ султана Сюка (слѣдовательно, тоже Большой Орды) пріѣхалъ разъ къ нему въ аулъ и потамырился (подружился). При этомъ случаѣ онъ попросилъ верблюда и получилъ его. Черезъ нѣсколько времени онъ опять попросилъ у джалаира верблюда и опять получилъ. Тогда — говорилъ истецъ—поѣхалъ я къ нему въ аулъ. Онъ же, не соблюдая правилъ тамырства, завѣщанныхъ отцами, не только не далъ ничего, но прогналъ меня. Судьи серьезно и долго занимались жалобою джалаира.

Постановляя какое-либо рѣшеніе о вознагражденіи, біи давали лицу, выигравшему искъ, ассигновку за подписью всѣхъ судей.

По этой ассигновкѣ лицо ѣхало въ волость своего антагониста и получало вознагражденіе. Дѣла записывались по мѣрѣ своего рѣшенія двумя муллами, джалаировцемъ и найманомъ. Особенное вниманіе обращалось со стороны біевъ на время и мѣсто присяги, назначаемой судомъ. Впрочемъ, какъ всегда, судъ біевъ не имѣлъ силы привести свое постановленіе въ исполненіе. Тайнике и киргизы его волости произвели нѣсколько грабежей во время самаго топа. Хоть Тайнике былъ въ числѣ біевъ, но на него приносилось множество жалобъ. При разборѣ ихъ, онъ отодвигался немного назадъ и молчалъ, — правило, требуемое киргизскимъ правомъ.

Мы купили и зарѣзали кобылу въ честь знатныхъ лицъ обѣихъ ордъ. Это возмутило теченіе дѣлъ. Біи, разбирая дѣла, безпрерывно перекрикивались съ киргизами, толпящимися у огней, на которыхъ варились ла-

комые куски. Наконецъ судьи объявили, что пора молиться Богу, и встали.

Мы поѣхали въ юрту къ Костырко, секретарю копальскаго приказа, «бывшаго на мировомъ съѣздѣ для приданія ему наибольшей оффиціальности». Со стороны Алатавскаго округа былъ командированъ для той же цѣли поручикъ Безсоновъ. Здѣсь мы завтракали, а потомъ поѣхали на байгу, устроенную на наши деньги. Первый призъ былъ въ десять рублей серебряною монетою; второй въ пять; третій въ три и, наконецъ, послѣдній въ рубль. Пока бѣгунцы удалялись на надлежащее разстояніе, киргизы затѣяли борьбу. Нужно сказать, что мы и всѣ киргизы были верхами; по правую сторону расположились цѣлые эскадроны джалаировъ, по лѣвую отъ насъ стали найманы. Какъ только выходилъ борецъ найманъ, его колѣно поднимало крикъ, вызывая на бой джалаировъ, и наоборотъ. Первая пара борцовъ изъ двухъ враждебныхъ лагерей была, вѣроятно, сливками двухъ племенъ. Они возили себя съ добрыхъ полчаса и разошлись отъ изнеможенія, не побѣдивъ другъ друга. Послѣ же всѣ борцы джалаиры одолѣвали всѣхъ наймановъ къ великому огорченію ихъ родичей. Между борьбой киргизскій миннезингеръ пѣлъ импровизаціи въ честь нашу и знаменитѣйшихъ біевъ, которыхъ для этой цѣли вызывалъ впередъ сформировавшагося около арены кружка. Одинъ изъ важнѣйшихъ біевъ, выслушивая цвѣтистыя похвалы, обращенныя къ нему, пришелъ въ такое умиленіе, что закричалъ миннезингеру: «обѣщаюсь дать тебѣ девятку отъ верблюда!» Впрочемъ, послѣ разспросовъ оказалось, что такія пышныя обѣщанія остаются обѣщаніями и обыкновенно дѣлаются при большихъ собраніяхъ для важности. На байгѣ всѣ первыя лошади, кромѣ третьей, оказались наймановскими, чтó ихъ утѣшило видимо. Каждую изъ

своихъ лошадей, прибѣгающихъ впередъ другихъ, они сопровождали криками: найманъ! найманъ!

Послѣ играли въ кокъ-бурэ; побѣдителемъ остался джалаиръ.

По окончаніи празднества мы уѣхали. Насъ долго провожала цѣлая куча всадниковъ. Изъ того числа тѣ, кто ѣхали далѣе другихъ съ нами, имѣли непремѣнно какую-либо жалобу.

Недалеко отъ Сары-Булака мы наѣхали на цѣлую деревушку мазанокъ въ родѣ хатъ, но безъ крышъ. Около мазанокъ стояли юрты. Мы подъѣхали къ этой странной деревушкѣ. Оказалось, что здѣсь поселились ташкентцы. Они жаловались намъ на то, что киргизы, на земляхъ которыхъ они поселились для земледѣлія, требуютъ отъ нихъ, чтобы они несли повинности наравнѣ со всѣми. Мы отвѣтили, что намъ кажется это справедливымъ, какъ нельзя болѣе.

Мѣстность, по которой мы ѣхали, была вся покрыта булыжниками и голышами: видно, что много произошло переворотовъ прежде, чѣмъ Караталъ, въ долинѣ котораго мы подвигались, вошелъ въ свое настоящее русло.

Вечеръ былъ чрезвычайно хорошъ. Солнце ярко потухало на западѣ, освѣщая снѣжныя громады и золотя блестящія пики. Кругомъ все было совершенно безмолвно и тихо. Когда же мы останавливались на минуту, недалеко слышенъ былъ шумъ и говоръ Каратала, бѣгущаго уже недалеко по своему наклонному руслу. Этотъ шумъ увеличивался по мѣрѣ нашего движенія впередъ.

Вотъ и Караталъ. У громаднаго камня, метаморфической формаціи, высунувшагося надъ рѣкой, остановился я, чтобъ полюбоваться бурнымъ потокомъ рѣки. Она здѣсь шириною шаговъ въ пятьдесятъ; вода прыгаетъ черезъ каменья, брызжетъ и пѣнится, падая каскадами и обѣгая высокіе зубья камней, высунувшихся изъ дна, струится отъ быстроты длинными полосами

свинцово-молочнаго цвѣта. Немного далѣе оттуда мостъ, перекинутый съ одного камня на другой. Прежде нѣсколько ниже строили мосты на быкахъ, и каждую весну вода сносила и мостъ, и быки, не оставляя ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго труда. Теперь воспользовались двумя каменьями, высунувшимися съ противоположныхъ береговъ, чтобы построить мостъ болѣе прочнымъ манеромъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы переѣзжали по мосту черезъ шумящую рѣку. Небо заблистало тысячами звѣздъ, а кругомъ лежала та непроницаемая темень, которая всегда слѣдуетъ за яркимъ днемъ. Я разспрашивалъ у ѣдущихъ около насъ киргизъ про ихъ астрономическія понятія. Они мнѣ отвѣчали, что полярную звѣзду они называютъ желѣзнымъ гвоздемъ (темиръ-газыкъ). Къ этому гвоздю привязаны двѣ лошади на арканахъ — одна золотая, другая серебряная. Каждую ночь, когда лошади начинаютъ ходить около темиръ-газыки, семь воровъ (большая медвѣдица) крадутся около лошадей, чтобы украсть ихъ. Какъ вездѣ, человѣкъ вноситъ свои пониманія, и, нужно сознаться, почти всегда пониманія весьма ограниченныя, въ міровые законы.

28-го октября. Выйдя на другой день съ солнечнымъ восходомъ изъ пикета Сюковскаго (Кара-Булакскій тожъ), я увидѣлъ, что онъ построенъ посреди горъ. Недалеко отъ станціи видѣнъ Каратыльскій выселокъ, состоящій изъ двухъ десятокъ небольшихъ хатокъ. Видно, что казаки, переселенные сюда, либо бѣдны, либо не поспѣли еще «поправиться». Съ пикета слышно было, какъ шумѣлъ Караталъ. День былъ теплый и хорошій.

Утромъ мы выѣхали со станціи. Пришлось безпрерывно подниматься черезъ горы и переѣзжать черезъ горные потоки. Кругомъ толпились высокія горы, опорошенныя снѣгомъ. Слѣдующая станція была еще тя-

желѣе. Мы стали переваливать черезъ высокія горы. Дороги были очень нехороши. Снѣгъ, полурастаявшій отъ жаркаго солнца, лежалъ киселемъ на пути. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ экипажъ скользилъ по опаснымъ косогорамъ, намекая на возможность опрокинуться въ какое-нибудь сухое русло весенняго потока. По бокамъ все выше и выше поднимались горы, а изъ-за нихъ смотрѣли другіе гиганты. На горахъ мы встрѣтили кочующихъ киргизовъ. Все имущество было нагружено на нѣсколько верблюдовъ и быковъ. На лошадяхъ ѣхали только мужчины, которые были вооружены. Такъ и видно, что мы приближаемся къ границѣ. Почтарь, гнавшій за нами запасныхъ лошадей, былъ тоже вооруженъ саблею въ желѣзныхъ ножнахъ. Вообще говоря, люди, не вооруженные винтовкой или саблей, здѣсь попадаются рѣдко. Другое замѣчаніе: чѣмъ мы далѣе подвигаемся внутрь Большой орды, тѣмъ лица киргизъ становятся смѣлѣе и тѣмъ болѣе видно дичи. По пути безпрерывно попадаются всадники, верхомъ на быкахъ, управляющіе послѣдними помощью веревки, продѣтой въ ноздри. Сѣдло держится на спинѣ такъ же, какъ у лошади. Вмѣсто подхвостника на быка надѣта какая-то шлейка, которой назначеніе удерживать сѣдло на спинѣ при спускахъ съ горъ.

Съ вершины перевала, на который мы взобрались съ величайшимъ трудомъ, открывается возвышенная долина рѣки Коксу [1]). Теперь вся она была бѣла отъ снѣга.

---

[1]) Коксу (по-киргизки-синяя вода), главный притокъ Каратала, беретъ начало въ снѣжныхъ вершинахъ сѣверо-западнаго склона Алатау. Длина рѣки около 200 верстъ. Такъ какъ и эта рѣка очень неудобна для переправы, то черезъ нее существуютъ два постоянныя сообщенія, одно въ 20 верстахъ выше Царицинскаго пикета, тамъ, гдѣ Коксу вырывается изъ тѣснаго ущелья, обставленнаго высокими гранитными горами. Здѣсь же находится коксунскій выселокъ (менѣе 100 душъ), построенный на абсолютной высотѣ въ 3,500 ф. У Царицынской станицы есть также постоянные мосты черезъ оба рукава, на которые разбивается здѣсь Коксу.

Самая рѣка, которой не было видно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была обставлена группами тополей. Впереди и и по бокамъ поднимались высокія горы. Лѣтомъ, говоритъ Г — ій, эта долина необыкновенно живописна: впрочемъ, и теперь она красива. Верстъ десять спускались мы въ эту долину. Когда ямщикъ останавливался, чтобы тормазить экипажъ, снизу до насъ долеталъ сердитый шумъ не-видной еще рѣки.

Коксуйскій пикетъ, къ которому мы спустились, еще не совершенно отстроенъ. Солдаты ходили по верху красиво отбѣленнаго домика и ставили крышу. Пикетъ очень чистъ и хорошо построенъ. Около, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, шумитъ Коксу, бѣшено катя свои аквамариновыя чистыя воды черезъ валуны и каменья. Говорятъ, что весною рѣдко кто рискуетъ переправляться вбродъ по Коксу или Караталу. Если лошадь опрокинута, то и всадникъ, и лошадь будутъ заверчены въ быстринѣ и разбиты о каменья, и тутъ нужна особенная случайность, чтобы спастись. Противъ пикета, черезъ два рукава Коксу переброшено два моста, красиво и, кажется, крѣпко построенные. Чтобы предохранить ихъ отъ разрушенія, еще достраивали на острову между мостами (впереди перваго) плотину изъ каменьевъ, которая должна отражать стремнину.

Мѣсто около пикета очень оживленное. Думается, здѣсь хорошо подъ немолчный шумъ рѣки и удары топоровъ, предвѣстниковъ цивилизаціи. Работали и мостъ, и пикетъ солдаты, нарочно командированные для того.

Замѣчу здѣсь, что наша армія на Кавказѣ и здѣсь прокладываетъ пути къ цивилизаціи не только завоеваніями, не только поддержаніемъ порядка, но и сооруженіями и иногда гигантскими работами. Это величайшая слава русской арміи. Одно жалко, солдатъ эксплуатируютъ слишкомъ безцеремонно. Напр., здѣсь, на Коксуйскомъ пикетѣ за огромный урокъ, который солдатъ

едва можетъ окончить въ два, три дня, ему платятъ 16 копѣекъ. Это безсовѣстно, тѣмъ болѣе что деньги отдаются неаккуратно. Несмотря на то, по отзыву инженернаго офицера, работаютъ наши солдатики охотно и хорошо.

Пообѣдавши на пикетѣ, мы поѣхали въ Коксуйскій, выселокъ, расположенный на Коксу въ двѣнадцати верстахъ выше пикета. Я и Г—ій поѣхали верхами. Дорога идетъ сперва по берегу рѣки, которая шумитъ и пѣнится чуть не подъ ногами. Потомъ дорога отходитъ отъ рѣки, приближаясь къ горамъ. Намъ поминутно приходилось переѣзжать черезъ горные потоки съ такимъ значительнымъ паденіемъ, что было видно, какъ эти протоки поднимались выше и выше по горнымъ покатостямъ и скрывались, наконецъ, въ щеляхъ между скалъ. Было уже совершенно темно, когда мы приблизились къ мосту, перекинутому черезъ Коксу въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка выходитъ изъ горъ. Въ темнотѣ лошади едва пошли черезъ мостъ надъ прыгающимъ внизу потокомъ. Въ полуверстѣ отъ моста расположенъ выселокъ.

29-го октября. Проснувшись утромъ, я отправился прогуляться. Дворъ того дома, гдѣ намъ отведена была квартира, примыкалъ или, лучше сказать, оканчивался у подножія огромной горы, на вершинѣ которой ходило облачко. На самомъ верху поднимались пихты. По странному стеченію обстоятельствъ, несмотря на позднее время года, гора не была покрыта снѣгомъ. Коксуйскій выселокъ стоитъ гораздо выше Коксуйскаго пикета. Здѣсь за холодомъ не всегда дозрѣваетъ хлѣбъ, хотя по широтѣ тутъ могъ бы расти виноградъ. Выселокъ не великъ и расположенъ вертикально къ лѣвому берегу Коксу. Его положеніе чрезвычайно важно въ стратегическомъ отношеніи. Онъ лежитъ на пути въ Китай черезъ Уйгенъ-Ташскій или Югенъ-Ташскій проходъ.

Отъ выселка до границы Китая около пятидесяти верстъ. Дорога огибаетъ сѣверо восточный конецъ Алтынъ-Имельскаго хребта, сильно здѣсь понижающагося, и переваливаетъ на китайскую сторону черезъ Югенъ-Ташъ (размытый камень). Югенъ-Ташскій проходъ весьма удобенъ для каравановъ лѣтомъ. Зимою же онъ заваливается снѣгомъ. Тогда караваны, слѣдующіе изъ Кульджи въ Копалъ, идутъ другимъ проходомъ, Алтынъ-Имельскимъ, лежащемъ въ сотнѣ верстъ къ юго-западу отъ Югенъ-Ташскаго. Дорога черезъ Алтынъ-Имель кружная и подъемы на ней черезъ пониженія Алтынъ-Имельскаго хребта труднѣе для каравановъ; но зато зимою снѣгомъ онъ не заваливается.

Путь изъ Алтынъ-Имельскаго прохода на Копалъ опять поворачиваетъ въ долину Коксу и идетъ теперь по новой дорогѣ, мимо Коксуйскаго пикета; прежде дорога шла восточнѣе и именно мимо Коксуйскаго выселка. Говорятъ, она немного затруднительна, потому что большею частью идетъ по долинѣ одного изъ южныхъ притоковъ Коксу, которая вся завалена валунами. Какъ бы то ни было, оба пути изъ Кульджи къ сѣверу соединяются недалеко отъ Коксуйскаго выселка. Это тѣмъ болѣе важно, что на югъ отъ самаго Барлынскаго хребта до рѣки Или существуетъ только два прохода черезъ Алатавскій хребетъ, и эти два прохода: Алтынъ-Имельскій и Югенъ-Ташскій.

Выселокъ расположенъ при самомъ выходѣ рѣки Коксу изъ тѣснаго ущелья Алатавскихъ горъ. Мы всѣ пошли по тропинкѣ, вьющейся по лѣвому берегу Коксу подъ огромными высотами. Мостъ на Коксу построенъ на двухъ каменьяхъ, высунувшихся съ противоположныхъ береговъ, на одномъ быкѣ. Рѣка стремительно врывается здѣсь въ узкое русло и шумитъ, и пѣнится подъ мостомъ. Чѣмъ дальше шли мы въ долину, тѣмъ рѣка становилась шумнѣе и окрестныя горы сдвигались ближе

и поднимались выше. На одной изъ нихъ на самомъ верху торчалъ густой пихтовый лѣсъ, и отъ этого лѣса до самой тропинки шла осыпь изъ разрушенныхъ породъ. Два казака изъ выселка карабкались кверху по этой осыпи съ топорами за поясомъ. Еще далѣе вверхъ по долинѣ рѣка уже не течетъ, а прыгаетъ по каменному дну каскадами. Въ одномъ мѣстѣ особенно намъ показались живописными три послѣдовательныхъ каскада. Выбравъ каменья, по которымъ можно было спуститься къ самому руслу, я сѣлъ на каменную холодную глыбу и спустилъ ноги въ воду. Около меня, по правую сторону, Коксу падала каскадомъ, раздѣляемая двумя каменьями, на три части, которыя соединялись другъ съ другомъ на пѣнистомъ днѣ каскада. Высота каскада была въ уровень съ моею головою и я могъ видѣть прозрачную толщу воды и розоватое, вѣроятно парфировое, дно, составляющее уступъ, и наблюдать, какъ вода еще спокойно и медленно цѣлою массою переливалась за край этого уступа. Она разрѣзалась двумя острыми каменьями и пѣнясь, и шумя, падала въ каменистое дно каскада. Но едва поверхность рѣки выравнивалась, какъ вода падала на новомъ уступѣ и потомъ еще на одномъ. Нужно было громко говорить, чтобы перекричать шумъ каскадовъ. Около, подъ моими ногами, въ тихомъ омутѣ, вода кружилась чуть замѣтно и на глубинѣ не менѣе сажени можно было разобрать малѣйшую песчинку.

Я прислушивался къ ропоту и шуму рѣки, глядѣлъ на дикое, черное ущелье, на уступы скалъ, запиравшихъ рѣку со всѣхъ сторонъ, на неподвижную щетину хвойнаго лѣса, торчащаго на вершинахъ, на облака, прилѣпившіяся къ горнымъ покатостямъ, на пустынный, мрачный и чрезвычайно красивый видъ всего этого,—смотрѣлъ и подумалъ: не лучше ли жить въ красивой глуши и любоваться всѣмъ, что лежитъ теперь передъ глазами,

чѣмъ грызться въ Петербургѣ съ такъ называемыми знакомыми?

Внизъ по теченію Коксу, черезъ всю ея долину, черезъ всю ширину мѣста, гдѣ она расширяется, поднимались снѣжныя горы. Всѣ эти горы и скалы, казалось, такъ близко столпились другъ съ другомъ; изъ-за каждой высоты торчало столько пиковъ и вершинъ, что рѣка будто бы была заключена въ какой-то впадинѣ безъ входа и выхода...

Дома насъ ждалъ завтракъ, на который мы пригласили китайскаго полковника, живущаго здѣсь. Тутъ вообще много китайцевъ. По случаю возстанія дунгеней, Кульджа отрѣзана отъ всѣхъ своихъ сообщеній. Въ настоящемъ году дзянъ-дзюнъ Илійской провинціи просилъ у генерала Колпаковскаго позволенія проѣхать китайскимъ чиновникамъ по нашей территоріи изъ Кульджи въ Хобдо за жалованьемъ для войскъ. Колпаковскій дозволилъ. Чиновники провезли благополучно въ Кульджу около 150 пудъ серебра на перекладныхъ по нашей почтовой линіи. Съ тѣхъ поръ всѣ сообщенія съ Чугучакомъ, Кульджей и Пекиномъ производятся изъ Кульджи черезъ нашу территорію. Но дунгени, узнавъ про этотъ путь сообщеній, заперли Кульджу и со стороны запада. Оттого одинъ изъ транспортовъ серебра въ 150 пудъ, шедшій въ послѣднее время изъ Хобдо въ Кульджу, по необходимости остановился на Коксуйскомъ выселкѣ. Начальникъ транспорта са-галдай-Симбо (полковникъ Симбо) расположился съ десятками двумя подчиненныхъ ему китайцевъ сперва въ юртахъ. Теперь онъ нанялъ у казаковъ квартиры.

И такъ, мы пригласили са-галдая на завтракъ. Онъ явился въ полной парадной формѣ, т. е. въ форменной шляпѣ съ синимъ шарикомъ, прикрѣпленнымъ бронзовыми схватами и длинными соболиными хвостами и павлиньими перьями, висящими назадъ съ этой шляпы. Онъ

поклонился и подалъ намъ руку. За нимъ вошли два китайца, изъ которыхъ у одного былъ на шляпѣ мѣдный шарикъ. Поговоривъ о разныхъ общихъ предметахъ, разспросивъ у Г., кто полковники, кто капитанъ и кто секретарь, Са-Галдай показалъ что-то рукой китайцу съ мѣднымъ шарикомъ. Тотъ принесъ ему трубку. Пустивъ изъ нея разъ дымъ, Са-Галдай обтеръ рукою мундштукъ и передалъ Г., а потомъ, пустивъ другую струю, передавалъ намъ всѣмъ по порядку. Каждый изъ насъ изъ приличія притворялся нѣкоторое время, будто онъ куритъ, а потомъ передавалъ трубку Галдаю. Мы разговаривали черезъ двухъ переводчиковъ. Одинъ изъ взошедшихъ съ галдаемъ китайцевъ говорилъ по-киргизски и передавалъ нашему переводчику слова Галдая, а тотъ уже передавалъ намъ.

Мы не могли добиться отъ галдая, кто такіе дунгени. На каждый нашъ вопросъ политическаго содержанія онъ говорилъ только, что, пока русскіе не помогутъ, имъ не сладить съ дунгенями, что русскимъ стоитъ только явиться въ самомъ незначительномъ количествѣ, и манджуры сейчасъ возстановятъ спокойствіе.

Подали завтракъ. Мы налили китайцу водки и выпили сами по рюмкѣ. Галдай выпилъ, потомъ налилъ пивной стаканъ и, отпивши немного, подалъ его Г. Послѣ того опять отпилъ немного и подалъ мнѣ и такъ далѣе. Мы опять притворялись, что пьемъ изъ предложеннаго намъ стакана, хотя неопрятная манера китайцевъ пить заставляла насъ быть осторожными. Принимаясь за ѣду, китаецъ вытащилъ ножъ, висящій сбоку, и двѣ костяныя палочки. Все это находилось въ однихъ ножнахъ. Костяныя палочки, сложенныя вмѣстѣ, служили ложкою, а порознь исправляли должность вилокъ. Галдай ѣлъ исправно и еще болѣе исправно пилъ водку. Изрѣдка онъ подавалъ намъ куски мяса со своей тарелки. Послѣ перваго блюда одинъ изъ китайцевъ, гостящихъ при

галдаѣ, поставилъ на нашъ столъ принесенное съ квартиры Симбо блюдечко съ изрѣзаннымъ на немъ мясомъ. Галдай совалъ намъ поочередно свое блюдо. Послѣ второго нашего блюда китаецъ угощалъ насъ другимъ блюдомъ (холодною свининою), опять-таки принесеннымъ съ его квартиры, и какою-то отвратительною приправою, напоминающей по цвѣту французскую горчицу. Послѣ нашего третьяго блюда китайцы принесли грязные блинчики. Замѣтивъ, какъ жадно смотрѣли на графинъ водки два китайца, стоявшіе около стула галдая, мы имъ налили по рюмкѣ. Одинъ изъ нихъ, старшій, выпилъ тутъ же, другой выпилъ въ другой комнатѣ, — таковъ ужъ этикетъ. Блюда, поданныя имъ, съѣдались тѣмъ же порядкомъ, стоя. Галдай объявилъ, что его подчиненные не могутъ сѣсть въ его присутствіи.

Послѣ завтрака галдай оказался наполовину пьянъ. По нашей просьбѣ, онъ показалъ намъ свой лукъ, стрѣлы, турку, сѣдло, саблю. Про ружья онъ отозвался, что лукъ лучше ружья на близкомъ разстояніи.

Мы отправились домой на Коксуйскій пикетъ часа въ два послѣ обѣда, одаривъ галдая разными бездѣлушками. Мы съ Г—мъ ѣхали опять верхами, около громкошумящей Коксу.

На пикетъ мы пріѣхали передъ вечеромъ и рѣшились здѣсь ночевать.

30-го октября. Рано утромъ выѣхали по направленію Алтынъ-Имельскаго пикета. Переѣхавъ черезъ оба моста на Коксу, мы съ трудомъ стали подниматься на отроги Алатаускихъ горъ, носящіе здѣсь названіе Котуркая. Подъемъ былъ чрезвычайно труденъ, въ особенности вслѣдствіе мокраго и скользкаго снѣга, покрывавшаго покатости горъ. Мы едва поднялись въ нѣсколько пріемовъ. Во время одной изъ остановокъ человѣкъ, подкладывая подъ колеса камни, схватилъ со снѣга кусокъ

каменной соли, довольно чистой и бѣлой. На языкъ соль показалась крѣпкою. Какъ этотъ кусокъ попалъ сюда, не знаю. Нѣтъ ли гдѣ пластовъ каменной соли въ окрестности? Подъемъ продолжается шесть верстъ.

Съ вершины Котуркая открывается вся цѣпь Алтынъ-Имельскаго хребта. Налѣво видно пониженіе горъ у Югень-Таша, направо горное сѣдло у Алтынъ-Имеля. Алтынъ-Имельскій хребетъ или, строго говоря, одна изъ цѣпей Алатау, отъ обоихъ проходовъ поднимается къ серединѣ все выше и выше и значительно господствуетъ надъ окрестною мѣстностью. Съ вершины Кутуркайскихъ горъ дорога круто начинаетъ спускаться книзу, къ подножію Алтынъ-Имеля до пикета. Отсюда будетъ еще одна станція до Алтынъ-Имельскаго пикета, лежащаго верстахъ въ двадцати отъ прохода. Алтынъ-Имель по-калмыцки значитъ золотое сѣдло. Преданіе говоритъ, что калмыки, очищая пространство къ сѣверу отъ Алатау и переходя черезъ Алтынъ-Имельскій проходъ, зарыли тутъ гдѣ-то золотое сѣдло своего хана, какъ доказательство на право владѣнія окружною мѣстностью.

31-го октября. Сегодня утромъ явился къ намъ Тезекъ, султанъ Атбановскаго рода. Онъ очень вліятельный человѣкъ въ Большой Ордѣ. Онъ былъ въ мундирѣ полковника. Золотая шашка болталась сбоку. Эта шашка дана ему за разбитіе китайцевъ у Бороходжира. Дѣло было слѣдующимъ образомъ. До отхода Большой Орды подъ владычество Россіи, китайцы Илійской провинціи сообщались съ Чугучакомъ и тарабагатайскими китайцами не только по прямой пикетной дорогѣ, но и по такъ называемой объѣздной. Для того обыкновенно изъ Чугучака выѣзжалъ одинъ амбань на Коксу, гдѣ теперь выселокъ, и сюда же пріѣзжалъ другой амбань изъ Кульджи. Здѣсь они размѣнивались

дощечками и разъѣзжались по своимъ мѣстамъ. Послѣ поступленія Большой Орды въ подданство, китайцы долго еще старались удержать за собою это право. Особенно настойчиво стали они домогаться, чтобы съѣхаться на Коксу передъ разграниченіемъ съ Китаемъ. Вѣроятно, они этимъ хотѣли доказать свое право на земли Большой Орды. Чтобы противодѣйствовать ихъ претензіямъ, въ доступныхъ мѣстахъ китайской границы были выставлены наши отряды. Одинъ изъ нихъ (рота пѣхоты) подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Голубева былъ выставленъ у Югенъ-Ташскаго прохода. Однажды онъ послалъ къ китайскому пикету Борохуцзиру поручика Антонова съ девятью казаками. Зачѣмъ нужна была эта посылка—неизвѣстно. Китайцы встрѣтили съ пикета залпами стрѣлъ. Антоновъ былъ убитъ и всѣ его казаки тяжело ранены. Изъ нихъ умерло вскорѣ пять человѣкъ. Когда казаки прискакали къ ротѣ со стрѣлами въ тѣлѣ, Голубевъ, вмѣсто того, чтобы наказать китайцевъ, отступилъ отъ прохода. Тогда на смѣну его и съ приказаніями наказать китайцевъ двинули къ Югенъ-Ташу отрядъ Лерхе. Между тѣмъ китайцы двинулись къ проходу, а съ ними большое количество калмыковъ, имѣющихъ претензію на часть земель Большой Орды. Султанъ Атбаковскаго рода Тезекъ, желая остановить ихъ до прибытія войскъ, собралъ своихъ джигитовъ и бросился на сбродъ, показавшійся уже въ проходѣ. Тезекъ атаковалъ ихъ и разбилъ на голову. Лерхе, прошедшій по слѣдамъ Тезека, говорилъ, что въ проходѣ и по пути къ Борохуцзиру лежало нѣсколько сотъ китайскихъ тѣлъ. Дѣло было въ 1863 году. За это дѣло Тезекъ получилъ золотую шашку съ надписью «за храбрость». Тезекъ небольшого роста. Его блестящіе глаза бѣгали быстро по всей комнатѣ. Говоритъ онъ скоро и умно. Мы пригласили Тезека обѣдать.

1-го ноября. Утромъ поѣхали къ Тезеку. Онъ со своимъ ауломъ стоитъ въ кзёу. Зимовка же его въ тридцати верстахъ отъ кзёу. Аулъ султана раскинутъ недалеко отъ прохода Алтынъ-Имеля въ углубленной долинѣ какого-то ручья. Недалеко оттуда поднимаются уже горы.

Проходъ, извѣстный подъ именемъ Алтынъ-Имеля, состоитъ, строго говоря, изъ двухъ проходовъ. Тотъ, около котораго расположился теперь Тезекъ, называется Джананъ-Алтынъ-Имель, потому что онъ не удобнѣе другого, лежащаго немного къ сѣверо-востоку и извѣстнаго въ окрестности подъ названіемъ Якши-Алтынъ-Имеля.

Для насъ была разбита особенная юрта недалеко отъ султанской ставки. Вскорѣ явился Тезекъ. Выждавъ немного, мы пошли въ его юрту. Внутренность ея ничѣмъ не отличается отъ внутренности юртъ всѣхъ зажиточныхъ киргизъ, только на рогатой палкѣ, подпирающей чагаракъ, можно было разсмотрѣть разное оружіе. Здѣсь висѣло двуствольное ружье тульской работы, штуцеръ допотопной формаціи, котораго стволъ былъ отчеканенъ серебромъ, кривая сабля, лукъ съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами и двѣ ай-балты. Я пересмотрѣлъ все оружіе. Ай-балты очень хорошей работы.

Въ юртѣ насъ принимала старшая жена Тезека (у него ихъ четыре), около которой сидѣла дочь съ довольно красивымъ, но уже помятымъ лицомъ и маленькій замарашка-мальчишка въ желтомъ китайскомъ халатѣ. Обмѣнявшись здѣсь любезностями, мы пошли въ юрту сестры Тезека, вдовы Чокана-Велиханова. Мы выразили ей и, кажется, всѣ отъ души, что чрезвычайно сожалѣемъ о преждевременной смерти ея мужа, который могъ бы быть очень намъ полезенъ и своими свѣдѣніями и своимъ умомъ. Вдова была видимо подавлена своимъ горемъ, но не ломалась и не хныкала. У ней очень доброе лицо.

Въ самомъ дѣлѣ, потерю Велиханова приходится чрезвычайно сожалѣть. Когда онъ шелъ въ гору, киргизская аристократія посылала своихъ дѣтей въ школы и корпуса, видя причину его возвышенія въ его образованіи. Когда сибирское мудрое начальство не утвердило его старшимъ султаномъ Атбассарскаао округа, какъ того желалъ народъ, и стало жать его,—киргизы стали брать своихъ дѣтей изъ корпусовъ. Въ Сыремъ-Бети, у отца Чокана, я видѣлъ трехъ кадетъ изъ киргизъ, которыхъ родители не пускали въ корпусъ, указывая на чахотку и испытанія, выдержанныя Чоканомъ. Дикари всякаго рода могутъ, конечно, цѣнить образованіе только по количеству выгодъ, имъ приносимымъ.

Въ юртѣ своей сестры Тезекъ показывалъ намъ грамоту, данную Императоромъ Александромъ I султану Чакимъ-Беку, его предмѣстнику по управленію Атбановскими волостями, въ 1824 году. Грамота положена въ бархатную папку, обложенную галунами, и къ ней привѣшена большая серебряная печать. Въ грамотѣ особенно сильно бьетъ обѣщаніе, освобождающее на вѣчныя времена Большую Орду отъ рекрутства.

Вернувшись въ свою юрту, мы обѣдали, а послѣ того киргизы и мы стрѣляли въ цѣль изъ луковъ и винтовокъ. Передъ вечеромъ всѣ поѣхали на пикетъ, но я остался въ аулѣ, желая разспросить Тезека про дунгеней, такъ какъ онъ считается знатокомъ китайскихъ дѣлъ.

Я позабылъ сказать про Якуба Велиханова. Онъ былъ здѣсь уже около мѣсяца. Вдова Велиханова, его брата, писала въ семейство своего мужа, прося взять ее въ Сыремъ-Беть. По киргизскому обычаю, на ней долженъ жениться братъ покойнаго, т. е. Якубъ. Пріѣхавъ за ней, онъ разболѣлся и жилъ тутъ, ожидая выздоровленія. Якубъ, видимо, важничалъ превосходствомъ своей цивилизаціи надъ Тезекомъ. Небольшой кошъ,

разбитый имъ, носилъ дѣйствительно на себѣ печать извѣстнаго развитія. Прежде всего тутъ было все опрятно. На слоѣ кошмъ лежало опрятное шелковое одѣяло и подушки въ чистыхъ наволочкахъ. На укахъ и киречахъ висѣли: шашка, револьверъ, нѣсколько паръ блестящихъ сапогъ, щегольскія туфли и прочія принадлежности путешествующаго щеголя. Это все шло въ рѣзкій контрастъ съ кусками кровавой баранины, висящей въ юртѣ Тезека.

Въ кошѣ Якуба было очень тепло. Мы усѣлись пить чай, и я началъ разспрашивать Тезека про дунгеней [1]).

2-го ноября. Нашъ отрядъ, оберегавшій нашу границу со стороны Китая, стоялъ прежде у прохода Югенъ-Таша. Начальникъ отряда, поручикъ Рейнталь, жилъ въ Коксуйскомъ выселкѣ. Послѣ того, какъ Югенъ-Ташъ былъ заваленъ снѣгомъ, отрядъ Рейнталя, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда, перешелъ на Алтынъ-Имель. Кромѣ необходимости наблюдать за проходомъ, отрядъ передвинулся и по другой причинѣ: калмыки, разграбленные въ конецъ дунгенями и киргизами, шли спасаться въ наши предѣлы. Рейнталь, перейдя Алтынъ-Имельскій проходъ, стоялъ выдвинувшись къ самой нашей границѣ, чтобы принять бѣглецовъ. Прошлую ночь онъ далъ знать Тезеку, что отрядъ принялъ на себя свыше тысячи бѣглыхъ калмыковъ съ семействами. Они бѣжали изъ китайскихъ предѣловъ, бросивъ тамъ все свое имущество, даже юрты. У нихъ есть только коши. Ими пригнано также небольшое количество скота. Еще раньше этого набѣга калмыцкіе старшины просили о дозволеніи спастись въ наши предѣлы. Генералъ Колпаковскій спрашивалъ Тезека, будетъ ли достаточно земли въ Атбановскомъ родѣ, чтобы дать зимовки бѣг-

[1]) Всѣ свѣдѣнія, собранныя А. К. Гейнсъ о возстаніи дунгеней, будутъ, сведенныя вмѣстѣ, помѣщены ниже. *Ред.*

лецамъ. Султанъ отвѣтилъ, что земли достанетъ. Говорятъ, что за первымъ эшелономъ бѣглыхъ калмыковъ плетутся еще многія тысячи. Что мы будемъ дѣлать съ ними?

Вообще говоря, поведеніе нашихъ пограничныхъ властей во время дунгенскаго возстанія чрезвычайно неопредѣленно. Мы держимся нейтралитета, между тѣмъ нѣжничаемъ съ манджурами и всячески показываемъ имъ свое расположеніе. Вмѣсто того, чтобы держать себя далеко отъ дунгеней и манджуръ и заставить всѣхъ по крайней мѣрѣ бояться себя, мы заслужили неуваженіе и нелюбовь со стороны дунгеней, еще не давая помощи манджурамъ. Мы даже не въ состояніи удержать своихъ киргизъ отъ вмѣшательствъ въ безпорядки, происходящіе въ китайскихъ предѣлахъ. А напрасно мы не хотимъ дать настоящую цѣну возстанію дунгеней. Едва-ли намъ не придется столкнуться съ ними, если власть манджуръ будетъ истреблена на западѣ Дайцинской державы.

Попрощавшись съ Якубомъ и Тезекомъ, я поѣхалъ на пикетъ. По дорогѣ меня догналъ сынъ Тезека, а съ нимъ двое киргизъ, у которыхъ за сѣдломъ было приторочено по только что убитой дикой козѣ. Это Тезековскій кунъ-агасы намъ на дорогу.

Выѣхали довольно поздно. Недалеко отъ Алтынъ-Имельскаго пикета, справа отъ дороги, поднимается довольно значительная сопка чернаго, страннаго цвѣта. Она извѣстна у киргизъ подъ именемъ Май-Тюбэ, жирной горы. На этой горѣ водится очень много весьма ядовитыхъ змѣй и небольшихъ красныхъ огневиковъ. Если лѣтомъ сюда забредетъ какъ-нибудь скотъ, то его непремѣнно зажалятъ змѣи. Оттого здѣсь множество костей и гніющихъ труповъ — причина названія Май-Тюбэ.

Еще далѣе оттуда, не доѣзжая верстъ шесть до

Куяндузскаго пикета, похороненъ Чоканъ Велихановъ. Мы вышли изъ экипажей и пошли къ его могилѣ, находящейся съ версту отъ дороги. Здѣсь на лѣвой сторонѣ близъ ограды поднимается скромный памятникъ надъ умнѣйшимъ изъ киргизовъ. Въ глиняный памятникъ вмазана деревянная доска, на которой написано: Валій, сынъ Аблай-Хана; Чингизъ, сынъ Валія; Чоканъ, сынъ Чингиза. Далѣе слѣдуетъ какая-то молитва. И тутъ будто бы посмѣялись надъ мощнымъ молодымъ человѣкомъ. Ему въ заслугу ставятъ, что онъ сынъ Чингиза и за него молятся Аллаху въ магометанской формѣ, съ которой онъ боролся во имя другихъ, болѣе высшихъ началъ.

На востокъ отъ могилы видны за дорогой снѣжныя горы, а на западѣ поднимается странный Май-Тюбэ. Кругомъ небольшого холма, на которомъ поднимается могила Чокана (умеръ въ этомъ году, не дождавшись нашей коммиссіи, которой онъ, вѣроятно, также обрадовался бы, какъ усердно и помогалъ бы), тянутся снятыя пашни и арыки. Кругомъ тишь и безмолвіе. Жалко, жалко богатую голову, жалко натуру, такъ скоро сгорѣвшую отъ избытка силъ.

Изъ Куяндузскаго пикета мы поѣхали, когда уже начинало темнѣть. Алатавскій хребетъ убѣгалъ отъ насъ далѣе и далѣе и понижался по мѣрѣ нашего движенія. Мѣстность, впрочемъ, была очень холмистая. Эти холмы, по которымъ лежитъ дорога, сущее наказаніе.

Стало совершенно темно. Впереди, какъ бы ощупывая дорогу, ѣхалъ киргизъ. Вдругъ я почувствовалъ, что тарантасъ стремительно бросился книзу, и въ то же время на днѣ оврага, куда лошади неожиданно кинулись, показались огни пикета. Если при этомъ случаѣ мы не сломили шеи, то, конечно, обязаны тому обстоятельству, что коренная лошадь упала.

3-го ноября. Выѣхали изъ Карачекинскаго пикета рано утромъ. Горы сколько-нибудь значительныя совершенно исчезли, остались только небольшія сопки, которыя, впрочемъ, дѣлаютъ дорогу на первыхъ пяти верстахъ чрезвычайно пересѣченною. Послѣ степь вытягивается и выравнивается, точь-въ-точь будто мы въ области Сибирскихъ киргизовъ. Но эта ровная поверхность замыкается впереди громаднымъ Алатавскимъ хребтомъ, кажущимся гораздо выше и величественнѣе Копальскаго Алатау. И дѣйствительно, первый хребетъ значительно выше послѣдняго. Однако, пока горный хребетъ представляется сплошною высокою стѣною, на которой чуть замѣтно рисуются глубокія впадины и обрывы; только вершины хребта отличаются ясно на неясномъ утреннемъ небѣ и сквозь мглу можно разсмотрѣть гребень далекихъ воздушныхъ вершинъ.

Послѣ странствованія въ нашихъ тарантасахъ по горнымъ дорогамъ пріятно скакать сломя голову по просторной широкой равнинѣ. Дорога, усыпанная щебнемъ разрушенныхъ горныхъ породъ, лучше самыхъ исправныхъ шоссе въ мірѣ. Перемѣнивъ лошадей на Чингильдинскомъ пикетѣ, мы поѣхали такъ же удобно далѣе.

Кстати о пикетахъ. Съ нѣкотораго времени стали попадаться пикеты съ бойницами на одной сторонѣ вмѣсто оконъ. Это, вѣроятно, въ видахъ обороны.

Вскорѣ за Чингильдами вдалекѣ сверкнула нѣсколько разъ свѣтлая полоса Или. Еще далѣе дорога стала портиться. Вмѣсто твердаго грунта сталъ попадаться песокъ и солонцы. По сторонамъ показались какія-то кустообразныя растенія, выросшія, вѣроятно, на мѣстахъ, орошаемыхъ разлитіями рѣки. Въ этихъ мѣстахъ въ первый разъ со времени въѣзда въ степь я увидѣлъ волка. Онъ бѣжалъ около самой дороги и, повидимому, былъ очень голоденъ. Вѣроятно, волости, здѣсь стоявшія, перекочевали и угнали за собой скотъ, и теперь волкъ дого-

нялъ киргизъ. Мое ружье сдѣлало нѣсколько осѣчекъ. и волкъ ушелъ себѣ преблагополучно, не прибавляя аллюра.

По мѣрѣ приближенія къ Или мѣстность становится болѣе и болѣе песчаною и солонцоватою. Пески идутъ вперемежку съ солонцами. Ѣзда по нимъ скучна и утомительна. За нѣсколько сотъ саженъ отъ рѣки почва густо заросла розовою акаціей и джигдою. Г—ій говорилъ мнѣ, что здѣсь еще въ 1851 году онъ видѣлъ цѣлые лѣса урюковъ, яблочныхъ деревьевъ и проч.; все это теперь срублено казаками. Это настоящіе вандалы и съ болѣе вандальскими ухватками, чѣмъ киргизы. Послѣдніе никогда не рубятъ лѣса, вѣроятно, наученные горькимъ опытомъ, что значитъ безлѣсная степь. Казаковъ же угрозы въ будущемъ не пугаютъ. Хватило бы на нашъ вѣкъ, а дѣти пусть дѣлаютъ какъ знаютъ.

По Или шли густо льдины или, какъ говорятъ здѣсь, «по рѣкѣ шла шуга». Несмотря на то, день былъ теплый и весьма пріятный, если бы не сильный вѣтеръ, дувшій съ верховьевъ рѣки. Или отдѣляла отъ себя такое количество туманныхъ паровъ, что противоположный берегъ былъ плохо виденъ. Туману помогала и пыль, срываемая съ песчаныхъ береговъ рѣки сильными порывами вѣтра.

Черезъ рѣку переправляются на паромахъ. Они были на той сторонѣ, когда мы подъѣхали къ берегу. Пришлось ждать весьма долго, покуда заведутъ два ковчега. Наконецъ мы усѣлись, лучше установились на одномъ паромѣ. Сильное теченіе быстро понесло насъ внизъ и прибило къ песчаному берегу. Срываемая съ послѣдняго пыль и песокъ просто ослѣпили. Въ пяти шагахъ впереди себя едва можно быдо видѣть что-либо. Вся коммиссія усѣлась въ тарантасъ; я же поѣхалъ верхомъ на пристяжной,—дожидаться другихъ лошадей и экипажей было бы и неудобно отъ песчаной атмосферы, и скучно.

Въ верстѣ отъ рѣки голый песокъ берега поросъ растительностью и дорога отсюда до Илійскаго укрѣпленія сносна.

Илійское укрѣпленіе весьма незначительно. Небольшой брустверъ едва прикроетъ человѣка. Неглубокій ровъ высѣченъ въ твердыхъ сланцахъ, на которыхъ построено укрѣпленіе. Около разбросано до сорока домиковъ поселенцевъ-казаковъ. Впрочемъ, и подобное укрѣпленіе въ состояніи играть важную роль въ случаѣ столкновенія съ востокомъ. Въ Илійскомъ укрѣпленіи мы хотѣли ночевать.

4-го ноября. Утромъ ходилъ по берегу Или. Какъ здѣсь должна быть хороша растительность лѣтомъ. Какое богатство замѣтно и теперь въ гущѣ кустовъ, переплетенныхъ вьющимися стеблями растеній въ густой высокой травѣ. Но все это теперь лишено листьевъ и всего, что краситъ растенія. Рѣка за ночь очистилась отъ шуги и вода катилась ровно и покойно... Всѣ рѣки, текущія подъ малыми широтами, носятъ на себѣ особенный отпечатокъ. Цвѣтъ воды, сила прибрежной растительности, окружающая мѣстность, — все соединяется для того, чтобы рѣка была оригинальною и привлекательною для насъ, жителей бѣднаго сѣвера, привыкшихъ видѣть на берегахъ рѣки темный сосновый боръ, либо далекія моховыя болота, либо травянистые луга и безплодныя заливныя болота, поросшія осокою и невысокимъ камышомъ.

Утромъ мы выѣхали изъ укрѣпленія. Дорога была гладкая и ровная. Только съ десятокъ верстъ отъ Или нужно было проѣхать песками, увалами и логами, вымытыми когда-то рѣкою. Горный хребетъ, поднимающійся теперь передъ нами, былъ чрезвычайно грандіозенъ.

Громадныя горы на самой вершинѣ блестѣли бѣлыми

вѣчными снѣгами. Немного ниже темнѣли дремучіе пихтовые и вообще хвойные лѣса и обрывисто шли покатости. У Алатау, что близъ Вѣрнаго, нѣтъ предгорій. Отъ рѣки Или, служащей раздѣломъ между двумя Алатавами, до хребта, который поднимается теперь передъ нами, мѣстность ровна — хоть шаромъ покати. Правда Илійское укрѣпленіе стоитъ на вывороченныхъ на ребро сланцахъ, однако предгорій все-таки нѣтъ. Иначе нельзя себѣ объяснить это обстоятельство, какъ тѣмъ, что оба Алатау подняты одновременно и настоящая равнина Или нептуническаго образованія. Изъ линіи хребта одна высота поднимается очень высоко и отъ нея горы немного понижаются въ обѣ стороны. Это Талгарскій пикъ, поднимающійся на высоту 14.300 футъ. Правѣе Талгара виднѣется конусообразная сопка, похожая на сахарную голову. Это Алматинскій пикъ 12.500 футъ высоты. Снѣжная линія поднимается здѣсь на тысячу футъ выше Копальскаго Алатау, такъ что снѣга лежатъ здѣсь на высотѣ 11.000 футъ. Соотвѣтственно тому поднимается и линія пихтъ.

Перемѣнивъ лошадей на Заилійскомъ пикетѣ, мы поѣхали далѣе. Было довольно жарко. По дорогѣ неподвижно стояла густая, ѣдкая пыль. Недалеко отъ пикета я увидѣлъ двухъ польскихъ козъ, какъ называютъ ихъ казаки, или кара-куйрюковъ, по мѣстному выраженію. За козами слѣдилъ волкъ, вѣроятно, настолько же голодный, какъ его товарищъ, котораго мы видѣли вчера. На пути намъ попадались нѣсколько разъ оригинальныя кавалькады киргизъ. Одинъ либо два ѣдутъ верхами на лошадяхъ; другіе трясутся на верблюдахъ, двигающихся со своимъ мѣрнымъ покачиваніемъ головы, наконецъ нѣсколько ѣдутъ на осѣдланныхъ волахъ, — это бѣдные люди. Нужно замѣтить, что подобныя кавалькады видны только въ Большой Ордѣ. Средняя — болѣе цивилизована. Тамъ на волѣ не поѣдетъ и дже-

такъ, а здѣсь ѣдетъ не только одинъ, а сзади всадника на крупѣ вола приспособится еще другой ѣздокъ.

Послѣ утомительнаго пути въ душной атмосферѣ, наполненной пылью, мы стали подъѣзжать къ Вѣрному, раскинувшемуся на большомъ пространствѣ.

Спустившись нѣсколько разъ въ глубокія прогалины и переѣхавъ по мостикамъ черезъ Алматинки, мы въѣхали наконецъ въ казачью станицу; въ верстѣ или полутора оттуда расположенъ собственно городъ. Изъ оконъ квартиры, отведенной намъ, виденъ Алматинкскій пикъ и нависшія надъ городомъ снѣжныя горы, покрытыя на серединѣ высоты густымъ лѣсомъ. Я сбросилъ все запыленное платье и сидѣлъ дома до ночи.

5-го ноября. При въѣздѣ въ укрѣпленіе Вѣрное можно видѣть оставшійся цѣлымъ огромный развѣсистый тополь по самой серединѣ укрѣпленія. Это дерево уцѣлѣло, благодаря воспоминаніямъ лицъ, бывшихъ въ экспедиціи 1850 года. Мнѣ Г—ій, командиръ экспедиціоннаго отряда, разсказывалъ такъ это дѣло. Бывшій приставъ Большой Орды, Врангель, доносилъ много разъ генералъ-губернатору Западной Сибири, Горчакову, о необходимости двинуться за рѣку Или. По словамъ пристава, заилійскіе киргизы просили неоднократно помощи у русскихъ, чтобы избавиться отъ невыносимой деспотіи коканскихъ кинчаковъ. Послѣдніе были въ то время господствующимъ народомъ въ Коканскомъ ханствѣ, хотя и принадлежали къ киргизскому народу; даже самъ ханъ былъ кинчакъ. Кинчаки въ то время фактически были господами Большой Орды за р. Или. Они держали свой гарнизонъ въ укрѣпленіи, построенномъ киргизскимъ богатыремъ Тайгубекомъ на рѣкѣ Курту (впадающей слѣва въ Или). Врангель писалъ, что необходимо занять это укрѣпленіе и прогнать коканцевъ въ Коканъ. Между тѣмъ Врангель просилъ

увольненія, а Горчаковъ приказалъ Г—му съ отрядомъ изъ 200 казаковъ, 50 солдатъ и двухъ конныхъ орудій занять укрѣпленіе Тайгубека.

Г—ій передъ выступленіемъ совѣтовался съ Сюкомъ Аблайхановымъ, извѣстнымъ своею преданностью русскимъ, но тогда не управлявшимъ болѣе джалаировцами, будучи смѣненъ нашею властью по интригамъ враговъ Россіи. Сюкъ предупредилъ Г — го, что онъ встрѣтитъ измѣну. Отрядъ выступилъ въ мартѣ 1850 года изъ Копала по долинѣ Джонке въ ущелье Чимъ Булака. Отсюда отрядъ повернулъ къ устью Тургенъ и здѣсь переправился черезъ Или.

Заилійскіе киргизы встрѣтили нашъ отрядъ холодно; одинъ изъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ, Рустемъ Абулфеизовъ, принялъ Г—го чрезвычайно холодно. Кромѣ того, послѣдній узналъ, что Дулаты, находившіеся въ вѣдѣніи Султана-Али, человѣка двусмысленнаго, хотя имѣвшаго отъ Государя брилліантовую медаль и чинъ подполковника, хотятъ присоединиться къ кинчакамъ.

Отъ Тургеня отрядъ повернулъ вправо и пошелъ по большой караванной дорогѣ, параллельно горному хребту. Вся низменность между горами и Или была занята многочисленными аулами; но старшины не шли съ поклонами. На горахъ и кругомъ отряда появлялись многочисленныя толпы калмыковъ, смотрѣвшихъ недружелюбно на отрядъ.

Подошли къ Тайгубекову кургану. Орудія открыли огонь, но ничего не могли сдѣлать противъ стѣнъ, сложенныхъ изъ сырцовыхъ кирпичей, шерсти и глины и имѣвшихъ весьма солидную профиль. На другой день штурмовали укрѣпленіе, но колонна, состоящая изъ тридцати храбрецовъ, была отбита. Нужно было отступать. Еще наканунѣ штурма, ночью, тылъ отряда былъ атакованъ сбродомъ въ нѣсколько тысячъ киргизъ, которые неожиданно ринулись на солдатъ съ крикомъ

гай! гай! Ихъ отбили картечью. Едва отрядъ тронулся въ обратный путь какъ его охватила со всѣхъ сторонъ масса въ десять или двѣнадцать тысячъ человѣкъ, пытавшаяся бросаться въ атаку. Но отрядъ, имѣя въ головѣ и въ хвостѣ своемъ по орудію и двадцати пяти солдатъ, отбивалъ атаки. Такимъ порядкомъ пришли на Алматинки, въ мѣстность, гдѣ стоитъ теперь Вѣрное. Отрядъ сталъ у большого тополя, про который идетъ рѣчь.

Ночью слышно было, какъ киргизы рубили урюковыя и яблонныя деревья, росшія тогда по Алматинкамъ въ изобиліи, и устраивали завалы на пути отступленія отряда. Крутые подъемы изъ ручьевъ киргизы поливали водою, чтобы затруднить въѣздъ орудіямъ. Между тѣмъ проводники, бывшіе при отрядѣ, говорили, что пути по Алматинкѣ и Каскелену нѣтъ, а нужно непремѣнно идти къ Тургеню. Тѣмъ не менѣе Г—ій повернулъ на Каскеленъ и Талгаръ. Это его спасло: киргизы подумали, что отрядъ повернулъ, чтобы грабить аулы, разбросанные въ большомъ количествѣ до самой Или. Потому большая часть джигитовъ, кружившихся доселѣ около отряда, ринулась, чтобы спасать аулы. Отрядъ видѣлъ, что тамъ поднялась полная суета. Аулы поспѣшно вьючились и укочевывали. Когда же при одномъ изъ спусковъ черезъ Каскеленъ наши стрѣлки убили одного знаменитаго киргизскаго батыря, то и остальная часть киргизъ оставила отрядъ въ покоѣ. Дерзость киргизъ, кидавшихся чуть не въ рукопашный бой съ нашими солдатами, объясняется и малочисленностью отряда, и тѣмъ, что и у пѣхоты, и у артиллеріи оставалось чрезвычайно мало зарядовъ, которые необходимо было беречь къ рѣшительной минутѣ. При отрядѣ находились также дѣти Рустема и султана Али, но первый перебѣжалъ къ нападавшимъ киргизамъ еще изъ-подъ большого тополя, а послѣдній велъ себя тоже очень двусмысленно.

По возвращеніи Г—го Сюкъ былъ сейчасъ же возстановленъ правителемъ джалаировъ, султану Али погрозили серьезно; сынъ Рустема, Аблай, былъ схваченъ и отправленъ въ Березовъ на жительство. Онъ бѣжалъ оттуда и погибъ отъ голода въ тундрахъ. Вотъ наша первая попытка утвердиться за Или.

На слѣдующій (1851) годъ Горчаковъ послалъ сильный отрядъ въ батальонъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ и батарейную батарею, подъ начальствомъ полковника Карбышева, за рѣку Или. Коканцы бросили укрѣпленіе Тайчибека при приближеніи этого отряда и все смирилось. Въ 1852 году сильный отрядъ зимовалъ на рѣкѣ Иссыкѣ подъ начальствомъ капитана Перемышльскаго, а въ 1853 году отыскано мѣсто для постояннаго русскаго поселенія около дерева, гдѣ былъ окруженъ Г—ій, на Алматинкѣ. Вотъ начало Вѣрнаго, разросшагося въ двѣнадцать лѣтъ въ довольно значительный городъ.

6—8 ноября. Города еще не осматривалъ. Знаю только длинную улицу, ведущую къ Г., котораго квартира на концѣ города. Былъ съ визитомъ у Фридрикса, окружного начальника Алатавскаго округа, и у Морковникова, командира конно-артиллерійской батареи.

6-го числа Фридриксъ дѣлалъ оффиціальный обѣдъ въ нашу честь. Приглашенныхъ было много. Столъ приготовленъ отлично: вина превосходныя отъ Елисѣева, — это подъ $94^1/_2{}^0$ долготы! 7-го числа былъ въ клубѣ, устроившемъ торжественный для насъ вечеръ. Коммиссія держала себя такъ важно, что я почелъ нужнымъ танцовать, чтобы сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное нашею хлестаковскою важностью. 8-го числа обѣдалъ у Морковникова, вечеромъ же былъ на вечерѣ у Фридрикса. Пока гости играли на разныхъ столикахъ въ карты, онъ, акомпанируемый на фортепіано своею женою, игралъ на віолончели. Играетъ

онъ очень недурно, но безъ всякаго чувства. Фортепіано и віолончель у Алатау!..

Пока я ѣздилъ въ гости, ко мнѣ нѣсколько разъ приходили два лучшихъ здѣшнихъ охотника изъ казаковъ. Мы договорились отправиться на тигровъ, водящихся, по ихъ словамъ, въ большомъ количествѣ на Или и въ Кара-Кастекѣ. Къ 8-му числу всѣ приготовленія къ отъѣзду были готовы. Рѣшено ѣхать на Или къ устью Чилика, такъ какъ тамъ много ауловъ. Ѣхать же на охоту безъ возможности изучить киргизъ было дѣломъ неподходящимъ, тѣмъ болѣе, что мы не бывали еще въ аулахъ Большой Орды.

Вечеромъ я приготовилъ патроны со стальными наконечниками къ моему штуцеру-револьверу.

9-го ноября. Охотники были готовы съ ранняго утра, но выѣхали мы только около одиннадцати часовъ утра. Наша кавалькада состояла изъ Г—го, меня, Катанаева, Бабина (казаки-охотники), есаула, даннаго окружнымъ начальникомъ для сбора на перемѣну киргизскихъ лошадей, человѣка, оставленнаго нашимъ ученымъ Сѣверцевымъ для сбора рѣдкихъ экземпляровъ звѣрей и птицъ и съемки съ нихъ шкуръ, и двухъ казаковъ конвойныхъ. Кромѣ того, къ намъ напросился ташкенецъ, Каримъ Якубовъ, братъ Копальскаго Нигметъ-Улы. Вьюкъ нашъ съ чаемъ, сахаромъ, теплою одеждою и проч. везся на двухъ лошадяхъ.

Переѣхавъ черезъ всѣ овраги, по которымъ бѣгутъ Алматинки, теперь обнаженныя, а когда-то поросшія богатѣйшею растительностью и густыми лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, мы повернули вправо и поѣхали по самому подножію горъ. Налѣво шла длинная покатость. Обширная равнина виднѣлась вся до далеко синѣющихъ отроговъ Копальскаго Алатау; это долина невидной, впрочемъ, Или. Мы ѣхали теперь по подножію неболь-

шихъ горъ, покрытыхъ скудною травою; за ними поднимались высокія горы, покрытыя пихтовыми лѣсами, торчащими, какъ щетка, по крутымъ покатостямъ. Между лѣсами виднѣлись длинныя во всю высоту горъ полосы безлѣснаго пространства; это тальвеги, на которыхъ не могли удержаться сѣмена растеній, уносимыхъ водами. За пихтовыми горами поднимались громадныя вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Между черными скалистыми зубьями, на которыхъ не могъ держаться снѣгъ, лежали поляны, въ которыхъ накапливаются пласты снѣга въ теченіе тысячелѣтій, съ каждымъ годомъ наваливая новый слой. Впрочемъ, глетчеровъ здѣсь нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ ходили облачка, хотя погода была очень хороша и солнце свѣтило ярко. Во время пути весьма часто приходилось переѣзжать горные ручьи, которые бѣжали внизъ, чтобы оросить луга, стелющіеся немного ниже дороги; тамъ разставлены многія сотни стоговъ сѣна.

По дорогѣ намъ попался довольно большой караванъ, идущій въ Китай. Какой-то ташкенецъ, хозяинъ каравана, везъ въ Кульджу чай и зеркала. Какъ перемѣнчивы времена—чай идетъ изъ Россіи въ Китай!

Талгарская станица, къ которой мы теперь приближались, лежитъ у подножія Талгарскаго пика. Окружающая мѣстность чрезвычайно живописна. Прямо на югъ поднимаются громады съ вѣчными снѣгами. Ниже тянутся по крутизнамъ обширные лѣса. Съ востока станица прикрыта горными отрогами, покрытыми травою. На сѣверъ и западъ простирается далекая покатость, постепенно идущая книзу до самой Или, на противоположномъ берегу которой, верстахъ въ восьмидесяти отъ станицы, поднимаются горы Копальскаго Алатау. Переѣхавъ по мосту черезъ быстрый Талгаръ, въѣзжаемъ въ большую опрятную станицу. Посрединѣ площадь, на которой достраивается небольшая деревян-

ная церковь. По сторонамъ просторные дома отличной постройки. Душа радуется смотрѣть на эти обширныя поселенія русскихъ въ центрѣ Азіи, поселенія, гдѣ виднѣется во всемъ довольство, и которыя когда-нибудь непремѣнно станутъ богатыми среднеазіатскими рынками. Одно бѣда. Гдѣ у насъ, у русскихъ, довольство, тамъ пьянство, и нѣтъ конца веселью. Въ Талгарской станицѣ, когда мы въѣзжали, шло большое веселье. Свадьба, что ли? По улицамъ ѣздили сани, колокольчики звенѣли, дѣвки, обнявшись съ полупьяными солдатами и казаками, пѣли во все горло пѣсни... Жалко, что мы не можемъ до сихъ поръ выучиться экономіи, которая надѣлала такихъ чудесъ въ Германіи и которая дала бы намъ и капиталы и развитіе!

Дорога отъ Талгара къ Иссыку огибаетъ сперва тотъ горный отрогъ, который прикрываетъ первую станицу съ востока. Здѣсь, по словамъ ѣдущихъ съ нами казаковъ, водилось прежде множество дикихъ козъ, теперь ушедшихъ въ горы выше. Далѣе дорога тянется по подножію горъ, служащихъ какъ бы подножіями или предгоріями главнаго хребта. По сторонамъ дороги стоитъ множество стоговъ накопленнаго казаками сѣна. Опять переѣзжали черезъ разные ручьи и протоки, опять встрѣтили караванъ, идущій въ Кульджу; тоже съ чаемъ и зеркалами...

Съ половины станціи стало темнѣть и морозъ трещалъ подъ ногами нашихъ лошадей и щипалъ ноги и уши. Мы прибавили шагу. По сторонамъ дороги виднѣлось множество волчьихъ слѣдовъ. Луна ярко освѣщала и нашъ путь, и горы, и всю окрестность. Хорошо здѣсь, должно быть, лѣтомъ. Подъѣзжая къ станицѣ, слышишь издалека ревъ Иссыка, небольшой рѣченки, бѣгущей стремительно по покатому руслу. Черезъ рѣку перекинутъ мостъ.

Здѣсь нужно ночевать; мы напились чаю и рѣшились

уснуть, когда явился Катанаевъ, совершенно пьяный.— Ваше скородіе!—кричалъ онъ,—дайте денегъ на полъ-штофа, я вамъ отслужу за это. Баринъ! Ваше скородіе! дайте на полъ-штофа!—«Ступай, ступай спать. Теперь поздно».—Ваше скородіе! прикажите поднести,—смерть хочется выпить. Поднесите, а то тигру не покажу. Тигръ звѣрь страшный, я бивалъ его. Это ничего, что я пьянъ. А вотъ, какъ по слѣду пойдемъ, такъ тогда будетъ видно, какой Катанаевъ въ полѣ охотникъ есть. — Я засыпалъ, а все слыхалъ, какъ шумѣлъ Катанаевъ, унимаемый хозяевами. Сквозь дремоту слышенъ мнѣ былъ безпокойный шумъ Иссыка, ревущаго на своемъ каменистомъ ложѣ, лай станичныхъ собакъ, пѣсни гдѣ-то въ кабакѣ, да топотъ проѣзжающихъ по улицѣ всадниковъ...

10-го ноября. Утромъ встали рано.

Кстати о станицахъ, черезъ которыя мы проѣзжали— Вѣрное, Софьина и Надеждина. Талгарская станица называется такъ у всѣхъ русскихъ и инородцевъ, но оффиціально ее величаютъ Софьина станица. Иссыкская называется Надеждина, какъ Вѣрное—названіе совершенно неупотребительное — замѣнило первоначальное названіе станицы Алматинской. Гасфордтъ, перекрестившій, такимъ образомъ, русскія поселенія, былъ женатъ на трехъ женахъ. Ихъ имена: Вѣра, Любовь и Надежда. Онъ хотѣлъ ихъ обезсмертить, назвать ихъ именами три большія поселенія русскихъ у Алатау.

Изъ Иссыкской станицы мы отправились далѣе по направленію къ Или. Ѣхалъ нашъ караванъ по большой караванной дорогѣ. По сторонамъ кое-гдѣ попадались могилы разныхъ почетныхъ киргизскихъ людей. На прямой дорогѣ, по которой можно было ѣхать, находились сады, едва проходимые, потому мы забирали сперва влѣво, а потомъ уже выѣхали на дорогу. Горы отставали отъ

насъ. Детали, которыя были прежде видны, теперь стушевывались и затягивались синею дымкою. Впереди тянулась огромная долина.

За Или мѣстность быстро и ровно поднималась кверху, чтобы служить основаніемъ значительнымъ горамъ — отрогамъ главнаго Копальскаго хребта. Изъ темныхъ ущелій этихъ горъ тянулись по ровной покатости извилистыя промоины, въ которыхъ, вѣроятно, текутъ весною ручьи. Видъ на горы, на ихъ покатый пьедесталъ, изрѣзанный сухими руслами, былъ очень красивъ.

Около полудня мы пріѣхали въ курганъ киргиза Атамъ-Кула. Курганомъ называютъ здѣсь родъ укрѣпленія, сложеннаго изъ сырцоваго кирпича. Форма кургана обыкновенно прямоугольная. Рва нѣтъ. Высота стѣны болѣе сажени. Это рыцарскіе замки киргизъ, желавшихъ имѣть вліяніе или власть надъ бѣдными. При храбрости и средствахъ атаки у киргизъ курганы такъ же неприступны, какъ были неприступны рейнскіе замки средневѣковыхъ нѣмецкихъ рыцарей - разбойниковъ. Курганы получили теперь другое назначеніе—это мѣста складки хлѣбныхъ запасовъ богатыхъ киргизъ. Такіе курганы охраняютъ хлѣбъ и отъ воровъ и отъ кабановъ, безъ труда выкапывающихъ хлѣбъ изъ ямъ, въ которыхъ киргизы прячутъ его. Въ курганахъ живутъ обыкновенно сторожа, неимущіе джетаки или телленгуты и за опредѣленную плату или за подачки стерегутъ хлѣбные склады и другіе предметы, принадлежащіе хозяину кургана. Курганъ-Кула невеликъ, шаговъ пятьдесятъ въ сторонѣ основанія. Входъ закрывается плохою дверью. Съ внутренней стороны въ стѣнахъ подѣлано нѣсколько конуръ, изъ которыхъ въ однѣхъ сложены мѣшки проса, войлоки и другая рухлядь, а въ другихъ живетъ скотъ, загоняемый по ночамъ во дворъ кургана. Одна изъ подобныхъ конуръ примѣнена къ жизни. Здѣсь сдѣланы печь, очагъ и глиняныя нары для

спанья. Тутъ живетъ одно семейство. Другія же три расположились въ юртахъ, разбитыхъ во дворѣ кургана.

Мы обѣдали въ курганѣ. Между прочимъ хозяева пояснили намъ, что за нѣсколько времени до нашего пріѣзда въ курганъ пріѣхали какой-то казакъ и киргизъ, назвавшій себя эсауломъ, что они взяли двухъ лошадей, будто-бы подъ нашъ проѣздъ, и десять копенъ сѣна и уѣхали далѣе по направленію къ рѣкѣ Чилику. Эсаулъ былъ съ нами. Лошадей намъ выставили далѣе отъ Иссыкской станицы, слѣдовательно и казакъ и киргизъ спекулировали только на нашъ счетъ. Можетъ быть они и не возвратятъ лошадей.—«Зачѣмъ ты давалъ лошадей?» — Какъ же ихъ не давать; а если они въ самомъ дѣлѣ нужны вамъ были, какъ бы я тогда отвѣчалъ? — Правъ киргизъ. Натуральная повинность всегда должна вести къ злоупотребленіямъ, если она отбывается не деньгами, а натурою.

Послѣ обѣда мы поѣхали далѣе къ Чилику. Дорога была ровная и гладкая Вечеръ ясный и тихій, хотя холодный. Мы ѣхали очень шибко и обогнали еще одинъ караванъ, идущій изъ Алматовъ въ Кульджу. Сдѣлавъ верстъ съ двадцать пять, мы не знали уже, куда и ѣхать, потому что намъ было неизвѣстно, гдѣ выставлены казачьи лошади. Когда уже совершенно стало темнѣть, налѣво послышался собачій лай. Мы повернули туда и нашли казаковъ и подставу на какомъ-то большомъ курганѣ.

Мы влѣзли въ одну изъ землянокъ и были очень обрадованы неожиданнымъ сюрпризомъ. Мы были на курганѣ таранчей, убѣжавшихъ третьяго года изъ Китая. Напившись чаю, я сталъ разспрашивать хозяина землянки и пришедшаго къ намъ аксакала, старшины кургана, о томъ, что такое таранчи, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ о нихъ понятія. Таръ значитъ просо. Таран-

чами называются они манжурами, потому что обязаны заниматься земледѣліемъ. Таранчи полурабы, выселенные послѣ возстанія Джангира-Хажи манжурами изъ семи кашгарскихъ городовъ въ окрестности Кульджи. Первоначально было выселено сюда до шести тысячъ кашгарцевъ, потомъ выселили еще двѣ тысячи. Послѣ подавленія возстанія Джангиръ-Хажи болѣе кашгарцевъ не выселяли. У Урумцы и Чугучака поселенныхъ кашгарцевъ или таранчей нѣтъ, всѣ они поселены около Кульджи. Выселяли ихъ съ двоякою цѣлью: 1) чтобы ослабить въ семи городахъ враждебный манджурамъ элементъ и 2) чтобы удешевить содержаніе манджурскихъ войскъ въ Кульджѣ. Съ послѣднею цѣлью таранчи обязаны платить ежегодно китайскому правительству по 32 мѣшка проса или ячменя съ каждой землянки, гдѣ семейство состоитъ менѣе, чѣмъ изъ четырехъ душъ. Семейство, состоящее болѣе, чѣмъ изъ четырехъ душъ, платитъ 64 мѣшка и т. д. Этою безмилосердною податью содержались манджурскія войска въ Кульджѣ. Землю таранчи могли вспахивать, сколько только могли. Если они не уплатятъ сполна податей, вещи и вся движимость неисправнаго должника продаются на покрытіе недоимки; если же послѣдняя не покрывается и тутъ, старшина таранчей долженъ отдать неисправнаго плательщика въ работу и покрывать недоимки платою за его труды. Хлѣбъ, платимый какъ подать, везется самими таранчами въ Кульджу. Таранчи обязаны жить деревушками не болѣе какъ въ пятьдесятъ душъ. Управляются они пятидесятниками, сотниками и тысяцкими. Надъ всѣми таранчами назначается одинъ старшій, изъ таранчей же, съ титуломъ хакимъ-бека, по назначенію дзянъ-дзюна въ Кульджѣ. Хакимъ-бекомъ назначается тотъ, кто болѣе всѣхъ заплатитъ дзянъ-дзюну. Хакимъ-бекъ наблюдаетъ главнымъ образомъ за аккуратнымъ платежомъ податей и назначаетъ уже самъ тысяцкихъ,

сотниковъ и пятидесятниковъ, съ которыхъ за такое назначеніе беретъ все, что можетъ.

Второстепенные начальники собираютъ подати и гуртами отправляютъ ихъ въ Кульджу.—Они чрезвычайно насъ обижали, говорилъ аксакалъ, и брали все, что только ни находили въ нашихъ землянкахъ. Если же имъ отказать, они забивали до смерти палками. — Таранчи, у которыхъ мы теперь сидѣли, бѣжали въ наши предѣлы третьяго года въ числѣ сорока семействъ, которыя и разселились недалеко другъ отъ друга небольшими группами. Третьяго года саранча съѣла весь посѣвъ и таранчи, видя невозможность уплатить подати, ушли къ намъ. Впрочемъ, предварительно они посылали соглядатаевъ, чтобы убѣдиться, что имъ не придется содержать русскія войска. — Якубовъ, бывшій, по его словамъ, болѣе пятидесяти разъ въ Кульджѣ и имѣвшій случай присмотрѣться къ жизни таранчей, подтвердилъ всѣ слова аксакала и хозяина. Якубовъ прибавилъ, что въ Кульджѣ на базарѣ можно ежедневно видѣть таранчей (мужчинъ и женщинъ), отдаваемыхъ ихъ старшинами въ работу за неисправный платежъ податей.— Вотъ они теперь и сапоги надѣли, говорилъ Якубовъ, а тамъ не посмѣли бы этого сдѣлать. У нихъ сейчасъ отнялъ бы ихъ какой-нибудь старшина.—Между тѣмъ таранчи лучшіе работники, какихъ мнѣ случалось видѣть. Они смирны, трезвы и работаютъ, какъ волы. Въ особенности они отличные земледѣльцы.

Таранчи при возстаніи дунгеней немедленно пристали къ послѣднимъ и когда дунгени принуждены были бѣжать изъ Кульджи, то собрались въ землянкахъ таранчей, которые нѣкоторое время и продовольствовали ихъ. Теперь таранчи со всѣми своими семействами стоятъ въ землянкахъ подъ Кульджею, осаждая послѣднюю вмѣстѣ съ дунгенями.

Таранчи одѣты, какъ сарты. Типъ гораздо благо-

образнѣе киргизскаго. Глаза болѣе открыты и выразительнѣе.

Мы купили барана и часть его отдали таранчамъ, напоили ихъ чаемъ и, поѣвши, легли спать. Завтра повернемъ прямо къ Или, а до сихъ поръ мы ѣхали параллельно рѣкѣ, поднимаясь выше, къ устьямъ Чилика.

11-го ноября. Выѣхали утромъ отъ таранчей. Такъ какъ мы роздали имъ нѣсколько серебряныхъ денегъ и поили чаемъ, то они провожали насъ съ особеннымъ сожалѣніемъ.

Первоначально дорога шла по полузамерзшимъ сазамъ и ручьямъ, поросшимъ густыми камышами. Въ чистыхъ мѣстахъ видны были слѣды постояннаго пребыванія кабановъ — взрытая ими почва. Намъ приходилось переѣзжать множество замерзшихъ ручьевъ, по которымъ наши некованныя лошади скользили всѣми четырьмя. Мѣстами, между сазами и ручьями на буграхъ росла высокая трава, иглистая джигда и дикій ленъ. Изъ-подъ каждаго куста выпрыгивали зайцы, за которыми гонялись наши собаки. Зайцы тутъ меньше нашихъ, хвостъ у нихъ весьма длиненъ и виситъ, какъ у нашихъ барановъ. Попадались зайцы и голубого цвѣта.

Къ обѣду пріѣхали въ какую-то бѣдную юрту. Перекусивъ здѣсь имѣвшимися съ нами запасами, мы поѣхали далѣе. Вскорѣ видъ мѣстности измѣнился, сазы прекратились. На песчаной почвѣ, вѣрный признакъ близости большой горной рѣки, стала подниматься высокая трава. Трехъ аршинное чи было перемѣшано съ кустами джигды и росло такимъ образомъ. Далѣе стали попадаться высокія джигдовыя деревья и купы джингилевыхъ рощицъ. Растительность становилась чрезвычайно богатою и носила на себѣ характеръ южной флоры. Вправо отъ насъ показались цѣлыя линіи деревьевъ и рощицъ, которыми оброс Чиликъ. Вскорѣ мы подъѣхали и къ самой рѣкѣ.

Она очень не широка; но кое-гдѣ попадаются островки, на которыхъ джигдовины, джингилъ и урюкъ были переплетены плетями вьющихся растеній. Почва островковъ, какъ камышемъ, покрыта высокою побѣлѣвшею отъ холода травою.

— Вотъ въ такихъ мѣстахъ завсегда фазаны держатся, да и тигры больше по такому ложу свое гойно устраиваютъ,—сказалъ Катапаевъ, когда мы проѣзжали около одного изъ такихъ островковъ.

Какъ здѣсь должно быть хорошо лѣтомъ и какъ мнѣ досадно, что мы здѣсь зимою. Впрочемъ, это не мѣшало погодѣ быть очень теплой. На землѣ вовсе не было снѣга, только ручьи были замерзши. Зайцы такъ и шныряли передъ нами. По временамъ можно было слышать, что въ гущѣ поднимался тяжелый фазанъ, производя свой особенный шумъ. Направо виднѣлась послѣдняя покатость Большого Алатау — это мысъ у устьевъ Чарына. Тамъ наша граница съ Китаемъ. Противъ мыса, на другомъ берегу Или, поднималась гора, говорятъ, чрезвычайно богатая серебромъ. Впереди временами виднѣлся высокій правый берегъ Или и сверкала блестящая полоса рѣки. Въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны густыя купы большихъ джигдовыхъ деревьевъ и подъ каждою такою рощею можно было разсмотрѣть нѣсколько юртъ, изъ которыхъ поднимался кверху синеватый дымокъ. Тамъ и сямъ полаивали собаки, а пастухи окликали стада и перекрикивались. Кое-гдѣ виднѣлись всадники, двигающіеся степью. У юртъ мелькали бѣлые головные уборы женщинъ, копошившихся по хозяйству, а по холмамъ бродили или стояли неподвижно стада рогатаго скота.

Мы остановились въ одномъ изъ ауловъ на ночлегъ. Пока варился привезенный киргизами баранъ, а мы попивали чай, между нашими охотниками завязался интересный разговоръ, который постараюсь передать. Дѣло на-

чалось съ того, что я сталъ спрашивать, нѣтъ ли слѣдовъ пребыванія въ окрестностяхъ тигра. Киргизы отвѣтили, что тигровъ много въ окрестности. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы находились, недавно было два случая. Недѣли двѣ тому назадъ одинъ киргизъ гнался съ беркутомъ за лисицею и наѣхалъ на тигрицу съ маленькимъ. Тигрица бросилась сзади на крупъ лошади и однимъ ударомъ лапъ сломала ей хребетъ. Лѣвая передняя лапа тигрицы пришлась сзади на лѣвое плечо всадника, который и опрокинулся навзничь. Товарищи несчастнаго, отставшіе сзади, стали кричать и вопить, что было духа. Тигрица бросила всадника и лошадь и скрылась въ кусты джигдовника. Киргизъ выжилъ. Другой случай былъ нѣсколько дней тому назадъ. Киргизъ нарубилъ сучьевъ и несъ ихъ на плечахъ въ свой аулъ, когда тигръ бросился на него сзади. Киргизъ желалъ защититься, но почувствовалъ страшную боль на лицѣ и лишился чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ себя въ крови, часть носа и губы были глубоко разорваны, но тигръ удовольствовался этою шуткою. Киргизъ разсказывалъ потомъ, что онъ видѣлъ тигрицу и маленькаго сбоку себя въ тотъ моментъ, когда, вѣроятно, тигръ бросился на него сзади и ударилъ его по лицу лапою.

Мы рѣшились ѣхать завтра въ тѣ мѣста, гдѣ показывались тигры, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ съ нашимъ путемъ. Это подало поводъ къ разговору между Катаевымъ и Бабинымъ. Первый—человѣкъ по преимуществу мистическаго склада ума, молчаливый, серьезный, съ густою темною бородою; второй толсторожій, русый, скептикъ, насмѣшникъ, поддразнивающій своего товарища.

— Безпремѣнно нужно тигру завтра въ морду плюнуть,—пояснилъ Бабинъ.

— «Тебѣ бы только зубоскалить. А нѣтъ того, чтобы праведно подумать о дѣлѣ. Добрый охотникъ,

какъ встанетъ поутру, первымъ долгомъ Богу помолится да тому пастырю, кто его охраняетъ. Всякъ человѣкъ и звѣрь своего пастыря имѣютъ. Тигра также подъ Богомъ ходитъ, какъ и всякое сѣкомое. Не захочетъ Господь Богъ, не возьмешь ты его. Потому благочестивый охотникъ спозаранку у пастыря добычи проситъ. Попроси только умѣючи — безпремѣнно добыча будетъ».

— Какой же пастырь у тигровъ?—спросилъ съ сарказмомъ Бабинъ.

— «Есть пастырь, узнать же его можно только черезъ благочестіе и молитву. Написано ли въ твоихъ книжкахъ, зубоскалъ, что куръ Алена Голендуха охраняетъ. Чтобы онѣ, значитъ, водились, нужно ея охраны просить».

— Какой пастырь у тигровъ? Ты вотъ что мнѣ скажи, Александрычъ.

— «Зубоскалъ, братъ, ты, вотъ и все. Для меня хуже того нѣтъ. Коли при починѣ охотникъ почнетъ зубоскалить, али коли охотники при выходѣ станутъ другъ другу перечить, али окаяннаго призывать, — не быть пути. Бываетъ выѣздъ—такъ самъ звѣрь къ тебѣ и идетъ и видитъ охотника, да стоитъ, покуда ты его Божіимъ велѣніемъ не успокоишь. Бываетъ опять выѣздъ и видишь звѣря и къ выстрѣлу подпущаетъ, только ружье али винтовку почнешь изготовлять, а звѣрь сейчасъ и пойдетъ и пойдетъ — это окаянный его гонитъ отъ охотника».

— А я третьяго года былъ на охотѣ! — перебилъ Бабинъ, — сѣкачь набѣжалъ, а ружье цокнуло, такъ даже волосы застыли; вотъ кабы тогда окаянный его отогналъ, хорошо бы было, а то много страха набрался.

— «Говори съ тобой... Ему бы только болтать. Кабы да Господь далъ бы волю окаяннымъ, не было бы ни въ чемъ людямъ удачи и все перечило бы имъ. Но

Господь терпитъ грѣхамъ нашимъ. Кажинный день посылаетъ онъ своего архангела Михаила окаянныхъ смирять. И сѣчетъ ихъ посланецъ Божій поколѣ не изсѣчетъ девять прутовъ желѣзныхъ, девять прутовъ мѣдныхъ и девять оловянныхъ. Тѣмъ самымъ, что дьяволы, прости Господи, смиряются, люди и спасаются отъ скорби и болѣзни. Кому хочешь служить: окаяннымъ либо Господу? Коли дьяволу служить, тоже можно звѣря бить и труда не приложишь. Наставь пленокъ, силковъ да тенетъ. Это охота, угодная окаяннымъ. Только коли на утокъ пленки поставилъ, да первую не приколешь осинкою, не пойдутъ онѣ въ пленки. Киргизы, тѣ, чертовы дѣти, и безъ осины ему угодны, потому ловятъ они въ пленки спроста, а нашему брату нельзя. Служишь ты Богу, клади капканъ, станови ножъ на подрѣзъ, а ружье на сторожку и только завсегда къ пастырю обратись. Теперь на лисицу капканъ ставишь, проси преподобныхъ Кузьму и Демьяна, иначе не пойдетъ она въ капканъ»...

— Постой, Александрычъ, коли не хочешь ты теперь сказать, кто у тигровъ пастыремъ, завтра, какъ съ нимъ сойдемся, спрошу тебя. Кто жъ это святыхъ-то расписывалъ по звѣрю, Богъ, что ли, али кто другой?

— «Теперь и звѣрь,—продолжалъ Катанаевъ, будто не слушая Бабина,—который какъ слѣдуетъ быть, который дьяволово, прости Господи, порожденіе. Хоть медвѣдь. Положилъ ему Господь къ Здвиженію въ берлогу ложиться. Которая честная душа, приказъ Божій сполняетъ, а который медвѣдь пакостникъ, не станетъ онъ ложиться и бродитъ онъ, и бродитъ, и нѣтъ ему покоя. Это все одно, что нашъ братъ воръ. Наступитъ ночь. Добрымъ людямъ покой, а его тянетъ на кражу. Такъ и медвѣдь. Коли гдѣ къ пасѣкѣ повадился, будетъ онъ ходить къ ней, поколева его ни убьютъ».

— Это точно есть,—говорилъ Бабинъ, видимо уступая доводамъ Катанаева, — потому прозывается пакостникъ.

— «Ну, то-то. Тутъ нечего скверныя слова произносить, коли на охоту идемъ. Теперь тигра — это звѣрь большой, только по мнѣ слабче будетъ кабана, идетъ потому самъ къ тебѣ. Далъ промахъ, не смогитъ онъ убить тебя разомъ; а тутъ товарищи есть. Только одно слово: ружье на охотѣ выдавать, да товарищей бросать—послѣднее дѣло. А на кабана промышляешь — тѣ, нечего говорить, когда и мурашки заходятъ по тѣлу. Отъ собакъ это онъ отбаранивается, а на охотника взглядываетъ. И какъ это только онъ бѣжитъ: камыши, залежи, заломы, а бѣжитъ все равно какъ по степи. Чуть гдѣ далеко камышъ заговоритъ, тутъ смотри въ оба; глазомъ не успѣешь моргнуть, какъ онъ уже тутъ. То ли это камыши даны ему Господомъ Богомъ? То ли ему свободно бѣжать, благо пятакъ у него острый и путь открываетъ? То ли и не знаю что? Одначе, во всякомъ случаѣ, спасаетъ родительское благословеніе, только бить нужно прямо въ разборъ, между глазъ. Винтовку на рожки да глазъ съ прицѣла не своди. Вотъ Дѣевъ такъ охотникъ, одно слово! Сколько разъ видѣлъ. Никогда не стрѣляетъ, какъ звѣрь совсѣмъ набѣжитъ а какъ выстрѣлитъ, такъ кабанъ либо головою въ дуло еще ударится, либо рожки у его винтовки пересѣчетъ. Вишь, у меня сѣкачъ руку изуродовалъ. Думалъ, что совсѣмъ съѣстъ, однако товарищи не выдали»...

— Все таки не думаю, чтобы кабанъ былъ страшнѣе тигра. Ты часто его видалъ? — замѣтилъ я Катанаеву.

— «Часто приходилось видѣть. Когда за кабаномъ на промыселъ ходишь, видишь его часто на гойнѣ. Приходилось, товарищей позовешь, только не охочи они на тигру ходить. Думаешь, поколѣчитъ еще, а доходу

съ него нѣтъ. Какъ первое поселеніе въ Алматахъ было, много тигра лошадей намъ порѣзала. И крѣпокъ же этотъ звѣрь. Лошадь подъ самые бѣлки потащитъ, а никакого слѣда, кромѣ своего не оставитъ — на спинѣ, значитъ, внесетъ. И по осыпямъ, и по каменьямъ какимъ, просто страсть, несетъ лошадь. Больше только тигра свое пропитаніе около кабановъ имѣетъ, потому въ камышахъ держится; а охотника рѣдко когда трогаетъ. Днемъ охотникъ на промыслѣ бываетъ, а тигра лежитъ въ осокѣ. Ночью свиньи на пастьбу выйдутъ, чередъ тигрѣ на промыселъ идти. Много разъ приходилось идти около тигры саженъ десять али пятнадцать будетъ ли?... Какъ ворочаешься, смотришь, тигриное гойно, теплая еще осока, — ушелъ звѣрь отъ человѣка».

— Все таки это самый опасный звѣрь здѣсь, — сказалъ я Катанаеву.

— «Въ этомъ не могу вамъ доложить. По нашему сѣкачъ стоитъ тигру. Какъ тигра вооружится, да озлобѣетъ, нечего грѣха таить, будто страшно станетъ. Только ничего, ладить съ нимъ оченно можно. Разъ былъ я на охотѣ съ Дѣевымъ. Погнали собаки кабана. Побѣжалъ онъ, верхи за нимъ въ камышъ. А тигра, должно быть, ужъ насторожкѣ была—прямо на Дѣева прыгнула. Стоитъ на заднихъ лапахъ, прыскаетъ, какъ кошка, уши приложила, а передними лапами деретъ лошадь. У Дѣева дробовикъ былъ. Онъ подалъ-то ружье въ ротъ тигрѣ да и далъ выпалъ. Звѣрь заревѣлъ, да сталъ мять зубами дробовикъ, а тутъ фельдшеръ на конѣ подскочилъ, да прямо въ ухо изъ винтовки и умѣтилъ. Звѣрь даже ногами не дрыгнулъ, такъ его разомъ и успокоилъ. Прибѣжали мы всѣ, а тутъ уже и кончено... Правда, нѣтъ собаки, чтобы она на него лаяла; сейчасъ только услыхала тигру, броситъ гнать да къ хозяину подъ ноги. Опять и тигра уходитъ,

коли увидитъ, что не ея сила. Ѣхали мы это разъ съ охоты съ Кара-Кастека; видимъ, тигра идетъ не такъ далеко около дороги. Пойдемте, молъ, братцы, побѣжимъ. Богъ дастъ успокоимъ звѣря. Сложили мы на дорогѣ добычу да за тигромъ. Въ тѣ поры, года три тому будетъ, не хвастать мнѣ, держалъ я коней, одно слово бѣгунцовъ. Тридцать верстъ отмахаешь, только въ ушахъ поетъ. Поскакали мы за тигрою. Онъ все шелъ тихо, да оборачивался, а какъ запримѣтилъ, что за нимъ, какъ пойдетъ онъ махать, такъ менѣе, чѣмъ на десяти верстахъ изъ виду потеряли. Полный махъ будетъ шаговъ восемнадцать охотничьихъ, девять, значитъ, саженъ. А то киргизы врали, будто тигра верстъ десять отбѣжитъ, да ляжетъ отдыхать, и будто такимъ манеромъ они его замариваютъ. Это они только хлопаютъ, потому видѣлъ самъ, какъ тигра скакать можетъ. Азію ты озолоти, на тигра не пойдетъ, какъ азіатъ сейчасъ голову потеряетъ, — а это дѣло пропадшее, и тигра, пожалуй, заѣстъ».

Послѣ того рѣчь шла о разныхъ охотахъ на барсовъ, медвѣдей, волковъ, кабановъ и проч., и много интереснаго передавали другъ другу эти испытанные немвроды, эти предтечи цивилизаціи.

Когда вернулись стада рогатаго скота (бараны и лошади были уже въ отгонныхъ табунахъ), я вышелъ на воздухъ. Всѣхъ коровъ киргизы загоняли къ себѣ въ юрты, во избѣжаніе, какъ они говорили, ночного холода. Кажется, они побаивались и тигровъ. Ночь была чрезвычайно свѣтлая, но морозъ былъ весьма порядочный, напоминающій Россію. При лунномъ освѣщеніи группа юртъ, прикурнувшихъ подъ развѣсистыми джигдами, была чрезвычайно оригинальна. Изъ-за скрытыхъ тюндюковъ летѣли искры и свѣтился огонь, разложенный на очагѣ. Въ юртахъ говорили, шумѣли, успокаивали плачущихъ дѣтей... Пора спать.

12-го ноября. Утромъ распрощались съ хозяевами.

Мы ночевали недалеко отъ р. Или. Выѣхавъ изъ аула, мы проѣзжали по иловатымъ солонцамъ, которые смѣнялись песками. Мѣстами растительность была очень сильна, несмотря на такую почву. Все видимое пространство было усѣяно джигдовыми деревьями, джингилемъ, тополемъ, и кое-гдѣ саксауломъ. Отъ этого казалось, что ѣдемъ въ какомъ-то саду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески образовали небольшіе холмы, скрѣпленные уже покрывающею ихъ рѣдкою травою. Недалеко отъ мѣста ночлега Катанаевъ замѣтилъ нѣсколько дикихъ степныхъ козъ, пасущихся въ отдаленіи. Бабинъ пошелъ скрадывать ихъ, но собаки бросились за козами и вспугнули ихъ. Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли еще козъ, но онѣ побѣжали, не подпустивъ насъ къ себѣ.

Изрѣдка намъ попадались и камыши, растущіе по краямъ какихъ-то болотъ или небольшихъ озеръ. Мы проѣзжали ихъ, осматривая окружающую мѣстность, гдѣ на пескахъ отпечатывалось множество лисьихъ, волчьихъ, каракуйрюковыхъ и заячьихъ слѣдовъ. Но вся эта дичь была не по насъ. Намъ хотѣлось видѣть кабановъ или тигра.—Убей ты мнѣ, пожалуйста, этого орла, сказалъ Тимоѳеичъ, чучельникъ, Катанаеву,—это, должно быть изъ рѣдкой породы. — Катанаевъ слѣзъ съ лошади, далъ выстрѣлъ и промахъ. Онъ остался заряжать свою винтовку, мы же отправились далѣе. Обернуршись черезъ нѣсколько времени, я увидѣлъ Тимоѳеича и Катанаева, скачущихъ къ намъ во весь духъ. — Нашли слѣдъ тигра, — говорилъ послѣдній. Пусть полковникъ Г—ій ѣдетъ въ ближайшій аулъ, а мы отправимся слѣдить звѣря. — Такъ и сдѣлали. Я, Бабинъ, Катанаевъ и Тимоѳеичъ, мы осмотрѣли тщательно оружіе и поѣхали къ слѣду. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ Катанаевъ стрѣлялъ въ орла, мнѣ показали на пескѣ отчетливо и свѣже отпечатавшіеся слѣды

огромнаго хищнаго звѣря. — Этотъ слѣдъ положенъ тигрой незадолго до нашего пріѣзда,—говорилъ Канатаевъ, — видите, какъ видна вся лапа и когти? — Я положилъ руку на слѣдъ. Рука по длинѣ умѣстилась поперекъ слѣда. Должно быть звѣрь очень большой. Разсматривая далѣе, я замѣтилъ еще другіе меньшіе слѣды и тоже тигра. Пальцы и часть ладони до большого пальца легли поперекъ этого слѣда. Я показалъ эти слѣды охотникамъ, которые и пояснили, что это, молъ, маленькій тигренокъ при матери. Мы осмотрѣли еще разъ оружіе, Бабинъ примкнулъ штыкъ къ штуцеру и мы тронулись по слѣду. Розыскъ слѣдовъ былъ очень затруднителенъ. Мѣстами они пропадали въ травѣ, мѣстами становились чуть примѣтны на твердыхъ солонцахъ, и только тогда, когда они снова отпечатывались ясно на пескѣ, мы могли убѣждаться, что слѣдъ не потерянъ. Версты три съ половиною шли мы такимъ образомъ. Слѣдъ привелъ насъ къ узкой полосѣ камыша, тянущейся по какому-то протоку. Мы здѣсь раздѣлились. Двое отправились по одной сторонѣ, двое другихъ по другой сторонѣ. Собаки большею частью бѣжали посерединѣ камыша. Такимъ манеромъ мы проѣхали верстъ шесть. Катанаевъ ахалъ, что нѣтъ снѣгу, а въ камышахъ слѣдъ не виденъ. — Правду Азія говоритъ, что тигра въ ночь непремѣнно обойдетъ сорокъ горъ,— ворчалъ онъ про себя.

Вдругъ мы увидѣли бѣгущаго къ намъ киргиза, который кричалъ намъ и звалъ насъ къ себѣ.

— Вѣрно тигръ показался гдѣ нибудь тамъ, — сказали мы почти всѣ, глядя на жестикуляціи киргиза и поскакали къ нему.

— «Что такое»?

— Къ намъ въ аулъ пріѣхалъ полковникъ и заплатилъ мнѣ съ тѣмъ, чтобы я отыскалъ васъ и позвалъ бы къ нему,—перевелъ Бабинъ отвѣтъ киргиза.

— «Не появился ли тамъ тигръ?»

— Не знаю.

Поѣхали. Оказалось, что киргизъ перевралъ и что Г — ій просилъ его передать намъ, гдѣ онъ находится.

Перекусивъ немного, мы опять поѣхали къ камышамъ, но ѣздили совершенно безуспѣшно. Тигръ нигдѣ не выходилъ изъ камышей, а ширина, гуща и величина послѣднихъ безпрерывно возростала, по мѣрѣ нашего движенія на юго-западъ. Къ вечеру мы возвратились безо всякаго успѣха въ юрту, гдѣ насъ ждалъ Г — ій съ готовымъ обѣдомъ.

13-го ноября. Мысль о тигрицѣ, которую мы слѣдили вчера, не давала мнѣ покоя всю ночь. Я рѣшился выслѣдить ее во что бы то ни стало. Проснувшись, я спросилъ, не можетъ ли кто изъ присутствующихъ въ аулѣ киргизъ навести меня на слѣдъ джюлъ-барса (тигра), за это я обѣщалъ пять барановъ. Одинъ вызвался.

Я, Катапаевъ, Бабинъ и этотъ киргизъ—мы выѣхали чуть свѣтъ. По выѣздѣ первоначально мы двигались по песчанымъ холмамъ, покрытымъ кое-гдѣ травами, которыя такъ хороши и питательны для барановъ; потомъ стали попадаться солонцы. Черезъ нѣсколько времени мы въѣхали въ лѣсъ саксаула. Страшнаго вида деревья, достигавшія до двухъ саженъ высоты, кривыя, изогнутыя, съ изъѣденными стволами, съ длинными игловидными листьями покрывали очень большое пространство. Саксаулъ чрезвычайно твердъ и въ такой же степени хрупокъ. Топоръ его не беретъ; ударъ же обуха разбиваетъ стволъ въ куски. Саксаулъ горитъ очень жаркимъ огнемъ сырой и сухой. Дыму даетъ мало. Уголь саксаула очень крѣпокъ, такъ что даже горящій трудно разбить ударомъ. По этимъ свойствамъ саксаулъ сущая драгоцѣнность въ степи и считается лучшимъ топливомъ для юртъ. Корни саксаула пускаютъ большія мочки во

всѣ стороны, какъ и всѣ растенія, произрастающія на пескахъ. Благодаря этому свойству и величинѣ корней, саксаулъ едва-ли не самый дѣйствительный факторъ въ дѣлѣ превращенія кочующихъ песковъ въ постоянно находящіеся на мѣстахъ; это, какъ извѣстно, самый важный шагъ при обращеніи пустынной песчаной почвы въ удобную. Саксауловый лѣсъ, по которому мы теперь проѣзжали, имѣетъ около ста квадратныхъ верстъ. Онъ разбросанъ по глинистымъ солонцоватымъ прогалинамъ и песчанымъ холмамъ. Послѣдніе совершенно изрыты норками тушканчиковъ (тарабагатаевъ) и полевыхъ крысъ. Лошадь безпрерывно проваливается по колѣна въ эти подземныя селенія. Безо всякаго сомнѣнія, что и эти звѣрки, разрыхляя почву подъ корнями саксауса и вводя черноземныя частицы во всѣ слои песка, работаютъ весьма усердно надъ обращеніемъ пустыни въ удобообработываемую мѣстность. Тушканчики десятками шныряли между дырочками, спасаясь въ нихъ при приближеніи нашихъ лошадей.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что солонцоватая почва, негодная для культуры, имѣетъ большую цѣнность въ глазахъ киргизъ. Прежде всего здѣсь не держится снѣгъ, соединяющійся съ солью почвы и обращающійся въ воду. Оттого на солонцахъ не бываетъ гололедицы — этого непреоборимаго бича номадовъ. Во-вторыхъ на солончакахъ растутъ такія травы, которыя ѣдятся съ особеннымъ удовольствіемъ овцами, верблюдами и даже рогатымъ скотомъ. Мѣстности, гдѣ много солончаковъ, отличаются не только богатствомъ двухъ первыхъ породъ скота, но и величиною ихъ. Такимъ образомъ покупателями цѣнятся овцы Каркаралинскаго округа и преимущественно тѣ, которыя покупаются у баганалинцевъ; послѣдніе кочуютъ у Голодной степи, а зимуютъ на безплодныхъ солонцахъ послѣдней. Также цѣнны овцы и верблюды Акмолинскаго округа.

Проѣхавъ безполезно въ разныя стороны верстъ съ пятнадцать, я иззябъ, благодаря холодному времени, до того, что зашелъ погрѣться въ юрту аула, попавшагося намъ на пути. Хозяинъ оказался ловкимъ малымъ. Онъ сказалъ, что въ окрестностяхъ много кабановъ и тигровъ, но что послѣдніе—хвала Аллаху—не безпокоятъ скотины. Я предложилъ этому хозяину десять овецъ, если онъ наведетъ насъ на слѣдъ тигра. Онъ согласился. Мы оставили прежняго проводника въ аулѣ и поѣхали съ новымъ, но уже видно такое несчастье—все-таки не нашли ничего. Новый проводникъ, вооружившійся штуцеромъ со штыкомъ, повелъ насъ въ такія мѣста, гдѣ дѣйствительно должны непремѣнно водиться тигры. Громадный высокій камышъ, сажени въ полторы высотою, росъ на сухой почвѣ. Ниже камыша росла высокая, мягкая осока. Едва мы подъѣхали къ камышу, какъ замѣтили, что онъ служитъ продолженіемъ тѣхъ камышей, по которымъ мы слѣдили тигрицу.—Ясно—здѣсь гдѣ-то ея гойно или логовище. Это усилило наше вниманіе. Мы изрѣзали высокій камышъ во всѣхъ направленіяхъ, крестили и колесили по немъ, какъ могли, будучи, конечно, совершенно готовы къ встрѣчѣ со звѣремъ. Все тщетно!

— Нѣтъ, баринъ!—говорилъ Катапаевъ:—не быть пути. Первое дѣло, навязался къ намъ пустой товарищъ, а второе—нѣтъ снѣгу. Какъ его тутъ выслѣдить? Я прозакладую, не знаю что, что мы нѣсколько разъ проходили около тигры. Это звѣрь мудрый. Кидается онъ на тѣхъ только, кто боится его; а коли охотникъ идетъ къ тигрѣ на встрѣчу, она бѣжитъ отъ него. Никогда не слыхивалъ, чтобы она шла на винтовку. Коли ужъ ей некуда дѣться,—ну, пойдетъ тогда на охотника, только завсегда сзади. Ты по слѣду ея, значитъ, иди; а станетъ слѣдъ крѣпко свѣжъ, все оглядку назадъ имѣй, потому тигра завсегда сзади охотника встрѣтитъ, дастъ

кругъ, да коли нашла на слѣдъ человѣка, сейчасъ станетъ подходить на скокъ. Только все это зимою будетъ... а теперь, вотъ опять вечеръ, а что проку.

Дѣйствительно, начинало вечерѣть. Мы поѣхали на ночлегъ. Мнѣ было чрезвычайно досадно. Хоть бы увидать какой это такой звѣрь тигръ. Въ юртѣ обѣдъ былъ уже готовъ. Вскорѣ послѣ обѣда или ужина, назовите, какъ хотите, мы легли спать.

14-го ноября. Эсаулъ ѣздилъ еще третьяго дня, чтобы собрать намъ лошадей въ киргизскихъ аулахъ. До сихъ поръ мы ѣздили все на послѣдней подставѣ, выставленной казаками Иссыкской станицы. Но нужно же знать и честь. Вчера вечеромъ пріѣхалъ эсаулъ и объявилъ, что во всѣхъ окрестныхъ аулахъ нѣтъ лошадей, что всѣ онѣ въ отгонныхъ табунахъ. Онъ принесъ свѣдѣніе также, что на противоположной сторонѣ рѣки Или находятся аулы, и что тамъ есть лошади, на которыхъ можно бы поѣхать внизъ по рѣкѣ до переправы. Верстахъ же въ пятнадцати отъ того мѣста, гдѣ мы находились, въ аулахъ лошади должны быть. Бабинъ и Катапаевъ прибавили, что на той сторонѣ славная охота, можетъ быть, встрѣтимъ и тигра. На основаніи этихъ свѣдѣній мы рѣшили ѣхать теперь къ казакамъ, которые рыбачили на Или, а отъ нихъ перебраться на ту сторону.

Шелъ отвратительный мокрый снѣгъ съ дождемъ, когда мы сѣли верхомъ. Къ счастію, онъ скоро прекратился и мы безпрепятственно добрались до хижины рыбаковъ на берегу Или. По рѣкѣ шла большая шуга, тѣмъ не менѣе рыбаки брались перевезти насъ на другую сторону. Мы стали готовить тутъ обѣдъ изъ привезенной съ собой баранины и османовъ, большого вида форелей, которыхъ много въ Или.

Мы договорили рыбаковъ за три рубля не только

перевезти насъ на ту сторону, но везти насъ внизъ по теченію до аула султана Астанъ-Бека, ставшаго на зимовку недалеко отъ рыбаковъ. Они согласились. Послѣ обѣда мы собрались въ путь и усѣлись въ двухъ лодкахъ. По рѣкѣ шелъ густой ледъ, сквозь который мы пробивались, однако, безъ всякаго труда. Рѣка изгибалась самымъ прихотливымъ образомъ и мы ѣхали иногда полчаса,чтобы вернуться почти на то же мѣсто. Мѣстами она разбивалась на острова, поросшіе тальникомъ, джигдою, джингилемъ и густою, высокою травою. Мѣстами всѣ рукава сливались въ одно русло. Направо мѣстность отъ рѣки круто шла въ гору, представляя, впрочемъ, ровный по всей длинѣ, покуда глазъ могъ хватать, спускъ. На этомъ подъемѣ стояли черныя солонцеватыя горы. Тамъ, вѣроятно, наша охота.

Верстахъ въ десяти ниже избушки рыбаковъ мы увидѣли аулъ на берегу Или. Мы остановились. По разспросамъ оказалось, что это зимовка Астанъ-Бека. Султанъ принялъ насъ очень радушно и указалъ намъ юрту своего муллы, стараго старика. Юрта была довольно опрятна. На сносной постели сидѣла дочь муллы, дѣвочка лѣтъ тринадцати, очень хорошенькая собою, съ правильными чертами лица и очень выразительными для ея лѣтъ глазами. Оказалось, что мулла ташкенецъ, чѣмъ и объяснилась ненормальная для киргизокъ правильность чертъ лица у дочери муллы. Султанъ, узнавъ, что я испыталъ нѣсколько неудачъ въ поискахъ за звѣрями, пояснилъ, что около самой его зимовки есть островъ Аюлы (аю— медвѣдь), гдѣ всегда держится нѣсколько медвѣдей. Я взялъ ружье и въ сопровожденіи Бабина и Тимоѳеича отправился на островъ. Насъ перевезли наши же рыбаки, хотѣвшіе ночевать въ аулѣ Астанъ-Бека. Но напрасно я и Бабинъ, въ сопровожденіи киргизъ, крестили во всѣхъ направленіяхъ островъ,—ни живой души, ни даже фазановъ, которыхъ, какъ говорили, на островѣ гибель.

Мы продирались между колючими деревьями, пропадали въ густой, выше роста человѣческаго, травѣ, съ трудомъ двигались сквозь мощную растительность,—ничего. На песчаныхъ полосахъ, идущихъ вдоль по острову и оставляемыхъ, вѣроятно, разлитіями Или, не было видно никакого слѣда. Песокъ лежалъ волнистыми зигзагами, какъ должна была оставить его сбывающая весенняя вода. Мы вернулись въ аулъ только когда совершенно стемнѣло, такъ что оставалось только поѣсть и лечь спать.

15-го ноября. Сегодня утромъ мы рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы поправить нашу охоту. Мы рѣшились ѣхать на тиковъ, которыхъ много въ окрестныхъ горахъ. Тикъ — это каменный козелъ, Steinbock.

Съ разсвѣтомъ выѣхали изъ аула въ горы. Эти горы называются Калканъ и служатъ послѣдними южными отрогами Копальскаго Алатау. Онѣ состоятъ изъ краснаго глинистаго сланца, почему ущелье, къ которому мы теперь направлялись, по-киргизски называется Кизылъ-Аусъ, красный перевалъ или ворота. Калканскія горы поднимаются на довольно значительную высоту, но вся покатость ихъ, обращенная на югъ, не покрыта снѣгомъ; только на болѣе высокихъ горахъ лежитъ неглубокій слой снѣга наверху. Отъ Или до горъ будетъ верстъ съ десять. Приходится подниматься кверху по ровному подъему. Подъѣзжая къ ущелью, я увидѣлъ на лѣвой скалѣ огромнаго рогатаго тика. Его рога были видны, несмотря на большое разстояніе, раздѣлявшее насъ. Завидѣвъ насъ со своего наблюдательнаго поста, козелъ нѣсколько разъ безпокойно повернулся. Вслѣдъ за тѣмъ я увидѣлъ, что на камень, на которомъ стоялъ рогачъ, стало выпрыгивать одинъ за другимъ нѣсколько тиковъ. Они, видно, осматривали насъ.

— Куда какъ чутки, говорилъ Бабинъ; сторожъ

увидитъ, сейчасъ пикнетъ, цѣлое стадо и начнетъ къ нему прыгать, тоже осматривать; а потомъ и пойдутъ съ вершины на вершину шажкомъ, да все выше, да выше станутъ забирать и все будутъ оглядываться на людей, отъ которыхъ они уходятъ.

Поѣхали по ущелью. Почти на всякой скалѣ можно было разсмотрѣть стадо кикликовъ, каменныхъ рябчиковъ. Обыкновенно впереди прыгаетъ по каменьямъ и выступамъ скалъ вожакъ стада, скликая другихъ звонкимъ крикомъ, если откуда-нибудь грозитъ опасность. За вожакомъ съ разныхъ сторонъ прыгаютъ и бѣгутъ эти въ высшей степени красивыя и граціозныя птички. Бабинъ выстрѣлилъ по одному стаду и убилъ пару рябчиковъ. По ущелью мы поднимались все выше берегомъ ручья, который обросъ, къ моему удивленію, камышемъ,—обстоятельство, почему по снѣгу здѣсь въ горахъ отыскиваютъ охотники много кабановъ. Вскорѣ на одной изъ окрестныхъ горъ мы замѣтили новое стадо тиковъ. Эти были къ намъ гораздо ближе первыхъ. Сторожевой козелъ показался мнѣ пѣгой масти. Когда онъ «пикнулъ», какъ выражается Бабинъ, къ нему на камень бросилось цѣлое стадо разношерстныхъ тиковъ. Тутъ были и гнѣдые и бурые. Они посмотрѣли на насъ нѣсколько секундъ, потомъ скрылись за каменную вершину горы.

Вскорѣ мы пріѣхали на высокое горное сѣдло. Здѣсь Катанаевъ и Бабинъ стали снимать съ себя шубы и сказали мнѣ, что нужно намъ охотиться слѣдующимъ образомъ: каждый изъ насъ взберется на высокую сопку и оттуда уже высмотритъ тиковъ, къ которымъ и станетъ подбираться. Сказано—сдѣлано. Я началъ карабкаться на какую-то проклятую стѣну громадной высоты. Изъ-подъ ногъ сыпались камешки, руки и ноги срывались съ осыпи, покрытой полуталымъ снѣгомъ; штуцеръ приходилось нести еще въ рукѣ, потому что за-

были бандуліеръ. Когда, выбившись изъ силъ, я останавливался и взглядывалъ внизъ, то у меня кружилась голова. Наконецъ послѣ долгихъ и трудныхъ усилій я усѣлся на самой верхушкѣ горы и сталъ внимательно всматриваться въ горные обрывы. Въ полутора верстахъ правѣе меня карабкался Катанаевъ; Бабина не было видно. Далеко внизу, за уваломъ, стояли наши лошади и бродили два киргиза, — вотъ все живое, что́ я увидѣлъ.

Прождавъ на горѣ и на ея разныхъ уступахъ около часу, я пошелъ внизъ. Большею частью я не спускался, а ѣхалъ на спинѣ, опасаясь только докатиться до низу съ изорваннымъ на осыпяхъ лицомъ и съ переломанными руками и ногами. Снизу я опять поднялся на другую гору,—тотъ же успѣхъ. Было около двухъ часовъ пополудни. Ѣсть мнѣ хотѣлось до смерти. Я слѣзъ съ горы и кое-какъ, большею частью при помощи мимики, разспросилъ киргиза, есть ли аулы въ окрестности. Въ это время гораздо правѣе меня раздался гулъ выстрѣла. Выждавъ немного, я отправился въ аулъ. По пути вдругъ раздалось нѣчто въ родѣ трубнаго гласа съ одной изъ высотъ. Это былъ Бабинъ, который окликалъ проѣзжихъ. Узнавъ меня, онъ быстро сталъ спускаться по чрезвычайно крутой трещинѣ. За каждымъ его шагомъ изъ-подъ ногъ срывались камешки, которые съ шумомъ катились къ ногамъ моей лошади.

— Вы стрѣляли?

— «Нѣтъ».

— Значитъ, должно быть, Катанаевъ.

— «Дождись Катанаева и пріѣзжай по слѣду за мной въ аулъ».

— Слушаю.

Мы ѣхали съ киргизомъ глубокимъ и узкимъ ущельемъ. Далѣе оно съуживалось еще болѣе, а спуски по сторонамъ превратились въ отвѣсные обрывы. Въ одномъ изъ рукавовъ этой щели, между двухъ скалъ, близъ

ручья, поросшаго густымъ и высокимъ камышемъ, стоялъ аулъ. Я вошелъ въ первую попавшуюся юрту. Весь аулъ или, лучше, все его мужское населеніе состояло изъ охотниковъ. Всю зиму киргизы этого аула занимаются охотою, въ ближнихъ окрестностяхъ — на тиковъ и архаровъ, въ дальнихъ—на мараловъ. Теперь ихъ промыселъ упалъ, послѣ возстанія дунгеней, потому что никто не покупаетъ маральихъ роговъ. Киргизы, при помощи пріѣхавшаго Бабина, передали мнѣ, что въ ущельяхъ они всякій день находятъ свѣжій пометъ медвѣдей, но что они никогда не встрѣчаютъ послѣднихъ. Есть тоже много по щелямъ кабановъ, но и тѣ скрываются очень ловко.

Обогрѣвшись въ аулѣ, мы поѣхали къ Или. Дорога лежала въ чрезвычайно красивыхъ щеляхъ. По бокамъ поднимались то совершенно отвѣсныя темныя скалы, съ затѣйливо-переломанными слоями сланцевъ и метаморфическихъ породъ; то отъ самаго верху до низу шли крутыя осыпи мелко-раздробленныхъ горныхъ породъ. На вершинѣ, изъ осыпи, торчала причудливая вершина съ зубчатыми вертикальными обрывами во всѣ стороны. Въ одномъ мѣстѣ ущелье запиралось со всѣхъ сторонъ скалами. Для выѣзда оставались только небольшія ворота, промытыя горнымъ потокомъ, который и низвергался далѣе внизъ по ложбинѣ, проточенной почти въ вертикально лежащей скалѣ. Это живописное ущелье называется у киргизовъ Терекiы. Выѣхавъ изъ него, мы опять увидѣли длинный спускъ къ Или, извилистую рѣку со множествомъ на ней острововъ, которые отчетливо рисовались всѣми своими контурами. Пріѣхали мы въ аулъ Астанъ-Бека, когда начало уже темнѣть.

Султанъ Астанъ или, вѣрнѣе, Истамъ-Бекъ Сеильхановъ принадлежитъ къ Дулатовскимъ волостямъ. Онъ разсказывалъ, что для продовольствія команды, шедшей недавно съ калмыками мимо его аула, взято у него и

у его телленгутовъ шесть верблюдовъ, пять лошадей, десять быковъ и шесть юртъ. На продовольствіе отрядомъ взято у султана двѣ рогатыя скотины, которыя и зарѣзаны безвозмездно. Кромѣ того, взято изъ аула же безвозмездно одиннадцать барановъ. За все это ротный офицеръ прислалъ рубль сер. Въ числѣ взятыхъ въ подводы лошадей былъ одинъ бѣгунецъ, принадлежащій султанскому телленгуту. Пѣхотный офицеръ купилъ его у подводчика за три лошади и три рубля денегъ, а хозяинъ не согласенъ продать и за сто рублей сер. Изъ его же аула дано въ подводы на Чингильдинскій пикетъ подъ проѣздъ коммиссіи пятнадцать лошадей уже мѣсяцъ тому назадъ, но по настоящее время лошади не возвращены.

По увѣренію султана, киргизы охотно будутъ платить по рублю съ кибитки взамѣнъ натуральной подводной повинности.

Отрядъ, про который шла рѣчь — отрядъ Рейнталя, препровождающаго калмыковъ изъ Алтынъ-Имеля въ Алматы, гдѣ ихъ хотятъ роздать по квартирамъ. Намъ разсказывали у Астанъ-Бека, что пять дней тому назадъ, когда препровождали калмыковъ, тигръ зарѣзалъ у нихъ одну изъ лошадей.

Телленгуты разсказывали мнѣ также слѣдующій случай: однажды тигръ поселился около самой зимовки султана и ежедневно истреблялъ по одной крупной скотинѣ. Чтобы избавиться отъ него, табуны отогнали въ другое мѣсто; тогда тигръ сталъ нападать на людей и задралъ двухъ киргизъ. Чтобы избавиться отъ него, устроили облаву и съ пожертвованіемъ еще одного человѣка убили страшнаго звѣря топорами, четами и чѣмъ ни попало.

16-го ноября. Мы переночевали опять ночь очень покойно у гостепріимнаго муллы. Г—ій утромъ мнѣ ска-

залъ, что вчера, покуда я безплодно ходилъ по горамъ, къ муллѣ собралось юное поколѣніе аула въ школу. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ идетъ процессъ образованія у киргизъ и просилъ собрать школу утромъ до нашего отъѣзда. Мулла согласился.

— Ге! Балаба! Балаба!—закричалъ онъ, не выходя изъ своей юрты. Не прошло и четверти часа, какъ въ юрту стали входить мальчишки и дѣвчонки съ книжками подъ мышкой. У кого не было книгъ, тотъ входилъ съ плоскими дощечками, на которыхъ была написана чернилами татарская азбука. Каждый входящій дѣлалъ салямъ, прикладывая руку къ сердцу и сгибаясь впередъ, по всѣмъ правиламъ азіатскаго этикета. Такимъ образомъ мулла оказывался и учителемъ танцованія. Когда мальчишки собрались, мулла положилъ передъ ними грубо отесанное бревно въ качествѣ учебнаго стола. Они усѣлись, положили книжечки на бревно и начали съ голоса муллы выкрикивать буквы азбуки, покачиваясь впередъ и изображая своимъ лицомъ глубокое вниманіе и огромное усердіе. Когда простывалъ жаръ учениковъ, вслѣдствіе того, что замолкалъ мулла, я замѣчалъ, что учащіеся, повторяя машинально звуки буквъ, засматривались на входящихъ, выходящихъ и на насъ. Замѣтивъ это, мулла вскрикивалъ что-то, должно быть, угрозу и начиналъ съ воодушевленіемъ пиѳіи кричать... и пошла писать. Ученики еще громче выкрикивали своими тоненькими голосками. Передъ концомъ урока мулла заставилъ каждаго учащагося повторить азбуку отъ буквы, которую онъ произносилъ, что, вѣроятно, очень затрудняло дѣтей, потому что рѣдко кто былъ боекъ въ отвѣтахъ. По окончаніи ученія мы хотѣли подкрѣпить дѣтей пищею плотскою и приказали поставить передъ ними двѣ миски съ бараниной; но мулла, должно быть, чтобы не обременять ихъ желудка, отрѣзалъ каждому ребенку по микроскопическому кусочку, а оба

блюда спряталъ подъ кошму. При выходѣ дѣти повторили свой поклонъ.

Вотъ вся сила такъ называемой мусульманской пропаганды. Однако эта пропаганда не такъ слаба, какъ кажется. Мулла родомъ изъ Намангана. Первоначально онъ занимался торговлею, потомъ поступилъ муллою (частнымъ) къ султану Астанъ-Беку. Учитъ онъ дѣтей безплатно; какъ гонорарій за свои труды онъ принимаетъ всякаго рода подарки. Вчера, напр., одинъ изъ учениковъ принесъ кучу блиновъ и мулла добродушно принялъ приношеніе. Мулла пасетъ свой скотъ со скотомъ аула, но больше не пользуется никакими правами. Зато онъ стрижетъ свою паству при совершеніи разнаго рода требъ; вѣроятно, лѣчитъ, шарлатанитъ, конечно, все это за деньги и живетъ себѣ, перебиваясь помаленьку. Шагъ за шагомъ, незамѣтно, вливаютъ подобные люди мусульманскій элементъ въ жизнь киргизъ; а гдѣ мѣры противъ этого? Какой русскій учитель станетъ кочевать съ киргизами, жить въ юртѣ и за то довольствоваться подачками? Вообще вопросъ объ элементарномъ образованіи въ степи очень важный вопросъ.

Вчерашняя неудача на охотѣ убѣдила меня окончательно, что мы не такъ охотимся, какъ слѣдуетъ. На мой вопросъ объ этомъ Катанаевъ отвѣчалъ слѣдующее.

— За тиками нужно не такъ охотиться. Первое дѣло, чтобы времени было много. Коли увидали стадо, одинъ охотникъ взбирается на высокую сопку около высоты, гдѣ держутся тики, и прячется тамъ, а другой идетъ на нихъ съ другой стороны. Тики увидятъ его, послѣдняго-то, и начнутъ отъ него идти, да прямо на штуцеръ другого охотника и найдутъ.

— «Отчего же мы не такъ вчера охотились»?

— Оттого, баринъ, что тутъ нужно большое терпѣніе и много времени.

Что съ ними станешь дѣлать? Во всякомъ случаѣ,

болѣе охотиться некогда: нужно ѣхать въ Вѣрное. Мы рѣшили сегодня же ѣхать обратно. Посланный наканунѣ эсаулъ кричалъ намъ съ другой стороны рѣки, что лошади приготовлены и что тутъ же живутъ казаки рыбаки, которые могутъ перевезти насъ. Мы попрощались съ муллою и поѣхали къ мѣсту, гдѣ насъ ждала рыбачья лодка. Здѣсь мы попрощались съ султаномъ и переѣхали на тотъ берегъ сквозь льдины, шедшія теперь очень густо по рѣкѣ. На лѣвомъ берегу мы нашли хижину и хотѣли здѣсь закусить. Рыбаки разсказывали, что дня три тому назадъ, на островѣ, что противъ ихъ хижины (тотъ самый, гдѣ я искалъ медвѣдей) цѣлую ночь ревѣлъ тигръ и что къ его соло присоединялся ревъ медвѣдя. Должно быть, они дрались.

— Какъ же я-то ничего не видалъ на островѣ?

— «У насъ ихъ на Талгарѣ очень много, — началъ одинъ молодой казакъ. — Ноньче ходимъ мы на мараловъ съ нимъ, — и онъ указалъ на своего сосѣда. — Онъ шелъ-то по камнямъ выше, а я пониже. Смотрю, молоденькій тигръ стоитъ, съ волка будетъ. А тутъ товарищъ сталъ кричать; думаю, чтобъ стрѣлялъ. Только взялъ винтовку на прикладъ, а сама мать, большущая, прямо ко мнѣ выскочила да и стала подходить саженъ на пять. Сталъ это я ей межъ глазъ цѣлить, одначе выпалить не осмѣлился. Посмотрѣла тигра мнѣ прямо въ глаза, да какъ прыснетъ, схватила зубами своего котенка и, смотри, такъ разомъ и пропала. А Василій видѣлъ, значитъ, матку, кричалъ, чтобы я не стрѣлялъ».

Рыбаки наварили намъ османки и маринокъ. Кстати объ этихъ рыбахъ. Икра ихъ чрезвычайно вредна. Стоитъ съѣсть немного ихъ икры, сейчасъ же начнутся сильнѣйшія рвоты. Никакой звѣрь, никакая рыба не ѣстъ на этомъ основаніи ихъ икры, особенно отъ маринки. Между тѣмъ, сама по себѣ рыба очень вкусна.

Дождавшись охотниковъ и всѣхъ вещей, которыя были перевезены въ нѣсколько рейсовъ и позавтракавъ, мы поѣхали по направленію къ Атамъ-Кулову кургану. Только теперь мы взяли другую дорогу и поѣхали прямо на югъ. Это сократило нашъ путь верстъ на сорокъ. Дорога отъ рыбачьей хижины совершенно похожа на ту, по которой мы ѣхали раньше. Сперва идутъ песчаные холмы и глинистые солонцы, покрытые богатою растительностью, потомъ тянется саксауловый лѣсъ, потомъ сазы и камыши. Всѣ песчаныя, сухія мѣста были изрыты пещерками тушканчиковъ. Въ камышахъ были замѣтны слѣды недавняго пребыванія кабановъ. Кое-гдѣ попадались дрохвы. Ѣхали мы очень долго, потому что и путь былъ не близкій. Передъ разсвѣтомъ пріѣхали наконецъ въ Аталъ-Куловъ курганъ, гдѣ насъ встрѣтили съ величайшею радостью, какъ старыхъ знакомыхъ.

Такъ какъ лошади совершенно пристали, то мы рѣшились ночевать на курганѣ. Ночь обѣщала быть очень холодною, потому на ночлегъ мы забрались въ конуру, придѣланную къ стѣнѣ, гдѣ была печь и гдѣ все-таки не дуло. За то запахъ отъ ветхихъ мѣшковъ, сложенныхъ съ просомъ, отъ грязи, неопрятныхъ тряпокъ, развѣшанныхъ на потолкѣ и такихъ же тряпокъ, надѣтыхъ на хозяевъ, былъ едва выносимъ и атмосфера юрты казалась очень чистою по сравненію съ тяжелымъ кисло-прогорклымъ запахомъ землянки. Мы легли спать, какъ только напились чаю. И сейчасъ же послѣ того, какъ погасили свѣчи, я почувствовалъ кошку, пробравшуюся ко мнѣ подъ одѣяло. Я ее прогналъ; она подползла снова и война съ нею продолжалась безуспѣшно для меня цѣлую ночь.

17-го ноября. Вышелъ утромъ изъ нашей конуры. Едва свѣтало. На дворѣ стоялъ большой морозъ (т. е.

градусовъ десять). Выѣхали рано и поѣхали прежней дорогой къ Иссыкской станицѣ. Теперь вся трава была бѣла отъ мороза. По степи ходило множество дрохвъ; несмотря на то, онѣ не подпускали на выстрѣлъ. Около полудня пріѣхали въ станицу и, напившись чаю, отправились въ Талгаръ на саняхъ. Оттуда по малому снѣгу мы поѣхали въ Алматы въ тарантасѣ. Пріѣхали домой, когда было уже совершенно темно.

18-го ноября. Сегодня было засѣданіе коммиссіи, которая постановила, вслѣдствіе наступленія зимняго времени, прекратить обзоръ степи Сибирскаго вѣдомства и возвратиться въ Омскъ для полученія вытребованныхъ свѣдѣній. Вотъ, слѣдовательно, половина труда окончена. Какіе же результаты нашихъ изслѣдованій и изученій? Мой взглядъ и взглядъ Г — го выраженъ въ общихъ чертахъ въ письмѣ къ Менькову [1]). Факты, впослѣдствіи изученные нами, только подтвердили и укрѣпили наши убѣжденія. Взгляды другихъ членовъ коммиссіи мнѣ извѣстны только по нѣкоторымъ намекамъ. Они, кажется, теперь противъ самоуправленія киргизъ и желали бы примѣнить къ степямъ во всѣхъ деталяхъ нашу администрацію.

Мы всѣ сознаемъ, какъ безалаберна и безтолкова наша администрація. Мы не знаемъ какъ освободиться отъ нея у насъ самихъ и вдругъ является желаніе цивилизовать киргизъ этою администраціей! По отношенію къ правительственной силѣ чиновничество вредно тоже. Если бы наша администрація представляла необходимыя гарантіи за возможность успѣха, не было бы причинъ прибѣгать къ военно-народному управленію, но теперь нѣтъ другого выхода. Лучше энергическая

---

[1]) Редакторъ «Военнаго Сборника». Письма автора дневника къ Менькову во время путешествія по Сибири, сведенныя вмѣстѣ, составили IV-ую главу выше помѣщеннаго очерка «Киргизъ-Кайсаки». *Ред.*

сила, не имѣющая права вмѣшиваться въ порядокъ внутренняго управленія народомъ, чѣмъ слабое управленіе, только и имѣющее настолько силы, чтобы отравлять жизнь народа и ронять правительство. Во всякомъ случаѣ, нужно употребить всѣ усилія, чтобы отстоять то, что я считаю наилучшимъ, какъ для правительства, такъ и для киргизъ.

19-го ноября. Въ наше отсутствіе Бердашевъ, согласно моей просьбѣ, разспрашивалъ одного сарта, пришедшаго изъ Кульджи съ караваномъ, о китайскихъ дѣлахъ. Теперь я могу свести вмѣстѣ все, что мнѣ удалось узнать о возстаніи дунгеней. Нижеизлагаемое есть результатъ моихъ личныхъ разспросовъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями возстанія. При чемъ свѣдѣнія, данныя одними, я старался тщательно повѣрить показаніями другихъ. Не мало ясности получило для меня возстаніе дунгеней, когда я прочелъ о нихъ дѣло канцеляріи Семирѣченскаго губернатора и путешествіе Велиханова въ Кашгаръ [1]).

Возстаніе Дунгеней въ Западномъ Китаѣ.

Дунгени (по-киргизски дунгэне, по-ташкентски или узбекски тунгень) называютъ себя тургенями [2]). Турмакъ, по-тюркски, значитъ остаться. Ученые азіаты производятъ слѣдующимъ образомъ названіе дунгеней. Тамерланъ, объявивъ войну Китаю, двигался изъ Самарканда на Наманганъ, Иссыкъ-Куль и горный про-

[1]) Помѣщаемое ниже описаніе возстанія дунгеней послужило предметомъ чтенія А. К. Гейнса въ общемъ собраніи русскаго географическаго общества въ 1866 году. *Ред.*

[2]) Я называю этотъ народъ дунгенями, а не дунганями, согласно произношенію русскихъ, живущихъ близь границъ Китая.

ходъ Санъ Ташъ, находившійся тогда во власти Джунгаріи. Изъ Китая Тамерланъ возвращался тою же дорогою [1]). Вѣроятно, въ виду важности обладанія такимъ стратегическимъ пунктомъ, какъ верховье рѣки Или, Тамерланъ оставилъ на восточной сторонѣ Санъ-Таша значительный корпусъ монголовъ; эти-то войска, осѣвшія по рѣкамъ Текесу и Или, считаются азіатцами родоначальниками западныхъ дунгеней, тургеней или «оставшихся».

Восточные дунгени или китайскіе магометане получили свое начало гораздо раньше. Преданія, слышанныя нами объ ихъ происхожденіи, весьма близко подходятъ къ мнѣнію, выраженному г. Захаровымъ въ его запискѣ о дунгеняхъ.

Такимъ образомъ китайцы, въ царствованіе династіи Танъ, въ VII вѣкѣ, начали упорную войну со своими ближайшими западными сосѣдями—уйгурами или ойхорами. Древніе уйгуры были тюркскаго происхожденія: ихъ столица находилась въ нынѣшнемъ Карашарѣ, называвшемся тогда Гао-Чанъ. Въ VIII вѣкѣ борьба кончилась полною побѣдою китайцевъ и разрушеніемъ Гао-Чана. Но такъ какъ и послѣ того уйгуры были достаточно сильны, чтобы производить возстанія, то императоры изъ дома Танъ переселили часть этого народа въ Китай, въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣковъ. По свидѣтельству г. Захарова, до 1.000.000 семействъ посе-

---

[1]) При движеніи въ Китай, находясь на ночлегѣ въ проходѣ Санъ-Ташъ, Тамерланъ приказалъ каждому воину взять по одному камню и бросить на указанное мѣсто. Послѣ разгрома Китая, возвращаясь прежнею дорогою, Тамерланъ приказалъ каждому оставшемуся воину взять изъ прежде наложенной груды по одному камню, чтобы по числу оставшихся камней узнать, сколько его войскъ погибло въ бояхъ и осталось въ Китаѣ. Такъ объясняютъ себѣ среднеазіятцы существованіе въ проходѣ Санъ-Ташъ большой насыпи дикаго булыжнаго камня, очевидно сложенной людьми. Самое названіе прохода подкрѣпляетъ приведенную легенду. Слово Санъ-Ташъ, по переводу съ современнаго нагайскаго нарѣчія, значитъ въ буквальномъ смыслѣ — счетъ камней, а въ обширномъ безчисленное множество камней или пыль камней.

лено въ губерніяхъ Ганъ-Су и Шанъ-Си. Переселенцы были жаркіе поклонники буддизма.

Чтобы усилить господствовавшую тогда въ имперіи народность китайцевъ собственно, императоры изъ дома Танъ поощряли браки переселенцевъ съ китаянками. Существуетъ даже преданіе, будто бы уйгурамъ приказано было вступать въ браки исключительно съ китаянками.

Мусульманство стало проникать къ переселеннымъ уйгурамъ изъ Малой Бухаріи, гдѣ оно утвердилось окончательно послѣ того, какъ одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана, Туглукъ-Тимуръ-ханъ, владѣвшій землями отъ Или до Куэнъ-Луня, принялъ исламъ отъ потомка Магометова Сеида-Рашеддина. Это было въ 754 году гиджры. Примѣру Тимуръ-хана послѣдовали въ восточныхъ городахъ Туркестана многіе уйгурскіе эмиры. Потому конецъ XIV столѣтія нужно считать временемъ распространенія магометанства и у уйгуровъ, переселенныхъ къ Великой Стѣнѣ. Успѣху здѣсь ислама должны были особенно содѣйствовать враждебныя отношенія переселенцевъ къ правительству имперіи, придерживавшемуся буддизма, и связь съ прежнею родиною. Но и послѣ того, какъ восточные дунгени стали ревностными мусульманами, они удержали за собою право жениться на китаянкахъ, и притомъ воспитывать своихъ дѣтей въ исламѣ.

Западные дунгени оставались мусульманами со временъ Тамерлана [1]).

Китайцы называютъ всѣхъ дунгеней вообще хойхой, что нужно принимать за испорченное уйгуръ [2]).

---

[1]) Когда калмыцкій ханъ Галданъ покорилъ Малую Бухарію, въ 1678 году, то назначилъ Аппака-ходжу своимъ намѣстникомъ въ Яркендъ, а семейство кашгарскаго хана Измаила увелъ за собой въ Джунгарію. Тамъ мусульманскій городъ Кульджа былъ назначенъ мѣстомъ постояннаго жительства плѣннаго семейства.

[2]) До начала VI вѣка уйгурскія племена подчинялись дулгасцамъ. Въ 606 году уйгуры, соединившись съ сосѣдними племенами, свергли иго дулгасцевъ и обра-

Послѣ покоренія калмыцкаго ойратства, въ 1757 году, встрѣтивъ въ Джунгаріи людей, исповѣдывающихъ ту же религію, какъ уйгуры, китайцы могли назвать и остатки полчищъ Тамерлана именемъ хой-хой. Это предположеніе получаетъ особенное вѣроятіе, если вспомнить что Джунгарія, оставшаяся пустою послѣ избіенія китайцами калмыковъ, была населена жителями провинціи Ганъ-Су. Какъ сказано выше, древніе уйгуры были въ большомъ числѣ переселены, въ VIII вѣкѣ, изъ окрестностей Карашара въ губернію Ганъ-Су. Слѣдовательно, главнымъ элементомъ, колонизовавшимъ, тысячу лѣтъ спустя, Джунгарію, гдѣ съ давнихъ поръ жили западные дунгени, являются восточные дунгени. Съ того времени обѣ мусульманскія народности Китая должны были вступить въ тѣсныя сношенія другъ съ другомъ [1]).

Алтышаръ (западная часть китайскаго Туркестана), покоренный китайцами вслѣдъ за Джунгаріею, былъ преданъ мусульманству, но вслѣдствіе историческихъ причинъ имѣлъ мало общаго съ дунгенями. Оттого періодическія возстанія Алтышара, какъ имѣющія характеръ болѣе династическій, чѣмъ религіозный, не прямо касались дунгеней, а потому послѣдніе и не принимали въ нихъ участія. Это обстоятельство могло пріучить манджурское правительство отличать именемъ хой-хой

зовали сильный народъ, названный китайцами хой-гэ. Уйгурскій ханъ Дуньмохе, посылая въ 788 году, своего перваго министра Гядэ за своею невѣстою, дочерью богдыхана, просилъ между прочимъ, чтобы простонародное названіе уйгуровъ, хой-гэ, переименовать въ хой-ху, представляя къ тому тотъ поводъ, что его подданные въ нападеніи подобны кречетамъ (ху значитъ кречетъ). Отсюда недалеко уже и до хой-хой.

[1]) Среднеазіатцы, назвавъ дунгенями оставшихся воиновъ Тамерлана, перенесли это имя на всѣхъ китайскихъ мусульманъ, живущихъ къ сѣверу отъ Тянь-Шаня и внутри имперіи. Впрочемъ, намъ разсказывали, что и восточные дунгени считаютъ себя выходцами изъ Самарканда, почему принимаютъ, какъ родственниковъ, всѣхъ пріѣзжихъ оттуда.

Чрезвычайно интересно, что китайцы назвали всѣхъ мусульманъ по уйгурамъ-магометанамъ, жившимъ около нихъ; а среднеазіатцы назвали ихъ же по дунгенямъ, крайнимъ западнымъ подданнымъ Китая, исповѣдывавшимъ исламъ.

всѣхъ китайскихъ мусульманъ, не принимавшихъ участія, враждебнаго имперіи, въ возстаніяхъ Алтышара. По крайней мѣрѣ теперь китайцы называютъ этимъ именемъ всѣхъ мусульманъ имперіи, кромѣ жителей Туркестана [1]).

Люди, знающіе Китай, опредѣляютъ приблизительную цифру дунгеней болѣе чѣмъ въ 30.000.000 (не считая въ томъ числѣ магометанъ Туркестана). Они распространены по всей имперіи, группируясь болѣе въ провинціяхъ Ганъ-су, Шанъ-си, Сы-чуанъ, Юнъ-нань и по сѣвернымъ отрогамъ Тянь-Шаня.

Дунгени носятъ китайскую одежду, имѣютъ китайскій типъ лица и говорятъ китайскимъ языкомъ. Они извѣстны какъ чрезвычайно строгіе и набожные мусульмане. Дунгени суниты, но придерживаются разнымъ толкамъ: одни слѣдуютъ ученію имама Шафіе, другіе— ученію имама Ханифе [2]). Въ дунгеньскихъ мечетяхъ молитвы читаются на арабскомъ языкѣ, коментаріи же и поясненія дѣлаются по-китайски. Дунгени подстригаютъ усы по-мусульмански, не пьютъ вина и водки, не курятъ опіума и табаку. Въ Средней Азіи они извѣстны своею честностью, особенно въ торговыхъ дѣлахъ. Китайское правительство, вслѣдствіе этой честности, охотно опредѣляло дунгеней въ полицейскія должности. Дунгени горячи, заносчивы и при ссорахъ хватаются за ножи, которые они носятъ при себѣ [3]). По наружности они

---

[1]) Можно замѣтить, что китайцы вообще любятъ ослаблять своихъ политическихъ непріятелей системою колонизаціи въ обширныхъ размѣрахъ. Очень можетъ быть, что, ведя въ XVIII столѣтіи упорныя войны съ Среднею Азіею, они поселяли плѣнныхъ разныхъ мусульманскихъ народностей въ разныхъ пунктахъ имперіи, называя и ихъ нарицательнымъ хой-хой.

[2]) Толкъ ханафіе или аземи основалъ Абу-Ханифе-Эль-Номанъ-Ибне-Собитъ, родившійся въ Куфѣ 80 года гиджры и умершій въ Багдадѣ, въ темницѣ, въ 150 году. Толкъ Шафне'Э основалъ Могомедъ-Ибне-Эдрисъ-аль-Шафіе; онъ родился въ Мервѣ, въ Персіи, въ 164 году, умеръ въ Багдадѣ въ 241 году.

[3]) Копальскіе купцы разсказывали намъ, что у нихъ въ Кульджѣ выходили частыя ссоры съ дунгенями за то, что послѣдніе затрудняли, какъ могли, выпускъ скота въ Россію, полагая, что отъ этого обѣднѣетъ ихъ страна. Только

отличаются отъ манджуровъ и китайцевъ сильнымъ физическимъ сложеніемъ и болѣе осмысленнымъ лицомъ. Особенно характеристическая черта дунгеней—наклонность къ промышленнымъ предпріятіямъ.

Сознаніе своей силы и нравственнаго превосходства давало дунгенямъ возможность находиться въ исключительномъ положеніи. Несмотря на политическую щекотливость манджурскаго правительства, оно не вмѣшивалось въ дѣла сильной дунгеньской общины Саларъ, въ провинціи Ганъ-Су [1]), гдѣ мусульмане живутъ сплошною массою. Этою общиною управлялъ имамъ, имѣвшій значеніе духовнаго главы дунгеней, со стороны же правительства въ саларской общинѣ находился одинъ чиновникъ-приставъ. По словамъ киргизовъ, бывавшихъ въ Китаѣ, въ саларской общинѣ считается около 4.000 мечетей.

Это, впрочемъ, не мѣшало китайцамъ смотрѣть на дунгеней какъ на людей, стоящихъ ниже прочихъ гражданъ-буддистовъ. Потому дунгени были обложены бо́льшимъ количествомъ податей, не только по сравненію съ господствующими въ Китаѣ народностями, но и съ другими покоренными племенами. Вѣроятно, желая ослабить рѣзкое различіе, существовавшее между дунгенями и остальными жителями городовъ имперіи, манджурское правительство, когда могло, касалось обычаевъ и внутренняго порядка дунгеньской жизни. Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія изданъ императорскій декретъ, въ силу котораго дунгени должны были носить длинныя косы, а ихъ дочери — имѣть уродливыя китайскія ножки. Точно также административнымъ путемъ было произведено нѣсколько опытовъ заставить отдавать своихъ дочерей замужъ за китайцевъ—не му-

---

благодаря огромному вѣсу, которымъ пользовался въ Кульджѣ нашъ консулъ, подобныя ссоры ограничивались крикомъ дунгеней на базарахъ.

[1]) Саларъ называется по-китайски Хой-Чжеу и находится на одномъ изъ правыхъ притоковъ Желтой рѣки.

сульманъ. Эти притѣсненія, особенно послѣднее, чрезвычайно оскорбившее дунгеней, ставили всѣхъ ихъ въ одинаково враждебное отношеніе къ манджурскому правительству и давали большую солидарность ихъ политическимъ убѣжденіямъ. Еслибы дунгени и были составлены изъ обломковъ разныхъ мусульманскихъ народностей, то единство ихъ интересовъ и единство законовъ для всѣхъ ихъ вообще должны были сплотить дунгеней въ одно политическое цѣлое.

Въ правленіе нынѣ царствующаго манджурскаго дома неоднократно вспыхивали возстанія въ саларской общинѣ, которыя и распространялись по мѣстамъ, гдѣ жило много дунгеней. Но эти возстанія кончались какъ-то глухо и неопредѣленно, потому что мусульмане удерживали statu quo. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство Срединнаго государства поступило бы иначе, еслибъ дунгени не казались ему опасными или еслибъ манджуры получили рѣшительный перевѣсъ при возстаніяхъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами на китайской границѣ, можно предполагать, что политически-религіозная пропаганда, враждебная китайцамъ, давно уже дѣлала успѣхи среди дунгеньскаго населенія. Главою этой пропаганды намъ называли уроженца Салара, Савуна, имѣвшаго чинъ вана и пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ пекинскаго двора. Савунъ уже умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но имя его еще цѣнится дунгенями, называвшими Савуна своимъ ханомъ.

О послѣднемъ поводѣ, послужившемъ къ настоящему возстанію, намъ разсказывали чрезвычайно разнообразно. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, слышанный нами отъ двухъ лицъ, слѣдовательно и болѣе вѣроятный. Въ городѣ Синганъ-Фу [1]) жили два богача; одинъ манд-

[1]) Синганъ-Фу, губернскій городъ въ провинціи Шанъ-Си, близъ рѣки Вейхо, впадающей въ р. Хоанъ-Хо. Синганъ-Фу, по разсказамъ азіатовъ, въ пять разъ болѣе Ташкента.

журъ, другой дунгень. Послѣдній былъ купцомъ и покупалъ у перваго скотъ на ямбы. Такъ какъ обороты купли и продажи были очень велики, то расплата производилась гуртомъ, по прошествіи нѣкотораго времени. Однажды дунгень почему-то не захотѣлъ отдать манджуру своего долга. Послѣдній осрамилъ его публично. Тогда дунгень выхватилъ саблю и распоролъ манджуру животъ. Убитый пользовался между своими громкою репутаціею и имѣлъ множество кліентовъ, которые подстерегли дунгеньскаго богача и убили его, а имущество и домъ совершенно разграбили. Это обстоятельство послужило сигналомъ общей рѣзни между дунгенями и манджурами, жившими въ Синганъ-Фу. Тѣхъ и другихъ было почти поровну; но манджуры, потерявшіе, въ послѣднее время, всякую энергію, вслѣдствіе непомѣрнаго употребленія опіума, не могли дать надлежащаго отпора и были истреблены, а обширный Синганъ-Фу достался въ руки дунгеней. При извѣстіи объ успѣхѣ инсуррекціи, изъ Салара прибылъ въ Синганъ-Фу сынъ упомянутаго выше Савуна, Сохунжанъ, молодой человѣкъ 21 года, и принялъ начальство надъ возставшими.

Еще при началѣ смутъ въ Синганъ-Фу, изъ Пекина былъ посланъ дзянъ-дзюнъ съ 1.000 манджуровъ и съ приказаніемъ возстановить порядокъ; но едва этотъ отрядъ подошелъ къ городу, какъ былъ истребленъ мятежниками. Вскорѣ изъ Пекина подошелъ новый корпусъ войскъ въ 10.000 человѣкъ; но и онъ испыталъ участь перваго. Тогда Ижень-ханъ послалъ въ Синганъ-Фу 40.000-ю армію для усмиренія возстанія, начинавшаго принимать серьезные размѣры. Не допуская манджурскихъ войскъ къ городу, инсургенты вышли имъ навстрѣчу и вступили въ бой. Результатомъ сраженія было совершенное истребленіе манджуровъ. Это случилось въ 1862 году.

Изъ Синганъ-Фу возстаніе стало постепенно дви-

гаться на сѣверо-западъ, по линіи наибольшаго распространенія дунгеньскаго населенія. Это возстаніе было тѣмъ болѣе опасно для цѣлости имперіи, что должно было имѣть большое вліяніе на борьбу манджуровъ съ тайпингами или китайцами. При династіи Танъ, какъ мы говорили выше, дунгени весьма часто вступали въ брачные союзы съ китайцами и считаютъ ихъ своими родичами — обстоятельство очень важное въ Азіи, гдѣ родство служитъ иногда связью между племенами, не имѣющими, кромѣ того, ничего общаго. Этимъ объясняется фактъ, кажущійся съ перваго раза чрезвычайно страннымъ: нѣкоторая близость буддистовъ-тайпинговъ съ дунгенями, фанатически преданными мусульманству.

Примѣру Синганъ-Фу послѣдовала вся саларская община. Отсюда во всѣ мѣста, гдѣ жило много дунгеней, отправились вліятельныя духовныя лица, чтобы проповѣдывать «газатъ», священную войну противъ манджуровъ. По прибытіи въ какой-нибудь городъ, саларскіе хаджи и ахуны входили въ сношеніе съ мѣстными имамами и начинали волновать дунгеней [1]). Они говорили, что настало для правовѣрныхъ время готовиться къ борьбѣ съ манджурами, борьбѣ, долженствующей продолжаться до окончательнаго ихъ истребленія, либо обращенія въ истинную вѣру. По примѣру саларской общины, всѣ дунгени-мужчины должны идти на войну, несмотря на лѣта и физическіе недостатки. Они должны отказаться отъ всего мірского и свое состояніе отдать въ мечеть. Все это говорилось и читалось въ мечетяхъ

[1]) Мѣста имамовъ и ахуновъ съ давнихъ поръ занимаютъ у дунгеней вліятельнѣйшіе и богатѣйшіе люди прихода. Они читаютъ коранъ въ мечетяхъ, учатъ дѣтей въ школахъ, совершаютъ требы и за все это получаютъ плату отъ паствы. Такимъ образомъ, духовныя лица дунгеней въ то же время вліятельнѣйшіе люди въ частной жизни. Уже это одно достаточно объясняетъ, почему возстаніе дунгеней, по свойству вождей, должно было получить характеръ священной войны за вѣру.

до тѣхъ поръ, пока возбужденіе не достигало крайнихъ предѣловъ: тогда достаточно было незначительнаго повода и дунгени взялись за оружіе. Одно изъ лицъ, разсказывавшихъ намъ это, полковникъ султанъ Тезекъ, далеко несимпатизирующій дунгенямъ, прибавилъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ: «Нужно сказать правду: не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь изъ богатыхъ дунгеней не отдалъ всего, что имѣетъ, въ мечеть. Впрочемъ, если бы что-либо подобное и случилось, то ахуны, хаджи и имамы непремѣнно казнили бы обманщика, какъ врага Божія».

Фанатическое возбужденіе, производимое духовными лицами, разрѣшалось обыкновенно кровавыми стычками между дунгенями и манджурами во всѣхъ городахъ, гдѣ было многочисленное мусульманское населеніе. Первоначально инсургенты не имѣли никакого оружія, кромѣ палокъ, рѣзаковъ, кистеней, небольшихъ топориковъ (четовъ) и камней; но, надѣясь на небесную помощь, они не боялись кидаться на своихъ, относительно хорошо вооруженныхъ, враговъ и отнимали у нихъ много оружія. Вскорѣ между дунгенями нашелся мастеръ, который сталъ дѣлать имъ деревянныя пушки, изъ которыхъ каждая могла выдержать до семи выстрѣловъ. Помощію этихъ пушекъ дунгени стали отбирать у манджуровъ настоящія пушки и крѣпости.

Съ самаго начала возстанія нѣсколько городовъ въ губерніи Шенъ-Си пали въ руки дунгеней; въ другихъ же, гдѣ мусульмане жили вперемежку съ манджурами, они должны были первоначально бороться, чтобы истребить своихъ враговъ; наконецъ, изъ очень многихъ городовъ, гдѣ манджуровъ было много, дунгенямъ пришлось бѣжать. Тамъ, гдѣ возстаніе увѣнчивалось успѣхомъ, дунгени оставляли свои семейства на мѣстахъ, подъ покровительствомъ мусульманскаго гарнизона. Тамъ же, гдѣ невозможно было брать съ собою

семейства, и чтобы не стѣсняться мірскими интересами, дунгени убивали своихъ женъ и дѣтей, извиняя себя тѣмъ, что онѣ, все равно, попадутъ въ руки невѣрныхъ манджуровъ [1]).

Изъ средствъ, собранныхъ при мечетяхъ, составились денежныя кассы, назначеніе которыхъ состоитъ въ содержаніи воиновъ, ихъ семействъ и въ расходахъ на продолженіе борьбы съ врагами. Кромѣ того, образованы центральные денежные склады, куда поступала часть средствъ изъ каждой мечети и вся добыча, взятая отъ манджуровъ. Въ Илійской провинціи три главныя кассы: въ Кульджѣ, Тугусъ-Тагау (урочище на рѣкѣ Или) и Баянцаѣ. Главнѣйшіе денежные склады въ прочихъ мѣстахъ находятся: въ Урумчи, Манасы, Карасу, Куча, Карашарѣ, Хомулѣ, Джаеванѣ и Куну-Турфанѣ.

Хотя до окончанія священной борьбы ни у одного дунгеня не должно быть своего состоянія, однако каждый инсургентъ имѣетъ право на полученіе изъ мечети всего ему нужнаго. Ему даются исправная одежда, кольчуга и вообще полное вооруженіе. Если что испортится, мечеть, при которой находятся много работниковъ изъ дунгеней и плѣнныхъ, должна исправить испортившееся. Всѣ семейства дунгеней продовольствуются отъ мечетей. Дунгени имѣютъ общій столъ. Во время боя, за нѣкоторымъ количествомъ воиновъ долженъ стоять одинъ неспособный носить оружіе и держать два кушанья: одно холодное, другое горячее, чтобы по первому требованію имѣть возможность подкрѣпить силы дерущихся. Для раненыхъ устроены большіе госпитали при мечетяхъ, гдѣ лечатъ муллы, имамы и ахуны. Дунгеньскіе начальники не пользуются никакими матеріальными преимуществами и получаютъ то же самое, что и простые рядовые. За неповиновеніе старшимъ, виновнымъ отсѣкаютъ головы. Грабежъ тоже строго наказывается.

[1]) Объ этомъ свидѣтельствовали султанъ Тезекъ и кашгарецъ Сейдъ-Ахметъ.

Если во время боя дунгень подниметъ съ поля золото, серебро, чужое оружіе или какую-нибудь вещь, его казнятъ на мѣстѣ. Послѣ боя вся добыча отъ побѣжденнаго непріятеля должна поступить полностью въ кассы [1]). Кто куритъ табакъ или опіумъ, или пьетъ вино наказывается также весьма строго.

Такимъ образомъ, возстаніе дунгеней обратилось во что то похожее на средневѣковый монашествующій орденъ, у котораго въ рукахъ распорядительной власти имѣются огромныя матеріальныя средства. Главою дунгеней считается Сохунжанъ, сынъ Савуна. Онъ очень храбръ, способенъ, всегда разбиваетъ манджуровъ, а потому, несмотря на свою молодость, пользуется большимъ довѣріемъ между инсургентами. По дѣламъ войны онъ распоряжается самъ, непосредственно, но администраціею инсуррекціи вѣдаютъ старики, изъ знаменитѣйшихъ муфтіевъ и ахуновъ, которые и ѣздятъ всюду за Сохужаномъ. Послѣ него болѣе всѣхъ уважается, по уму и опытности, старикъ Ажи-Ахунъ, велихій хаджа, проведшій пятнадцать лѣтъ въ Меккѣ, въ молитвѣ. Ажи-Ахунъ управляетъ теперь дѣлами Иллійской провинціи.

Вожди дунгеней при началѣ возстанія оставляли все управленіе краемъ въ томъ же порядкѣ, какъ это было при манджурахъ; только послѣднимъ подстригали усы, въ знакъ того, что начнутся мусульманскіе порядки. Выступая противъ манджуровъ, дунгени водили съ собой важнѣйшихъ изъ императорскихъ чиновниковъ,

---

[1]) Начальникъ дунгеней въ Илійской провинціи, Ажи-Ахунъ, распорядился, чтобы добыча изъ кумирень поступала на содержаніе гробницъ двухъ мусульманскихъ святыхъ и на содержаніе при нихъ сторожей. Одна гробница въ урочищѣ Кургасъ-Тайлы Темиръ-хана; другая, находящаяся между Чанъ-Пандзы и Кульджею, Шейкъ-Магометъ-Седдыка, изъ Меддины. При этихъ двухъ могилахъ живутъ, въ качествѣ сторожей, 200 семействъ.

Въ другихъ мѣстахъ, охваченныхъ возстаніемъ дунгеней, изъ мѣдныхъ бурхановъ или изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ въ кумирняхъ, чеканятъ монету.

признавшихъ надъ собою власть инсургентовъ, съ тою цѣлью, чтобы они дрались противъ манджуровъ же. Однако вскорѣ открылось, что чиновники переписываются со своимъ прежнимъ правительствомъ и всячески стараются вредить инсургентамъ. Тогда, по приговору дунгеньскихъ старшинъ, имъ всѣмъ отсѣкли головы. Въ настоящее время, по овладѣніи какой-либо страной, дунгени передѣлываютъ все на свой ладъ: всѣ мусульмане сейчасъ же сбрасываютъ съ себя китайскій нарядъ и одѣваются въ сартское платье; китайскія и калмыцкія божницы немедленно разрушаются; дѣтей, безъ различія происхожденія, дунгени отдаютъ въ мечеть на воспитаніе и обращаютъ въ мусульманъ. Кто изъ китайцевъ принимаетъ исламъ—пользуется всѣми правами дунгеней; кто остается буддистомъ — обращается въ работника или пастуха. Отъ женщинъ же не требуютъ перемѣны исповѣданія.

Вотъ организація дунгеней, такъ, какъ о ней разсказывали намъ нѣсколько азіатовъ, лицъ разнаго состоянія и положенія. Эта организація имѣетъ, впрочемъ, свои слабыя стороны даже въ томъ случаѣ, если предположить, что дѣятельность дунгеней будетъ зависѣть только отъ религіознаго возбужденія и останется свободною отъ индивидуальныхъ страстей, играющихъ такую роль въ каждомъ азіатскомъ переворотѣ.

Если народъ поднимается поголовно, то онъ неодолимъ въ оборонѣ и чрезвычайно слабъ въ наступленіи. Милиціи, составленныя подобно дунгеньской, изъ большей части мужского населенія страны, не бываютъ ни подвижны, ни хорошо дисциплинированы, какъ бы ни было велико воодушевленіе, какъ бы ни были строги законы, наказывающіе ослушниковъ. Къ тому же дунгени должны, по самому свойству возстанія, нападать или обороняться на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, слѣдовательно, ихъ усилія должны быть

направлены къ достиженію многихъ цѣлей, зависящихъ отъ такого же количества разнообразныхъ мѣстныхъ условій. Нельзя также забывать, что дунгени—аборигены Средней Азіи и должны придерживаться тому способу войны, который всегда существовалъ у здѣшнихъ народовъ. Среднеазіатскія войны не похожи на то, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ «война». Онѣ то напоминаютъ переселеніе народа въ территорію непріятеля, то имѣютъ характеръ обширной баранты. Опустошеніе непріятельскихъ городовъ, напольные пожары, гдѣ существуетъ земледѣліе, вытаптываніе пастбищъ, угонъ скота, истребленіе всего, чего нельзя увести съ собою, избіеніе всѣхъ принадлежащихъ къ враждебной народности, или обращеніе ихъ въ рабство — вотъ средства для среднеазіатской войны. Смотря съ этой точки зрѣнія на послѣднія происшествія въ Китаѣ, можно думать, что сильная ѳеократическая организація тамъ, гдѣ дунгеней много или гдѣ они утвердились, ручается за окончательное уничтоженіе манджурской власти; тамъ же, гдѣ буддійскій элементъ значительно сильнѣе, манджурская власть останется такою же сильною, какою она была и до сихъ поръ.

Ходъ возстанія дунгеней во внутреннихъ губерніяхъ Китая неизвѣстенъ; кажется, впрочемъ, что мусульманскіе инсургенты потерпѣли тамъ неудачу. За то вся древняя Джунгарія и весь китайскій Туркестанъ находятся въ настоящее время въ ихъ рукахъ. Успѣхи дунгеней начались на Сѣверной Тянь-Шаньской линіи, послѣ того, какъ мусульманскіе эмиссары, а можетъ быть и бѣглецы, прибыли изъ внутреннихъ губерній въ Урумчинскій округъ. Въ корпусѣ императорскихъ войскъ, здѣсь расположенныхъ, находилось много офицеровъ и солдатъ изъ дунгеней; слѣдовательно, революціонная пропаганда должна была имѣть успѣхъ. Въ 1864 году, лѣтомъ, предводимые своими офицерами, дунгени взбун-

товались противъ манджурскихъ властей, взяли Урумчи и сожгли часть этого обширнаго города [1]). При этомъ погибли огромные склады чая (до 30.000 мѣстъ одного байховаго чая), такъ какъ изъ Урумчи, главнаго торговаго пункта западнаго Китая, снабжались чаемъ вся Средняя Азія и наши степные рынки. Всѣ манджуры, жившіе въ Урумчи, были убиты [2]). Сарты, т. е. всѣ мусульмане не дунгени и не изъ китайскаго Туркестана, жившіе въ Урумчи, оставались равнодушными во время борьбы манджуровъ съ дунгенями; но послѣдніе заставили ихъ присоединиться къ себѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, истребить ихъ.

Изъ Урумчи инсургенты двинулись на западъ къ Манасы. Завладѣвъ здѣсь нѣсколькими орудіями, они продолжали двигаться на Куръ-Кара-Усу. Илійскій дзянъ-дзюнъ (генералъ-губернаторъ) выслалъ противъ мятежниковъ изъ Кульджи войска, которыя были разбиты и отступили, черезъ талкинскій проходъ, къ Баяндаю. Результатомъ этой побѣды было волненіе между илійскими дунгенями и сартами.

Единовременно съ движеніемъ на Манасы, часть инсургентовъ направилась на югъ отъ Урумчи и, переваливъ черезъ Тянь-Шаньскій хребетъ, вступила въ предѣлы Туркестана.

Для того, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ связалась религіозная революція дунгеней съ возстаніемъ въ Туркестанѣ, нужно бросить взглядъ на причины, въ зависимости отъ которыхъ сложилась исторія страны, лежащей къ югу отъ Тянь-Шаня.

До IX вѣка на всемъ пространствѣ Туркестана господствовала буддійская вѣра, проникшая сюда изъ Ти-

---

[1]) Въ Урумчи считалось до возстанія, какъ утверждаютъ, до 2.000,000 жителей (вѣроятно, съ окрестностями).

[2]) Даже въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ показано китайскими чиновниками до 130,000 манджуровъ, убитыхъ при штурмѣ Урумчи. Записка г. Захарова.

бета; но съ тѣхъ поръ мусульманскіе проповѣдники проникаютъ сюда изъ-за Болора и Тянь-Шаня. XIV и XV вѣка замѣчательны появленіемъ въ Средней Азіи многихъ мусульманскихъ учителей, пріобрѣвшихъ въ магометанскомъ мірѣ громкую славу своею святостью. Усиліями этихъ учителей весь китайскій Туркестанъ, особенно западная его часть, обращенъ въ исламъ. Одинъ изъ нихъ, потомокъ Магомета, ходжа Махтума-Азямъ, былъ особенно извѣстенъ въ окрестностяхъ Бухары какъ великій подвижникъ вѣры.

Пріѣхавъ въ туркестанскій городъ Кашгаръ, Махтума-Асямъ сталъ скоро предметомъ народнаго обожанія. Это поклоненіе, по азіатскому обычаю, было перенесено и на его сыновей, Ишана-Каляна и Исаака-Вали. Впрочемъ, весьма скоро соперничество братьевъ, а можетъ быть и различіе во взглядахъ на теологическіе вопросы раздѣлили приверженцевъ Махтума-Азяма на двѣ части: поборники Ишана-Каляна назвались бѣлогорцами или бѣлошапочниками, а Исаака-Вали — черногорцами или черношапочниками. Нѣкоторые города восточнаго Туркестана, принимавшіе участіе въ фамильномъ раздорѣ хаджей, пріобрѣли въ Средней Азіи извѣстность подъ именемъ Алтышара, шести городовъ. Изъ нихъ Кашгаръ, Аксу и Ушъ-Турфанъ стояли за бѣлогорцевъ, тогда какъ Яркендъ, Хотанъ и Яныссаръ были поборниками черногорской партіи.

Во второй половинѣ XVII столѣтія вліяніе хаджей въ Алтышарѣ было такъ сильно, что бѣлогорская линія овладѣла свѣтскою властію въ Кашгарѣ и Яркендѣ. Это событіе было началомъ вооруженной борьбы между бѣлогорцами и черногорцами, кончившейся тѣмъ, что Джунгарія подчинила себѣ весь Алтышаръ. Но сила ойратства, въ свою очередь, гибнетъ, когда китайцы вмѣшиваются въ раздоры калмыцкихъ вождей. Овладѣвъ, по истребленіи большей части калмыковъ, Джун-

гаріею, въ 1857 году, китайцы такимъ же кровавымъ путемъ подчиняютъ себѣ, три года спустя, и Алтышаръ. Изъ многочисленной фамиліи хаджей оставались тогда всего два представителя: Сарымъ-Сакъ, бѣлогорецъ, и Назыръ-хаджа, черногорецъ. Послѣ долгихъ странствованій, оба они выбрали мѣстомъ своего пребыванія Коканское ханство, чтобы быть ближе къ Алтышару. Впрочемъ, и въ несчастіи потомки Махтума-Азяма ненавидѣли другъ друга всею силою азіатской родовой вражды. Одинъ изъ потомковъ Сарымъ-Сака, Джангирь-хаджа, пріобрѣтшій въ Азіи громкую извѣстность, успѣлъ бѣжать изъ Кокана къ дико-каменнымъ киргизами и, при помощи ихъ, изгналъ китайцевъ изъ всего Алтышара, но послѣ первой неудачи былъ проданъ киргизами, отвезенъ въ Пекинъ и тамъ изрѣзанъ на куски въ 1827 году. Послѣ того бѣлогорскіе хаджи произвели еще три возстанія, кончавшіяся обыкновенно тѣмъ, что китайскія войска изгоняли претендентовъ и опустошали Алтышаръ. Возстанія хаджей были: 1829, 1847 и 1857 годахъ [1]). Когда, такимъ образомъ, шесть западныхъ городовъ Туркестана были театромъ постоянныхъ кровопролитій и безпорядковъ, восточные города: Куча, Хамиль, Карашаръ и Куну-Турфанъ, хотя большею частію состоящіе изъ мусульманскаго населенія, не принимали участія въ спорахъ хаджей и въ ихъ возстаніяхъ противъ Китая. Независимо отъ другихъ причинъ, это нужно приписать и тому обстоятельству, что сказанные города, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ внутренними губерніями, подчинились вліянію китайской цивилизаціи.

[1]) Пекинскій дворъ платилъ коканскому хану ежегодно по 200 ямбъ за то, чтобы онъ не пускалъ въ Алтышаръ хаджей, преимущественно бѣлогорцевъ. Независимо отъ того, по трактату, заключенному въ 1831 году, въ Пекинѣ между Китаемъ и Коканомъ, послѣдній получилъ право сбора въ Алтышарѣ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ туда изъ Средней Азіи, и полицейскую власть надъ всѣми иностранцами, пріѣзжающими туда. Такія выгоды заставляли коканскихъ хановъ слѣдить за хаджами и держать ихъ у себя въ почетномъ плѣну.

Съ своей стороны и алтышарцы отдѣляли всегда свое дѣло отъ интересовъ прочаго мусульманскаго міра Китая. По свидѣтельству Велиханова, во время возстаній въ Алтышарѣ, дунгеней рѣзали наравнѣ съ манджурами и китайцами; а дунгени и мусульмане восточныхъ городовъ Туркестана служили въ императорскихъ войскахъ, возстановлявшихъ порядокъ въ шести городахъ. Такимъ образомъ при Джангиръ-ходжѣ, когда вся Средняя Азія, до Бухары и Кундуза, принимала живое участіе въ святомъ дѣлѣ ходжей, дунгени держали сторону манджуровъ; а чиновникъ, сломившій окончательно знаменитаго ходжу, былъ родомъ изъ Куну-Турфана.

Такимъ образомъ, если бы китайскій Туркестанъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ распался бы на три части: бѣлогорскую партію, черногорскую и на восточные города, которые составили бы свое мусульманское государство.

Лѣтомъ 1864 года дунгени, перейдя черезъ Тянь-Шань, двинулись по направленію на Куча. Соединившись въ кучинскомъ округѣ съ мусульманами и дунгенями, служащими въ расположенныхъ здѣсь войскахъ, они овладѣли городомъ и опять перерѣзали всѣхъ манджуровъ. Тѣмъ изъ туземныхъ мусульманъ, которые оставались равнодушными къ дѣлу дунгеней, было предложено на выборъ: либо пристать къ сторонѣ инсургентовъ, либо испытать участь манджуровъ. Конечно, власть дунгеней была признана. По взятіи Куча, главнымъ начальникомъ округа и города дунгени назначили Хана-ходжу, одного изъ династіи ходжіевъ, черногорской линіи [1]).

---

[1]) Генеральнаго штаба капитанъ Щетининъ допрашивалъ одного таранчи, доставленнаго калмыками на нашу границу. Какъ изложено въ рапортѣ Щетинина, отъ 6-го іюля 1865 г., таранчи показалъ, что былъ посланъ въ конвоѣ дунгеньскихъ чиновниковъ, ѣхавшихъ изъ подъ Баяндая къ дунгеньскому начальнику въ Урумчи, Нюргонджѣ-Ахуну, съ просьбою о помощи. Послѣдній отказалъ, такъ какъ были свѣдѣнія, что къ Урумчи изъ внутренняго Китая подвигались манджурскія войска. Это было въ концѣ 1864 года.

Усилившись мусульманскимъ населеніемъ восточной части Туркестана, дунгени двинулись на Аксу. Разбивъ здѣсь манджурскія войска, инсургенты взяли городъ и цитадель. Аксу очень важный стратегическій пунктъ, потому что здѣсь пересѣкаются пути изъ Кульджи, Кашгара, Хотана и Кучи. Занявъ Аксу, дунгени подчинили и этотъ городъ Хану-хаджѣ, а сами направились на Яркендъ. Должно быть, сопротивленіе, оказанное здѣсь, было еще слабѣе, такъ какъ Яркендъ былъ всегда сторонникомъ черногорской партіи.

Вѣроятно, судьба прочихъ туркестанскихъ городовъ постигла бы Кашгаръ и Хотанъ, если бы манджурскіе гарнизоны этихъ городовъ не были, до времени, спасены какимъ-то извѣстіемъ тревожнаго свойства, полученнымъ дунгенями въ Яркендѣ. Отсюда они поворотили на сѣверъ и, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ, подъ начальствомъ Хана-хаджи, сосредоточились въ Урумчи.

Вѣроятно, около этого времени произошло возстаніе и въ Хамилѣ; по крайней мѣрѣ въ половинѣ 1865 года манджурская власть тамъ не существовала.

Почти въ то же время, пользуясь неурядицею въ Коканѣ, бѣжалъ изъ Андиджана жившій тамъ прежде Бзрукъ-ханъ, сынъ знаменитаго Джангира-хаджи. Его сопровождалъ бывшій кокандскій комендантъ Атъ-Мечети (нынѣ фортъ Перовскій) Юсуфъ-бекъ, человѣкъ смѣлый и предпріимчивый. Хотя Бзрукъ-ханъ не имѣлъ съ собою войскъ, но его имя было до такой степени популярно въ Кашгарѣ, что могло частью замѣнить матеріальную силу [1]). Бзрукъ-ханъ съ своимъ товарищемъ зажгли городъ съ разныхъ сторонъ и въѣхали

[1]) Братъ Бзрукъ-хана, Валиханъ-Тюре, произведшій возстаніе въ Кашгарѣ въ 1857 году, успѣлъ поднять народъ къ бунту крикомъ: «да здравствуетъ Бзрукъ-ханъ!» хотя послѣдній не принималъ участія въ сумасбродномъ предпріятіи своего брата «Когда Бзрукъ-ханъ сядетъ на конь, Алтышаръ будетъ свободенъ», утѣшали себя кашгарцы послѣ неудачи 1857 года.

въ улицы Кашгара, наполнившіяся народомъ. Узнавъ Бзрукъ-хана, кашгарцы возстали и осадили манджурскую цитадель Гюль-Багъ (розовый садъ). Въ сентябрѣ 1865 года значительный манджурскій гарнизонъ цитадели положилъ оружіе, и ему дарована жизнь подъ условіемъ обращенія въ мусульманство.

Ханъ-хаджа, черногорецъ и дунгеньскій намѣстникъ въ остальныхъ городахъ Туркестана, узнавъ о происшествіяхъ въ Кашгарѣ, потребовалъ, чтобы Бзрукъ-ханъ подчинился дунгенямъ. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ войсками изъ Яркенда къ Кашгару. Бзрукъ-ханъ вступилъ съ ними въ переговоры; говорилъ, что имъ, хаджамъ, не приходится ссориться въ такое время. За то же, что Ханъ-хаджа потрудился приходить, Бзрукъ-ханъ предлагалъ 200 ямбъ. Ханъ-хаджа требовалъ Кашгара. Начался бой, кончившійся совершеннымъ разбитіемъ Хана-хаджи, который бѣжалъ въ Яркендъ и хотѣлъ тайно пробраться въ этотъ городъ; однако онъ былъ узнанъ дунгеньскимъ гарнизономъ Яркенда и остановленъ. Дунгени обѣщали оборонять городъ противъ Бзрукъ-хана до послѣдней крайности, а Хана-хаджу отправили въ Куча за подкрѣпленіями. Скоро значительное кашгарское войско подошло къ Яркенду. Атакованное нѣсколькими сотнями фанатическихъ дунгеней, оно было разбито на голову, а Бзрукъ-ханъ попался въ плѣнъ. Это было въ октябрѣ 1865 года. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ китайскомъ Туркестанѣ мы не имѣемъ.

Въ Кульджѣ возстаніе вспыхнуло въ августѣ 1864 года [1]). Рѣзня на улицахъ города продолжалась двѣ-

[1]) Вотъ какъ разсказываютъ о послѣднемъ поводѣ къ возстанію: когда на востокѣ дунгени одержали нѣсколько успѣховъ, изъ Пекина, въ видахъ предупрежденія, было разослано секретное приказаніе истребить всѣхъ дунгеней. Получивъ это приказаніе, кульджинскій дзянъ-дзюнъ собралъ на совѣтъ важнѣйшихъ чиновниковъ Илійской провинціи. Пока сановники разбирали предложенный вопросъ, ихъ подслушалъ слуга дзянъ-дзюна, дунгень по происхожденію,

надцать дней и кончилась тѣмъ, что плохо вооруженные дунгени бѣжали изъ города въ Старую Кульджу и въ поселенія таранчей. Первая неудача дунгеней имѣла важныя послѣдствія, отсрочившія паденіе Кульджи. Китайцы собственно, предполагая дѣло дунгеней проиграннымъ, стали энергически поддерживать манджуровъ. Подкрѣпленный такимъ образомъ дзянъ-дзюнъ выступилъ съ войсками противъ дунгеней, укрѣпившихся въ Старой Кульджѣ, но былъ разбитъ наголову, потерялъ всю свою артиллерію и едва спасся въ кульджинскую цитадель. Послѣ этой побѣды всѣ таранчи пристали къ инсургентамъ. Дунгени заняли Кульджу и стали блокировать цитадель.

Повсемѣстные успѣхи дунгеней по обѣ стороны Тянь-Шаня отразились на судьбѣ Илійской провинціи. Занятіемъ Куръ-Кара-Усу въ Джунгаріи и Аксу въ Туркестанѣ дунгени отрѣзали Кульджу отъ Пекина [1]. Пользуясь тѣмъ, илійскіе дунгени получили возможность управиться съ манджурами и безъ подкрѣпленій изъ Урумчи. Отряды ихъ постепенно отнимали у манджуровъ второстепенные города Илійской провинціи, потомъ овладѣли крѣпостями: Тургень, Чань-Пандзы и

который поспѣшилъ дать знать своимъ единовѣрцамъ о грозящей имъ опасности. Дунгени стали открыто готовиться къ возстанію. Слухи о причинахъ, заставившихъ дунгеней волноваться, дошли до дзянъ-дзюна. Желая успокоить ихъ, онъ самъ отправился въ мусульманскую мечеть; но тутъ дунгеньскіе старшины надѣлали ему грубостей. Въ тотъ же день началась уличная рѣзня.

[1]) Кульджа можетъ сообщаться съ Пекиномъ: 1) черезъ проходъ Талки, по большой дорогѣ на Куръ-Кара-Усу, и 2) черезъ проходъ Музартъ, по дорогѣ изъ Сайрама въ Куча. Съ занятіемъ инсургентами Сѣверной и Южной Тянь-Шаньскихъ линій всякое сообщеніе Кульджи съ внутренностію Китая было отрѣзано. Тогда илійскій дцянъ-дзюнъ сталъ сноситься съ Пекиномъ слѣдующимъ образомъ: онъ посылалъ на Талкинскій проходъ, но, переваливщись черезъ хребетъ Талки-Даба, курьеры поворачивали не на Куръ-Кара-Усу, а къ восточному берегу озера Сайрамъ-Норъ, и, черезъ горный проходъ между Алату и Барлыкомъ, вступали въ предѣлы Россіи. Сюда китайцы ѣздили къ Усть-Каменогорску, озеру Норъ-Зайсану и, землями калмыковъ-дурбатовъ, въ Кабдо. Другой путь былъ еще безопаснѣе. Изъ Кульджи китайцы ѣздили въ укр. Вѣрное, оттуда, на почтовыхъ, до Иртыша и т. д.

Баяндаемъ. Въ послѣдней крѣпости инсургенты нашли огромные запасы провіанта.

Въ частыхъ сшибкахъ, происходившихъ въ Илійской провинціи между дунгенями и манджурами, въ теченіе всего 1865 года, послѣдніе теряли болѣе и болѣе свои силы. Чанпаны, ссыльные, бывшіе всегда лучшею китайскою милиціею, разбѣжались. Сибо и солоны перешли на сторону дунгеней и были пощажены, подъ условіемъ принятія мусульманства [1]). Очистивъ всю страну отъ манджуровъ, дунгени принялись за блокаду кульджинской цитадели, веденной до тѣхъ поръ не непрерывно. Осенью 1865 года гарнизонъ крѣпости, терпѣвшій крайній недостатокъ въ топливѣ и соли, предлагалъ сдать цитадель, прося только пощадить ему жизнь. Дунгени отказали и требовали безусловной сдачи. Ко времени нашего отъѣзда изъ степей кульджинская цитадель находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи.

Несмотря на то, что по системѣ рѣки Эмиля живетъ только незначительное число дунгеней, возстаніе нашло отголосокъ и въ Чугучакѣ. Повсемѣстные безпорядки заставили манджуровъ и дунгеней этого города быть насторожѣ другъ противъ друга. Тѣмъ не менѣе, общественное спокойствіе не нарушалось до 1865 года, вѣроятно потому, что дунгеней въ Чугучакѣ немного. 15-го января этого года (т. е. въ новый государственный годъ) дунгени предложили манджурскимъ чиновникамъ отправиться въ мусульманскую мечеть и здѣсь принести

---

[1]) При колонизаціи Джунгаріи, въ XVIII столѣтіи, поселены были въ окрестностяхъ Кульджи манджурскія племена сибо и солоны, переведенныя сюда съ береговъ Амура. При поселеніи, имъ дана полувоенная организація, такъ что ихъ довольно вѣрно можно назвать китайскими казаками. Для успѣха дальнѣйшей колонизаціи постановлено, чтобы Илійская провинція была мѣстомъ постоянной ссылки преступниковъ изнутри Китая. Ссыльныхъ называли чанпанами. Во время возстаній ходжей въ Алтышарѣ, чанпанская милиція отличалась большею храбростью и китайцы всегда разсчитывали на нее въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

обоюдную присягу въ томъ, что манджуры не предпримутъ ничего враждебнаго противъ дунгеней и наоборотъ. Комендантъ крѣпости (хебе-амбань) и другой генералъ (амбань), пріѣхавшій изъ Кульджи, чтобы смѣнить его, приняли предложеніе дунгеней. Съ амбанями явились въ мечеть восемь калмыцкихъ старшинъ, пріѣхавшихъ, по издавна-принятому обычаю, поздравить власти съ новымъ годомъ и всѣ важнѣйшія лица Чугучака. Заманивъ ихъ въ мечеть, дунгени бросились въ цитадель, овладѣли оружіемъ и порохомъ и стали убивать манджуровъ. Старикъ хебе-амбань, сопротивляясь арестовавшимъ его дунгенямъ, былъ убитъ въ мечети; калмыцкіе старшины пощажены потому, что поклялись принять мусульманство; большинство чиновниковъ перебито. Два дня продолжалась рѣзня на улицахъ Чугучака; однако, благодаря энергіи молодого амбаня, спасшагося изъ мечети, манджуры успѣли запереться въ крѣпости. Дунгени начали осаду, устроивъ главный свой складъ въ мечети.

Чугучакъ — единственное значительное поселеніе къ сѣверу отъ хребта Барлыкъ—окруженъ кочевьями разныхъ киргизскихъ и калмыцкихъ племенъ. Слѣдовательно, успѣхъ или неудача одной изъ борющихся сторонъ зависѣли отъ участія, которое примутъ номады въ борьбѣ. Понимая это, дунгени, оставшись хозяевами Чугучака, отдали его на разграбленіе киргизамъ кизяевскаго и байджигитскаго родовъ. Съ тѣхъ поръ окрестныя киргизскія племена стали на сторонѣ своихъ единовѣрцевъ — дунгеней. Какъ только роль киргизовъ обозначилась, исконные враги послѣднихъ — калмыки, примкнули къ манджурамъ.

Вслѣдствіе того борьба правительства съ чугучакскими дунгенями перешла въ аулы кочевниковъ. Почти весь 1865 годъ продолжалась обширная баранта между киргизами и калмыками, пока послѣдніе не взяли рѣ-

шительнаго перевѣса. Тогда положеніе осажденныхъ измѣнилось. Чугучакская цитадель, начинавшая уже терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, наполнилась стадами овецъ, пригнанныхъ сюда сильными отрядами калмыковъ, торгоутовъ и дурботовъ. Гарнизонъ увеличивался съ каждымъ днемъ, дѣлалъ безпрерывныя вылазки и въ свою очередь заставилъ дунгеней принять оборонительное положеніе. Инсургенты укрѣпились въ мечети, предварительно сложивъ въ нее множество запасовъ.

Пользуясь такимъ оборотомъ дѣлъ, хебе-амбань приказалъ калмыку КеГеню истребить байджигитовъ, стоявшихъ тогда на осеннихъ стойбищахъ у рѣки Хатынъ-Су, на нашей территоріи. Кегень—буддистское духовное лицо, пріобрѣвшій, во время взаимной баранты киргизовъ съ калмыками, репутацію великаго батыря. Въ ночь съ 23-го на 24-ое октября этого года, Кегень, предводительствуя значительнымъ отрядомъ калмыковъ и манджуровъ, напалъ неожиданно на байджигитовъ, овладѣлъ ихъ аулами и, исполняя буквально приказаніе хебе-амбаня, началъ поголовное избіеніе беззащитныхъ киргизовъ. Кто успѣлъ, спасался куда глаза глядятъ, не думая объ имуществѣ. Три дня продолжался канибальскій пиръ калмыковъ. Все, что можно было увезти, калмыки брали съ собою; что было неудобно для перевозки, они складывали въ костры и сжигали. Отъ однихъ байджигитовъ-мамбетевцевъ отобрано Кегенемъ 100.000 барановъ, 6.000 рогатаго скота, 1.300 лошадей и 600 верблюдовъ [1]).

[1]) Только 26-го октября кончились грабежъ и избіеніе киргизовъ. Калмыки отошли къ Чугучаку, оставивъ на мѣстѣ побоища болѣе 3,000 труповъ, 200 зарѣзанныхъ, но не съѣденныхъ барановъ и $1^1/_2$ тысячи собакъ, принадлежавшихъ уничтоженнымъ киргизскимъ ауламъ. Съѣвъ трупы своихъ бывшихъ хозяевъ и обглодавъ ихъ кости, собаки стали бѣситься отъ голода. Стаи отощавшихъ собакъ, рыскавшихъ между Урджаромъ и Чугучакомъ, были такъ велики и дерзки, что въ декабрѣ проѣздъ у Хатынъ-су сталъ невозможенъ для одиночнаго всадника. (Донесеніе сергіопольскаго окружнаго начальника за № 22). Послѣдующія офи-

Это былъ рѣшительный ударъ дунгеньскому дѣлу въ Тарабагатайскомъ округѣ. Съ тѣхъ поръ никто изъ киргизовъ не смѣетъ думать о подачѣ имъ помощи. Когда мы уѣзжали изъ города Сергіополя, дунгени, засѣвшіе въ мечети, были осаждены манджурами, рѣшившимися выморить ихъ голодомъ.

Чугучакъ — единственный пунктъ, гдѣ дунгени, вѣроятно, потерпятъ неудачу.

Недавно я получилъ письмо изъ Семипалатинской области, въ которомъ сообщается, что дунгени при штурмѣ кульджинской цитадели истребили всѣхъ манджуровъ и что большая часть Кульджи сгорѣла. Куда дѣвался дзянъ-дзюнъ, пока неизвѣстно.

По взятіи кульджинской цитадели, въ рукахъ манджурскихъ властей Илійской провинціи осталось всего три пункта, въ томъ числѣ Ляу-Сагунъ, чрезвычайно важное укрѣпленіе въ Талкинскомъ проходѣ, лежащее около озера Сайрамъ-Нора.

Положеніе дѣлъ въ Тарабагатайской провинціи и Малой Бухаріи въ настоящее время такое же, какое было четыре мѣсяца тому назадъ.

Изъ этого обзора дунгеньскаго возстанія видно, что къ концу 1865 года власть манджуровъ была уничтожена на огромномъ пространствѣ отъ Томской губерніи до Тибета и отъ нашей юго-восточной границы до истоковъ Желтой рѣки.

Взвѣшивая изложенные выше факты съ современнымъ состояніемъ правительства въ Китаѣ, невольно сомнѣваешься въ томъ, чтобы манджурская династія была въ состояніи когда-нибудь возстановить, безъ помощи извнѣ, свою власть въ Джунгаріи и въ китайскомъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, что мы присутствуемъ теперь при распаденіи на двѣ части того огром-

ціальныя донесенія низводятъ цифру киргизовъ, убитыхъ на нашей территоріи, всего до 300 человѣкъ.

наго политическаго тѣла, которое занимало еще такъ недавно весь центръ и востокъ Азіи. Въ то время, какъ все пространство отъ Великой Стѣны на западъ до нашей границы фанатически предано мусульманству, въ другой части — восточной — существуетъ полнѣйшее равнодушіе ко всякаго рода религіямъ.

Подобное радикальное различіе вѣрованій въ Азіи вело всегда къ различію государственнаго строя. Прежде философскія системы, господствующія въ Китаѣ, служили въ рукахъ пекинскаго правительства средствомъ къ окитаянію полудикихъ непріятелей Серединной имперіи. Теперь этимъ философскимъ системамъ, вмѣсто неопредѣленныхъ и никого неудовлетворявшихъ языческихъ вѣрованій, приходится бороться съ чрезвычайно живучимъ и сильно прививающимся магометанствомъ, сломить которое едва ли возможно. Ученіе Магомета до такой степени просто, такъ подходитъ къ естественному пониманію азіатовъ, такъ удовлетворяетъ ихъ, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было еще примѣра обращенія мусульманскаго народа въ какую бы то ни было религію.

Съ другой стороны, возможность распаденія Китая, помимо огромнаго политическаго значенія, которое этотъ фактъ можетъ имѣть для насъ русскихъ, подѣйствуетъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ на интеллектуальныя силы нашихъ сосѣдей. Еслибы такое распаденіе случилось, то западныя области Китая купятъ свою независимость цѣною преданности мусульманству, а послѣднее въ Средней Азіи равносильно запустѣнію странъ и городовъ, уничтоженію всякихъ признаковъ цивилизаціи, паденію всѣхъ производительныхъ силъ народа и глубокому его невѣжеству.

20—22-го ноября. Разговаривали съ мѣстнымъ богатымъ торговцемъ Кузнецовымъ. На нашъ вопросъ о

томъ, какимъ образомъ развить торговлю въ степи и содѣйствовать распространенію промышленныхъ центровъ, онъ отвѣчалъ.

«Весь Алатавскій округъ отсталъ отъ Средней Орды въ движеніи къ цивилизаціи. Это произошло главнымъ образомъ отъ запрещенія разработывать рудныя богатства. Можетъ быть первоначально такое запрещеніе и имѣло основаніе. Разграниченіе съ Китаемъ не было еще кончено, боялись, чтобы наши рудопромышленники не переходили бы китайскую границу; потомъ наши отношенія съ Большой Ордой не были еще упрочены. На основаніи этихъ соображеній граница для рудной промышленности была означена по рѣкамъ Бугазу (правая сторона) и Аягузу (лѣвая). Потомъ генералъ Гасфордтъ раздвинулъ границу до рѣки Біона; на томъ дѣло и остановилось. Мы стали крѣпкою ногою въ Большой Ордѣ и перестали бояться Китая, но рудопромышленникамъ все-таки запрещалось разработывать минералы далѣе Біона. Такое распоряженіе имѣло самыя фатальныя послѣдствія и окончилось тѣмъ, что китайскіе выходцы стали разработывать наши золотые пріиски по Тарабагатайскимъ горамъ и десятокъ лѣтъ неисчислимыя богатства остаются нетронутыми въ землѣ. Вообще весь Алатавскій округъ чрезвычайно богатъ серебромъ. Когда я былъ въ Копалѣ, то одинъ казакъ принесъ мнѣ кусокъ черной руды съ долины рѣки Кары. На то время случился у насъ въ городѣ химикъ; онъ разложилъ руду и прибѣжалъ ко мнѣ весь блѣдный, показывая порядочный кусокъ чистаго серебра. Содержаніе руды оказалось баснословно богатое; но разработывать ея нельзя. Между станціями Куянъ-Кузскою и Кара-Чекинскою всѣ горы состоятъ изъ богатыхъ желѣзистыхъ породъ. Въ окрестности, правда, нигдѣ не открыто мѣсторожденіе каменнаго угля, но въ Кульджѣ пудъ угля стоитъ менѣе пяти копѣекъ. Правда, только ки-

тайскіе работники способны цѣлый день таскать уголь изъ глубочайшихъ шахтъ въ корзинахъ, надѣтыхъ на шею, и все это почти за насущный кусокъ хлѣбъ. Во всякомъ случаѣ, выдѣлка желѣза и чугуна, идущаго въ такомъ количествѣ въ Азію, возможна въ полутораста верстахъ отъ Вѣрнаго и опять-таки законъ не дозволяетъ добываніе руды. Богатыя руды серебра находятся также противъ устья Чарына (въ Или) на горѣ, называющейся Калганъ. Очень можетъ быть, что разной руды вездѣ много, но изслѣдованія никто еще не дѣлалъ».

«Второе обстоятельство, парализующее развитіе здѣсь промышленности и торговли,—недостатокъ капиталовъ и кредита. Предприниматель затрудненъ на каждомъ шагу. Напримѣръ: въ прошломъ году я затѣялъ строить около Алматовъ винокуренный заводъ. Теперь ни одна компанія не хочетъ его страховать и я могъ упросить только Саламандру принять заводъ на застрахованіе, да и то послѣ того, какъ я показалъ обществу цифру казеннаго подряда. Недостатокъ капиталовъ можетъ быть до нѣкоторой степени парализованъ учрежденіемъ ссуднаго банка при помощи правительства. Безъ банка вы не разовьете предпріимчивости, а частному лицу, имѣющему здѣсь капиталъ, слишкомъ много выгодныхъ занятій и безъ банка; слишкомъ много онъ получитъ процентовъ при небольшой только предпріимчивости, чтобы заниматься методически банкирскимъ дѣломъ».

Василій Петровичъ Кузнецовъ—потомственный почетный гражданинъ, выходецъ изъ Рязанской губерніи изъ города Касимова. Онъ очень умный человѣкъ, имѣетъ значительный капиталъ и ведетъ свои дѣла по преимуществу въ Алматахъ. Въ этотъ вечеръ онъ разсказывалъ много про Кульджу, въ которой, до возстанія дунгеней, онъ велъ большія дѣла. По его словамъ, агенты богатыхъ фирмъ изъ Пекина и Кантона, люди

очень честные въ торговомъ отношеніи. Остальные тамошніе торгаши лживы и вообще большіе плуты. Кузнецовъ присутствовалъ при вечерней повѣркѣ купцами дневныхъ занятій. Кругомъ сидятъ разные приказчики съ книгами, а посерединѣ одинъ изъ нихъ, главный, читаетъ вслухъ про все, что сдѣлано въ теченіе дня. Каждый изъ слушающихъ вноситъ въ подлежащія мѣста статьи, относящіяся до отчетности, ему порученной Такимъ образомъ, одно чтеніе полнаго дневного журнала даетъ возможность пополнять всѣ книги, согласно требованіямъ бухгалтеріи. Замѣчательно, что всѣ представители важныхъ домовъ — холосты.

Всѣ китайцы очень любятъ куреніе опіума. Дѣйствіе, имъ производимое, не передаваемо. Возбужденіе нервовъ вмѣстѣ съ особеннымъ покоемъ—вотъ источникъ удовольствія. Накурившійся опіума обыкновенно вытаращиваетъ глаза и смотритъ на все необыкновенно тупо. Разъ въ Кульджѣ одинъ товарищъ Кузнецова ударилъ по головѣ ручкой отъ плети купца, накурившагося опіума и смотрѣвшаго безсмысленно на улицу. Онъ покачнулся, но ничего не понялъ. Богатые китайцы курятъ опіумъ особеннымъ образомъ: на ярмаркѣ въ Нижнемъ - Новгородѣ продаются золотыя табатерки, называемыя буль-буль. Когда ее заводятъ, то изъ табатерки выскакиваетъ золотая птичка, поетъ пѣсню, хлопаетъ крыльями и прячется. Буль-були стоятъ 170 или 200 рублей каждая. Такая табатерка есть у каждаго богатаго китайца. Когда хочетъ послѣдній курить опіумъ, то подкладываетъ подъ щеку маленькую круглую подушечку на дощечкѣ и полулежа выкуриваетъ двѣ, три трубочки. Потомъ переноситъ подушечку на другую сторону и опять куритъ такъ же долго. Потомъ курильщикъ выпучитъ глаза и безсмысленно смотритъ на выпрыгивающую птичку изъ буль-буля. Такой способъ называется куреніемъ на двѣ стороны.

Кузнецовъ разсказывалъ также про китайскихъ христіанъ.

«Въ Кульджѣ,—говорилъ онъ,—очень много католиковъ. Это большею частью потомки христіанъ-китайцевъ, обращенныхъ внутри Китая іезуитами въ католицизмъ. У нихъ теперь нѣтъ ни книгъ, ни священниковъ, слѣдовательно, самый католицизмъ китайцевъ долженъ быть совершенно искаженъ. Весьма часто они приходили къ намъ въ факторію и, вытаскивая изъ кармановъ, показывали кучи крестиковъ, дошедшихъ къ нимъ отъ отцовъ. Мнѣ случилось даже быть у нихъ въ церкви. Первоначально меня ввели въ лавку, какъ всѣ лавки, потомъ оттуда я вошелъ въ христіанскую часовню. Несмотря на святость мѣста, нельзя было удержаться отъ смѣха при видѣ образовъ. Богородица съ узенькими, косо прорѣзанными глазами и китайскою прическою, точь-въ-точь съ чайной банки. У Младенца надѣтъ напузникъ, какъ у всѣхъ китайскихъ дѣтей, и хохолокъ на полубритой головѣ... Передъ этими образами они пѣли что-то на китайскій ладъ».

Между подобными незначущими разсказами, Кузнецовъ выразилъ свѣтлую мысль о необходимости транзитной торговли низшими сортами зеленаго чая, потребляемаго всѣмъ Тураномъ. По мнѣнію Кузнецова, необходимо разрѣшить безпошлинный провозъ этого чая изъ Кяхты до Алматовъ, Ташкента и прочихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться обмѣнъ. Теперь возстаніе дунгеней можетъ намъ очень облегчить починъ этого дѣла.

23-го ноября. Вчера вечеромъ Катанаевъ явился ко мнѣ въ большихъ попыхахъ. Онъ объявилъ, что верстахъ въ двадцати отъ Вѣрнаго лежитъ медвѣдь и что онъ знаетъ берлогу, въ которой лежитъ Мишенька. Катанаевъ просилъ меня поѣхать съ нимъ и гаранти-

ровалъ мнѣ, что я увижу медвѣдя. Я подумалъ и рѣшился ѣхать. Сегодня, часа въ четыре утра, т. е. еще полною темнотою, я, Катанаевъ и Бабинъ были верхомъ и ѣхали къ горамъ. Медвѣдь лежалъ въ такъ называемой Бутаковской щели. Было совершенно темно, когда мы выѣхали изъ укрѣпленія. Порошилъ мелкій снѣгъ. Только самые близкіе предметы были смутно видны сквозь темноту и туманъ. Вотъ проѣхали винокуренный заводъ Кузнецова—цѣлую деревню со многими домами, и стали приближаться къ чуть рисующимся горамъ. Пока разсвѣтало и сквозь густой туманъ я ничего не могъ видѣть далѣе двадцати шаговъ, Катанаевъ разсказалъ, какъ онъ узналъ о медвѣжьей берлогѣ. Медвѣдь, котораго мы собирались стрѣлять, каждый годъ ложится въ одну и ту же берлогу. До послѣднихъ дней онъ не ложился. Одинъ сартъ дѣлалъ недалеко отъ его берлоги колоды для пчелъ, такъ медвѣдь испугалъ его и гонялъ всего три дня тому назадъ. Теперь больше онъ слѣдовъ не даетъ — значитъ легъ. Берлогу медвѣдя Катанаевъ знаетъ, потому что былъ въ ней настоящимъ лѣтомъ. Между тѣмъ мы все время ѣхали рысью. Съ большимъ напряженіемъ можно было разсмотрѣть по сторонамъ высокія горы, теряющіяся наверху еще въ болѣе густомъ туманѣ. Въ шагѣ отъ нашихъ лошадей, нѣсколькими аршинами ниже, сердито шумѣла Алматинка. Въ туманѣ показывались по временамъ, будто изъ воды, закуржувѣвшіе киргизы (куржа — изморозь); они везли лѣсъ на базаръ въ Алматы. Хворостомъ были навьючены нѣкоторые волы; другіе же тащили за собою длинныя бревна, привязанныя однимъ изъ комлей къ сѣдлу.

За густымъ туманомъ, который не только не разсѣивался, а какъ будто увеличивался, ничего нельзя быдо видѣть по сторонамъ. Изрѣдка надъ головой раздавался лай собаки. Начнешь смотрѣть и сквозь густую

куржу разберешь аулъ, раскинувшійся на крутой покатости. Изрѣдка увидишь здѣсь и стада, а по другую сторону узкой дороги шумитъ рѣка. На серединѣ пути мы переѣхали ее и поднялись по высотѣ лѣваго берега. Съ нея видны на противоположномъ берегу разные домики и хижины, — это живутъ сторожа пасѣкъ, которыхъ здѣсь многое множество. Чѣмъ мы выше поднимались по ручью, тѣмъ ниже спускались къ дорогѣ громадныя сосны. Впрочемъ, раньше, чѣмъ увидишь этихъ гигантовъ, разберешь цѣлыя сотни пней—слѣды цивилизующаго казачьяго элемента. Еще выше, тамъ, гдѣ ущелье загораживается почти отвѣсною покатостью, надъ которой виденъ громадный Алматинскій бѣлокъ, стоитъ небольшая хатка дровосѣковъ. Здѣсь нужно было оставить лошадей. Дровосѣки подтвердили, что недалеко отъ хатки они видѣли трехъ медвѣдей, и что, какъ выпалъ снѣгъ, такъ они и легли.

Позавтракавъ здѣсь, мы отправились въ боковую щель, гдѣ, по словамъ Катанаева, и есть медвѣди. Перейдя нѣсколько разъ черезъ рѣченку, занесенную глыбами снѣга, мы полѣзли на горную покатость по поясъ въ снѣгу. Катанаевъ, карабкавшійся выше насъ, осматривалъ надъ нами всѣ кустики, торчащіе между каменьевъ, и повернулъ направо. Здѣсь, на самомъ краю гранитнаго обрыва стояла группа большого ельника. Катанаевъ безмолвно показалъ на огромные слѣды медвѣдя, полузанесенные снѣгомъ, но еще настолько ясные, чтобы ихъ отличить. Должно быть, здѣсь, подъ соснами, любимое его мѣсто лѣтомъ. А мѣсто, дѣйствительно, было очень хорошо. Подъ густою купою деревьевъ была чистенькая площадка и, сидя на ней, можно было любоваться видомъ живописнаго ущелья и слушать ревъ потока, падающаго здѣсь со скалы саженъ въ десять высотою.

Отсюда мы пошли наверхъ. Нашъ путь былъ очень

труденъ. Чрезвычайно крутая покатость была засыпана густымъ, не держащимъ ногъ, снѣгомъ болѣе аршина глубиною. Подъ снѣгомъ лежала то мелкая осыпь, то огромные валуны, набросанные другъ на друга. Катанаевъ выбился изъ силъ. Мы стали отдыхать у нѣсколькихъ кустарниковъ тыволожанка, потомъ опять полѣзли наверхъ. Бабинъ ползъ впереди, надъ моею головою. Туманъ, подававшій нѣкоторое время видъ желанія разойтись, сгустился до нельзя. По временамъ виденъ былъ районъ около меня шаговъ въ двадцать въ діаметрѣ. Кругомъ же, и внизу, и вверху, волновалось туманное море. Изрѣдка изъ туманной мглы начиналъ идти снѣгъ. Порывистый вѣтеръ срывалъ снѣгъ съ покатости и сыпалъ въ глаза, — это разыгрывается горный буранъ.

Взобравшись на верхъ горы, мы обогнули сѣверную часть вершины и пошли книзу, въ ущелье, гдѣ долженъ былъ быть медвѣдь. Я усталъ до невѣроятной степени и, чтобы облегчить себѣ спускъ, садился вездѣ, гдѣ не было кустовъ, и скатывался книзу на спинѣ. Такого рода катанья хороши, когда есть кто-либо внизу, чтобы задержать, а то быстрота движенія становится чрезвычайно сильною по мѣрѣ того, чѣмъ дальше скатываешься. Прокатясь шаговъ съ пятьдесятъ, сдвинешь впередъ себя лавину снѣга. Послѣ часа спуска Катанаевъ объявилъ, что не можетъ познать ущелье. Когда онъ былъ въ берлогѣ, то снѣгу еще не было, а теперь всѣ щели словно совсѣмъ другія. Если бы хоть бурана не было, то берлогу можно бы было познать по тому, что вся трава покуржувѣетъ, а теперь все занесено куржею... Что же дѣлать? Бранить нельзя; сердиться — смѣшно. Пойдемъ къ хаткѣ. Часовъ около четырехъ послѣ обѣда мы были у дровосѣковъ. При спускахъ съ горъ на спинѣ я перемочилъ себѣ все платье, — теперь оно опять замерзло и торчало торчкомъ. Полныя голе-

ница сапогъ были набиты снѣгомъ. Нужно было обогрѣться и высушиться. Я раздѣлся въ хаткѣ и сидѣлъ въ одной рубахѣ до тѣхъ поръ, покуда платье не было высушено.

Мы выѣхали домой, когда стало уже темнѣть. Несмотря на то, теперь было все-таки виднѣе утренняго. Огромныя горы, поросшія по покатостямъ елями, рисовались теперь въ темнотѣ гораздо яснѣе, чѣмъ въ утреннемъ туманѣ. Дорога падала круто внизъ по мѣрѣ нашего движенія впередъ; это можно было судить по необходимости сидѣть, отвалившись совершенно назадъ. По обледенѣлымъ косогорамъ лошади скользили всѣми четырьмя ногами, грозя покатиться въ шумящую подъ ногами Алматинку. Въ горныхъ щеляхъ виднѣлись огни ауловъ. Киргизскія собаки, заслышавъ издалека наше приближеніе, кидались съ воемъ и лаемъ на дорогу. Выѣхавъ изъ ущелья, можно было поздравить себя съ тѣмъ, что во время карабканья утромъ по горамъ и во время ѣзды ночью по скользкимъ косогорамъ никто не сломалъ себѣ шею.

25-го ноября. Укладывались и приготовлялись къ дорогѣ. Погода стоитъ пока хорошая. Вершины всѣхъ горъ видны основательно во всей своей причудливой красотѣ. Всѣ онѣ отъ основанія до вершины одѣты сплошнымъ бѣлымъ снѣгомъ, изъ котораго торчатъ темныя сосны. Я не осматривалъ всѣхъ станицъ, составляющихъ Вѣрное, за недосугомъ и отложилъ этотъ осмотръ до слѣдующаго года. Сегодня ходилъ въ артиллерійскій складъ и смотрѣлъ оружіе и пушки, отбитыя у коканцевъ подъ Пишпекомъ и Узунъ-Агачемъ.

Сегодня были у насъ почетнѣйшіе старшины калмыковъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ чинъ китайскаго полковника. Это дикари въ полномъ значеніи слова, отъ которыхъ нельзя было добиться ничего толковаго. Впро-

чемъ, начальникъ Алтынъ-Имельскаго отряда, конной артиллеріи поручикъ Рейнталь, представлявшій намъ калмыковъ, сказалъ, что вся калмыцкая армія должна завтра приблизиться къ Алматамъ, и что онъ повернетъ ихъ съ проселочной дороги на почтовую, такъ что мы при проѣздѣ увидимъ ихъ.

26-го ноября. Выѣхали довольно поздно. Верстахъ въ пяти отъ Вѣрнаго встрѣтили передовыхъ калмыковъ, разбивающихъ свои коши около лога, въ которомъ текъ какой-то ручей. Тутъ же выстроенные въ нашу честь конвойные казаки по командѣ Рейнталя выкинули намъ колѣнцо шашками и пиками. Калмыцкіе старшины присѣдали намъ по-китайски, чуть не до земли. Одѣты они были въ китайскіе халаты. По одной сторонѣ болталась длинная, грязная коса черныхъ волосъ, а за поясомъ виднѣлась у каждаго китайская трубочка. Калмыки невообразимо неопрятны и киргизы, стоявшіе около нихъ, казались чрезвычайно цивилизованными по чистотѣ лица, рукъ и костюма. Впрочемъ, неопрятность взрослыхъ калмыковъ не давала понятія объ идеальной неопрятности дѣтей. Это были комы грязи въ грязныхъ волочащихся по землѣ лохмотьяхъ. Почти у всѣхъ отъ постоянной неопрятности носовъ образовались на верхней губѣ раны, окруженныя грязной каймой. Уродливыя приземистыя женщины отличались отъ мужчинъ большимъ безобразіемъ, большею неопрятностью и двумя косами, болѣе грязными и болѣе длинными, чѣмъ одна мужская. Эти косы висѣли спереди. Въ нихъ были вплетены фальшивые волосы, вѣроятно, чтобы удлинить ихъ, а къ самому концу привѣшены довольно толстыя подвѣски, сплетенныя изъ волосъ же. Подвѣски очень похожи на сплетенную часть султана отъ кэпи. Въ ушахъ женщинъ виднѣлось множество бусъ, изъ которыхъ были сдѣланы ожерелья и браслеты. Женщины тоже

всѣ курили. Рейнталь пояснилъ, что курятъ и всѣ дѣти, исключая дѣвочекъ, которымъ не даютъ курить, «чтобы сердце не стало мягко», до выхода замужъ.

Калмыки сейчасъ же принесли намъ жалобу на одного изъ своихъ, укравшаго двухъ лошадей у своего товарища. Если бы не русскіе, они давно осудили бы его на смерть, такъ пояснили калмыки Рейнталю. Выслушавъ жалобу калмыковъ, мы предложили выбрать обѣимъ сторонамъ біевъ, судомъ которыхъ и рѣшить дѣло. Біи начали разбирать, а мы пошли смотрѣть странную картину народа, разбивавшаго коши на ночлегъ.

Надъ постепенно поднимающеюся долиною виднѣлись высокія Алатавскія горы, бѣлѣющія яркою бѣлизною. Тутъ, около лога, толпилась грязная толпа людей, суетившихся около остововъ кошей. Кое-гдѣ бродилъ тощій скотъ, лаяли и выли собаки, съ дикимъ видомъ визжали дѣти, барахтались по землѣ грудные ребята, и все это было тоще, голодно, грязно, неописанно грязно. Фатальна судьба злополучныхъ калмыковъ! Всѣ ихъ трепали и трепали основательно: китайцы, русскіе, киргизы, теперь опять киргизы съ дунгенями. Изъ ойратской державы, имѣвшей такое значеніе для судьбы всей Средней Азіи, — вотъ обломки, едва тащащіе ноги отъ холода и усталости! Какая разница съ временами Галданъ-Цырена! Теперь они въ виду Алматовъ, какъ бѣглецы, принятые изъ милости, а немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ Алматы, или вѣрнѣе мѣсто, на которомъ они стоятъ, были укрѣпленною зимовкою брата Галданъ-Цырена!... Мы стали раздавать дѣтямъ мелкое серебро. Уродливыя обезьяны кувыркались передъ нами, становясь на колѣни, вѣроятно, продѣлывая то, чему ихъ учили китайцы. Между тѣмъ, біи окончили свой судъ. Обѣ спорящія стороны пошли на мировую. Тотъ, у котораго были украдены лошади, прекращалъ свою претензію. — Богъ дастъ, зятья съ нимъ будемъ, пере-

далъ онъ переводчику, указывая на того, кого онъ называлъ воромъ.—Какимъ же это образомъ?—Онъ мнѣ на мировую свою дѣвку отдаетъ.

А что ни говори, много услугъ оказываетъ Россія цивилизаціи, двигаясь далѣе и далѣе въ глубь Азіи. Безпристрастный историкъ дастъ настоящую цѣну когда нибудь великому историческому назначенію Россіи, которое она выполняетъ лучше и умнѣе, чѣмъ управляется сама внутри. Тамъ, гдѣ утвердилась желѣзная нога Россіи, невозможны эти баранты на большой масштабъ, которыя въ Азіи называются войнами, какъ невозможны переселенія цѣлыхъ племенъ, бросающихъ все, чтобы вынести и спасти только жизнь свою и своихъ дѣтей! Не такимъ ли образомъ совершалось переселеніе народовъ въ средніе вѣка?...

Отъ калмыковъ мы быстро проѣхали до Илійскаго укрѣпленія. Дорога — хоть шаромъ покати. Снѣжинки ни зерна. Въ укрѣпленіе мы пріѣхали, когда стало уже темно, и рѣшились переждать здѣсь восхода луны.

27-го ноября. Часа въ два ночи переѣхали на паромѣ черезъ Или. По рѣкѣ шла негустая шуга. Луна ярко освѣщала холодную рѣку и пустынные берега. На лѣвой сторонѣ виднѣлся огонь на станціи — блокгаузѣ, по окнамъ выселка также бѣгали свѣтлыя точки. Съ трудомъ потащились мы по песчаному берегу рѣки.

. . . .

Станціи за двѣ до Копальскаго Алатау сталъ попадаться снѣгъ, самые же горные отроги были имъ покрыты сплошь. Снѣгъ недавно выпалъ, дорога была не разъѣзжена; лошади останавливались, сдѣлавъ сотню шаговъ. Въ Копалѣ бросили тарантасы и купили кошевыя сани [1]); пріѣзжіе разсказывали, что за горами

[1]) Такъ называются въ Сибири сани, которыхъ корпусъ сдѣланъ изъ войлока, оплетеннаго веревками.

отличная зимняя дорога. Помощію саней мы дѣйствительно подвинулись къ сѣверу до Аркатскихъ горъ, что въ Сергіопольскомъ округѣ. Тутъ опять ни капли снѣгу. Станцій шесть пришлось дѣлать въ саняхъ по голому камню и терпѣливо выслушивать раздирательные звуки, производимые ёрзаніемъ желѣза по остріямъ сланцевъ и по крутому песку. Не доѣзжая до Аркатской станціи, на одномъ крутомъ косогорѣ сани положило на бокъ. Послѣ тщательнаго осмотра, ямщикъ пояснилъ, что «подрѣзы и полозья съѣло камнемъ до самыхъ копыльевъ». Пришлось бросить сани. Проѣхали еще немного—опять купили сани. Впрочемъ, даже тамъ, гдѣ установилась санная дорога, пришлось мучиться не мало. Въ прогалинахъ снѣгъ дѣйствительно лежитъ толстымъ слоемъ, прикрывая своею блестящею цоверхностью и землю, и растенія; только кое-гдѣ изъ-подъ него поднимается высокая желтая трава, опорошенная инеемъ такъ, что каждый стебелекъ кажется толстымъ сучкомъ. Тутъ ѣхать хорошо; а вотъ на буграхъ, подверженныхъ дѣйствію зимнихъ вѣтровъ, просто бѣда—весь снѣгъ сдуло.

Смотря кругомъ на степь, кажущуюся безконечно ровною, не замѣчаешь такого разнообразія: тамъ разстилается покрытая бѣлымъ саваномъ мертвая и однообразная пустыня. Кругомъ ни живой души, ни одного предмета, на которомъ могло бы остановиться вниманіе; развѣ очень рѣдко затемнѣетъ гдѣ-нибудь тальникъ, которымъ поросли берега какой-нибудь рѣченки, или вытянется плотнымъ строемъ желтоватый камышъ, признакъ присутствія озера или болота. Иногда въ подобныхъ мѣстахъ замѣтишь струйку бѣлесоватаго дыма, чуть замѣтно курящуюся надъ кустами или камышемъ. Внимательно всматриваясь въ мѣсто, откуда поднимается дымъ, съ трудомъ различишь темный корпусъ юрты, опорошенный снѣгомъ, и загоны для скота, безпоря-

дочно сложенные изъ вѣтвей. Около зимовки проложено нѣсколько сильно умятыхъ темныхъ тропинокъ. Изъ чащи тальника или камыша выползаетъ киргизка съ кожанымъ ведромъ въ рукѣ, выбѣжитъ куча ребятишекъ, сопровождаемая разношерстною стаею собакъ. Ребятишки, кажущіеся шариками, отъ множества разной рухляди, въ которую они одѣты, замахаютъ руками, закричатъ и запищатъ, глядя на проѣзжихъ; собаки съ поднятою на спинѣ шерстью бросятся на лошадей съ злобнымъ лаемъ и провожаютъ сани до тѣхъ поръ, покуда не охрипнутъ... Потомъ опять безжизненная пустыня.

Изрѣдка можно видѣть, что по сторонамъ снѣгъ истоптанъ въ разныхъ направленіяхъ. Многочисленные слѣды, покрывающіе степь. группируются болѣе у ямъ, вырытыхъ въ снѣгу до самой земли, съ ощипанною травою на днѣ ихъ. Здѣсь паслись табуны лошадей. На пути отъ Вѣрнаго до Семипалатинска намъ нѣсколько разъ приходилось проѣзжать чрезъ табуны коней, обыкновенно далеко разбросавшихся во всѣ стороны. Вотъ цѣлый косякъ, отдѣлившись отъ табуна, разсыпался по далекому косогору, темнѣя, будто камни, разбросанные по покатости, тогда какъ другія лошади пасутся у дороги или чернѣютъ чуть замѣтными точками по другой сторонѣ степи. Однѣ, взъерошивъ шерсть, неподвижно стоятъ хвостомъ къ вѣтру; другія бродятъ, отыскивая кормъ; третьи бьютъ копытомъ по снѣгу и разгребаютъ его, чтобы добраться до травы. Кругомъ, оглядывая лошадей, разъѣзжаютъ киргизы-табунщики; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ длинныя пики, украшенныя толстымъ пучкомъ конскихъ волосъ. Бараны умѣютъ копытить кормъ едва ли еще не искуснѣе лошадей. Ловко и быстро выколачиваетъ баранъ своими острыми копытцами ровную круглую впадину и доберется именно до той травы, которую онъ любитъ употреблять въ

пищу. Только бараньи стада не раскидываются на такое большое разстояніе, какъ табуны, а держатся въ тѣсной кучѣ.

Зимній ландшафтъ степи до такой степени пустыненъ, что видъ пасущихся табуновъ и стадъ доставляетъ величайшее развлеченіе; только жалѣешь, что они встрѣчаются рѣдко. Отъ нечего дѣлать станешь разсматривать многочисленные слѣды звѣрей, проложенные по гладкой поверхности степи: утѣшаешься тѣмъ, что не все еще замерло въ этой пустынѣ. Вотъ около самой дороги оставилъ свѣжіе слѣды волкъ, бродившій здѣсь сегодня утромъ. Согласно своему серьезному характеру, онъ двигался около дороги прямо, изрѣдка тодько подходя къ колеѣ для какихъ-то наблюденій. Совсѣмъ иначе велъ себя зайченокъ, который тутъ же безъ нужды и толку напуталъ петли своего малика, или лисица во всѣхъ направленіяхъ пересѣкшая дорогу своими аккуратными, словно по ниточкѣ размѣренными слѣдами. Если одинъ волчій слѣдъ сходится съ другими, волчьими же или лисьими, смотрите по сторонамъ: тамъ непремѣнно гдѣ-нибуть лежитъ полузасыпанный снѣгомъ костякъ быка, отороченный бахромою недоглоданнаго замерзшаго мяса. По сторонамъ его снѣгъ истоптанъ ночными посѣтителями скелета—волками и лисицами.

Волкъ едва ли не единственный плотоядный звѣрь, распространенный на земномъ шарѣ отъ полюсовъ до экватора. Въ тропическихъ лѣсахъ Америки онъ водится въ огромнонъ количествѣ; но не мало волковъ и въ тѣхъ полярныхъ странахъ, гдѣ едва замѣтны рѣдкіе слѣды пребыванія другихъ звѣрей. Невольно спросишь, вмѣстѣ съ Майнъ-Ридомъ: какъ можетъ волкъ находить тамъ достаточное количество необходимой для него пищи?

Часть территоріи, принадлежащей гудзонъ-байской компаніи, къ сѣверо-востоку отъ Гудзонова залива,

носящая названіе Проклятой земли, представляетъ зимою совершенную пустыню. Кромѣ самаго незначительнаго количества мышей, горностаевъ, зайцевъ, лисицъ и совъ, остающихся здѣсь на зиму, все прочее уходитъ или улетаетъ на югъ. Между тѣмъ, каждый разъ, когда служащимъ въ компаніи приходится проѣзжать по пустынямъ и голымъ скаламъ Проклятой земли, волки являются у нихъ на слѣдахъ и движутся за ними неустанно день и ночь. Ежедневно путники будутъ видѣть волчью стаю; еженощно будутъ вблизи слышать ихъ завываніе, видѣть кругомъ бивуака фосфорическіе огоньки свирѣпыхъ глазъ, и горе тому, кто отдѣлится отъ товарищей безъ надлежащаго оружія, горе всѣмъ, если съѣстные припасы останутся безъ надлежащей охраны.

Судя по описаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, я воображалъ себѣ такими же и азіатскихъ степныхъ волковъ, и воображалъ невѣрно. Характеръ здѣшнихъ волковъ сложился иначе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что они обезпечены обильною пищею, находимою ими въ киргизскихъ стадахъ. Въ качествѣ единыхъ пастырей многихъ стадъ, они держатся исключительно близъ ауловъ. Стоитъ волостямъ перекочевать—и волки исчезаютъ изъ извѣстной мѣстности вмѣстѣ со стадами. Обезпеченность положенія, уничтожая неизбѣжность риска, дѣлаетъ волковъ киргизскихъ степей страшными трусами. Много разъ во время ночлеговъ по киргизскимъ ауламъ мнѣ приходилось слушать баталіи собакъ съ волками у самыхъ стѣнъ юрты; еще чаще доводилось слышать про похищенія скота, но, давая себя знать безпрерывно, волки оставались незримы. Мнѣ объяснили мѣстные жители, что степные волки боятся вида человѣка. Въ теченіе полугода я видѣлъ въ степяхъ только одного волка, да и то едва двигавшагося за старостью. Кстати, нельзя здѣсь не припомнить разсказы Аткин-

сона про ночныя нападенія степныхъ волковъ на бивуаки путешественниковъ, нападенія, противъ которыхъ приходилось обороняться нѣсколько разъ повторенными ружейными залпами. Подобные разсказы такъ же вѣрны, какъ вѣрно многое въ мемуарахъ Аткинсона о Киргизскихъ степяхъ.

Во время скучнаго пути, смотря на слѣды волковъ, невольно перебираешь все это въ головѣ. Приходитъ почему-то на память Проклятая земля и отсюда выводишь странныя заключенія. Хоть бы теперь увидѣть еще одного волка, думаешь, глядя на степь; но однообразно и безжизненно протягивается во всѣ стороны далекая равнина, пустынно и мертво кругомъ.

И все-таки не очень бы хандрилось, если бы можно было ѣхать шибче, чѣмъ мы ѣхали, если бы лошади шли хотя трухою. При быстромъ движеніи мысли становятся свѣжѣе, зло проходитъ и на лошадей, и на ямщика, и на окрестность смотришь иногда добродушнѣе. Но что за мука ѣхать десятки дней, ѣхать день и ночь, и дѣлать въ сутки не болѣе какъ по три станціи. А такимъ манеромъ ѣхали мы, злополучные, отъ Вѣрнаго до Семипалатинска. Ночь смѣняла день, день замѣнялся ночью — мы все сидѣли въ саняхъ, не смѣя мечтать о возможности отдохнуть когда-либо. Наступитъ темнота, съ нею на всемъ небосклонѣ зажигаются звѣзды яркимъ, но холоднымъ блескомъ. Когда не спится, закинешь голову на подушку и долго глядишь на ихъ дрожащій, мигающій свѣтъ, и чего-чего только не лѣзетъ въ это время въ голову... Мы ѣхали все время на сѣверъ. Впереди постоянно виднѣлась Большая Медвѣдица и не могъ я смотрѣть на нее, не вспоминая легенды, которую связываютъ съ нею киргизы.

Помню: однажды ночью я ѣхалъ въ предгоріяхъ Алатау съ нѣсколькими киргизами. Параллельно тропинкѣ, по которой шли наши кони, ревѣлъ и клоко-

талъ сердитый Караталъ, ворочая по наклонному дну округленные камни. Бѣлая пѣна виднѣлась по берегамъ рѣки. За шумомъ и грохотомъ ея съ трудомъ можно было слышать другъ друга. Плеяды—часы путешественника въ пустынѣ—показывали за полночь. Ночь была холодная и ясная. Все небо горѣло звѣздами, которыя въ горныхъ странахъ кажутся гораздо ярче. Одинъ изъ товарищей, вытягивая заунывную пѣсню, глядѣлъ на небо. Что онъ думаетъ про эти блестящія точки, мистическій предметъ разныхъ сказаній и легендъ у всѣхъ людей, не имѣющихъ научной почвы подъ ногами? Можетъ быть, онъ молится? И мнѣ вспомнился лихорадочный францисканскій монахъ, товарищъ Гумбольдта по путешествію въ первобытныхъ лѣсахъ южной Америки, молящійся небу о дарованіи ночного покоя людямъ и звѣрямъ.

— Ты молишься?—спросилъ я своего товарища.

— Джокъ. У насъ нужно сойти съ лошади, чтобы дѣлать намазъ.

Ночныя думы сливаются съ дремою, и незамѣтно засыпаешь подъ сводомъ морознаго неба, покуда не разбудятъ сильный толчекъ или холодъ, обжигающій лицо.

Передъ разсвѣтомъ станетъ крѣпчать морозъ. Когда сѣрый утренній туманъ поразсѣется, бросишь кругомъ взглядъ — та же голь и пустыня. Для развлеченія принимаешься наблюдать заиндивѣвшіе хвосты и крупы лошадей, прислушиваться къ глухому побрякиванію ледяныхъ сережекъ, пучкообразно нависшихъ на щеткахъ ногъ. Смотришь на спину ямщика, на тряпку, которою обернуты его шея и часть затылка. Еле живыя лошади съ трудомъ волочатъ сани, которые ёрзаютъ всѣмъ дномъ по неубитой дорогѣ или царапаютъ камни и песокъ, издавая въ томъ и другомъ случаѣ печальные разнотонные звуки. Въ лицо летитъ мелкій снѣгъ, поднимаемый шарканьемъ лошадиныхъ ногъ въ рыхломъ

снѣгу. Усы и бакенбарды объиндевѣли, «окуржовѣли», какъ говорятъ въ Сибири, и прилипаютъ къ шубѣ. Воротникъ занесенъ инеемъ, который таетъ отъ дыханія по близости рта. Не знаешь, куда дѣть лицо и какъ усѣсться или улечься, чтобы спастись отъ вѣтра, снѣга, чтобы не чувствовать холодной сырости мѣхового воротника. А тутъ еще попадется ямщикъ, нагоняющій тоску и на сѣдоковъ, и на лошадей. Какъ сѣлъ на облучокъ, такъ и пошелъ напѣвать разныя присказки усыпляющаго свойства до слѣдующей станціи. Лошади притворятся что тяжело, да и движутся шагомъ войскъ Фридриха II. Что же это за пытка въ самомъ дѣлѣ; неужели такъ-таки и ѣхать все время?

— Ямщикъ!

Ямщикъ поворачивается и показываетъ красное обвѣтренное лицо, до носа подвязанное платкомъ. Это лицо вамъ кажется страннымъ, потому что по спинѣ ямщика вы представляли его себѣ совсѣмъ иначе.

— Вѣдь намъ были выставлены лошади?

— «Чего эта?»

— Намъ были выставлены лошади?

— «Кому эта?»

— Коммиссіи.

— «Были-съ.»

— Эти самыя?

— «Эти-съ.»

— Да вѣдь лошади, которыя были намъ выставлены, должны быть свѣжія, немореныя?

— «Грѣхъ сказать: кони были добрые.»

— Эти самые были выставлены?

— «Эти-съ.»

— Когда же вы успѣли ихъ такъ заморить?

— «Намъ что за корысть была морить ихъ? мы ихъ не морили... Эхъ, други, родные!.. Христосъ съ вами. голубчики!.. Но, но, но, но! выбивайтиси христовыи!..»

— Ты погоняй какъ слѣдуетъ!

— «Чего эта?»

— Ты погоняй какъ слѣдуетъ!

— «У, у, у, у! пристали, малинькіи!.. Вытягивай, вытягивай!., Но!.. стрѣльни тя въ голову! выручай, проклятая!..»

— Да ты погоняй толкомъ!

— «Чего эта?»

— Погоняй, чучело, хорошенько!

— «Какъ же еще погонять-та? Дорога неѣзженная, кони некормленные; ночью на нихъ пошта бѣгала; прямо съ выстойки и шлейки накинули!»

Вдругъ въ васъ закипаетъ лютая злоба и къ почтамъ, и къ некормленнымъ лошадямъ, и къ пресловутымъ степнымъ сообщеніямъ, и къ укутанному тряпками ямщику.

— Погоняй, говорятъ тебѣ! погоняй!! слышишь?! а то въ книгу на станціи запишу!

— «Какъ вашей милости будетъ угодно. Сами видите, кони мореные!»

— Ты на водку и не думай просить; не смѣй и показываться на станціи! слышишь?!

— «Слышу!»

Ну, и станетъ совѣстно, и усядешься поглубже да пососредоточеннѣе на мѣсто, а внутри желчь такъ и кипитъ и клокочетъ. Еслибы въ подобныя минуты реализировать злобные помыслы сѣдоковъ, то и лошади, и ямщикъ, и многіе другіе были бы немедленно аркибузированы.

Когда-нибудь доберешься и до станціи... Ввалишься въ комнату и сейчасъ же сбросишь съ себя теплое платье: иначе схватишь, какъ то и бывало, порядочную простуду. Оттаятъ сосульки на усахъ и бородѣ, загорятся лицо, руки, ноги—станешь отходить и крѣпко не хочется потомъ опять на морозъ. Справедливость требуетъ, од-

нако, замѣтить, что бывали и такія станціи, съ которыхъ мы сбѣгали съ большимъ удовольствіемъ. И теперь еще со страхомъ вспоминаешь про холодъ, искусно перемѣшанный на подобныхъ станціяхъ съ угаромъ, про разбитыя стекла, граціозныя кучечки снѣга на подоконникахъ, непритворяющіяся двери и проч. На такихъ станціяхъ съ особеннымъ злорадствомъ читаешь жалобную книгу и ужъ куда какъ хочется присоединить еще одну ехидную ябеду.

Къ счастью, во время пути не пришлось выдержать большого бурана. Это, говорятъ, серьезная вещь. Бураномъ называютъ въ Сибири и въ степяхъ зимнюю бурю, сопровождаемую снѣгомъ. Мятелью же здѣсь, какъ и у насъ, называется безснѣжный вѣтеръ, который, конечно, все-таки будетъ мести снѣгъ, уже лежащій на землѣ.

Я разскажу про буранъ словами нашего стараго знакомаго, казака Катанаева:

«За Аягузомъ пикетъ есть—Ащи-Булакскій прозывается. Какъ былъ резервнымъ, тамъ служилъ. Мнѣ все едино, гдѣ ни жить, звѣрь бы только былъ, а сѣраго звѣря у Ащи-Булака множество. Бывало, чуть солнце на закатѣ, сейчасъ ружье къ поѣди на сторожку ставишь. Самъ сплю, а ружье охотничаетъ; а то и конно, съ тамыромъ [1]), киргизцемъ Колчеякомъ, на волковъ бѣгали. Не по нраву это пришлось товарищамъ, да и пикетный урядникъ поперекъ моего промысла пошелъ. «Что ты, Алексѣичъ,—говоритъ,—бродяжничаешь? Другіе какъ люди на пикетѣ живутъ, а ты съ азіею по степи баландаешься».—Лучше, молъ, Иванъ Андреичъ, охотничать, чѣмъ на пикетѣ водку пить.—Только сталъ съ той съ самой поры пикетный меня съ летучками гонять; да разъ чуть не загубилъ меня на смерть. Было

[1]) Тамыръ—другъ, пріятель—соотвѣтствуетъ кавказскому кунакъ.

это лѣтъ шесть тому, зимою. На самаго на Кузьму и Демьяна, снимаю я это шкуру со звѣря на пикетѣ да трубочку покуриваю; тутъ же товарищи по домашности занимаются. Только слышимъ: на дворѣ погода стала разгуливаться, снѣгъ въ окошко пошло бросать. Былъ у насъ Степанъ Безпалый, дрянной казачишко, ругатель большой и сквернословъ. «Кого это дьяволъ принесъ въ такую пору?» говоритъ. Видимъ; вершникъ во дворъ въѣхалъ, весь закуржовѣлъ. По малости времени, пикетный дверь распахнулъ; «Алексѣичъ,—говоритъ,—живо бѣги верхи въ Арганаты летучку отдай пикетному».—Что вы, говорю, Иванъ Андреичъ? на дворѣ месть почало: ѣхать опасно!—«Ничего,—говоритъ,—сбирайся живѣе: вишь, два пера припечатаны»!

«Признаться, въ тѣ поры лапотинка была у меня какъ есть исправная; конь—одно слово: бѣгунецъ первѣйшій. Что же, думаю, Господь не попуститъ, свинья не съѣстъ. Поѣхалъ. Сперва побѣжалъ шибко: уйти хотѣлось отъ непогоды. Запримѣтилъ, что съ Балхаша дуетъ. Много, должно, ужъ проѣхалъ, а тутъ вѣтеръ съ другой стороны поворачивать сталъ и погналъ по степи снѣгъ съ Тарабагатая. Самый подлый этотъ вѣтеръ есть: завсега буранъ нагонитъ. Только подумалъ про себя это самое, повалилъ снѣжище. Замело, замело, замело, и сверху, и съ боковъ, и снизу — свѣта Божьяго не видно. Наступила стужа великая, даже окоченѣлъ весь. Вотъ я погрѣться, вотъ похлопывать, вотъ шевелиться—вижу, нейметъ. Плохо это дѣло, когда стужа осилитъ, даже нутро болитъ. А тутъ еще вѣтеръ съ разныхъ сторонъ вихремъ схватывается, въ воздухѣ замутило, глаза снѣгомъ захлестываетъ»...

«До той поры по памяти ѣхалъ, а какъ дорогу перемело совсѣмъ, далъ коню поводья; не то, думаю, пусть онъ дорогу отыщетъ, не то не знаю, что и будетъ... Проваливались мы это, по сугробамъ, проваливались,

давно ночь на дворѣ, а буранище дуетъ, что есть силы и конца краю ему не видно. Не былъ я тогда еще пужанъ, одначе страхъ разбирать сталъ. Что жъ? долго ли до грѣха? вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ».

«Была у меня старушонка-мать, дай ей Богъ царство небесное: какъ въ степь отпускала, много будетъ лѣтъ тому, ладонкою благословила, а въ той ладонкѣ тропарь Смоленской Божіей Матери зашитъ былъ. Помоложе былъ тогда: грѣшный человѣкъ—Бога не часто вспоминалъ; а тутъ, какъ замлѣніе находить стало, пришла мнѣ въ голову материнская молитва. Сошелъ я съ коня, хотѣлъ тропарь вспоминать... Чудное дѣло тутъ сдѣлалось... Должно, молитвы матушки дошли до Владычицы... Буранъ такъ и рветъ и воетъ; снѣгъ шумитъ, пересыпается и сквозь тотъ шумъ слышу матушкинъ голосъ божескія слова мнѣ говоритъ. Я даже затрясся весь и будто сталъ повторять: «не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ тебѣ, Богородица»... Обомлѣлъ совсѣмъ... Только сѣлъ на снѣгъ, почала стужа изъ нутра выходить, словно потеплѣло; страхъ отпущать сталъ и сдѣлалось мнѣ столь покойно и хорошо, будто послѣ охоты на нарахъ лежу... потомъ заснулъ, что ли?...»

«Ребята послѣ сказывали: буранъ поутру унялся. Выгнали табунъ въ степь. Въ скорости бѣжитъ назадъ пастухъ Ахметка. «Бѣда,—говоритъ,—Алексѣича лошадь одна въ полѣ стоитъ». Побѣжали казаки разыскивать, да и меня изъ-подъ сугроба вытащили. И какъ это только вышло? ѣхалъ я, ѣхалъ, а много коли трехъ верстъ до Аши-Булака не доѣхалъ»...

Ѣзда отъ Семипалатинска до Омска удобнѣе, чѣмъ до Вѣрнаго. Дорога хороша; везутъ скоро. Холодъ только ужасъ какой. Впрочемъ, 25° мороза въ началѣ декабря не считаютъ въ Сибири большою «стужею».

— Ну, матушка,—говорилъ я старушкѣ-хозяйкѣ на

станціи Соленной, заказывая ей самоваръ.—Хороша ваша Сибирь: экій вѣдь холодище.

— «Видишь самъ, какая у насъ Сибирь есть: не мшонная, студеная; а все же дѣло рукъ Господнихъ. Только теперь ты, баринъ, напрасно жалишься. Не время еще холоду. Какъ по вашему?.. По нашему отъ Спиридона-солнцеворота только стужа наступитъ. Отъ Спиридона-то солнце пойдетъ на лѣто, а зима на морозъ».

Напророчила старуха: съ 12-го декабря (день св. Спиридона) грянули такіе морозы, что страхъ, такъ и обжигаетъ все лицо, будто огнемъ. Утѣшительно то, по крайней мѣрѣ, что подобные морозы въ степи всегда сопровождаются полнѣйшимъ штилемъ: оттого страдаешь меньше, чѣмъ при сравнительно высшей температурѣ, сопровождаемой вѣтромъ. Кромѣ безвѣтрія, сильный морозъ въ степи сопровождается всегда густымъ туманомъ. Кажется, будто весь воздухъ обращается тогда въ иней. Мелкія чуть замѣтныя снѣжинки играютъ въ воздухѣ и дѣлаютъ его непроницаемымъ; только по бо́льшему или меньшему ихъ освѣщенію судишь о томъ, закрыто ли солнце, или нѣтъ.

Было больше 30° мороза, когда мы въѣзжали въ Омскъ. Глазъ, привыкшій въ семь мѣсяцевъ къ безпредѣльному горизонту, отсутствію гражданской жизни на европейскій ладъ, былъ пораженъ теперь городомъ, вообще говоря, бѣднымъ и дряннымъ. Церкви, минареты, каменные дома, лавки, опрятность на улицахъ, опрятные костюмы проѣзжихъ и прохожихъ, сытыя лошади, все это поражало теперь какъ образцы высокой цивилизаціи. Недаромъ средне-азіатцы считаютъ грязную Бухару послѣднимъ словомъ человѣческаго развитія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
5	5 сверху	Сѣдлицкимъ	Сѣдлецкимъ
13	5 снизу	Приазовскомъ	Приазовскимъ
84	17 сверху	даюьт	даютъ
90	14 „	восклычаніяхъ	восклицаніяхъ
154	14 снизу	Кмиматъ	Климатъ
174	4 „	среднеазіатскискихъ	среднеазіатскихъ
187	7 сверху	па правыхъ	на правыхъ
244	14 снизу	ханълыкъ	ханлыкъ
255	22 сверху	кюреге	кюрече
320	7 „	разсчетахъ	расчетахъ
350	6 „	джатаковъ	джетаковъ
370	16 „	вовее	вовсе
372	11 „	*тогасъ*	*Тогасъ*
383	1 „	чрезвычайно-уважающихъ	чрезвычайно уважающихъ
390	3 снизу	чрезчайно	чрезвычайно.
391	11 сверху	Арганотовъ	Арганатовъ
399	2 снизу	иа	на
404	16 „	отвѣтили—мы	отвѣтили мы
409	8 „	Зимовка	Зимовки
424	2 сверху	иригаціи	ирригаціи
430	5 „	дюнгеней	дунгеней
433	9 „	діи	біи
450	16, 15 снизу	Хебе-Амбань	хебе-амбань
480	3 „	джелаиру	джалаиру
486	8 сверху	не-видной	невидной
487	6 „	Коксуйскій, выселокъ	Коксуйскій выселокъ
488	12 „	зато	за то
490	5, 7 „	Са-Галдай	са-галдай
—	11, 14 „	Галдай	галдай
496	6 „	Атбасарскаао	Атбасарскаго
542	1 „	Санъ Ташъ	Санъ-Ташъ

Отъ 1го Меридiана
Отъ Пулкова
КАРТА
КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ
(ОБЛАСТЕЙ: ОРЕНБУРГСКИХЪ и СИБИРСКИХЪ КИРГИЗОВЪ,
СЕМИПАЛАТИНСКОЙ и ТУРКЕСТАНСКОЙ,)
СЪ
ПОГРАНИЧНЫМИ ЧАСТЯМИ СРЕДНЕ АЗIЯТСКИХЪ ВЛАДѢНIЙ.
МАСШТАБЪ 1/4200000
100 верстъ въ Англiйскомъ дюймѣ.
100 50 25 0 100 200 вер.
САРАТОВЪ
ОРЕНБУРГЪ
УРАЛЬСКАЯ
ТУРГАЙСКАЯ
ОБЛАСТЬ
АКМОЛИНСКАЯ
СЕМИПАЛАТИНСКАЯ
СИБИРСКИХЪ КИРГИЗОВЪ
Аральское Море
ХИВА
БУХАРА
АСТРАХАНЬ
ДЕРБЕНТЪ
БАКУ
КРАСНОВОДСКОЕ ПРИСТАВСТВО
ХОРОСАНЪ
МЕШХЕДЪ
КАРА ТУРКМЕНЫ
АХАЛЪ-ТЕКЕ
ТЕГЕРАНЪ
ОМСКЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
ТАШКЕНТЪ
КОКАНЪ
КАШГАРЪ
ЯРКЕНДЪ
ХОТАНЪ
КИТАЙ
Пески Мюнъ Кумъ
(Акъ Кумъ)
КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНIЕ А. ИЛЬИНА въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.